

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР  
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК  
ФОНД «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»  
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД «КАВКАЗ – НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»  
ФОНД РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «СТРАНА»  
РОСТОВСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОИСКОВАЯ  
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «МИУС-ФРОНТ»



## **ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ: СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ**

**Материалы IV Всероссийской научной конференции  
с международным участием,  
посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса  
(г. Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.)**

Ростов-на-Дону  
Издательство ЮНЦ РАН  
2023

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

В27

*Издается при финансовой поддержке  
Фонда «История Отечества»*

**Редакционная коллегия:**

академик РАН Г.Г. Матишов (отв. редактор),  
д.г.н. С.В. Бердников,  
к.филол.н. Н.А. Власкина, к.филол.н. Т.Е. Гревцова,  
д.и.н. Е.Ф. Кричко, к.и.н. М.В. Медведев, Р.Г. Михалюк

**Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы:** материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса (г. Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. – 624 с. – ISBN 978-5-4358-0252-8.

В сборник материалов IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы» вошли статьи, рассматривающие широкий круг вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на юге РСФСР/СССР. Особое внимание уделено актуальным проблемам историографии, новым подходам и источникам в изучении Великой Отечественной войны, специфике боевых действий на юге СССР в 1941–1943 гг., нацистской оккупации и сопротивлению захватчикам. Значительное место занимают темы взаимодействия власти и общества в годы войны, ее отражения в пространстве памяти и культуре Юга России.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

*Материалы докладов публикуются с сохранением авторской редакции.*

ISBN 978-5-4358-0252-8

© ЮНЦ РАН, 2023

FEDERAL RESEARCH CENTRE  
THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
THE 'HISTORY OF MOTHERLAND' FOUNDATION  
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY  
THE HUMANITIES FOUNDATION 'THE CAUCASUS – NEW HORIZONS'  
THE 'STRANA' FOUNDATION FOR REGIONAL STUDIES  
ROSTOV REGIONAL SEARCH  
PUBLIC ORGANIZATION 'THE MIUS-FRONT'



**THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORY  
AND MEMORY OF THE PEOPLES OF THE SOUTH OF RUSSIA:  
EVENTS, PARTICIPANTS, AND SYMBOLS**

**Proceedings of the 4<sup>th</sup> All-Russian Scientific Conference  
with an International Component and Dedicated to the 80<sup>th</sup> Anniversary  
of the Don and Donbass Regions Liberation  
(Rostov-on-Don, 5–8 July 2023)**

Rostov-on-Don  
SSC RAS Publishers  
2023

UDC 94(47)07/08(470.6)(063)

M39

*Published with the financial support  
from the 'History of Motherland' Foundation*

**Editorial Board:**

Academician RAS G.G. *Matishov* (Managing Editor),

Dr (Geography) S.V. *Berdnikov*,

PhD N.A. *Vlaskina*, PhD T.E. *Grevtsova*, Dr (History) E.F. *Krinko*,

PhD M.V. *Medvedev*, and R.G. *Mikhalyuk*

**M39 Matishov, G.G. (Ed.) (2023). The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols.** Proceedings of the 4<sup>th</sup> All-Russian Scientific Conference with an International Component and dedicated to the 80<sup>th</sup> Anniversary of the Don and Donbass regions liberation (Rostov-on-Don, 5–8 July 2023). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 624 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0252-8.

The proceedings of the 4<sup>th</sup> All-Russian Scientific Conference with an International Component 'The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, and Symbols' include articles covering a wide range of issues connected with the history of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the South of the RSFSR/USSR. The authors paid particular attention to the current problems of historiography, new approaches to and sources for the study of the Great Patriotic War, the specifics of hostilities in the south of the USSR in 1941–1943, the Nazi occupation and the resistance to the invaders. The significant place is assigned to the subjects of interaction of authorities and society during the war years, its reflection in the space of memory and culture of Southern Russia.

The publication is intended for researchers, teachers, graduate and undergraduate students, as well as readers interested in the considered subject.

**UDC 94(47)07/08(470.6)(063)**

*Proceedings are published preserving the authors' wordings.*

**ISBN 978-5-4358-0252-8**

© SSC RAS (2023)

## Предисловие

В 2023 г. исполняется 80 лет разгрому советскими войсками частей вермахта и его союзников в Сталинградской и Курской битвах, прорыву блокады Ленинграда и Миус-фронта, победам в Битве за Кавказ и в других решающих сражениях, предопределивших коренной перелом в Великой Отечественной войне. Началось освобождение Дона, Донбасса, Приазовья и других советских территорий от нацистской оккупации. В результате этих событий стратегическая инициатива в войне окончательно перешла к Красной армии, что дало мощный толчок подъему сопротивления народов оккупированной Европы против нацистов и распаду вражеской коалиции.

За десятилетия, прошедшие после Великой Отечественной войны, в память о ней на полях былых сражений, на братских могилах советских воинов и местах массового уничтожения мирного населения воздвигнуты величественные монументы. Война нашла свое отражение в многочисленных работах историков и публицистов, писателей и композиторов, художественных и документальных фильмах и других произведениях. Благодаря постепенному рассекречиванию архивных документов, широкой публикации мемуаров и других исторических источников мы узнаем все больше нового о событиях и участниках Великой Отечественной войны, порой отказываясь от некоторых прежних упрощенных оценок. Однако неизменными остаются наши представления о величии подвига народов Советского Союза, благодаря которому и была достигнута Победа в войне. Память о ней была и остается основой нашей национальной идентичности.

За двадцатилетний период существования Южного научного центра Российской академии наук его сотрудниками было проведено немало исследований в рамках государственных заданий и инициативных проектов, опубликованы сотни книг и статей, посвященных Великой Отечественной войне и другим событиям военной истории Юга России. Проблемы истории Великой Отечественной войны и сохранения памяти о ней неоднократно обсуждались на десятках научных мероприятий, проведенных ЮНЦ РАН, в том числе всероссийских и международных конференциях.

В предлагаемый вниманию читателей сборник материалов IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы» вошли 86 докладов 94 участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодарского и Ставропольского краев, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Кемеровской, Курской, Ростовской и Свердловской областей, Донецкой Народной Республики, Кабардино-Балкарской Республики, Луганской Народной Республики, Республики Башкирии, Республики Дагестан, Республики Калмыкии, Республики Коми, Республики Крым, Республики Северная Осетия – Алания, Чеченской Республики, а также из Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Абхазия. Особого внимания заслуживает многообразие направлений исследований участников конференции, среди которых не только историки, но и представители смежных научных специальностей.

Современные подходы и новые источники позволили представить в докладах участников конференции противоречивую динамику советско-германского противостояния на юге страны в 1941–1943 гг. и его результаты, охарактеризовать особенности повседневности и практики выживания человека в экстремальных условиях военного времени, выявить специфику отражения войны в различных формах исторической памяти и обстоятельства ее использования различными политическими силами на постсоветском пространстве. Значительное внимание уделяется проблемам нацистской оккупации, коллаборационизму части жителей и сопротивлению населения захватчикам в годы Великой Отечественной войны. Широко обсуждаются вопросы нанесенного оккупантами материального ущерба и людских потерь. Открываются ранее неизвестные факты нацистских преступлений, которые необходимо детально исследовать и дать им научную и общественную оценку.

В эпоху новых вызовов для России необходимо понимать всю опасность возрождения нацизма в сопредельных государствах, уделив особое внимание растущему числу фактов осквернения и сноса памятников и мемориалов советским воинам-освободителям, павшим в борьбе против нацизма, а также жертвам среди мирного населения от рук захватчиков и их пособников. Нельзя недооценивать угрозы

информационной войны, в которой немало места уделяется именно вопросам истории Великой Отечественной войны, попыткам приписать подвиг советского солдата-победителя. С постепенным уходом из жизни ветеранов Великой Отечественной войны задача отстоять нашу Победу в новых «войнах памяти» возлагается на следующие поколения победителей.

Уверен, что проведение конференции и издание сборника ее материалов станет не только важным историографическим фактом, способствующим дальнейшему осмыслению многих сложных вопросов истории Великой Отечественной войны, но и внесет свой вклад в сохранение памяти о ней как важнейшем событии нашей истории.

*Академик РАН Г.Г. Матишов*

# **Раздел 1**

## **Актуальные проблемы историографии, новые подходы и источники в изучении Великой Отечественной войны**

**В.С. Христофоров**

### **СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ (июль 1942 г. – февраль 1943 г.): новые документы и материалы**

Изучение истории советской разведки в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и документов отечественных спецслужб позволяет уточнить некоторые сюжеты военной истории, понять механизм принятия решений политическим руководством СССР по ключевым событиям военного времени.

Историографию советской разведки в годы Великой Отечественной войны можно условно разделить на два этапа: первый – июль 1941 г. – 1991 г.; второй – 1992 г. – настоящее время. На первом этапе в связи с тем, что архивы советских спецслужб были не доступны, научные работы о деятельности советской разведки носили закрытый характер и их готовил в основном профессорско-преподавательский состав ведомственных образовательных учреждений. В постсоветское время благодаря рассекречиванию архивных документов появились научные работы, посвященные деятельности разведки и контрразведки в различные периоды Великой Отечественной войны [1: 400–415; 5: 101–110; 11; 14; 15: 180–207, 249–315; 18: 187–358; 19–22].

Рассекреченные документы начали публиковаться в сборниках [2: 412–494; 8; 9; 11–13; 19], на их основе написаны воспоминания



участников Сталинградской битвы [3; 6; 10; 23], проведены исследования и классификация архивных документов [16; 17]. Учитывая, что разведывательные резидентуры действовали с позиций советских дипломатических представительств за рубежом, важную роль играют документы Архива внешней политики России [4].

Цель статьи – на основе изучения ранее неизвестных документов спецслужб и научной литературы проанализировать информацию советской разведки, добываемую во второй половине 1942 г., о позиции Англии и США по вопросу открытия второго фронта, отношении Турции к возможности вступления в войну против СССР, тактике германской армии в период Сталинградской битвы. Ограниченность объема статьи не позволит нам рассмотреть другие направления деятельности советской разведки.

Разведывательной работой за границей занималось 1-е управление НКВД СССР (начальник – П.М. Фитин) через резидентуры, которые во время войны действовали в Болгарии, Великобритании, США, Турции, Швеции, Японии и других странах [8: 8; 18: 204].

Для Государственного комитета обороны (далее – ГКО) СССР и Ставки Верховного Главнокомандования (далее – ВГК) была крайне необходима информация о планах союзников по антигитлеровской коалиции по открытию второго фронта в Европе. В конце июля и начале августа 1942 г. из Вашингтона и Лондона поступали материалы, свидетельствовавшие о том, что в США по вопросу второго фронта имелись большие расхождения во мнениях американского правительства и военного командования о месте и времени его открытия. Президент Рузвельт высказывался за операции в Северной Африке с целью завоевания полного господства в Средиземном море, а начальник штаба американской армии Маршалл полагал, что второй фронт следует открыть в Северной Франции. Наиболее подходящим сроком называлось лето 1943 г. В это же время шли дебаты и в Военном кабинете Англии, на заседаниях которого было принято решение второй фронт в 1942 г. не открывать [1: 209; 4: 90–100; 7: 339].

Добывание разведывательной информации о политических и военных планах Турции в период Сталинградской битвы было одной из приоритетных задач разведывательных резидентур в Анкаре и Стамбуле, Вашингтоне и Лондоне, Стокгольме и Токио. Важно было,

используя возможности союзников, не допустить перехода Турции на сторону стран «оси». Вторая не менее важная задача по Турции – это организация с ее территории разведывательной работы против Германии, а также выяснение характера отношений Анкары и Лондона [18: 205–206].

Резидентура НКВД СССР в Лондоне в июне и июле 1942 г. сообщала о том, что в Турции росло влияние Германии, турки постепенно склонялись в сторону держав «оси». Английское правительство с подозрением относилось к любым шагам германского правительства в отношении Анкары и убеждало турецкое и правительство объективно оценивать политику Берлина, направленную на втягивание Турции в войну. Министр иностранных дел Англии Иден и английские послы в Анкаре и Вашингтоне, используя свои возможности, предпринимали меры по удержанию Турции в фарватере внешней политики Лондона [7: 42–43].

Турция пыталась усидеть на двух стульях, лавируя между Великобританией и Германией. Турецкий посол в Лондоне всячески заверял Идена в том, что Анкара будет выполнять условия англо-турецкого союзного договора, продолжая быть буфером между Германией и Ближним Востоком, в том, что Турция не будет участвовать в войне против СССР. С другой стороны, Турция, заявившая о своем нейтралитете, в действительности поставляла Германии стратегическое сырье.

Турецкие дипломаты убеждали своих коллег и в Вашингтоне в том, что Анкара не намерена захватывать чужую территорию, но и никому не уступит своей. Данные советской разведки о нежелании Турции вступить в войну против СССР были весьма актуальными летом 1942 г.

Лондон посылал сигналы Анкаре, об этом тоже было известно советской разведке. Английская внешняя политика была направлена на сохранение тесных политических и экономических связей с Турцией, на развитие тесного послевоенного сотрудничества. МИД Турции пытался убедить английских дипломатов в том, что поставляемая Германией боевая техника сделает Турцию более сильной перед лицом немецких требований о пропуске войск. В Великобритании считали эти доводы неубедительными, так как с военной точки зрения получение немецких танков не могло особенно усилить турецкую армию для отражения немецкого вторжения, кроме того, Анкара попадала

в зависимость от Берлина в вопросе снабжения запасными частями к немецким танкам.

Резидент НКВД СССР в Анкаре в июле – августе 1942 г. сообщал в Москву о попытках министра иностранных дел Турции Сараджоглу через советского посла Виноградова получить сведения о позиции СССР по вопросу проливов, а также добиться послевоенных гарантий.

В июле 1942 г. советская разведка из разных источников получала сведения о передислокации турецких войск к границе с СССР, что вызвало обеспокоенность в ГКО и Ставке ВГК. И вновь проявилась двойственность турецкой политики. Анкара объясняла Лондону, что переброска турецких войск связана с отражением возможной попытки немцев высадиться на побережье и начать наступление в нефтяной район СССР, а Берлину – угрозами, связанными с концентрацией 25 русских дивизий на Кавказе, что не соответствовало действительности [7: 57].

Резидентура в Стамбуле в конце сентября 1942 г. сообщила в Москву о том, что в Майкоп, захваченный немцами в августе месяце, шли поезда с оборудованием нефтеперегонных заводов, демонтированных во Франции, а из Румынии – поезда с нефтяными трубами. Немцам нужна была майкопская нефть, и они приступили к монтажу оборудования нефтеперегонных заводов. Интересная информация была получена разведкой в сентябре 1942 г. об оценке румынского руководства возможностей бомбардировок Бухареста и Плоешти. В Румынии утверждали, что бомбардировки нефтяных промыслов страны английской авиацией маловероятны, так как англичане имеют там крупные капиталовложения.

14 октября 1942 г. из Стамбула пришло очередное сообщение, характеризующее общественные настроения в Турции. Политическая и военная элита прямо высказывалась за поражение России в войне с Германией, опасаясь в ином случае того, что русскую армию, выигрывающую сражения, Англия не сможет остановить и Турция будет первоочередной жертвой этой армии. В Анкаре считали, что если советские войска вступят на территорию Турции, то обратно они уже не уйдут. Это будет означать конец Турции как европейской и средиземноморской державы. Поэтому она испытывает большой страх перед Москвой и сильно желает ослабления СССР [7: 367].

Резидент НКВД СССР в Стамбуле 30 декабря 1942 г. сообщил о прогнозах турецких аналитиков по развитию отношений со странами антигитлеровской коалиции в военное и послевоенное время, о том, что союзники весной 1943 г. вторгнутся в Италию, чтобы вывести ее из войны. При этом эксперты, ссылаясь на мнение американских государственных деятелей, подчеркивали, что Турция должна будет определить свою позицию по отношению к союзникам после начала операции в Италии.

Анализируя возможное развитие послевоенной ситуации, турецкие аналитики, основываясь на информации, полученной от политических деятелей и представителей Госдепартамента США, полагали, что послевоенный порядок мира будет устанавливаться совместно Англией, Америкой, СССР и Китаем, при этом США будет играть основную роль.

Турецкие эксперты делали вывод о том, что Америка возьмет на себя руководство послевоенной мировой экономикой, будет пытаться за счет своей экономической и военной мощи одна сохранять мировой порядок и оказывать влияние на другие страны. Подготовка к этому в Вашингтоне уже началась.

Советская внешняя разведка в период с июля 1942 г. по февраль 1943 г. добывала информацию военного характера, касающуюся тактик и планов германской армии в битве за Сталинград. Такого рода информация была чрезвычайно важна для Ставки ВГК. Одним из основных каналов получения важных сведений были материалы английской разведки, доступ к которым осуществлялся неофициально. Английская разведка перехватывала и расшифровывала немецкие секретные радиogramмы, но не спешила делиться их содержанием с союзником – советской разведкой, что вынуждало ее искать другие пути доступа к ценным документам.

Так, в июле 1942 г. по каналам разведки были получены данные о составе Сталинградской группировки войск противника, в которую, помимо германской, входили румынские и итальянские армии, а также об основных направлениях их ударов [18: 210–211].

Анализ донесений немецкого командования, проведенный сотрудниками советской разведки, позволил выявить недостатки в маскировке сосредоточения частей Красной армии на некоторых участках

Сталинградского фронта, свидетельствовал об обнаружении противником советской авиации и ПВО на некоторых аэродромах в районе Сталинграда, передислокации советских войск на Кавказе, их концентрации в районе Ржева, строительстве оборонительной линии с установками для дальнобойной артиллерии и минными полями южнее и западнее Камышина, разгрузке в Гурьеве американских танков и машин, прибывших из Персидского залива, дальнейшей их транспортировке по железной дороге, прибытии в Сталинград новых резервов Красной армии.

В октябре – ноябре 1942 г. советская разведка получила ценную информацию о задачах и состоянии германских ВВС в районе Дона. Так, перед 8-м германским воздушным корпусом стояли задачи поддерживать ведение боевых действий германских 6-й армии и 4-й танковой армии в северной части Сталинграда и в районе Бекетовка – Красноармейск, проводить налеты на поезда,двигающиеся по железной дороге Астрахань – Красный Кут, 4-му германскому воздушному корпусу предписывалось вести бомбардировку нефтеперегонных заводов в Баку, а 1-му румынскому королевскому воздушному корпусу – проводить налеты на подвижной состав в районе Камышин – Иловлинская [7: 452].

В ноябре 1942 г. были получены данные о том, что германские военно-воздушные силы, действующие на южном участке Восточного фронта, испытывают трудности с горючим. Германские поезда, доставлявшие горючее на Сталинградский фронт, прибывали с большой задержкой, в связи с этим 4-й и 8-й германские авиакорпуса были обеспечены горючим на 1–2 дня [20: 61].

Кроме того, германская авиация, действовавшая на Кавказе и в районе Сталинграда, испытывала острые потребности в запасных частях, в том числе авиационных двигателях «As 410» (немецкий инверторный двигатель легкого самолета V-12 с воздушным охлаждением), что негативно сказывалось на ведении воздушной разведки. Из Сталинграда в Берлин направлялись срочные депеши с просьбой срочно доставить в распоряжение германской группы войск 14 авиационных двигателей «As 410» а также перебросить самолеты Fw 189 («фокке-вульф» – двухмоторный двухбалочный трехместный тактический разведывательный самолет) на пункт военно-воздушных сил Германии в Запорожье.

О том, что в германских войсках в районе Сталинграда складывалась критическая ситуация, свидетельствовал перехваченный приказ штаба 4-го германского воздушного флота от 21 ноября 1942 г., предписывающий наземному персоналу, находящемуся к востоку от Дона, собраться в западной Карповке, для того чтобы принять участие, в оборонительных боях по удержанию населенных пунктов к западу от Дона: Карповка, Обливская, Морозовский, Тацинская и Миллерово.

Другой важный приказ, перехваченный советской разведкой, был подписан 29 ноября 1942 г. начальником штаба германских ВВС. В нем предписывалось германской авиации в районе Дона днем и ночью бомбить скопления и передвижение войск Красной армии. Особое внимание обращалось на бомбежку советских войск, которые сосредотачивались напротив стыка итальянских и венгерских армий.

Одновременно ставилась задача добиться от итальянского и венгерского командования, чтобы их авиационные части также наносили бомбовые удары по частям Красной армии днем и ночью. Противник полагал, что систематическое проведение изнуряющих авиационных ударов, при должной координации действий нанесет существенный урон Красной армии и не позволит продолжать ей контрнаступление. Для повышения эффективности действий германской авиации требовалось взять на учет каждый самолет, увеличить число ночных вылетов. В приказе отмечалось, что в распоряжение командования германских военно-воздушных сил Дона направляется большее количество бомбардировщиков с необходимыми экипажами и техническим составом.

Для вскрытия концентрации сил Красной армии и подготовке их к наступлению германским ВВС на территории Дона поручалось круглосуточно вести воздушную разведку в той мере, в какой это позволит погода. Результаты воздушной разведки предписывалось немедленно передавать германскому военному командованию. Жестом отчаяния германского командования было указание оснастить все разведывательные самолеты бомбами, которые следовало сбрасывать в расположение противника.

Подводя итог нашего небольшого исследования, отметим, что новые архивные документы свидетельствуют о том, советская внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны обеспечивала политическое и военное руководство СССР ценной информацией

о планах стран гитлеровской коалиции, нейтральной Турции, чтобы не допустить ее втягивания в войну на стороне Германии, а также об отношении союзников – Великобритании и США – к СССР. Советская разведка внесла свой вклад в победу Красной армии в Сталинградской битве, своевременно обеспечивая командование ценной информацией военного и политического характера.

### Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013.
2. Великая Отечественная война. 1942 год: исследования, документы, комментарии. М., 2012.
3. *Воронин А.И.* Щит и меч Сталинграда. Волгоград, 1982.
4. Документы внешней политики СССР. 1942. Т. XXV: в 2 кн. Кн. 2. Июль – декабрь. Тула, 2010.
5. *Коровин В.В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 1998.
6. *Матвеев А.И.* 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. М., 2002.
7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. М., 2003.
8. Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 4. 1941–1945 годы. М., 2003.
9. Перелистывая документы ЧК. Царицын – Сталинград 1917–1945 гг.: сб. документов и материалов. Волгоград, 1987.
10. *Поляков М.Т.* Под чужим именем. Органы государственной безопасности: факты, лица, документы. Волгоград, 2001.
11. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: Энциклопедия. Волгоград, 2007.
12. Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.
13. Так сражались чекисты: сб. документов и материалов. Волгоград, 1974.
14. *Христофоров В.С.* Бои под Сталинградом глазами американского генерала (28 ноября – 7 декабря 1942 г.) // Труды Института российской истории РАН. 2013. № 11. С. 135–156.

15. Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности 1917-1991 гг.: учеб. пособ.; 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
16. Христофоров В.С. Материалы Центрального архива ФСБ России периода Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. М., 2005. № 3. С. 42–52.
17. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. Документы архивов ФСБ России // Новая и Новейшая история. 2010. № 5. С. 34–52.
18. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. М., 2011.
19. Христофоров В.С. СССР – Финляндия: противостояние 1941–1944 гг. М., 2018.
20. Христофоров В.С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008.
21. Христофоров В.С. Сталинград яркой звездой будет сиять на страницах истории // Родина. 2013. № 1. С. 24–28.
22. Цветков А.И. Органы безопасности в Сталинградской битве // Обозреватель (Observer). 2007. С. 38–49.
23. Чекисты в Сталинградской битве: Документы, воспоминания, очерки. Волгоград, 2002.

**А.Ю. Безугольный**

**ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ  
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ  
КОМИССИИ АКАДЕМИКА И.И. МИНЦА ИЗ НАУЧНОГО АРХИВА  
ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН**

В Научном архиве Института российской истории Российской академии наук хранятся уникальные документальные материалы, собранные образованной еще в ноябре 1941 г. Комиссией по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР. Комиссию возглавлял член-корреспондент, впоследствии академик, известный историк в области революционного движения Исаак Израилевич Минц. Кадровую и методологическую основу работы комиссии составила имевшая многолетний опыт по сбору материалов современной



истории главная редакция «Истории гражданской войны», которую также возглавлял Минц.

Первоначально комиссия была создана для сбора материалов об истории обороны Москвы, однако в последующем ее деятельность постоянно расширялась и усложнялась организационно, тематически и географически, что в конечном итоге позволило собрать весьма внушительный фонд, ныне содержащий почти 17,5 тыс. архивных дел, хранящихся в Научном архиве Института российской истории РАН. Он весьма разнообразен: это оперативные и политические документы воинских частей и соединений, выписки из газет, листовки, плакаты, материалы «активирования» (фиксации и подсчета ущерба от оккупации), трофейные документы и многое другое. Настоящей жемужиной коллекции, ее уникальным ядром, которое только начинает изучаться, являются материалы опросов (интервью) сотрудниками комиссии свидетелей тех исторических событий – военнотружущих и гражданских лиц.

Перед нами – живые люди во всей полноте их переживаний. Это как раз то, чего всегда не хватало советской историографии Великой Отечественной войны, которая в значительной степени унаследовала стиль и тон донесений армейских политорганов, приняв вместо живого человека его героический образ – немного лубочный, ходульный, прямолинейный, очищенный от сомнений и страстей.

Нашему поколению еще посчастливилось говорить с дедами о войне, однако живая память ветеранов спустя многие десятилетия уже дает сбой. Стенограммы интервью комиссии Минца по определению лишены временных абберраций. Это даже не воспоминания, а свежие, грубо говоря, вчерашние впечатления о боях, полные мелких, зачастую удивительных или страшных деталей. В записях фиксировались особенности индивидуального стиля и разговорной речи военнотружущих.

Беседы проводились, как правило, профессиональными историками по специально разработанному стандартизированному опроснику, нацеленному на сохранение всех впечатлений и оценок интервьюируемого. Среди опрашиваемых были люди разных воинских званий и должностей, полов, возрастов, национальностей. Их рассказы об одном и том же событии могут существенно отличаться друг от друга,

что дает историку дополнительную пищу для размышлений. Можно встретить целое архивное дело, в котором один бой или участие в одной операции описано 10–20 опрашиваемыми. Важно подчеркнуть и то, что на рассказчиков не давила готовая официальная трактовка исторических событий, в которых они участвовали, – таковой просто еще не было. В то же время интервью не лишены предварительной цензуры: все респонденты отбирались и инструктировались политорганами воинской части.

При этом нужно отметить, что не следует ждать сенсаций, которые перевернут наши представления о войне. Эти документы не смогут составить самостоятельную источниковую основу для изучения той или иной операции и даже истории той или иной дивизии. Однако отдельные сегменты истории Красной армии и Великой Отечественной войны не только охвачены весьма подробно, но и содержат уникальный исторический материал. К таковым можно отнести документы о московском ополчении, воинских частях, сражавшихся под Сталинградом и Севастополем, национальных дивизиях, укомплектованных уроженцами Прибалтики, ряде авиационных соединений. Подробно задокументирована история партизанского движения. 7240 дел с беседами и материалами о Героях Советского Союза (всего за годы войны удостоено этого звания более 11 тыс. чел.) позволяют рассчитывать на организацию научно обоснованного просопографического исследования этой категории военнослужащих.

В советское время материалы комиссии не носили грифа «секретно», но и крайне редко использовались в публикациях, не говоря уже о том, что документы личного происхождения имели второстепенное значение по сравнению с официальными документами органов власти и военного управления. Количество обращений к фондам комиссии и публикации ее материалов можно сосчитать по пальцам. Невостребованными они оставались и в 1990–2000-х гг., хотя именно этот период характеризуется всплеском интереса общественности к «окопной правде», «правде о войне». Большую популярность приобрел жанр солдатских мемуаров, многие рядовые воины получили возможность высказаться, и это дало большое прибавление корпусу текстов о войне. Сериями таких публикаций отметились многие книжные издательства, дав слово как еще живым ветеранам, пронесшим память о войне

через всю жизнь, так и рукописям, долгие годы пролежавшим в столе и остававшимся невостребованными по идеологическим или иным причинам. Однако и этот источник личных знаний о войне неминуемо и безвозвратно иссякает с уходом ее участников.

Между тем интерес российского общества к личной истории человека на войне год от года лишь растет. Этому способствует наращивание мощностей электронных ресурсов. Сейчас крупнейший, не имеющий аналогов в мире биографический ресурс «Память народа» позволяет не просто найти своих предков, воевавших на фронте, но дает возможность с большой точностью восстановить их боевую судьбу: звания и должности, места службы, награждения, ранения, место гибели и захоронения. Не выходя из дома, человек может проделать работу, на которую прежде уходили годы архивного поиска.

На фоне роста интереса к источникам личного происхождения неизбежно возрастет и интерес к материалам комиссии. Они, подобно полезным ископаемым, залегают не на поверхности, а требуют профессионального научного поиска, анализа и публикации. Может быть, поэтому очередь до них дошла только сейчас. Количество публикаций постоянно растет. В 2013 г. опубликованы стенограммы бесед с жителями Харькова об обстоятельствах оккупации города [3]. В 2014 г. большой корпус документов «покрышкинской дивизии» (9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии, которой командовал трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин) опубликовал А.В. Марчуков [5]. В 2012–2015 гг. под редакцией Й. Хелльбека (США) вышло несколько изданий свидетельств участников и очевидцев Сталинградской битвы [12, 14, 16]. Было опубликовано около 100 интервью как с военнослужащими Красной армии, так и с простыми жителями осажденного города. В 2015 г. вышла и коллективная монография о работе самой комиссии [2].

В последние годы материалы комиссии вызывают всё больший интерес историков. В маленьком читальном зале можно постоянно встретить одного-двух исследователей. Сам Институт российской истории РАН в 2020 г. издал большой документальный сборник об освобождении территории Крыма в 1943–1944 гг. [4]. Сотрудник института А.В. Марчуков в 2023 г. опубликовал объемный сборник

интервью с командованием, летчиками и техническим персоналом 3-й гвардейской истребительной дивизии [6].

Документы комиссии вовлекаются в научный оборот также при изучении Битвы за Москву и истории московского народного ополчения. В документальных изданиях Мосархива «Москва военная» и «Москва прифронтовая» использовано несколько интересных стенограмм [8, 9]. В последние годы они также использовались в нескольких больших документальных публикациях по истории московского ополчения [10, 11].

При знакомстве с перечисленными изданиями нельзя не отметить, что до сих пор научное использование материалов комиссии ограничивается в основном публикацией документов, то есть первичным введением их в научный оборот. В монографиях и статьях они используются совершенно недостаточно; отечественные аналитические публикации можно сосчитать по пальцам [1: 3–20]. В этом дальше продвинулись зарубежные историки, которые активно пользуются материалами архива, изучая трансформации советского общества и жизненные стратегии индивидов в условиях войны [7, 13, 15]. Тем не менее в целом уместно говорить о складывании нового жанра публикаций о Великой Отечественной. Изучение материалов комиссии обещает существенное приращение наших знаний, послужит важным дополнением к официальным материалам воинских частей и командования Красной армии и флота. Оно позволяет взглянуть на события, подробности которых, казалось, давно известны, с новых ракурсов, придать их освещению новые краски (если здесь уместен такой штамп).

### **Источники и литература**

1. Будницкий О.В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3–20.
2. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлёв. М.; СПб., 2015.
3. Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны / сост. С.М. Куделко, С.И. Посохов, Е.В. Дьякова. СПб., 2013.

4. «Здесь кровью полит каждый метр...»: Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг.: сборник документов / отв. ред. С.В. Журавлёв. М.; СПб., 2020.
5. *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941–1945. М., 2014.
6. *Марчуков А.В.* От Ржева до Берлина. Воины 3-й гвардейской истребительной авиадивизии о себе и боевых товарищах. М., 2023.
7. *Мегован Э.* Творческая тональность войны: о мобилизации советской интеллигенции на борьбу с врагом // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 3 (137). С. 102–116.
8. Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы / сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарев. М., 1995.
9. Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы / сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачев, А.Н. Пономарев. М., 2001.
10. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в документах. 1941–1945. М., 2020.
11. Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии / сост. Г.В. Никулина, Л.В. Пименова, А.Г. Попов, Ю.Т. Юшинский. М., 2019.
12. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / отв. ред. Й. Хелльбек. М., 2015.
13. *Cerovic M.* Les Enfants de Staline. La guerre des partisans soviétiques (1941–1944). Paris, 2018.
14. *Hellbeck J.* Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt am Main, 2012.
15. *Schechter B.M.* The Stuff of Soldiers: A History of the Red Army in World War II through Objects. Ithaca & London, 2019.
16. Stalingrad. The City That Defeated the Third Reich / ed. by J. Hellbeck. New York, 2015.

**С.В. Аристов**

### **«АРХИВЫ АРОЛЬЗЕНА» И ИХ ВОЗМОЖНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ НАЦИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ**

Термин «архивная революция», обычно ассоциирующийся со снятием значительного числа ограничений на использование материалов

архивов бывшего СССР и стран соцлагеря в начале 1990-х гг., может использоваться применительно и к тем процессам, которые происходят в последние годы повсеместно в мире. В данном случае имеется в виду процесс оцифровки огромного массива источников по самым разным историческим проблемам.

Одним из важнейших центров, в котором представлен значительный объем ранее неисследованных, но оцифрованных материалов по истории Второй мировой войны, являются «Архивы Арользена». В данной работе будет предпринята попытка продемонстрировать возможности этого архивного хранилища для исследователей на примере нескольких типов источников.

В 1943 г. международный отдел Британского Красного Креста получил запрос от штаба союзных сил на создание службы регистрации и поиска пропавших людей. Подобная организация была создана 15 февраля 1944 г. и получила официальное название «Центральное бюро по розыску» (“The International Tracing Service” (ITS, ИТС)). По мере развития боевых действий на фронтах бюро переезжало из Лондона в Версаль, затем во Франкфурт-на-Майне и наконец в Бад-Арользен, который занимал центральное положение среди оккупационных зон союзников и имел неповрежденную войной инфраструктуру.

1 июля 1947 г. управление бюро перешло в Международную организацию по делам беженцев, а 1 января 1948 г. оно было переименовано в Международную службу розыска. В апреле 1951 г. административные функции по управлению службой были переданы под юрисдикцию Союзной контрольной комиссии, а когда оккупационный статус Германии был отменен в 1954 г., управление Международной службой розыска было передано Международному комитету Красного Креста.

С момента создания задачей ИТС являлся поиск пропавших людей, выяснение их судеб, а также предоставление информации членам семьи с целью получения различных компенсаций. Однако в последние годы, с открытием архивов, возникли новые задачи, такие как научные исследования, образовательные проекты, оцифровка и описание документов, которые стали важнее задач поиска и выяснения судеб бывших жертв. Поскольку новые цели не являлись частью гуманитарной миссии ИТС, Международный комитет Красного Креста вышел

из управления службы в декабре 2012 г., и на данный момент «Архивы Арользена» финансируются правительством Германии [3: 8–12].

Проект «Цифровизация и доступность» был запущен «Архивами Арользена» в 2013 г. с целью создания цифровых копий всех документов и материалов, хранящихся в архивах. В рамках проекта была создана система сканирования документов и фотографий, а также методы индексации и обработки данных. Это позволило сканировать большое количество документов, а затем обрабатывать их таким образом, чтобы сделать доступными онлайн. На данный момент интернет-портал «Архивов Арользена» содержит более 30 миллионов записей и более 13 миллионов фотографий, документов и постоянно обновляется.

Усилия по цифровизации «Архивов Арользена» позволяют не только сделать эти материалы доступными исследователям и всем интересующимся историей Второй мировой войны, Холокоста, концлагерей, но и уменьшить риск их потери или повреждения. Также дигитализация способствует более эффективному применению ресурсов архивов, поскольку цифровые копии могут быть использованы не только для исследований и учебных целей, но и для создания публичных выставок и виртуальных музеев.

В то же время нельзя не отметить определенные ограничения, сохраняющиеся в отношении данных архивных материалов. Так, несмотря на усилия по расширению доступа к документальной базе, некоторые источники все еще остаются недоступными для открытого использования. Это связано с конфиденциальностью личной информации, а также соглашениями с правительствами стран, предоставивших информацию. Кроме того, многие материалы представлены на разных языках, с ошибками в транскрипции и транслитерации, что затрудняет их прочтение и перевод. Некоторые документы могут быть неполными или поврежденными [2: 109].

К наиболее крупным массивам документов в «Архивах Арользена» относятся:

- материалы о концентрационных лагерях: различные приказы руководства Третьего рейха и СС, распоряжения лагерной администрации, списки транспортов заключенных, свидетельства о смерти узников;

– документы о принудительном труде: записи, связанные с использованием труда нацистами, включая контракты, списки работников и информацию о рабочих условиях;

– файлы, содержащие личные сведения: архивы содержат миллионы личных файлов, включая информацию о тех, кто был вынужден покинуть свой дом, беженцах и жертвах преследований;

– документы о вынужденных переселенцах: хранятся обширные записи, связанные с лечением переселенцев после войны, включая регистрационные карты, медицинские записи и административные документы;

– данные о недвижимости во время Холокоста: архивные материалы содержат записи, связанные с конфискацией и передачей еврейской собственности, включая списки конфискованного жилья, соглашения о принудительной продаже и записи аукционов;

– документы службы по поиску людей после войны, связанные с работой самой организации, в том числе запросы о пропавших людях, переписка с семьями и файлы личных дел [1].

В качестве примера, демонстрирующего возможности материалов, хранящихся в Арользене, для изучения истории нацистских концлагерей, следует обратиться к двум наиболее массовым источникам – учетным карточкам и предварительным картам Холлерита узников.

Когда новый заключенный прибывал в концлагерь, на него создавалась учетная карточка, в которой указывались все основные персональные данные [4]. Эти карты создавались на основе информации из личных дел политического отдела, в которых могли находиться распоряжения о «превентивном аресте», краткие биографические сведения. Поскольку количество новоприбывших продолжало расти, заключенные-функционеры, обслуживавшие политический отдел, все чаще получали задание самостоятельно регистрировать новых узников. После того как учетные карточки заключенных были заполнены, они хранились в реестре гестапо и обновлялись, когда заключенный переводился в другой лагерь или умирал. Эти карточки и регистрационные формы заключенных были настолько важными документами, что к ним имел доступ очень небольшой круг заключенных-функционеров, а помещения, в которых хранились карточки, усиленно охранялись.



Внешний вид карточек менялся со временем, но они использовались во всех концлагерях до 1945 г. Около 1942–1943 гг. стало обязательным использование стандартизированных карт. Их цвет варьировался от желтого до зеленого и синего в основном из-за нехватки бумаги. Эти новые стандартизированные учетные карточки распечатывались в виде пустых форм в типографии Аушвица и распределялись в различные концлагеря. За один раз могло быть изготовлено до 500 тыс. копий.

Политический отдел лагеря отвечал за внесение идентификационных данных всех заключенных. Например, если узники бежали из лагеря, СС использовал информацию из их учетных карточек для поимки. Это объясняет, почему на карточке заключенного имелась колонка для описания внешнего вида, которое использовалось как своего рода профиль при розыске. По той же причине на некоторых учетных карточках также имеются портретные фотографии узников. В отличие от подробных учетных форм, карточки использовались только для записи основной информации. Поскольку переводы и перемещения в другие лагеря также отмечались на этих карточках, всегда можно было определить, где находился узник.

На обратной стороне учетных карточек были пустые места для предоставления информации, относящейся к трудовой деятельности заключенных: образование, профессия и опыт работы. В этих полях также должны были быть указаны рабочие задания и их продолжительность. Однако, поскольку в лагерях существовало специальное отделение для планирования трудовых заданий, эти поля зачастую оставались незаполненными.

Учетные карточки выдавались всем узникам, которые прибывали в концлагерь. При этом количество карточек, которые хранятся в «Архивах Арользена», сильно варьируется в зависимости от конкретного лагеря. В описи 1951 г. упоминается, что в Архивах хранится около 200 тыс. учетных карточек из Бухенвальда и более 8500 микрофильмованных карточек из Маутхаузена. Однако практически нет карточек из Дахау, вероятно, потому что они были уничтожены незадолго до конца войны. Кроме того, карточки не создавались для людей, которых СС убивали сразу после прибытия в концлагерь. Поэтому списки депортации узников обычно являются единственным источником информации о том, был ли человек отправлен в лагерь.

Если заключенный переводился в другой лагерь, в «Архивах Арользена» могут храниться несколько карточек. В некоторых случаях подобный дубляж возникал из-за хаоса в самой лагерной системе. Например, в сентябре 1944 г. некоторые из филиалов Равенсбрюка были переподчинены Бухенвальду. В результате, хотя женщины оставались в том же лагере, у них было две регистрационные карточки: одна из Равенсбрюка, а другая из Бухенвальда.

Важным источником, дополняющим информацию из регистрационных карточек узников, являются так называемые перфокарты Холлерита, а также их предварительные формы.

Технология Холлерита использовалась в нацистских концлагерях для автоматизации учета и управления заключенными. Каждый узник получал уникальный номер, который записывался на Холлерит-карту. Эти карточки содержали информацию о заключенных, включая их имя, пол, возраст, национальность, профессию, место рождения и данные о прибытии в лагерь.

Холлерит-карты затем использовались для учета труда узников, назначения на работу и определения их статуса (например, были ли они освобождены, переведены в другой лагерь или умерли). Они также использовались для учета животных, оборудования и материалов, которые использовались в лагерях.

Система Холлерита была эффективной в автоматизации процессов учета и управления заключенными, что позволило нацистам быстро и точно определять, сколько людей было у них в лагере, какой национальности они были и как могли быть использованы в качестве рабочей силы.

Создание технологий Холлерита было инициировано компанией IBM (называвшейся тогда “Tabulating Machine Company”) еще в конце XIX в. В 1890 г. было разработано и запатентовано устройство для автоматизации обработки больших объемов информации, называемое машиной для перфорирования картонных карточек. Эта технология была широко использована в США и других странах для автоматизации учета и обработки различных данных, включая переписи населения, учет финансовых операций, статистику производства и т.д.

В 1937 г., после прихода к власти нацистов, IBM заключила соглашение с Германией о поставке своих технологий и оборудования

для учета населения и промышленного производства. Эти технологии и оборудование были использованы нацистами для организации уничтожения сотен тысяч людей в концлагерях и гетто. Компания IBM продолжала работать с нацистами в течение всей Второй мировой войны, и ее технологии использовались для многих целей, включая военные и научные исследования [5].

Отдельное внимание следует уделить предварительным картам Холлерита, содержащим информацию в закодированном виде, которые могут дополнить сведения или стать единственным источником информации о заключенных, чьи персональные карточки и другие материалы не сохранились [6].

В поле «место отправки» могли быть введены три возможных кода: 01 – гестапо, 02 – крипо и 00 – если инстанция была неизвестна. Причина заключения также была закодирована в виде номера на перфокартах. Для этого использовались следующие числовые коды: 01 – политические узники / заключенные «превентивного ареста», 02 – Свидетели Иеговы, 03 – гомосексуалисты, коды 04 обозначали заключенных, которые были «опорочены» и изгнаны из вермахта, 05 – духовенство, 06 – коммунистов, сражавшихся против Франко. Евреи были отмечены цифрой 08, иностранные гражданские работники / узники принудительного труда (в том числе остарбайтеры) – 07, так называемые «асоциальные» заключенные значились под номером 09, а «профессиональные преступники» – 10. Заключенные в статусе «предварительного заключения» и «опасные преступники» были идентифицированы кодом 11, «цыгане» – 12, военнопленные – 13. Номер 14 представлял арестованных в ходе операции «Ночь и туман», или западноевропейских участников Сопrotивления. Уклонисты от работы отмечались кодом 15, а иностранные дипломаты – 16. В карту записывалась цифра 00, если категория заключенного не была указана.

Как и вся другая информация, основные лагеря были закодированы в виде числа: 01 – Аушвиц, 02 – Бухенвальд, 03 – Дахау, 04 – Флоссенбург, 05 – Гросс-Розен, 06 – Берген-Бельзен (на некоторых карточках под этим номером ошибочно был указан концлагерь Герцогенбуш), 07 – Маутхаузен, 08 – Нацвайлер, 09 – Нойенгамме, 10 – Равенсбрюк, 11 – Заксенхаузен и 12 – Штуттгоф. Иногда использовались трехзначные числа от 001 до 012, но они имели идентичные значения.

Каждому заключенному в концлагере присваивался номер, который был более важен, чем имя. Иногда в лагерях использовали один и тот же номер несколько раз, например, после того как большое количество узников были освобождены или переведены или когда заключенные умирали. Кроме того, узники почти всегда получали новый номер при переводе в другой лагерь.

Если заключенный был переведен, освобожден или умер, это отмечалось в поле *Abgangsart* («тип отъезда»). С-3 означало «смерть от естественных причин», хотя это также могло означать, что заключенный умер из-за условий жизни в лагере, или в результате медицинских экспериментов, или был застрелен при попытке бегства. Кодом D-4 обозначалась казнь, E-5 – самоубийство, а F-6 – «особое обращение», что означало убийство по указу. Освобождение имело код A-1, перевод в другой лагерь – B-2, а побег – G-7. Однако в подавляющем большинстве случаев эта информация не была отмечена на предварительной карточке Холлерита. Вместо этого ее можно найти в списках отправки или перевода.

Анализ карточек узников и предварительных карт Холлерита позволяет решить целый комплекс исследовательских задач. Во-первых, возникает возможность уточнить или впервые выяснить судьбы бывших узников концлагерей, сопоставить имеющуюся информацию с теми фактами, которые приводились в мемуарной литературе или воспоминаниях. Во-вторых, использование статистических методов, современных IT-технологий позволяет перевести количественные данные в качественную информацию о количестве узников в лагере, их национальности, возрастной и половой структуре, занятости, расходах на узников, их здоровье и т.д. Информация из карточек может использоваться для изучения динамики численности узников, изменения условий их содержания, количества узников различных категорий и национальностей, а также для оценки экономической эффективности лагеря.

Комплекс материалов, хранящихся в «Архивах Арользена», только начинает изучаться историками. В перспективе эта документальная база поможет не только более глубоко понять механику нацистских преступлений, в том числе и в концлагерях, но и уточнить информацию о судьбах тысяч жертв национал-социализма, что позволит

сохранить историческую память о них в большем объеме и с высокой степенью достоверности.

### Источники и литература

1. *Azoulay F.* Building the Largest Digital Memorial to the Victims of Nazism: The Arolsen Archives. URL: <https://web.archive.org/web/20221002011245/https://fritzaschersociety.org/exhibition-event/arolsen-archives/> (дата обращения: 22.03.2023).
2. *Benz W.* Kein «größtes Holocaust-Archiv der Welt»: der Internationale Suchdienst Arolsen und die historische Forschung // *Tribüne*. 2006. No. 179. S. 107–113.
3. Ein Denkmal aus Papier: die Geschichte der Arolsen Archives / Hrsg. Borggräfe H. Bad Arolsen, 2019.
4. Häftlingskarte. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/en/search/person/4063977?s=11024&t=2470898&p=20> (дата обращения: 22.03.2023).
5. *Murphy H.* Dealing with the Devil: The Triumph and Tragedy of IBM's Business with the Third Reich // *The History Teacher*. 2019. Vol. 53. No. 1. P. 171–193.
6. Prisoner Registration Card Josip Bez. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/en/search/person/10825185?s=5499&t=999605&p=0> (дата обращения: 22.03.2023).

**С.А. Хубулова, С.О. Кудзиева**

### **К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КНИГИ ПАМЯТИ РСО – АЛАНИЯ<sup>1</sup>**

Вызовы времени требуют от специалистов ответа на многие вопросы, которые ставит общество. Среди прочих тем, продолжающих оставаться актуальными, Великая Отечественная война заслуживает особого внимания. Информационная война, которая развернулась вокруг России, также не обошла эти трагические события советской истории. Однако наши оппоненты занимают заведомо субъективную

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 23-28-00326.

позицию, прибегая к фальсификации и искажению героических поступков советских воинов, роли Красной армии в освобождении не только территории СССР, но и стран Европы от фашистской оккупации.

Методологическая революция дала возможность включить в исследовательское поле множество аспектов, которые в совокупности позволяют создать объективную картину истории героизма и мужества советского народа в 1941–1945 гг. В связи с этим до настоящего времени открытым остается вопрос о безвозвратных потерях СССР в период Великой Отечественной войны. Предлагаемые в разные эпохи цифры – от 6 до 27 млн человек – соответствовали определенным политическим установкам и не отражали полной картины потерь. Актуальность учета потерь связана также с вопросом о цене победы, которую заплатил советский народ. В большой степени такие расхождения связаны с методикой подсчета, плохой сохранностью первичного мобилизационного учета и т.д.

Открытие новых источников позволило восполнить некоторые научные лакуны и уточнить количество мобилизованных, персональный состав призываемых на фронт, внести определенные правки в уже опубликованные сборники.

В советской историографии долго не было работ, специально посвященных теме безвозвратных потерь. Можно указать лишь несколько трудов, в которых приведены цифры, но без какого-либо анализа и методики подсчета [27]. Первые попытки научного осмысления проблемы были предприняты в 1990-е гг., когда жесткие идеологические рамки были сняты и стало возможно обратиться к новым источникам, введенным в научный оборот [12; 17]. Однако здесь подстерегала другая крайность – нередко источники не подвергались глубокому анализу, перекрестной проверке, и это приводило к тому, что количество безвозвратных потерь в отдельных работах увеличилось до 43 млн чел. Авторы нередко даже не пытались аргументированно представить свою методику подсчета.

На современном этапе вопрос о количестве погибших из научного пространства перешел в нравственное. Источниковая база пополнилась добротными изданиями, представляющими собой статистические исследования потерь за большой период – с 1918 по 1989 г. [11; 23].

Авторы предприняли попытку дать обоснованные выводы и проанализировать причину противоречий в данных о безвозвратных потерях в разные периоды Великой Отечественной войны.

Историография вопроса дополнилась интересными работами, в которых представлены узловые вопросы темы [18–19; 21; 28].

Интенсивно развиваются региональные исследования потерь [5–8; 10; 24; 25]. Важная работа по изучению санитарных потерь в годы Великой Отечественной войны была проведена коллективом авторов, учитывавших этническую принадлежность военнослужащих [4]. Своеобразная дорожная карта была представлена в статье известного специалиста в области военной истории Е.Ф. Кринко, который на основе большого корпуса статистических данных по Югу РСФСР изучил демографические потери в регионе [16].

По указанной проблеме были защищены диссертации, в которых анализировалась ситуация в разных частях страны [2; 5; 14; 25; 26], предложены новые подходы и методики, что позволяет не согласиться с теми исследователями, которые усматривают бесперспективность дальнейших поисков новых данных.

Одним из важных источников для установления личностей воинов Красной армии, погибших в годы Великой Отечественной войны, и увековечения памяти о них стала Всероссийская Книга Памяти [22; 29; 30]. В январе 1989 г. вышло постановление ЦК КПСС, положившее начало увековечению имен военнослужащих, которые сложили головы в 1941–1945 гг. [20]. Законодательная база этого проекта была дополнена в 1991–1993 гг. [13].

Всего было издано около 1,5 тыс. томов по разным регионам России. В первом томе Всероссийской Книги Памяти указывалось, что «это историко-мемориальное издание, содержащее поименные списки граждан России, погибших (умерших от ран, болезней), пропавших без вести в ходе боевых действий и при выполнении других задач воинского долга и конституционных обязанностей... а также документы и научно-публицистические материалы, раскрывающие вклад регионов и Российской Федерации в целом в дело защиты Родины, в достижение победы над врагом» [9: 7].

Отметим, что структура региональных книг не совпадала: в одних приводились подробные сведения по каждой персоналии,

в других – только место призыва и примерная дата выбытия, при этом не всегда понятно, погиб воин или пропал без вести. Если информации о гибели не было, то указывалось последнее. Во многом причины этого крылись в степени финансирования проекта, профессионализма авторского коллектива и др. Нередко руководство региона не уделяло серьезного внимания качеству полиграфии, подаче информации.

В 1990-х гг. началась работа по сбору материалов для Книги Памяти РСО – Алания [15]. Всего было издано четыре тома, каждый из которых включает информацию по определенным районам.

В Книги Памяти внесены имена мобилизованных в РККА районными и городскими военкоматами Северо-Осетинской АССР, погибших, умерших от ран или пропавших без вести. Информация о персоналиях имеет шесть граф: фамилия, имя, отчество (встречаются ошибки в написании и/или отсутствуют отчества); год рождения; место рождения; звание; дата гибели (часто приблизительная); место захоронения (за редким исключением отсутствует информация).

В издании отсутствует такая важная графа, как «место призыва». По этой причине возникают ошибки в подсчете погибших.

Нам представляется интересной методика подсчета безвозвратных потерь, предложенная Е.Л. Храмовой и В.А. Коршиковым [29]. Авторы определили опорные точки: годы жизни; дата и место призыва; последнее место службы; причина гибели и место захоронения; сведения о награждении. Из указанных позиций отсутствует большинство сведений. Имеющиеся сведения следует проверить с помощью современных баз данных, таких как обобщенный банк документов о награжденных и награждениях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Подвиг народа», обобщенный банк данных о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период «Мемориал», портал «Память народа», созданный Министерством обороны РФ с целью предоставления наиболее полной информации об участниках Великой Отечественной войны, для последующего создания электронных Книг Памяти РСО – Алания.

Даже поверхностный анализ данных региональной Книги Памяти позволяет говорить о необходимости дополнений и корректировки сведений. Так, о Затееве Тимофее Бебибаевиче сообщается в Книге,



что он погиб в Ленинградской области, по электронным банкам данных уточняется место гибели и захоронения – Ленинградская область, Мгинский район, пос. Погостье. Старший лейтенант Пеньшин Александр Ильич в Книге оказался по непонятным причинам: он был призван в армию в 1931 г. Владимирским райвоенкоматом, погиб/пропал без вести в сентябре 1941 г., то есть не имел отношения к Северной Осетии ни по месту рождения, ни по месту призыва, ни по месту гибели.

Еще больше вопросов вызывает графа «дата гибели», в которой объединены погибшие, умершие от ран и без вести пропавшие. По этой причине трудно определить, к какой категории следует отнести военнослужащего.

Так, в Книге указан Абрамов Николай Селиверстович, родившийся в 1909 г. в Вологодской области, в графе «дата гибели» указан апрель 1942 г. Поиск по базам данных дал следующие результаты: место призыва – Орджоникидзевский горвоенкомат, время – 3 сентября 1941 г., но в апреле 1942 г. с ним прекратилась связь, и он был признан без вести пропавшим [1]. Как оказалось, он попал в окружение и, пробиваясь к частям РККА, некоторое время сражался в составе партизанского отряда.

Баташов Сергей Николаевич родился в г. Прохладном в 1922 г., призван Орджоникидзевским горвоенкоматом в декабре 1941 г. В Книге Памяти он значится как погибший в 1942 г., по другим сведениям – как пропавший без вести [3].

В последние десятилетия использование цифровых технологий оказало большую помощь в корректировке сведений. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации высылает в региональные военкоматы информацию, которая содержит проверенные данные по мобилизованным (место призыва), по месту и времени гибели приблизительно 60 % персоналий.

Проведенный источниковедческий анализ выявил, что примерно 70 % вошедших в Книги Памяти военнослужащих внесены как погибшие, а по базам данных свыше 40 % из этого числа – без вести пропавшие. В тех случаях, когда указано, что комбатант погиб, нет ни месяца, ни места гибели. А такая неполнота данных становится препятствием для родственников, которые лишены возможности вести поиск воина.

Благодаря открывшимся возможностям, была уточнена биография примерно 25 % военнослужащих – выяснены обстоятельства гибели, воинские звания и части, места захоронений и перезахоронений. В процессе работы над Книгой выявлены факты неправильного заполнения: примерно 10 % воинов, внесенных как погибшие или пропавшие без вести, оказались живыми.

Следует констатировать, что вопросы информационной ценности Книги Памяти РСО – Алания продолжают оставаться актуальными и она нуждается в переработке. Справедливости ради отметим, что похожие проблемы характерны для соответствующих изданий во многих регионах Российской Федерации [31]. Над их совершенствованием активно работают, например, в Республике Крым, Новгородской области, дополняя информацию о каждом воине. На наш взгляд, достойными подражания являются материалы Книг Памяти Волгоградской и Брянской областей. Составители указали не только информацию, общую для всех подобных изданий (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место призыва), но и номер воинской части, воинскую специальность и должность, национальный состав, партийность, номер полевой почты, с кем велась переписка и др. Таким образом, количество граф в Книге составило уже более 14 [30].

Не умаляя заслуг составителей Книг Памяти, отметим, что предстоит большая поисковая работа, которая восполнит лакуны и даст возможность потомкам узнать о своих славных предках точную информацию.

Материалы Книг Памяти являются ценным источником по истории Великой Отечественной войны. Значимость этого издания состоит еще и в том, что это постоянно дорабатываемый свод, который привлекает не только специалистов, но и поисковиков и патриотов.

### **Источники и литература**

1. Абрамов Николай Селиверстович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero105868627/> (дата обращения: 21.04.2023).
2. *Баликоев Т.М.* Национальная политика советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2003.

3. Баташов Сергей Николаевич // Память народа. URL: [https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek\\_dopolnitelnoe\\_donesenie1162102111/](https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie1162102111/) (дата обращения 20.04.2023).
4. Безугольный А.Ю., Бородкин Л.И., Леонтьева Н.И. Санитарные потери Красной армии в период Великой Отечественной войны: опыт статистического анализа национального состава военнослужащих // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 5. С. 67–92.
5. Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.
6. Бушуева О.Ю. Безвозвратные потери уроженцев Куйбышевской области на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1125–1130.
7. Воробьева В.Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР в 1941–1945 гг. (по данным 3-го тома книги «Память. Санл») // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы III Всероссийской науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2022. С. 98–106.
8. Воробьева В.Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 956–971.
9. Всероссийская Книга Памяти. Обобщающий том / под ред. Д.И. Карабанова, В.В. Володина, Е.М. Чехарина. М., 1993.
10. Гостева С.Р., Рыжкова Э.Н., Красова Н.Е. Цена Победы: демографические потери Воронежской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2020. № 3 (46). С. 10–17.
11. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.
12. Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и Новейшая история. 1992. № 3. С. 219–224.

13. Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 7. 18 февраля.
14. *Иванов А.А.* Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2001.
15. Книга Памяти: Республика Северная Осетия – Алания. Владикавказ, 1994–2000.
16. *Кринко Е.Ф.* Демографические последствия Второй мировой войны для юга РСФСР // 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке: мат-лы Междунар. науч. конф. М.; СПб., 2020. С. 244–267.
17. Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сборник статей. СПб., 1995.
18. *Михалёв С.Н., Толмачёва А.В.* К вопросу об исчислении потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Военно-исторический архив. 2004. № 1 (49). С. 116–130.
19. *Москальков С.П.* География безвозвратных потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне (статистико-географическое исследование) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2010. № 4. С. 23–29.
20. О Всесоюзной книге Памяти // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 37–38.
21. *Обернихин Е.А.* Особенности учета потерь в Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 1 (33). С. 53–56.
22. *Рабуш Т.В.* Региональные российские Книги Памяти как форма сохранения и передачи культурно-исторической памяти об «афганской войне» 1979–1989 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 247–257.
23. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.
24. *Сивцева С.И.* Демографические потери Якутии в годы Великой Отечественной войны: историография, источники, подсчеты // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9 (65). С. 43–48.
25. *Скворцова Л.Г.* Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.
26. *Толмачёва А.В.* Боевой и численный состав и потери вооруженных сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы

- Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006.
27. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв.: ист.-стат. исследование. М., 1960.
  28. Холиков И.В., Занеевская Н.А. Правовое регулирование осуществления учета безвозвратных потерь и погребения умерших (погибших) военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 68–76.
  29. Храмова Е.Л., Коршиков В.А. Установление данных о погибших в годы Великой Отечественной войны, отсутствующих в Самарской Книге Памяти // International Scientific and Practical Conference “World Science”. 2016. Vol. 3. № 8 (12). С. 29–31.
  30. Цуцулаева С.С. Книги Памяти Чеченской Республики как источник по истории участия чеченцев в Великой Отечественной войне // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 2 (38). С. 54–61.
  31. Щербанов В.К. Книга Памяти в новых социальных условиях // Государство и общество в увековечении памяти защитников Отечества: опыт, проблемы, перспективы. Материалы межрегионального научно-практического семинара-совещания. (г. Сыктывкар, 3–4 ноября 2007 г.). Сыктывкар, 2007. С. 95–96.

**В.Н. Воробьева**

### **ОЦЕНКА МОБИЛИЗАЦИОННОГО РЕСУРСА КАЛМЫЦКОЙ АССР ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ 1939 г.<sup>1</sup>**

Основной целью статьи является оценка мобилизационного потенциала Калмыцкой АССР накануне нападения Германии на СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. для понимания степени его реализации в ходе Великой Отечественной войны.

Истории военных мобилизаций в Калмыкии в период войны 1941–1945 гг. посвящены работы ряда историков. Первые исследования по этой теме провел М.Л. Кичиков, который на основе неизвестных

<sup>1</sup> Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер государственной регистрации: 122022700134-6).

нам расчетов предположил, что в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. было мобилизовано 38 тыс. чел., не считая призванных до начала войны [4: 177]. В начале XXI в. свою оценку количества мобилизованных сделал У.Б. Очиров, который разыскал в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее – НАРК) новые данные о призывах земляков в разные периоды войны. Он определил численность мобилизованных до войны в 4,5 тыс. чел. [7: 61], а общую численность призванных в годы войны – в 37,1 тыс. чел. [8: 79]. Однако при этом исследователь указал, что данная цифра не является окончательной и может измениться в сторону увеличения [8: 79]. Тогда же У.Б. Очиров сделал первую оценку мобилизационного потенциала республики, оценив его в 39,7 тыс. чел. [8: 78]. Значительный прорыв в изучении этой темы совершил К.Н. Максимов, который разыскал недоступные ранее сводки Генштаба, благодаря чему удалось не только установить количество мобилизованных в Красную армию жителей Калмыкии (43,2 тыс. чел.), количество безвозвратных потерь (27,7 тыс. чел.), но и распределить эти цифры по годам [5: 344]. Кроме того, для оценки мобилизационного потенциала большое значение имеет монография И.В. Борисенко и С.И. Убушиевой, в которой была рассмотрена демографическая характеристика населения Калмыкии, в том числе в предвоенный и военный период [1: 66–72].

Однако для качественной оценки мобилизационного потенциала региона и степени его реализации недостаточно просто сравнить численность населения Калмыкии и количество призванных из республики в 1939–1943 гг. Для этого необходимо осуществить сопоставительный анализ по ряду показателей: национальности, возрасту, районам призыва и т.д. К сожалению, в сводках Генштаба, найденных К.Н. Максимовым, есть лишь данные о национальности призванных из Калмыкии [5: 344]. Впрочем, анализ других показателей можно осуществить косвенным путем, опираясь на базу данных безвозвратных потерь наших земляков, составленной по сведениям книги «Память. Санл».

Следует заметить, что точных цифр о численности населения Калмыкии накануне войны у нас нет. Ближайшими к 1941 г. массивами точных сведений являются материалы Всесоюзных переписей населения 1937 г. и 1939 г. Данные переписи 1937 г. были весьма

точными, поскольку в них учитывалось только наличное население [2: 13, 46]. Согласно им, в Калмыцкой АССР проживало 194 482 чел., в том числе 97 227 мужчин [2: 35]. Однако результаты переписи 1937 г. не удовлетворили руководство страны, поскольку итоги оказались ниже прогноза И.В. Сталина и показали высокий уровень потерь населения от политических репрессий. Эти итоги были объявлены «вредительскими», а организаторы переписи обвинены в преднамеренном недоучете населения и арестованы.

Уже через два года, в январе 1939 г., прошла новая перепись, организаторы которой, опасаясь повторить судьбу предшественников, стали делать приписки и преувеличивать данные о количестве населения. По мнению В.Б. Жиромской и ее коллег, преднамеренное увеличение результатов численности населения регионов и автономий РСФСР составило 2,1 %, а приписки распространялись в основном на мужское население [3: 847]. Эти процессы, по мнению К.Н. Максимова, имели место и в Калмыкии [5: 160]. Окончательные результаты переписи по Калмыцкой АССР, были достигнуты благодаря припискам населения в контрольных бланках, в том числе за счет включения спецконтингентов (военнослужащих, сотрудников НКВД, заключенных и т.д.), при этом они были распределены равномерно по сельсоветам, а внутри сельсовета – по наиболее крупным населенным пунктам [6: 238]. По данным переписи 1939 г. в Калмыцкой АССР проживало 220 684 чел., в том числе 111 386 мужчин (50,4 %) [6: 225 об., 227 об.]. Таким образом, если верить данным обеих переписей, то с 1937 по 1939 г. численность населения Калмыцкой АССР увеличилась на 26 202 чел. (11,8 %), а численность мужского населения – на 14 159 чел. (12,7 %). При этом изменения границ были незначительными: в декабре 1938 г. в Калмыкию для спрямления границы был возвращен Обильненский сельсовет (1576 чел. по переписи 1939 г.) [1: 68].

К сожалению, материалы переписи 1937 г., признанные «дефектными», большей частью не сохранились. Поэтому оценку мобилизационного потенциала пришлось осуществить по данным переписи 1939 г. Поскольку приписки распределялись равномерно, то их влияние на оценку мобилизационного потенциала, на наш взгляд, будет невелико. В целом материалы переписи 1939 г. содержат огромный массив демографической информации о населении Калмыкии, в том

числе по национальному и половому составу, возрастам, месту проживания и т.д. Например, из 220 684 чел. было 107 315 калмыков, 100 814 русских, 4150 немцев, 2711 казахов, 2490 татар, 1 127 украинцев, а также 2027 представителей других национальностей [6: 1]. Калмыкия являлась аграрным регионом, но имела относительно большое количество городского населения – 35 020 чел. (15,9 %) [6: 1]. Впрочем, здесь следует учитывать, что в состав городского населения, помимо жителей города Элисты [6: 24–25 об.], были включены жители так называемых рабочих поселков: Башанты [6: 26–26 об., 28–28 об.], Кануковска [6: 13–13 об., 15–15 об.] и Лагани [6: 20–20 об., 22–22 об.]. Если опираться на данные К.Н. Максимова, согласно которым в Калмыкии в годы войны было мобилизовано 43 210 чел., то получается, что почти каждый пятый житель (19,5 %) республики ушел на фронт.

Впрочем, для оценки мобилизационного потенциала гораздо большее значение имеют сведения о возрастном составе мужской части населения. К сожалению, сведений о распределении призванных по возрастам у нас нет. В данном случае можно сделать экстраполяцию и осуществить сопоставительный анализ данных переписи 1939 г. со сведениями о безвозвратных потерях наших земляков в войне 1941–1945 гг., поскольку количество погибших и пропавших без вести должно коррелироваться с количеством призванных. Сведения о безвозвратных потерях мы извлекли из базы данных, составленной из четырех томов республиканской книги памяти «Память. Санл» [9–12]. Указанные сведения приведены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в период войны призывались в основном мужчины в возрасте от 17 до 50 лет. Молодежь 1927 г. рождения подлежала призыву в 1944 г., но на фронт данная возрастная группа практически не попала, что видно по соответствующему количеству потерь (притом, что среди 28 погибших были мальчишки 1928, 1929 и 1933 г. рождения). Наивысший процент потерь пришелся на молодежь 1920–1924 гг. рождения, которая подлежала призыву в 1939–1942 гг., когда юношам исполнилось 18–19 лет. Именно эти возрасты преобладали в кадровой армии «огненного сорок первого», которая приняла первый удар врага и понесла наибольшие потери. Высока доля безвозвратных потерь (от 40 % и выше) и у поколений 1905–1919 гг. рождения. На начало войны эта группа мужчин относилась к 1-му разряду военнообя-

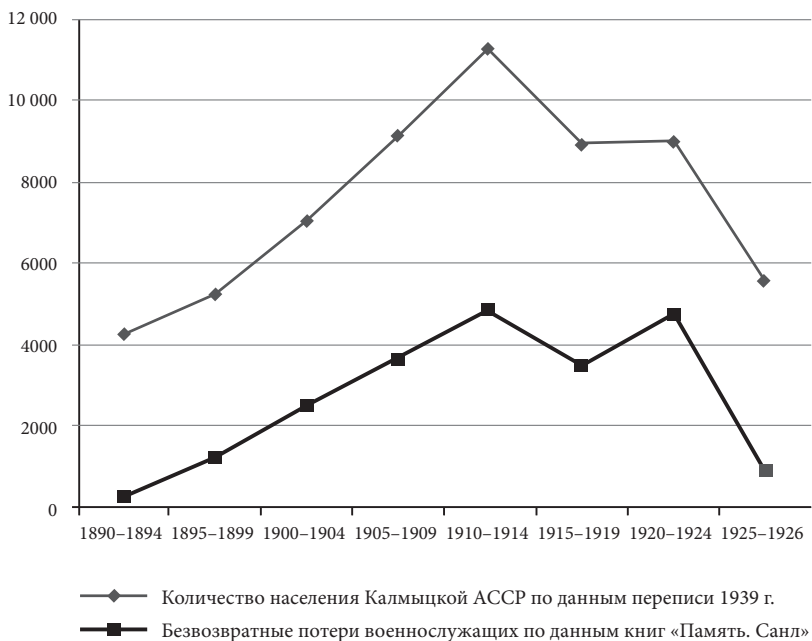


занных (в возрасте до 35 лет), который подлежал призыву в первую очередь. Кроме того, как раз молодежь в возрасте до 35 лет предписывалось комплектовать боевой состав, в то время как бойцы более старшего возраста подлежали зачислению в тыловые части. По тем же причинам процент потерь военнообязанных 2-го разряда (от 36 до 45 лет) заметно ниже (вполне сопоставим с общими усредненными показателями), а 3-го разряда (от 46 до 50 лет) – и вовсе небольшой. Также весьма низок процент потерь молодежи 1925 и 1926 гг. рождения, которая в Калмыкии призывалась в начале 1943 г. и в конце 1943 г. соответственно. К тому времени в армии уже действовал приказ об обязательной полугодовой подготовке вновь призванной молодежи, что сказалось на снижении потерь. Следует заметить, что более 16 % погибших и пропавших без вести земляков не имеют данных о возрасте, поэтому их уточнение может изменить результаты анализа.

**Таблица 1.** Распределение мужского населения Калмыцкой АССР по возрасту в сопоставлении с данными безвозвратных потерь

Возрастные группы	Количество мужского населения по данным переписи 1939 г.	Безвозвратные потери военнслужащих по данным книги «Память. Санл»
1927–1939 гг. рождения	38 376	28 (0,07 %)
1925–1926 гг. рождения	5565	954 (17,1 %)
1920–1924 гг. рождения	9002	4818 (53,5 %)
1915–1919 гг. рождения	8931	3509 (39,2 %)
1910–1914 гг. рождения	11 242	4949 (44 %)
1905–1909 гг. рождения	9145	3673 (40,1 %)
1900–1904 гг. рождения	7047	2556 (36,2 %)
1895–1899 гг. рождения	5255	1260 (23,9 %)
1890–1894 гг. рождения	4303	284 (6,6 %)
1885–1889 гг. рождения	3566	24 (0,6 %)
1880–1884 гг. рождения	3141	10 (0,3 %)
1879 г. рождения и старше	5726	–
Возраст не указан	87	3 (3,4 %)
Нет данных	–	4238
<b>Всего</b>	<b>111 386</b>	<b>26 306 (23,6 %)</b>

Если все эти данные по возрастам 1890–1926 гг. рождения, которые подлежали призыву в 1941–1943 гг., изобразить в виде диаграммы, то построенные графики явно коррелируют между собой. Единственным отличием является молодежь 1920–1924 гг. рождения, у которой процент потерь явно выше (см. рис. 1).



**Рис. 1.** Распределение мужского населения Калмыцкой АССР по возрасту в сопоставлении с данными безвозвратных потерь

Кроме того, в материалах переписи содержится информация о распределении населения по районам республики. К сожалению, сведений о призыве по районам у нас нет. Однако и здесь мы можем провести экстраполяцию, сверив данные переписи по мужчинам призывных возрастов 1890–1926 гг. рождения с соответствующими сведениями из базы данных безвозвратных потерь. Результаты анализа приведены в таблице 2.

**Таблица 2.** Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по району призыва (РВК, ГВК – районный и городской военкоматы соответственно)

Название военных комиссариатов	Количество мужского населения по данным переписи 1939 г.	Количество мужского населения 1890–1926 гг. рождения по данным переписи 1939 г.	Безвозвратные потери военнослужащих 1890–1926 гг. рождения по данным книг «Память. Санл»
Западный РВК (Западный и Яшалтинский улусы)	14 032 (5607+8425)	7599 (3172+4427)	3937 (51,8 %)
Приютинский РВК (Приютинский и Троицкий улусы)	14 423 (8469+5954)	7830 (4657+3173)	3312 (42,2 %)
Элистинский ГВК	8295	4921	2367 (48 %)
Сарпинский РВК (Сарпинский и Кетченеровский улусы)	12 926 (6166+6760)	6747 (3029+3718)	2680 (39,7 %)
Лаганский РВК (Лаганский и Уланхольский улусы)	17 760 (9479+8281)	9072 (4948+4124)	2245 (24,7 %)
Малодербетовский РВК	9452	4811	2029 (42,1 %)
Черноземельский РВК	9546	6567	1164 (17,7 %)
Приволжский РВК (Приволжский и Юстинский улусы)	12 607 (8153+4454)	6603 (4339+2264)	1170 (17,7 %)
Долбанский РВК	12 345	6340	1206 (19 %)
Калмыцкий ОВК	–	–	37
Не установлено	–	–	7
Итого	111 386	60 577	20 155
Нет данных	–	–	1849
<b>Всего</b>	<b>111 386</b>	<b>60 577</b>	<b>22 003 (36,3 %)</b>

В 1941 г. в Калмыцкой АССР (состоявшей из 1 города и 13 районов) функционировали 1 городской военкомат и 8 районных военкоматов. Поэтому жители районов, не имеющих своего РВК, призывались соседними военкоматами. Из таблицы 2 заметно, что призывники из западных районов Калмыкии, подвергшихся оккупации в августе – декабре 1942 г., имеют заметно больший процент безвозвратных потерь, чем призывники восточных районов, которые оккупации избежали. Это выглядит совершенно нелогично и может быть объяснено недоучетом потерь в восточных районах в Книге Памяти «Память. Санл». Следует заметить, что у 1849 персональных из числа безвозвратных потерь сведения о месте призыва отсутствуют.

Подводя итоги данного исследования, мы приходим к выводу, что мобилизационный потенциал нашей республики в годы Великой Отечественной войны был реализован практически полностью: в ряды Красной армии ушел каждый пятый житель региона. Сопоставительный анализ с базой данных безвозвратных потерь показал, что большая часть безвозвратных потерь пришлось на мужчин 1900–1924 гг. рождения, которые призывались до 1941 г. или в первый период войны, когда потери Красной армии были особенно тяжелы.

### Источники и литература

1. *Борисенко И.В., Убушиева С.И.* Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 – начало 90-х гг. XX в. Элиста, 2000.
2. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996.
3. *Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Население России в 1939–1945 гг. // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 9. С. 845–857.
4. *Кичиков М.Л.* Во имя победы над фашизмом. Элиста, 1970.
5. *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010.
6. НАРК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 357.
7. *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста, 2001. С. 45–64.

8. *Очиров У.Б.* Военные мобилизации // Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 2005. С. 63–81.
9. Память. Санл. Т. I. Элиста, 1995.
10. Память. Санл. Т. II. Элиста, 1995.
11. Память. Санл. Т. III. Элиста, 2005.
12. Память. Санл. Т.IV. Элиста, 2010.

**А.А. Милютин**

### **АНАЛИЗ ОТЧЕТА О ДОПРОСЕ ПЛЕННОГО ПОЛКОВНИКА П.С. КОЗЛОВА, КОМАНДИРА 17-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ**

В связи с появлением в свободном доступе немецких документов стали выходить публикации о допросах советских военнопленных с навешиванием ярлыков о предательстве советских командиров и политработников. Однако зачастую авторы подобных публикаций не анализируют содержание таких документов с точки зрения достоверности информации и, кроме того, не учитывают, что отделы «1ц» (нем. 1с), помимо разведки и контрразведки, вели еще и пропаганду в своих войсках и в войсках противника.

В статье рассматривается период от начала войны до конца 1941 г., при этом учитываются географические рамки – район действий группы армий «Центр», детализация частей – от дивизии до группы армий. В основу исследования легли советские архивные и немецкие документы на языке оригинала из различных архивов: Национального управления архивов и документации США (далее – NARA), Центрального архива Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ) и других. Перевод документов осуществлялся автором данной публикации.

Сегодня доступны для изучения в абсолютном большинстве вторичные документы в виде отчетов (рапортов) офицеров «1ц» в штаб вышестоящей части, составленные на основании одного или нескольких допросов. По форме это именно отчеты о допросах, несмотря на то что документы называются допросами или показаниями военнопленных. Первичные допросы имеют форму протоколов (*вопрос – ответ*), и они, за редким исключением, не сохранились. В дальнейшем часть материалов из отчетов обобщалась в группе армий и рассылалась в подчиненные штабы в виде сводок о противнике.

Однако известны, хотя и в незначительном количестве, отчеты о допросах, рассылаемые сверху вниз, например из группы армий «Центр» во 2-ю танковую армию Г. Гудериана. Результаты анализа одного из таких документов будут представлены в настоящей статье.

В функциональные обязанности отдела «1ц» входили, помимо разведки и контрразведки, пропаганда среди войск противника и в своих войсках (подробнее см.: [11]). Тем самым отдел «1ц» принципиально отличался от разведотдела в частях Красной армии, который занимался только разведкой. Контрразведкой в РККА занимался особый отдел, пропагандой – политотдел (с уровня фронта и выше – политуправление). Начальник отдела «1ц» армии (танковой группы, группы армий) являлся офицером абвера, которому подчинялись все органы абвера в районе действий части.

Стоит коснуться биографии командира 17-й дивизии народного ополчения полковника Петра Сергеевича Козлова. Он был кадровым военным, слушателем Военной академии им. М.В. Фрунзе, командиром полка во время боевых действий в Финляндии. Был трижды ранен, награжден орденом Красного Знамени. Затем он был слушателем Военно-воздушной академии командного и штурманского состава ВВС Красной армии. 2 июля 1941 г. П.С. Козлов назначен командиром 17-й дивизии народного ополчения Москвы (в конце сентября дивизия переименована в 17-ю стрелковую дивизию 2-го формирования).

В ночь с 2 на 3 октября на рубеже 33-й армии у Спас-Деменска 17-я стрелковая дивизия попала под удар четырех танковых дивизий (одних только танков – 670 шт.) и двух пехотных дивизий 4-й танковой группы, подбила около 50 танков [2: 64]. В боях и при выходе из окружения дивизия потеряла около 95 % личного состава. С 11 октября она была пополнена маршевыми ротами до 40 % от штата и 17 октября брошена на неподготовленный рубеж по р. Протве восточнее Варшавского шоссе, 10 км северо-западнее г. Малоярославца (исключая Спас-Загорье до Высокиничей).

18 октября 19-я танковая дивизия прорвалась по Варшавскому шоссе и вклинилась в оборону 43-й армии на 17 км северо-западнее Протвы, так как на этот участок не вышли части, которые должны были его защищать. Фронт обороны 17-й стрелковой дивизии увеличился с 25 до 42 км.

Дивизия имела около 2500 штыков (около 4500 человек вместе с тыловыми частями) и 14 орудий, а боеприпасов только  $\frac{1}{2}$  боекомплекта (на полдня интенсивного боя) [1: 60, 61].

Преимущество немцев в личном составе было четырехкратным, более чем десятикратным в артиллерии и минометах, более чем трехкратным в пулеметах и автоматах. Бои на рубеже р. Протвы начались с утра 19 октября, а уже 20 октября в 9:45 командующий 43-й армией К.Д. Голубев дал в штаб фронта недостоверную информацию о дивизии. Командарм указывал, что она начала отход [4: 113–113 об.], а в 15:00 ушла за р. Нару [4: 283–283 об.], хотя дивизия в это время еще вела упорные бои на р. Протве у Черной Грязи [16: 383]. Это было вызвано тем, что он принял 43-ю армию 17 октября и совершил ряд ошибок, приведших к прорыву немцев через Малоярославец и по Варшавскому шоссе, за которые Г.К. Жуков 19 октября трижды угрожал отдать его под суд и расстрелять [4: 94, 149–151 об.]. 21 октября в 15:15 Жуков отдал приказ отвести 17-ю дивизию в тыл до 19:00 [5: 184, 185], а Голубев дважды продублировал этот приказ в 17:00 [5: 218] и в 23:45 [10: 40, 41], но дивизия не получила этих приказов и осталась на рубеже р. Нары, сдав Тарутино подошедшей 53-й дивизии в ночь с 21 на 22 октября. Через несколько часов Голубев в переговорах с Жуковым назвал это действие командования 17-й дивизии (выполнение командиром дивизии приказа командарма о передаче Тарутино 53-й дивизии) преступным [4: 313] и 22 октября в 04:45 Жуков приказал расстрелять теперь уже командира 17-й дивизии [4: 304, 304 об.]. Через 1 час 40 минут Голубев издал приказ о том, что командир и комиссар дивизии расстреляны (фамилии не были указаны) [5: 237].

При этом военком дивизии бригадный комиссар С.И. Яковлев был жив и получал денежное довольствие в прежней должности еще в ноябре 1941 г. [8: 123], а полковник П.С. Козлов «исчез» (так об этом вспоминали ветераны дивизии). Информация о расстреле или об исчезновении не была доложена ни по одной из линий – особого отдела, политотдела, отдела кадров и по команде.

24 октября командир 17-й дивизии был в немецком плену [15: 520]. Согласно Порядку обращения с военнопленными [6: 1–3], Козлова должны были допросить в тот же день на армейском сборном пункте

пленных в г. Малоярославце. Причем, согласно Руководству по опросу советских военнопленных от 3 июня 1941 г., особенно важным было выяснить «силу и снаряжение рот, полков и дивизии в настоящее время» [7: 25].

С немецкой стороны 25 октября танковый полк 19-й танковой дивизии был отведен с Варшавского шоссе в Тарутино [13: 446] для наступления по старой Калужской дороге, где по данным немецкой разведки образовалось слабое место в обороне 43-й армии. На этом участке, действительно, было слабое место, так как здесь были собраны остатки частей, разбитых в предыдущих боях: 312, 53 и 17-я стрелковые дивизии, другие остатки частей, в основном тыловые части без тяжелого вооружения и боеприпасов.

Для анализа имелся не протокол допроса Козлова, в котором могли быть зафиксированы подлинные показания, и даже не отчет о допросе в 4-й армии, а лишь отчет о допросе, направленный 3 ноября 1941 г. из отдела «1ц» группы армий «Центр» во 2-ю танковую армию [12: 7383991–7383995]. Однако можно предположить, что сведения о частях на участке 17-й дивизии были транслированы из отчета о допросе в 4-й армии, для которой эти данные были важны.

Стоит отметить, что показания, зафиксированные даже в протоколе допроса, нельзя однозначно считать полученными от военнопленного, поскольку отдел «1ц», помимо функций разведки и контрразведки, занимался еще и пропагандой. Например, доказан факт полностью сфабрикованного протокола допроса Якова Джугашвили, старшего сына Сталина [3].

При этом актуальность оперативной информации для Гудериана не имела значения, так как этот участок находился на удалении около 100 км от его частей. Кроме того, обстановка за 10 дней существенно изменилась.

Тем не менее проанализируем сведения из отчета о допросе с точки зрения достоверности показаний. Результаты сведены в таблицу 1. В числителе – данные из отчета о допросе, в знаменателе – фактические данные на 22 октября 1941 г., поскольку не известно, знали П.С. Козлов данные в последующие дни (23 и 24 октября). Сейчас нам известно, что дивизия до ноября не получала пополнения личным составом и вооружением.



**Таблица 1.** Сопоставление сведений из отчета о допросе П.С. Козлова и фактических данных на 22.10.1941 (сд – стрелковая дивизия, сп – стрелковый полк, н/д – нет данных)

Части 17-й сд	Личный состав	Орудия	Минометы	Пулеметы	Танки
1312 сп	1600/300 – 350 [4]	8/0	6		
1314 сп	1800/70 – 30 [4]	8/0	6		
1316 сп	700/200 [4]	8/0	6		
Артполк	н/д	14/2* [9: 2–2 об.]			
Всего	4100/570–580	38/2*	18/1 [9: 2–2 об.]	240/62 [9: 2–2 об.]	100*/2 [4: 326]
Отно- шение	<b>7:1</b>	<b>19:1</b>	<b>18:1</b>	<b>4:1</b>	<b>50:1</b>

\* Оба неисправные, согласно донесению политотдела дивизии [9].

\*\* Среди них тяжелые, то есть КВ.

Как видим, данные по личному составу завышены в 7 раз, по артиллерии – в 19 раз, по танкам – в 50 раз, при этом данные о двух танках в районе действий дивизии известны нам, но знал ли о них полковник Козлов, неизвестно. Эти данные нуждались в срочной проверке, так как от наличия большого количества советских танков на этом участке зависело принятие решения о вводе в бой немецких танков. 25 октября немецкая разведка доложила, что на этом направлении появились 5–6 сверхтяжелых танков [16: 396], а это рота танков КВ (уже на этом основании ввод в бой танкового полка был отменен). 26 октября в 14:00 на том же участке появилось около 30 наших танков, то есть танковый батальон [16: 400]. Здесь необходимо учитывать, что 19-я танковая дивизия в основном имела на вооружении чешские танки Т-38, не имевшие шансов в борьбе с советскими танками Т-34 и КВ. До 15 ноября противник больше не предпринимал атак на этом участке, пока не началось наступление немцев по всему фронту.

Таким образом, с большой вероятностью, именно дезинформирующие сведения, полученные от полковника Козлова, подтвержденные

появлением советских танков, привели к отмене немецкого наступления и дали 43-й армии передышку на три недели.

Остальные пункты отчета о допросе не носят оперативного характера и не являются существенными, а наоборот, п. VI «Специальные вопросы» скорее можно отнести к пропаганде среди своих военнослужащих, поскольку именно в частях Гудериана с начала войны имела место неустойчивость боевого духа. Еще 11 августа 1941 г. группа армий «Центр» направила отчет о допросе Я. Джугашвили от 19 июля 1941 г. в 4-ю танковую дивизию танковой группы Гудериана. В этом отчете он якобы дал высокую оценку действиям немецкой армии и особенно танковым войскам: «...немецкие танки “ходят как часы!”», хотя было доказано, что 18–19 июля Яков вообще не отвечал на вопросы [14: 248, 249].

Но даже если предположить, что ответы на специальные вопросы даны непосредственно полковником Козловым, то на них надо смотреть как на попытку вызвать у противника доверие к показаниям о состоянии советских частей, чтобы скрыть истинные намерения дезинформации противника. Ответы на специальные вопросы служат противнику маркером лояльности пленного, то есть достоверности предоставляемых сведений по оперативным вопросам. Причем чем старше звание и должность плененного командира, тем меньше данных, которые разведка может проверить.

Поэтому при допросе старших командиров специальные вопросы имеют значение для противника. Если подтверждается часть сведений и поведение военнопленного вызывает доверие (в отчетах о допросах это отмечалось особо), то разведка с известной долей уверенности может полагать, что верны и сведения, не поддающиеся проверке. С учетом сказанного выше, анализ любого отчета о допросе надо начинать не со специальных вопросов, а с пунктов, в которых приведены сведения, содержащие военную тайну.

По понятным причинам не все исследователи могут проанализировать сведения о реальном состоянии частей, поскольку для этого надо иметь информацию о реальном состоянии той части, о которой дал сведения военнопленный. Ошибка некоторых исследователей заключается в том, что, не имея данных о реальном состоянии частей, они начинают анализ отчета со специальных вопросов и считают,

что если поведение пленного вызывает доверие у немцев, то он априори предоставил точные сведения, имеющие отношение к военной тайне. Заблуждение заключается и в том, что сведения, предоставленные Козловым, не просто неточные, они дезинформируют противника о реальном боевом состоянии армии и дивизии. В любом случае виновность военнопленного определяет суд, а не исследователь.

### Источники и литература

1. Макарова Е., Милютин А. Честь имею! // Могилевский поисковый вестник. Вып. 12. Могилев, 2018. С. 56–75.
2. Милютин А.А. Боевые действия 17-й дивизии Народного Ополчения Москворецкого района Москвы 3–5 октября 1941 года в полосе Варшавского шоссе // Сборник материалов Второй межрегиональной научно-практической конференции, в рамках патриотической программы Московской городской Думы «Памяти Московского народного ополчения 1941–1945 гг.». М., 2020. С. 59–74.
3. Милютин А.А. Первые «допросы» Якова Джугашвили в июле 1941 года // Русская политология. 2022. № 1(22). URL: [https://rupolitology.ru/wp-content/uploads/2022/10/05\\_Милютин.pdf](https://rupolitology.ru/wp-content/uploads/2022/10/05_Милютин.pdf) (дата обращения: 25.03.2023).
4. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 113.
5. ЦАМО РФ. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 4.
6. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 390.
7. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12480. Д. 4.
8. ЦАМО РФ. Ф. 1082. Оп. 2. Д. 67.
9. ЦАМО РФ. Ф. 1082. Оп. 2. Д. 71.
10. ЦАМО РФ. Ф. 3080. Оп. 1. Д. 3.
11. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: Кн. 1. СПб., 2003.
12. NARA. T313. R-135.
13. NARA. T314. R-502.
14. NARA. T315. R-206.
15. NARA. T315. R-876.
16. NARA. T315. R-877.

**В.В. Коровин****ОТРАЖЕНИЕ ОПЫТА САНИТАРНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ  
УЧАСТНИКОВ КУРСКОЙ БИТВЫ  
в материалах Архива военно-медицинских документов**

История военной медицины привлекает внимание не только специалистов-гуманитариев, но и работников здравоохранения. Оказание помощи раненым на разных этапах Великой Отечественной войны неоднократно становилось предметом специальных исследований. Тем не менее современная геополитическая ситуация требует дополнительного обращения к данной теме. Основным хранилищем первичной информации о работе военно-санитарной службы в условиях важнейших боевых операций является филиал Центрального архива Министерства обороны РФ – архив военно-медицинских документов в Санкт-Петербурге. Выявленные в его фондах документы легли в основу данной статьи, раскрывающей специфику оказания помощи раненым в условиях Курской битвы, 80-летие победы в которой отмечается в 2023 г. В силу необходимости обработки значительного объема архивной информации остановимся на характеристике медико-санитарной деятельности в пределах войск Центрального фронта, участвовавших в боях на северном фазе Курской дуги.

Как следует из справки о работе дивизионного пункта медицинской помощи медико-санитарного батальона (МСБ) 2-й танковой армии, подписанной начальником отдела армии полковником медицинской службы В.В. Суховерко, в течение июля 1943 г. на лечение из полковых медицинских пунктов (ПМП) и войсковых частей поступило 3487 человек. Из этого числа 43 % (1488 чел.) были направлены в медучреждения по болезни, остальные – раненные в боях и контуженные военнослужащие. Спецификой боевых поражений танкистов были ожоги (31 пациент). В результате оказания медицинской помощи 132 военнослужащих были возвращены в свои части, 1789 чел. эвакуированы и 14 чел. умерли.

За месяц боев четыре хирурга МСБ 2-й танковой армии провели 228 операций и 14 переливаний крови. Должности хирургов занимали выпускники медицинских вузов 1941–1942 гг., их хирургическая

деятельность ограничивалась оказанием первой врачебной и неотложной хирургической помощи [1: 232].

Ввиду того, что как в период оборонительных боев, так и в период наступательных операций госпитали первой линии располагались примерно в 8–10 км от переднего края, все пациенты, нуждавшиеся в неотложной и квалифицированной хирургической помощи, быстро доставлялись в госпитали, где получали необходимое лечение. В случаях, когда госпитали (например, № 5213 и 616) располагались близко к передовой линии, весь врачебный и сестринский персонал медико-санитарных взводов оказывал помощь раненым на базе этих госпиталей вместе с их работниками. Как правило, медсанвзводы корпусов в основном обслуживали мелкие подразделения и приданные корпусу части, а медсанвзводы бригад непосредственно обеспечивали свои бригады первой врачебной помощью и доставляли своих раненых, минуя МСБ корпусов, в госпитали первой линии, пользуясь их близким расположением.

Медсанвзводы корпусов были не в состоянии обеспечить первую хирургическую помощь личному составу корпусов, поэтому необходимо было создать медсанбат при каждом корпусе.

В медицинских учреждениях 60-й армии на 1 июля 1943 г. числилось 205 больных и 52 раненых военнослужащих. За июль поступило 2550 больных и раненых. Военным медикам удалось вернуть в войсковые части 1141 бойца и командира. 1412 пациентов эвакуировали вглубь страны, 47 чел. спасти не удалось [1: 235].

60-я армия в течение июля 1943 г. занимала жесткую оборону на восточном берегу реки Сейм и активные боевые действия не вела. Дивизии при обороне контролировали настолько широкие участки фронта, что дивизионные медицинские пункты (ДМП) вынуждены были развертываться, как правило, на расстоянии 15–25 км от переднего края обороны, а в отдельных случаях – до 30 км. ПМП в силу той же обстановки находились от переднего края на расстоянии до 7–8 км. Отдаленность от переднего края ПМП и ДМП не могла не отразиться на результатах как общей, так и послеоперационной смертности среди раненых, хотя в складывавшихся условиях предоставлялась полная возможность более рационального размещения пунктов санитарной эвакуации и оказания необходимого объема медицинской помощи.

58,3 % поступивших раненых имели осколочные ранения, из них 63,1 % были поражены осколками мин. В то же время хирургическая работа не носила напряженный характер. Активные хирургические вмешательства достигли 91 % от общего числа раненых (включая активную обработку ран), пораженных различными видами осколков.

Общая смертность за июль по отношению к общему количеству получивших ранения в боях составила 4 % (в июне – 3,8 %), послеоперационная смертность – 2,6 % (в отношении ко всем оперативным вмешательствам, включая активную хирургическую обработку ран). Незначительный рост смертности объяснялся отдаленностью ДМП от переднего края [1: 236].

Армейский терапевт 60-й армии майор медицинской службы Н.А. Троицкий в объяснительной записке к месячному отчету отмечал, что, в сравнении с июнем 1943 г., в июле значительно снизилась инфекционная заболеваемость военнослужащих. Были выявлены лишь единичные заболевания сыпным и брюшным тифом, а также дизентерией. Однако заболеваемость малярией продолжала оставаться высокой. МСБ зарегистрировал 23 случая заболевания туберкулезом легких, 19 больных были эвакуированы в терапевтический полевой госпиталь. Сохранялся высоким процент заболеваний желудочно-кишечного тракта (энтероколиты и язвы 12-перстной кишки), что стало непременным следствием «окопной жизни». По этой же причине значительный процент среди других болезней составляли кожные заболевания и чесотка. Шесть летальных исходов у больных были вызваны гипертонической формой сыпного тифа, крупозным воспалением легких, острой атрофией печени, послеоперационным воспалением органов брюшной полости [1: 237].

Организация эвакуации раненых отражена в сведениях о работе санитарного эвакотранспорта 60-й армии. За июль 1943 г. было перемещено 2817 больных и раненых, принятых в местах погрузки (из них: 1450 сидячих, 1367 лежачих). Для их перевозки использовались 3 санитарных автомобиля М-55, 22 грузовых ГАЗ-АА (прицеп), 18 грузовых ГАЗ-АА, 3 грузовых ЗИС5, «Форд-4», 42 повозки [1: 257].

Эвакуация раненых из батальонных медицинских пунктов в ПМП производилась в большинстве случаев конным транспортом. От ПМП до ДМП раненых перевозили автотранспортом МСБ. Основными

путями эвакуации становились проселочные дороги. Машинами автосанитарной роты производилась эвакуация из ДМП в хирургический подвижный госпиталь первой линии, реже – во фронтовой район.

Практически все машины автосанроты находились в изношенном состоянии и при эксплуатации быстро выходили из строя. Запасными частями и резиной рота снабжалась нерегулярно. Конно-санитарная рота имела 135 лошадей, 68 повозок, в том числе 40 приспособленных для эвакуации раненых. Но эвакуация конным транспортом не производилась: в госпиталях он использовался для хозяйственных нужд [1: 258].

Наибольший интерес представляет отчет о работе санитарной службы 70-й армии, находившейся в период оборонительных боев на направлении основного удара войск противника. Если на начало июля 1943 г. в медучреждениях армии значилось 125 раненых, то в течение месяца боев из ПМП поступило 20 487 чел., еще 3354 чел. прибыли непосредственно из войсковых частей. Кроме этого, на излечение были доставлены 561 контуженый, 91 пациент с ожогами, 1709 больных. В силу напряженности боевой обстановки результативность лечения оказалась гораздо скромнее, чем в других объединениях. Так, в июле 1943 г. военным медикам удалось возвратить в части 1346 чел., 19 762 чел. было эвакуировано, скончалось 704 военнослужащих. Хирурги армии прооперировали 7143 чел., 222 операции закончились летальным исходом [1: 259].

Специфику работы в условиях отражения наступления противника показывает объяснительная записка к приведенным статистическим сведениям. В отчетных документах отмечается, что в период боев наблюдалась высокая мобильность частей и соединений. Дивизии маневрировали с правого фланга на левый, прибывало пополнение из других армий, в связи с чем войсковые учреждения санитарной службы вынуждены были часто менять места дислокации, одновременно не прекращая приема раненых. Так, 1-я гвардейская стрелковая дивизия за 14 дней пять раз передислоцировалась. Не меньшее количество передислокаций пришлось и на другие дивизии армии.

К факторам, снижавшим эффективность работы санитарных организаций, по оценке специалистов, необходимо отнести дробление

медсанбатов на два эшелона. Так, в 132-й стрелковой дивизии МСБ был разделен с целью приближения врачебной помощи к раненым. В результате первый эшелон ДМП, имея в своем составе от двух до четырех врачей, вставал на линию ПМП и проводил обычную работу полковых врачей; второй же эшелон при уменьшении числа врачей не был в состоянии полностью обслужить поступающие контингенты раненых в хирургическом отношении.

При проверке работы первого эшелона 132-й стрелковой дивизии оказалось, что за 5–8 июля 1943 г. он произвел 137 простых перевязок, не выполнив ни одной серьезной хирургической операции. В результате был издан приказ по армии, запрещающий дробление медсанбатов без наличия обоснованных санитарно-тактических показаний к подобным действиям.

Все медико-санитарные учреждения 70-й армии к моменту начала активных боевых действий были полностью укомплектованы персоналом. Исключение составляли санитары, в укомплектовании штата которых ощущалась острая необходимость. Во время перемещения больших потоков раненых из-за недостатка санитаров неоднократно фиксировались простои хирургов в операционных и перевязочных. Приданные бойцы не были обучены уходу за ранеными, что неблагоприятно отражалось на их обслуживании.

На начальном этапе оборонительных боев (5–10 июля 1943 г.), когда войсковые части правого фланга были потеснены под давлением превосходящих сил противника, ДМП правого фланга армии были вынуждены также отходить, в результате чего осуществлять хирургическую обработку всех поступающих раненых оказались не в состоянии. Хирургическая обработка раненых вынужденно производилась непосредственно в госпиталях первой линии.

На втором этапе боевой операции, когда армия перешла в наступление, раненые, нуждавшиеся в хирургической помощи, получали ее в основном на ДМП. При больших поступлениях раненых в ДМП для помощи высылались хирургические группы отдельной роты медицинского усиления (ОРМУ). Каждая хирургическая группа ОРМУ оснащалась палатками, имела автотранспорт, белье и т.д. Причем подобная подвижная организация оказания медпомощи оказалась вполне оправданной [1: 261].



Статистика, представленная по семи дивизиям 70-й армии за июль 1943 г., дает возможность оценить причины и последствия полученных в боях ранений. По виду поражающего вооружения распределение раненых характеризовалось следующими показателями: пулевых – 4361 чел. (28,7 %), осколочных артиллерийских – 4120 чел. (27,1 %), осколочных минных – 4435 чел. (27,2 %), осколочных от авиабомб – 1200 чел. (7,9 %), осколочных от гранат 442 чел. (2,2 %), холодного оружия – 15 чел. (0,09 %), не установлено – 582 чел. (3 %). По степени тяжести пациенты делились на тяжело раненых – 3483 чел., средних – 3366 чел., легких – 5167 чел., множественно – 3387 чел. По локации ранений: верхние конечности – 5314 (34 %), нижние конечности – 5071 (32,2 %), суставы – 861 (5,3 %), грудная клетка – 1473 (9,6 %), живот – 613 (3,9 %), голова – 1602 (10,2 %), шея – 279 (1,8 %), таз – 446 (2,9 %), позвоночник – 308 (1,9 %), половые органы – 49 (0,3 %) [1: 261 об.].

Важным показателем эффективности оказания медицинской помощи является временной интервал между получением ранения и выполнением необходимых лечебных процедур. Обработка ран по времени поступления из частей в МСБ показывает, что более половины поступлений (52,8 %) укладывалось в 8-часовой отрезок времени после получения ранения, в 33,8 % случаев этот временной интервал составлял от 8 до 16 часов, остальные поступали на вторые сутки (11 %), и лишь малая часть попадала в медучреждения на третьи сутки. Из поступивших в промежуток до 8 часов активную обработку ран получили 46 % пациентов. 49,7 % поступившим в интервале от 8 до 16 часов, 64,9 % поступившим на вторые сутки и 42,5 % поступившим на третьи сутки также была проведена активная обработка ран. Всего же по указанному числу дивизий 70-й армии поступил 23 841 раненый, при этом активно обработанными оказались 11 829 чел., что составило 49,7 % от общего числа раненых.

Всего в МСБ армии при больших потоках раненых за июль 1943 г. получили хирургическую помощь 60,5 % раненых. Из них 10,8 % были проведены крупные операции. При общем количестве 4996 операций основным обезболивающим являлась местная анестезия. Она была применена в 4553 (91,2 %) случаях. Переливание крови было произведено 348 (2,8 %) раненым. Общая смертность на 23 841 чел. составила 704 чел. (2,7 %) [1: 262].

Эпидемическая обстановка в 70-й армии характеризовалась выявлением четырех случаев заболевания сыпным тифом. В двух из них заражение произошло в период пребывания в длительной командировке, еще в двух – от контакта с местным населением. Динамика заболевания сыпным тифом по месяцам такова: апрель – 1628 случаев, май – 665 случаев, июнь – 91, июль – 4. Летальных исходов от сыпного тифа в июле не было. Заболеваемость дизентерией возросла в два раза. Если в июне было выявлено 34 случая, то в июле – уже 68 случаев. В целом в июле наблюдалось небольшое снижение острых желудочно-кишечных заболеваний [1: 263].

Кроме отчетных документов санитарных отделов армий, входивших в состав Центрального фронта, ценной исторической информацией об оказании помощи раненым располагают архивные фонды отдельных госпиталей. Так, эвакуогоспиталь № 3240 (ЭГ-3240) до начала июня 1943 г. размещался в приспособленных общественных зданиях на центральной улице Курска. Массированные налеты вражеской авиации вынудили передислоцировать госпиталь в село Овсянниково в 13 км к северо-востоку от областного центра. Здесь в короткие сроки был выполнен значительный объем земляных работ, в результате которых удалось выстроить из землянок целый медицинский городок. Он включал санитарный пропускник с перевязочной, дезинфекционную камеру, палаты на 100–140 коек, расположенные на определенном расстоянии друг от друга, перевязочную на восемь столов и операционную на два стола с укрытием, способным спасти от небольшой бомбежки, пищеблок, рассчитанный на 2000 человек. Все это хозяйство находилось под землей. Землянки были покрыты дерном, чтобы обеспечить их маскировку с воздуха. Использовались и наземные сооружения – три разрушенные конюшни, которые сравнительно быстро удалось привести в порядок. Женщины и дети из местного колхоза помогли плести стенки, затем обмазывать их глиной, выстраивая традиционные южнорусские мазанки [3: 29].

С начала боев на северном фланге Курской дуги в ЭГ-3240 (Овсянниково) поступило 3545 раненых и больных, в том числе 2657 чел. в июле и 888 чел. в августе. 67 % поступивших раненых имели тяжелые травмы и повреждения больших костей. Врачами госпиталя было проведено 730 операций, 411 из них выполнялось под эфирным наркозом,

292 – под местной анестезией, 27 – с использованием хлорэтила. 130 больных поступили с анаэробной инфекцией. По результатам оказания медицинской помощи 85,41 % пациентов было эвакуировано, 3,64 % – выписано в части, 2,26 % – скончалось. Выполнить 279 перевиваний крови помогли 45 доноров [3: 30].

ЭГ-1034 до 1 августа 1943 г. находился в резерве на ст. Мармыжи Курской области, после чего был получен приказ о развертывании госпиталя в Курске. Все погрузочные работы были проведены силами работников госпиталя, и в течение трех дней, несмотря на отсутствие опыта быстрого развертывания во фронтовом районе, госпиталь был готов к приему раненых [2: 12]. Он расположился в зданиях родильного дома и средней школы, находившихся в одном дворе. Согласно приказу фронтового эвакуационного пункта № 73, госпиталь стал работать как специализированный на 700 коек с черепно-мозговым, челюстно-лицевым, общим хирургическим, отоларингологическим отделениями. В общей хирургии отделения было организовано оказание помощи обожженным на 50 коек, применялось лечение парафином и физиотерапевтическое лечение.

7 августа 1943 г. ЭГ-1034 принял первую группу черепно-мозговых раненых из полевого подвижного госпиталя № 4397 (ППГ-4397). Затем круглосуточно в госпиталь стали поступать раненые по профилю, доставляемые санитарными летучками из ППГ и самолетами. Раненые в подавляющем большинстве случаев уже были прооперированы на предыдущих этапах оказания медицинской помощи, но не всегда выдерживались сроки после операций, поскольку ППГ должны были разгружаться от раненых и быстро следовать за наступающими войсками вперед. Стали поступать тяжелораненые с послеоперационными осложнениями, менингитами, менинго-энцефалитами, абсцессами мозга.

Специалисты госпиталя столкнулись с исключительными трудностями, связанными с уходом за ранеными. Ощущался серьезный дефицит санитарок. Все раненые были тяжелыми, и из них нельзя было выделить тех, кто мог бы помочь в уходе. Командование госпиталя оперативно связалось с местными партийными и советскими организациями. В помощь были выделены санитарки, но их всё равно оказалось мало, и медсестрам зачастую приходилось выполнять их обязанности.

В Курске ЭГ-1034 проработал с 7 августа по 17 сентября 1943 г. За это время в госпитале лечилось 1978 раненых и больных, из них 150 чел. с проникающими ранениями, 402 раненных в челюсть, 222 раненных в глаза, 412 общехирургических раненых. Всем раненым при необходимости проводилась первичная хирургическая обработка. Но в большинстве случаев силами медработников велась борьба с различными осложнениями после операций на черепе, вторичными кровотечениями в челюстном отделении, в глазном отделении было произведено большое количество операций по извлечению инородных тел из глаз. Впервые ведущим хирургом майором медицинской службы А.И. Иванченко была применена пломба «сахар, хлор, амин, кровь» для пломбировки абсцессов головного мозга после вскрытия черепа. Всего за этот период была проведена 161 операция, выписано в части 152 чел., умерло 49 чел. Произведено 6230 перевязок, 1903 клинических анализа, 1321 рентгенологическое исследование [2: 13].

Анализ опыта организации медицинской помощи раненым и больным бойцам в войсках Центрального фронта показал существование в условиях военного времени отлаженного механизма функционирования системы военно-санитарного обслуживания, сбои в работе которого происходили в силу частных причин объективного и субъективного характера, не создавая критических препятствий для выполнения основных задач, связанных со спасением жизни раненых и восстановлением их здоровья.

### **Источники и литература**

1. Архив военно-медицинских документов (далее – АВМД). Ф. 5. Оп. 1. Д. 189.
2. АВМД. Ф. 746. Оп. 9812. Д. 1.
3. АВМД. Ф. 1780. Оп. 70112/4. Д. 41.

А.С. Бушуев

**УРОЖЕНЦЫ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РСФСР  
В СОСТАВЕ БОЕВЫХ ПОТЕРЬ КРАСНОЙ АРМИИ  
ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ПОЛЬШИ в 1944–1945 гг.:  
опыт просопографии**

Изучение количественного и качественного состава боевых потерь Красной армии в последние годы становится одним из важных направлений изучения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Значительные по своим результатам и объему исследования выполнены на сегодняшний день в масштабах общих потерь РККА [4; 8; 12], отдельных воинских подразделений [9; 11; 13; 14], войсковых операций [7; 10] или отдельных регионов [1; 3; 5]. Региональные исследования обычно посвящены рассмотрению потерь уроженцев региона за все годы войны. При этом пока мало работ, посвященных участию уроженцев того или иного региона в отдельных войсковых операциях или на отдельных участках фронта. Вместе с тем возможности для такого анализа сегодня есть.

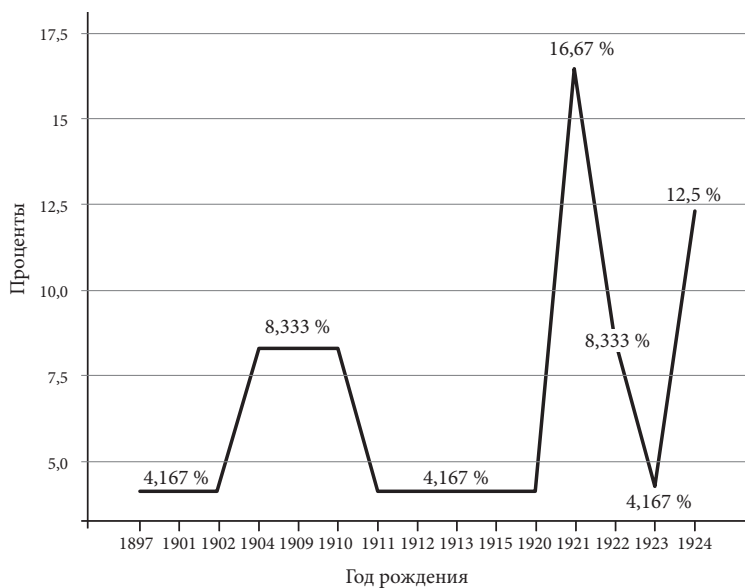
В данной статье представлен опыт просопографического исследования боевых потерь Красной армии среди уроженцев южных регионов РСФСР при освобождении северо-восточных районов Польши на подступах к Восточной Пруссии в 1944–1945 гг. Основой настоящей работы выступают материалы составленной автором базы данных, содержащей сведения о погибших бойцах РККА, захороненных на воинском кладбище в д. Кшывулька Сувалкского повята Подляского воеводства, ныне административно входящей в состав г. Сувалки. На сегодняшний день это одно из крупнейших советских воинских захоронений не только в числе 91 подобного объекта на территории Подляского воеводства, но и среди всех воинских захоронений в Польше. По имеющимся сведениям, здесь покоятся 51 136 чел. [6].

Кладбище возникло в 1942 г. как место упокоения 46 тыс. советских военнопленных, замученных в концентрационном лагере Stalag I-F в Сувалках. После окончания войны сюда же перезахоронили останки 5136 бойцов РККА, погибших при освобождении Сувалок и других населенных пунктов региона.

В результате экспедиционного выезда на данное кладбище и в ходе последующего исследования мною были собраны сведения о солдатах и офицерах Красной армии, захороненных на данном военном кладбище. Кроме фамилий и имен захороненных здесь военнослужащих, в большинстве случаев по архивным документам удалось установить годы рождений и время гибели, места рождений, призыва и службы, места первоначальных захоронений. В некоторых случаях, благодаря возможностям поисковой системы сайта «Память народа», удалось выявить наличие боевых наград у погибших. На основании собранной информации была составлена база данных, включающая на сегодняшний день сведения о бойцах РККА (951 чел.), отдавших свои жизни при освобождении Польши на Сувалкском направлении. Анализ материалов этой базы данных позволил провести данное просопографическое исследование.

В результате удалось установить, что уроженцы РСФСР представляют в общей сложности 57 регионов, большая часть которых сосредоточена в Центральном, Центрально-Черноземном районах, в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири. Южные регионы страны дают лишь незначительное число погибших и захороненных здесь солдат, не превышающее 3 % от общего числа идентифицированных захоронений (24 чел.), три четверти из которых (18 чел.) являются уроженцами Северо-Кавказского района с Крымской АССР, остальные (6 чел.) – уроженцами областей Нижнего Поволжья. Северный Кавказ представляют Краснодарский край (6 чел.), Ростовская область (5 чел.), Орджоникидзевский (ныне Ставропольский) край и Крымская АССР (ныне Республика Крым) (по 3 чел.), Северо-Осетинская АССР (ныне Республика Северная Осетия – Алания) (1 чел.); Южное Поволжье – Сталинградская (ныне Волгоградская) (4 чел.) и Астраханская области (2 чел.).

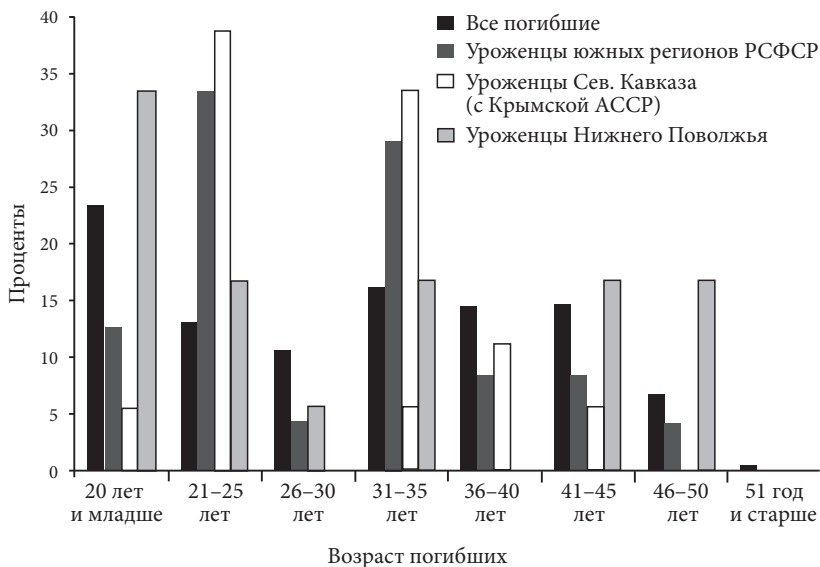
Распределение погибших по местам призыва неоднородно: менее половины уроженцев южных регионов РСФСР (41,7 %) были призваны по месту рождения и лишь немногим более половины из них (54,2 %) – в рамках рассматриваемого макрорегиона. Этот показатель существенно ниже, чем в других регионах страны. Так, автором ранее было установлено, что две трети уроженцев Поволжья и четыре пятых уроженцев Волго-Вятского района, захороненных в Сувалках, призывались по месту рождения [2: 182].



**Рис. 1.** Распределение погибших уроженцев южных регионов РСФСР по годам рождения

Призыв не по месту рождения был распространенным явлением в годы войны и объясняется разными причинами. Так, в Белоруссии были мобилизованы трое уроженцев Краснодарского края, по одному уроженцу Орджоникидзевогo края, Ростовской и Сталинградской областей, Крымской АССР. Один уроженец Краснодарского края был призван из Новосибирской области, также по одному уроженцу Ростовской области были мобилизованы из Москвы и Саратовской области, уроженец Крымской АССР – в Красноярском крае и т.д.

Теперь подробнее остановимся на составе боевых потерь при освобождении Польши среди уроженцев южных регионов РСФСР. Как видно из приведенного графика (рис. 1), в Сувалках захоронены военнослужащие с 1897 по 1924 г. рождения. Разброс вариантов от минимального к максимальному составил 27 годовых интервалов. Наиболее часто встречается 1921 г. – в этот год родился каждый шестой из похороненных здесь солдат. Также многочисленны родившиеся в 1924 г. Все уроженцы 1921–1924 гг. охватывают более чем каждого



**Рис. 2.** Возрастной состав погибших бойцов РККА и уроженцев южных регионов РСФСР

второго солдата – это самые молодые из погибших здесь уроженцев юга РСФСР. Медианный год рождения – 1914-й, половина солдат родилась до него, а половина – уже после. Это, безусловно, отразилось на возрастном составе безвозвратных потерь на этом участке фронта.

Особенности возрастного состава уроженцев южных регионов РСФСР, погибших на этом участке фронта в ходе Гумбинненской и Ин-стербургско-Кёнигсбергской операций, представлены на рисунке 2.

Восьмая часть (12,5 %) уроженцев рассматриваемого региона среди погибших была не старше 20 лет, а половина (50,0 %) – не старше 30 лет. При этом если доля погибших в Сувалках уроженцев Юга России приблизительно соответствует аналогичной доле этой группы во всех военных потерях СССР за годы войны (79,2 и 74,0 % соответственно) [12: 236], то среди захороненных в Сувалках общая доля этих возрастов ниже на 15,7 % и составляет лишь 63,5 %.

Таким образом, несмотря на почти двукратно меньшую долю самой младшей возрастной группы (до 20 лет включительно) среди



уроженцев Юга России по сравнению со всеми погибшими и захороненными в Сувалках красноармейцами, к 35 годам эта разница не только преодолевается, но и начинает существенно превышать средние показатели. Значительное число среди погибших – это представители возрастных групп 21–25-летних и 31–35-летних уроженцев южных регионов РСФСР, каждая из которых дает до трети всех захороненных здесь солдат.

В донесениях о потерях и других подобных источниках, как правило, фиксировалось последнее место службы бойцов, что дает нам интересную информацию. Как видно из таблицы 1, абсолютное большинство (98,8 %) погибших уроженцев южных регионов несли службу в различных подразделениях 31-й армии 3-го Белорусского фронта. Это связано с тем, что основной удар на данном участке фронта приняли на себя войсковые соединения этой армии, понеся значительные потери в живой силе и технике.

**Таблица 1.** Места службы уроженцев южных регионов РСФСР, погибших при освобождении северо-восточной Польши

Место службы	Кол-во человек	%
<b>2-й Белорусский фронт</b>	<b>1</b>	<b>4,2</b>
32-я кавалерийская дивизия	1	4,2
<b>3-й Белорусский фронт</b>	<b>23</b>	<b>95,8</b>
31-я армия, в том числе:	23	95,8
62-я стрелковая дивизия	3	12,5
173-я стрелковая дивизия	4	16,7
174-я стрелковая дивизия	1	4,2
220-я стрелковая дивизия	4	16,7
331-я стрелковая дивизия	1	4,2
352-я стрелковая дивизия	3	12,5
Армейские штрафные роты	7	29,0
<b>Всего</b>	<b>24</b>	<b>100,0</b>

Почти каждый третий погибший здесь уроженец Юга России служил в штрафных ротах 31-й армии (3-й, 135-й, 136-й, 142-й ошр). Высокая доля штрафников среди погибших в ходе освобождения

северо-восточной части Польши не случайна, ведь известно, что штрафные подразделения направлялись на самые сложные участки фронта, поэтому они несли серьезные боевые потери. Однако доля штрафников среди уроженцев рассматриваемого региона в 2,3 раза выше, чем среди всех погибших и захороненных в Сувалках бойцов, и почти в полтора раза выше, чем, например, среди уроженцев Поволжья и Волго-Вятского региона [2: 186]. Ответить на вопрос о причинах такого превышения пока затруднительно, поскольку для этого требуется дополнительное исследование. Каждый шестой боец служил в 173-й и 220-й стрелковых дивизиях, каждый восьмой – в 62-й и 352-й стрелковых дивизиях.

Традиционно наибольшие людские потери приходятся на рядовой состав. Четыре пятых (79,2 %) всех захороненных в Сувалках бойцов – уроженцев рассматриваемого региона – составляют рядовые красноармейцы (табл. 2). К младшему командному составу относится каждый восьмой погибший здесь военнослужащий (3 сержанта). На средний и старший командный состав приходится по 4,2 % захороненных. Офицеры представлены военнослужащими в звании младшего лейтенанта и капитана (по 1 человеку).

**Таблица 2.** Воинский состав уроженцев южных регионов РСФСР, погибших при освобождении северо-восточной Польши

<b>Воинский состав</b>	<b>Кол-во человек</b>	<b>%</b>
Рядовой состав	19	79,1
Младший командный и начальствующий состав	3	12,5
Средний командный состав	1	4,2
Старший командный состав	1	4,2
<b>Всего</b>	<b>24</b>	<b>100,0</b>

Подробнее познакомимся с судьбами некоторых из них – такими разными и такими похожими...

*Капитан Казахов Сурен Григорьевич* (1921 г.р.), уроженец г. Пятигорска, мобилизованный Кисловодским городским военным комиссариатом, служил заместителем командира батальона по строевой части 123-го стрелкового полка 62-й стрелковой дивизии и погиб в бою в октябре 1944 г. у д. Стара Павлуква (ныне в составе гмины Пшеросль

Сувалкского повята Подляского воеводства Польши). За проявленный в боях героизм был награжден орденами Отечественной войны II и посмертно – I степени [16: 113; 17: 159 об.; 18: 122–122 об.].

*Младший лейтенант Макеев Батраз Мацевич* (1924 г.р.), уроженец Садонского района Северо-Осетинской АССР (ныне в составе Алагирского района Республики Северная Осетия – Алания), призванный по месту рождения, служил командиром взвода 1162-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии. В сентябре 1944 г. погиб у д. Покомши (ныне в составе гмины Шиплишки Сувалкского повята Подляского воеводства Польши) [15: 2].

*Сержант Султабов Нусарай Рафилович* (1901 г.р.), уроженец Самарского района (ныне в составе Азовского района) Ростовской области, призванный по месту рождения, служил в 1108-м стрелковом полку 331-й стрелковой дивизии. Погиб в августе 1944 г. у д. Чарна-Бухта (ныне в составе гмины Краснополь Сейненского повята Подляского воеводства) [19: 171 об.].

*Красноармеец Марченко Григорий Евдокимович* (1920 г.р.), уроженец станицы Ахтырской (ныне пгт. Ахтырский) Абинского района Краснодарского края, призванный по месту рождения, служил в 136-й отдельной штрафной роте 31-й армии. Погиб в октябре 1944 г. в г. Сувалки [20: 110 об.].

Расклад потерь по армейским должностям дополняет картину. Освобождая Сувалки и их окрестности, свои жизни сложили уже упомянутые выше заместитель командира взвода 123-го стрелкового полка 62-й стрелковой дивизии – 23-летний капитан С.Г. Казахов и командир взвода 1162-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии – 20-летний младший лейтенант Б.М. Макеев. Свое упокоение в Сувалках нашли также помощник командира взвода 136-й отдельной штрафной роты – 31-летний И.К. Дородный и, кроме того, 16 стрелков, 2 санитары, 1 шофер, 1 кладовщик, 1 сапер, 1 санинструктор.

В целом мы видим, что понесенные Красной армией потери оказались существенными не только для рядовых бойцов, но и для молодых командиров, которые могли в будущем составить офицерский костяк Красной армии. Потери нес не только основной боевой состав сражающихся полков и дивизий, но также обслуживающий и вспомогательный персонал.

Составленный на основе анализа базы данных просопографический портрет солдат и офицеров Красной армии – уроженцев южных регионов РСФСР, погибших на польской земле и захороненных в Сувалках, – не является полным из-за ограниченности имеющихся сведений. Вместе с тем, на наш взгляд, он может представлять определенный интерес как для историков, так и для широкой общественности, открывая возможные перспективы будущих исследований.

### **Источники и литература**

1. *Арсентьев Н.М., Котков С.К., Скворцова Л.Г.* Цена победы: хроника безвозвратных потерь жителей Республики Мордовия на фронтах Великой Отечественной войны. Саранск, 2005.
2. *Бушуев А.С.* Уроженцы Поволжья и Волго-Вятского района в составе боевых потерь РККА при освобождении северо-восточной Польши в 1944–1945 гг. // Регионы России в военной истории страны. Вып. IV. Йошкар-Ола, 2022. С. 179–191.
3. *Бушуева О.Ю.* Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Самара, 2012.
4. Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.
5. *Иванов А.А.* Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2001.
6. Кладбище воинов СА и военнопленных. URL: <https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=86389869> (дата обращения: 17.03.2023).
7. *Литвиненко В.В.* Наступательные операции советских войск в Московской битве. Людские потери Красной армии и вермахта // Вестник Академии военных наук. 2022. № 1(78). С. 133–141.
8. *Литвиненко В.В.* Цена Великой Победы // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 37–45.
9. *Мизеров И.И.* Боевые действия 1-й и 3-й воздушных армий в первой Ржевско-Сычевской операции: потери и их восполнение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 145–159.
10. *Олейник Н.Б., Сяков Ю.А., Тургаев А.С.* Любанская наступательная операция 1942 г.: подготовка к сражению, начало боевых действий, анализ потерь. СПб., 2006.

11. Прокина А.И., Катионов О.Н. Боевые потери 11-й гвардейской стрелковой дивизии в июне 1944 года в период проведения операции «Багратион» // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2019. № 2(6). С. 61–66.
12. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Г.В. Кривошеева. М., 2001.
13. Синенко В.А. Потери и боевые успехи 83 гвардейской стрелковой дивизии, принимавшей участие в восточно-прусской операции 1945 года // Человечество против фашизма: люди, народы, государства: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 75-й годовщине Великой Победы, Омск, 24 апреля 2020 г. Омск, 2020. С. 155–160.
14. Темукуев Б.Б. Отдельная 115-я кавалерийская дивизия. Безвозвратные потери. Нальчик, 2019.
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 11 458. Д. 422.
16. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11 458. Д. 425.
17. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690 155. Д. 3641.
18. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690 155. Д. 3741.
19. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18 002. Д. 711.
20. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18 002. Д. 1291.

**В.А. Иванов, В.Р. Щербакова**

**ДНЕВНИК ПЕТРА ДЕНИСОВИЧА ДЯДЮШКИНА –  
ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ  
НА ТЕРРИТОРИИ ОККУПИРОВАННОГО КРЫМА в 1941–1944 гг.**

Весной 1985 г. в редакцию газеты «Авангард» Раздольненского района Крымской области Украинской ССР в преддверии 40-летия Великой Победы советского народа над нацистской Германией передали рукопись уроженца этого района Петра Денисовича Дядюшкина о партизанском движении на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны. К тому времени самого автора уже не было в живых: он скончался в марте 1985 г. в г. Ялте. На сегодняшний день нам не удалось выяснить судьбу оригинала рукописи. Но опубликованные в газете «Авангард» материалы не только раскрывают

подробности ведения партизанской борьбы в глубоком вражеском тылу, но и освещают малоизвестные события времен нацистской оккупации Северного Крыма. О работе в регионе разветвленной сети подпольных организаций, объединившихся в 1943 г., о причинах их возникновения, становления и развития летом 1941 г. – осенью 1942 г. рассказывает дневник П.Д. Дядюшкина.

В историографии тема участия уроженцев Ак-Шейхского (Раздольненского) района в партизанском движении недостаточно освещена. Так, авторитетный писатель-краевед и историк В.Г. Жемеров описал их деятельность на одной странице [12: 41; 13: 34]. Объясняется это, в частности, тем, что, в отличие от своих коллег, профессиональных историков Е.Б. Мельничука [14], В.Е. Полякова [15; 16], В.Н. Пащени, Е.В. Пащени [17], О.В. Романько, А.Ю. Бутовского, С.Н. Ткаченко [18], он не работал ни в Государственном архиве Республике Крым, ни в муниципальных архивах республики. При этом В.Г. Жемеров использовал уникальные материалы из фондов Центра детского и юношеского творчества Раздольненского района Республики Крым в пос. Раздольном, где размещался небольшой краеведческий музей. Хранящиеся там материалы представляли собой достаточно редкие воспоминания участников подпольно-патриотической борьбы на территории Ак-Шейхского района в период нацистской оккупации, однако по участию уроженцев Раздольного в партизанской борьбе материалов там было крайне мало. Отметим, что в других музеях республики, в частности в историко-археологическом музее-заповеднике «Калос-Лимен» (пос. Черноморское, Черноморский район), сведений о партизанском движении гораздо больше.

П.Д. Дядюшкин до войны работал секретарем Ак-Шейхского райкома комсомола. Когда началась Великая Отечественная война, вместе с другом Леонидом Паниотовым, заведующим отделом пропаганды и агитации райкома ВКП(б), он вступил в истребительный батальон.

Необходимо отметить, что Л.Н. Паниотов оказался на севере Крыма только в 1941 г. Он недавно вступил в должность: до начала войны он учился, вступил в партию, а получив высшее образование, работал некоторое время преподавателем истории в Крымском медицинском институте. Л. Паниотова направили из Симферополя в Ак-Шейхский район вместо ушедшего на фронт Захарьянца [5: 3].

Перед истребительным батальоном ставились задачи поиска немецких диверсантов, которых могли направить в Ак-Шейхский район по воздуху, а также ликвидации последствий вражеских бомбардировок района [5: 3].

Когда фронт приблизился к Перекопскому перешейку, гитлеровская авиация совершила авианалет на Ак-Шейх. Согласно воспоминаниям П.Д. Дядюшкина, авиаудар нанес райцентру значительный ущерб, «оказались разрушенными МТС, здание райисполкома, сильно пострадал ряд жилых домов. Были жертвы среди людей – убитые и раненые» [5: 3].

На базе истребительного батальона в Ак-Шейхе в августе 1941 г. началось формирование Ак-Шейхского партизанского отряда. Местом его базирования заранее были выбраны леса Бахчисарайского района.

Секретари Ак-Шейхского райкома партии – Макаров, Цырульников и Попов – занимались подбором людей, закладкой продовольственных баз и оружием [12: 40]. Командиром Ак-Шейхского партизанского отряда был назначен Феодосий Степанович Харченко, направленный вместе с десятью партийными работниками с Херсонщины [3: 52, 74, 122; 20: 2, 3]; комиссаром – И.К. Понедельников, начальником штаба – Н.И. Балахонов. Официально новый партизанский отряд был утвержден Крымским обкомом ВКП(б) 28 октября 1941 г. [12: 40]. Общая численность отряда первоначально составляла 27 человек [20: 2, 3].

Отступая из Ак-Шейхского района в бахчисарайские леса, партизаны позаботились о том, чтобы ничего не досталось врагу. Был взорван порт Сары-Булат (из которого в основном экспортировалась овечья шерсть в порты Южной Украины), подожгли склады заготзерна и эвакуировали по возможности учреждения Ак-Шейхского района в глубокий тыл. П.Д. Дядюшкин вспоминал, как работники райкома – заведующая сектором учета Раиса Матвеева, комсомолки Любовь Онуфриенко и Екатерина Помазнюк – «сжигали документы» [6: 3]. Ценные бумаги были раньше отправлены в архив. Остались только учетные карточки комсомольцев и протоколы последних заседаний бюро. Сама эвакуация проходила 31 октября 1941 г.

П.Д. Дядюшкин в своем дневнике, соблюдая принцип конспирации, не называл населенные пункты, имена, отчества и фамилии партизан,

подпольщиков, упоминая их под условными обозначениями. Только 1 ноября 1941 г. бойцы Ак-Шейхского партизанского отряда прибыли в д. Коуш (ныне с. Шелковичное Бахчисарайского района Республики Крым), возле которой находился пункт базирования отряда, а затем в оговоренное заранее место назначения [7: 3].

Дядюшкин в дневнике указал, что первое боевое крещение акшеихцев произошло 2 ноября 1941 г. Бойцы устроили засаду, в ходе боя были уничтожены два немецких мотоциклиста. Потери отряда составили два человека: один боец был ранен, а шофер пропал без вести.

К сожалению, борьба была значительно усложнена из-за отсутствия достаточного количества провианта, оружия и теплой одежды. Акшеихцы обнаружили, что продовольственные базы оказались разграбленными. Причастными к тому стали местные жители, которые, зная о скрытых в лесу тайниках, проникли раньше туда раньше. На наш взгляд, это не свидетельствовало об усилении антисоветских настроений, скорее всего, было проявлением акта мародерства в условиях, когда органы власти не могли этому оказать сопротивление [7: 3].

Крымские партизаны страдали от холода и голода. П.Д. Дядюшкин подмечает, что, во-первых, ухудшилась погода, сильный ветер сопровождался ранним снегопадом и сильным морозом, а во-вторых, пришлось серьезно сократить пищевой рацион. В качестве примера он приводит случай празднования Нового (1942) года: акшеихцы раскрыли банку варенья, которая у них была припасена, и небольшими порциями раздали всем бойцам отряда в качестве праздничной трапезы [7: 3].

Январь 1942 г. прошел в ожесточенных схватках с врагом. Партизаны взрывали мосты, уничтожали узлы телефонной и телеграфной связи, проводили боевые вылазки. Налеты на пункты базирования противника небольшими группами и одиночные рейды снайперов-одиночек на вражескую территорию стали повседневной ратной работой. 3 февраля 1942 г. Ак-Шейхский партизанский отряд под руководством З.Ф. Амелинова провел совместную операцию вместе с отрядом с. Красноармейского (командир А. Аединов) на вражеский гарнизон в д. Стиля. В бою отличились партизаны Д.М. Аверьянов и А.А. Сахаров [2: 154].



22 февраля 1942 г. акшеихцы и ялтинцы собрались в кошаре, находившейся поблизости от каньона Биюк-Узенбаш для координации совместной боевой операции. Возглавил объединенные силы командир Ялтинского партизанского отряда Николай Петрович Кривошта.

Петр Денисович Дядюшкин вместе с Анной Михайловной Васильковой сформировали разведгруппу из учащихся симферопольских школ (в нее, в частности, входил бывший ученик Анны Михайловны – Михаил Кузурин). Командиром разведывательного рейда был назначен Степан Игнатьевич Становский (известный под прозвищем «дядя Степа») [19: 111, 113]. У командира Ак-Шейхского партизанского отряда Феодосея Степановича Харченко было получено разрешение действовать совместно с разведчиками Ялтинского отряда. В рейд были отправлены юные разведчики-комсомольцы: Михаил Кузурин, Юрий Тимохин, Анатолий Серебряков, Михаил Горемыкин [4: 3]. Об этих событиях в дневнике П.Д. Дядюшкина встречаем такие строки: «13 января [1942 г.]. Снова поход на К. (имеется в виду с. Коуш. – Авт.). Здесь у нас больше всего интересной работы для расправы с фашистами и их пособниками – изменниками и предателями нашей Родины. 2 февраля. Бой в С. Двое ранено. 8 февраля. Снова на К. нанесли удар, большие потери у противника. С нашей стороны двое пропали без вести» [7: 3].

Боевые операции планировались на основании разведданных. От зорких глаз юных патриотов ничто не могло укрыться. П.Д. Дядюшкин так передавал содержание доклада по сложившейся обстановке: «Две грузовые машины прибавились, – первым ответил Серебряков. – Точно, – подтвердил Юра Тимохин. – Одна возле школы, там, где и вчерашние, а другая – возле колодца. – И мельница сегодня работает, – вставил Миша Горемыкин. – Значит, мука будет, да и пшеница нам не помешает» [4: 3].

Получив эти ценные сведения, на рассвете Ак-Шейхский и Ялтинский партизанские отряды ворвались в село. Немецкий гарнизон в д. Биюк-Озенбаш (ныне с. Счастливое Бахчисарайского района Республики Крым) был разгромлен полностью. Бойцы попытались завести ряд машин, чтобы увезти их в тыл, но остывшие моторы не заводились. Поэтому автомашины были уничтожены [4: 3]. В ходе удачной партизанской атаки у нацистов были захвачены запасы

продовольствия – мука и пшеница, необходимые для выживания отряда. В последующих боевых операциях смертью храбрых пали Анатолий Серебряков, Юрий Тимохин, Михаил Горемыкин и Михаил Кузерин [4: 3; 9: 3].

9 марта 1942 г. командование партизанским движением в Крыму отдало приказ об объединении отрядов: Колайского с Ичкинским, Ялтинского с Ак-Шейхским. Командиром объединенного Ичкинско-Колайского отряда был назначен М.И. Чуб, комиссаром – В.К. Полянский, а Ялтинского – соответственно Ф.С. Харченко и Н.Г. Трофименко. К осени 1942 г. из 27 ушедших в крымские леса акшеихцев уцелело трое: П.Д. Дядюшкин, И.И. Урсол и П.Г. Очигов. Смертью храбрых пали в бою Ф.С. Харченко, начальник штаба Н.П. Балахонов, бойцы Г.Ф. Глускер, Г.И. Гришко, А.И. Коренюк, Я.М. Мищенко, А.Я. Гарбуз, М.Н. Шостик, Г.А. Кондратенко и другие. Друг П.Д. Дядюшкина Л.Н. Паниотов умер от ран и истощения. Командира диверсионной группы Ак-Шейхского партизанского отряда П.П. Великанова нацисты взяли в плен в одном из боев и расстреляли [8: 3].

П.Д. Дядюшкин в конечном счете оказался в рядах 5-го комсомольско-молодежного отряда. Он с трудом пережил голодную зиму 1942 г., смог эвакуироваться на Большую землю. Самолет доставил его в госпиталь в Сочи. Следует отметить, что записи в его дневнике, переданные супругой Людмилой Витальевной в 1985 г. в редакцию районной газеты «Авангард», заканчивались на дате 25 октября 1942 г. Последняя запись, сделанная рукой П.Д. Дядюшкина, гласила: «Большая земля. На отдыхе» [7: 3].

После тщательного изучения дополнительных источников и литературы авторам удалось выяснить дальнейшую судьбу П.Д. Дядюшкина после эвакуации в Краснодарский край. После лечения он возвратился в Крым, был назначен комиссаром 5-го партизанского отряда и помощником комиссара по комсомолу 3-й бригады Восточного соединения партизан Крыма. Отряд был создан 26 октября 1943 г. преимущественно из молодежи Старо-Крымского района. Этот партизанский отряд входил в состав 3-й бригады Восточного соединения. Командиром был назначен А. Вахтин, начальником штаба – Шепелев [21: 1].

Об этом периоде жизни П.Д. Дядюшкина и его соратников можно узнать из отчета, рукопись которого он передал ветерану

госбезопасности Алексею Николаевичу Мантейфелю (архив последнего хранится в фондах Феодосийского музея древностей).

В частности, в отчете сказано о том, как самоотверженно сражалась молодежь 5-го комсомольско-молодежного отряда. В состав этого формирования входила комсомолка Лидия Шведченко, отличавшаяся необыкновенной храбростью. Так, в одном из боев она вышла на дорогу и автоматной очередью в упор расстреляла немецкую автомашину. Во время операции под г. Старый Крым взорвала семитонную машину с немецким экипажем, подорвала 50 телеграфных столбов. К сожалению, во время проведения разведывательной операции Лидия Шведченко попала во вражескую засаду и погибла накануне освобождения Крыма [11: 4].

Активную помощь регулярной армии в освобождении Крыма продолжали оказывать партизаны. Так, командир Восточного партизанского соединения В. Кузнецов отдал приказ отрядам готовиться к штурму г. Старый Крым. Был разработан детальный план действий. 11 апреля 1944 г. отряд должен был перекрыть дорогу Старый Крым – Грушевка, а комсомольско-молодежный отряд во главе с А. Вахтиным должен был взять под свой контроль дорогу Феодосия – Старый Крым в районе с. Изюмовка. Этими действиями следовало отвлечь внимание противника, в то время как прочие отряды В. Кузнецов вел на штурм Старого Крыма.

В этот день П.Д. Дядюшкин вместе с бойцами отряда А. Вахтина оставил засаду на мосту, который вел к Старому Крыму. С основной частью партизан они вошли в д. Изюмовку и решительным ударом захватили ее [7: 7]. Вместе с Дядюшкиным в этой операции принимали участие Александр Горюнов, Борис Периоти, Владимир Токарев, Василий Коцюба. Патриотам удалось внезапным ударом из засады захватить четыре вражеских тягача с артиллерийскими орудиями. Взяв немцев в плен, юные партизаны через переводчика приказали гитлеровцам открыть огонь по немецкому гарнизону в Старом Крыму.

Последствия удара не заставили себя долго ждать: немецкий гарнизон, к тому времени начавший процесс эвакуации и организовавший массовые расправы над мирными жителями, запаниковал. Из копии хранящегося в фондах Феодосийского музея древностей отчета о деятельности отряда узнаем о том, как был уничтожен немецкий

гарнизон: «Обе улицы были окружены со всех сторон. Завязался ожесточенный бой. Каратели яростно сопротивлялись. Молодые партизаны из-за каждого угла метко разили врага. Каратели были в отчаянии. В ход пошли гранаты. Эсэсовцы не сдержали напора. Их ряды быстро стали редеть. Некоторые из них пытались спастись бегством в лес, но и там их настигали пули группы комиссара (Ахметова. – *Авт.*). Через три часа бой закончился. Карательный отряд в 80 человек был полностью уничтожен» [21: 7]. В результате проведенной операции бойцы П.Д. Дядюшкина отрезали врагу путь отступления из Старого Крыма. 13 апреля 1944 г. Восточное соединение партизан Крыма встречало наступающие части Отдельной Приморской армии [9: 2; 18: 298].

Партизанская война в Крыму подходила к концу. Необходимо подчеркнуть, что ратный подвиг партизан помог Красной армии блестяще провести наступление, бойцы, о которых выше шла речь, внесли огромный вклад в освобождение полуострова от нацистских захватчиков [1].

Дневник Петра Денисовича Дядюшкина и его отчет о деятельности 5-го комсомольско-молодежного отряда – ценные источники по истории партизанско-подпольной борьбы на территории Крымского полуострова [4–11]. В них содержится важнейший фактический материал по социально-экономическому развитию Ак-Шейхского (Раздольненского) района в начале Великой Отечественной войны, о подготовке к ведению партизанской борьбы против нацистских оккупантов. Описываются основные боевые операции Ак-Шейхского партизанского отряда под Бахчисараем, Ялтой и Алуштой, тяжелое положение «народных мстителей» вследствие падения Севастополя летом 1942 г., эвакуация больных и раненых партизан на Большую землю. Автор дает довольно подробный анализ действий партизан Крыма как на начальной, так и на более поздней стадии боевых действий.

К сожалению, в дневнике мы не встретим информации об участии П.Д. Дядюшкина в завершающих партизанских операциях периода Великой Отечественной войны: возможно, автор, соблюдая режим конспирации либо вследствие каких-нибудь иных причин, не хотел или не мог продолжать дневник далее. Ясным становится только одно: этот весьма интересный источник, к сожалению, позабытый многими, в первую очередь жителями Раздольненского района, нужно

использовать как памятник эпохи. Правда о героических и трагических страницах Великой Отечественной войны не должна быть забыта!

### Источники и литература

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. / отв. ред. Б.С. Тельпуховский. М., 1984. URL: <http://militera.lib.ru/h/gpwwsh1/02.html> (дата обращения: 17.04.2023).
2. Государственный архив Республики Крым. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 454.
3. Государственный архив Херсонской области. Ф. П-3652. Оп. 2. Д. 1.
4. Дядюшкин П. Возмездие // Курортная газета. 1969. 22 февраля. № 38 (6993). С. 3.
5. Дядюшкин П. К 40-летию Великой Победы. Дни тяжелых испытаний // Авангард. 1985. 20 апреля. № 48 (6058). Ч. 1. С. 3.
6. Дядюшкин П. К 40-летию Великой Победы. Дни тяжелых испытаний // Авангард. 1985. 25 апреля. № 50 (6060). Ч. 2. С. 3.
7. Дядюшкин П. К 40-летию Великой Победы. Дни тяжелых испытаний // Авангард. 1985. 4 мая. № 54 (6064). Ч. 5. С. 3.
8. Дядюшкин П. К 40-летию Великой Победы. Дни тяжелых испытаний // Авангард. 1985. 9 мая. № 56 (6066). Ч. 7. С. 3.
9. Дядюшкин П. Один лишь бой // Советский Крым. 1978. 22 февраля. № 38 (10478). С. 3.
10. Дядюшкин П. Последний удар // Курортная газета. 1969. 13 апреля. № 73 (7028). С. 2.
11. Дядюшкин П. Юности в пример. К 30-летию партизанского движения в Крыму // Авангард. 1971. 25 ноября. № 141 (1776). С. 4.
12. Жемеров В.Г. На земле Раздольненской (страницы истории, люди, факты, события). Изд. 4-е, доп. Севастополь, 2007.
13. Жемеров В.Г. С любовью к родному краю. Симферополь, 2011.
14. Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму. «Накануне». Кн. 1. Львов, 2008.
15. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. Симферополь, 2013.
16. Поляков В.Е. Партизаннаме. Крымские татары в партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). М., 2020.
17. Пащенко В.Н., Пащенко Е.В. Крымская АССР в годы II-й мировой войны (1939–1945 гг.). Симферополь, 2009.

18. Романько О.В., Бутовский А.Ю., Ткаченко С.Н. «Ахтунг партизанен». Антипартизанская борьба на Крымском полуострове 1941–1944 гг. М., 2021.
19. Становский С.И. Партизаны: Записки разведчика. Симферополь, 1959.
20. Шматок И. Ак-Шейхский партизанский отряд // Авангард. 1981. 9 мая. № 56 (5231). С. 2–3.
21. Фонды Муниципального бюджетного учреждения культуры «Феодосийский музей древностей муниципального образования городской округ Феодосия Республики Крым». Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.

**В.В. Хилькевич**

### **МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О СУДЬБЕ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ РОСТОВА-НА-ДОНУ**

14 февраля 2023 г. исполнилось 80 лет со дня освобождения города Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков. Несмотря на прошедшие десятилетия, интерес к событиям Великой Отечественной войны не ослабевает, а поиск и изучение источников по этой теме вызывает все больший интерес у исследователей.

В результате публикации в рамках реализации проекта «Без срока давности» в 2020 г. значительного объема архивных документов в сборнике по Ростовской области [2], появилась уникальная возможность детально проследить на региональном примере различные аспекты нацистской оккупационной политики по отношению к мирному населению в Ростове-на-Дону, включая и трагическую судьбу евреев во время второй оккупации города.

Во вступительной научной статье авторы обращают внимание на то, что в данном сборнике не была выделена в отдельную тематическую группу история еврейского населения в этот период, а также осталось за пределами структуры содержания положение эвакуированных лиц [2: 32]. На эти и другие проблемные вопросы предлагается ответить исследователям путем изучения как представленных в сборнике материалов, так и иных источников. Справедливо отмечается, что вполне обоснованным выглядит предположение о том, что часть

погибших попали в списки угнанных на принудительные работы в Германию [2: 30].

Обобщенные данные о потерях еврейского населения в Ростовской области и в ее наиболее крупных населенных пунктах, а также вопросы трагичного положения евреев во время оккупации Ростова-на-Дону неоднократно рассматривались в работах о Холокосте [12]. Актуальной теме, связанной с восстановлением имен евреев, уничтоженных нацистами в Змиевской балке в Ростове-на-Дону в августе 1942 г., посвящены публикации Е.В. Мовшовича [6], В.Н. Ракши [9]. Вместе с тем исследование этой темы требует продолжения, так как по-прежнему сохраняются неизвестные страницы в истории судеб людей, оказавшихся в оккупированном Ростове-на-Дону.

Публикации в областной прессе непосредственно сразу после освобождения города от немецко-фашистской оккупации не только официальных документов, но и откликов местных жителей на произошедшие за этот период трагичные события позволяют получить дополнительные ценные исторические сведения по исследуемой тематике.

2 марта 1943 г. на первой полосе областной газеты «Молот» вышла статья «Все наши силы – на восстановление народного хозяйства», в которой были опубликованы сведения об итогах состоявшегося 26–27 февраля 1943 г. Пленума обкома ВКП(б). Наряду с вопросом о необходимости восстановления народного хозяйства города, обсуждалась тема жертв среди мирного населения Ростова. В своем выступлении секретарь областного комитета Б.А. Двинский указывал: «...особенно ужасны те зверства и бесчинства, чинимые гитлеровскими разбойниками над мирным, ни в чем не повинным населением. Десятки тысяч человек – рабочих, колхозников, интеллигенции нашей области – зверски расстреляны. В одном только Ростове немцы убили, замучили и заживо закопали более 20 тысяч человек» [3].

5 марта 1943 г. на второй странице газеты «Молот» была опубликована статья И. Юдоловича «Душегубы», в которой автор изобличает «новый порядок» оккупационных властей Ростова, подчеркивая: «Мы хорошо теперь знаем, что такое “новый порядок”... Печать “нового порядка” виднеется на курганах, воздвигнутых над братскими могилами замученных, расстрелянных и повешенных советских людей...» [15].

В статье была освещена трагедия еврейского населения в период оккупации города: «“Штандорткомендант”, гитлеровский комендант Киттель, руководил кровавой резней. Обер-убийца в генеральском мундире подписал неслыханный по своей наглости приказ. Все евреи должны были явиться в определенные пункты с самыми ценными вещами, запасом продовольствия и ключами от своих квартир, якобы “для отправки в другие города, где они смогут спокойно работать”. Тысячи людей явились в назначенные пункты. Гитлеровцы, как шакалы, набросились на вещи и ключи от квартир. Когда все было отобрано, людей посадили в машины и вывезли за город. В районе Ботанического сада и Зоопарка произошла расправа. Все взрослое еврейское население было расстреляно, а дети отравлены путем смазывания губ ядовитыми веществами. Грязный фашистский листок “Голос Ростова” писал в этот день о гуманности немцев и... зверствах большевиков. А там у Зоопарка лежали еще теплые трупы доцента Киришмана, доцента Новикова, его жены, девятилетнего сына и матери, врача Ингал, токаря артели “Метиза” Павловской» [15].

Однако эта статья не была единственной публикацией в газете «Молот» о судьбе еврейского населения в период оккупации Ростова-на-Дону, о чем указывали ранее исследователи. 11 марта 1943 г. в этой же областной газете появилась еще одна статья советского писателя-прозаика М.А. Никулина под названием «Музыкант», в которой автор поведал читателям историю преподавателя музыки, скрипача-оркестранта, «необычайно трудолюбивого и застенчивого человека» Вениамина Исааковича Соркина [7].

В своей статье Михаил Андреевич указывает, что ранее ему часто приходилось видеть Соркина в залах Ростовского музыкального училища на ученических концертах, а до начала оккупации Ростова-на-Дону ему удалось встретить Вениамина Исааковича лишь однажды. В это время в городе в результате бомбежек «бушевали пожары и горело музыкальное училище». Уже немолодой В.И. Соркин был вынужден работать «на какой-то базе», где «в ведрах носил лед». В последнем разговоре с музыкантом они «заговорили не о скрипке, а об ужасах происходящего». И отчетливее всего М.А. Никулин запомнил следующие слова Вениамина Исааковича: «Неужели придут фашисты? Неужели люди потеряют счастье? Я не перенесу гетто!» [7].



Ни в одном из городов Ростовской области гетто не создавалось [1]. В самом областном центре оставалось много евреев, которые не смогли уехать: старики, больные, их близкие, женщины с детьми [13: 286].

О последующих событиях в Ростове-на-Дону и о судьбе музыканта Соркина автор статьи писал: «Больше я его не видел и никогда не увижу. Захватив Ростов, немцы расстреляли всех евреев. Фашистские варвары убили и Вениамина Исааковича Соркина – этого замечательного скрипача, скромного, хорошего человека». Последние часы жизни Соркина писателю М.А. Никулину стали известны из рассказа знакомой музыканта Елены Ивановны Бунчуковой, в котором раскрываются неизвестные страницы трагичной судьбы этого уже немолодого человека. Михаил Андреевич посчитал важным рассказать об этом разговоре в своей статье: «Я одинок, – сказал ей Вениамин Исаакович, – проводите меня в эту страшную дорогу». Елена Ивановна испекла ему пышки, снарядила и проводила его в эту «страшную дорогу». Но видимо о своей участи Вениамин Исаакович думал менее трагично. Человеколюбивое сердце его не допускало, что «страшная дорога» будет последней. Прощаясь с Еленой Ивановной, он, сокрушаясь, повторял: «Я не смогу перенести гетто...». Вероятно, про гетто Вениамин Исаакович Соркин слышал или, может быть, читал в советской довоенной прессе или в газетах 1941 г. Статья завершается словами автора: «Многочисленные ученики и знакомые Вениамина Исааковича никогда не забудут его судьбу, похожую на кошмарный сон» [7].

Еще одна представляющая интерес публикация в газете «Молот» появилась 16 марта 1943 г. по итогам проведения городского митинга, организованного Ростовским горкомом партии и Горкомом комсомола. Митинг был посвящен «защите детей от фашистского варварства». В газетной статье Н. Мара «Вернем нашим детям счастье» сообщалось, что оккупанты расстреляли в Ростове «десятки тысяч ни в чем не повинных советских граждан». На митинге были озвучены факты «чудовищных злодеяний гитлеровских негодяев», убивающих «женщин и грудных детей», приведены конкретные примеры расправы над семьями ростовчан с детьми, некоторые семьи были истреблены полностью. Сообщалось, что «большое количество еврейских детей отравлено путем смазывания губ ядовитыми веществами». Население

призывали активнее брать на воспитание детей, оставшихся без крова и родительской заботы. Отмечалось, что «десятки тысяч молодежи увезены в Германию», письма этих людей сообщали «о муках и страданиях, переносимых в фашистской неволе». В числе выступающих на этом митинге была педагог школы № 68 Ангелина Григорьевна Задера (позднее – доцент исторического факультета Ростовского государственного университета. – В. Х.). В статье сообщается, что Ангелине Григорьевне «довелось попасть на сборный пункт евреев». Она провожала человека, которого «она безгранично уважала, – Дарью Моисеевну Ширман, старого советского врача. Ей было около 70 лет. Дорогой она рассказывала о долгих годах своей трудовой творческой жизни. Прощаясь, она сказала: “Пора, я не знаю, что будет дальше”» [5].

Что произошло с Д.М. Ширман и другими евреями, находившимися на пункте сбора евреев, Ангелина Григорьевна рассказала на митинге: «Вы знаете, что было дальше, – сдерживая волнение, говорит тов. Задера. – На сборном пункте я видела много малюток. Все они были истреблены» [5].

О судьбе врача Дарьи Моисеевны Ширман нет сведений в списке жертв Змиевской балки [8]. Не удалось найти данные о ее судьбе в период оккупации Ростова-на-Дону и в опубликованных материалах по теме Холокоста. Однако из открытых источников известно, что в Ростове-на-Дону 24 мая 1874 г. родилась Дарья Ширман – будущий врач и эмбриолог Российской империи (дата смерти отсутствует, стоит пробел. – В. Х.). Училась она в Бернском и Цюрихском университетах, которые закончила с дипломом врача в 1898 г. Сообщается о ее значимых научных исследованиях с Philipp Stöhr (Филипп Штер) [4]. Сведения о ней содержатся в опубликованной в 2015 г. книге Мэри Р.С. Криз «Дамы в лаборатории IV: Женщины в науке императорской России, 1800–1900: Обзор вклада в научные исследования», где также упоминается, что она была дочерью М.А. Ширман, окончила в 1891 г. Ростовскую гимназию и через год поступила на медицинский факультет в университет [16]. Эти данные позволяют говорить о необходимости обратить внимание на судьбу этой женщины-врача и более детально изучить обстоятельства ее жизни, творческого пути и, при ее идентификации по обнаруженным данным, отметить ее значимые научные достижения, а также внести имя в списки жертв для увековечивания.

13 марта 1943 г. Совинформбюро опубликовало в газетах «Правда» [11] и «Красная звезда» [10] «акт и фотодокументы о чудовищных преступлениях немецко-фашистских мерзавцев в Ростове на Дону», об организованном массовом истреблении мирных жителей города. В этих же печатных изданиях вышли статьи «Ростов зовет к возмездию» и «Мсть фашистским извергам!», в которых сообщалось «о массовых убийствах советских мирных жителей, чудовищных пытках, уничтожении города, увозе населения в рабство». Спустя всего четыре месяца, 13 июля 1943 г. к юбилею советского здравоохранения в областной газете «Молот» была опубликована статья заместителя заведующего областным отделом здравоохранения Е. Шней, в которой отмечалось: «Немецко-фашистские оккупанты за время своего хозяйничания почти совершенно уничтожили медико-санитарную часть нашей области. Помещения большей части лечебных учреждений сожжены или взорваны...» [14]. К сожалению, в этой статье, посвященной состоянию системы здравоохранения области, не сообщалось о трагической судьбе многих медицинских работников, погибших за время второй оккупации Ростова-на-Дону. А ведь среди них были и известные в городе старейшие врачи.

Из приведенных газетных публикаций о судьбе еврейского населения в период второй оккупации Ростова-на-Дону видно, что среди погибших были не только семьи с детьми, но и одинокие люди, не имевшие близких родственников, которые могли бы заявить официальным органам об их гибели. Отправляясь на пункты сбора евреев, многие из них, вероятно, даже не предполагали трагического исхода своей судьбы. Поэтому установление их имен, деталей жизни и гибели на основе изучения газетных публикаций и иных источников имеет в наши дни большое значение. Эта работа должна продолжаться, носить системный характер, что позволит сохранить память об этих людях.

### Источники и литература

1. Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР / под ред. А.Г. Асмолова. М., 2002.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы

- Великой Отечественной войны. Ростовская область: сборник документов. М., 2020.
3. Все наши силы – на восстановление народного хозяйства // Молот. 1943. № 31. 2 марта.
  4. Дарья (Даша) Ширман. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Daria\\_Schirman](https://en.wikipedia.org/wiki/Daria_Schirman) (дата обращения: 12.03.2023).
  5. *Мар Н.* Вернем нашим детям счастье // Молот. 1943. № 43. 16 марта.
  6. *Мовшович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. Ростов-на-Дону, 2006.
  7. *Никулин М.* Музыкант // Молот. № 39. 11 марта.
  8. Погибшие в Змиевской балке. URL: <https://www.holocaust.su/list-of-victims> (дата обращения: 12.03.2023).
  9. *Ракиша В.Н.* Гибель евреев Ростова-на-Дону // Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2015. С. 388–395.
  10. Совинформбюро. Зверства немецко-фашистских людоедов в Ростове-на-Дону // Красная звезда. 1943. № 60. 13 марта.
  11. Совинформбюро. Зверства немецко-фашистских людоедов в Ростове-на-Дону // Правда. 1943. № 70. 13 марта.
  12. Холокост на территории СССР: Энциклопедия / гл. ред. И.А. Альтман. М., 2011.
  13. Черная книга / под ред. В.С. Гроссмана, И.Г. Эренбурга. М., 2015.
  14. *Шней Е.* Юбилей советского здравоохранения // Молот. 1943. № 144. 13 июля.
  15. *Юдолович И.* Душегубы // Молот. 1943. № 34. 5 марта.
  16. *Creese M.R.S.* Ladies in the Laboratory IV: Imperial Russia's Women in Science, 1800–1900: A Survey of Their Contributions to Research. London; New York, 2015.

**К.К. Афанесян**

#### **ГАЗЕТА «АРМАВИРСКАЯ КОММУНА» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (весна 1944 г.)**

История советской социальной политики в годы Великой Отечественной войны всё чаще становится предметом обобщающих и специальных исследований, в том числе выполненных на материалах

Дона и Северного Кавказа [1; 7; 8 и др.]. Постепенно расширяется круг используемых исторических источников, в том числе и за счет вовлечения в научный оборот материалов периодической печати. В данной публикации рассматривается газета «Армавирская коммуна» как источник изучения советской социальной политики весной 1944 г.

Главная газета города Армавира была основана в 1922 г. под названием «Трудовой путь» в качестве органа Армавирского горкома партии, горисполкома и городского совета профсоюзов. В 1930 г. она была переименована в «Армавирскую коммуну», в 1964 г. – в «Советский Армавир», в 1992 г. – в «Армавирский собеседник» (под этим названием продолжает выходить и в настоящее время). На протяжении большого периода своей истории, включая и годы Великой Отечественной войны, это была не просто главная, но и единственная газета Армавира, что налагало на нее особую функцию информирования жителей обо всех событиях городской жизни.

В данной связи представляется показательным период, ограниченный выбранными хронологическими рамками весны 1944 г. В начале предыдущего 1943 г. Армавир, как и большая часть территории Северного Кавказа, освободили от нацистской оккупации советские войска. К этому моменту в городе проживало 30 тыс. человек, или в три раза меньше, чем до начала оккупации. Две трети населения эвакуировалось и разъехалось, чтобы выжить, по окрестным станицам и селам [9: 65]. Около 6,7 тыс. человек было уничтожено нацистами и их пособниками [2: 99]. За полгода оккупации Армавир понес также значительные материальные потери: были сожжены и взорваны многие промышленные и другие предприятия, клубы, театры, музей, больницы, средние школы и другие учреждения здравоохранения, образования, культуры, жилые дома [17: 234]. За прошедший после освобождения год Армавир начал постепенно восстанавливаться, заработали предприятия, стали возвращаться из разных мест жители города. Широкий комплекс мероприятий осуществлялся и в сфере социальной политики, что нашло свое отражение на страницах «Армавирской коммуны».

Все публикации в газете за рассматриваемый период можно разделить на две части. Первую из них составляют публикации официальных документов о мерах Советского государства в сфере социальной политики и статьи, разъясняющие их содержание и значение. Так,

5 апреля была опубликована статья П. Скорикова «Законы военного времени о труде». В ней рассказывалось:

1) о правах инвалидов 3-й группы, получавших пенсии по государственному социальному страхованию: на время войны, согласно постановлению Совета народных комиссаров (далее – СНК) СССР от 28 августа 1942 г., они привлекались на работу в предприятия и учреждения по месту жительства: женщины до 45 лет, мужчины до 55 лет, согласно заключению врачебно-трудовой экспертной комиссии. Не направлялись на работы только женщины, имевшие грудных детей и детей до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивавших уход за ними. За работавшими сохранялась установленная пенсия по инвалидности. При этом на сверхурочную работу инвалиды не привлекались;

2) о переводах с одной работы на другую: согласно постановлению СНК СССР от 23 июля 1941 г. краевому Совету депутатов трудящихся предоставлялось право переводить работавших служащих, освободившихся в связи с сокращением штата, консервацией строительных и т.п., на работу в другие учреждения по соответствовавшей специальности и квалификации (независимо от ведомственной принадлежности и территориального расположения). При переводе выдавались подъемные (согласно статье 82 Кодекса законов о труде). За отказ от перевода виновный подлежал судебной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., как за самовольный уход, с применением меры наказания до 4 месяцев тюремного заключения;

3) о сверхурочных работах и их оплате: в целях обеспечения выполнения производственных заданий, связанных с нуждами военного времени, указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. разрешил руководителям предприятий привлекать граждан к обязательным сверхурочным работам продолжительностью от 1 до 3 часов в день (несовершеннолетних до 18 лет – не более 2 часов в день);

4) об отпусках: указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. были отменены очередные и дополнительные отпуска, вместо которых выплачивалась дополнительная денежная компенсация, отпуск предоставлялся лишь в случае болезни, по беременности и родам;

5) о непрерывном трудовом стаже: при назначении рабочим и служащим пособий по временной нетрудоспособности служба в рядах Красной армии и Военно-морского флота, согласно разъяснению Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (далее – ВЦСПС) от 21 июля 1935 г., не прерывала стажа, но и не засчитывалась в непрерывный стаж. При эвакуации предприятия непрерывный трудовой стаж сохранялся, если перерыв составлял не более 3 месяцев (исключая время переезда). При работе на временно оккупированных врагом территориях стаж сохранялся только у тех, кто не имел возможности эвакуироваться и не работал на оккупантов (этот порядок был установлен разъяснением ВЦСПС, утвержденным СНК СССР 3 ноября 1941 г. и 7 мая 1942 г.) [14].

Обращает внимание, что многие меры, разъяснявшиеся в публикации П. Скорикова, были приняты до освобождения Армавира, еще в 1941–1942 гг. Вернувшимся из эвакуации или пережившим трагический период оккупации жителям города было важно выяснить свои права и обязанности, закрепленные в действовавшем законодательстве, что придавало публикации ценное информационное значение. 19 апреля 1944 г. к данной публикации было напечатано дополнение «О непрерывности трудового стажа». Здесь сообщалось, что постановление ВЦСПС от 6 февраля 1944 г. отменяло постановление от 7 мая 1942 г. В результате время нахождения на оккупированной территории не прерывало стажа, но и не засчитывалось в него [11].

Наряду с этим публиковались и документы, принятые в 1944 г. как на местном, так и на союзном уровне. 12 апреля «Армавирская коммуна» опубликовала постановление Краснодарского крайисполкома от 28 марта 1944 г. «О правилах поведения детей в общественных местах (театрах, кино, парках, трамвае, на стадионах, улицах городов и районных центров края)». Согласно данному документу, запрещалось пребывание детей-подростков до 16 лет в кино, театрах и других зрелищных предприятиях после 20 часов, а также пребывание на улицах после 10 часов вечера без сопровождения взрослых. Отвечали за выполнение установленных требований родители, с нарушителей взимался штраф в 250 рублей или они привлекались к судебной ответственности. Контроль возлагался на органы милиции и народного образования [12]. Постановление отражало отчетливое стремление

органов власти понизить уровень детской преступности, уменьшить количество безнадзорных детей. Это были одни из самых острых проблем военного времени.

Вторая группа публикаций рассказывает об успешном опыте реализации мероприятий Советского государства в сфере социальной политики в Армавире, приводит примеры решения конкретных социальных проблем. Так, заметка заведующей детскими яслями А. Хорхиной от 14 марта сообщала о начале их работы с октября 1943 г. В детские ясли принимали детей фронтовиков от женщин, работавших на железнодорожной станции Армавир-1. На момент публикации, согласно приведенным данным, в яслях находилось 50 детей [16]. Ровно через месяц «Армавирская коммуна» вернулась к этой теме и опубликовала письмо трех женщин-военнослужащих – Кудряшовой, Глушань и Шакаловой – из действующей армии, в котором выражалась благодарность коллективу детских яслей и их заведующей [3].

4 апреля была опубликована статья «Как воспитываются дочери советского народа», в которой рассказывалось о ситуации в детском доме № 3: «Здесь собраны девочки, родители которых погибли от зверств немецких людоедов, дети воинов, сражающихся за отчизну, дети, лишившиеся матерей. Их 107 человек школьного возраста». Рассказывая о положении в детдоме, автор статьи С. Жаркова упоминала о создании детского совета из четырех секторов: санитарного, хозяйственного, культурно-массового и учебного, подчеркивая тем самым, что и дети вовлекаются в решение собственных вопросов. В статье также сообщалось, что все девочки «учатся в женской средней школе № 19» [5].

Через четыре дня, 8 апреля в «Армавирской коммуне» была опубликована заметка под красноречивым заголовком «Усыновлен первой городской больницей». В ней сообщалось о 13-летнем мальчике Жоре, привезенном в 1-ю городскую больницу несколько месяцев назад: «Ему отрезало пальцы на обеих ногах. Он стал хозяйственным рабочим в больнице» [15].

Еще через три дня, 11 апреля, вышла статья «Забота о семьях фронтовиков». В ней сообщалось, что автоотряд № 14 обеспечивал семьи ушедших с данного предприятия на фронт мужчин всю зиму топливом, а в марте – картофелем [6].



Наряду с указанными публикациями, на страницах газеты появлялись и материалы, критиковавшие недостатки и призывавшие к решению тех или иных проблем. Так, 12 марта в «Армавирской коммуне» вышла статья В. Данилова, Н. Богачевой и Т. Истоминой «Улучшить положение детской столовой». В ней сообщалось о том, что в детской столовой Армавира питались «дети фронтовиков, дети эвакуированных и остро нуждающихся в возрасте от 3 до 13 лет. Контингент столовой колеблется от 450 до 900 человек». Питание они получали дважды в день – завтрак и обед. Авторы статьи настоятельно предлагали улучшить питание детей, установив «твердый контингент питающихся в соответствии с пропускной способностью и фондом продуктов» [4].

В конце апреля в газете был опубликован достаточно объемный материал, раскрывающий реализацию призывов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1944 г. под лозунгами: «Трудящиеся Советского Союза! Забота о семьях фронтовиков является священным долгом всех советских патриотов. Окружим всеобщим вниманием и заботой семьи освободителей Родины!». Здесь приводились сведения о реализации разных направлений социальной политики, первым среди которых выступала забота о семьях фронтовиков: «Забота о семьях военных – это половина заботы о Красной Армии. Она выражается, прежде всего, в огромных государственных ассигнованиях на пособия семьям военных, в льготах по налогам, квартирной плате, по сельхоз. поставкам, в первоочередном предоставлении жилищ, в развертывании сети детских учреждений, специальных военных Суворовских училищ, ремесленных училищ, школ ФЗО и др.» [10].

Важной формой помощи признавалось трудоустройство членов семей фронтовиков, оказание им помощи в овладении специальностями. Подчеркивалась многогранность помощи со стороны предприятий и учреждений, которая могла выражаться: в предоставлении топлива, дров зимой; ремонте жилища, помощи в ремонте; поддержании хозяйств (выделении порослят на разведение от дистанции связи, порослят и корма для скота от мясокомбинатов); посадке и обработке огородов. Комсомольцы обрабатывали огороды многодетным семьям фронтовиков, организовывали шефство над их семьями, выражавшееся в присмотре за детьми работающих матерей. Практиковалось

обучение подростков – детей фронтовиков специальностям (на заводе Наркомата путей сообщений СССР).

Немало внимания уделялось заботе о детях фронтовиков. В публикации отмечалось, что в Армавире существовало три детских дома, в которых на тот момент находилось 350 детей. В спецшколе глухонемых – еще 140 детей, в 10 детских садах – 760 детей. Подчеркивалось внимание, проявленное к детским учреждениям со стороны директора мяскокомбината Цоканова, который «отпускает регулярно кости для борща, 1000 кг капусты, 100 кг горючего». Помощь детдому № 2 оказывал маслозавод № 4 (директор Петров), выделивший 125 кг семечек и 125 кг кукурузы для посева. Совхоз № 11 (директор Полянский) выделил 100 кг моркови и свеклы. Над детским садом № 5 шефствовал Тбилисский детский сад Наркомата связи: «...присылает подарки, разные гостинцы» [13].

Таким образом, публикации в газете «Армавирская коммуна» выступают ценным источником изучения различных вопросов советской социальной политики и ее реализации в масштабах одного города. Авторы статей обращаются к вопросам оказания помощи семьям фронтовиков, детям и другим незащищенным категориям советского населения. При этом среди авторов – не только журналисты газеты, но и сами представители органов власти и социальных учреждений, обеспечивающих реализацию социальной политики. В небольших заметках авторы не указаны. Освещение в печати мер социальной политики в сравнительно недавно освобожденном от врага Армавире приобретало особое значение, выступая не только одним из показателей заботы государства о наименее защищенных группах населения, но и важнейшим фактором обеспечения социальной стабильности.

### **Источники и литература**

1. *Афанесян К.К.* Социальная политика на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: советская и современная российская историография // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2022. С. 307–313.

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Краснодарский край: Сб. архивных документов. М., 2020.
3. Благодарственное письмо женщин-фронтовиков (Кудряшова, Глушань, Шакалова) // Армавирская коммуна. 1944. 14 апреля. № 66.
4. Данилов В., Богачева Н., Истомина Т. Улучшить положение детской столовой // Армавирская коммуна. 1944. 12 марта. № 44.
5. Жаркова С. Как воспитываются дочери советского народа // Армавирская коммуна. 1944. № 59.
6. Забота о семьях фронтовиков // Армавирская коммуна. 1944. 11 апреля. № 64.
7. Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004.
8. Кринко Е.Ф. Социальная политика на Северо-Западном Кавказе в 1941–1945 годы: историография проблемы // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2004. № 1 (38). С. 31–36.
9. Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Хроника событий. 2-е изд. Краснодар, 2005. Кн. 2. Ч. 1: 1943 г.
10. Народная забота о семьях фронтовиков // Армавирская коммуна. 1944. 29 апреля. № 75.
11. О непрерывности трудового стажа (дополнение к газете от 5.04.44г.) // Армавирская коммуна. 1944. 19 апреля. № 70.
12. О правилах поведения детей в общественных местах (театрах, кино, парках, трамвае, на стадионах, улицах городов и районных центров края). // Армавирская коммуна. 1944. 12 апреля. № 65.
13. Попов П. Забота о детях фронтовиков // Армавирская коммуна. 1944. 29 апреля. № 75.
14. Скориков П. Законы военного времени о труде // Армавирская коммуна. 1944. 5 апреля. № 60.
15. Усыновлен первой городской больницей // Армавирская коммуна. 1944. 8 апреля. № 62.
16. Хорхина А. В детских яслях // Армавирская коммуна. 1944. 14 марта. № 45.
17. Яковлев С.Ю. Политика оккупантов по устрашению населения Армавира в период Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 224–236.

**А.С. Мусагалиева****НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ  
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Одной из важных и востребованных проблем в современной истории Казахстана является участие казахов в Великой Отечественной войне вместе с другими народами СССР. Актуальность данной темы в независимом Казахстане постоянно возрастает. Восстановление имен погибших в этой войне, ставшей одной из трагических страниц в истории XX в., определение мест их захоронения являются необходимыми мерами для сохранения национальной памяти.

Казахстан сыграл значительную роль во Второй мировой войне. Оккупация немецкими фашистами почти 80 % земель СССР резко повысила важность республики с самой большой территорией в тылу. Ведь основная военная мощь, военная экономика создавались за счет тыловых республик Советского Союза.

Советская историография Великой Отечественной войны – объемная. В период с 1941 по 1979 г. были опубликованы 25 монографий, 11 сборников статей, документы и памятки, около 200 научных статей, более 20 мемуарных книг и брошюр [3: 115].

Участие казахстанцев в Великой Отечественной войне было одной из наиболее разработанных тем в советской историографии. В научных трудах того времени основными направлениями исследования были военные действия, участие казахов в боях, работа эвакуированных в тыл заводов и фабрик, казахстанская продукция, отправленная на войну, вклад трудящихся республики в тылу [4; 6; 10]. При этом большое внимание уделялось многонациональному народу республики, нежели вкладу отдельного взятого казахского народа. В то же время тематика Великой Победы использовалась в качестве инструмента патриотического воспитания в рамках идеологии коммунистической партии.

В последующие годы историография Великой Отечественной войны в Казахстане оставалась неизменной. Известный историк П.С. Белан, написавший множество трудов об участии казахов в войне, признается: «...что касается казахстанской историографии войны, то, как раньше говорили, и она “колебалась вместе с линией партии”».

Отдавали должное былой риторике, писали нередко на потребу дня, по заказу Инстанции (одно из наименований ЦК). Так что полная и правдивая картина Великой Отечественной войны продолжает писаться» [5: 67]. Посвятивший всю свою жизнь изучению темы войны, участник Второй мировой войны, известный историк Т.Б. Балакаев высказался в своем интервью 2005 г. так: «Тоталитарная советская система заключала историю войны в рамки коммунистической идеологии и соответствующих требований, ставила целью показать лишь яркие страницы истории. Так как коммунистическая партия была единственной партией, которая управляла страной, вся история описывалась лишь с положительной стороны по указке и настоянию именно партии. В связи с этим многие аспекты народной истории до сих пор оставались нераскрытыми, и, соответственно, в будущем особенное внимание должно уделяться этому. Несмотря на то, что прошло уже 60 лет с момента завершения Великой Отечественной войны, имеются достаточно нераскрытых ее сторон. С истечением времени стало ясно, что требования новой эпохи ставят новые задачи» [2: 3].

В вышедшей в годы независимости пятитомной книге «История Казахстана» имеется глава под названием «Казахстан в годы Великой Отечественной войны» [7]. В этой главе представлена история войны советского периода лишь с незначительными изменениями. Даже в академическом издании есть выводы о неизвестности количества погибших казахских солдат на фронте.

Историческая правда будет раскрыта лишь тогда, когда заговорят новые источники. В настоящее время в архивах России и Казахстана находится много новых документов о казахах – участниках войны. Конечно, в отличие от прежней, в отечественную историографию с обновленной точкой зрения и благодаря новым документам вернулись имена Бауыржана Момышулы, Рахимжана Кошкарбаева – героев Великой Отечественной войны. Однако это всего лишь небольшая часть военной истории Казахстана.

К сожалению, большой проблемой современной казахстанской историографии является отсутствие докторских диссертаций или фундаментальных монографий, посвященных роли и подвигам казахов в Великой Отечественной войне. Мы в долгу перед нашим старшим поколением, нашими гражданами, павшими жертвами войны,

и можем восполнить эту лакуну только тогда, когда сможем написать ее правдивую и достоверную историю.

В процессе изучения участия уроженцев Казахстана во Второй мировой войне, в первую очередь, надо определить численность погибших казахов.

Вышедшая в 1995 г. Книга Памяти «Боздактар» является основным источником о павших жертвах Второй мировой войны в независимом Казахстане. Тем не менее можно отнестись критично к источниковой базе книги, так как источниками служили неполные отчетные данные рабочих групп Книги Памяти из областей. Например, не были включены данные по Махамбетскому району Атырауской области, шести районам и городам Жамбылской области, по Сырдарьинскому району Кызыл-Ординской области. По заверению авторов, документы из Архива Президента РК, Центрального государственного архива РК, Государственного комитета РК по статистике и анализу не помогли полностью раскрыть некоторые проблемные вопросы. Поэтому в качестве основного источника были использованы труды Научно-методического центра объединенной редколлегии Книги Памяти стран Содружества Независимых Государств. Количество погибших на войне казахов, указанное в данной книге, идентично данным советского периода – 130 тыс. чел. Общая численность погибших казахов – 601 011 чел. Среди них убитых в бою – 279 696 чел., пропавших без вести – 271 503 чел., умерших в плену или не возвратившихся из плена – 7046 чел., умерших в госпиталях от ран и болезней – 42 766 чел. [8: 284].

Проанализируем источники. Данные, приведенные в таблице «Безвозвратные потери Казахской ССР в людях в годы Великой Отечественной войны по национальности погибших» [8: 274], вызывают определенные сомнения. В графе «Мобилизация в действующую армию» указывается, что из городов Алматы, Атырау, Жезказган, Павлодар, Петропавловск, Семей, Талдыкорган, Торгай, Чимкент казахи на войну не призывались, а в графе «Безвозвратные потери» указывается, что нет погибших солдат – выходцев из городов Алматы, Атырау, Петропавловск (Северный Казахстан), Талдыкорган, Торгай, Чимкент (Южный Казахстан).

Конечно, следует проверить степень достоверности документов местных военных комиссариатов. Известно, что во время войны

в рядах армии было достаточно много добровольцев. Так, упоминается о том, что отказывали в регистрации подросткам, которым еще не исполнилось 16 лет, но военные комиссариаты отправляли их без регистрации документов на войну. В таких случаях немаловажными считаются косвенные источники.

Многочисленные документы служат доказательством того, что с начала войны из Казахстана в ряды советской армии призывалось большое количество людей. По рассказам академика М. Козыбаева: «В тот период войны, когда враг захватил Украину, Белоруссию, Прибалтику, Молдавию, западные районы РСФСР, т.е. территорию, на которой до войны проживало 40 % населения СССР, вся ответственность за исход войны легла на население восточных районов, в том числе на Казахстан и республики Средней Азии» [9: 101]. Об этом говорит и историк К. Алдажуманов: «Статистика военных ведомств свидетельствует, что накануне войны свыше 170 тыс. казахстанцев находилось в рядах армии. 1 млн 210 тыс. человек было призвано в армию в 1941–1945 гг. Анализ документов Военного комиссариата Казахской ССР по призыву граждан республики в ряды армии показывает, что из всего контингента призывников 681 тысяча была отправлена на фронт в первые полтора года войны, т.е. с июня 1941 г. по декабрь 1942 г. Например, с июня по ноябрь 1941 г. только по одной Семипалатинской области было призвано и отправлено на фронт 1640 человек младшего начальствующего состава, 17 258 рядовых, а подлежало к отправке рядовых 16 747 человек. Планы призыва перевыполнялись» [1].

Основные источники о Второй мировой войне хранятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). К сожалению, ученым долгие годы не удавалось ввести эти документы в научный оборот, потому что они были недоступны. Однако в 2015 г. был открыт специальный портал «Документы Второй мировой войны» и создан электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», посвященный празднованию 70-летия Победы. Благодаря этим мерам стали известны имена многих пропавших на войне солдат-казахов. Несмотря на то, что документы ЦАМО РФ находятся в открытом доступе, казахстанские историки мало оперируют ими в своих исследованиях.

Таким образом, можно констатировать, что в казахстанской историографии до сих пор не уточнено количество погибших на войне солдат. Поэтому не теряет своей актуальности уточнение численности погибших в войне солдат-казахов. Необходимость подсчета точного количества казахов, погибших во Второй мировой войне, ставит задачи проведения больших совместных проектов между государственными органами и исследователями.

### **Источники и литература**

1. *Алдажуманов К.С.* ...Но вокруг истории Второй мировой войны не утихают споры... // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2015. № 3. 1 июля. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/issue/view/20> (дата обращения: 19.03.2023).
2. *Балақаев Т.* Соғыс тарихының жалғасы бар // Егемен Қазақстан. 2005. 27 сәуір.
3. *Балақаев Т.Б., Алдажуманов К.С.* Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы Советского Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 113–141
4. *Балақаев Т.Б., Алдажуманов К.С.* Қазақстан еңбекшілері майдан қызметінде (1941–1945 жж.). Алматы, 1985.
5. *Белан П.С.* Интервью // Свет Победы. Фотоальбом / сост. Г. Дильдяева. Алматы, 2005. С. 65–68
6. *Белан П.С.* Казахстанцы на фронтах Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Алма-Ата, 1991.
7. История Казахстана. Т. 4. Алматы, 2010.
8. Книга Памяти Казахстана. Боздактар. Алма-Ата, 1995.
9. *Козыбаев М.* История и современность. Алматы, 1991.
10. *Козыбаев М.* Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата, 1970.



А.А. Татаров

## **ЭВАКУАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД БИТВЫ ЗА КАВКАЗ: историографический аспект<sup>1</sup>**

Природные богатства и экономический потенциал Северного Кавказа являлись стратегически важной целью для немецко-фашистских войск летом – осенью 1942 г. Соответственно, результаты эвакуации населения и ресурсов оказывали существенное влияние на восприятие Советским государством достижений и просчетов в регионах, подвергнутых оккупации, и служили маркерами эффективности деятельности партийных организаций в регионах Северного Кавказа.

Изучению эвакуационных мероприятий на Северном Кавказе во время Великой Отечественной войны уделено значительное внимание, но заметно меньше разработан историографический аспект этой темы.

Целью статьи является анализ развития научных подходов к проблеме эвакуации на Северном Кавказе летом – осенью 1942 г., т.е. на этапе оборонительных действий войск Закавказского фронта.

Данная проблема, на наш взгляд, остается в зоне риска попадания в политизированное русло. В ходе изучения северокавказских эвакуационных мероприятий во второй половине 1942 г. в отечественной историографии сложились два полюса притяжения. Первый из них характерен для советской эпохи. Сложившаяся концепция войны минимизировала описание проблем, которые могли ей существенно мешать. Советские оценки игнорировали неутешительные показатели по спасению колхозного скота и зерна, выводу партийных коммунистов и различных категорий населения, а также войск из зон потенциальной оккупации.

Для советских исследователей было практически невозможно напрямую получить статистику для сравнительного анализа, хотя открывался косвенный доступ к численным показателям. Например, в публикациях 1970–1980-х гг., при внимательном и целенаправленном взгляде, можно

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 23-28-00326 «Великая Отечественная война: боевые действия, тыл, власть, социум. Региональный аспект: на материалах Северного Кавказа».

выявить планы и результаты эвакуации населения Кабардино-Балкарии. 8 августа 1942 г. здесь ввели военное положение, и Нальчикский комитет обороны определил категории и численность эвакуируемого населения (35 356 чел.) [10: 79]. Разрешение на начало эвакуации командование Закавказского фронта дало 12 августа 1942 г., за день до начала боевых действий в республике. Итоги эвакуации местного населения оказались значительно ниже плана – 9147 чел. [1: 178; 11: 89].

В то время как игнорирование недостатков эвакуации было характерно для открытой печати, в архивных фондах хранились закрытые для широкого доступа и составленные в военные годы документы с критическими оценками в адрес партийных организаций. В качестве примера приведем справку первого секретаря Кабардинского обкома ВКП(б)<sup>1</sup> Н.П. Мазина 1944 г., в которой в категоричной манере обосновывались просчеты команды предыдущего первого секретаря З.Д. Кумехова. Прежнее руководство критиковалось за «упорное нежелание эвакуировать в глубь страны скот», в результате чего «весь колхозный скот был оставлен оккупантам» [7: 16].

Вторая область интерпретаций начала формироваться в постсоветский период и сосредоточилась как на численном измерении, так и на причинах низких показателей по эвакуации и влиянии таких факторов, как ландшафт местности и транспортная инфраструктура, положение на линии фронта и конкретные действия акторов в регионах и др.

Как отметил Е.Ф. Кринко, «трудности и противоречия военного времени, например, связанные с эвакуацией имущества и населения, получили отражение» в научных работах с середины 1990-х гг. [4: 29]. К числу первых значимых работ следует отнести докторскую диссертацию В.А. Селюнина [8]. Он отмечает, что второй этап эвакуации в условиях битвы за Кавказ в июле – августе 1942 г. по масштабам значительно уступал предыдущему по транзитным перевозкам, хотя превосходил его по интенсивности. Кроме этого, отмечает автор, в ходе военной перестройки в первый год войны возросла роль местных органов власти, прежде всего городских комитетов обороны, и ослабли управленческие функции многих отраслевых наркоматов, временно

<sup>1</sup> После депортации балкарского народа в марте 1944 г. Кабардино-Балкарская АССР была преобразована в Кабардинскую АССР.

утративших контроль за работой подведомственных структур из-за эвакуационного ажиотажа. Таким образом, ответственность за итоги эвакуации в период битвы за Кавказ в большей степени, чем прежде, ложилась на локальных акторов.

В первой половине 2000-х гг. складывается пятигорская школа изучения битвы за Кавказ и нацистской оккупации региона [5; 6]. Докторская диссертация С.И. Линца стала важной вехой в обновлении понимания «кавказского» сектора войны, включая эвакуацию. Автор отмечает, что проблема в контексте Северного Кавказа малоизучена. Проведен развернутый анализ проведения мероприятий в двух плоскостях. С одной стороны, оцениваются результаты в конкретных направлениях (население, колхозный скот, техника, промышленные объекты и т.д.). Причины неудач в выполнении планов связываются с локальными обстоятельствами и акторами и в целом с системой, в которой вышестоящие инстанции не давали своевременных указаний. В то же время историк ставит вопрос о реальных возможностях выполнения планов и демонстрирует особенности влияния фронта и его динамики на ход эвакуации – высокая скорость наступления войск противника в пространстве между Доном и Терекком, недостаток транспортной инфраструктуры, сдерживание полномасштабной эвакуации, особенно оборонных предприятий, нуждами тыловых советских войск.

Недостаток крупных специальных исследований за последние полтора десятка лет компенсируется важными точечными продвижениями в глубь проблемы. К примеру, заслуживает внимания вывод И.В. Карташева о влиянии процесса эвакуации на процессы в период нацистской оккупации. Известно, что в первый год войны Кавказ стал транзитной зоной эвакуации разных категорий населения, и здесь оказалось немало научных коллективов и учебной инфраструктуры. В свою очередь многие из специалистов высшей квалификации не успели покинуть регион, что позволило немцам задействовать их потенциал для поддержки базовой медицины, хотя в целом система здравоохранения в условиях оккупации будущего не имела, считает автор [2: 14.]. При том, что данный аспект традиционно попадает в поле проблемы коллаборационизма, следует признать, что в конкретных случаях просчеты эвакуации и соответственно оставшиеся в зоне

оккупации акторы могли служить интересам населения, а не только оккупационной администрации.

Ряд исследований акцентирует внимание на проблеме предоккупационной ликвидации стратегических объектов Северного Кавказа, в частности нефтяных [3; 9]. Остается открытым вопрос о том, попадают ли выведенные из строя стратегические объекты в категорию эвакуированных либо же захваченных оккупантами.

В историографии эвакуации на Северном Кавказе принято преимущественно освещать летнюю фазу битвы за Кавказ. На наш взгляд, намного меньше внимания историки уделяют осенней стадии эвакуации. Эффективность ее проведения в отдельных регионах Северного Кавказа зависела не только от действий местных властей, но и от развития событий на фронте, решений военного командования. В частности, в Кабардино-Балкарии стабилизация линии фронта и удерживание Нальчика позволили сохранить и использовать ресурсы для нужд тыловых районов республики и обороняющихся войск вплоть до конца октября 1942 г.

Не стоит забывать и о статистике промышленной переработки части колхозного скота на мясо в предоккупационный период. Кроме того, обращают на себя внимание документы оккупационного периода, в которых население призывали вернуть скот в колхозы. Это служит свидетельством того, что не все неэвакуированные ресурсы Северного Кавказа оказались в зоне непосредственного доступа «нового порядка».

Зарубежная историография представлена немногочисленными трудами, затрагивающими место Кавказа в процессе советской эвакуации. Заметен интерес ряда исследователей к судьбе евреев в этом контексте [12; 14]. По мнению К. Фефермана, на Северном Кавказе «значительная часть населения и органов власти... неохотно участвовала в эвакуационном процессе и желала скорейшего отъезда новоприбывших» [13: 830]. Автор также подчеркивает трансформацию дискурса вокруг неинституционализированной эвакуации: в отличие от первых месяцев войны, к лету 1942 г. самовольный уход ряда категорий граждан из зон потенциальной оккупации в большей степени рассматривался государством как выполнение ими своего гражданского долга и избегание коллаборационизма.

В целом отечественная историография прошла сложный путь от игнорирования негативных аспектов эвакуации на Северном Кавказе в период битвы за Кавказ до расширения диапазона проблемы, охватившего анализ причин, конкретных результатов и повлиявших на них факторов. На наш взгляд, на пути к объективной оценке проблемы перед отечественными исследователями всё еще стоят вопросы взаимосвязи эвакуации с другими аспектами истории битвы за Кавказ, прежде всего вопрос о связи и соотношении между ущербом от оккупации и результатами эвакуации. За пределами нашей страны проблема эвакуации на Северном Кавказе не получила развернутого анализа в исследованиях, что, впрочем, не снимает вопроса о необходимости обстоятельного поиска и обобщения зарубежных историографических источников и фактов.

### Источники и литература

1. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / отв. ред. М.Х. Шекихачев. Нальчик, 1975.
2. *Карташев И.В.* Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг.: на материалах Кубани и Ставрополья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2020.
3. *Королёв М.Ю.* Вывод из строя объектов нефтяной промышленности в условиях приближающегося фронта // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 3. С. 123–139.
4. *Кринко Е.Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.
5. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003.
6. *Петренко Т.А.* Эвакуационный процесс на Ставрополье летом 1942 года: успехи и трудности: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004.
7. Российский архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 286.

8. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в Великой Отечественной войне: 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1997.
9. Федосеев А.Ж. Роль органов НКВД в организации и проведении эвакуационных мероприятий на территории Краснодарского края в 1942 году // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2012. № 2–3. С. 108–129.
10. Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1978.
11. Чекисты Кабардино-Балкарии / гл. ред. А.Ж. Губашиев. Нальчик, 1987.
12. Altshuler M. Evacuation and Escape During the Course of the Soviet-German War // Dapim: Studies on the Holocaust. 2014. No. 28 (2). P. 57–73.
13. Feferman K. A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the vacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941–1942 // Europe-Asia Studies. 2009. No. 61 (5). P. 813–831.
14. Shternshis A., Levin Z., Shneer D. Jews in the Soviet Union during World War II: German Occupation, Soviet Evacuation, and the Imagined Relationship Between These Two Experiences // East European Jewish Affairs. 2016. No. 46 (1). P. 2–3.

**Л.В. Печалова**

**ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДОНА  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.):  
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ**

В современных условиях все большую актуальность приобретает изучение различных форм кооперирования, их роли в решении социально-экономических проблем населения России в различные исторические периоды. В данной статье представлен анализ отдельных научных публикаций, освещающих деятельность артелей промышленной кооперации Северного Кавказа и Дона в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления кооперативной политики государства в различные исторические периоды.

Несмотря на довольно обширную историографию российской промышленной кооперации, количество научных публикаций,

в которых рассматривалась бы деятельность предприятий промышленной кооперации Северного Кавказа и Дона в годы Великой Отечественной войны, невелико.

В 1990-е гг. наблюдался процесс складывания новой исторической концепции, основанной на освобождении от догм. По мнению Л.Е. Файн, «появилась возможность объективной оценки кооперативной политики советского государства» [24: 34]. Благодаря возможности использования ранее недоступных для изучения источников активизировались исследования политики вмешательства государства во внутренние процессы различных видов кооперации. В этот период актуализируются региональные исследования Северного Кавказа и Дона. Социально-экономические и политические процессы, происходившие на данных территориях, активизировали исторические исследования места и роли кооперации в реализации государственной политики на местах.

Исследованию деятельности государственных и кооперативных предприятий в годы Великой Отечественной войны, восстановлению народного хозяйства в послевоенный период посвящены труды региональных историков. Боевой и трудовой подвиг ставропольцев в годы войны рассматривается в публикациях профессора Д.В. Кочуры. В своих работах автор упоминал деятельность артелей промышленной кооперации, внесших свой вклад в снабжение фронта [3; 8].

Богатый фактологический материал содержится в научных трудах профессора Н.Д. Судацова, в которых в том числе встречаются данные о кооперативных объединениях исследуемого нами региона. Ученый большое внимание уделяет рассмотрению деятельности предприятий местной промышленности Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период [20; 21; 22]. Сведения о работе предприятий промышленной кооперации упоминаются в трудах, посвященных помощи народов Северного Кавказа фронту. Вклад карачаевского народа в снабжение подразделений Красной армии, деятельность по изготовлению продукции для населения анализируются в монографиях А.Д. Койчуева [6; 7]. Исследователь истории Великой Отечественной войны Ч.С. Кулаев в своих публикациях освещает военно-организаторскую и политическую работу партийных организаций Северного Кавказа [10].

Патриотическому подвигу тружеников тыла Ставрополья посвящена книга «Ставропольцы в Великой Отечественной войне». В данном юбилейном издании, приуроченном к 50-летию Великой Победы, рассматривается самоотверженный труд рабочих и колхозников региона в годы войны [18]. Подвиги народов Северного Кавказа рассмотрены в работах П.Г. Мостакова [15; 16].

Положению населения Северного Кавказа и Дона в период оккупации посвящен ряд публикаций С.И. Линца. В своих трудах автор представляет результаты комплексного анализа политики оккупационных властей по отношению к местному населению [12; 13].

Ценный материал для изучения кооперации в период оккупации южных территорий страны содержится в публикациях З.В. Бочкаревой. Она проанализировала политику «возрождения» кооперации, рассмотрела некоторые аспекты состояния промышленности Северного Кавказа в период фашистской оккупации, налоговую политику нацистов на оккупированной территории Кавказа [1; 2].

Рассмотрению последствий оккупации южных территорий страны, восстановлению разрушенного войной хозяйства посвящены работы исследователей Северного Кавказа и Дона А.И. Кругова, А.М. Сального, Н.И. Лебедика и др. [9; 11].

Вкладу женщин Северного Кавказа и Дона в реализацию социально-экономической политики советского государства в годы довоенных пятилеток, в период Великой Отечественной войны и послевоенный период посвящена монография Г.Н. Каменевой и Н.Д. Судавцова «Женщины Северного Кавказа: подвиги мужества и милосердия. 1941–1945 гг.». В ней авторами представлен ценный материал о патриотическом подвиге женщин [5]. Интерес представляет и другая книга Г.Н. Каменевой «Патриотическая деятельность женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [4]. Исследовательница отразила деятельность женщин в экстремальных условиях войны. В работе содержатся отдельные данные о роли кооперативных предприятий в оказании помощи фронту и семьям военнослужащих. Вклад женщин Северного Кавказа в решение социальных проблем в годы Великой Отечественной войны рассматривается в трудах Г.Н. Стецкой, С.Е. Четав и др. [19; 25].



Ценный материал для изучения социальной политики в годы Великой Отечественной войны содержится в научных трудах Е.В. Панариной. В статьях этого автора имеются отдельные данные о деятельности кооперативных союзов Северного Кавказа и Дона [17].

В 2000-е гг. региональные исследователи продолжают интересоваться изучением различных аспектов истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода, проблем социальной истории регионов Северного Кавказа и Дона. В некоторых публикациях имеются данные о кооперации [14; 23].

Результаты исследований вклада жителей южных регионов в Победу были представлены в докладах и опубликованы участниками международных, всероссийских, региональных научно-практических конференций. Темы выступлений охватывают широкую тематику научных проблем. Внимание уделяется подвигу тружеников тыла, деятельности культурно-просветительных учреждений на Северном Кавказе, самоотверженному труду работников государственных и кооперативных предприятий.

Анализ историографии показал, что кооперация на протяжении многих десятилетий привлекала внимание ученых. В конце 1980-х – 1990-х гг. кооперация стала одним из самостоятельных научных направлений. Исследователи собрали определенный фактологический материал, рассмотрели некоторые аспекты деятельности артелей промысловой кооперации Северного Кавказа и Дона.

В современных условиях наблюдается недостаточная изученность промысловой кооперации Северного Кавказа и Дона, что требует дальнейшей активизации региональных исследований. Во многом этому будет способствовать характерный для современной историографии методологический плюрализм. На наш взгляд, современные исследователи кооперации имеют больше возможностей дать объективную оценку данной форме хозяйствования, чем несколько десятилетий назад.

### Источники и литература

1. Бочкарева З.В. Социальная демагогия и реальность: торгово-промышленная политика нацизма на Ставрополье в период фашистской

- оккупации // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 521–529.
2. *Бочкарева З.В.* Некоторые аспекты состояния промышленности Северного Кавказа в период фашистской оккупации // Из истории народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 1998. С. 42–154.
  3. В суровые годы войны: Воины-ставропольцы, трудящиеся края на защите Родины в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. ст. / отв. ред. Д.В. Кочура. Ставрополь, 1978.
  4. *Каменева Г.Н.* Патриотическая деятельность женщин Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2014.
  5. *Каменева Г.Н., Судацов Н.Д.* Женщины Северного Кавказа: подвиги мужества и милосердия. 1941–1945 гг. Очерки истории. Ставрополь, 2005.
  6. *Койчуев А.Д.* Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1998.
  7. *Койчуев А.Д.* Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998.
  8. *Кочура Д.В.* Наш край в годы Великой Отечественной войны. Ставрополь, 2000.
  9. *Кругов А.И., Сальный А.М.* Великая Отечественная война в воспоминаниях ставропольских крестьян-колхозников // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа: Материалы межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 1999. С. 77–79.
  10. *Кулаев Ч.С.* Военно-организаторская работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. Черкесск, 1981.
  11. *Лебедик Н.И.* Советские ментальности в формировании народного патриотизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (новые подходы) // Советский менталитет: проблемы методологии исследования: тезисы докладов межвузовской научной конференции. Армавир, 1995. С. 29–33.
  12. *Линец С.И.* Город во мгле. (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации. Август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск, 2010.
  13. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943). Ростов-на-Дону, 2003.
  14. *Мамонтов М.С.* Новоселицкий район в истории Ставропольского края и России. Ч. 2. Элиста, 2013.

15. *Мостаков П.Г.* Военно-мобилизационная деятельность народов Северного Кавказа в начальный период Великой Отечественной войны. Ставрополь, 1980.
16. *Мостаков П.Г.* Народы Северного Кавказа на защите Родины в годы Великой Отечественной войны. Ставрополь, 1991.
17. *Панарина Е.В.* Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Армавир, 2009.
18. *Ставропольцы в Великой Отечественной войне.* Ставрополь, 1995.
19. *Стецкая Г.Н.* Женщины Северного Кавказа накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории. Майкоп, 2002. С. 158–162
20. *Судацков Н.Д.* Борьба трудящихся Ставрополя за восстановление народного хозяйства в годы Великой Отечественной войны // 50 лет победы в Великой Отечественной войне: сб. науч. ст. Ставрополь, 1995. С. 26–39.
21. *Судацков Н.Д.* Борьба тружеников Ставрополя за перестройку народного хозяйства края на военный лад // Великая Отечественная война: история и современность: Сб. науч. ст. Ставрополь, 1995. С. 27–38.
22. *Судацков Н.Д.* Всенародная помощь ставропольцев фронту и районам, освобожденным от оккупации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Из истории земли Ставропольской: сб. науч. ст. Ставрополь, 1995. С. 78–98.
23. *Судацков Н.Д.* В суровую военную пору (Село Малые Ягуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Ставрополь, 2013.
24. *Файн Л.Е.* Формирование новой историографической концепции кооперации в начале 90-х годов XX века // Вестник Ивановского университета. 2000. Вып. 2. С. 34–46.
25. *Четав С.Е.* Женщины Адыгеи: трансформация социальной роли в годы радикальных перемен и условиях Великой Отечественной войны (20–40-е гг. XX в.). Майкоп, 2008.

**Т.И. Юрина****ВЗГЛЯД «С ТОЙ СТОРОНЫ»: НЕМЕЦКИЕ АВТОРЫ  
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НОВОРОССИЙСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ  
1942–1943 гг.**

Надо признать, что отечественный исследователь истории Великой Отечественной войны получил относительно широкую возможность познакомиться с работами немецких авторов в переводе на русский язык лишь спустя несколько десятилетий после окончания войны. Так, в год 50-летия Великой Победы важным событием можно считать выход публикации Г.-А. Якобсена «1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы» [12]. Якобсен в этом издании не только полностью приводит текст знаменитой директивы № 45, в которой Гитлер уточняет планы своей военной кампании на 1942 г., но и, что особенно ценно, параллельно отслеживает хронологию реализации этих планов.

По плану вермахта, в результате наступления 1942 г. предполагалось «создать на Востоке гигантскую оборонительную линию (“Восточный вал”), чтобы затем приостановить поход на Восток и через Сирию – Египет нанести удар по Англии. Й. Геббельс писал в своих дневниках, что на Востоке дело спокойно может дойти до 100-летней войны, которая не будет доставлять Германии никаких забот: она будет противостоять России, как Англия – Индии» [12: 36–37].

Директиву № 45 Гитлер издал 23 июля 1942 г., накануне вторичного захвата Ростова. Ближайшей задачей группы армий «А» являлось окружение и уничтожение советских войск южнее р. Дон. Следующая «задача группы армий “А” – овладеть всем восточным побережьем Чёрного моря, тем самым выведя из строя черноморские порты и черноморский флот противника» [12: 179]. Именно для этой цели предполагалось захватить районы Новороссийска и Туапсе. Третий пункт директивы подразумевал создание боевой группы в основном из моторизованных соединений для овладения районом Грозного и захвата перевалов с целью выхода вдоль Каспийского побережья к Баку.

Четвертым пунктом директива предписывала группе армий «Б» «ударом на Сталинград разгромить формируемую там группу противника, захватить сам город и блокировать сухопутные перемещения

рекой Дон и рекой Волга» [12: 180]. 6-й армии Ф. Паулюса было приказано взять Сталинград как можно скорее и присоединиться к решению больших задач на Кавказе, связанных с осуществлением операции «Эдельвейс».

Через два дня после издания директивы, 25 июля, с переходом в наступление группы армий «А» и после того, как командный танк Э. Клейста пересек р. Дон, началась битва за Кавказ.

28 июля вышел приказ № 227 «Ни шагу назад», но советские войска начали отходить на Ворошиловск (Ставрополь), который был оставлен 5 августа. 10 августа был захвачен Майкоп, войска противника вышли к р. Кубань и 12 августа взяли Краснодар. Кубань была оккупирована за две недели, а 15–16 августа нацистские войска захватили ряд перевалов в центральной части Главного Кавказского хребта [1: 643].

В директиве № 45 говорилось: «Как только станет эффективным продвижение главных сил группы армии “А”, переправить через Керченский пролив предназначенные для того части 11-й армии, чтобы затем пробиваться на юго-восток вдоль шоссе, идущего по Черноморскому побережью» [12: 180]. Новороссийско-Сухумское шоссе, о котором говорилось в директиве, находилось в хорошем состоянии и было пригодно для движения моторизованных войск без всяких ограничений.

Новороссийская оборонительная операция охватывает период с 19 августа по 26 сентября 1942 г. Важным совпадением является то, что именно в день начала ожесточенных боев за Новороссийск, 19 августа 1942 г., генерал Ф. Паулюс отдал приказ о наступлении на Сталинград [12: 315].

По плану гитлеровского командования захват Новороссийска должен был произойти 25 августа. Но совершенно неожиданно для себя противник встретил на этом направлении самое ожесточенное сопротивление. Только 6 сентября, в день начала боев на окраине Сталинграда, ему удалось прорваться и в Новороссийск.

В дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера записи с 24 августа по 6 сентября начинаются с описания ситуации под Новороссийском [2: 682–690], в то время как в сообщениях в Ставку Верховного Главнокомандования на первом месте был, естественно, Сталинград,

а сведения по Новороссийскому оборонительному району шли четвертым-пятым пунктом, реже – третьим [10: 20–41].

10 сентября 1942 г. судьба всего оставшегося советским Черноморского побережья оказалась в руках морской пехоты и артиллерии, оборонявшихся на юго-восточной окраине Новороссийска в районе цементных заводов «Пролетарий» и «Октябрь». Этот коротенький участок Новороссийско-Сухумского шоссе между цемзаводами, который гитлеровцы так и не смогли преодолеть, они прозвали «глоткой дьявола». Еще полмесяца продолжалась Новороссийская оборонительная операция, затем – два с половиной месяца позиционных боев, и уже в январе была предпринята первая попытка перейти здесь в наступление, а в феврале 1943 г. на юго-западной окраине Новороссийска, на другом берегу Цемесской бухты, образовался плацдарм Малая Земля, оборонявшийся 225 дней.

С 19 августа 1942 г. по 16 сентября 1943 г. (до полного освобождения города от немецко-румынских захватчиков) Новороссийск пережил 393 дня непрекращающихся боев.

Благодаря основанию серии «Военно-историческая библиотека», начиная с 1998 г. нам оказались доступны мемуары, которые подготовили (по инициативе и под руководством военно-исторической службы США) бывшие немецкие высокопоставленные офицеры и генералы, включая переиздание в 2003 г. известного труда К. Типпельскирха, признанного военным преступником в Нюрнберге в 1946 г. Немецкий генерал еще в 1956 г. дал оригинальное объяснение того, почему продвижение на стратегически важном для Гитлера направлении вдоль Черноморского побережья остановилось в том месте, где должно было начаться, – на первых километрах Новороссийско-Сухумского шоссе: «Соединения, вышедшие к побережью, продвинулись затем дальше на юго-восток и 10 сентября достигли Новороссийска. Здесь горы, круто обрывающиеся у самого моря, положили конец дальнейшему продвижению» [9: 322]. Оставим пока это высказывание без комментариев.

Наибольший интерес представляют книги, переведенные с немецкого на русский язык в 2005 г. и вышедшие в серии «Энциклопедия военной истории». Прежде всего это труды Юрга Майстера, Пауля Кареля и Вильгельма Тике [3–5; 8]. Книга известного швейцарского

историка Ю. Майстера [5] – единственное за первые 60 послевоенных лет зарубежное исследование о морских и речных театрах Великой Отечественной войны. Эта работа, начатая автором в 1949 г., была закончена лишь в 1957 г., так как собрать материал оказалось очень трудно. Особенно сложно было получить надежные сведения о деятельности советского флота. Майстер прямодушно констатирует при этом, что «опубликованные в Советском Союзе во время и после войны книги и статьи о Великой Отечественной морской войне в военно-историческом отношении не представляют, к сожалению, никакой ценности» [5: 9]. Поскольку действия советского Военно-морского флота в этой книге являются объектом острой критики, ее автор долгие годы считался одним из видных фальсификаторов военной истории, хотя можно утверждать, что работа сравнительно высоко достоверна и объективна. Кроме того, каждая глава снабжена комментариями отечественных редакторов, постаравшихся выявить неточности и «уточнить приводимые автором факты с позиции современных знаний» [5: 7].

Обратим внимание на несколько важных моментов. Майстер подчеркивает: «Новороссийский порт в течение целого года (с 6 сентября 1942 г. по 16 сентября 1943 г.) был самым южным опорным пунктом немецкого фронта. Но советские войска засели на мысе Дооб, и их невозможно было заставить отступить. Их береговые батареи обстреливали вход в Новороссийск, и по этой причине немецкие корабли не могли использовать этот крупный порт» [5: 370–371]. Таким образом, выходит, что зарубежный автор одним из первых оценил значение Новороссийска как крупного оборонительного пункта. «Проявляя большое мужество, русские снова и снова пытались овладеть Новороссийском. Так как им не удавалось захватить его с суши, то они много раз пытались произвести высадку. Тяжелые боевые корабли, артиллерийский огонь которых мог бы выбить немцев, ни разу не применялись. Первая попытка высадить десант при поддержке торпедных катеров и охотников была предпринята 21 сентября 1942 г.» [5: 371]. Конечно, Майстер не берет во внимание тот факт, что город был захвачен не полностью, но упоминание о попытке неоднократных высадок вообще отсутствует у отечественных авторов, несмотря на сохранившиеся свидетельства выживших жителей, бывших тогда еще детьми.

Более того, все те события, которые у нас неизбежно ассоциируются с историей Малой Земли, для Ю. Майстера всего лишь продолжение этих высадок – попыток овладеть городом. С 4 по 7 февраля, сообщает Майстер, русские провели 11 высадок, при этом 16 десантных кораблей было потоплено и несколько повреждено. Не забывает автор и об апрельских боях, завершившихся провалом гитлеровской операции «Бокс» («Нептун»). Удивительно, но, посвятив новороссийским событиям всего лишь чуть более двух страниц, Ю. Майстер приходит к выводу, совпавшему с нашим: «Бои в районе Новороссийска, бесспорно, стали успехом русских» [5: 371].

Одной из самых читаемых в мире книг по истории Второй мировой войны является двухтомное произведение П. Кареля «Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. Книга вторая. Выжженная земля. 1943–1944». Обе книги, написанные в 1960-е гг., выдержали за первые 10 лет 8 изданий только на немецком языке общим тиражом более 400 тыс. экземпляров и были переведены на все европейские языки. Целостное историко-публицистическое повествование не является строго научным трудом. Наряду с историческими неточностями, оно содержит немало моментов, типичных для бытующих на Западе стереотипов периода холодной войны. Тем не менее целый ряд конкретных мест, касающихся нашей темы, непременно стоит здесь привести. В книге «Гитлер идет на Восток» [3] П. Карель довольно емко определяет значение Новороссийска в летне-осенней кампании 1942 г.: «С переходом через Кубань для армейской группы Руоффа осталась позади последняя водная преграда на пути к цели. Теперь дивизия могла приступить к решению реальных боевых задач – захвату портов Новороссийск, Туапсе, Сочи, Сухуми и Батуми – объектов, имевших крайне большое значение. Овладение ими давало возможность немцам лишить советский Черноморский флот последних баз и таким образом наладить снабжение своих войск на Кавказском фронте по морю» [3]. Любопытно, но оберштурмбаннфюрер Шмидт-Карель ранее, чем это случилось в советской историографии, обратил внимание и на такое обстоятельство: «Кроме того, если бы последние принадлежавшие еще Советам участки побережья Чёрного моря оказались заняты немцами, Турция, вполне вероятно, вступила бы в союз с Германией. Подобная перспектива сама по себе



имела бы далеко идущие последствия в стане союзников. Рухнули бы британско-советские позиции в северной Персии, и южный путь поступления военной помощи Сталину – через Персидский залив, Каспий и далее вверх по Волге – оказался бы перерезан» [3].

Колоссальный опыт пропагандистской и дипломатической работы позволил ему подметить, что «даже смелый план направить Африканский корпус Роммеля через Египет в Месопотамию приобрел бы реальное практическое значение. В то время солдаты германо-итальянской танковой армии в Африке, осуществив летом 1942 г. великолепный бросок через пустыню, стояли под Эль-Аламейном, у ворот Каира» [3]. В связи с этим Карель приводит ответ одного стрелка из группы Руоффа на вопрос, с какой целью они совершают столь долгий марш через степи: «Чтобы выйти к Кавказу, повернуть за угол, ударить англичанам в тыл и сказать Роммелю: “Привет, генерал, мы здесь!”» [3].

В подобной же максимально информативной и высокохудожественной манере Карель повествует о том, как нацистские части вышли к Новороссийску: «Ближе к концу августа 1942 г. дивизии 5-го корпуса начали штурм Новороссийска – крупной морской крепости на восточном побережье Чёрного моря... Однако для овладения им полкам 125-й и 73-й пехотных дивизий пришлось пролить немало пота и крови» [3].

Истории высадки десантов в феврале 1943 г. Карель посвящает не менее полутора десятков страниц своей второй книги, называя эту операцию «одной из самых экстраординарных» [4: 116] за всю войну, а события в пос. Станичка – «особой главой истории войны в России» [4: 175]. Такой взгляд нельзя оставить без внимания, и в монографии [11], а также документальном фильме «Малая земля. Как это было...» мы неоднократно прибегаем к выдержкам из этой книги. Конечно, невозможно не заметить неправильно переведенные фамилии участников военных действий [4: 126] или взявшиеся из ниоткуда «самые современные самоходные баржи» [4: 124]. Удивительным в книге Кареля выглядит панегирик храбрости Л. Брежнева [4: 129], особенно если учесть, что его книга вышла на 11 лет раньше книги генерального секретаря ЦК КПСС «Малая земля» (издержки неоднократных переизданий, видимо).

Книга В. Тике «Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943» по своему содержанию максимально связана с нашей темой. Ее написание автор, участник битвы за Кавказ, завершил в 1970 г. Подчеркнув, что «в военно-географическом описании дорога от Новороссийска до турецкой границы шла под номером один» [8: 106], на этапе победного наступления войск вермахта Тике называет Новороссийск «ключом к Закавказью. Если Новороссийск будет взят, вместе с ним падут и остальные военные гавани советского Черноморского флота. Утопическая мечта пройти по прибрежной дороге в Малую Азию и координировать боевые действия с Африканским корпусом Ромеля становилась реальностью» [8: 116]. Несмотря на определенную переключку с произведением Кареля, книга Тике – самостоятельный и глубокий труд. Она изобилует массой интересных, никогда не излагавшихся в советской истории эпизодов, содержит документально подтвержденные факты и написана хорошим литературным языком, иногда на редкость образным. К примеру, в книге рассказано об операции береговой егерской роты «Бранденбург», один взвод которой, состоявший из лиц, говоривших по-русски, в конце августа 1942 г. «был применен на единственной дороге, связывавшей советские войска в Новороссийске с Геленджиком, с задачей взорвать ее и перерезать пути снабжения русских» [8: 117–118]. Дерзкая операция частично удалась: на следующий день на дороге образовались километровые заторы. Излагая дальнейший ход военных действий, автор констатирует, что «советская 47-я армия, оборонявшая Новороссийск, закрепилась в промышленном районе на восточной окраине города и со всей решимостью преградила доступ к прибрежной дороге».

В книге Тике также можно найти подробности боев, ставших «последней попыткой открыть Черноморское шоссе на Туапсе» на восточном берегу Цемесской бухты с 12 по 24 сентября и с 14 по 30 октября 1942 г. [8: 119–120], о чем крайне редко упоминается даже в отечественных источниках. Новороссийской десантной операции автор посвятил отдельную главу и дал ей достаточно объективную оценку, несмотря на ряд ошибочных утверждений. Так, в батальоне Ц. Куникова оказываются сплошь «черноморские матросы» [8: 386]; численность советских войск на Малой Земле почему-то «к октябрю» (?) возрастает до «78 тысяч человек» [8: 389],

хотя таким может быть только общее количество малоземельцев, воевавших на плацдарме за весь период в семь месяцев; а гибель Куникова, исходя из контекста, происходит не в феврале, а во время апрельских боев [8: 391]. Однако это все не снижает общей значимости опубликованного труда. Кроме того, в книге содержится анализ операций немецкого флота. Заключительная глава совершенно логично начинается с описания действий советского десанта в порту Новороссийск в сентябре 1943 г. [8: 420].

Довольно богатая фактология, лежащая в основе вышеприведенных публикаций, позволила активно использовать эти работы в монографии [11], посвященной сражению за Черноморское побережье Кавказа.

И еще об одном издании обязательно следует здесь упомянуть. В 2016 г. на русском языке вышла книга Вольфганга Пиккерта «От Кубани до Севастополя. Зенитная артиллерия вермахта в сражениях на Юге России» [6] из серии военно-исторических книг «За линией фронта», которая выпускается с 2002 г. Говоря о возникновении советского плацдарма в тылу 17-й армии вермахта, автор констатирует: «Несмотря на все усилия, немецким войскам так и не удалось сбросить противника назад в море; более того, русские смогли продвинуться к горе Мысхако, находившейся примерно в 6 километрах юго-западнее города, и только здесь они были наконец остановлены» [6: 15]. Как представляется, особенно интересен взгляд автора на ход и значение апрельских боев на Малой Земле [6: 39–42]. Военным действиям на «Кубанском плацдарме» в период с февраля по октябрь 1943 г. немецкий генерал отводит целую главу.

Когда на русский язык была переведена изданная в США в 1956 г. книга «Роковые решения», написанная группой из семи генералов вермахта [7], это стало определенной сенсацией в СССР. Книга значительно отличалась от всего того, что было написано о Второй мировой войне в первом послевоенном десятилетии. Показательно, что в предисловии к этому изданию, которое было осуществлено Министерством обороны США, «главный историк Европейского театра военных действий» С.Л.А. Маршалл четко обозначил цели: «Книга “Роковые решения” выросла из специальных исследований, предпринятых немцами в 1946–1949 гг. по инициативе руководимого

мною отдела. Мы, американцы, должны извлечь пользу из неудачного опыта других» [7: 3].

Ввиду особой актуальности сказанного, мы просто обязаны продолжать пристально изучать всё, что коротко называем «взгляд с той стороны».

### **Источники и литература**

1. 1418 дней войны: из воспоминаний о Великой Отечественной: сборник / сост. Е.Н. Цветаев, В.С. Яровиков. М., 1990.
2. *Гальдер Ф.* Военный дневник (июнь 1941– сентябрь 1942). М.; Владимир, 2010.
3. *Карель П.* Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2005. URL: [https://royallib.com/read/karel\\_paul/gitler\\_idet\\_na\\_vostok\\_1941\\_1943.html](https://royallib.com/read/karel_paul/gitler_idet_na_vostok_1941_1943.html) (дата обращения: 25.04.2023).
4. *Карель П.* Восточный фронт. Книга 2. Выжженная земля. 1943–1944. М., 2005.
5. *Майстер Ю.* Восточный фронт. Война на море. 1941–1945 гг. М., 2005.
6. *Пиккерт В.* От Кубани до Севастополя. Зенитная артиллерия вермахта в сражениях на Юге России. 1943–1944. М., 2016.
7. Роковые решения: сборник статей / под общ. ред. П.А. Жилина. М., 1958.
8. *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943. М., 2005.
9. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 2003.
10. Центральный военно-морской архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24.
11. *Юрина Т.И.* Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. Краснодар, 2008.
12. *Якобсен Г.-А.* 1939–1945. Вторая мировая война: хроника и документы. М., 1995.

**И.Л. Жеребцов**

### **ДЕСАНТ НЕМЕЦКИХ ДИВЕРСАНТОВ В КОМИ АССР 1943 г. В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ, НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДОКУМЕНТАХ**

Коми АССР была тыловым регионом, весьма удаленным от линии фронта. Тем не менее щупальца войны пытались дотянуться и сюда. Близ устья Печоры появлялись немецкие подводные лодки, а над тундрой – вражеские бомбардировщики, пытавшиеся (безуспешно)

добраться до воркутинских угольных шахт и Северо-Печорской железной дороги. Но эти немецкие вылазки происходили не в республике, а по соседству – в Ненецком национальном округе. Но однажды вражеская диверсионная группа появилась и в Коми АССР.

Этим непродолжительным событиям в научной литературе долгое время не уделялось должного внимания. Информация о них не попала ни в публикации, непосредственно посвященные истории Коми в период Великой Отечественной войны, ни в обобщающие труды по истории Коми, причем выпущенные как в советский [2; 3; 6; 8; 15; 18; 19; 21], так и в постсоветский период [17; 20].

К теме печорского десанта обратились вначале представители творческой интеллигенции. Первыми стали журналисты и писатели А.Г. Попов и А.Д. Знаменский, оказавшиеся в Печорском крае в начале 1940-х гг. не по своей воле.

А.Г. Попов (1904–1947, псевдоним Алексей Маленький) отбывал заключение в Абези, где написал роман «Покорители тундры», посвященный строителям Северо-Печорской железной дороги. Действие романа начинается в 1940 г., и в нем описывается, в частности, эпизод с высадкой в печорской тайге вражеских парашютистов. А.Г. Попов умер за три дня до своего освобождения. Рукопись сохранила его гражданская супруга, врач лагерной клиники М.И. Архангородская, в 1958–1960 гг. опубликовавшая роман в журнале «Сибирские огни». В 1964 г. «Покорители тундры» были изданы отдельной книгой [22].

А.Д. Знаменский отбывал срок в Ухтпечлаге на лесоповале, торфяном карьере, строительстве сажевого завода. По истечении срока был приговорен к ссылке, жил в Ухте, трудился на стройках, в нефтеразведке, в газете «Ухта». В петрозаводском журнале «На рубеже» в 1950 г. вышла первая, а в 1952 г. – вторая часть его романа «Неиссякаемый пласт» (о буровых рабочих, бывших заключенных), где говорится, в частности, о печорском десанте. Отдельной книгой роман был издан в 1956 г. [13].

Первым «вольным» автором произведения, в котором шла речь об участниках печорского десанта, ненадолго отстав от А.Г. Попова и А.Д. Знаменского, стал А.Е. Рекемчук, работавший в Коми АССР в 1947–1963 гг. и в 1958 г. напечатавший в республиканской газете «Красное знамя» документальную повесть «“Б7-Б7” выходит из игры»

(позднее она включалась в авторские сборники на русском и коми языках; популярна до сих пор [5]).

В 1960-е гг. коми поэт С.А. Попов написал о печорском десанте поэму (отрывок из нее был опубликован в республиканской газете «Югыд туй») [5; 25: 105], а журналист В.В. Желтый – документальную повесть, увидевшую свет на страницах издававшейся в г. Печоре газеты «Ленинец» (в книжном формате повесть появилась только в 2007 г. [9]). В 1970-е гг. Г.А. Юшков написал повесть «Право на жизнь», также посвященную этой теме [35]. Позднее историей печорского десанта заинтересовались краеведы А.Н. Козулин, П.Г. Сухогозов, С.В. Таскаев и другие [25: 4; 30].

Но наибольший вклад в исследование истории печорского десанта внесла ухтинский учитель и краевед В.С. Пашинина, на протяжении трех десятилетий, с середины 1970-х гг., собиравшая материалы об этих событиях и в начале 1990-х гг. (когда рассекретили часть архивов КГБ) подготовившая посвященную им научно-популярную книгу. Автору настоящей статьи довелось в тот период встречаться с этим замечательным, увлеченным исследователем. В.С. Пашинина произвела на меня впечатление чрезвычайно целеустремленного и вдумчивого человека. Книгу В.С. Пашининой удалось опубликовать только в 2004 г. [25], через несколько лет после того, как информация о печорском десанте появилась на страницах «Книги Памяти Республики Коми» [4] и издания, посвященного юбилею органов государственной безопасности Республики Коми [31].

История печорского десанта вызвала огромный интерес средств массовой информации: появились многочисленные публикации в газетах [5; 26–29; 33], интернете, документальные фильмы «Печорский десант» (2015 г.), «Мост. Право на память» (2019 г.), «Печорский десант. Диверсия на Русском Севере» (2019 г.), спектакль Воркутинского драматического театра и др. Затрагивалась эта тема и в научно-популярных изданиях [10; 14; 32].

Итак, что же произошло в Коми АССР летом 1943 г.? Как и вся страна, республика находилась в боевой готовности. На восьмой день войны была введена всеобщая обязательная подготовка населения к противовоздушной и химической обороне. Налаживалась служба местной противовоздушной обороны (далее – МПВО). На предприятиях,

в учреждениях, учебных заведениях и домоуправлениях города в обязательном порядке создавались группы самозащиты. В 1941 г. в городе имелось 143 группы самозащиты, которыми руководил штаб МПВО при Сыктывкарском горсовете [6: 143–144].

19 сентября 1941 г. сыктывкарский горисполком обязал руководителей учреждений и предприятий провести светомаскировку учреждений и предприятий, жителей города – в период проведения светомаскировки затемнить квартиры, кухни и места общего пользования. Пробные светомаскировки на случай вражеского налета провели 27 и 28 сентября [11; 16: 18]. 25 октября 1941 г. штаб МПВО г. Сыктывкара издал приказ № 1 об установлении сигналов воздушной тревоги [14; 16: 22–23].

Как выяснилось, готовились не зря. В 1943 г. военные действия внезапно пришли и на территорию Коми АССР. Сыктывкар был определен одной из целей для немецких десантников. Немецкие стратеги знали и понимали роль Коми АССР. В 1942 г. немецкий генштаб подготовил «Инструкцию для вторжения», в которой подробно говорилось о строительстве железной дороги до Воркуты, перечислялись полезные ископаемые Северо-Восточной России (имелась в виду Коми АССР), были названы крупные промышленные предприятия. В разделе «Значение Северо-Восточной России» подчеркивается: «Принято думать, что Северо-Восточная Россия не играет сколько-нибудь значительной роли. Но не нужно, однако, забывать, что удельный вес края в результате его развития за последние годы в известной мере возрос. Нельзя также пройти мимо наличия чрезвычайно многочисленных принудительных рабочих, число которых по некоторым данным достигает несколько миллионов человек. После падения Мурманска и Архангельска Восточная Россия была бы единственным местом [выхода] Советов на Севере к Мировому океану» [10: 119].

В 1942 г. в Германии был создан разведывательно-диверсионный орган «Цепелин», на который возлагались задачи политической разведки, диверсионно-террористической деятельности и создания сепаратистских национальных движений в тыловых районах СССР. Бывший комбриг РККА И.Г. Бессонов, сдавшийся в плен вермахту в августе 1941 г., предложил немцам свой план парашютных десантов в глубоком тылу СССР, выбрав для места высадки Коми АССР.

Он надеялся, что десант в местах лагерей ГУЛАГ НКВД поднимет восстание советских заключенных [25: 17].

На допросах после войны И.Г. Бессонов поведал о планах высадки немецких десантов на Печоре и в районе Сыктывкара: «Выполняя задание немцев, я разработал предварительный план повстанческой деятельности в тылу Советского Союза, по которому предполагалось создание из числа военнопленных, бывших военнослужащих Красной Армии, нескольких десантных групп для выброски их с самолетов на парашютах в северные районы СССР... Предполагалось высадить воздушный десант численностью в 50 000 человек» [7: 101–102].

План И.Г. Бессонова предусматривал, что десантные отряды захватят расположенные на Севере лагеря и поселения ссыльных, вооружат их и, пользуясь отдаленностью этих районов от фронта и жизненных центров страны, а также отсутствием крупных воинских гарнизонов, «разовьют повстанческую деятельность» в следующих местах: «1. район Нарьян-Мар, Усть-Цильма и Усть-Ухта; 2. район дельты реки Северная Двина; 3. район Сыктывкара (быв. Усть-Сысольск); 4. район Мезень; 5. в пунктах на реке Обь... 7. Северный Урал – район Чердынь» [7: 101–102].

Реализация плана началась в ночь с 5 на 6 июня 1943 г., когда вылетевшие из Норвегии два самолета «Кондор» сбросили в 25 км от фермы «Развилки» совхоза «Кедровый Шор» Интлага НКВД (Кожвинский район Коми АССР) десант – 12 чел., одетых в военную форму войск НКВД [1: 116]. Десантники должны были поднять восстания заключенных в северных лагерях, организовать диверсии и в первую очередь взорвать мост через Печору, чтобы перекрыть дорогу для вывоза угля. В группу входил А.Г. Доронин из Коми АССР, М.К. Годов из Свердловской области (он до армии отбывал наказание за растрату в Печорлаге), уроженцы Могилевской области, Днепропетровска, Татарской АССР, Дальневосточного и Краснодарского краев, Ивановской, Московской и Тамбовской областей. За несколько дней до вылета А.Г. Доронин договорился почти со всеми участниками десанта о том, чтобы сразу после высадки в Коми АССР убить командира группы Л.Н. Николаева и сдать властям [25: 51–54].

6 июня 1943 г. в Сыктывкар, в Наркомат внутренних дел Коми АССР, из поселка Канин поступила срочная телеграмма: «Сегодня



в 3 часа ночи недалеко от Кожвы на высоте 150–200 метров с юга на север пролетели без опознавательных знаков два самолета типа “Дуглас”. Из Сыктывкара были даны указания подготовиться к возможным неожиданностям [10: 120].

8 июня в Сыктывкар первому секретарю Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко поступила телеграмма секретаря Кожвинского райкома партии С.И. Безгодова: «По сообщению директора совхоза “Кедровый Шор” в 3 часа утра в районе Концеборского сельсовета выброшен вооруженный немецкий десант в количестве 12 человек. Два из них сдались в плен. Посылаю отряд для ликвидации десанта» [24: 24]. Получив в 10 ч 15 мин 8 июня 1943 г. сообщение о выброске вражеского парашютного десанта, из Сыктывкара вылетела на самолетах группа оперативных работников Наркомата внутренних дел Коми АССР во главе с наркомом внутренних дел Коми АССР полковником С.И. Кабаковым. В ее составе были начальник отдела по борьбе с бандитизмом Боровиков, его заместитель Соловьев, заместитель начальника оперотряда Прошутинский, заместитель начальника управления милиции Лапин, заместитель начальника следственного отдела Кондрашин и др. [24: 48]. Оперативная группа НКВД Коми АССР прибыла в совхоз «Кедровый Шор» в 22 ч 8 июня. Для ликвидации десанта, розыска и сбора имущества десантников был направлен отряд под руководством Боровикова. Но к тому времени десантники уже сдались, застрелив своего руководителя [24: 3].

10 июня 1943 г. С.И. Кабаков доложил А.Г. Тараненко: «Десантная группа врагом действительно высажена, нами полностью выловлена» [24: 29]. «Радист Одинцов вместе с Дорониным добровольно первые убили своего командира Николаева, пришли с оружием к охране и сдались» [24: 29]. «Диверсантная группа... получила задание... подготовить прием большого десанта с оружием» [24: 29]. «Используя коды, шифры немцев разрабатываю комбинацию [к] приему от немцев дополнительно десантников. Это мероприятие согласую с Вами и НКВД СССР» [24: 29]. «При первой возможности арестованных начнем направлять в Сыктывкар, т.к. условий работы с ними нет» [24: 29]. «Хорошо работавших при операции представлю через Вас Берия [к] награде» [24: 29].

Надо признать: организаторам борьбы с вражеским десантом очень повезло в том, что десантники сами приняли решение сдаться. В противном случае результаты могли оказаться намного печальнее. Проводившееся позднее расследование «по делу о недостатке трофейного имущества и фактах мародерства и хищения материальных ценностей, принадлежавших вражескому парашютному десанту, выброшенному на территории Кожвинского района» [24: 47], позволило «с полной очевидностью установить, что операция по ликвидации вражеского парашютного десанта была организована крайне неумело, проходила самотеком и не в деловой обстановке, началась с коллективной пьянки в Кедровом Шоре, пили на ферме “Развилки”... в лесу, пробовали трофейный ром на пароходе, и закончилось также выпивкой в Канине в столовой райторготдела и на квартире» [24: 16].

Документы рисуют весьма непривлекательную картину: после отправки отряда Боровикова «в совхозе “Кедровый Шор” в кабинете директора под руководством тов. Кабакова была организована пьянка» [24: 4]. «Пьянка продолжалась до утра, многие участники пьянки дошли до полусознательного состояния. Утром 9-го июня возвратился из разведки тов. Боровиков и доложил, что вражеский парашютный десант “ликвидирован”. В честь ликвидации десанта были провозглашены тосты за тов. Кабакова и тов. Боровикова. Тов. Кабаков здесь же начал представлять “отличившихся работников” к правительственной награде» [24: 4]. «С легкой руки тов. Кабакова и началось расхищение трофейного имущества, ценностей и вооружения» [24: 5]. «Несмотря на то, что приказ товарища Берия требовал: “... о всех сброшенных парашютистах с указанием установочных данных, обстоятельств вербовки, поставленных задач, наличия техники и вооружения немедленно доносить в НКВД СССР”, и то, что были выделены ответственные за сбор, учет вооружения имущества и ценностей, отдельные работники Наркомата Внутренних Дел и лагерей к этому отнеслись преступно-халатно и безответственно, разбазаривали продукты питания, ценности и вооружение» [24: 5]. «Была создана такая обстановка, которая разлагала участников операции и способствовала мародерству и расхищению трофейного имущества. Факты расхищения имущества были очевидны, однако Нарком тов. Кабаков и никто из других руководителей операции мер

по предотвращению мародерства не принял и больше того, сами показали пример растаскивания и присвоения трофейного имущества» [24: 16].

В отношении С.И. Кабакова было предложено «считать невозможным дальнейшее пребывание его на посту народного комиссара Внутренних Дел Коми АССР» [1: 116; 34: 131; 25: 68–70]. В марте 1944 г. С.И. Кабакова откомандировали в управление НКВД Крыма [23: 97].

Десантников из «Кедрового Шора» этапировали в пос. Канин, а оттуда 11 июня 1943 г. – в Сыктывкар [24: 48а]. После проведенного следствия все участники десанта были отправлены на фронт. Руководство НКВД республики приняло опережающие меры по встрече и ликвидации возможного второго вражеского десанта. С использованием шифров и кодов немцев, имевшихся у радиста А. Одинцова, была предпринята попытка установить сеанс радиосвязи с сообщением об успешной высадке группы и готовности принять дополнительный десант [24: 28–30]. Попытка эта оказалась безуспешной. Очевидно, немцы догадались о провале первой группы, и до появления в небе над Коми новых вражеских парашютистов дело не дошло [25: 72–75; 10: 123]. Планы масштабной вражеской «повстанческой деятельности» в тылу Красной армии с захватом промышленных центров Урала, отрезанием Сибири от центральной части Советского Союза и лишением его важнейшей стратегической базы на востоке потерпели полный крах.

### Источники и литература

1. *Азаров О.И.* «Посылаю отряд для ликвидации...» // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми (Документы, материалы, воспоминания: 1918–1998) / отв. ред. А.А. Попов. Сыктывкар, 1998. С. 113–122.
2. *Александров А.Н.* Во имя жизни: О подвигах трудящихся Коми АССР на фронтах Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. Сыктывкар, 1966.
3. *Александров А.Н.* Коми воины в боях за Родину. Сыктывкар, 1959.
4. *Ануфриев А., Захаров В.* Вражеский десант на Печоре // Книга Памяти Республики Коми. Сыктывкар, 1996. Т. 4. С. 379–385.
5. *Артеев А.* Печорский десант // Республика. 2020. 7 мая.

6. В годы Великой Отечественной войны // История Сыктывкара / гл. ред. И.Б. Берхин. Сыктывкар, 1980. С. 142–175.
7. *Власова А.* Выполняя боевые задачи // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми (Документы, материалы, воспоминания: 1918–1998) / отв. ред. А.А. Попов. Сыктывкар, 1998. С. 96–103.
8. Грани отваги и стойкости / сост. А. Усов. Сыктывкар, 1975.
9. *Желтый В.В.* Повести. Печора, 2007.
10. *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Мельникова Н.В.* Всегда в строю, всегда в бою: к 100-летию органов государственной безопасности Республики Коми. Сыктывкар, 2018.
11. За новый Север. 1941. 21 сентября.
12. За новый Север. 1941. 26 октября.
13. *Знаменский А.Д.* Неиссякаемый пласт: роман. Сыктывкар, 1956.
14. Историческая хроника: Республика Коми с древнейших времен / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, М.Б. Рогачев, Б.Р. Колегов. Сыктывкар, 2002.
15. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. 2-е изд. Сыктывкар, 1981.
16. *Колегов Б.Р.* Странная страна: Город Сыктывкар и его обитатели на страницах газеты «За новый Север». Ч. 2. 1941–1954 гг. Сыктывкар, 2017.
17. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // История Коми с древнейших времен до современности: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. Сыктывкар, 2011. С. 419–466.
18. Коми АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Очерки по истории Коми АССР: в 2 т. Т. 2 / под ред. К.В. Сивкова и др. Сыктывкар, 1962. С. 311–371.
19. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): сборник документов и материалов / сост. А.Н. Александров и др. Сыктывкар, 1982.
20. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов и материалов / сост. А.Н. Александров и др. 2-е изд. Сыктывкар, 2004.
21. Коми областная партийная организация в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.) // Очерки истории Коми областной организации КПСС / редкол. Ю.И. Семуков и др. Изд. 2-е. Сыктывкар, 1987. С. 175–212.

22. *Маленький (Попов) А.Г.* Покорители тундры: роман. М., 1964.
23. *Машкалев А.Е., Рочев Р.А.* На страже правопорядка и законности: Органы внутренних дел Республики Коми: краткий исторический очерк. Сыктывкар, 2001.
24. Национальный архив Республики Коми. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 910.
25. *Пашинина В.С.* Печорский десант. Сыктывкар, 2004.
26. *Петрушин А.* Призраки Приполярного Урала // Тюменский курьер. 2011. № 104 (3121). 16 июня; № 105 (3122). 17 июня; № 106 (3123). 18 июня; № 107 (3124). 21 июня. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/kr/a-prizraki.php> (дата обращения: 19.04.2023).
27. *Савичев В.* Крах печорского десанта // Северная магистраль. 2013. 31 мая.
28. *Сивкова А.* По следам десанта // Дым Отечества. 2002. 22 ноября.
29. *Сивкова А.* Право на память // Молодёжь Севера. 1990. 11 мая.
30. *Сизов М.* Тихий подвиг // Вера-Эскём. 2004. Вып. 1 (№ 464). URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/464/5.htm> (дата обращения: 19.04.2023).
31. Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми (Документы, материалы, воспоминания: 1918–1998) / отв. ред. А.А. Попов. Сыктывкар, 1998.
32. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки) / И.Л. Жеребцов и др. Сыктывкар, 2020.
33. Тревожный июнь 1943 года // Республика. 1997. 27 февраля.
34. *Турьев Г.* По следам десанта // Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми (Документы, материалы, воспоминания: 1918–1998) / отв. ред. А.А. Попов. Сыктывкар, 1998. С. 123–136.
35. *Юшков Г.А.* Право на жизнь. Повести и рассказы. М., 1975.

**Т.Ф. Маслова**

**ВОЙНА КАК ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТСТВА  
(НЕ) «МОЛЧАЛИВОГО ПОКОЛЕНИЯ»  
(к вопросу об актуальности биографического метода)**

Великая Отечественная война, являясь важнейшим маркером исторической памяти, выполняет миссию ценностного аттрактора, который притягивает систему к будущему, формирует ее из наличного состояния [4: 170]. Феноменальность этого знакового события состоит в том, что оно стало не только фактом политическим, историческим,

но и социальным, и психологическим. Основу его осмысления составляют, в числе других, идеи ситуационного подхода (К. Леви), субъективной интерпретации событий, культурно детерминированных характеристик индивидов и целых поколений.

Социальное поколение определяется как совокупность людей, рожденных в один двадцатилетний период и обладающих тремя общими критериями: возрастное положение в истории, что подразумевает под собой переживание одних и тех же исторических событий в примерно одинаковом возрасте, единые верования и модели поведения и ощущение причастности к данному поколению [6].

Оценивая поколение как социальный феномен, отметим, что оно представляется актором реальной действительности, имеет свои специфические социокультурные и психологические характеристики, выступает посредником между прошлым и будущим общества. Диалог между поколениями, обеспечивающий гармоничность социальных отношений, возможен при достижении понимания сути процессов, повлиявших на судьбы и характер людей, живших в разное время. Как известно, связь социального и индивидуального формируется в процессе социализации. При этом, по оценкам исследователей, «чем более масштабным является социальное воздействие, тем труднее учесть в нем разнообразные варианты индивидуального реагирования на изменение ситуации» [8: 15]. Тем не менее именно индивидуальные практики дают наиболее полное представление о ситуации и типизации свойств индивидов в процессе социализации поколения: «Только ситуация, интерпретируемая человеком, является единственным подлинным стимулом» [8: 47]. Остановимся на этом подробнее.

Важным условием формирования характерных черт поколения является ситуация детства как совокупность условий социализации. Это связано с тем, что природа ребенка делает его чрезвычайно чувствительным, отзывчивым на воздействие воспитания, окружающей среды. И западные, и российские исследователи отмечают, что на поколенческие ценности, формирование которых происходит примерно до 12–14 лет, влияет детство [5: 35].

В контексте данной статьи обращается внимание на характер и результаты социализации детей, чья повседневность связана с ситуацией военного времени. Ее особенность состоит в создании вызовов

природному развитию, влияющих на рассогласование его стадий; это сверхиспытания духовных, физических, психологических свойств человека на начальном этапе социализации.

Об этом говорят свидетельства представителей поколения, которое сегодня уже называется уходящим и оставляющим потомкам свой опыт и историческую память. В «теории поколений», адаптированной в России, выделяется социальная категория, обозначенная как «молчаливое поколение» (1923–1943 г.р.) [9]. Этому поколению приписываются такие социальные и психологические качества, как уважение к закону, должностям и статусу других людей, страх репрессий. Но, как показала история, в число типичных характеристик входят также патриотизм, ответственность за судьбу Родины, гражданственность, социальная активность и коллективизм, которые сформировались в специфических условиях. И, судя по эффекту связи представителей поколения с жизнью общества, его преобразованием, данное определение позволяет усомниться в точности соответствия действительности. Об этом позволяют судить исследования, основанные на качественной методологии, к которой относится биографический метод. Трудно не согласиться в этой связи с заключением педагога Е.А. Ямбурга о том, что история повседневности «привлекает все больше исследователей, которые, анализируя письма, дневники, мемуары рядовых граждан, получают совокупный социально-психологический и нравственный портрет эпохи, не искаженный последующим идеологическим редактированием» [10: 420].

Применимость биографического метода с использованием различных источников информации определяется глубиной, социальностью, психологизмом и эмоциональностью проблематики вызова детству в условиях войны.

Обратимся к таким источникам, взяв за основу факты биографии одного из представителей «молчаливого поколения», жителя Ставропольского края, родившегося в 1927 г., участника Великой Отечественной войны. По доминированию и наполненности его воспоминаний можно выстроить иерархию критериев оценки детства: выживание и развитие в условиях оккупации, защищенность, участие в жизни общества. Представим эти критерии в сюжетах воспоминаний.

Развитие (образование): «В сентябре 1941 года я продолжил учебу в 7 классе. Уроки начинались раньше обычного на полчаса. Прежде чем сесть за парты, директор Георгий Николаевич Шевченко собирал всех в коридоре у репродуктора, чтобы прослушать известия из Москвы. По ходу радиовещания он объяснял отдельные моменты. Учебу в 7 классе закончил на “отлично”».

Детство в оккупации: «... Летним утром 1942 года немцы вступили в село. Грабежи населения начались сразу. Они прикрывались наглой ложью – оказать посильную помощь освободителям от коммунистического дурмана. Тем временем из колхозов вывозили остатки скота в Германию. А по улицам шныряли немецкие солдаты в поисках еды.

Разрушались предприятия. Полностью был разрушен наш спирт-завод. Людей насильно гнали убирать хлеб. Военные машины с зернотоков увозили добро в неизвестном направлении. Продолжались карательные операции по ликвидации мелких группировок частей советской армии, попавших в окружение. Однажды мы, дети, были свидетелями, как на полевом участке откормсовхоза оккупанты из местной комендатуры расстреляли пятерых пленников».

«Естественно, основные силы врага, устремились к Ставрополю. Я не мог даже себе представить, сколько было поднято в воздух вражеской авиации... Как стало известно, город пал через день после оккупации Молотовского. О расстрелах активистов советской власти сообщалось в листовках. Погибло 805 человек».

«После непродолжительной передышки от голодных 30-х годов наша жизнь вновь превратилась в сущий ад. В доме – ни кусочка хлеба. Одежда сплошное тряпье. Доходов никаких».

«А мы, подростки, заменили взрослых...»: «В 15 лет я стал совсем взрослым единственным кормильцем в семье <...> Моя обязанность – водонос. Лето 1942 года выдалось очень жарким. Повсюду преобладал ручной труд. Женщины вязали снопы. На подвоз воды работницам транспорта не было. Иной раз – не успеешь прийти по колючей стерне к работницам, как вода нагрелась... И хотя всякий раз я повторял свой путь, чтобы утолить жажду всех желающих, все равно с работой не справлялся.

Денег в это время за тяжелый труд не платили... Да и откуда было взяться этим средствам, если вся колхозная продукция после перера-



ботки отправлялась на фронт. Люди это хорошо понимали, и никто не роптал».

«... Потом стал рабочим единственного предприятия откормочного совхоза, куда сгоняли остатки скота с полуразрушенных хозяйств... Меня одного с верным псом Фарлафом чуть свет отправляли в широкую степь на пастбище. Однажды откуда ни возьмись из ближайшей лесополосы на бреющем полете свалился “мессершмит”. Пилот в заочкаренном шлеме пристально смотрел с малой высоты, а потом взмыл повыше и направился в сторону Ростова».

Что касается защиты жизни, то, по известной статистике, Великая Отечественная война унесла около 27 млн жизней граждан Советского Союза. Из них около 10 млн – солдаты, остальные – старики, женщины, дети. Но статистика молчит о том, сколько детей погибло в годы войны [2].

Вернемся к устной истории: «И вот призыв на службу (короче – на войну). Всех до единых юношей рождения 1927 года в количестве 120 человек 17 ноября 1944 года направили в город Моздок Северо-Осетинской АССР.. Я был определен в пулеметный батальон... Учили новобранцев, что называется, на износ, все как на войне...»;

«Непосильным для нас, подростков оказались и боевые вылазки. Нередко винтовка образца 1931/1930 года оказывалась выше самого бойца. И когда он брал ее на плечо, била по пяткам».

«В последующие три года (вплоть до 1948 г.) в советскую армию уже никого не призывали, а нам пришлось служить “за того парня” аж до 1951 года. Я прослужил на военном флоте более 12 лет».

«В Севастополе продолжил свое образование в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Главном политическом управлении Черноморского флота. Окончил учебу по всем предметам успешно. Образование – высшее политическое, политолог. Политическое образование очень помогло в военной карьере. Мне было присвоено очередное воинское звание – мичман. К этому времени я уже был членом КПСС. Политуправление рекомендовало меня к избранию секретарем партийной организации корабля».

Судьба старших братьев героя также отражает время и жизнь поколения. Иван погиб в 1942 г. на Луганщине. Василий дошел до Германии, вернулся, возглавил один из крупных колхозов края. Таковы

типичные черты биографии людей, чьи детство и юность пришлись на период Великой Отечественной войны.

Обобщая содержание биографий, находим ответы на вопросы, в результате каких механизмов и событий рождается конкретная личность и как в дальнейшем она формирует свою судьбу в судьбе поколения. Авторами ряда публикаций выделяются разные факторы процесса социализации детей военного времени. Так, в качестве одного из основных рассматривается государственный патернализм: «Информационная среда повседневности военного и послевоенного времени формировалась под сильным воздействием партийно-государственной пропагандистской машины. Деление общества на “своих” и “чужих”, формирование негативного отношения к образу “врага” и “предателя”» [3: 42]. «Государство стремилось не доверять только семье воспитывать и образовывать своих детей», – подчеркивает В.М. Коренюк, исследуя мир военного детства [3: 65].

Среди факторов социализации детей военного времени заслуживает внимания мобилизация педагогического состава на качественное образование. Так, например, отмечается, что среди важнейших задач учебно-воспитательной работы, поставленных партией, были обеспечение полного всеобуча детей, высокое качество знаний учащихся, воспитание у них чувства советского патриотизма, ненависти к врагу, коллективизма, развитие активной общественной деятельности. Весь период войны велась работа по повышению квалификации кадров, ужесточались требования к набираемому персоналу [1].

Анализ вызовов детству, фиксирующий субъективное знание об эпохе, связан с вопросом достоверности. Решается он через накопление, систематизацию информации и типизацию фактов. В качестве выводов, по результатам многочисленных исследований, позволим себе скорректировать определение, данное когорте людей, чья жизнь выпала на период «молчаливого поколения» с учетом его динамической структуры, и отметить его как «реактивное поколение» (определение наше). Оно отражает способности совладания с вызовами детству в условиях войны, преодоления ее последствий и созидательные результаты активности ответственной, творческой и образованной популяции людей. Это поколение, по определению Е. Евтушенко, предрасположенных к страху людей, но отчасти победивших его [7].

### Источники и литература

1. *Войткевич И.Н.* Главный фактор социализации беспризорных детей в годы Великой Отечественной войны (на примере Омской области) // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10879> (дата обращения: 11.11.2022).
2. *Детство, растоптанное войной*. URL: <https://topwar.ru/7515-detstvo-rastoptannoe-voynou.html> (дата обращения: 11.12.2022).
3. *Коренюк В.М.* Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2017.
4. *Лесков Л.В.* Футуро-синегетика. Универсальная теория систем. М., 2005.
5. *Максакова В.И.* Педагогическая антропология: учеб. пособие. М., 2001.
6. *Ожиганова Е.М.* Теории поколений Н. Хаува и В. Штрауса. Возможности практического применения // *Бизнес-образование в экономике знаний*. Международный электронный журнал. 2015. № 1. С. 94–97.
7. *Поколение бесстрашных романтиков: культура и менталитет шестидесятников*. URL: <https://imccenter.ru/pokoleniye-besstrashnykh-romantikov-kul-tura-i-mentalitet-shestidesyatnikov/> (дата обращения: 03.03.2023).
8. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. М., 2000.
9. *Шамис Евгения*, специалист по теории поколений, – о поколении Z, страхах и агрессии двадцатилетних и Грете Тунберг. URL: <https://www.pravilamag.ru/articles/128732-evgeniya-shamis-specialist-po-teorii-pokoleniy-o-pokolenii-z-strahah-i-agressii-dvadcatiletnih-i-grete-tunberg/> (дата обращения: 03.05.2020).
10. *Ямбург Е.А.* Беспощадный учитель: педагогика non-fiction. М., 2018.

## **Раздел 2**

# **Боевые действия на юге СССР в 1941–1943 гг.**

**Н.В. Шишканов**

### **РОСТОВСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В БОЯХ ЗА РОСТОВ-НА-ДОНУ в 1941 г. (по материалам Центра документации Новейшей истории Ростовской области)**

Победа в Великой Отечественной войне стоила Советскому Союзу беспрецедентной по своему масштабу мобилизации промышленных и людских ресурсов. Всего в период с 1941 по 1945 г. было мобилизовано 29 574,9 тыс. чел. [2: 139]. В боях принимали участие не только кадровые соединения РККА, но и иррегулярные формирования: истребительные батальоны, полки и дивизии народного ополчения.

Тема участия народного ополчения в Великой Отечественной войне освещалась в сложившейся историографии [4–7], в особенности это касается ополчения Москвы и Ленинграда (последнее существовало в форме армейского соединения). Однако отсутствует исследование, которое бы рассматривало в деталях боевой путь Ростовского стрелкового полка народного ополчения (далее – РСПНО).

Как и многие подобные соединения, полк начал формироваться вскоре после начала войны, 9 июля 1941 г., а 10 ноября по решению горкома ВКП(б) в его состав был включен Ростовский коммунистический полк [12: 7б, 7в]. Полк принял участие в первом сражении за Ростов-на-Дону 20–29 ноября 1941 г. (после чего был включен

в состав 56-й армии), сражался за город во время второй его обороны 20–25 июля 1942 г., принимал участие в битве за Кавказ на Туапсинском рубеже. 26 октября 1942 г. решением Военного совета Черноморской группы войск он был расформирован ввиду невозможности возмещения высоких потерь [12: 7е].

После войны вышел сборник воспоминаний ветеранов полка [13]. Личные вещи бойцов полка вместе с альбомом фотографий сегодня хранятся в музее боевой славы лица № 33 имени Ростовского полка народного ополчения. Знамя полка экспонируется в Народном военно-историческом музее Великой Отечественной войны «Самбекские высоты».

Однако, как следует из изученной историографии, в научных публикациях до сих пор не были использованы документы по РСПНО, хранящиеся в фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Нахождение документов именно в ЦДНИРО – совсем непрофильном для военных подразделений архиве – объясняется тем, что РСПНО, хотя и был подчинен армейскому командованию, оставался структурой, подотчетной городского комитета ВКП(б), и его документы оседали в фондах архива Ростовского обкома партии, которым и являлся ЦДНИРО до 1991 г. [3].

Документы РСПНО хранятся в фонде № 1885. Среди них – послевоенный альбом с фотографиями и биографическими справками [12], оперативные сводки за ноябрь – декабрь 1941 г. [11], списки членов и кандидатов в члены ВКП(б), агитаторов, договоры о социалистическом соревновании, материалы к политзанятиям, протоколы партийных собраний, листовки, отчеты и схемы оборонительных позиций за 1941–1942 гг. [9], строевые записки полка [8], очерки командиров, политруков и бойцов полка о ноябрьских боях за Ростов-на-Дону [10]. Последняя подборка документов представляет наибольший интерес. 14 отчетов дают россыпь деталей сражений за город, не обозначенных в историографии.

Наступление моторизированных колонн 1-й танковой армии Э. фон Клейста на Ростов-на-Дону началось утром 17 ноября 1941 г. [1: 142]. Противник наступал с севера и северо-востока. Принявшие на себя удар дивизии 56-й армии отступали к городу, неся больше потери. Батальоны РСПНО были срочно выдвинуты на северные

окраины Ростова и заняли оборону. Всего полк на 19 ноября включал в себя 1100 бойцов и командиров [10: 1 об.]. На вооружении бойцов преимущественно имелись самозарядные винтовки СВТ-38 [10: 56 об., 127], что совсем нехарактерно для ополченских формирований, вооружавшихся, как правило, по остаточному принципу со складов Первой мировой войны [4: 64].

Отчеты позволяют реконструировать бои в двух секторах, контролируемых полком: в районе пос. Дачного около Ростсельмаша и парка им. Ульяновой (сегодня – парк им. Островского) и на открытом пространстве Темерника, железнодорожного полотна и улицы Катаева.

Первый сектор контролировал 1-й батальон. Уже 17 ноября ополченцы заняли позиции, 1-я рота вела моторазведку по Новочеркасскому шоссе (откуда ожидался удар), была установлена постоянная связь с военным аэродромом (сегодняшний старый аэропорт). Патрулирование дало результат: пять немцев были взяты в плен и отправлены в штаб полка. Окопавшиеся ополченцы с тревогой смотрели на отступающие по шоссе колонны РККА. Ночью на 20 ноября пришло сообщение о группе танков, оказавшихся своими [10: 31–31 об.]. В районе парка Островского был арестован ведший разведку в сумерках немецкий сержант [10: 61 об.]. Была задержана и возвращена на исходные позиции группа бойцов некоей части РККА, отступившая без приказа [10: 62 об.]. В отчете отмечается готовность к бою «бутылочника» (метателя бутылок с горючей смесью) Г.В. Мирошниченко [10: 46 об.].

Первый контакт случился в районе поселков Орджоникидзе и Чкаловского где разведка попала под артобстрел (вернулась без потерь) [10: 32]. Вскоре движение немецких танков было замечено в районе аэродрома – там бой с мотострелковым батальоном приняла пехота РККА. В сражение включилась одна из разведывательных групп 1-й роты РСПНО. Ей была поставлена боевая задача охраны Аксайского моста, которую она, находясь под огнем противника, выполняла в течение суток до возвращения на исходный рубеж [10: 32, 52]. В отчете политрука Я.Ф. Медсурина встречается отпечаток эпохи – артобстрел позиций батальона обозначается не иначе как «психической атакой» [10: 59]. Получив утром 21 ноября приказ об отступлении, батальон маршрутом Театральная – Социалистическая – Буденновский спуск, не имея прикрытия армейских частей, дошел

до наплавного моста и под артобстрелом перешел его [10: 33–33 об., 55, 126]. Полностью батальон перешел на левый берег в первой половине дня 22 ноября [10: 46 об.].

Рубеж по Темернику охранялся 2-м батальоном. 4, 5-я и 6-я роты располагались по линии с востока на запад, от железнодорожного полотна до 7-й улицы (с 1955 г. – улица Катаева). 4-му взводу был доверен открытый участок по железнодорожному полотну, на котором сооружались окопы и устанавливались противотанковые «ежи». 2-й взвод 5-й роты охранял дамбу через старицу Темерника (сегодня – пересечение улиц Народного ополчения и Приволжского переулка), располагаясь по две стороны от дамбы [10: 23–24]. Позади него располагался 1-й взвод. Позиции 6-й роты уходили далее по 7-й улице. Соприкосновение с противником состоялось в 15:00 20 ноября [10: 37]. Удар шел по железнодорожной насыпи слева (до 60 немецких автоматчиков) и на стыке 5-й и 6-й рот на правом фланге. Командир батальона Г.К. Репин находился на рубеже и командовал обороной. Вскоре противник прорвался между 5-й и 6-й ротами и по 2-му переулку укрепился на улицах 6-й и 7-й (Варфоломеева и Катаева), угрожая оборонявшимся окружением [10: 23 об., 38]. 1-й взвод 5-й роты по приказу комбата Репина закрепился на насыпи дамбы и прикрыл отступление 4-й роты [10: 30]. Начался отход батальона через Темерник на Ленгородок [10: 36 об.]. После того, как противник открыл ураганный огонь, взвод был вынужден укрыться в здании школы (предположительно 72-я школа), где попал в окружение, из которого вырвалось только шесть человек. Среди оставшихся было много раненых, помощь которым оказала санитарка Екатерина Таут, а позже им помогали местные жители. При переходе через Темерник по трамвайному мосту был ранен боец Хомутов. Переждав ночь под мостом, он был подобран жителями, которые дали ему гражданскую одежду. Впоследствии ему удалось добраться до больницы на Ворошиловском проспекте. Командир взвода Елизаров попал в плен, однако бежал в тот же вечер и утром ушел в Батайск по переправе у Буденновского проспекта. Пулеметчики 4-й роты Усик и Макогончик были взяты в плен. Немцы завели их к стене для расстрела, однако Усик бежал, а Макогончик отделался ранением и был подобран местными жителями [10: 31].

Последним на позициях оставался 3-й взвод 4-й роты, не получавший от командира роты приказа об отступлении [10: 38 об.]. Оставаясь в окопах, он был фактически окружен и подвергался обстрелу с флангов. Получив наконец приказ об отходе, взвод попытался продвинуться в направлении железнодорожного вокзала, однако встретил немцев и отступил, часть бойцов была взята в плен. С наступлением ночи ополченцы укрылись в домах местных жителей. Группа офицеров во главе с командиром роты лейтенантом Дубниковым решила прорываться из окружения, была проведена ростовскими девушками через Темерник, прошла Нижнегниловскую и переправилась в Батайск.

2-й батальон уходил через Ленгородок. Местные жители сопровождали бойцов, ведя их через сквозные двери кварталов и предупреждая о движении немцев [10: 23 об.]. В Гниловской 2-й взвод принял участие в защите зенитной батареи артиллерийского дивизиона.

На шиферном заводе оставшаяся группа ополченцев была объединена под общим командованием комбата Репина и переправилась на левый берег [10: 24].

Отступив на левый берег и перегруппировавшись в Батайске, по приказу командира полка батальоны двинулись к станции Хомутовской. Во время перехода колонны попали под авианалет, однако ополченцы вовремя рассредоточились по дороге и потерь не понесли [10: 34]. Прибыв в Хомутовскую в 2 часа дня 22 ноября, полк вскоре получил приказ двигаться в станицу Кагальницкую, куда прибыл к 9 вечера 23 числа [10: 46 об., 47]. Параллельно проводилась мотораведка левого берега, по итогам которой слухи о появлении немецких танков не оправдались [10: 63 об.]. В месте описания перехода полка ополченец Посошенко дает интересную деталь: помимо наличия новых черных шинелей, бойцы были обуты в забродные сапоги, которые Посошенко, будучи заведующим складом, предполагая его разграбление, выдал своему 1-му батальону [10: 127].

Вечером 25 ноября политрук Фролов объявил о контрнаступлении на Ростов, что было встречено в полку с большим энтузиазмом. Среди бойцов вели агитацию политруки [10: 25]. Общим желанием было скорее ворваться в город [10: 41]. За 16 часов было преодолено расстояние в 50 км и полк прибыл в Батайск [10: 25]. После отдыха до вечера 27 ноября полк был поднят в 23:00 по команде. Было объявлено о том,



что ополченцы идут в 1-м эшелоне, что было встречено всеобщим воодушевлением. Была взята еда на два-три дня, патроны. Бойцы переправлялись по одному через Дон. Бревна подорванного моста были скованы льдом [10: 119]. Вокруг виднелись тела убитых бойцов 56-й армии, погибших в неудачном наступлении на Нижнегниловском направлении 25 ноября [10: 50]. К 4:30 28 ноября полк занял стены шиферного завода и приготовился к наступлению [10: 47 об.]. Бойцы вели между собой разговоры: «Будут ли у нас пулеметы?», «Придана ли артиллерия?». Старожилы вспоминали эпизоды из Первой мировой, Гражданской войн: «Довелось принять участие и в третьей войне – отечественной». «Убью обязательно немецкого офицера, отберу у него пистолет и револьвер», – шли разговоры среди молодежи [10: 50].

В 7 часов утра ополченцы пошли в атаку, оставив 4-ю роту в резерве [10: 43]. Немцы занимали позиции в постройках на возвышенности и простреливали местность до Дона из пулеметов и автоматического оружия, оставаясь на скрытых позициях [10: 119]. По позициям полка активно работали минометы. Из тяжелого вооружения у ополченцев был только «максим», перенос позиций которого по мере продвижения вперед был проблематичным [10: 50]. 2-й взвод 3-й роты, состоявший из необстрелянных бойцов, смог продвинуть наступление, очистил здание школы от противника и захватил пулемет. Выведенная из резерва 4-я рота не могла вести огонь, так как позиции простреливались обоюдно и противником, и другими ротами [10: 43 об.]. В 5-й роте снова проявила себя санитарка Екатерина Таут, делавшая под градом пуль перевязки раненым [10: 27]. Ближе к вечеру стали иссякать боеприпасы, сказывались большие потери. Полк всё еще занимал позиции не далее железнодорожной насыпи.

Весьма примечательными являются воспоминания бойца 3-го взвода 3-й роты Тюрморезова [10: 119–121]. Участвуя в общем наступлении, он не откатился с позиций вместе со взводом после открытия противником шквального огня, а укрылся в доме на возвышенности (Подгорная, 15), откуда, определив позиции пулеметчиков, открыл огонь из винтовки. Перед этим Тюрморезов закрепил ставни и расположился в глубине помещения, чтобы не выдать своих позиций. Ночь он переждал на том же месте, а утром присоединился к наступавшим однополчанам, принявшим его вначале за противника

и открывшим огонь. Из данной ситуации Тюрьморезов вышел, выбежав прямо на стрелявших, после чего был признан своим и уощен «100 граммами».

В 8:00 29 ноября началось общее наступление. Была быстро пройдена Гниловская. Спускаясь к Городу-Саду, в роще ополченцы встретили сопротивление группы автоматчиков, которые были быстро закиданы гранатами и уничтожены огнем в упор. Пленных не взяли [10: 128]. Было занято Новое поселение. Ополченцы 4-й роты по указанию девушки в Нижнегниловской поймали двух прятавшихся в здании немцев переодетых в гражданское [10: 45 об., 88].

В 11:30 приступили к очистке улиц от оставшихся автоматчиков, продвигаясь в направлении к Театральной площади. Улицы города постепенно заполнялись ростовчанами, задаривавшими бойцов папиросами, табаком, спичками и хлебом, приглашая в дома [10: 27 об., 88]. Ростовчане проводили к укрытым у себя раненым бойцам [8: 89]. К 13:00 полк с запада встретился с наступающими частями Южного фронта на Театральной площади [11: 2]. К вечеру полк расположился в казармах [10: 46] и в 22:00 приступил к охране города [10: 49]. За время наступления на город полк потерял убитыми 49 чел., ранеными – 63 чел. [11: 2]. В строю оставалось 726 чел. [8: 3 об.].

Были обнаружены рядовые Петров и Васильев, ушедшие 21 ноября в разведку по направлению к Автосборочному заводу, дезертировавшие и устроившиеся на работу в городе. Оба были преданы показательному суду [10: 128].

Ночью 29 ноября, неся службу на Новом поселении, бойцы 1-го батальона задержали трех диверсантов в штатском (одна из них – женщина) с двумя пистолетами и тремя гранатами [10: 129].

Рассредоточившись в городе, РСПНО не принимал участие в дальнейшем наступлении РККА. Бойцы занимались обустройством оборонительных рубежей, проводили военную и политическую подготовку, готовясь встретить новый натиск врага [10: 135–136].

### Источники и литература

1. *Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* 56-я в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – ноябрь 1941. М., 2013.

2. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.
3. Государственное казенное учреждение Ростовской области «Центр документации Новейшей истории Ростовской области». URL: <https://cdnro.donland.ru/about/> (дата обращения 26.03.2023).
4. Жук Ю.А. Неизвестные страницы битвы за Москву. М., 2008.
5. Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев / отв. ред. Г.А. Куманев. М., 1974.
6. Колесник А.Д. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.
7. Пилишвили Г.Д. История формирования народного ополчения РСФСР в годы Великой Отечественной войны на примере Москвы и Ленинграда // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/35> (дата обращения: 05.03.2023).
8. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 25.
9. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 26.
10. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 83.
11. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 85.
12. ЦДНИРО. Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 86.
13. Штахановский П.А., Барсуков В.А., Репин Г.К. [и др.]. У ворот Кавказа. ополченцы Ростова-на-Дону в боях за Родину. Ростов н/Д., 1972.

**Б.У. Серазетдинов**

**УЧАСТИЕ 6-Й ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ  
В ВЯЗЕМСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ  
(2–13 октября 1941 г.):  
повседневность в условиях окружения**

Вяземский котел 1941 г. – одна из катастроф Красной армии начального периода Великой Отечественной войны. В котле оказались 36 стрелковых дивизий из 58, все 9 танковых бригад и половина артполков, в плену оказалось более 500 тыс. чел. 6-я дивизия народного ополчения Дзержинского района Москвы в сентябре 1941 г. участвовала в Ельнинской наступательной операции, а в начале битвы за Москву

вела оборонительные бои в районе Дорогобужа и Вязьмы. Дивизия была окружена, вышла из окружения с большими потерями и отошла на Можайскую линию обороны.

Военная повседневность в годы Великой Отечественной войны – это сложное и многогранное явление, которое состоит из различных «матриц», подразделяется на различные фрагменты и их блоки – служба, участие в боевых действиях, окружение, плен, быт, отдых и т.д. Е.Ф. Кринко, размышляя о проблематике повседневности в годы военного лихолетья, отмечает, что «история военной повседневности характеризуется усилением чрезвычайности во всех сферах жизни общества» [2: 15]. Мы рассматриваем повседневную жизнь личного состава 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района Москвы, которая оказалась в октябре 1941 г. в вяземском котле, через воспоминания ополченцев.

4 июля 1941 г. Государственным комитетом обороны СССР было принято постановление № 10 «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения» [7: 110–114]. В постановлении отмечалось, что «мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы, и народное ополчение, и формирование 25-й дивизий произвести по районному принципу. В первую очередь – провести к 7 июля формирование 12 дивизий. Отмобилизованная дивизия получает номер и название района...» [7: 110].

6-я дивизия народного ополчения Дзержинского района Москвы формировалась в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта Наркомата просвещения СССР (МИИТ) (ул. Образцова, д. 15). В дивизию пришли рабочие машиностроительного завода «Борец», чугунолитейного «Станколит», комбината твердых сплавов, «Красного металлиста», чулочной фабрики имени Ногина, сотрудники Наркомата иностранных дел СССР и других предприятий и учреждений, а также многие студенты, преподаватели и профессора МИИТ. Дивизия состояла как из людей, обладавших военным опытом, так из тех, кто никогда не служил в армии. Возрастной состав тоже был разнообразный: тут были совсем молодые рабочие и студенты, начиная с 17 лет, и уже немолодые люди за 50 лет. Всего в дивизию вступило около 8 тыс. человек из 170 предприятий и учреждений. Позже добавились два ополченческих батальона Орехово-Зуевского района.

Андрей Викторович Залевский, комиссар 1243-го стрелкового полка, отмечал: «4 июля нас вызвали в райком партии, и все получили указания немедленно явиться в МИИТ на Бахметьевской улице для формирования народного ополчения. Должны были взять с собой мешок, котелок и одеяло. Прибыло много людей. Тут были и наркоминдельцы – целая рота; референты Нарком индела, только что вернувшиеся из-за границы, ответственные работники; из артели, с завода “Станколит” и другие. В тот же день все были разбиты по батальонам и ротам. Я попал в 3-й батальон в 9-ю стрелковую роту. 5-го числа уже приступили к занятиям: учили строй и теорию стрелкового дела. Занятия проходили на кладбище в Марьиной роще» [5: 1].

Об этом вспоминал кандидат технических наук, доцент кафедры строительной механики МИИТ Анатолий Владимирович Дарков: «5-го июля я с товарищами по моей кафедре – Гудковым Владимиром Павловичем, Дьяконовым Павлом Васильевичем, Смирновым Анатолием Филипповичем и Урабновым Иваном Владимировичем записался в народное ополчение. Затем 7-го июля утром я явился в институт и получил предписание прибыть с вещами к 5 часам вечера в здание МИИТа» [4: 1].

С 7 по 11 июля происходило формирование 6-й дивизии народного ополчения. Командиры подразделений укомплектовывали их личным составом. 7 июля командиром дивизии был назначен полковник Алексей Иванович Шундеев, комиссаром дивизии – преподаватель философии Михаил Никитич Савельев, начальником штаба – полковник М.В. Лебедев.

7 июля командир дивизии А.И. Шундеев произвел смотр. На плацу возле главного входа в МИИТ подразделения проделали все перестроения, а потом прошли маршем перед комдивом. В период комплектования ополченцы жили в здании института и днем производились учебные военные занятия. Дни были заполнены учебой, маршировкой, медицинским осмотром, особенно тех, кто жаловался на состояние здоровья. Борис Владимирович Зылев – ополченец, командир саперного взвода 4-го запасного полка 6-й дивизии народного ополчения, вспоминал: «Десятого нам выдали обмундирование. Мы получили черные гимнастерки и брюки галифе, такие, какие бывают у воензированной охраны складов, кроме того выдали нижнее белье

и обмотки, пилотки. Обувь и шинели нам выдали только в середине августа» [1: 11].

Была проделана большая работа по укомплектованию не только личным, но и командным составом, который уже руководил жизнью дивизии, познакомился с подчиненными и успел проделать большую работу по строевой подготовке, изучению уставов армии и оружия.

Перед отправкой на фронт ополченцы присягнули на верность Родине. Они стали бойцами резерва действующей 24-й армии. 10 июля день прошел в хозяйственных заботах. В эти дни подразделения еще не снабдили оружием, вернее, оружие было дано дивизии в очень малом количестве. В саперном взводе 10 июля была только одна винтовка системы СВТ (7,62-мм самозарядная винтовка системы Токарева образцов 1938 и 1940 гг.). В некоторых частях дивизии оружия было больше, но вообще число винтовок в каждом взводе не превышало нескольких штук. Под вечер саперному взводу было выдано 10 винтовок, патроны, несколько бутылочных гранат и 14 новеньких в кожаных чехлах саперных лопаток. Остальным обещали выдать потом. 11 июля в 2 часа ночи подали автобусы. Проехали Большие Вяжмы, Кубинку, Дорохово. То и дело слышалась команда «воздух!». Колонна останавливалась, бойцы стремились где-нибудь укрыться. А.В. Залевский вспоминал: «Все ехали в своей одежде, главным образом гражданской. Построилось нас 10 тысяч: кто в роговых очках, наркоминдельцы в шикарных костюмах, в ботинках на каучуковом ходу, тут же были и рабочие в майках. Очень мало было в военном костюме. Я был в военном костюме» [5: 2]. После Вяжмы останавливаться приходилось чаще. Свернули на грунтовую дорогу к Дорогобужу. Высадились ночевать на опушке леса. Дальше шли пешком. 12 июля рано утром походным порядком двинулись в район деревни Озерице.

Первое время ополченцы занимались устройством рубежей обороны: рыли окопы, строили блиндажи и дзоты. Б.В. Зылев вспоминал: «Когда мы вернулись с работы, нам во взвод выдали несколько винтовок с патронами. Это были польские винтовки. Теперь у нас вместе с СВТ было уже 5 или 6 винтовок» [1: 18]. Саперный взвод запасного полка дивизии получил довольно значительный участок линии обороны юго-западнее города Дорогобужа. Участок являлся частью большой линии обороны, на постройке которой работала дивизия:

копала стрелковые окопы, соединительные ходы, траншеи, окопы для пулеметов, площадки для орудий. Работы производились ночью с тем, чтобы они были незаметны для немецкой авиации. Выкопанные сооружения маскировались дерном и ветками.

Б.В. Зылев вспоминал: «Кроме рытья окопов мы занимались изучением винтовки, строевой подготовкой, изучали выданные нам к концу июля противогазы (примерно к 25 июля 1941 г. винтовки были выданы всему личному составу дивизии)» [1: 22]. А.В. Залевский отмечал: «22 июля мы получили обмундирование синего цвета. 29 июля мы получили оружие: трофейное польское – винтовки системы “Маузер”, трофейные гранаты, пулеметы и все польские боеприпасы. Только артиллерия была дана отечественная» [5: 2].

После взятия советскими частями Ельни штаб дивизии расположился в 2 км от города Ельни в деревне Ходыкино-Монтьево. 1 августа в район Ельни прибыл новый командующий Резервным фронтом генерал армии Г.К. Жуков. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования 6-я дивизия народного ополчения включалась в состав армии после ее пополнения. В этот период уже всем бойцам выдали винтовки. Подразделения 6-й Дзержинской дивизии народного ополчения окружили и уничтожили несколько групп вражеских десантников, в том числе в районе деревни Дуденки.

6 августа 6-я дивизия народного ополчения заняла оборону в районе деревни Подмошье. Ее задача заключалась в обороне от проникновения танков и мотопехоты противника направления на Дорогобуж или через Подмошье и далее на Вязьму. Командование 24-й армии не торопилось вводить дивизию в боевые действия. Она уже несколько раз занимала оборону во втором эшелоне.

15 августа всех полностью обмундировали. Бойцам выдали ватные кавалерийские куртки желто-зеленого цвета со стоячими воротниками, плащ-палатки, пилотки, обувь. Командиры получили прочные яловые сапоги, полевую сумку, компас, а самое главное – наган ПМ-104 1941 г.

Днем 16 августа на участке 120-й стрелковой дивизии была введена в действие наиболее боеспособная 5-я рота 6-й дивизии народного ополчения. Командовал ротой ветеран Гражданской войны, командарм 2-го ранга запаса Федор Михайлович Орлов. Задачей роты было

выбить противника из деревни Алексеевка Коробецкого сельсовета. Боевая задача была выполнена, однако в роте осталось лишь пять человек, в их числе и сам Ф.М. Орлов. Когда немцы пошли в контратаку, на помощь роте пришло другое подразделение.

Около 20 августа в 6-ю дивизию народного ополчения прибыл генерал-майор Н.Н. Пронин и предложил сформировать разведывательный батальон. Командиром был назначен Ф.М. Орлов, комиссаром – А.В. Залевский. Он вспоминал: «В батальоне были созданы следующие роты: мотострелковая на машинах, пулеметная рота на тачанках, которые мы сами сделали в деревенских кузницах из телег и подвод (таких тачанок было 12, пулеметы были “Максим”), затем самокатная рота и в ней был взвод пулеметчиков на мотоциклах, которые мы подбирали, где только возможно. Скоро к нам прибыли танкетки, собранные рабочими Дзержинского района. Они прибыли к нам, выгрузились на ст. Семлево и собственным ходом прошли под деревню Андреевку. Они были ротой, приданной нашему батальону, так что наш батальон был по существу сильнее, чем полк. Затем мы получили автоматы и ручные пулеметы. Разведбатальон был вооружен весь отечественным оружием. Артиллерии у нас не было, так как ее не хватало на полк» [5: 3].

21 августа Жуков приказал общее неэффективное наступление на Ельню прекратить и после пополнения армии готовиться к решительным боям. 24 августа в штаб дивизии пришел приказ народного комиссариата обороны «О переводе дивизий народного ополчения на штаты и табеля действующей Красной Армии». 27 августа в составе дивизии народного ополчения были: 1293, 1295, 1297-й стрелковые полки, 973-й артиллерийский полк, танковая рота, 462-й отдельный саперный батальон.

После образования Резервного фронта 30 июля 24-я армия оказалась не на второй, а на первой линии обороны, хотя она входила, как и другие, в резерв Ставки. Уже в августе – сентябре 24-я армия вела основные боевые действия под Ельней и понесла значительные потери. После этих операций в дивизию приезжал командарм генерал-майор К.И. Ракутин и член военного совета Н.И. Иванов. Боевые действия 6-й дивизии народного ополчения стали поводом к тому, чтобы ее одной из первых из всех московских дивизий перевели в разряд



кадровых, присвоив номер 160. Это произошло между 23 и 25 августа. С присвоением 6-й дивизии народного ополчения звания кадровой она полностью сменила трофейное оружие на отечественное и в сентябре вышла на первую линию обороны под Ельней.

31 августа началось новое наступление в районе Ельни. 6 сентября Ельня была освобождена. С 9 сентября саперы 6-й дивизии народного ополчения получили боевое задание по разминированию дорог, мостов, домов, блиндажей и даже трупов наших солдат, оставшихся на поле боя.

Резервный фронт силами 24-й армии перешел в наступление, немцы отступили, оставив города Ельню и Ярцево. Ельнинское наступление имело особое значение. Оно было первым наступлением 24-й армии на довольно большом участке фронта. После Ельнинской битвы в ее дивизиях к 14 сентября оставалось: в 309-й стрелковой дивизии – 657 человек, 103-й стрелковой дивизии – 1743 человек, 106-й стрелковой дивизии – 622 человека, 19-й стрелковой дивизии – 662 человека.

Операция «Тайфун» началась 29 сентября на юго-западном направлении. На 24-ю армию Резервного фронта 4-я полевая армия немцев перешла в наступление в 6:30 утра 2 октября. Дивизия отбивала атаки немцев во взаимодействии с 139-й стрелковой дивизией (9-й дивизией народного ополчения). В результате отсутствия разведки руководство Резервного фронта не имело действительной информации ни о противостоящих фронту силах, ни о реальных событиях, происходящих после прорыва фронта 43-й армии.

Им удалось в первый же день прорвать оборону наших войск и продвинуться на 15–30 км. 3 октября немцы, прорвав фронт 222-й дивизии 43-й армии, стали заходить в тыл 24-й армии. С утра 3 октября командование Западного и Резервного фронтов приняло меры по ликвидации прорывов, нанеся контрудары силами фронтовых и армейских резервов. Но из-за несогласованности нанесения по направлению и времени они не достигли своей цели. Создалась реальная угроза выхода танковых группировок врага в район Вязьмы с севера и юга. После прорыва первой линии обороны полки вступили в боевые действия. В это же время атаке немцев подвергся штаб дивизии в деревне Мойтево. 6 октября под натиском превосходящих

сил противника под прикрытием саперного батальона, стоящего в обороне, по приказу командования штаб дивизии, а вместе с ним и инженерная группа отошли в восточном направлении и к вечеру разместились в селе Чамово. Об этом вспоминал А.В. Дарков: «Ночью капитан Карташов, командовавший инженерной группой, сообщил нам, что деревня Чамово окружена немцами и дан приказ выступить и прорвать окружение. В течение ночи с 6-го на 7 октября, наши части, прорвав окружение вышли в районе села Семлево. 7-го октября на одной из переправ наши части подверглись усиленной бомбежке с воздуха итальянскими самолетами. Утром 8-го октября в Семлеве капитан Карташов получил сообщение о том, что Вязьма находится в руках немцев» [4: 4]. Михаил Артемьевич Зубов, ответственный секретарь комсомола отдельного разведывательного батальона 6-й дивизии народного ополчения, вспоминал: «Мы дошли до района Семлево. Там нам сказали, что Вязьма – 5–10 километров от Семлево – занята немцами, и мы получили сведения, что находимся в окружении. Нужно было организовать всех людей и все, что мы имели, чтобы пробиться к своим частям.

Мы организовали отряды, и с помощью артиллерии и танков, которые действовали в разных направлениях, стали искать самое уязвимое место немцев... Я командовал стрелковой ротой. Нашей группе было дано задание прорваться на Вязьму. Нас поддерживала тяжелая артиллерия. Нам удалось выбить немцев из траншей. После того, как наши выбили немцев из траншей, они двинули против нас танки. У нас были только стрелковые части и нам пришлось отойти к деревне. Я со своей ротой прикрывал отход наших частей» [6: 11]. М.А. Зубов со своей группой потом попал в плен, используя обстоятельства боевой обстановки, они разоружили двух охранников, присоединились к большой группе и благополучно вышли из окружения в районе Можайска. Другая группа действовала в направлении южнее от группы М.А. Зубова и успешно вырвалась из окружения.

После выхода в Волочек 6-я дивизия народного ополчения участвовала вместе со штабом 24-й армии и другим отошедшими туда бойцами в отражении атаки 78-й немецкой дивизии на Волочек. Из Волочка собравшиеся бойцы начали вместе с командующим 24-й армии Ракутиным отступление по направлению на Семлево.

Всего в группе Ракутина были бойцы 8, 139, 106, 303, 222-й стрелковых дивизий, 6-й дивизии народного ополчения, 144-й танковой бригады, а также бойцы штаба и тылов 24-й армии. 78-я пехотная дивизия немцев преследовала отступавших и в Новоселках отрезала им путь. В бою в урочище Гаврюково погиб генерал Ракутин. Прорвавшиеся от Новоселок остатки частей подошли к Семлево. После боя в районе Семлево отступавшая группа оказалась окруженной немцами в болотистых местах. Из окружения выходили группами по два человека или в одиночку. А.В. Дарков описывал обстановку поиска выхода из окружения: «...я там обнаружил скопление повозок, много раненых там было, санбат, причем всё было организовано, без всякой паники, и мы потихоньку, спокойно опять двинулись. Проехали мы с километр куда-то в сторону и остановились и простояли тут почти всю ночь. Затем, по-моему, около 4-х часов ночи был дан приказ этому обозу тронуться и прорываться через линию фронта. <...> К этому времени нас из дивизии оставалось только трое – я, Богданович и Осокин. И психологически это был самый тяжелый для меня момент, потому что я почувствовал, что я оторвался от института, от товарищей, я почувствовал себя совсем одиноким и затерявшимся» [4: 7, 8].

7 октября танковые группировки врага соединились в районе Вязьмы, отрезав пути отхода 19, 20, 24-й и 32-й армиям. Внутренний фронт окружения имел протяженность около 320 км. Его создали 24 немецкие дивизии, из них 6 танковых дивизий перешли к обороне на восточном участке шириной 80 км. В этих сложных условиях Ставка Верховного Главнокомандования 10 октября объединила войска двух фронтов в Западный фронт, назначив командующим генерала армии Г.К. Жукова. Для прорыва окружения была создана ударная группа, ядро которой составила 91-я стрелковая дивизия. 11 октября с наступлением темноты ударная группа пошла в атаку. Фронт окружения был прорван. Узкий трехкилометровый коридор прорыва удерживался до рассвета 12 октября. Затем враг вновь стянул кольцо окружения и, предприняв ряд атак, расчленил в районе Богородицкого наши войска.

Судьба у А.В. Даркова оказалась сложной, как и у многих окруженцев. Это прежде всего поиск выхода из окружения: «...мы “партизанили” в течение нескольких дней. Питались сухарями в очень ограниченном количестве, делились друг с другом и т.д., а вообще

с 6 октября дней десять, как мы перестали нормально спать, пить, есть и т.д. Это был очень тяжелый период... пищи нам никто не приносил» [4: 10]. Потом 10 дней в плену и побег. Он вспоминал об этом времени с иронией: «Сказать, что немцы относятся к нам по-скотски – нельзя, в самом деле скотину кормят, поят, за ней ухаживают и только в редких случаях ее бьют, когда она не выполняет приказаний человека. Нас не кормили, нас били палками, в нас стреляли из автоматов, нам не давали даже воды. За 8 дней моего пребывания в плену, я ни разу не получал пищи, приходилось питаться грязными листьями от капусты и ягодами можжевельника. Нас, замученных, голодных, заставляли бежать по несколько километров по глинистому большаку» [4: 33].

А.В. Дарков подметил, что при какофонии начального периода войны «только благодаря нашим колхозникам я остался жив: они, пренебрегая смертью, помогали мне на каждом шагу. Разоренные, ограбленные фашистами крестьяне, делились со мной последним куском хлеба и предоставляли ночлег... В эти тяжелые дни я понял, вернее почувствовал, что у меня есть настоящая, любящая меня Родина» [4: 32].

Для 6-й дивизии народного ополчения операция под Вязьмой закончилась тяжелым поражением. Людские потери дивизии были очень большими. Мужественное сопротивление окруженных подразделений дивизии в Вяземской оборонительной операции по сути явилось одним из факторов спасения столицы и имело большое значение для осуществления последующих оборонительных операций под Москвой.

Николай Петрович Дородный, полковник, комиссар 160-й стрелковой дивизии, писал, что «дивизия родилась в среде рабочих и служащих города Москвы Дзержинского района, из ополченцев рабочих и служащих, специалистов, добровольцев всех возрастов. Поэтому дивизия наша дралась очень хорошо. Надо прямо сказать, что она своими телами преградила путь противника к Москве вплотную» [3: 9].

В настоящее время можно много рассуждать о первых днях, месяцах Великой Отечественной войны, но мы должны снять шапки перед памятью о тех, кто до конца стоял в жестоких оборонах и на смерть дрался в окружениях, обеспечивая тем самым возможность отрыва от немцев, выхода из «мешков» и котлов огромной массе людей, группами и в одиночку прорывавшихся через немцев к своим.

### Источники и литература

1. Зылев Б.В. Воспоминания о народном ополчении / 2-е изд. М., 2012.
2. Кринко Е.Ф. Повседневность эпохи сталинизма: проблемы исследований // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: мат-лы VIII Междунар. конф. Краснодар, 2013. С. 7–18.
3. Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Раздел I. Оп. 41. Д. 1.
4. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 41. Д. 3.
5. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 41. Д. 31.
6. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 41. Д. 33.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 1.

**М.Н. Шакиев, Т.С. Садыков**

#### **УЧАСТИЕ КАЗАХСКОГО ВОИНА КЕМЕЛЯ ТОКАЕВА В СТАЛИНГРАДСКОМ СРАЖЕНИИ**

Великая Отечественная война, оставившая тяжелый след в истории постсоветских государств, является одним из вопросов, тщательно изучаемых в настоящее время. На эту тему было опубликовано множество научных трудов, литературных произведений, статей в периодических изданиях. В связи с истечением срока конфиденциальности ранее засекреченных архивных документов о войне выпускаются важные монографии, диссертации, статьи, сборники исторических документов с научными новостями. В исторической науке Казахстана указанный процесс продолжается.

Германия и ее союзники нарушили пакт Молотова – Риббентропа с Советским Союзом, что привело к началу Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. Изначально предполагалось завоевать СССР по плану «Барбаросса». В ходе военного столкновения наиболее крупные бои шли за стратегически важные города, такие как Москва, Ржев, Сталинград, Ленинград, Курск. Молодой казахский офицер Касым Болтаев участвовал в одной из таких крупных военных операций, Ржевской битве, и героически погиб. Позднее его младший брат Кемель Токаев свой воинский путь начал именно в битве за Сталинград.

Кемель Токаев родился 2 октября 1923 г. в селе Кальпе Каратальского района Алматинской области. В свои неполные 20 лет он отправился на войну. Будущий писатель участвовал в освобождении Сталинграда, Белоруссии и Украины в составе 226-й стрелковой дивизии, а затем в составе 7-го гвардейского танкового полка [8: 7].

Для поддержания боевого духа солдат на высоком уровне во время войны партийное руководство открыто демонстрировало достижения Красной армии. Однако проводилась и политика сокрытия реального количества потерь, имели место фальсификации статистических данных, засекречивание архивных документов. Именно поэтому трудно проводить исследование хода многих сражений и боевых операций Великой Отечественной войны. В качестве одной из многих неудач можно отметить битву в районе Ржева, где погиб брат писателя.

Семье, где воспитывались Кемель Токаев и его брат Касым Болтаев, пришлось переехать в город Фрунзе (Бишкек) в 1933 г. из-за голода. Братья, потерявшие родителей и сестру в один день, воспитывались в детском доме, а через некоторое время были переведены в школу-интернат для детей-сирот в Чимкенте (Шымкенте). В документе, хранящемся в личном фонде Кемеля Токаева в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), приводятся следующие сведения: «Справка. Дана настоящая товарищу Токаеву Кемелю в том, что он действительно является воспитанником детского дома с 1932 г. до 1940 года. Представленный документ заверен и подписан директором Калининского свинцового завода города Шымкент» [7: 3].

Обстоятельства гибели брата К. Токаева на войне долгое время оставались неизвестными, информация была обнаружена только после обретения независимости. Такие данные содержатся в мемуарах Касым-Жомарта Токаева «Слово об отце». Соответствующая работа была проведена посольством Казахстана в России под руководством Н. Абикаева. В архивах общества «Мемориал»<sup>1</sup> были найдены следующие сведения: «Из докладной записки начальника отдела ЧК ГлавПУР РККА, полкового комиссара Гитермана “о потерях политсостава Калининского фронта для исключения из списков Красной Армии”».

<sup>1</sup> В 2016 г. признано Министерством юстиции РФ НКО-иноагентом, в 2021 г. ликвидировано решением Верховного Суда РФ.

В приложении к докладной записке обнаружена фамилия Болтаева Касыма, который, оказывается, был убит в бою 22 февраля 1942 года» [4: 23]. Долгие годы документы о битве в районе Ржева были засекречены, поскольку это было одно из самых неудачных сражений времен Великой Отечественной войны. В сражении погибло огромное количество солдат и офицеров Красной армии. Можно сделать вывод, что именно по этой причине информация о К. Болтаеве долгое время оставалась недоступной: «В указанном материале говорится, что К. Болтаев носил воинское звание младшего политрука, занимал должность политрука транспортной роты 290го стрелкового полка 186-й стрелковой дивизии. Что касается его биографических данных, то архивные материалы сообщают: К. Болтаев родился в 1920 году в Каратальском районе Алмагинской области, казах, холост, член ВКП(б) с 1942 года, в Красной Армии с 1939 года, на политработе с 1942 года» [8: 23].

Кемель Токаев уже достиг призывного возраста, когда получил тяжелую весть о героической гибели родного брата, и после более чем трехмесячного обучения в пехотном училище во Фрунзе был отправлен на фронт. В отрывке из «Солдатского дневника» автобиографической повести «Солдат пошел на войну» сообщается, что 24 августа 1942 г. курсанты училища выстроились в строй и перед экзаменом на звание лейтенанта было объявлено, что они немедленно отправятся на войну [9]. В подтверждение этой информации имеется собственноручно заполненная анкета в его личном деле Фонда Союза писателей Казахстана в ЦГА РК. В таблице в графе «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)» приведены следующие сведения (табл. 1, графа «Должность»).

В продолжении автобиографического романа К. Токаева следующий фрагмент рассказывает о вступлении его части в Сталинградскую битву: «30 сентября 1942 года. Завтра отправляемся на войну. Направление – Сталинградский фронт. Только что прошло собрание актива комсомола. Было сказано, что в этом направлении очень тяжелая ситуация. Нужна немедленная помощь фронту» [9: 8]. Согласно приведенной таблице 1, писатель служил в 226-й стрелковой дивизии.

В 1942 г. соединения противника наступали на юге Советского Союза. Неприятель намеревался занять районы Волги, Дона и Кавказа, которые были центрами и транспортными путями, обеспечивающими

потребности Красной армии в нефти, металле, зерне. Географическое положение Сталинграда, его стратегическое значение привлекли внимание германского руководства и сделали город одной из главных своих целей: «Учитывалось, что политика стран, поддержавших Советский Союз, в отношении Германии изменится, когда эта немецкая военная операция будет успешно завершена. Успешные наступления 1942 г. повысили репутацию Германии среди ее союзников, а также обусловили их активность в войне против Советского Союза. Кроме ответственности Турции за выполнение своих союзнических обязательств, также рассматривались конкретные договоренности по обсуждаемому нападению Японии на Советский Союз с востока. То есть гитлеровская Германия возлагала большие надежды на новую военную операцию, которая должна была начаться летом 1942 года» [2: 110].

**Таблица 1.** Сведения из личного дела Кемеля Токаева [6: 7]

№	Наименование учреждения и город (полностью)	Должность	С какого по какое время	Причина перехода
1.	Фрунзенское пехотное училище в г. Фрунзе	Курсант	1942 г., май – 1942 г., сентябрь	По приказу Наркома обороны
2.	226-я стрелковая дивизия	Командир отделения	1942 г., сентябрь – 1942 г., ноябрь	По приказу Наркома обороны
3.	Армейский госпиталь		1942 г., ноябрь – 1943 год, январь	
4.	7-й отдельный танковый полк прорыва	Командир отделения	1943 г., январь – 1945 г., январь	По приказу Наркома обороны
5.	Хирургический госпиталь, г. Гомель		1945 г., январь – 1945 г., июль	

Сталинградская битва стала сражением, изменившим ход войны, повлиявшим на открытие второго фронта против Германии. Это одно



из самых трагических событий в мировой истории, с колоссальными потерями человеческих жизней: «Масштабы Сталинградской битвы были огромными. Битва началась в середине июля 1942 года и в ней участвовало более 2 млн человек с обеих сторон, более 2000 танков и столько же самолетов, 26 000 орудий и минометов» [3: 142].

Первый этап сражения происходил с 17 июля по 18 ноября 1942 г. К. Токаев участвовал в оборонительных боях Красной армии в составе 226-й стрелковой дивизии. В разделе «Дневник солдата» романа К. Токаева говорится, что 2 ноября 1942 г. он был вызван в штаб дивизии. Сказано, что он был ранен в руку при выполнении специального задания в тылу противника. В личном деле время поступления в военный госпиталь указано как ноябрь 1942 г. [9]. Описанные в автобиографическом романе события подтверждаются архивными материалами из личного дела.

В своем романе К. Токаев повествует о том, что 26 декабря 1942 г. с разрешения врачебной комиссии он вернулся на поле боя из госпиталя, а 1 января 1943 г. его перевели в 7-й гвардейский танковый полк прорыва [9: 124]. Эта информация соответствует данным, указанным в архивных документах. 7-й гвардейский танковый полк прорыва «был сформирован на основании Директивы НКО № 1104913сс от 12 октября 1942 г. и директивы начальника Московского автобронетанкового центра № 813с от 27 октября 1942 года в городе Ногинск на базе 329-го танкового батальона 119-й танковой бригады по штату №010/267 в составе: управление полка, штаб полка, 4 танковых роты по 5 танков КВ-1С в каждой и рота технического обеспечения. Полк был скомплектован из личного состава, на 90 % не участвовавшего в боях и не имеющего достаточного опыта в вождении танков» [4: 118]. Если ориентироваться на приведенные данные, то первый бой указанной воинской части произошел, когда К. Токаев находился на лечении в госпитале. Этот бой описывается так: «В ночь на 25 ноября штаб 66-й армии своим боевым приказом № 30 поставил 7-му танковому полку новую задачу: к утру 25.11 выйти район МТФ в балку Сухая Мечетка и последовательно во взаимодействии с 64-й и 99-й сд содействовать им в овладении Орловка и Городище» [5: 87]. Тот факт, что будущий писатель после лечения в госпитале быстро перевелся из личного состава 226-й стрелковой дивизии в 7-й гвардейский

танковый полк, можно объяснить тем, что эти воинские части действовали в одном оперативном районе: «7-й гвардейский танковый полк был в 21:00 5 декабря боевым приказом №032/оп штаба армии переподчинен 226-й стрелковой дивизии, которой этим же приказом ставилась задача с утра 7 декабря атаковать в направлении высоты 141,0 балка Десятая с ближайшей задачей к исходу дня 7 декабря овладеть железнодорожным полотном и высотой 124,0. Дивизия также усиливалась 72-м гвардейским минометным полком, 843-м артполком и минометным дивизионом из состава 299-й дивизии. Всего по данным штаба фронта переданный на усиление 226-й стрелковой дивизии 7-й гвардейский танковый полк на 5 декабря насчитывал в строю 198 человек личного состава, 4 танка, 3 бронемшины, 37 автомашин, 11 ППД и ППШ, 51 винтовку, поддерживаемая им 226-я стрелковая дивизия – 4764 человека личного состава. К 22:00 6 декабря располжившийся в балке Барсучья танковый полк пополнился до 5 исправных танков КВ-1С» [4: 192].

В автобиографическом романе К. Токаев сообщает, что в первой половине января он вместе с соседними стрелковыми дивизиями побывал в нескольких наступательных операциях [9]. В одном из сводок штаба 7-го гвардейского танкового полка за этот период приводятся следующие сведения о двусторонних потерях: «В ходе наступления с 10 по 20 января 1943 г. 7-й гвардейский танковый полк, имея сравнительно небольшое территориальное продвижение, по собственным данным вывел из строя 16 танков, 1 самоходное орудие, 1 бронетранспортер, 4 автомашины, 16 орудий ПТО (и еще до 17 орудий подавил), 4 противотанковых ружья, 21 пулемет, 46 блиндажей, до 442 немцев. Потери полка составили 17 танков, в т.ч. 1 танк КВ – сгоревшим, 2 танка (1 КВ, 1 Т-70) – подорвавшимися на минах, 14 танков (8 КВ, 5 Т-34, 1 Т-70) – подбитыми, а также 36 человек личного состава, в т.ч. 18 – убитыми, 5 – пропавшими без вести, 13 – ранеными» [4: 180–182]. В указанный хронологический промежуток К. Токаева вызвали в штаб и сообщили, что он получил секретный приказ от начальника штаба майора Стальского (прототип Смирнова в романе). В главе «Особое задание» говорится, что во время атаки экипаж танка КВ-85 застрял глубоко в тылу противника. Описано, что руководством полка была поставлена задача найти указанный экипаж и принять немедленные

эвакуационные меры [9]. Об окончании специальной операции говорится в отрывке из «Солдатского дневника», написанного 18 января 1943 г. В нем указано, что миссия по эвакуации прошла успешно. После этого воинская часть осталась в резерве и не пошла в атаку вместе с другими дивизиями. Историческая правда содержания романа видна из следующих документальных данных: «С 21 по 24 января 1943 года 7-й гвардейский танковый полк занимался частичным ремонтом 3 эвакуированных с поля боя танков КВ-1С, не участвовавших в боевых действиях из-за отсутствия танкового парка. В процессе ремонтных работ производилась замена двигателей, радиаторов и восстановление ходовой части, бронированных компонентов» [4: 206]. 7-й гвардейский танковый полк прорыва принимал участие в боевых действиях до конца Сталинградской битвы.

К. Токаев, проведя два с половиной года под пулями и огнем, дошел до Польши и принимал участие в ее освобождении от фашистских захватчиков. В результате тяжелого ранения в ногу разрывной пулей, после долгого восстановления в военных госпиталях, он с честью закончил свой боевой путь за считанные недели до окончательной победы.

В 1948 г. К. Токаев окончил Казахский национальный университет и после занимал ответственные должности в газетах «Лениншил Жас» (ныне – «Жас Алаш»), «Казахстанский пионер» (ныне – «Улан»), «Социалистический Казахстан» (ныне – «Егемен Казахстан»), был главным редактором «Ведомостей» Верховного Совета Казахской ССР, литературным консультантом Союза писателей Казахстана. Им издано более десяти книг на казахском и русском языках [1: 3].

В настоящее время, несмотря на славный боевой и творческий путь, судьба писателя, создавшего первые произведения детективного жанра в казахской литературе, малоизучена. Вопрос исследования боевого пути К. Токаева затрудняется тем, что он воевал в составе дивизии, которая была сформирована не на территории Казахской ССР. Засекреченность архивных материалов также препятствует процессу дальнейшего изучения темы.

За годы войны в действующую армию из Казахстана было призвано около 1 200 тыс. чел. 670 тыс. чел. были мобилизованы из Казахской ССР для работы на промышленных объектах. Можно утверждать,

что Казахстан внес неоценимый вклад в достижение Победы. 497 жителей республики удостоились звания Героя Советского Союза, из них 98 казахов. Имя Кемеля Токаева, кавалера ордена Отечественной войны, основателя детективного жанра в казахской литературе, достойно отдельного места на страницах отечественной истории.

### Источники и литература

1. *Атыхан Е.* Кемел ғұмырлы Кемел // Газета Айқын. 2014. №71 (2465).
2. *Аяған Б.Ф.* Абырой мен парыз (Еуропа елдеріндегі Екінші дүниежүзілік және Ұлы Отан соғысына қазақстандықтардың қатысуы). Алматы, 2015.
3. *Аяған Б.Ф.* Қазақ жауынгері Ұлы Отан соғысы майданында (Тарихи-құжаттық зерттеу). Алматы, 2010.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 328. Оп. 4852. Д. 97.
5. ЦАМО РФ. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 273.
6. ЦАМО РФ. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 282.
7. ЦГА РК. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 35.
8. *Токаев К.* Әке туралы ой-толғау. Алматы, 2005.
9. *Токаев К.* Солдат соғысқа кетті. Алматы, 1983.

**Е.А. Макарова**

### ПОЛТАВСКАЯ РАЗВЕДШКОЛА АБВЕРА: КАЧЕСТВО И ИСТОЧНИКИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ АГЕНТУРНЫХ КАДРОВ

В годы войны на занятых территориях германскими спецслужбами были организованы разведывательные школы и курсы, готовившие агентуру для засылки через линию фронта в расположение частей Красной армии и в глубокий тыл для подготовки диверсий и сбора разведанных о промышленном потенциале СССР.

В послевоенные десятилетия история их функционирования не могла быть предметом научного изучения по разным причинам. Объяснить этот факт можно как спецификой работы отечественных спецслужб, которая и до настоящего времени по многим аспектам

является государственной тайной или конфиденциальной информацией, так и тем, что тема связана с проблемой измены Родине и невольно находится в юридической плоскости, не имея срока давности.

В начале 2000-х гг. ситуация изменилась. Под видом авторской монографии С.Г. Чуева издан «Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», составленный МГБ еще в 1952 г. на основании материалов оперативно-розыскных мероприятий [2; 5]. Опубликован многотомный сборник «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» [1]. Часть документов в нем снабжена комментариями. В числе наиболее известных школ (Борисовской, Варшавской) упомянута Полтавская разведшкола абвера, представлены материалы, касающиеся истории ее деятельности, эпизоды разоблачения агентуры. Информация из них интенсивно используется исследователями и без изменений на протяжении ряда лет переходит из публикации в публикацию, давно потеряв актуальность. Упомянутые издания не лишены фактических погрешностей, связанных с ошибками следствия. Документы противника в настоящее время позволяют их корректировать.

Изучение и введение в научный оборот документов военных трибуналов позволяет исправить уже известные ошибочные данные, а по некоторым вопросам их дополнить. Наиболее информативный источник по рассматриваемой проблеме – это содержащиеся в следственных делах протоколы допросов разоблаченных агентов. Они сообщали подробные сведения о работе разведшколы: дислокацию, преподавательский состав, изучаемые дисциплины, установочные данные на сокурсников, их задания, способ засылки, сведения о жизни на оккупированной территории, стратегиях выживания населения. Важным аспектом изучения деятельности разведшкол абвера является состав агентурных кадров, которые вербовались и готовились для заброски в советский тыл. Это позволяет понять мотивацию их поступков, причины сделанного выбора, оценить юридически соразмерность наказания деянию.

Цель нашего исследования – установить источники комплектования разведшколы постоянным и переменным составом, выявить причины и мотивы, которыми руководствовались потенциальные

курсанты, соглашаясь сотрудничать с разведкой противника, на примерах судеб курсантов и преподавателей определить, насколько действенной и оправданной стратегией выживания в условиях оккупации могла стать вербовка в Полтавскую разведшколу абвера.

В годы войны на советско-германском фронте действовало несколько разведывательных абверкоманд. Полтавская разведшкола абвера, начавшая свою деятельность в октябре 1941 г., как один из центров подготовки агентов противника подчинялась абверкоманде (АК) № 102 с позывным радиостанции «Орион». Возглавлялась АК подполковником Юзефом Рокитой и дислоцировалась в Полтаве. До конца лета 1942 г. команда вела разведку против советских войск Южного и Юго-Западного фронта.

Для многих преподавателей и курсантов «путь в «Орион»» начался с момента пленения. С середины 1942 г. противник стал активно привлекать для преподавания в разведшколе бывших военнопленных командиров Красной армии. Типичным примером может служить биография одного из них, «Сомова» Сергея Ильича.

В плен «Сомов» попал в октябре 1941 г., находясь на Южном фронте в районе Мелитополя. Из содержания допроса арестованного в 1945 г. известно, что при выполнении приказа командования дивизии его машина была обстреляна немецкой авиацией, после чего дорогу перерезали немецкие танки и пехота. «Здесь в плен к немцам сдался и я, не оказывая никакого сопротивления, видя, что оно бесполезно». Его доставили в лагерь военнопленных в г. Николаев, где спустя неделю завербовали. В конце сентября 1941 г. бывший пленный уже приехал в Киев в распоряжение офиса отделения немецкого органа контрразведки Фербиндунгштелле ОКВ – Абвернебенштелле «Киев» и вскоре приступил к работе.

Заслуживает внимания оперативность перемен в судьбе «Сомова»: с момента пленения до подписки о сотрудничестве прошло всего около трех недель. Предположительно, интерес немецкой разведки к его личности проявлен по причине довоенного места жительства в Киеве. Начальник контрразведывательного отдела майор Глясс оперативно ввел нового подчиненного в курс дела: «Сказал, что я буду работать в контрразведывательном органе, в задачи которого входит выявление советской агентуры, подпольных советских организаций и всех лиц,

которые своими действиями подрывают мощь Германии». Для конспирации «Сомова» официально оформили референтом торгового отдела горуправы. После смены руководства в Абвернебенштелле «Киев» он был вынужден перейти на работу к А. Майеру, сотруднику абверкоманды № 102, а в августе 1942 г. оказался в Полтавской разведшколе абвера как старшина и один из преподавателей [4: 17–21].

Примером типичного контингента курсантов из бывших военнопленных можно считать Евгения Павловича П., мобилизованного 27 июля 1941 г. в качестве повара в автобатальон ВВС. При отступлении от Киева в сентябре 1941 г. у с. Борщи Барышевского района он со своей частью оказался в окружении и сдался в плен. Несколько недель он находился в лагере военнопленных в Киеве. В этот период туда приезжал А. Майер, «агитировал, предлагал работу после освобождения из плена». П. как украинец и местный житель вскоре освободился и вместе с приятелем отправился в поисках работы по указанному вербовщиком адресу.

Из бывших военнопленных летом – осенью 1942 г. состоял преподавательский состав Полтавской разведывательной школы. «Старший преподаватель всех дисциплин» 45-летний начальник штаба дивизии полковник «Быков» Петр Захарович, (по другим сведениям, Петр Дмитриевич) попал в плен под Вязьмой. Практически в одно время в школе преподавали лейтенант ВВС «Май» Николай, техник-интендант, заместитель старшины школы, уроженец Краснодара «Краснов» Иван Васильевич. «Быкова» Петра Захаровича в сентябре 1942 г. сменил бывший майор «Сударев» Александр Николаевич, который, по показаниям одного из арестованных курсантов, «с начала войны перешел на сторону немцев. В декабре 1941 г. ходил в тыл Красной армии, после возвращения назначен преподавателем в Варшавскую разведшколу. Ярый проповедник фашизма». В октябре в процесс преподавания включился упоминавшийся выше С.И. «Сомов», также из бывших военнопленных командиров.

В исследуемый период (май – сентябрь 1942 г) кадры Полтавской разведшколы комплектовались в основном за счет жителей оккупированных Киева и Полтавы. В течение лета 1942 г. школа пополнялась курсантами из гражданских лиц. Одной из причин, толкавших людей на этот шаг, была угроза голода, скудный минимальный продпак.

Автослесарь завода «Транссигнал» «Федоров» Михаил Данилович показывал на допросе: «Средств для существования на меня и на жену, то, что я зарабатывал в месяц 600–700 руб., и паек, выдаваемый в неделю – одну буханку весом примерно в 1800 г, два пуда картофеля, для меня не хватало прожить». Уроженец ст. Ново-Ильинской Ростовской области, 1922 г. рождения, «Воробьев» Борис Иванович с декабря 1941 г. проживал в Киеве на иждивении матери, врача стоматологической поликлиники. В мае 1942 г. устроился подсобным рабочим на машиностроительный завод «Ленкузня». За работу «получал 1800 г хлеба в неделю, по 200 г сахару в две недели, обед и 98 руб. в месяц. Меня эта работа и плата не устраивали, а потому я начал искать подходящей работы». Приятель познакомил его с вербовщиком, уверявшим, что в «Орион фельд пост» хорошо платят и все разведчики ни в чем не нуждаются». «Воробьев» согласился с предложенными ему условиями и спустя некоторое время оказался в разведшколе Полтавы [3: 49–83].

Неформальным главным центром тогдашнего Киева, организовавшего повседневную жизнь большинства горожан, считался Евбаз – еврейский базар. Рынок был не только местом «капиталистических отношений» времени оккупации, но также источником пополнения кадров разведшколы. Негласно «заведовал» им резидент А. Майера и основной поставщик агентуры «Мишка» – Михаил Александрович «Суматоха».

До поступления в разведшколу Всеволод «Попович», 1917 г. рождения, был мастером-реставратором. С приходом оккупантов занятия по специальности для него не нашлось, и некоторое время он работал извозчиком. «Затем переключился на спекуляцию совместно со своим знакомым, и до лета 1942 г. занимался спекуляцией, покупая небольшими партиями сигареты, папиросы, сахарин, спиртные напитки и другие продукты, которые распродавали преимущественно на Еврейском базаре». Там же, на Евбазе, он встретил своего школьного приятеля, оказавшегося вербовщиком, «Новикова» Бориса Васильевича, 1924 г. рождения, которому угрожало преследование за саботаж. В спекулянты после ухода с завода «Транссигнал» подался и упоминавшийся М.Д. «Федоров». Трагической в его судьбе стала встреча с бывшим одноклассником, а весной 1942 г. агентом А. Майера,



бывшим шофером НКВД, вербовщиком Александром «Кириченко» [3: 124–127].

Источником пополнения переменного состава разведшколы служила городская «биржа труда», чему способствовала массовая безработица. Уклонение от работы было чревато отправкой в Германию.

Перебраться из Харькова в Полтаву актера театра Василия Афанасьевича «Громова», 1902 г. рождения, вынудила безработица. То, что предлагалось на «бирже», ему не нравилось, он хотел работать по специальности. Отчаявшись заняться подходящим делом официально, он был встречен прямо у дверей «биржи» неизвестной женщиной, которая его направила к «знакомому немецкому офицеру», пообещав получение солдатского пайка и денежного содержания. Через него «Громов» оказался в разведшколе. Спустя три месяца он уже давал показания следователю НКВД Сталинградского фронта, а еще через три недели был приговорен к высшей мере наказания.

Часть курсантов имела криминальное прошлое. Так, Виктора Робертовича Г., 1922 г. рождения, с 3-классным образованием, в разведшколу привела угроза потенциального ареста за воровство. Знакомый сапожник с Евбаза порекомендовал ему устроиться на службу к немцам. Через некоторое время Виктор Г. встретился с А. Майером, которому кандидатура показалась подходящей. Неоднократно судился и отбывал наказание за воровство агент-вербовщик электромонтер Михаил «Кириченко». За хулиганство в 1937 г. судился, отсидел четыре месяца и досрочно был амнистирован М.Д. «Федоров».

Через Полтавскую разведшколу к линии фронта транзитом проходили и кадры, поставлявшиеся из разведшколы в Варшаве. Еще одним источником пополнения контингента ее курсантов стали служащие вспомогательной украинской полиции. Полицейские большей частью являлись бывшими военнопленными.

Детдомовец Николай «Зырянов», 1924 г. рождения, с 1939 г. числился студентом механического техникума. В период оккупации он работал совместно с приятелем в Голосеевском саду, частенько они вместе выпивали и как-то в один из дней встретили там гражданина, работавшего «в судебных органах, который получает 900 руб. в месяц и паек». Жалобы на жизнь и «свою маленькую получку» возымели результат: гражданин проговорился, что «знает людей,

которые получают по 3–5 тыс. руб. и паек на всю семью, что эти люди работают агентами в немецких разведывательных органах». Однако до того, как отправиться в разведшколу абвера за более высоким окладом, «Зырянов» стал полицейским, выполнявшим функции охранника в Сырецком лагере на окраине Киева.

В числе курсантов Полтавской разведшколы оказался также киевлянин, немец Юрий Болеславович Мейер, 1923 г. рождения, до войны по роду занятий актер вспомогательной труппы киевского театра русской драмы. Желание поступить в полицию позднее Ю. Мейер пояснял следователю особого отдела: «До ареста органами НКВД моего отца я и семья жили очень хорошо в части материального обеспечения. После ареста отца мы жили очень плохо. Я считал, что отец арестован без достаточных оснований и это породило у меня недовольство против советского строя. Вот почему приход немецких фашистов на Украину я встретил радостно, т.к. видел в том для себя возможность мстить за отца, потому и решил поступить в полицию, с тем, чтобы активно помогать устанавливать новые порядки. Вторым побуждающим мотивом была уверенность в том, что, работая в полиции, я сумею отлично устроить свою жизнь и жизнь своей семьи». Юрий Мейер предрешил свою участь, когда отказался от предложения рядовой должности в полиции. Тогда беседовавший с ним служащий спросил о его желании пойти «на секретную работу». На вопрос о подробностях он услышал: «Дуже цікава, майже артистична работа». Согласие на нее он дал А. Маейру там же спустя несколько суток [3: 135–198].

Резидентурой А. Майера зачастую применялись провокационные методы. Намеченные к вербовке лица арестовывались по фиктивному обвинению, после чего им предлагали искупить «вину» сотрудничеством с немецкой разведкой. Часть футбольной команды киевского «Динамо» оказалась в числе агентуры, обучавшейся в Полтавской разведшколе, именно таким образом.

«Канарский», бывший голкипер «Динамо», не понимая, почему арестован, предполагал, что причиной стал приказ, согласно которому горожанам надлежало сообщать в полицию о скрывавшихся сотрудиниках НКВД, партизанах, евреях и саботажниках. Арестованного доставили в Управление полиции безопасности и СД на ул. Короленко, 33, где вербовщики для начала подвергли жертву психологической

обработке. До середины июля 1942 г. бывший футболист находился в заключении. На втором допросе вербовщик прямо заявил о цели ареста: «Ты нам нужен для работы в немецкой разведке. Учти, выбор у тебя один, в случае твоего отказа ты и вся твоя семья будете расстреляны». В конце июля 1942 г. «Канарский» прибыл в числе очередной партии в Полтавскую разведшколу, а уже в сентябре сотрудник особого отдела НКВД допрашивал его в Воронежской области.

Некоторые киевские футболисты, являясь резидентами А. Майера, официально состояли на службе в абверкоманде № 102. Это уже упоминавшийся Александр «Кириченко», до войны работавший шофером, в период оккупации ставший следователем при центральном районе полиции, активно вербовавший агентуру для Полтавской разведшколы. Из этой же футбольной команды был «Петр, 22 лет», проживавший в районе Евбаза, который работал на хлебозаводе и одновременно был связан с «Суматохой», содействуя ему при вербовке кадров для разведшколы. Футболистом был вербовщик Николай Голембиовский [3: 210–212].

Результаты деятельности всей вышеописанной агентуры, состоявшей из поваров, актеров, подростков, домохозяек, алкоголиков, шоферов, грузчиков, воров и спекулянтов, оказались практически нулевыми. Немцам не удалось организовать систематическое получение нужных разведданных посредством курсантов Полтавской разведшколы. Качество подготовки агентов, проходивших двухнедельное обучение, которое сводилось к овладению компасом, получению навыков чтения топографической карты и минимума сведений о Красной армии, было низким. Почти всех их арестовали в первые часы после переброски через линию фронта. Данный факт опровергает устоявшийся в общественном сознании миф о том, что агенты разведшкол абвера были некими коварными, хитрыми «супершпионами» с серьезной физической и специальной подготовкой.

На первый взгляд, разведшкола абвера в Полтаве представляется обычным «проходным двором», рассчитанным на количество без качества. Вместе с этим имели место удачные действия отдельных агентов по передаче собранных разведданных, были и успешно разыгранные комбинации по внедрению в антифашистское подполье Киева и по дискредитации командиров Красной армии, чьи биографические

данные использовались сотрудниками абвера в агентурных играх. В результате одной из таких игр на годы было дискредитировано доброе имя командира 17-й дивизии народного ополчения г. Москвы полковника П.С. Козлова.

Бывший советский лейтенант Иван Данилович К. в 1942 г. сделал стремительную карьеру из курсантов в преподаватели разведшколы буквально за несколько месяцев. Переправленный за линию фронта с разведзаданием, он «на сторону немцев привел танк с экипажем, после чего был оставлен в школе, где замещал старшину, преподавал типы советских танков и являлся начальником политчасти» [3: 215]. За удачное возвращение К. награжден медалью для «восточных народов». Агент Мищенко за выполнение специального задания по г. Сталинграду получил 6500 руб., не считая месячной зарплаты в размере 760 руб. и продовольственного пайка.

Таким образом, изучив состав кадров агентуры Полтавской разведшколы, можно заключить, что источниками ее комплектования были как военнопленные из лагерей, так и местное гражданское население. Со второй половины 1942 г. в качестве преподавателей в ней стали привлекать бывших советских командиров, изъявивших желание сотрудничать с абвером. Мотивы, по которым гражданское население соглашалось на рискованное для жизни предприятие, в основном были практические. Это желание больших денег, авантюризм, безработица, за которую грозил вывоз в Германию, саботаж, иногда шантаж со стороны вербовщиков, потенциальная угроза голода. Весной – осенью 1942 г. разведшкола пополнялась курсантами-цивилями в основном из служащих вспомогательной украинской полиции Киева и Полтавы. Идейных «борцов с большевизмом» в числе ее курсантов были единицы.

Избежать внимания немецких спецслужб в период оккупации было сложно. Немцы старались как можно полнее учитывать население, принудительно регистрировали под предлогом получения рабочих карточек, выявляли совслужащих, партийных и комсомольских работников, сотрудников силовых структур. Поэтому людям с трудом в таких условиях удавалось удерживаться, чтобы не оказаться среди пособников и коллаборационистов. На наш взгляд, многие согласились на сотрудничество с оккупантами с единственной целью –

выжить. Однако вербовка в разведшколу абвера в качестве возможной стратегии выживания оказалась предприятием сомнительным.

### Источники и литература

1. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов / в 5 т. М., 1995–2008.
2. Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1952.
3. Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (далее – ЦА ФСБ). АУД № Р-16492.
4. ЦА ФСБ. АУД № Р-48451.
5. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: в 2 кн. СПб., 2003.

**И.Ю. Бережанская**

### **СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА В ДНИ БИТВЫ ЗА СТАЛИНГРАД (июль 1942 г. – февраль 1943 г.)**

В советской историографии деятельность отечественных спецслужб в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. долгое время оставалась неисследованной, но благодаря тому, что после распада СССР начали появляться публикации, посвященные деятельности разведки и контрразведки в годы Великой Отечественной войны [1: 357–623; 3; 13: 187–358; 14: 113–200; 17: 180–207, 249–315], в том числе и в период Сталинградской битвы [8], исследователи смогли более глубоко изучить этот вопрос. Работа советских органов безопасности в годы Великой Отечественной войны достоверно отражена в документальных материалах, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России) [13: 187–358] и Архиве Управления ФСБ России по Волгоградской области.

В ходе Сталинградской битвы военные контрразведчики обезвредили свыше 200 агентов, чем способствовали провалу немецкой операции по захвату Сталинграда и разгрому захватчиков. Всего за годы войны сотрудникам органов военной контрразведки удалось

предотвратить и остановить деятельность около 3,5 тыс. диверсантов и свыше 6 тыс. агентов-парашютистов. В борьбе с разведорганами противника советские военные контрразведчики активно использовали метод дезинформирования противника. С 1 мая по 1 августа 1942 г. вражеские разведывательные центры получили ложные сведения о сосредоточении на разных участках советско-германского фронта 255 стрелковых дивизий, трех танковых армий, шести танковых корпусов и других воинских частей. С конца 1941 г. по сентябрь 1943 г. сотрудники военной контрразведки для дезинформации противника использовали 80 захваченных иностранных агентов с рациями.

Документы и материалы, отражающие участие Управления наркомата внутренних дел по Сталинградской области в битве под Сталинградом, впервые появились в сборниках «Так сражались чекисты» [10], «Перелистывая документы ЧК» [6], «Сталинградская эпопея» [9], «Чекисты в Сталинградской битве» [23], «Великая Отечественная война. 1942 год» [1], многотомном издании о деятельности органов государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне [5]. Некоторые эпизоды деятельности советской контрразведки во время Сталинградской битвы были отражены в мемуарах А.И. Воронина [2], М.Т. Полякова [7] и А.И. Матвеева [3], статье А.И. Цветкова [22], работах других ветеранов органов безопасности.

Особые отделы НКВД Сталинградского, Донского и Юго-Восточного фронтов, армий и соединений, входившие в их состав, военных гарнизонов Сталинградской, Астраханской, Тамбовской и Саратовской областей в период Сталинградской битвы вели борьбу с разведывательно-диверсионными органами Германии, Венгрии, Италии и Румынии, выявляли шпионов и диверсантов, боролись с дезертирами и паникерами в частях Красной армии и войсках НКВД, проверяли военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника [11: 11–16; 12: 65–72; 24: 794–801], обеспечивали режим безопасности и охраны тыла фронта, оказывали помощь командованию в повышении боевой готовности войск.

Основными задачами Особых отделов НКВД в период Сталинградской битвы были:

1. Информирование военного командования, руководства НКВД и Государственного комитета обороны (ГКО) СССР о положении

в Сталинграде и его окрестностях, о наступлениях войск противника, налетах немецкой авиации и результатах бомбардировок военных, транспортных и промышленных объектов Сталинграда, ведении оборонительных боев войсками Красной армии, деятельности ПВО, создании и деятельности заградительных отрядов, переселении из районов прифронтовой полосы, преступлениях противника на оккупированных территориях.

Объективность и своевременность сведений, направляемых особыми отделами, позволяли Ставке Верховного Главнокомандования перераспределять материальные и людские ресурсы, планировать дальнейшие стратегические операции. Л.П. Берия регулярно информировал ГКО (И.В. Сталина и В.М. Молотова) и Генеральный штаб Красной армии (А.М. Василевского) о боевой обстановке на различных участках фронта, действиях противника, об острой потребности в снарядах, причинах провалов боевых операций в сентябре 1942 г., массовом воздействии авиации противника на боевые порядки Красной армии, ходе ожесточенных уличных боев в центре Сталинграда и в районе железнодорожного моста, недостатках в подготовке к обороне города [14].

Господство немецкой авиации над Сталинградом обуславливалось тем, что советская авиация по-прежнему несла большие потери. 26 сентября Л.П. Берия сообщил И.В. Сталину о том, что воздушные армии Брянского, Воронежского, Западного, Закавказского, Калининского и Сталинградских фронтов в августе 1942 г. потеряли в боях 1480 самолетов. Самые большие потери советские воздушные войска понесли на Сталинградском, Западном и Калининском фронтах – 514, 398 и 244 самолета соответственно [18: 1–2].

27 и 28 сентября 1942 г. Л.П. Берия проинформировал ГКО и Генштаб Красной армии о том, что в результате начавшегося 24 сентября 1942 г. наступления 66-й армии советским войскам удалось продвинуться на 1 км вдоль Волги. В то же время 1-я гвардейская и 24-я армии продвинуться не смогли.

Противник оказывал сильное сопротивление с земли и воздуха. 27 сентября немецкие войска вышли к Волге. 28 сентября продолжались бои в центре города. В течение дня противник наносил удары по всему фронту обороны и непрерывно бомбил части 62-й армии, отчего они понесли большие потери.

После контрнаступления войск Красной армии особые отделы доложили НКВД и ГКО о его результатах: разгромленных частях и соединениях противника, захваченных в плен немецких и румынских солдатах и офицерах, угрозах прорыва противника на отдельных участках фронта, недостатках в управлении советскими войсками [19: 291–292].

2. Борьба с разведывательно-диверсионными органами противника, со шпионами, предателями, диверсантами в войсках Красной армии и НКВД, проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника.

К середине 1942 г. НКВД СССР располагала информацией о 36 разведывательных школах противника, развернутых на временно оккупированной территории, а также данными на 1500 разведчиков и диверсантов из числа военнопленных, тактике действий немецкой военной разведки, заключающейся в массовой заброске в тыл Красной армии практически необученной и непроверенной агентуры, которая оперативно разоблачалась советской военной контрразведкой [8: 31, 111–144; 16: 28–35].

Грамотное сочетание оперативных и гласных мер предупреждения и пресечения подрывной деятельности противника позволило успешно выявлять внедренную агентуру. По направленным в ГКО СССР и ЦК ВКП(б) данным НКВД, на 8 августа 1942 г. органами госбезопасности с начала войны были арестованы 11 765 агентов противника [8: 31].

Немецкие спецслужбы перебрасывали разведчиков и диверсантов под видом лиц, эвакуирующихся из прифронтовой полосы, снабжали их формой командиров Красной армии, поддельными документами и оружием. Некоторые агенты снабжались документами об освобождении от воинской службы, паспортами с отметками о прописке, справками с места работы. Советские контрразведчики изымали у арестованных агентов-диверсантов тол, фугасы, взрывчатые вещества, запалы и взрыватели, бикфордов шнур, часовые механизмы для производства взрывов, мины замедленного действия, сигнальные фонари, топографические карты [21: 57 об.].

3. Ограждение штабов и узлов связи от проникновения в них агентов противника, обеспечение сохранности карт, зашифрованной и иной



секретной документации. В этих целях в штабах фронтов и армий сотрудники органов военной контрразведки проводили организационные, режимные, оперативные и профилактические мероприятия с целью поддержания режима безопасности и осуществления контроля над разработкой и сохранением в тайне планов боевых операций. Сотрудники особых отделов выявляли причины, приводившие к утрате секретных документов и нарушениям режима конспирации при разработке планов боевых операций и передаче секретных данных по открытым каналам связи; предупреждали случаи разглашения секретной информации и своевременно сообщали о них командованию; контролировали несанкционированный доступ посторонних лиц к средствам связи и соблюдали меры безопасности в штабах и узлах связи; выявляли нарушения при хранении, обработке и несвоевременном уничтожении шифровальных документов, снятии с них копий, ведении секретных переговоров по открытым каналам связи.

Все мероприятия по подготовке генерального наступления советских войск под Сталинградом находились под особым вниманием и контролем военных контрразведчиков. Обеспечение строжайшей секретности при подготовке операции в этот период стали их главными задачами. Проводился целый ряд дезинформационных мероприятий, подчиненных общему замыслу, разработанному Генеральным штабом Красной армии. В частности, строили две дополнительные линии обороны в глубине от боевых порядков частей и соединений [3: 77].

О наиболее серьезных происшествиях, в том числе случаях недостаточного соблюдения военной тайны и маскировки при подготовке войск к наступлению, что позволяло противнику догадаться о проводимых мероприятиях, В.С. Абакумов информировал начальника Генерального штаба А.М. Василевского.

Сотрудники особых отделов выявляли и перекрывали каналы утечки информации о замыслах командования, сроках подготовки и проведения наступательной операции. Проводилась работа по дезинформации о переходе советских войск к «зимней обороне».

4. Обеспечение безопасности тыла фронтов, коммуникаций в прифронтовой полосе, поддержание режима охраны аэродромов, мест базирования военных кораблей, складов, ангаров, пищеблоков и других объектов жизнеобеспечения, борьба с дезертирами и паникерами.

Органы военной контрразведки перекрывали каналы проникновения агентов противника через линию фронта, совместно с подразделениями войск НКВД задерживали и проверяли всех военнослужащих и других лиц, возвращавшихся из окружения или бывших в плену у противника. Осуществлялся их разведывательный опрос, выяснялось, при каких обстоятельствах человек попал в плен, бежал или был освобожден из плена [15: 20–25]. Контрразведчики также выявляли подозрительных лиц как в прифронтовой полосе, так и в тылу частей Красной армии, тщательно проверяли у них документы и их подлинность.

5. Оказание помощи командованию в повышении боевой готовности войск, борьба с дезертирами, контроль над политико-моральным состоянием военнослужащих, их реакцией на отход частей и соединений Красной армии, иные политически значимые события, участие в боевых действиях.

Особые отделы НКВД информировали военное командование и ГКО о недостатках, выявленных в ходе боевых действий в частях 4-й танковой армии, 51-й и 57-й армий, ошибках при нанесении бомбовых ударов, катастрофическом положении с боеприпасами, горючим, продовольствием в частях 13-го механизированного корпуса Сталинградского фронта, многочисленных потерях в 13-й гвардейской стрелковой дивизии, 10-й дивизии войск НКВД, 42-й стрелковой бригаде и ряде других соединений фронта. В 62-й армии насчитывалось всего до 5 тыс. чел. [18: 1–2]. Также поступала информация о недостатках в продовольственном снабжении частей армии и их отрицательном влиянии в ряде случаев на ход боевых операций. Большинство работников продовольственных отделов армий и фронта в первую очередь обращали внимание на формальную сторону дела и менее всего думали об обеспечении питанием бойцов и командиров на передовой. Однако действовавшие приказы не учитывали такие случаи, как обеспечение продовольствием выводимых из боя остатков частей и подразделений, военнослужащих, вышедших из окружения.

По мнению руководства особых отделов, главной причиной невыполнения задач оказалось то, что командиры взводов, рот и батальонов не умели правильно ориентироваться на местности, руководить в бою личным составом, использовать огневую силу своих подразделений

в наступлении. Кроме того, командиры полков и дивизий перед наступлением не разъяснили командному составу задачи, в бою теряли связь с подразделениями, не оказывали им помощи через свои штабы [20: 40–44].

Несмотря на принимаемые меры по борьбе с дезертирством и уклонением от воинской службы, переломить ситуацию было сложно, так как продолжалось отступление советских войск. У некоторых военнослужащих возникало чувство страха и растерянности, неверия в победу, что порождало массовые факты дезертирства. Предоставление особым отделам НКВД права ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте [4], не останавливало рост дезертирства.

В период Сталинградской битвы сотрудники особых отделов НКВД вместе с военнослужащими частей и соединений Красной армии и войск НКВД вели изнурительные бои с превосходящими силами противника, стояли насмерть на рубежах и позициях. В сложных ситуациях, в случае потери командиров рот, батальонов военные контрразведчики нередко принимали на себя командование боевыми подразделениями, проявляя при этом мужество и отвагу.

19 ноября 1942 г. началось контрнаступление советских войск под Сталинградом, которое привело к окружению германских и румынских войск. Особые отделы НКВД внесли достойный вклад в победу в этом сражении. Битва под Сталинградом стала решающей для обеспечения коренного перелома в Великой Отечественной войне, оказала большое влияние на общее изменение военно-политического положения в мире в пользу антигитлеровской коалиции, послужила мощным стимулом роста движения Сопротивления в Европе и Азии.

### Источники и литература

1. Великая Отечественная война. 1942 год: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М., 2012.
2. *Воронин А.И.* Щит и меч Сталинграда. Волгоград, 1982.
3. *Матвеев А.И.* 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. М., 2002.
4. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 2000.

5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 3. Кн. 2. М., 2003.
6. Перелистывая документы ЧК. Царицын – Сталинград 1917–1945 гг.: сб. документов и материалов / сост. С.Н. Грошевой и др.; вступ. ст. Ф.А. Мясникова. Волгоград, 1987.
7. Поляков М.Т. Под чужим именем. Органы государственной безопасности: факты, лица, документы. Волгоград, 2001.
8. «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2005.
9. Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / А.Т. Жадобин (рук.), В.В. Марковчин, Ю.В. Сигачев. М., 2000.
10. Так сражались чекисты: сб. документов и материалов. Волгоград, 1974.
11. Христофоров В.С. Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отечественные архивы. 2001. № 6. С. 11–16.
12. Христофоров В.С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–72.
13. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 годах. М., 2011.
14. Христофоров В.С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008.
15. Христофоров В.С. «Это моя ошибка, а не преступление» (по материалам архивно-следственного дела генерал-лейтенанта И.А. Ласкина) // Военно-исторический журнал. 2009. № 5. С. 20–25.
16. Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Вместе с флотом: советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. М., 2010.
17. Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М., 2015.
18. ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 9. Д. 15.
19. ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 326.
20. ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 777.
21. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 685.
22. Цветков А.И. Органы безопасности в Сталинградской битве // Обзоратель–Observer. 2007. № 9. С. 117–126.
23. Чекисты в Сталинградской битве: документы, воспоминания, очерки / сост. М.Т. Поляков, В.И. Демидов, Н.В. Орлов. Волгоград, 2002.

24. *Christoforov V.S.* Zu den Akten über sowjetische Kriegsgefangene in den Archiven des Föderalen Sicherheitsdienstes (FSB) Russlands // Deutschland Archiv. 2001. № 5. S. 794–801.

**В.И. Афанасенко**

### **39-й ГВАРДЕЙСКИЙ КОРПУСНОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК В ОБОРОНЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ 22–23 июля 1942 г.<sup>1</sup>**

Настоящая статья ставит своей целью осветить деятельность 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка в период обороны Ростова-на-Дону и Новочеркасска в июле 1942 г. Материалом для написания работы послужили документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) [4–7] и справочника «Боевой состав Советской Армии» [1]. Впервые полк без детализации действий был упомянут в коллективной монографии «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны 1942–1943 гг.» [2: 128]. Цель данной статьи – на примере описания действий конкретной воинской части оспорить негативную оценку, данную защитникам донской столицы в знаменитом приказе № 227 «Ни шагу назад!» [3: 276–179].

В январе – феврале 1942 г. Народный комиссариат обороны СССР начал формировать полки корпусной артиллерии для возрождаемых стрелковых корпусов. 10 февраля 1942 г. 213-й корпусной артиллерийский полк был преобразован в 3-й гвардейский полк, а уже 16 марта 1942 г. переименован в 39-й гвардейский корпусной артиллерийский полк в составе 3-го гвардейского стрелкового корпуса 56-й армии Южного фронта [1: 127]. Вне зависимости от состава артполка основной его единицей являлся артиллерийский дивизион. При разной по калибру матчасти дивизионы имели схожую организацию: три батареи по четыре орудия каждая, а в батарее – взвод управления и два огневых взвода по два орудия во взводе. На каждую пушку полагался трактор-тягач С-65. Важным элементом корпусного артполка был разведывательный дивизион в составе трех батарей: топографической,

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

звуковой, оптической разведки. В полку была батарея управления, в нее входили связисты (телефонисты/радисты) и разведчики (для пешей разведки и наблюдения), ей также придавался артиллерийский парк для материально-технического обеспечения и ремонта (трактор-тягачи, автомашины, ремонтные «летучки»).

К началу боев на рубеже «Г» Ростовского оборонительного района, на 20 июля 1942 г., 39-й гвардейский корпусной артиллерийский полк имел 1306 человек, в том числе 139 человек комсостава, 1167 человек рядового и сержантского состава. В составе трех огневых дивизионов насчитывалось 11 батарей, на вооружении которых имелось 16 орудий 76,2-мм, 12 гаубиц 122-мм, 12 полковых минометов 120-мм, 12 противотанковых ружей, 14 ручных пулеметов, 23 автомата ППД и ПППШ, 739 винтовок. В качестве средств тяги полк имел 99 автомашин и спецмашин, 239 лошадей [5: 14–15].

Согласно боевому распоряжению штаба артиллерии 56-й армии, 39-й гвардейский корпусной артиллерийский полк развернулся и к 6:00 22 июля был готов к ведению боя, взаимодействуя 1-м и 3-м дивизионами – с 76-й отдельной морской стрелковой бригадой, а 2-м дивизионом – с 81-й отдельной морской стрелковой бригадой [7: 13, 14]. Командир 39-го полка подполковник А.П. Писарев находился при командире 76-й отдельной морской стрелковой бригады, а начальник штаба 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка майор Толочко был со 2-м дивизионом полка в 81-й морской стрелковой бригаде. Около 6:00 22 июля А.П. Писарев обнаружил движение до 300 танков с северо-запада на с. Султан-Салы. Оставив для прикрытия с севера одну батарею, комполка сам выехал в район огневых позиций батарей, произвел перегруппировку артиллерии фронтом на запад и расставил ее всю как противотанковую. 1-й дивизион майора Агабегяна 39-го гвардейского артполка, оставаясь на огневых позициях и не имея прикрытия пехоты, вел бой самостоятельно, уничтожая танки и автоматчиков противника. Орудийный расчет 1-й батареи (командир расчета В.Ф. Сабельников, наводчик И.П. Нетахага, орудийные номера А.А. Головатый, Я.В. Кислый и С.Я. Гончар) в бою 22 июля 1942 г. прямой наводкой подбил четыре средних танка, три автомашины с пехотой, уничтожил до роты пехоты противника [6: 78].

Командир 76-й отдельной морской стрелковой бригады полковник Д.Н. Долганов с группой командиров штаба бригады переместил свой командно-наблюдательный пункт в район высоты с отметкой 127,1. Туда же командир 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка перебросил две батареи 1-го дивизиона, а две оставались вести бой на прежнем рубеже. К 11:00 22 июля 1-й дивизион был обойден танками и автоматчиками противника с левого фланга. Густые цепи автоматчиков шли на батареи, и дивизион расстреливал их прямой наводкой картечными зарядами, подпустив на 300 м, после чего поорудийно начал отход в район высоты 127,1. К 14:00 две батареи 1-го дивизиона заняли огневые позиции у высоты 127,1 фронтом на север и разгромили переправу, наведенную противником у с. Генеральского. Туда же вел огонь по переправляющейся пехоте и скоплению автомашин 3-й дивизион полка. Две батареи 1-го дивизиона встали на огневые позиции в районе высоты 120,5 фронтом на юго-запад, отражая атаку танков и автоматчиков противника с направления Султан-Салы. До вечера 22 июля 1-й и 3-й дивизионы 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка успешно отражали все атаки противника, нанося ему большой урон. Так, орудийный расчет 2-й батареи старшего лейтенанта А.К. Лысенко в составе командира расчета М.Ф. Острякова, наводчика П.А. Шапки, орудийных номеров А.А. Чернецкого, Г.Е. Гулака, И.Г. Самошкина в бою прямой наводкой подбил два средних танка, одну бронемашину, четыре автомашины с пехотой, уничтожил пулемет противника вместе с расчетом. Орудийный расчет 3-й батареи (командир расчета Д.Я. Коваленко, наводчик А.А. Агеев, подносчики и заряжающие М.Г. Шулика, И.Ф. Нишацкий, Г.В. Новик, С.П. Пономарев) прямой наводкой подбил тяжелый танк, поджег два средних танка и автомашину с пехотой [6: 78].

В это время на командно-наблюдательный пункт 76-й бригады приехал начальник политотдела 56-й армии бригадный комиссар Василий Нестерович Емельянов, который уже побывал на огневых позициях 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка и дал восторженные отзывы о работе гвардейцев-артиллеристов. В.Н. Емельянов приказал организовать круговую оборону и ни в коем случае не отходить.

К 19:00 22 июля на участке 2-го стрелкового батальона 76-й отдельной морской стрелковой бригады противник прорвал оборону и подошел к высоте 120,5, обходя ее слева. На помощь батальону была направлена 4-я батарея старшего лейтенанта Анциферова из 1-го дивизиона 39-го гвардейского артполка, которая, расстреливая картечью в упор вражеских автоматчиков, удерживала высоту с отметкой 120,5 до утра 23 июля. Там же пробравшиеся на огневые позиции немецкие автоматчики убили заместителя командира батареи и сожгли трактор.

Утром 23 июля поредевшие стрелковые батальоны 76-й отдельной морской стрелковой бригады вместе с двумя (1-м и 3-м) дивизионами 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка оказались в окружении. К 9:00 до полка пехоты противника и до батальона автоматчиков на мотоциклах переправились через р. Тузлов в районе с. Генеральского и атаковали 2-й стрелковый батальон 76-й бригады, который стал отходить на юг. Командир бригады полковник Д.Н. Долганов приказал морякам отойти на рубеж высот с отметками: 106,5; 89,4; 119,5. Подразделения бригады начали отход. 1-й и 3-й дивизионы 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка прикрывали отход, пропустив через свои боевые порядки всю пехоту 76-й бригады. Гвардейцы-артиллеристы вновь подпустили противника на 300 м и расстреляли в упор картечью. Командир огневого взвода Д.П. Гендик двумя орудиями огнем прямой наводки поразил четыре немецких средних танка, пять автомашин, вывел из-под огня противника уцелевший трактор с пушкой [6: 78]. 10-я батарея младшего лейтенанта З.М. Росинского и 11-я батарея лейтенанта Яговенко 3-го артдивизиона, снявшись с огневых позиций, были полностью уничтожены комбинированной атакой семи пикирующих бомбардировщиков Ю-87 с воздуха и огнем 30 танков противника. Материальная часть, повозки, лошади были полностью разбиты и изуродованы.

1-й дивизион майора Агабегяна и остатки 3-го дивизиона старшего лейтенанта В.Н. Подгурского 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка отходили на новый рубеж обороны через Большие Салы. На юго-восточной окраине их встретили танки и автоматчики противника. Вторая батарея старшего лейтенанта А.К. Лысенко вступила в бой. Прикрываясь батареей, командир полка А.П. Писарев



повел дивизионы на западную окраину с. Большие Салы и далее на высоту с отметкой 119,5. В с. Большие Салы в бою с танками и автоматчиками прямым попаданием снарядов было разбито два орудия, сгорело три трактора. Там же убит командир второй батареи, орденносец старший лейтенант А.К. Лысенко, заменивший у прицела наводчика П.А. Шапку, который был убит до этого на юго-восточной окраине села.

К 10:00 23 июля 1-й артиллерийский дивизион и остатки 3-го дивизиона 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка сосредоточились в районе высоты 119,5, где было уже до роты пехоты 76-й отдельной морской стрелковой бригады с двумя станковыми пулеметами. Командир 39-го гвардейского корпусного артполка подполковник А.П. Писарев и командир 76-й бригады Д.Н. Долганов на высоте 119,5 наскоро организовали оборону. Группировка артиллерии была следующей: 76-мм пушечная и 120 мм минометная батареи развернулись фронтом на север с задачей не подпускать и уничтожить пехоту, автоматчиков и мотоциклистов. Две 76-мм батареи развернулись фронтом на восток для отражения атаки до 70 танков и автоматчиков, сосредоточенных в 2 км восточнее х. Щепкина. 76-мм пушечная и минометная 120-мм батареи заняли позиции фронтом на юг, с задачей уничтожить танки и автоматчиков, наступающих мелкими группами с направления с. Красный Крым. Шесть орудий 158-го укрепрайона, которые подполковник Писарев подчинил себе, заняли огневые позиции фронтом на запад с задачей отражать танки и автоматчиков с направления с. Султан-Салы. Линии связи не наводились. Вся артиллерия вела огонь прямой наводкой. Командир 10-й батареи младший лейтенант З.М. Росинский в течение суток вел губительный минометный огонь, держа под обстрелом переправу, уничтожил вражескую минометную батарею, взвод автоматчиков, более двух рот пехоты. Командир артиллерийского взвода И.Я. Довженко прямой наводкой подбил четыре средних танка и 15 автомашин с пехотой. Командир другого артиллерийского взвода С.А. Горелов умело и хладнокровно руководил огнем двух расчетов. Взвод прямой наводкой подбил четыре средних танка, разбил 20 автомашин с пехотой [6: 78].

К 10:40 23 июля на боевые порядки 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка налетели шесть Ю-87, двухмоторных

пикирующих бомбардировщиков, сделали по восемь заходов каждый. Самолеты с высоты 7–10 м вели уничтожающий огонь бронебойно-зажигательными пулями и снарядами. После того как загорелись два трактора, по боевым порядкам дивизионов танки противника с юга и запада открыли ураганный огонь, дополненный огнем артиллерии бризантной гранатой и автоматчиками. С севера автоматчики подошли на 300–350 м, с запада и юга – 250–300 м, с юго-запада и востока были танки. На площади в радиусе до 600 м была сосредоточена масса огня, взрывались снаряды и мины, горели трактора, автомашины, взрывались свои снаряды на тракторах и горючее. Пехота 76-й бригады не выдержала и побежала на юго-восток, оставив артиллерию без прикрытия, перед угрозой непосредственной близости пехоты и танков противника. Командир 76-й отдельной морской стрелковой бригады полковник Д.Н. Долганов после этого отдал приказ пробиться на юго-запад.

После обмена мнениями с подполковником А.П. Писаревым было принято решение пробиться на юго-восток, так как в том направлении была меньшая активность автоматчиков. После этого командир бригады ушел. Писарев остался выяснять потери личного состава и матчасти. Общие потери 1-го и 3-го дивизионов в районе высоты 119,5 были таковы: десять 76-мм орудий разбито снарядами противника, разрывами своих горевших снарядов; пять 120-мм минометов разбито артогнем и огнем из танков термитными и другими снарядами. Сгорело 12 тракторов, шесть автомашин, нагруженных имуществом связи, оптикой, топографическими приборами и другим имуществом [6: 72]. Оставшиеся четыре 76-мм орудия, три 120-мм миномета с уцелевшим личным составом отходили на юго-восток от высоты 119,5 южнее дороги от с. Большие Салы к х. Щепкину, подошли к противотанковому рву обвода «А», где и стали наводить переправу. Три орудия удалось переправить через противотанковый ров, а одно орудие, прикрывавшее переправу, вместе с трактором было разбито и сожжено. Остатки 3-го дивизиона в районе переправы через ров были атакованы группой из семи немецких танков. Одна повозка с минометом, лошадьми и ездовыми была раздавлена танками, вторая повозка с минометом была разбита огнем из танка с повреждением миномета. Уже после переправы третья повозка с минометом свалилась

в противотанковый ров. Таким образом, 3-й дивизион 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка был уничтожен и как боевая единица более не существовал [6: 72].

Остатки 76-й морской стрелковой бригады вместе с выжившими гвардейцами-артиллеристами в течение трех часов сражались в окружении. К 15:30 массированными налетами авиации вся матчасть двух дивизионов 39-го артполка была уничтожена, потери личного состава превысили 50 %. Между 17:00–18:00 23 июля оставшиеся три 76-мм орудия 1-го дивизиона 39-го гвардейского корпусного артполка на подходе к северной окраине с. Мясникован были атакованы танками с направления высоты 109,4 по балке р. Темерник и одновременно авиацией с воздуха. Орудия развернулись и вступили в бой. Трактора были сожжены авиацией. Орудия разбили огнем из танков и разбомбили с воздуха. Так был уничтожен полностью 1-й дивизион 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка со всей его боевой техникой, автомашинами и прочим имуществом. К 18:00 23 июля он перестал существовать как боевая единица [6: 72].

81-я отдельная морская стрелковая бригада полковника П.К. Богдановича двумя батальонами занимала оборону на рубеже «Г» на участках 372-го и 371-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов в полосе: могила Курнакова – х. Буденный – могила Каменная. Огневую поддержку бригаде обеспечивал 2-й дивизион 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта Ивлеева, в составе 5-й батареи лейтенанта М.А. Булатевича, 6-й батареи старшего лейтенанта Н.П. Мельникова, 7-й батареи старшего лейтенанта Гнаткова.

К рассвету 22 июля 1942 г. 2-й дивизион 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка занял боевой порядок, оборудуя огневые позиции. Начальник штаба 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка майор Толочко был на наблюдательном пункте командира 81-й бригады. К 7:00 перед фронтом с направления Кирбитово на х. Буденный появились отдельные автомашины немцев. А затем автомашины пошли колоннами по 20–30 штук, накапливаясь в Буденном. К 10:00 22 июля в балке севернее хутора сосредоточилось до 200 танков и автомашин. Дивизион непрерывно вел огонь по этому скоплению. Многие машины и танки горели. Орудийный расчет 6-й батареи

в составе командира расчета Д.И. Петькова, наводчика А.И. Порубая, орудийных номеров Я.Д. Кривунды и В.Г. Насыпуева в бою 22 июля прямой наводкой подбил три средних танка, одну бронемашину, две автомашины с пехотой, два мотоцикла, уничтожил противотанковое орудие [6: 78]. К вечеру 22 июля до полутора полков пехоты и автоматчиков противника сосредоточились на южной окраине х. Буденного. Авиация противника непрерывно бомбила и штурмовала передний край обороны. К 21:00 22 июля группы автоматчиков просочились в оборону 81-й морской стрелковой бригады. Наша артиллерия вела заградительный огонь перед передним краем. В 4:00 23 июля командир 2-го дивизиона 39-го полка старший лейтенант Ивлеев был вызван к командиру 81-й бригады, от которого получил приказ немедленно сняться и занять огневые позиции в районе овощного совхоза, контрольный пункт на высоте 107,2. К 7:00 23 июля дивизион занял боевой порядок на указанном рубеже и получил задачу отразить атаку танков с направлений: балка Камышеваха и балка Щепкина. Следует отметить, что 45-мм противотанковые пушки 81-й бригады, стоявшие на позициях сзади дивизиона, вскоре ушли на переправу через Дон.

К 10:00 23 июля в балке Щепкина накопилось до 150 немецких танков и автомашин. Дивизион открыл огонь по скоплению. Отдельные группы танков курсировали по дорогам Щепкин – Большие Салы – Красный Крым. Весь день 23 июля дивизион вел огонь, уничтожая автомашины и танки. Снаряды были на исходе. В 17:00 23 июля начальник штаба артиллерии 81-й бригады приказал: «Ведите огонь до последнего снаряда, затем уходите на переправу», – и после этого сам уехал на переправу. Туда же ушла и артиллерия бригады. К 20:00 23 июля артдивизион, ведя огонь по автомашинам и танкам, израсходовал снаряды и в 21:00 начал отход на переправу. На разведку выехали комиссар дивизиона и начальник разведки, которые и донесли, что Аксайская переправа и переправа на 29-й линии разбиты.

К 23:00 второй дивизион сосредоточился на восточной опушке рощи южнее пос. Фрунзе, а через час, в полночь, остатки дивизиона вышли к Александровской паромной переправе, которая работала по переброске войск, но на переправе была огромная очередь. Только в 9:00 24 июля на паром погрузили автомашину и трактор, но на подходе к левому берегу Дона лодка понтона переломилась,

трактор и автомашина затонули. Александровская переправа перестала работать. С 10:00 дивизион начал переправлять на лодках имущество связи, разведки, топовзвода и личный состав.

К 13:00 24 июля дивизион переправил за Дон основное имущество, в том числе замки и панорамы с орудий. На переправе оставались машины, трактора и незначительное количество людей, обеспечивающих их погрузку. В 14:00 24 июля дивизион вновь пошел на Аксайскую переправу, но на восточной окраине Александровки был встречен сильным огнем автоматов, минометов и орудий прямой наводкой. Путь 2-му дивизиону был закрыт с востока, запада и севера, выхода не было, автоматчики немцев подошли вплотную. Кругом горели машины и прочее имущество. Люди, часть на лодках, часть вплавь, стали переправляться за Дон. Командир дивизиона старший лейтенант Ивлеев приказал сжечь трактора и автомашины бутылками с зажигательной жидкостью КС. Вся матчасть была сожжена. К 16:00 24 июля 2-й дивизион как боевая единица не существовал.

Таким образом, за период боев 22–24 июля 1942 г. 39-й гвардейский корпусной артиллерийский полк потерял всю матчасть артиллерии, трактора, до 60 % автомашин, до 50 % имущества связи и оптики. В полку осталось 608 бойцов и командиров, семь ручных пулеметов и 15 автоматов [4: 105]. Полком уничтожено: танков – 45, танкеток – 11, самолетов – 2, автомашин с пехотой – 127, автомашин с противотанковыми орудиями – 11, мотоциклов – 38, минометов – 15, легковых машин – 9, тягачей с горючим – 4, пулеметов станковых – 5, велосипедов – 21, бронемашин – 17, разрушено 3 переправы, истреблено автоматчиков – до 2 рот, пехоты – до 4 батальонов [6: 74]. Приказами Военного совета Закавказского фронта № 024 от 23.10.42 и № 061 от 23.11.42 от имени Президиума Верховного Совета СССР были награждены: орденом Ленина – 5 человек, орденом Красного Знамени – 11 человек, орденом Красной Звезды – 12 человек, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» – 6 военнослужащих 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка [6: 80].

Анализ документов позволил сделать достоянием общественности факты, подтверждающие подвиг воинов 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка в июле 1942 г.

### Источники и литература

1. Боевой состав Советской Армии. Ч. 2. Январь – декабрь 1942 г. М., 1966.
2. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг. / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. Ростов н/Д., 2016.
3. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997.
4. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 701. Д. 47.
5. ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 763. Д. 18.
6. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 47.
7. ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 2.

**С.И. Линец, А.С. Линец**

#### **ПЛАНИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ КРАСНОЙ АРМИИ ПРОТИВ ВЕРМАХТА В ХОДЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ в 1942–1943 гг.**

В ходе битвы за Кавказ, которая продолжалась 442 дня – с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г., Ставкой Верховного Главнокомандования были подготовлены и затем проводились Красной армией несколько стратегических, фронтовых и десантных военных операций против немецких войск. Следует отметить, что общая протяженность линии фронта в ходе битвы за Кавказ составляла более 1000 км, а глубина – до 800 км. В истории Великой Отечественной войны эта битва была одним из самых масштабных, продолжительных и значимых сражений.

Первой по времени в ходе начавшейся битвы за Кавказ была Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция. Она длилась с 25 июля и по 31 декабря 1942 г., т.е. продолжительность этой операции составила 160 суток. При этом ширина фронта оборонительных боевых действий Северо-Кавказского и Закавказского фронтов составляла 320–1000 км, а глубина отступления наших войск колебалась в пределах 400–800 км [1: 109–110]. Главной целью операции была попытка советских войск остановить наступление немецкой группы армий «А» на Кавказ и затем разгромить вражеские войска. Она проводилась вначале силами трех фронтов: Южного,

Северо-Кавказского и Закавказского. Но уже 28 июля Южный фронт был расформирован, а его ослабленные части и подразделения были включены в состав Северо-Кавказского фронта. Черноморский флот и Азовская военная флотилия помогали сухопутным войскам, сдерживавшим натиск врага.

В рамках проведения Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции во второй половине 1942 г. нашим командованием были также подготовлены и проведены шесть фронтовых оборонительных операций: Тихорецко-Ставропольская, Армавиرو-Майкопская, Новороссийская, Моздок-Малгобекская, Туапсинская и Нальчикско-Орджоникидзевская. Сами названия этих фронтовых операций свидетельствуют о том, что главная задача Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции – задержать наступление врага на Кавказ – не была в полном объеме выполнена. К середине августа 1942 г. немецкие войска захватили здесь значительные территории и вышли к предгорьям Главного Кавказского хребта. Только на этом рубеже советским войскам удалось наконец остановить продвижение танковых и моторизованных дивизий вермахта. В последующие месяцы, вплоть до конца декабря 1942 г., на Северном Кавказе шли ожесточенные бои от Новороссийска и Туапсе на западе и до Орджоникидзе и Малгобека на востоке. Бои проходили и на главных кавказских перевалах, часть из которых немецкие альпийские стрелки и горные егеря смогли захватить.

Всего в боевых действиях против наступавшего врага принимали участие 33 дивизии и 16 бригад Красной армии общей численностью более 600 тыс. чел. Безвозвратные потери советских войск в ходе проведения Северо-Кавказской стратегической оборонительной операции составили более 192 тыс. солдат и офицеров, или 31,9 % от их общего числа. Санитарные потери были определены в 181 тыс. чел. Таким образом, общие потери составили почти 374 тыс. чел. Среднесуточные потери Красной армии в ходе этой операции составили 2337 военнослужащих [5: 280]. Немецкая группа армий «А» в ходе наступления на Кавказ с конца июля и до конца декабря 1942 г. потеряла убитыми и ранеными более 140 тыс. солдат и офицеров [4: 217, 231]. Следовательно, потери Красной армии в этот период превысили потери вермахта в 2,6 раза.

Второй по счету и по времени была Северо-Кавказская стратегическая наступательная операция «Дон», которая проводилась с 1 января по 4 февраля 1943 г., т.е. в течение 35 дней. Ее осуществляли Южный, Северо-Кавказский и Закавказский фронты при поддержке кораблей Черноморского флота. Советские войска вели наступление на широком фронте – до 840 км. При этом глубина наступления составляла от 300 до 600 км. В сутки наши войска, продвигаясь с боями в среднем на 12–13 км, освободили от врага Моздок, города Кавказских Минеральных Вод, Ставрополь, Майкоп, Армавир и сотни сельских населенных пунктов. За короткий период в рамках данной стратегической операции были проведены также Сальская, Моздок-Ставропольская, Новороссийско-Майкопская и Тихорецко-Ейская фронтовые наступательные операции. Практически в течение всего одного месяца советские войска освободили от гитлеровцев оккупированные территории Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской автономных республик, Ставропольского края, часть территорий Краснодарского края и Ростовской области.

Кроме того, в последний день проведения Северо-Кавказской стратегической наступательной операции – 4 февраля 1943 г. – Черноморский флот осуществил морскую десантную операцию с целью освобождения Новороссийска от врага. Юго-западнее города, в районе Мысхако, с кораблей на берег был высажен десант, захвативший небольшой плацдарм в немецком тылу. Позже этот плацдарм был расширен до 30 км<sup>2</sup> и получил название «Малая Земля». Десантники в течение 225 дней и ночей героически отбивали многочисленные атаки врага до 16 сентября 1943 г.

Однако, несмотря на все эти успехи, главная задача, которая ставилась перед войсками Южного и Закавказского фронтов в ходе проведения Северо-Кавказской стратегической наступательной операции «Дон», не была выполнена. Она была поставлена И.В. Сталиным в директиве Ставки Верховного Главнокомандующего № 30003 от 4 января 1943 г. В этом документе, в частности, указывалось: «Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его, с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение... Задача состоит в том, чтобы



выделить мощную колонну войск... занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять ее в плен или уничтожить...» [6: 357–358]. Основным силам немецкой группировки, отступавшей на запад с территории Северного Кавказа, прежде всего 1-й танковой армии, удалось «выскользнуть» через Батайск и Ростов-на-Дону на Донбасс, где они усилили находившуюся там немецкую группировку.

В ходе проведения Северо-Кавказской стратегической наступательной операции «Дон» советские войска имели численное превосходство над противником. В составе наших фронтов и Черноморского флота находилось более 1 млн 145 тыс. солдат и офицеров, а в составе немецкой группы армий «А» – 764 тыс. чел. Общие потери Красной армии за 35 дней операции составили почти 155 тыс. чел., в том числе безвозвратные – около 70 тыс. В сутки в среднем потери составляли 4415 солдат и офицеров [1: 117].

1-я немецкая танковая армия в период с 3 января по 4 февраля 1943 г., отступая под непрерывными ударами войск Северной группы Закавказского фронта, потеряла убитыми 30 690 солдат и офицеров, пленными – 3090 чел. [6: 416].

Краснодарская фронтовая наступательная операция (называется также Краснодарско-Новороссийской) была третьей по счету военной операцией в ходе битвы за Кавказ. Она имела гриф «самостоятельная», т.е. в отличие от других ранее проведенных оборонительных и наступательных фронтовых операций, не являлась составной частью стратегических операций. Хронологически данная операция осуществлялась с 9 февраля до 24 мая 1943 г. силами Северо-Кавказского фронта (хотя уже 16 марта наши войска по приказу Ставки Верховного Главнокомандования, истощив свои силы, прекратили активные наступательные действия). К началу операции численность личного состава фронта составляла 390 тыс. чел.

Главными задачами наших войск в ходе проведения Краснодарской фронтовой наступательной операции было, во-первых, окружение и уничтожение краснодарской группировки противника, чтобы не допустить ее отхода в Крым, во-вторых, разгром группировки немецких войск в районе Новороссийска. Силами Черноморского флота планировалось блокировать Керченский полуостров и прибрежную

зону от Анапы до Феодосии и препятствовать эвакуации немецких войск в Крым [2: 743].

К сожалению, эти задачи не были в полном объеме решены. Наши войска освободили Краснодар, ряд других городов, десятки станиц и хуторов. Но это был лишь частный успех на фоне более серьезных наступательных неудач. Враг сумел планомерно отвести свои войска дальше на запад к Таманскому полуострову.

В ходе проведения Краснодарской фронтовой наступательной операции наши войска понесли тяжелые потери. Убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести числились 66 814 солдат и офицеров. С учетом санитарных потерь, а они составили более 173 тыс. чел., Северо-Кавказский фронт потерял более 240 тыс. своих солдат и офицеров, или почти 62 % от первоначальной численности своего личного состава [1: 180].

С 25 мая до 9 сентября 1943 г. заранее подготовленных Ставкой Верховного Главнокомандования каких-либо наступательных стратегических или фронтовых операций не проводилось. Северо-Кавказский фронт в этот период вел тяжелейшие бои с немецкими войсками по прорыву «Голубой линии». Она заранее была подготовлена врагом для сдерживания советских войск, наступавших на Таманский полуостров. Общая протяженность «Голубой линии» составляла 113 км, своими флангами она упиралась в Черное море в районе Новороссийска и в Азовское море севернее Темрюка. Общая глубина ее обороны, имевшей две укрепленные полосы, составляла примерно 60 км [3: 252–253]. Полностью прорвать «Голубую линию» войскам Северо-Кавказского фронта так и не удалось. Немецкое командование отводило свои войска на очередной укрепленный рубеж, сокращало линию фронта на подступах к Таманскому полуострову и высвободившиеся дивизии перебрасывало в Крым и в Южную Украину.

Заключительной операцией Красной армии в ходе битвы за Кавказ была Новороссийско-Таманская стратегическая наступательная операция. Главной ее задачей было освобождение Новороссийска и всего Таманского полуострова от немецких оккупантов. Операция проводилась силами Северо-Кавказского фронта, а также Черноморским флотом и Азовской военной флотилией с 10 сентября по 9 октября 1943 г. Ее продолжительность составила 30 суток. Ширина фронта

наступления наших войск составляла всего 80 км, глубина продвижения – 150 км. Среднесуточные темпы наступления были незначительными из-за упорного сопротивления врага – 5–6 км [5: 290].

В составе Северо-Кавказского фронта к началу наступления имелось 24 дивизии общей численностью более 317 тыс. чел. Немецкая группировка располагала 16 дивизиями и различными резервными подразделениями. Ее общая численность составляла более 400 тыс. солдат и офицеров. Следовательно, советские войска уступали врагу по численности личного состава. Тем не менее задача, стоявшая перед нашими войсками, была успешно решена, и битва за Кавказ для Красной армии завершилась победоносно. При проведении Новороссийско-Таманской стратегической наступательной операции советские войска потеряли 65 510 чел., в том числе 14 544 безвозвратно [1: 134].

В целом потери немецкой группы армий «А» убитыми, ранеными и пропавшими без вести в ходе 442-дневной битвы за Кавказ составили 421 200 чел. Враг лишился 1358 танков и САУ, более 7000 орудий и минометов, около 2000 самолетов и 22 тыс. автомашин. Людские потери Красной армии оказались большими, прежде всего из-за неудач летом и осенью 1942 г. В общей сложности мы потеряли 1 065 910 чел., т.е. примерно в 2,5 раза больше противника. Советские потери в боевой технике в оборонительных и наступательных сражениях за Кавказ оказались примерно сопоставимыми с немецкими: более 1320 танков, 6014 орудий и минометов, 1120 самолетов [1: 346–347].

Подводя итоги, отметим, что в ходе битвы за Кавказ, которая продолжалась почти 1 год и 3 месяца, или 442 дня и ночи, Красная армия провела против вермахта три стратегические и 10 фронтовых операций. Кроме того, в рамках этих оборонительных и наступательных операций были проведены также несколько десантных операций по высадке наших войск в тылу врага. Не все указанные операции закончились так, как их планировали Ставка Верховного Главнокомандования и командование фронтов. Были и неудачи, особенно в оборонительный период битвы за Кавказ во второй половине 1942 г., были и успешные операции. Но важен в данном случае конечный результат противостояния Красной армии и вермахта в этих сражениях. А он бесспорен и однозначен: немецкие оккупанты были разбиты и изгнаны с территории Кавказа.

### Источники и литература

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010.
2. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 2 кн. Кн. 2-я. 1943 г. 3-е изд. Краснодар, 2011.
3. *Линец С.И.* Завершающий этап битвы за Кавказ: сражения на «Голубой линии» (май – октябрь 1943 г.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: мат-лы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2010. С. 252–256.
4. *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 г.). Ростов-на-Дону, 2012.
5. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001.
6. *Януш С.В.* Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь, 2005.

**С.А. Киндяков**

### ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИИ ПО ЭВАКУАЦИИ ХИМИЧЕСКИХ АВИАБОМБ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1942 г. НА ТУАПСИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Операция по эвакуации химических авиабомб на туапсинском направлении, проведенная летом – осенью 1942 г., рассматривалась в публикациях и монографиях целого ряда исследователей. Наиболее подробно этот эпизод освещен в труде историка-краеведа Э.И. Пятигорского «История – это то, что было. Туапсинская оборонительная операция. Хроника. Факты. Размышления, комментарии и версии краеведа», опубликованном в Туапсе в 1992 г. [4]. За прошедшее с выхода книги время данная тема обросла значительным количеством легенд, мифов и домыслов.

Изучение достаточно большого массива материалов из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее –

ЦАМО РФ) позволило восстановить подробности этого исторического события. Дополнить картину, представленную в документах частей и соединений, также стало возможно благодаря найденным воспоминаниям его участников [3; 5]. В результате этого удалось выстроить четкую хронологию и дополнить документальную базу, собранную предыдущими исследователями.

Описание проведенной операции представляется необходимым начать с краткой справочной информации об авиационных боеприпасах, подлежащих эвакуации. Согласно имеющимся источникам, в районе станции Хадыженской были оставлены химические авиабомбы ХАБ-200. Данный боеприпас был принят на вооружение в 1939 г. и имел общую массу 180 кг. В качестве боевого отравляющего вещества в нем использовалась иприт-люизитная смесь. Также были разработаны боеприпасы, имеющие в качестве боевого отравляющего вещества хлорцетофенон. Боеприпас с таким наполнением имел обозначение ХАБ-200 УД. Площадь поражения составляла от 2 до 2,5 га.

Первая информация о нахождении в районе железнодорожной станции химических авиабомб поступила от командования 17-го кавалерийского корпуса, химическая служба которого осуществила эвакуацию первых боезарядов. 16 августа командованием 18-й армии был подготовлен приказ, в соответствии с которым задача по эвакуации боезарядов была возложена на начальника химической службы армии. Заместитель командира инженерных войск получил задачу по обеспечению операции людьми и транспортными средствами. Огневое прикрытие участников операции было возложено на командира 967-го стрелкового полка [6: 358]. Также в документе указывается, что количество обнаруженных авиабомб составляло около 150 штук.

Было установлено, что на момент издания приказа 967-й стрелковый полк находился на Сталинградском фронте, следовательно, в документе имеется ошибка в указании номера воинской части. В связи с этим с высокой долей вероятности можно предположить, что речь в документе идет о 976-м стрелковом полке 261-й стрелковой дивизии, который в это время занимал данный участок обороны. Также необходимо отметить, что все собранные на сегодняшний день источники сообщают разное количество оставленных боеприпасов: оно варьируется от 150 до 250 единиц.

Ход самой эвакуации удалось восстановить благодаря воспоминаниям ее непосредственных участников, а также информации, зафиксированной в наградных листах. Анализ этих материалов позволил установить, что активная фаза операции пришлось на 19–24 сентября 1942 г., о чем, кроме упомянутых источников, также свидетельствует журнал боевых действий 32-й гвардейской стрелковой дивизии. Согласно этому документу, одна авиабомба была извлечена из нейтральной полосы 11 сентября. В ночь с 19 на 20 сентября было эвакуировано четыре авиабомбы, 22 сентября было вывезено еще 12 боезарядов, 23 сентября эвакуировано 179 авиабомб. Всего подразделениями 32-й гвардейской стрелковой дивизии эвакуировано 196 авиационных боеприпасов [7: 26–28].

В проведении этой операции были задействованы части 82-го гвардейского стрелкового полка, штрафная рота отдельного штрафного батальона Черноморской группы войск, саперная рота 34-го саперного батальона 32-й гвардейской стрелковой дивизии и ряд других подразделений.

Действия указанных частей достаточно подробно описаны в воспоминаниях командира 82-го гвардейского полка А.Н. Казакова, который сообщает следующие: «Нашими отступающими частями на нейтральной стороне перед противником оставлен склад специальных авиабомб в количестве 250 штук. Об этом складе противник не знал, чтобы вытащить эти бомбы, погрузить на автомашины и перевезти в тыл, надо было сбить противника с высоты перед нейтральной полосой. Для выполнения этой задачи полку был передан один штрафной офицерский батальон. Саперный батальон 32 гктсд и автомашины “Студебекер” с задачей погрузки авиабомб и перевозки их на переданных автомашинах» [1: 6].

Сравнительный анализ данных воспоминаний с архивными материалами показал, что А.Н. Казаков достаточно подробно передал хронологию и процесс организации эвакуационных мероприятий. Однако есть и некоторые неточности, связанные с участием в операции всего личного состава штрафного батальона, которое не подтверждается имеющимися архивными источниками. Также существуют разночтения в указании количества вывезенных авиабомб, зафиксированного на страницах журнала боевых действий 32-й гвардейской

стрелковой дивизии. Кроме того, собранные на сегодняшний день источники не позволили установить причины, по которым данная эвакуация не была осуществлена сразу после издания приказа 18-й армии от 16 августа 1942 г.

Возвращаясь к описанию операции, необходимо сказать, что для обеспечения условий ее успешного проведения силами штрафной роты и подразделений 82-го гвардейского стрелкового полка было организовано наступление с целью отодвинуть передний край противника от района нахождения боеприпасов. В результате этого наступления линия обороны противника была отодвинута на 100–150 м. В условиях резкопересеченной горно-лесистой местности это существенно улучшило возможности советских войск для успешного завершения операции.

По воспоминаниям заместителя начальника артиллерийского снабжения 32-й гвардейской стрелковой дивизии, после выноса из нейтральной полосы авиабомбы доставлялись в район села Навагинское, откуда производилась дальнейшая транспортировка [3: 1].

Записи в наградных листах участников эвакуации показывают, что, несмотря на предпринятые меры и проведенную подготовку, поставленная задача была крайне сложной. Существовала реальная опасность химического заражения местности. Об этом, в частности, свидетельствует информация из наградного листа одного из участников операции подполковника Ушанги Кайсаровича Тавадзе. Согласно этой записи, 28 сентября при погрузке авиабомб на одном из этапов транспортировки был совершен авианалет. В ходе авианалета один из боеприпасов получил осколочное повреждение, в результате которого началась утечка отравляющего вещества. Однако умелыми действиями У.К. Тавадзе данный боезаряд был обезврежен, опасность поражения людей и окружающей территории ликвидирована. За свой подвиг подполковник Тавадзе был награжден орденом Красной Звезды [2: 1]. По итогам проведенной операции многие ее участники были награждены высокими правительственными наградами – орденами Ленина, Красной Звезды, Боевого Красного Знамени, медалями «За отвагу».

В заключение необходимо отметить, что, несмотря приведенные сведения, в истории данной операции остается еще достаточное

количество неизвестных страниц, исследование которых будет продолжено в дальнейшем.

### Источники и литература

1. *Казаков А.Н.* Воспоминания бывшего командира гв. майора 82-го гвардейского стрелкового полка 32-й гвардейской Краснознаменной Таманской стрелковой дивизии, которая принимала активное участие в Туапсинской операции с августа м-ца 1942 года // Архив Туапсинского историко-краеведческого музея им. Н.Г. Политаева [б.д.]. 21 с.
2. Наградной лист Тавадзе Ушанги Кайсаровича // Память народа. 1941–1945. URL: [https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek\\_nagrazhdenie22270467/](https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie22270467/) (дата обращения: 17.10.2020).
3. *Петракович В.А.* Воспоминания ветерана 32 гв. стр. дивизии 82 гв. стр. полка // Архив музея СШ № 25 ст. Куринской. [б.д.]. 1 с.
4. *Пятигорский Э.И.* История – это то, что было. Туапсинская оборонительная операция. Хроника. Факты. Размышления, комментарии и версии краеведа. Туапсе, 1992.
5. *Федотов М.И.* Воспоминания ветерана 32 гв. стр. дивизии 82 гв. стр. полка // Архив музея СШ № 25 ст. Куринской. [б.д.]. 1 с.
6. ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 75.
7. ЦАМО РФ. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 4.

**И.В. Киселев**

### **ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ 1942–1943 гг.:** **опыт статистического исследования**

Изучение вопроса о людских потерях в любой войне, наряду с морально-нравственным аспектом, имеет большое научное значение. Это позволяет оценить эффективность действий войск, их потенциал и численность личного состава. Возможности сопоставить данные противоборствующих сторон придают этим знаниям особенную ценность.

Применительно к событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Северном Кавказе этот вопрос разрешен лишь отчасти. Если демографические потери населения регионов Юга России



оказались проанализированы достаточно глубоко [9: 256], то урон, понесенный противоборствующими сторонами в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг., оценен в самом общем виде. Очевидна необходимость сравнить их и проследить динамику на протяжении всех 15 месяцев боевых действий на Северном Кавказе.

Сведения о потерях советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне открыто были озвучены только в 1990-е гг. За весь период битвы за Кавказ они оценивались почти в 950 тыс. чел. – 344 390 безвозвратных и 605 122 санитарных [4: 476]. Однако более детальные данные по различным этапам этого сражения не приводились. Даже в изданиях, вышедших под редакцией Г.Ф. Кривошеева, содержатся сведения только об отдельных стратегических операциях в период боев на Северном Кавказе [6: 180, 183, 194]. Если же говорить о современных зарубежных авторах, то в своих оценках советских потерь они, как правило, опираются на опубликованные отечественные данные.

При обращении к оперативным документам фронтового, армейского и дивизионного звена часто встречаются указания на неполноту данных о потерях. Наиболее точная информация по этому вопросу приводится в сводных донесениях о потерях личного состава. По войскам Закавказского фронта выявленные документы охватывают период с октября по декабрь 1942 г. [12: 102], по Северо-Кавказскому фронту – с февраля по октябрь 1943 г. [11]. Восполнить пробел за январь 1943 г. позволяет опубликованная коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева статистика по Северо-Кавказской наступательной операции, проводившейся с 1 января по 4 февраля 1943 г. Выполненные автором расчеты позволяют утверждать, что в ходе освобождения Северного Кавказа Закавказский и Северо-Кавказский фронты потеряли 520 тыс. чел., в том числе более 120 тыс. чел. безвозвратно [8: 116].

Неохваченными остались август и сентябрь 1942 г. – самое тяжелое для Красной армии время борьбы на Кавказе. Убыль и перемещение личного состава в связи с отступлением войск Северо-Кавказского фронта, их передачей в Закавказский фронт, переформирование многих частей и соединений затруднили учет потерь и соответствующих документов. В эту статистику не включены сведения советского Военно-морского флота и войск НКВД, участвовавших в битве за Кавказ.

Но есть основания полагать, что наибольший урон их подразделения также понесли в первые месяцы сражения, а впоследствии их доля в общей массе советских потерь в Северо-Кавказском регионе оказалась незначительна. К примеру, за все время обороны Кавказа убыль личного состава флота составила около 1,3 % от общей массы советских потерь, а в ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции – менее 2 % [10: 280, 290].

Информация о размерах общих потерь советских войск в сравнении с общими потерями вермахта за каждый месяц битвы за Кавказ представлена на рисунке 1.

В изданиях советского периода говорилось о том, что в 1942 г. противник потерял свыше 100 тыс. чел., а в 1943 г. – 275 тыс. погибших и 6 тыс. пленных [3: 100–101]. Та же информация тиражируется и в большинстве новейших российских исследований. Пожалуй, только в монографии «Война. Юг. Перелом» озвучена иная цифра потерь вермахта на Северном Кавказе – 421 тыс. чел. [5: 231]. А так как основой для этих сведений стали советские документы, то они нуждаются в проверке и уточнении. Обобщение ежемесячных итоговых оперативных сводок Северо-Кавказского и Закавказского фронтов показало, что противоречия возникали даже при учете захваченных в плен солдат и офицеров противника. В общей сумме их оказалось не более 14 тыс. чел.

Говоря об убыли личного состава вермахта в этом сражении, современный американский историк Р. Форчик приводит следующие данные. В период с 25 июля 1942 г. по 30 января 1943 г. на Северном Кавказе по боевым причинам вермахт лишился более 72 тыс. солдат и офицеров [13: 91] и еще 57,5 тыс. – в боях на Кубани с февраля по октябрь 1943 г. [14: 90]. Всего – более 129,5 тыс. чел. Еще 54,5 тыс. военнослужащих недосчитались румынские союзники немцев.

Однако произведенные автором подсчеты с привлечением данных 10 дневных сводок отдела учета потерь вермахта показали, что количество погибших, раненых и пропавших без вести в 1-й танковой и 17-й полевой армиях в период их действий на Северном Кавказе превысило 138 тыс. чел. Более того, изучение германских документов армейского звена позволяет утверждать, что и эта цифра не окончательна. В той же 1-й танковой армии, по данным ее медико-санитарной

службы, боевые потери с августа по декабрь 1942 г. оказались на 10 % больше, нежели указывалось отделом учета потерь вермахта [7: 52].

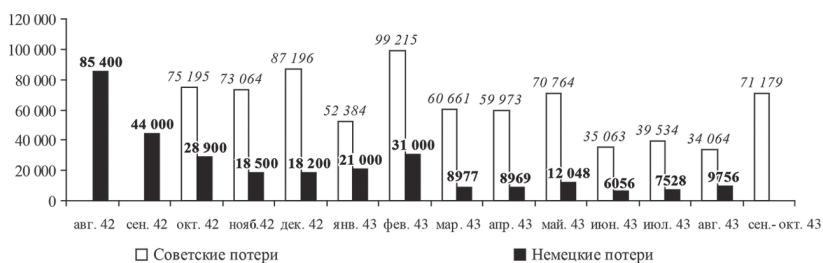
Выявленные противоречия в оценках, а также существенная разница между потерями Красной армии и войск стран «оси» не могут не вызвать вопросов. К тому же декадные сводки позволяют отследить только динамику боевых потерь, обозначенных в германских источниках как «кровавые» – “Blutige Verluste”, но не дают представления о сокращении численности немецких войск по небоевым причинам.

Более полная картина убыли личного состава германской армии представлена в обзоре, подготовленном для командования сухопутных войск. Основанием для него послужили ежемесячные данные персонального учета личного состава воинскими частями и медицинскими учреждениями. В эту статистику включены не только боевые потери, но и небоевые – те, кто покинул действующую армию по болезни. По каждой группе армий были проведены отдельные подсчеты, что дает необходимую информацию практически за весь период битвы за Кавказ – с августа 1942 г. по август 1943 г. включительно. За это время группа армий «А», чьи дивизии вели боевые действия исключительно на кавказском направлении, лишилась 300 тыс. чел. [15].

Использовать информацию за сентябрь – октябрь 1943 г. не представлялось возможным, так как в состав группы армий «А» вошла 6-я немецкая армия, сражавшаяся в Донбассе. В эту статистику не включена убыль личного состава авиационных соединений люфтваффе, подразделений военно-морских сил и формирований коллаборационистов. Если суммировать сказанное выше, общие потери германских войск в битве за Кавказ составили не менее 310–315 тыс. чел.

Если говорить о союзниках Германии, то опубликованные данные о потерях румынской армии отрывочны. В обзоре, посвященном этой проблеме, приводятся данные о 39 074 погибших, раненых и пропавших без вести в ходе боев на Северном Кавказе [17], то есть почти на четверть меньше, чем те, о которых писал Р. Форчик. Сражавшаяся на территории Кубани словацкая моторизованная дивизия, исходя из расчетов ее численности и полученных пополнений, сократилась наполовину. Поэтому лишилась по меньшей мере 4,5 тыс. чел. как по боевым, так и по иным причинам.

Наличные данные позволили сопоставить статистику общих потерь Красной армии и вермахта на протяжении почти всей битвы за Кавказ, то есть убыль как по боевым, так и иным причинам (рис. 1). Даже беглое изучение статистических данных вызывает ряд вопросов. Станным представляется значительное сокращение численности подразделений вермахта в августе 1942 г. В примечаниях к обзору для командования сухопутных войск Германии сами составители объясняли этот факт перераспределением войск между группами армий «А» и «Б». Более значимой проблемой представляется существенная разница между советскими и немецкими потерями. Этот факт лишь отчасти можно объяснить отсутствием в статистике вермахта данных по личному составу других видов вооруженных сил Германии, формирований коллаборационистов и войск союзников. По своим размерам они заметно уступали сражавшимся на Кавказе германским сухопутным войскам. В частности, из числа 271 641 солдата и офицера, эвакуированного с Таманского полуострова в сентябре – октябре 1943 г., союзники и «добровольцы» составили 78 625 чел., то есть 29 % [16].



**Рис. 1.** Общие потери Красной армии и вермахта в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг.

Сохранение определенных лакун пока не позволяет разрешить всех проблем, связанных с потерями советских войск и флота, вооруженной Германии и ее союзников в битве за Кавказ. Тем не менее существующая информация позволяет проследить динамику советско-германского противостояния в Северо-Кавказском регионе.

Так, в абсолютных цифрах и Красная армия, и вермахт понесли наибольший урон в период германского наступления на Северном Кавказе в 1942 г. и зимой 1942–1943 гг., когда противник с боями отходил в направлении Таманского полуострова и Ростова-на-Дону. Весной и летом ежемесячные потери немцев снизились в среднем в три раза. Сложились два фактора – снижение интенсивности боевых действий и сокращение численности группы армий «А». Если в ноябре 1942 г. она достигала 775 тыс. чел. [1: 483], то к началу февраля 1943 г. ее состав сократился до 390 тыс., а в июне – до 288 тыс. солдат и офицеров [2: 11].

Абсолютные цифры убыли личного состава Северо-Кавказского фронта весной – летом 1943 г. также сократилась, но не столь существенно, как у противника. Причем в мае и сентябре, когда Красная армия предпринимала попытки прорыва Голубой линии, масштабы ежемесячного урона повышались до показателей, сравнимых с боями осени 1942 г. – зимы 1943 г. При этом численность советских войск на Северном Кавказе снизилась с 813 тыс. бойцов и командиров в ноябре 1942 г. [1: 484] до почти 400 тыс. в первой декаде февраля 1943 г. и 413 тыс. чел. в июне [2: 12]. А значит, в процентном отношении от общей массы войск доля потерь только возросла. Правда, процент безвозвратных потерь упал практически вдвое, с 51,5 % в 1942 г. до 23,1 % в 1943 г.

Формат публикации не позволяет более глубоко проанализировать различные категории потерь Красной армии и вермахта, дать оценку тем факторам, что влияли на убыль личного состава на разных этапах битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Отчасти эта работа уже проделана автором, и ее результаты озвучены в упомянутых выше публикациях. Из приведенных здесь цифр видно, что общая величина советских потерь заметно превышала тот урон, который понесли войска Германии и ее союзников. К сожалению, такова была цена победы на Северном Кавказе.

### Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: в 2 т. Т. 1. М., 2010.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: в 2 т. Т. 2. М., 2010.

3. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985.
4. Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 1 / гл. ред. И.Н. Родионов. М., 1997.
5. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д., 2012.
6. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.
7. *Киселев И.В.* Людские потери германских войск в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 1. С. 50–56.
8. *Киселев И.В.* Цена освобождения. Людские потери советских войск в ходе наступления на Северном Кавказе в 1943 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. Т. 9 (1). С. 112–118.
9. *Кринко Е.Ф.* Демографические последствия Второй мировой войны для юга РСФСР // 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке: мат-лы Междунар. науч. конф. М.; СПб., 2020. С. 244–267.
10. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.
11. Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 21.04.2023).
12. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 432.
13. *Forczyk R.* The Caucasus 1942–43. Kleist's race for oil. Oxford, 2015.
14. *Forczyk R.* The Kuban 1943: The Wehrmacht's last stand in the Caucasus. Oxford, 2018.
15. National Archives and Records Administration (далее – NARA). Т. 78. R. 415. Fr. 6 384 069–6 384 070.
16. NARA. Т. 311. R. 154. Fr. 7 202 743.
17. România în al doilea război mondial. URL: <http://dambroca.com/cap-1-istoria-tarii-05.htm> (дата обращения: 21.04.2023).

У.Б. Очиров

**ПОЛКОВНИК ВАСИЛИЙ ХОМУТНИКОВ –  
ГЕРОЙ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ<sup>1</sup>**

Битва за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) стала одной из наиболее продолжительных (442 суток) во Второй мировой войне. Победа в ней стала плодом усилий многих военнослужащих Красной армии, каждый из которых внес свой вклад в успех. Одним из них был мой земляк – полковник Василий Алексеевич Хомутников (1891–1945).

В.А. Хомутников родился 5 декабря 1891 г. в семье казака-калмыка Денисовской (Богсрахинской) станицы Области войска Донского. В 12 лет осиротел, был вынужден оставить школу и начал батрачить. В 1912–1917 гг. служил в Российской императорской армии, во 2-м Донском казачьем полку. Хорошо владел лошадьёю, был мастером джигитовки [6: 91]. В 1913 г. его произвели в старшие урядники. Участник Первой мировой войны, был награжден Георгиевским крестом, имел ранение, получил отравление при газовой атаке. В 1917 г. Хомутникова избрали членом сотенного и полкового комитетов, назначили командиром сотни. Осенью 1917 г. он вступил в отряд «Защита прав трудового казачества», в составе которого участвовал в Октябрьском вооруженном восстании, штурме Зимнего дворца и подавлении мятежа Керенского – Краснова [10: 35].

В декабре 1917 г. Хомутников вступил в РКП(б) и в составе отряда казаков-агитаторов отправился на подавление калединского мятежа на Дон [8]. Весной 1918 г. выехал в Сальский округ, был назначен заместителем командира 1-го Донского кавалерийского полка (далее – кп), затем – отряда им. Стеньки Разина. Летом 1918 г. Хомутников впервые выступил с инициативой создания калмыцкой национальной части. В июле он работал в составе мобилизационной комиссии в западных улусах Калмыкии, однако реализовать эту идею не удалось. В 1919 г. Хомутников работал в Калмыцком агитационно-просветительском подотделе (под руководством Х.Б. Канукова) политотдела 10-й армии [11: 54]. В мае 1919 г. Канукова и Хомутникова перевели во вновь фор-

<sup>1</sup> Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (№ госрегистрации 122022700134-6).

мируемую Калмыцкую кавалерийскую дивизию (далее – кд) 11-й армии, испытывавшей острую нехватку командного состава, владеющего калмыцким языком. Хомутникова назначили командиром эскадрона. Однако формирование кавдивизии оказалось сорвано, а ее остатки были переданы 10-й армии.

Революционный военный совет 10-й армии назначил Канукова командиром Калмыцкой кавалерийской бригады, а Хомутникова – командиром 1-го кп. Благодаря умелой работе и грамотному подбору кадров обучение прошло успешно, и уже в сентябре 1919 г. 1-й Калмыцкий кп выступил на фронт. В составе 3-й кавбригады Сводно-конного корпуса Б.М. Думенко полк Хомутникова успешно сражался на Верхнем Дону [2: 25–30]. Василий Алексеевич был ранен, представлен к ордену Красного Знамени, но представление затерялось. После излечения в феврале 1920 г. Хомутников вновь возглавил 1-й Калмыцкий кп, участвовал в боях на Нижнем Дону. С мая 1920 г. и до января 1921 г. полк вел борьбу с отрядами белых, зеленых, националистов в Терской области. Хомутникова вновь представили к ордену Красного Знамени, но и это представление исчезло [13: 49].

В начале 1921 г. Х.Б. Кануков получил в Регистрационном управлении РККА задание подобрать группу командиров, знающих калмыцкий язык (родственный монгольскому), в качестве инструкторов для участия в революции в Монголии [12: 281]. Хомутников отобрал для этой цели 14 командиров и одного рядового бойца, которые весной 1921 г. прибыли в Монголию и приняли активное участие в боях с войсками Р.Ф. фон Унгерна. Хомутников был назначен инструктором (фактически командиром) 1-го Монгольского кп. В 1922 г. он участвовал в тайной дипломатической и разведывательной миссии в Тибет, а после смерти ее руководителя возглавил экспедицию и довел дело до конца. В ноябре 1922 г. он был назначен командиром курсантского дивизиона при военной школе в Урге, в мае 1923 г. – инструктором 1-го Монгольского кп [1: 813–814]. По итогам спецкомандировки Хомутников 2 февраля 1925 г. был награжден орденом Красного Знамени № 8047(1) [13: 49]. В 1924–1926 гг. он обучался на кавалерийских курсах усовершенствования командного состава в Ленинграде и Новочеркасске. В сентябре 1926 г. Хомутников был назначен командиром полка 2-й кд, а в апреле 1927 г. убыл в новую командировку



в Монголию. Сначала он командовал кавалерийской школой Монгольской народно-революционной армии, а затем стал инструктором 4-го кп (фактически всего Западного (Кобдоского) военного округа). 5 июля 1929 г. он получил четвертое ранение на службе Отечеству [8].

После излечения 17 февраля 1930 г. Хомутников был назначен военным комиссаром Калмыцкой автономной области. Василий Алексеевич провел большой объем работы на этом посту, безуспешно продвигал идею создания калмыцкого национального полка [13: 49], активно участвовал в работе партийных и советских органов, пользовался авторитетом в народе. В 1932 г. земляки выступили с инициативой наградить его орденом Красного Знамени, но успеха не добились [2: 101–103]. В 1933 г. Хомутников возглавил Калмыцкий облисполком, а с 1935 г. стал председателем ЦИК Калмыцкой АССР. При этом в июле 1933 – июле 1936 г. он числился в резерве РККА, был аттестован полковником. В 1937 г. после реорганизации органов власти СССР он стал первым председателем Верховного совета Калмыцкой АССР. Репрессии «Большого террора» не обошли его стороной. В 1938 г. В.А. Хомутникова исключили из ВКП(б) и сняли со всех должностей. Однако ему удалось добраться до Москвы, добиться оправдания и восстановиться в 1939 г. в ВКП(б) [14: 43–45].

В начале войны Хомутников вернулся в армию и вновь предложил сформировать калмыцкую национальную часть. В июле 1941 г. он прошел переподготовку на курсах «Выстрел» и получил назначение в конное депо Юго-Западного фронта. Тем временем инспекция кавалерии РККА, которой руководил О.И. Городовиков, начала формирование Особого (позже 189-го) Калмыцкого кп. В начале сентября Хомутников был назначен его командиром, но вскоре его перевели в Новосибирск командиром 230-го кп 75-й кд. В ноябре она была переведена в состав 10-й резервной армии, а 5 декабря 1941 г. приняла участие в контрнаступлении под Москвой. 75-я кд, несмотря на нехватку вооружения и амуниции, успешно действовала в составе кавалерийской группы В.А. Мишулина, а затем 1-го гвардейского кавалерийского корпуса (далее – кк) П.А. Белова.

В конце декабря 1941 г. Хомутников получил новое назначение – заместителя командира вновь формируемой 110-й Калмыцкой кд. В ее состав вошли 273, 292-й и 311-й кп, конно-артиллерийский

дивизион и другие подразделения. Командиром 110-й кд в январе 1942 г. стал полковник В.П. Панин. Хомутников, пользовавшийся в Калмыкии огромным авторитетом, сыграл важную роль в формировании 110-й кд. Весной 1942 г. соединение было принято на бюджет Наркомата обороны и выступило в состав Северо-Кавказского фронта [15: 42]. В условиях нехватки войск 110-й кд поручили оборону 58-километрового участка между Багаевской и Семикаракорской, включив ее в состав 51-й армии. 110-я кд не имела зенитной артиллерии и пулеметов, но тем не менее сумела обеспечить защиту от ударов люфтваффе порученных ей переправ, через которые были выведены управление Южного фронта, большая часть 37, 24-й и 9-й армий, более 425 тыс. чел., 215 танков, около 1300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин и др. [4: 59].

18 июля к позициям 110-й кд подошла моторизованная дивизия (далее – мд) «Великая Германия», имевшая многократное превосходство, особенно в огневой и технической мощи. Позже «великогерманцы» были усилены артиллерийскими и саперными частями, 16-й мд, объединенными под управлением 3-го танкового корпуса (далее – тк). Несмотря на это, 110-я кд (переданная к тому времени в состав 37-й армии) удерживала свои позиции, не отступив, даже когда немцы прорвались в тыл и обошли калмыцких конников с трех сторон. Формально уже 25 июля началась битва за Кавказ, но 110-я кд еще сражалась на Дону. Лишь 26 июля, когда бои шли на позициях штаба и конно-артиллерийского дивизиона, пришел приказ об отступлении. 110-я кд отошла от Дона последней, если не считать 156-й стрелковой дивизии, до которой приказ об отступлении не дошел вовсе.

Калмыцкое соединение заняло позиции на Маныче. Вечером 28 июля начдив В.П. Панин выехал в штаб армии, но в этот момент пришел приказ о срочном отступлении на юго-восток. Хомутникову пришлось возглавить 110-ю кд и повести ее в бой [3: 131]. Калмыцкое соединение в авангарде 37-й армии 2 августа прорвало кольцо окружения противника в районе Сальска. 4 августа 110-я кд заняла позиции в районе с. Донское, к северу от Ворошиловска (Ставрополя), весь день отбивала вражеские атаки. Однако немцы обошли эти позиции и в тот же день вошли в Ворошиловск. Хомутникову вновь пришлось отступать. Только 10 августа 110-я кд вышла к позициям 9-й армии.

Военный совет Северной группы войск (далее – СГВ) Закавказского фронта доукомплектовал 110-ю кд за счет 15-го запасного кп и вывел на переформирование в станицу Вознесенскую, где уже находилась группа полковника В.П. Панина, вновь возглавившего дивизию. По итогам боев на Дону и отступления к Моздоку Панин представил Хомутникова к ордену Ленина. Однако это представление вернулось как неправильно оформленное, а восстанавливать его не стали.

Командующий 9-й армией генерал-майор В.Н. Марцинкевич к 110-й кд относился с недоверием и считал нужным назначить нового командира – подполковника А.И. Лисицына. Однако вскоре Марцинкевича отстранили от должности, а 110-ю кд перевели в район Кизляра, в состав 44-й армии. Ее командующим был хорошо известный в войсках защитник Одессы и Севастополя И.Е. Петров, который много лет служил в национальных частях и понимал важность национальных командных кадров для таких формирований. Уже 28 августа Хомутников был назначен командиром 110-й кд, а само соединение было направлено в Калмыкию для доукомплектования национальным личным составом. После прибытия в Калмыкию 110-я кд принимала участие в обороне железной дороги Кизляр – Астрахань.

Тем временем 1-я танковая армия вермахта начала Моздокско-Малгобекскую операцию, пытаясь прорваться к грозненской нефти через долину Алхан-Чурт. Немцам удалось вклиниться в позиции войск 9-й и 37-й армий, форсировать Терек и захватить часть Малгобека. Чтобы остановить врага, командование СГВ организовало удар нашей кавалерии через ногайские степи в тыл 1-й танковой армии. В распоряжении СГВ к тому времени были лишь 30-я и 110-я кд. Поэтому 9 сентября командарм И.Е. Петров отозвал из Калмыкии 110-ю кд, которая 13 сентября была объединена с 30-й кд в сводный корпус под командованием полковника В.С. Головского и выступила к Терекли-Мектебу. Части 110-й кд захватили центральную усадьбу совхоза № 7 «Моздокский», населенные пункты Тарский, Михайловский, Полтавский, перерезав дорогу Курская – Моздок [5: 168].

19 сентября немцы остановили атаки на малгобекском направлении и сместили вектор основного удара на Эльхотовские ворота. Часть 13-й тд была брошена против кавалеристов. 110-я кд вступила с ней бой в районе Ага-Батыр. К тому времени Хомутников был отозван

для формирования новых калмыцких частей, а новым командиром 110-й кд стал полковник В.К. Терентьев из 30-й кд. После завершения Моздокско-Малгобекской операции немцы и коллаборационисты попытались окружить корпус Головского, но наши части выскользнули из намечавшегося котла. В конце сентября личный состав 110-й кд был отправлен на доукомплектование 30-й кд, а управление соединения вывели для доформирования. Командиром 110-й кд вновь был назначен Хомутников [3: 157–158].

Василий Алексеевич, используя свой авторитет, провел огромную работу в родной республике для укомплектования национального соединения, вел активную переписку с Совнаркомом и обкомом, участвовал в митингах, обращался с призывами к населению. К тому времени часть улусов была оккупирована противником, а из оставшихся молодежь призывного возраста уже вывезли в тыл. На призывные пункты прибывала молодежь 16–17 лет, «старики» старше 50 лет, а также находившиеся на долечивании ветераны. Из Новочеркасского училища приехала группа офицеров-калмыков. Обком и Совнарком обратились к А.И. Микояну с просьбой передать в 110-ю кд 1000 рыбаков-калмыков из Каспийской рыболовецкой военизированной флотилии [7: 285–286].

К 13 ноября 1942 г. в 110-й кд было всего лишь 2719 чел. [3: 166], но командование СГВ вновь решило ввести ее в бой. В этот период было решено создать конную армию для рейда по ногайским степям, чтобы повторить успех корпуса Головского в большем масштабе. 12 ноября Ставка ВГК директивой № 170687 утвердила это решение. В состав конной армии планировалось включить семь кд (включая 110-ю кд), танковую и мотострелковую бригаду, три танковых полка, четыре бронеполка и мотоциклетных батальона, четыре артиллерийских полка, полк «катюш», четыре полка ПВО. С воздуха ее должна была прикрывать специально выделенная авиадивизия. Однако доводы противников конной армии пересилили, и 20 ноября ее расформировали [16: 121–122].

16 декабря 110-й кд, получившей наконец артиллерию и пополненной до 2,8 тыс. чел., была поставлена боевая задача прикрыть наступление 4-го гвардейского Кубанского кк и активными действиями в направлении Ямангой, Ачикулак и Иргаклы сковать противника [3: 171].

Однако эти и близлежащие села, превращенные в опорные пункты, оборонялись корпусом особого назначения «Ф» при поддержке частей 3-й тд и 111-й пехотной дивизии, поэтому атаки нашей кавалерии успеха не имели.

С 4 января 1943 г. Калмыцкая кд, подчиненная 4-му гвардейскому кк, приняла участие в Северо-Кавказской наступательной операции. Вскоре из семи кд, усиленных танковыми бригадами и полками, была создана конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко (фактически конная армия), но обогнать отступавшего и огрызавшегося противника ей не удалось. Тем не менее, дивизии Хомутникова в ходе преследования удалось достичь впечатляющих результатов. За первые 10 дней наступления 110-я кд освободила 28 населенных пунктов, уничтожила сотни офицеров и солдат противника, 43 – захватила в плен, взяла в качестве трофеев 281 лошадь, 21 танкетку, 2 бронемшины, 16 автомашин, 7 тягачей, 10 орудий, 7 пулеметов, 231 автомат, 5 мотоциклов [3: 187].

В районе с. Иргаклы Каясулинского района взвод младшего лейтенанта Пюрвя Саткуева во время дерзкого налета уничтожил 50 и взял в плен 30 солдат врага. Разведывательный дивизион лейтенанта Басана Арбакова, созданный в составе эскадрона, роты мотоциклистов и автороты на трофейной технике, в районе ст. Петровское (ныне г. Светлоград), уничтожил более 100 немцев, 40 – взял в плен, захватил 10 танков, 18 бронемашин, 35 автомобилей, большое количество паровозов, вагонов, груженных зерном, скотом и др. Здесь калмыцкие воины освободили 300 граждан, главным образом, юношей и девушек, которых фашисты собирались угнать в Германию. В бою за станцию Рогатая Балка эскадрон лейтенанта Давида Утнасунова атакой в конном строю уничтожил 80 солдат и офицеров противника. 22 января 110-я кд вступила на территорию Калмыкии и освободила п. Башанта. 24 января она освободила с. Лопанка, 25 января – Средний Егорлык. В начале февраля 1943 г. соединение, в котором осталось около 11 % калмыков, было расформировано, а его личный состав обратили на пополнение 4-го гвардейского Кубанского кк [3: 192].

Всего в оборонительных и наступательных боях в ходе битвы за Кавказ 110-я кд прошла свыше 1500 км, из них в наступательных боях зимой 1942–1943 гг. – более 600 км, освободила более

100 населенных пунктов Калмыцкой АССР, Орджоникидзевского (Ставропольского) края и Ростовской области, в том числе Буденновск, Прасково, Развилную, Мокрую Буйволу, Петровскую, Винодельное, Ачикулак, Каясулу, Арзгир, Ипатово, захватила 1,5 тыс. вагонов, более 80 автомашин, огромное количество другой техники и боеприпасов, несколько сотен пленных [3: 426–428]. Несмотря на этот впечатляющий результат, В.А. Хомутников за свои заслуги в боях на Дону и битве за Кавказ не был отмечен ни одной боевой наградой.

После расформирования 110-й кд Хомутников находился в резерве 4-го гвардейского Кубанского кк, но из-за отсутствия вакансий был направлен в пехоту. В августе 1943 г. – январе 1944 г. являлся заместителем командира 233-й стрелковой дивизии (далее – сд), в боях на Украине был трижды ранен, отличился при взятии Кременчуга, награжден орденом Красной Звезды [9]. В марте 1944 г. Хомутникова назначили заместителем командира 41-й Корсунской гвардейской сд, но вскоре отозвали, как и всех офицеров-калмыков, чтобы перевести на тыловую работу. Однако, используя свои связи, он добился возвращения на фронт. В июле – августе 1944 г. был заместителем командира 206-й Корсунской сд, но взаимоотношения с начдивом не сложились. В августе 1944 г. Хомутникова перевели на должность заместителя командира 180-й Киевской Краснознаменной сд. В новом соединении он сразу показал себя с наилучшей стороны, неоднократно отличился в боях на территории Румынии в ходе Яско-Кишиневской операции. За эти успехи начдив генерал-майор В.А. Киндюхин представил отважного калмыка к ордену Суворова III степени, который командующий 27-й армией генерал-полковник С.Г. Трофименко заменил на орден Богдана Хмельницкого II степени [9]. После этого наградной лист «завис» в штабе 2го Украинского фронта.

В ноябре 1944 г. полковник Хомутников был награжден вторым орденом Красного Знамени (за выслугу лет). За отличия при освобождении Украины он получил от имени Верховного Главнокомандующего 11 благодарностей. В январе 1945 г. Хомутников принял участие в штурме Будапешта. 2 февраля он был смертельно ранен. 24 февраля полковника Хомутникова похоронили на Новодевичьем кладбище. Лишь 30 апреля 1945 г. «зависший» наградной лист был реализован орденом Отечественной войны I степени [9].

### Источники и литература

1. *Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 г. М., 2012.
2. *Бембеев В.Ш.* Человек из легенды. М.–Элиста, 1991.
3. В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003.
4. *Заярный С.А., Очиров У.Б.* 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 43–61.
5. *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Боевые действия 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в ногайских степях в сентябре 1942 г. // Международная научно-практическая конференция, посвященная 80-летию Чеченского госуниверситета «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии» (Грозный, 25–26 сентября 2018 г.). Махачкала, 2018. С. 163–172.
6. *Илишкин Н.У.* Рассказы о Хомутникове // Теегин герл. 1987. № 1. С. 201–206.
7. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945. Документы и материалы. Элиста, 1966.
8. Личный архив автора. Автобиография полковника запаса Хомутникова Василия Алексеевича от 18.11.1940.
9. Хомутников Василий Алексеевич // ОБД «Подвиг народа». URL: [http://podvignaroda.ru/?#tab=navPeople\\_search](http://podvignaroda.ru/?#tab=navPeople_search) (дата обращения: 10.03.2023).
10. Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. М., 1970.
11. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 193. Оп. 2. Д. 260.
12. РГВА. Ф. 195. Оп. 9. Д. 23.
13. *Хомутников В.А.* Военные калмыцкие части в боях за Советы. Элиста, 1964.
14. *Хомутников Х.П.* Жизнь и судьбы в годы репрессий. Элиста, 2013.
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 51А. Оп. 9858. Д. 1.
16. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны: от Сталинграда до Берлина. М., 2005.

**В.А. Дронов****КЛЕЩИ ДЛЯ ГОТА И КОНСТАТИНЕСКУ**

Освобождение восточной части Ростовской области стало возможным после Среднедонской («Малый Сатурн») и Котельниковской наступательных операций, которые проводились во второй половине декабря 1942 г.

Немцы для ведения дальнейших действий сформировали 4-ю танковую армию. С приданными частями она стала называться армейской группой «Гот», ей ставилась задача произвести деблокирующий удар с юга по разрыву сталинградского котла. Однако эти действия вермахта потерпели крах. 2-я гвардейская и 51-я армии 24 декабря перешли в наступление. Войска Южного фронта южнее Сталинграда разгромили котельниковскую группировку войск противника, пытавшуюся пробиться к окруженной армии Ф. Паулюса. 7-й танковый корпус 2-й гвардейской армии 27–29 декабря очистил пос. Котельниково от немецких войск.

Группа «Гот» отступила на юг, в частности на территорию Дубовского района Ростовской области. Э. Манштейн описывал положение частей вермахта так: «Противник преследовал 4-ю танковую армию через Котельниково двумя армиями – 51-й и 2-й гвардейской, которые в общей сложности располагали одним танковым, тремя механизированными, тремя стрелковыми и одним кавалерийским корпусами. Еще одна армия (28-я армия) вскоре появилась дальше к югу в калмыцких степях» [10: 198].

Так Дубовский район в который раз за две войны – Гражданскую и Великую Отечественную – стал стратегически важным пунктом обороны и наступления. Немаловажную роль в этом играли коммуникации, наличие железной дороги Сталинград – Сальск, связывающей важнейшие регионы юга страны. Она позволяла осуществлять подвоз боеприпасов и всего необходимого для ведения боевых действий.

В ходе отступления 54-й немецкий танковый корпус отошел в направлении Семичная – Дубовское, здесь вермахтом заранее, 27 декабря, была организована оборона. На высоком правом берегу р. Ерик заняли позиции внушительные силы: 17-я и 23-я танковые дивизии 57-го танкового корпуса [15: 3].



Советские войска активно стали действовать 27 декабря. Северную часть района освобождали соединения 2-й гвардейской армии (командующий – генерал-майор Р.Я. Малиновский), южную – войска 51-й армии (командующий – генерал-майор Н.И. Труфанов).

Это была уже иная война. Немецкие военачальники убедились в возросшем профессионализме советских войск. Начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник К. Цейтцлер писал в воспоминаниях: «В 1942 г. боеспособность русских войск стала гораздо выше, а боевая подготовка их командиров лучше, чем в 1941 г.» [12: 9].

Характерной особенностью наступательных боев по освобождению района был фактор внезапности – в наступление перешли без оперативной паузы, без особой подготовки, непосредственно после разгрома котельниковской группировки. Советские командиры показали умение сгруппироваться, запланированно выйти на рубеж [9: 96]. Представитель Ставки на Сталинградском фронте генерал-полковник А.М. Василевский отмечал: «Суть дела в том, что советское командование при отсутствии общего превосходства в силах и средствах сумело создать мощные ударные группировки на направлениях главных ударов» [3: 90].

Главную роль здесь сыграли танковые и механизированные корпуса. Была тщательно продумана организация их маршей. Несмотря на сильные морозы, совершались переходы по 40–50 км за сутки.

В обеспечении вещевым довольствием в организации войскового быта фронтовиков ситуация по сравнению с начальным этапом войны изменилась в лучшую сторону [2: 262]. Прочитую воспоминания советского офицера 100-й стрелковой роты: «В конце ноября весь личный состав уже был обеспечен зимним обмундированием: теплым бельем, ватными телогрейками, ватными шароварами, рукавицами» [16: 12]. Это были уже совсем другие воины, не те, что вгрызались полгода назад в землю левобережья Дона – голодные, без связи, без поддержки артиллерии.

В своих мемуарах офицер разведотдела 6-й немецкой армии И. Видер описывал: «Первое, что мне бросилось в глаза, – это облик победителей. То были здоровые, хорошо выглядевшие люди. На них было зимнее обмундирование и хорошее вооружение. <...> Солдаты были вооружены автоматами. <...> Тепло одетые, хорошо упитанные,

блестяще оснащенные красноармейцы с их широкими, большей частью краснощекими лицами представляли собой разительный контраст с нашими мертвенно-бледными, неумытыми, заросшими, дрожащими от холода жалкими фигурами» [4: 95].

В советских войсках улучшилась санитарная служба, перед которой стояли непростые задачи возвращения раненых, обмороженных, обожженных военнослужащих. Была разработана оптимальная система этапов медицинской эвакуации. В Дубовском районе дислоцировалось 11 медицинских учреждений различного типа [7].

В декабре вермахт отступал с Восточного Кавказа. Войска должны были успеть проскочить через «бутылочное горлышко» в районе устья Дона. Поэтому театр военных действий в Задонье приобретал решающий для немцев характер. Немецкий офицер писал: «Держаться и еще раз держаться, чтобы 1-я танковая армия, только что начавшая отход с Восточного Кавказа, успела проскочить через спасительный перешеек у Ростова» [13: 68].

На подкрепление бросили 5-ю танковую дивизию СС «Викинг» с задачей оборонять с. Дубовское [5: 163]. Дивизия прибыла эшелонами 27–28 декабря на станции Зимовники и Куберле. На следующий день моторизованным маршем ее батальоны закрепились на рубеже р. Ерик, имея выгодные оборонительные позиции. «Викинги» держали оборону непродолжительное время, всего 3–4 дня, с 28 по 31 декабря. При наступлении советских войск под угрозой охвата немецкому командованию пришлось выводить части СС из-под огня. Это можно было объяснить стремлением сохранить наиболее боеспособное ядро. Однако обстановка показала, что решение было вынесено поспешно, потери оказались большими, чем предполагалось.

2-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского силами 7-го танкового корпуса неожиданно ударила по слабому северному флангу немецких позиций. Она стала наступать вдоль левого берега Дона, прорывая оборону противника. Немцы занимали правый крутой берег р. Ерик, а советские соединения обошли их позиции севернее – двинулись по Сибирьковскому водоразделу, мимо х. Королёва на х. Назаров.

Советские войска не стали контратаковать. Время неподготовленных лобовых атак необученных и несколоченных советских частей,

которые практиковались в начале войны, закончилось. Приступая к выполнению задачи, командир 54-й механизированной бригады полковник И.В. Студеникин выслал сильную разведывательную группу, которая установила силы и характер обороны противника. Не давая передышки, соединения корпуса стремительно преследовали противника, отходившего в юго-западном направлении. Чтобы избежать потерь от вражеской авиации, ночное время использовалось не только для маршей, но и для ведения боевых действий.

Начало января 1943 г. – время лютой стужи и пронизывающих метелей. Германское командование не сделало выводов после первой зимней кампании. Воевали немцы на заснеженных полях Задонья в ботинках и сапогах. Подбитая железными шипами подошва при сильном морозе давала обморожение стопы. Шинель из тонкого сукна была укороченной, китель, брюки также летние. Головные уборы пехотинца – пилотки, шапки-ушанки – достались только личному составу дивизии «Викинг». Немцы кутались во всё, что только можно, сооружали тяжелые соломенные боты, которые надевали на сапоги, у многих на головах поверх пилоток были женские платки.

Германские военные топографы не учли тот фактор, что 1930-е гг. были временем массовой урбанизации. Всего за полтора десятилетия в города переселилось около половины сельского населения страны. Тот же процесс шел и в Дубовском районе. Некоторые хутора исчезли, однако немецкие топографы поправки в карты не внесли, на них оставались хутора Ежов, Ермаков, Кандауров, Ковалёв, Самсонов, Сибирьки. В результате на самой ранней стадии принятия решения – оценки обстановки – командование отдавало приказы, ведущие в условиях зимы к большим потерям личного состава.

Командир 17-й немецкой танковой дивизии генерал Ф. Зенгер рассказал о жутком маршруте дивизии: «На полевом командном пункте дивизии в Нагольном создалась критическая ситуация. Дорога, по которой мы отступали, находилась под огнем противника. На следующее утро мы занимали новые позиции. Деревень, указанных на карте, больше не существовало. Измотанные войска снова оказались на открытой местности при температуре минус 25 градусов. Продолжающиеся мучения личного состава действовали на меня физически. Холод на глазах истощал его силы, особенно страдала

пехота. На полевых КП батальонов сложилась мрачная обстановка. Кругом лежали убитые, их тела надо было отправлять в тыл для захоронения» [8: 145]. Немецкие офицеры отмечали потерю веры в верховное командование, отчаяние умирающих с голоду солдат, гибель раненых от недостаточного медицинского ухода и сильных морозов.

Степные просторы были усеяны сотнями убитых и просто замерзших солдат противника. На своем пути немцы оставляли безвестные могилы. В 2002 г. поисковики общества «Наследие» получили письмо от жителя х. Назарова В.В. Чудикова. Он просил выкопать из его огорода останки немецких солдат. Накал боев за хутор был такой, что немцы не успевали хоронить, взрывали землю, трупы сбрасывали в воронку. Поисковики нашли останки пяти немецких военнослужащих, скорее всего танкистов, сохранились их жетоны, пуговицы [6: 3].

В боях за ст. Жуковскую, хутора Подгорный, Красный Яр противник оставил 300 трупов солдат и офицеров, 50 гитлеровцев было взято в плен, захвачено 30 исправных автомашин, четыре тягача, склад боеприпасов.

На востоке Ростовской области для немцев и румын дела обстояли еще хуже. В этот район (восточнее пос. Котельниково) 4-я румынская армия прибыла в начале октября 1942 г. Численность – 75 тыс. человек, командующий – генерал-полковник К. Константинеску. Казалось бы, можно было организовать грамотную оборону, время позволяло.

Однако удар 28-й армии РККА (командующий – генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко), нанесенный от Астрахани, был такой силы, что румыны дрогнули и оставили позиции по р. Загиста. Они бежали без оружия, без офицеров, сосредоточились в окрестностях сёл Заветное и Киселёвка. Под х. Никольским (Заветинский район) в результате неожиданного удара по штабу румынской дивизии были захвачены все тылы и ценные документы. Командиры полков РККА действовали самостоятельно, проявляли разумную инициативу, в результате противник не смог организовать оборону на этих рубежах.

Немцы с трудом остановили бегство румын. Когда они, рассеявшись по степям, стали прибывать в с. Дубовское, то жаловались местным жителям, дескать, для немцев всё есть, а румын обижают. В боях от х. Верхнесальского (Котельниковский район), хуторов Никольского, Гуреева, станиц Атаманской, Эркетиновской

до пос. Зимовники нашими частями в течение четырех суток было взято в плен 2850 румын.

Разведданные указывали на скопление немецких войск в х. Ивановка, здесь оставался усиленный гарнизон немецких войск – 14 танков, две артбатареи и более батальона пехоты. На кургане в центре хутора были установлены шестиствольные минометы. Бой был напряженным, в течение трех дней инициатива несколько раз переходила от одной стороны к другой. Жители в это время прятались в колхозном подвале, никто из 40 человек от артобстрела не пострадал. Заместитель командира роты по политической части стрелково-пулеметного батальона старший лейтенант И.Н. Николаенко был тяжело ранен, но не ушел с поля боя. Командуя стрелковой ротой, продолжал отбиваться от контратакующего противника. Немецкие танки стали отрезать роту от путей отхода, раненый политрук с группой бойцов занял новый рубеж обороны. За бой под Ивановкой И.Н. Николаенко был награжден орденом Красной Звезды.

Неподалеку от хутора похоронными командами и местными жителями упокоены тела 94 солдат и офицеров, 23 пропали без вести. Много погибло солдат, призванных из среднеазиатских республик, – 85 человек, в основном жители Казахской ССР, Каракалпакской АССР, Бухарской, Сурхандарьинской и Хорезмской областей Узбекской ССР.

Самые сильные бои разгорелись в центре наступления на Дубовский район, на железной дороге Котельниково – Ремонтная. Здесь наступали части 13-го гвардейского стрелкового корпуса, весь личный состав обладал боевым опытом и был достаточно хорошо подготовлен к боевым действиям.

Немцы создали вокруг железнодорожной станции Семичной две линии обороны, на крыше клуба установили два шестиствольных миномета. Всего на станции и в хуторе было расположено 18 немецких танков, четыре батареи шестиствольных минометов, восемь противотанковых орудий, 10 крупнокалиберных пулеметов и пять минометных батарей.

Рано утром на огневую позицию выдвинулись катюши. Первый залп произвели девять машин БМ-13, выпустили 140 реактивных ракет по хутору и станции. 51-я механизированная бригада ворвалась на станцию с севера. Замкомандира отделения Я.А. Меланин

в составе отдельной роты автоматчиков с пулеметом засел в сарае, находившемся на краю станции. Неравный бой с превосходящими силами противника длился весь день, затем гвардии старший сержант повел бойцов в контратаку. За этот подвиг он был награжден орденом Красной Звезды [14: 7].

Немецкая авиация подбила четыре Т-34. Оставшиеся танки с десантом ворвались в сад, уничтожая огнем и гусеницами вражеские орудия. Катюши произвели еще один залп по станции, уничтожили штаб немцев, госпиталь, минометы, танки, орудия.

Под железнодорожной станцией Семичной потери советских войск составили убитыми 300 человек, девять танков, одну БМ-13. Сломив сопротивление немецкого заслона, части 51-й армии устремились к с. Дубовскому, 1 января в 11:00 противник боем оставил райцентр.

Советским войскам помогали даже подростки. В с. Дубовском Захар Новомлинов (13 лет) и Павел Шаповалов показали передовому отряду, где прячутся немцы, красноармейцы открыли огонь и уничтожили огневые точки. Колесников и комсомолец Гончаров поползли навстречу наступавшим бойцам и указали на огневые точки противника. Старик Андриянов (75 лет), у которого в Красной армии было пятеро сыновей, помогал бойцам подтаскивать патроны и боеприпасы.

В боях за райцентр было убито несколько сотен немцев и румын. Советскими войсками в боях за освобождение с. Дубовского было потеряно убитыми, пропавшими без вести и умершими от ран 234 человека. По официальным данным поименного учета в боевых действиях, на территории района погибло более 1120 воинов. Оценка общих потерь при обороне и освобождении Дубовского района – около 2 тыс. бойцов и командиров РККА, почти 300 умерли в госпиталях [11: 13, 202].

В начале февраля 2-я гвардейская армия от с. Дубовского повернула на запад, на ст. Романовскую и на Ростов. От ст. Баклановской выдвигалась 5-я ударная армия, которая выступила на ст. Усть-Быстрианскую – Шахты. От пос. Зимовники на ст. Пролетарскую вела наступление 51-я армия с продвижением на г. Батайск.

О накале боевых действий свидетельствуют цифры потерь. В Среднедонской наступательной операции «Малый Сатурн» потери РККА составили 95,7 тыс., вермахта – 120 тыс. человек. В Сальской

наступательной операции потери РККА – 30 178 человек, вермахта – 16 393 человек [1].

В Сальских степях не случилось еще одного котла, и он, видимо, не планировался, так как наступление велось по центру тактического удара – вдоль линии железной дороги. Но клещи образовались по всем канонам военной науки, из них еле вырвались хваленые «Викинги», опытная 4-я танковая армия.

В ходе боев в январе 1943 г. советскими войсками была полностью разгромлена 4-я румынская армия. Она перестала существовать как воинское формирование, остатки частей были отправлены в Румынию. 57-й немецкий танковый корпус понес большие потери, особенно пострадали 23-я и 17-я танковые дивизии. Армейской группы «Гот» больше не существовало.

Командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Г. Гот был отправлен в резерв, фактически в отставку. Командующий 4-й румынской армией генерал-полковник К. Константинеску был снят с командования и уволен.

Наступление показало, что командование РККА, офицеры и солдаты за короткое время сделали выводы из ошибок боев 1941 г. Ушло время, когда командиры управляли боем, не зная противостоящего противника, его системы пулеметно-артиллерийского и противотанкового огня. Произошли изменения в советской тактике, командиры смогли сделать правильный выбор направлений, выведивших ударные группировки на фланги, в тыл врага, а также точно определять момент перехода в наступление.

В ходе боев за освобождение Дубовского района советские воины проявили мужество и героизм, исполнили свой воинский долг честно и самоотверженно.

### Источники и литература

1. *Афанасенко В.И.* О соотношении потерь в стратегических операциях на юге России в 1942–1943 гг.: поиски и источники объективных данных // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: мат-лы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2015. С. 121–127.

2. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Медведев М.В. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2016.
3. Василевский А.М. Победа в битве на Волге // Война. Народ. Победа, 1941–1945: Статьи. Очерки. Воспоминания. Кн. 2. М., 1984. С. 70–91.
4. Видер И. Катастрофа на Волге: воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965.
5. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2012.
6. Волгодонск. События. 2004. № 14.
7. Дронов В.А. Госпитали в Дубовском районе // Донской временник. вып. 29-й. URL: [http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/1/art.aspx?art\\_id=1844](http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/1/art.aspx?art_id=1844) (дата обращения: 10.04.2023).
8. Зенгер Ф. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940–1945. М., 2003.
9. Исаев А. Краткий курс истории Великой Отечественной войны: наступление маршала Шапошникова. М., 2005.
10. Маништейн Э. Утерянные победы. М., 1999.
11. Помните нас поименно: Книга Памяти Дубовского района Ростовской области / сост. А.В. Терехов, И.А. Шмыгаль. Ростов-на-Дону, 2015.
12. Роковые решения / под ред. П.А. Жилина. М., 1958.
13. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942–1943 гг. М., 2005.
14. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 18 004. Д. 627.
15. ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 82.
16. ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22.

**Д.Н. Санин**

### **13-й ГВАРДЕЙСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК В БОЯХ ЗА МАНЫЧ в январе 1943 г.**

Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не перестает интересовать историков и краеведов. Много материалов о ней было и до сих пор остается засекреченным. Со временем гриф секретности снимается, отдельные документы становятся доступными для исследователей. В основном историки анализируют документы крупных



формирований – фронтов и армий, реже – корпусов и дивизий, еще меньше внимания уделяется полкам. Поэтому судьба большинства стрелковых полков практически не известна, хотя многие из них проявили героизм и мужество в сражениях с врагом. Одной из таких частей является 13-й гвардейский стрелковый полк 3-й гвардейской стрелковой дивизии (преобразована из 153-й стрелковой дивизии) [4].

18 октября 1942 г. 3-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена с ленинградского направления в резерв Ставки Верховного Главнокомандования [1]. 15 декабря 1942 г. дивизия была передислоцирована на Сталинградский фронт, и в составе 13-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии она вела наступление за освобождение сальских степей на ростовском направлении.

Преследуя отступавшего противника, 13-й гвардейский стрелковый полк под командованием Героя Советского Союза, гвардии подполковника Василия Филипповича Маргелова (в дальнейшем – командующего Воздушно-десантными войсками СССР [2]) в составе 1177 человек, из них: «активных штыков 425 человек, активных бойцов 782 человека, в батальонах 532 человека, активных штыков 284 чел., активных бойцов 422 человека. Вооружения, винтовок всего 978, в батальонах 425» [5: 4–4 об.] 1 января 1943 г. вышел в район села Дубовское. В этот же день подразделения полка совместно с частями 49-й гвардейской стрелковой дивизии овладели селом Дубовским [5: 5].

Со 2 января 3-я гвардейская стрелковая дивизия продолжала наступление, и к 7 января, по данным сводок, 5-й гв. сп вышел в х. Будённый, 13-й гв. сп вел бой за Весёлый, 9-й гв. сп – за Озёрский [3: 9]. Части 13-го гвардейского стрелкового полка, перейдя в наступление, заняли хутор Братский. Противник численностью до 80 танков и автомашин с пехотой постоянно контратаковал батальоны наступавшего 13-го гвардейского полка: «Личный состав, ведя тяжелые сдерживающие бои, дрался с танками и пехотой врага, по-гвардейски, умирая, не отходя ни шагу назад» [5: 7 об.]. Авиация противника в 09:00 группами в 10–13 самолетов бомбила боевые порядки 3-й и 49-й гвардейских стрелковых дивизий. Особенно сильно подверглись бомбардировке хутора Будённый и Братский, станица Семенкинская.

С 8 января по 11 января 13-й гвардейский полк вел тяжелые бои с противником в районе хуторов Братский, Весёлый, Будённый.

При освобождении этих хуторов было захвачено до 250 голов крупного рогатого скота. 11 января к 9 утра части 13-го гвардейского стрелкового корпуса, перейдя в наступление с целью ликвидировать Иловайско-Кутейниковскую группировку врага и не встречая сопротивления, полностью заняли следующие хутора: 3-я гвардейская стрелковая дивизия в составе 5-го гвардейского стрелкового полка – хутор Будённый, 13-го гвардейского стрелкового полка – хутора Братский и Весёлый, 49-я гвардейская стрелковая дивизия – станицу Кутейниковскую, хутора Иловайский и Садовский. По предварительным подсчетам, в станице Кутейниковской было захвачено 80 автомашин, 60 мотоциклов, 12 танков, два продовольственных склада, подсчет других трофеев продолжался [3: 16].

13-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника В.Ф. Маргелова продолжал наступление и к 18 января вышел к реке Маныч в район хутора Цугейкин [5: 13 об.]. Следует отметить, что Манычский рубеж и в период отступления советских войск, и в период его освобождения имел важное стратегическое значение для обеих противоборствующих сторон.

В течение 18 января 13-й гвардейский стрелковый корпус, разгромив части прикрытия противника в районе хуторов Розенталь, Розенфельд, Ленин, Чеканов, Новопавловский, продолжал наступление в западном и юго-западном направлениях. Остатки частей противника отходили в общем направлении на хутор Весёлый. 19 января 13-й гвардейский стрелковый полк, согласно приказу штаба дивизии, выдвинулся в район хутора Свобода и занял его. Соприкосновения с противником не имел. После тяжелых боев с противником полк для ведения дальнейших боевых действий очень нуждался в боеприпасах, минах всех калибров, противотанковых гранатах, автоматных патронах [5: 13 об.].

Получив новый приказ, полк совершил 35-километровый марш и сосредоточился в станице Багаевской. В это же время противник продолжал удерживать станицу Манычскую. Согласно журналу боевых действий полка, «в районе Кривянская, Манычская, Бессергеневская действуют два белоказачьих эскадрона, сформированных из донских казаков, завербованных фашистской агентурой» [5: 14].

В ночь на 20 января 1943 г. части 13-го гвардейского стрелкового корпуса, ведя наступление, захватили, очистили от противника и прочно за собой закрепили хутора Спорный и Манычстрой. В течение дня наши части продолжали наступление на хутор Весёлый, но встретили сильное огневое сопротивление. Около 20 танков и до двух батальонов пехоты, полтора дивизиона артиллерии и 3–4 минометных батареи открыли огонь по наступающим подразделениям 13-го гвардейского стрелкового корпуса.

Противник контратаковал наши части в районе хуторов Красное Знамя и Красный Кут. Подразделения полка силой до роты пехоты, минометной батареей и четырьмя орудиями противотанковой обороны удерживали позиции. Силы неприятеля в районе хутора Красное Знамя составляли до двух батальонов пехоты, 10 танков и двух бронемашин при поддержке двух 105-мм орудий.

20 января 13-й гвардейский стрелковый полк, заняв станицу Багаевскую, вел бой с двумя казачьими эскадронами на западном берегу реки Дон [3: 27]. На следующий день полк достиг хутора Красного, но, получив устный приказ командира 3-й гвардейской стрелковой дивизии, был возвращен в станицу Багаевскую. На обратном пути он подвергся сильной бомбардировке и пулеметному обстрелу. Возвратившись назад, подразделения полка заняли оборону на западной и юго-западной окраине станицы, выслав разведку в направлении озера Долгого. Для удержания противника 3-му стрелковому батальону дополнительно было выдано два станковых и десять ручных пулеметов, пять противотанковых ружей. Враг упорно контратаковал подразделения полка: «Автоматчики противника из местных жителей, замаскировавшись в разбитых домах на западной окраине станицы, обстреливали 3-й стрелковый батальон. Огнем автоматчиков-белоказаков убит один боец» [5: 14–14 об.]. До 29 января подразделения полка продолжали оборонять станицу Багаевскую.

29 января 13-й гвардейский стрелковый полк по приказу штаба 3-й гвардейской стрелковой дивизии передислоцировался на новое место. К вечеру его подразделения заняли оборону в хуторе Позднеевка. Затем продолжили теснить противника в сторону Ростова-на-Дону и вышли на новый рубеж, в район хутора Большая Таловая, где и заняли оборону. Задача по освобождению водного рубежа реки

Маныч от противника полком была выполнена. Впереди была дорога на Ростов-на-Дону.

### Источники и литература

1. 3-я гвардейская стрелковая Волновахская Краснознаменная ордена Суворова дивизия. URL: <https://www.rkkawwii.ru/division/3gvsdf1> (дата обращения: 28.03.2023).
2. Василий Филиппович Маргелов // Память народа. URL: [https://pamyatnaroda.ru/heroes/podvig-chelovek\\_nagrazhdenie19294797](https://pamyatnaroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie19294797) (дата обращения: 30.03.2023).
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 841. Оп. 1. Д. 31.
4. ЦАМО РФ. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 3а.
5. ЦАМО РФ. Ф. 6104. Оп. 1. Д. 10.

**М.В. Медведев**

### **СРАЖЕНИЕ 126-й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ НА МИУС-ФРОНТЕ в феврале 1943 г.<sup>1</sup>**

После освобождения Ростова-на-Дону 14 февраля 1943 г. войска Южного фронта продолжили свое наступление в западных районах Ростовской области. При приближении советских войск к реке Сухой Самбек 17 февраля 1943 г. передовые силы 126-й стрелковой дивизии 51-й армии встретили там мощное сопротивление мотопехоты противника. После десятичасового боя штурмом были взяты населенные пункты Кузьминский, Новостроенко, Массалоновка, Новоселовка, Красноселье.

Противник отошел в район населенного пункта Политодельское и оттуда оказывал упорное сопротивление. 18 февраля после подхода советских танков части 126-й стрелковой дивизии совместным ударом с механизированными соединениями овладели населенными пунктами Богдановка, Ивановка, Ивановка 2-я.

При приближении к Миусу командиры частей 126-й стрелковой дивизии получили приказ во время марша обеспечить непрерывную

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

разведку и боевое охранение флангов дивизии, а также вести тщательное воздушное наблюдение с целью пресечения неожиданных авианалетов противника. Боевой колонне необходимо было быть в постоянной готовности, не допуская нарушения порядка на марше, скупченности. Обозы оставались во втором эшелоне колонны и не должны были соприкасаться с боевыми эшелонами. Следовало также обеспечить инженерную разведку маршрута, очистив перед этим дороги от мин, наладить пропуск материальных частей через мосты и переправы [8: 41].

На следующий день, 19 февраля, продвижение советских частей к слободе Ряженая Матвеево-Курганского района было задержано фланговым огнем со стороны хутора Рясный. Предпринятая атака Рясного и соседней станции успеха не имела, так как противник вел сильный огонь из района села Покровское и с нескольких высот. Плотный автоматный огонь велся из кустарников и камышей южнее Ряженой. В ходе боя советские бронейщики подбили один танк, уничтожили два миномета, было сожжено несколько автомашин [7: 43].

В ночь на 20 февраля, оставив на левом фланге небольшой заслон, полки 126-й дивизии ворвались в слободу Ряженая и, выбив немцев с восточной части населенного пункта, заняли оборону по левому берегу реки Миус. Дальнейшее продвижение было задержано сильным огнем противника с правого берега Миуса.

Правее действовали части 87-й стрелковой дивизии, кавалерийские соединения конно-механизированной группы. Наступавшие слева части 28-й армии были задержаны на линии Рясный – Седовский – Копани – Самбек – Вареновка. В ночь на 21 февраля для усиления левого фланга 126-й дивизии прибыли части 76-го укрепленного района.

С 20 по 21 февраля неоднократные попытки частей 126-й стрелковой дивизии форсировать реку Миус и занять правобережную часть у Ряженой не дали результатов. Пользуясь преимуществом, противник прочно удерживал свой рубеж. На протяжении двух дней шли непрерывные бои. Восточная часть Ряженой обстреливалась массированным огнем из реактивных установок противника. Начиная с 21 февраля немецкое командование сосредоточило в этом районе значительные силы авиации. Несколько раз в день совершались авианалеты на советские боевые порядки и тылы. Благодаря действиям

зенитной артиллерии удалось снизить воздушные атаки противника [5: 68–69]. Зенитная батарея под командованием капитана В.П. Колоухина только за один день сбила три самолета [2: 75].

23 февраля 126-я и 87-я стрелковые дивизии возобновили штурм правого берега Миуса. Сводная группа 87-й стрелковой дивизии при поддержке шести танков в 11:20 удачным маневром с северо-запада ворвалась в хутор Новоселовский и после ожесточенных перестрелок и рукопашных схваток в 11:35 полностью овладела населенным пунктом. Одновременно группа автоматчиков 1378-го стрелкового полка во взаимодействии с группой 1379-го и 1382-го стрелковых полков с северо-западного фланга атаковала слободу Ряженая и к 15:00 полностью очистила ее от противника. После этого части 87-й стрелковой дивизии с боем продвинулись к восточным и юго-восточным подступам трех безымянных высот западнее Ряженой [6: 8].

Передовые батальоны 126-й стрелковой дивизии перед штурмом Ряженой провели разведку боем во главе с командиром 3-го батальона 366-го стрелкового полка капитаном В.Н. Ткаченко. Разведка выявила огневые точки противника, которые в ходе атаки были быстро уничтожены. 3-й батальон 366-го стрелкового полка без значительных потерь совместно с другими подразделениями очистил Ряженую от немцев. Отличился в бою и командир роты старший лейтенант М.Ф. Деревяanko, который поднял роту в атаку и решительными действиями выбил врага из опорного пункта, мешавшего продвижению батальона. Рота уничтожила до 50 чел. противника [2: 75]. В боевой схватке дивизии с врагом было убито и рассеяно до 300 солдат и офицеров противника, среди которых были и изменники Родины.

В течение дня противник вел интенсивный огонь и накапливал силы на линии Рясный – Некрасов, чтобы не допустить дальнейшего советского прорыва. В 126-й стрелковой дивизии оставалось: боеприпасов – 0,2 %, боекомплекта к орудиям – 0 %, горючего – 0 % [4: 62].

Частым контратакам противника подвергался 550-й стрелковый полк 126-й стрелковой дивизии. В этом бою отличились бойцы батареи 45-мм орудий старшего лейтенанта П.Ф. Баркова. Взвод сержанта А.П. Шубина прямой наводкой уничтожил танк, самоходное орудие и подавил три пулеметные точки в дзотах [2: 75]. Пулеметная рота во главе со старшим лейтенантом В.П. Мартовым активно действовала

в боевых порядках пехоты в ходе штурма Ряженой. В момент, когда один из расчетов вышел из строя, Мартов лично огнем из станкового пулемета подавил сопротивление противника, уничтожив и рассеяв до роты вражеской пехоты, а в уличном бою забросал гранатами вражеский дот [3: 228]. Потери 126-й стрелковой дивизии за период с 20 по 24 февраля убитыми и ранеными составили 119 чел. [4: 65].

При взятии Ряженой частями 87-й стрелковой дивизии было захвачено в плен до 100 немецких солдат и офицеров. В боях за Ряженую проявили себя командир дивизии полковник М.С. Эхохин, заместитель командира дивизии подполковник Г.С. Иванов и начальник штаба дивизии майор Титов, а также командир 1378-го стрелкового полка майор А.И. Тюрин и командир 1382-го стрелкового полка майор С.С. Кочевин [6: 8]. С 24 по 28 февраля 87-я стрелковая дивизия вела оборонительно-наступательные бои.

В течение 25 февраля противник с рубежа Панченко – Некрасов – Рясный – высота 67,9 открывал интенсивный артиллерийско-минометный огонь. Кроме того, над расположением советских частей в районе Ряженой авиация люфтваффе совершила за день более 100 самолето-вылетов [4: 70].

После овладения гребнем высот западнее Ряженой командование 126-й стрелковой дивизии поставило задачи: передовым силам 690-го стрелкового полка к исходу дня овладеть хутором Жарков, не допустить контратаки противника с юга и юго-запада; 550-му стрелковому полку следовало выйти к высоте 105,4; батальоны 366-го стрелкового полка должны были находиться в резерве до выполнения задач 550-го и 690-го стрелковых полков [7: 60–60 об.].

До 1 марта продолжались ожесточенные бои по овладению территорией по западному берегу Миуса. Противник прочно удерживал занятые позиции и продолжал вести плотный огонь с рубежа высота 101,0 – четыре кургана – балка Паровая – Панченко – Некрасов – разъезд Ряженое.

Подтянув к этому району танки, немцы неоднократно переходили в контратаки. В связи с большими потерями пополнение боевых подразделений 126-й стрелковой дивизии происходило за счет тыловых частей, которые так же быстро выходили из строя. Выбывал и основной командирский состав. Тяжелое ранение получил командир

2-го стрелкового батальона 550-го стрелкового полка старший лейтенант Мазепа, погибли командир 366-го стрелкового полка майор Белокопытов, заместитель командира полка старший политрук Лучко и др. [5: 70]. Согласно приказу командира 126-й стрелковой дивизии, в ночь на 1 марта части дивизии сдали свой рубеж 302-й стрелковой дивизии и вышли в район хутора Новоосинский для пополнения и приведения себя в порядок.

Заместитель командира взвода 76-мм орудий 827-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии лейтенант В.Н. Алексеев отмечал: «Весной 1943-го дивизия вышла к Миусу и завязала бои у Ряженой. Село было разрушено. Среди разрушенных домов стояла наша полевая батарея и огнем поддерживала атаки нашей пехоты. Это были тяжелые и кровопролитные бои... У нас на Миусе не было хлеба и соли, не хватало боеприпасов. Мы ели конину, сваренную со свеклой, без хлеба и соли, не было табака. Мерзлой была земля, в разрушенных домах лежали павшие бойцы, здесь были солдаты морской пехоты в черных бушлатах, солдаты 126-й стрелковой дивизии в серых шинелях и наши солдаты 302-й стрелковой дивизии в домашней одежде, еще не успевшие получить обмундирование и не захотевшие снимать шинели с убитых товарищей. Сколько их там отдало свои жизни...» [1].

После выхода 126-й стрелковой дивизии во второй эшелон армии завершилось зимнее наступление Южного фронта, начатое с рубежей под Сталинградом. За это время 126-я стрелковая дивизия с боями прошла 430 км и освободила 140 населенных пунктов. В Ростовской наступательной операции дивизия понесла значительные потери. По некоторым данным, только за слободу Ряженую она потеряла до 70 % личного состава.

### Источники и литература

1. Воспоминания Алексеева Василия Николаевича. Рукопись. Передана родственниками в 2012 г. // Архив отдела гуманитарных исследований ЮНЦ РАН.
2. *Лысухин И.Ф., Куковенко С.Е.* Горловская дважды Краснознаменная. Боевой путь 126-й стрелковой Горловской дважды Краснознаменной, ордена Суворова II степени дивизии. М., 1986.



3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 902.
4. ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 283.
5. ЦАМО РФ. Ф. 942. Оп. 1. Д. 3.
6. ЦАМО РФ. Ф. 944. Оп. 1. Д. 3.
7. ЦАМО РФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 8.
8. ЦАМО РФ. Ф. 7343. Оп. 49482с. Д. 1.

**Ф.Л. Сеницын**

**1-я ЮГОСЛАВСКАЯ БРИГАДА В СССР:  
ФОРМИРОВАНИЕ, КОМПЛЕКТОВАНИЕ, БОЕВОЙ ПУТЬ  
(1943–1945 гг.)<sup>1</sup>**

В ходе Сталинградской битвы зимой 1942–1943 гг. в советский плен попали около 715 офицеров, унтер-офицеров и рядовых 369-го усиленного хорватского пехотного полка (Хорватского легиона), воевавшего в рядах вермахта [13: 82]. В плен попал в том числе подполковник М. Месич, который, пребывая в лагере военнопленных, стал лидером инициативы по участию военнопленных югославы в войне на стороне СССР [10: 27–27 об.]. Кроме того, такая идея исходила и от югославских коммунистов-эмигрантов, находившихся в СССР [11: 134].

В октябре 1943 г. Красногорский лагерь посетил уполномоченный Ставки по иностранным военным формированиям Г.С. Жуков с целью оценить морально-политическое состояние военнопленных югославы [13: 82]. Выводы, сделанные по итогам этого посещения, были положительными [14: 240], вследствие чего постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 17 ноября 1943 г. было решено сформировать отдельный югославский пехотный батальон общей численностью 1200 чел. [10: 73].

Формирование батальона началось 20 ноября 1943 г. в Карасевских лагерях [5: 135] недалеко от Коломны. Командиром был назначен М. Месич, его заместителем – подполковник Э. Житник, начальником штаба – капитан М. Пришлин, начальником артиллерии – капитан

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта № 22-28-00405 Российского научного фонда, <https://rscf.ru/project/22-28-00405>

М. Туличич (все – из числа военнопленных) [13: 83], заместителем командира по культурно-просветительской работе – капитан Д. Георгиевич (югославский коммунист-политэмигрант, проживавший в СССР) [14: 244].

Большинство солдат и офицеров батальона были набраны из бывших военнопленных, в том числе хорватов из 369-го полка, словенцев, рекрутированных в вермахт, воеводинских сербов, набранных в венгерский гонвед и строительные батальоны, использовавшиеся на Восточном фронте [8: 346]. Вступление в батальон, по имеющимся данным, было действительно добровольным, а те, кто отказался это сделать, был отправлен обратно в лагерь [13: 82].

Кроме того, в состав батальона вошли другие югославские граждане, по разным причинам ранее оказавшиеся на территории СССР, в том числе политэмигранты [3: 136]. Откомандированию в югославскую часть также подлежал рядовой и сержантский состав «югославских национальностей», служивший в Красной армии, независимо от принадлежности к югославскому гражданству [2: 267].

Сбор югославов был начат 8 декабря 1943 г. [13: 82]. Укомплектование батальона прошло сравнительно быстро, так как основная часть югославских военнопленных находилась в одном лагере, и отбор людей не потребовал много времени. К 1 февраля 1944 г. личный состав батальона насчитывал 1050 чел. [11: 136], к концу февраля – 1248 чел. [2: 268], к концу мая – 1306 чел. Таким образом, была достигнута и даже превышена установленная штатная численность [9: 29, 52]. Однако к 1 февраля 1944 г. в батальоне было только 47 офицеров [11: 136] из 65 положенных по штату. К концу мая 1944 г. эту проблему удалось решить и в батальоне находилось уже 93 офицера [9: 52].

Обучение подразделений батальона началось 15 декабря 1943 г. [14: 241]. Для организации боевой подготовки подразделений, а также для изучения оружия и техники в помощь командованию были подобраны и направлены 9 офицеров-инструкторов из Красной армии [2: 267–268]. К концу февраля 1944 г. программа боевой подготовки была завершена [11: 138–139]. В апреле – мае 1944 г. в составе батальона была сформирована также артиллерийская батарея численностью 68 чел., в составе 76-мм пушек образца 1927 г. Кроме того, в батальоне были музыкантский взвод и типография [9: 6–7, 53].

Изначально, судя по заявлениям официальных лиц, батальон подлежал отправке на поле боя уже на территории СССР. 20 февраля 1944 г. командование батальона обратилось с рапортом к советскому командованию о направлении батальона на фронт. По мнению советских офицеров – инструкторов и советников, а также по заключению уполномоченного Ставки по иностранным формированиям, батальон был подготовлен вполне удовлетворительно для выполнения боевых задач. 12 марта 1944 г. состоялось вручение батальону знамени и принятие его воинами присяги в торжественной обстановке [11: 139–140]. Однако к началу апреля 1944 г. сроки отправки батальона на фронт всё еще были не известны [7: 42]. Очевидно, что такая задержка была связана с ожиданием приезда в СССР югославской военной миссии [11: 140].

Прибытие миссии придало новый импульс развитию югославских воинских частей. 29 апреля 1944 г. глава миссии В. Терзич посетил югославский батальон и затем, на встрече с Г.С. Жуковым, высказал пожелание приступить к формированию еще одного, 2-го пехотного батальона, танковой роты и роты связи [11: 142].

Советское руководство с готовностью откликнулось на эту просьбу. 8 мая 1944 г. ГКО принял постановление, согласно которому к 15 июня было решено сформировать 2-й отдельный югославский пехотный батальон численностью 1158 чел., танковую роту численностью 51 чел. (на танках Т-34) и радиороту численностью 122 чел. [9: 20].

Принимая во внимание такое расширение, 9 мая 1944 г. В. Терзич сообщил И.Б. Тито, что созданные в СССР югославские воинские части необходимо преобразовать в бригаду [13: 85]. 19 мая 1944 г., выслушав доклад В. Терзича и М. Джиласа, И.В. Сталин дал указание: «Удовлетворить ходатайство югославского командования о выводе на фронт части подполковника Месич». Однако при этом одновременно было дано распоряжение «развернуть эту часть в бригаду» в составе двух стрелковых батальонов, артиллерийского дивизиона (пушки ЗИС-3 калибром 76-мм), батальона автоматчиков и необходимых частей и учреждений боевого и материального тыла [9: 35]. 21 мая это решение одобрил И.Б. Тито [13: 85].

Штат 1-й югославской бригады был утвержден в количестве 1887 чел., в том числе 171 офицер [9: 52]. Таким образом, ее штатная

численность была снижена относительно ранее имевшегося плана создания двух отдельных батальонов общей численностью более 2300 чел.

Советские власти считали, что реорганизация батальона в бригаду «займет несколько дней» [9: 35], однако она затянулась более чем на два месяца и, соответственно, затормозила вывод созданной в СССР югославской воинской части на фронт. Наконец, 14 июля 1944 г. В. Терзич в телеграмме, оправленной на имя И.Б. Тито, оценил положение в бригаде «как хорошее и с каждым днем всё лучше», а также отметил, что все ее воины хотят идти на фронт [14: 243].

17 июля 1944 г. командование Московского военного округа отдало приказ отправить Югославскую бригаду со станции Карасево до станции Рыбница (в Молдавии) в распоряжение 2-го Украинского фронта [8: 62]. Командиру бригады было приказано оставшееся время до отправки, назначенной на 29 июля, использовать на ее боевое сколачивание [9: 62]. Таким образом, боевой подготовке бригады было уделено самое серьезное внимание, и она продолжалась до самого ее отъезда.

Проведенные перед отбытием бригады на фронт инспекторские смотры показали, что личный состав бригады вполне подготовлен к выполнению боевых задач [1: 75]. 27 июля 1944 г. воины бригады приняли присягу и провели митинг по случаю отправки на фронт [6: 49].

29 июля 1944 г. бригада убыла по железной дороге в составе 1946 чел., в том числе 104 офицера, 320 унтер-офицеров и 1522 рядовых [1: 75] (к моменту отправки в югославских формированиях, созданных в СССР, вновь имелся некомплект офицерского состава). Бригада была полностью обеспечена боеприпасами (1,5 боекомплекта), горюче-смазочными материалами (2 заправки) и продовольственно-фуражным довольствием на 15 суток. Начальниками эшелонов были назначены лучшие офицеры бригады [9: 62]. Оставшаяся в СССР часть югославских воинов (350 чел.) продолжала проходить обучение во вновь созданном Карасевском учебном центре [1: 75].

1 августа 1944 г. бригада прибыла в расположение войск 2-го Украинского фронта и была включена в их состав. Хотя состав бригады позволял ей самостоятельно решать тактические боевые задачи, решением советского правительства она не была введена в бой до вступления Красной армии на территорию Югославии [11: 147–148]. Во второй

половине августа бригада прибыла в румынский город Тимишоара. Наконец, 6 октября она перешла на территорию Югославии. 13 октября в г. Петровац-на-Млави бригада была передана из состава Красной армии в Народно-освободительную армию Югославии (далее – НОАЮ) [13: 88].

После прибытия на территорию страны 1-я югославская бригада была включена в состав 23-й сербской дивизии 14-го корпуса НОАЮ [3: 138]. Бригада была введена в боевые действия в рамках сражений за сербский город Чачак, которые происходили с 30 октября по 1 ноября 1944 г. Вначале наступление бригады было успешным, и уже к 31 октября она выполнила задачи, поставленные командованием дивизии. Однако германские войска перешли в контрнаступление и заставили бригаду отступить. Она понесла большие потери – 137 убитых, 330 раненых и 72 пропавших без вести [13: 90] (по другим данным – 148, 350 и 58 соответственно [14: 243]). 2 ноября бригада была заменена другими формированиями и выведена в тыл [13: 90].

После этого в судьбе 1-й югославской бригады наступил рубежный этап. Югославское командование и политкомиссары бригады причину ее больших потерь видели исключительно в плохом руководстве, халатности командующего М. Месича, трусости бойцов, враждебном настрое части воинов бригады по отношению к НОАЮ, преднамеренном поднятии паники и т.д. Пропавших без вести бойцов обвинили в том, что они перешли к врагу [13: 90].

Большие потери бригады в битве за Чачак стали поводом для смены ее командования. 18 ноября 1944 г. были лишены должностей М. Месич, М. Пришлин и другие офицеры из бывшего Хорватского легиона. Начальник разведслужбы бригады подпоручник Н. Шабски был расстрелян как «агент гестапо». Новым командующим был назначен майор С. Микшич, комиссаром – А. Крайчевич, начальником штаба – капитан Н. Томич [13: 84, 92]. Кроме того, были ликвидированы иные выявленные «вольности», отличавшие бригаду от других частей НОАЮ [8: 348].

Можно сказать, что с этого момента бригада стала менять свое лицо. В целом к концу войны в ней осталось около 20 % бойцов, которые первоначально входили в ее состав. Остальные погибли, были ранены или переведены в другие части [3: 139]. Бригада также «пострадала»

в плане материального обеспечения – руководство НОАЮ изначально взяло курс на «удушение» ее снабжения [8: 347–348].

Переформирование и пополнение бригады продолжалось до 7 декабря 1944 г. [13: 92]. 12 декабря она была отправлена на Сремский фронт [3: 138]. В боях на этом фронте к 17 января 1945 г. бригаде удалось без тяжелых боев и потерь обойти г. Товарник с южной стороны и без боя прорваться в район д. Беркасово. 19 января части вермахта атаковали бригаду. 20 января бригаде удалось освободить юго-западную часть Беркасово и изгнать врага в сторону г. Шид. 21 января бригада, совместно с другими частями НОАЮ, атаковала врага, освободила Беркасово и продолжила преследование врага в направлении Товарника [5: 179, 189–191, 193].

Весной 1945 г. 5-я Краинская дивизия НОАЮ была перебросена в Боснию, где приняла участие в освобождении городов Янина и Биелина. Под городом Брчко вновь разгорелись тяжелые бои с противником. Сломив трехдневное сопротивление врага, бригада, взаимодействуя с другими частями НОАЮ, двинулась в Славонию, а оттуда еще дальше на запад. Под г. Славонски-Брод бригаде также пришлось вести тяжелые бои. Бригада с боями проходила ежедневно по 40–50 км и вскоре вышла к австрийской границе [3: 138–139]. 19–21 апреля в битве за Славонски-Брод бригада понесла большие потери – 113 убитых и 311 раненых, однако это не вызвало такой негативной реакции командования, как это было при Чачаке. Боевой путь бригада завершила в г. Бьеловар. В ноябре 1945 г. большая часть воинов бригады была демобилизована, и она практически перестала существовать [13: 92]. Всего в 1945 г. в военных действиях погибли 308, ранены 1128, пропали без вести 85 и умерли от болезней и ран 18 воинов бригады. В ходе военных действий бригада пополнялась: к 13 ноября 1944 г. – на 600 чел., с 7 февраля по 1 мая 1945 г. – на 1908 чел. [14: 244].

Очевидно, в связи с неоднозначной боевой судьбой 1-й югославской бригады, особенно в первоначальный период, оценка результатов ее боевых действий в литературе противоречива. Б. Димитриевич [12: 148] и А.Ю. Тимофеев дали им отрицательную оценку [8: 347–348]. М. Пойич, наоборот, считает, что бригада «выполнила поставленную ей задачу против превосходящих сил противника», а ее неудачи под Чачаком были обусловлены «недостаточной поддержкой

или отсутствием таковой соседних частей» [13: 90]. М. Джилас в своих воспоминаниях также оправдывал бригаду, считая, что ее неуспех «следует объяснять не столько бойцовскими качествами людей, сколько неподобающей организацией и отсутствием опыта» [4: 49].

В любом случае, создание в СССР югославской воинской части в годы Второй мировой войны представляет собой уникальный, «гибридный» опыт: с одной стороны, Югославия являлась членом Антигитлеровской коалиции (как Чехословакия и Польша), с другой – основной контингент югославской воинской части состоял из военнопленных, ранее воевавших на стороне гитлеровской Германии (как это было, например, и в румынской дивизии им. Тудора Владимиреску).

### Источники и литература

1. Антосяк А. Советско-югославское боевое сотрудничество в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 1978. № 5. С. 67–82.
2. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Справочно-статистические материалы). М., 1963.
3. Вргович С. Партизанскими тропами. М., 1977.
4. Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002.
5. Пајовић Љ., Узелац Д., Делебичић М. Сремски фронт, 1944–1945. Београд, 1979.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 247.
7. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 610.
8. Тимофеев А.Ю. Русский фактор: Вторая мировая война в Югославии, 1941–1945. М., 2010.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 7. Оп. 30. Д. 580.
10. ЦАМО РФ. Ф. 19. Оп. 11539. Д. 46.
11. Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны. М., 1966.
12. Dimitrijević B. Yugoslav–Soviet Military Relations, 1945–1948 // The Balkans and the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav–Soviet Conflict. Belgrade, 2011. S. 141–158.

13. *Pojić M.* Hrvatska pukovnija 369. na istočnom bojištu 1941.–1943.: ratni dnevnik. Zagreb, 2007.
14. *Popović N.B.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988.

**С.А. Приходько**

**СТЕПАН ЯКОВЛЕВИЧ РОЖКОВ – ПУТЬ ОТ КРЕСТЬЯНИНА  
ДО ЗАМЕСТИТЕЛЯ КОМАНДУЮЩЕГО ФРОНТОМ  
(к 100-летию со дня рождения героя)**

Степан Яковлевич Рожков родился 7 января 1894 г. в Российской империи, в Черниговской губернии, в Новозыбковском уезде, в с. Большой (в настоящее время – Старый) Кривец, в крестьянской семье. В 1910 г. Степан окончил Старокривецкую сельскую школу, а в 1914 г. – Новозыбковское высшее начальное училище и поступил в Глуховский учительский институт. Поскольку высшее образование в Российской империи являлось платным, представителю крестьянского или рабочего сословия было чрезвычайно сложно получить диплом. Чтобы иметь возможность оплачивать учебу, студент С.Я. Рожков давал уроки и не отказывался от физической работы.

В феврале 1917 г. правление династии Романовых завершилось. Два представителя правящей фамилии отказались от власти, в контексте двоевластия русское государство превратилось из монархии в республику.

В апреле Степан окончил Глуховский институт и решил продолжить обучение. В мае – августе 1917 г. С.Я. Рожков прошел курсы в Александровском военном училище. После окончания четырехмесячных курсов призывник служил в Челябинске в 109-м запасном полку в должности командира роты и в чине прапорщика. Там он узнал об Октябрьской революции. Тогда еще никто не представлял, что Челябинская операция в июле – августе 1919 г. и почти одновременное противостояние в Орловской губернии сыграют решающую роль в судьбе Белого движения в России.

В январе 1918 г. С.Я. Рожков демобилизовался, прибыл на малую родину и начал преподавать в климовской школе. Мирный период оказался недолгим. Победоносное шествие ценностей Великого



Октября от Балтийского моря до Тихого океана в первые недели после краха четвертого Временного правительства исследователи называют триумфом большевиков [4]. В мае 1918 г. мятеж чехословацких легионов привел к распаду сложившегося за полгода государственного пространства.

С противниками нового режима белогвардейцы жестоко расправлялись. Провокации, слежка и другие атрибуты царского режима возродились. Аресты, пытки и расстрелы рабочих и сельских тружеников стали постоянными. Террор белых словаков и чехов, фактически превратившийся в катализатор гражданской войны в Советской России, был жесточайшим [1: 41]. Практически во всех губерниях рухнувшей Российской империи закипели военные конфликты. При поддержке иностранных интервентов в Сибири была установлена диктатура адмирала А.В. Колчака [5]. Через полтора года его антибольшевистский режим потерпел крах.

Советская власть для организации отпора контрреволюционным соединениям собирала силы. В контексте ухудшения ситуации на фронтах Реввоенсовет организовал многочисленные мобилизации. На территории РСФСР были призваны верные революции специалисты.

15 марта (по другим архивным документам 15 апреля) 1919 г. С.Я. Рожков был призван Новозыбковским районным военным комиссариатом на службу в Красную армию и получил направление в штаб 10-й армии в Царицын. В июне 1919 г. офицер заболел тифом и был эвакуирован в Орёл. После выздоровления он занял должность командира роты отряда особого назначения на киевском направлении. 30 и 31 августа 1919 г. войска С.И. Петлюры и Добровольческая армия А.И. Деникина вошли в Киев [3: 297]. После потери Киева С.Я. Рожков получил тяжелое ранение и оказался в госпитале в Гомеле. 16 декабря 12-я армия освободила Киев [3: 340].

В январе 1921 г. С.Я. Рожков уехал в Витебск, и в течение полутора лет его служба проходила в отделе формирований штаба 15-й армии. За участие в боях с белогвардейцами и интервентами С.Я. Рожков получил орден Боевого Красного Знамени, а также именное оружие и почетные грамоты [2].

После второй демобилизации С.Я. Рожков трудился учителем и директором климовской школы, а также преподавателем

Новозыбковского педагогического техникума. В 1932 г. он вернулся на службу. В течение четырех лет Степан Яковлевич командовал 110-м полком, который был расквартирован в Новозыбкове.

В 1936–1940 гг. офицер служил в штабе 37-й стрелковой дивизии в Речице и в штабе 5-го корпуса в Слуцке. Можно уточнить, что 26 июля 1938 г. приказом Народного комиссариата обороны СССР № 0151 Белорусский военный округ (БВО) был преобразован в Белорусский особый военный округ (БОВО). В соответствии с данным приказом в составе БОВО были сформированы Бобруйская и Витебская армейские группы. Бобруйская группа была создана на базе управления 5-го стрелкового корпуса, находившегося в Слуцке. Основой для Витебской группы стало управление 4-го стрелкового корпуса, располагавшееся в Полоцке.

В 1937 г. в БВО дислоцировались 15 стрелковых дивизий, которые были объединены в пять кавалерийских дивизий и пять стрелковых корпусов. Становится понятным огромный объем работы, проводимой Управлением тыла БВО, в котором служил С.Я. Рожков.

Великая Отечественная война застала его в Минске, в штабе Западного особого военного округа. В сентябре 1941 г. майор С.Я. Рожков вступил в ВКП(б).

К началу второго немецкого вторжения в нашу страну он являлся уже опытным офицером. Тактику немецких оккупантов интендант изучил еще в 1918 г., в процессе борьбы с ними на территории Советской Украины. Безусловно, военный опыт стал для С.Я. Рожкова незаменимым в начальный период войны, оказавшимся самым тяжелым. В отличие от других штабных офицеров С.Я. Рожков сумел избежать многих ошибок и сократить потери в советских войсках.

Фашистские войска в ходе Смоленской стратегической оборонительной операции были задержаны ровно на два месяца и подошли к Москве с большими потерями. Результатом стало первое крупное поражение агрессора в войне. Система советского снабжения доказала свое превосходство поработанной Европе и обеспечила переход Красной армии в Московской битве от отступления к наступлению.

За мужество и отвагу, проявленные в Смоленском сражении, майор был удостоен второго ордена Боевого Красного Знамени.

Приказом Военного Совета Западного фронта № 0450 от 31 декабря 1941 г. за материальное обеспечение Московского сражения начальник

I отделения планового управления майор С.Я. Рожков получил орден Красной Звезды. В наградном листе были указаны заслуги офицера: «в служебной работе майор С.Я. Рожков не считался со временем». Также С.Я. Рожков неоднократно совершал вылеты в сложных метеорологических условиях. Интендант полностью выполнял приказы, связанные с перемещением стрелковых дивизий, докладывая ценные сведения командованию. В процессе работы майор проявлял большевистскую настойчивость и личное мужество, инициативу и творчество.

Майор интендантской службы многократно выполнял задания по доставке транспортов с боеприпасами и горючим в условиях артиллерийского обстрела, бомбежки и окружения. Даже в самых сложных обстоятельствах С.Я. Рожков проявлял себя как исключительно усердный командир. Начальник I отделения хорошо организовал работу и умело руководил подчиненными. Также в архивном документе содержится вывод о том, что I отделение, возглавляемое С.Я. Рожковым, являлось лучшим в отделе [6: 6]. Анализ многочисленных документов в различных архивах подтверждает, что подобный вывод был исключительно редким в период Великой Отечественной войны.

В июле 1942 г. – феврале 1943 г. полковник С.Я. Рожков занимал должность заместителя командующего 49-й армии по тылу. В июле 1944 г. генерал-майор С.Я. Рожков стал заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом по тылу и занимал эту должность до Великой Победы советского народа над гитлеровской Германией.

28 сентября 1943 г. за безукоризненное выполнение служебных обязанностей С.Я. Рожков был отмечен орденом Красного Знамени. 1 мая 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял решение о награждении интенданта медалью «За оборону Москвы». 3 ноября 1944 г. он стал обладателем ордена Красной Звезды. 19 апреля 1945 г. награжден орденом Ленина. 9 мая он узнал о Победе над фашистской Германией и о награждении соответствующей медалью. 9 июня 1945 г. С.Я. Рожков получил медаль «За взятие Кёнигсберга». 16 сентября 1945 г. генерал-лейтенанту был вручен орден Отечественной войны I степени.

С 9 июля 1945 г. до 29 января 1946 г. С.Я. Рожков служил в Барановичском военном округе. 15 ноября 1950 г. на его груди появился еще один орден Красного Знамени. В преддверии 37-й годовщины

Великого Октября, 5 ноября 1954 г., фронтовик был удостоен ордена Ленина [7: 14].

В итоге грудь генерала С.Я. Рожкова украсили два ордена Ленина, орден Отечественной войны I степени, по два ордена Красной Звезды и Красного Знамени, ордена Александра Невского, Кутузова и Суворова, а также многочисленные медали Советского Союза и стран народной демократии, включая Чехословацкую ССР. Всего за свою блистательную карьеру Степан Яковлевич получил 10 орденов и 12 медалей.

19 августа 1955 г. ветеран был отправлен в отставку. Его служение Родине продолжалась свыше 30 лет.

Умер герой 25 февраля 1979 г.

### Источники и литература

1. *Горшенин А.В.* Мария Оскаровна Авейде: Источники к биографии большевички // Революции в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник избранных статей участников Седьмой международной научной конференции молодых ученых и специалистов «Слю-2017». М., 2017. С. 38–48.
2. *Дунаев О.П., С.Я. Рожков* // Новозыбков: историко-краеведческий очерк / под ред. В. Лозинского. Брянск, 2001. С. 382.
3. *Какурин Н.Е., Вацетис И.И.* Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.
4. *Колпакиди А.И., Потапов Г.В.* 1917. Триумф большевиков. М., 2018.
5. *Хипхенов Г.И.* Крушение Центросибири. Иркутск, 2022.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 242.
7. ЦАМО РФ. Шкаф 73. Ящик 14.

**В.А. Градобоев**

### ГЕРОЙ ДОНСКОГО НЕБА ВИКТОР ПОПОВ

Параллельно с поиском неучтенных захоронений, эксгумацией останков павших воинов Красной армии, установкой памятников бойцам и командирам, павшим в годы Великой Отечественной войны,

работой над книгами Памяти в нескольких районах Ростовской области с 2012 г. бойцы сводного поискового отряда «Донской» им. А. Калинина по Константиновскому, Усть-Донецкому и Семикаракорскому районам Ростовской области приступили к поиску не вернувшихся с боевого задания советских пилотов.

По воспоминаниям местных жителей, в двадцатых числах июля 1942 г. в урочище Белужьего леса за станицей Николаевской Константиновского района Ростовской области упал сбитый немецкой авиацией советский самолет. Поиск места падения осложнялся тем, что данная местность ежегодно заливается вешними водами, частично заболочена и густо заросла деревьями и кустарниками.

Только 1 октября 2017 г. поисковикам удалось попасть на место падения машины и найти детали советского самолета И-15 бис: шильду с картера «Завод № 19 им. Сталина», крышки клапанов двигателя М-25В и номерные детали машины. Были найдены и останки пилота.

Далее поиск имени героя осложнился тем, что найденные детали имели номера трех разных машин. Одна из них – учебная, другая сбита в 1943 г. Это натолкнуло некоторых поисковиков на мысль о нахождении в этом месте ремонтной мастерской. Поисковики пришли к заключению, что самолету в период боевых действий могли менять изношенные и разбитые детали, снимая их с других, не пригодных к полетам машин.

В декабре 2017 г. мы получили из Министерства обороны РФ архивную справку за №11/22617. Согласно этой справке, «капитан Попов В.А. на самолете И-15-бис выполнял боевое задание в районе Дубенцовская. <...> В журнале летных происшествий 590 штурмового авиационного полка за май – август 1942 года записано:

“25.07.1942 года 9.45–9.50 (время) Группа самолетов 7 И-15-б под прикрытием 4 И-153 (из них 3 И-153 от 889 САП), вылетела на боевое задание в районе Николаевская на Н=1200–1500 м в районе цели прикрывающих И-153 атаковали 2 МЕ-109-ф, а группу И-15 бис атаковали 4 МЕ-109-ф. В результате боя были сбиты: И-15-бис, пилотируемый старшиной Завражным, И-153, пилотируемый лейтенантом Мильто, И-15, пилотируемый старшим лейтенантом Шелкуновым (889 САП). И-15-бис, пилотируемый капитаном Поповым, был подбит и дымящимся пошел со снижением, с курсом на Юг. Сбитые самолеты

1 И15-бис и 2 И-153 упали в районе Буденцовская” (так указано в документе – В. Г.)» [1: 1].

Таким образом, старшина Завражный погиб, лейтенант Мильто погиб, старший лейтенант Шелкунов погиб, капитан Попов пропал без вести. Один И-15-бис сгорел, два И-153 сгорели, место посадки еще одного И-15-бис неизвестно.

В сводках о гибели пилотов в этот день фигурировали фамилии нескольких человек. По данным М.В. Зефирова, немецкий летчик гауптман Реш Рудольф в этот день сбил два самолета с двигателями воздушного охлаждения, один из них (судя по времени и координатам) – в районе станицы Дубенцовской, второй – станицы Николаевской [2: 380].

Согласно документам Министерства обороны РФ (оперсводка № 67 и списки безвозвратных потерь 230-й штурмовой авиационной дивизии от 25.07.1942): «В результате боя с четырьмя “Мессершмиттами 109Ф” не вернулись с боевого задания из района ст. Николаевской три истребителя: два И-15 бис и один И-153. Пилоты Мильто Александр Павлович и Завражный Степан Андреевич сбиты в районе хутора Дубенцовский. И-15 бис, пилотируемый капитаном Поповым В.А., подбит и дымящимся ушел на юг» [3: 182]. В книгах Памяти и на плитах Монумена воинам, павшим в 1942 г. за станицу Дубенцовскую, увековечены имена пилотов С.А. Завражного и А.П. Мильто.

Виктор Попов свой боевой путь начинал в осеннем небе 1941 г. над Доном вместе с будущим Героем Советского Союза А.И. Покрышкиным. В составе 55-го истребительного авиаполка они защищали Таганрог и Ростов-на-Дону, вместе били врага, вместе учились летать на трофейном мессершмитте. Из архивных данных о героических боях В.А. Попова в боях над Таганрогом в 1941 г.: «...за 3 вылета 12 октября в районе хутора Мокро-Сарматский был дважды обстрелян зенитной батареей противника. В самолете (И-16. – В. Г.) было 30 пробоин. Вел воздушный бой с четырьмя самолетами противника Ме-109 и, несмотря на то что был один против 4-х, вступил в бой, из которого вышел невредимым» [4].

В 1942 г. Попов и Покрышкин вместе летали на разведку, Покрышкин на МиГе, а Попов на мессершмитте-109. В 1942 г. они оба не стали Героями Советского Союза, не получили медали «Золотая

Звезда». К сожалению, в архивных документах нет данных о героических разведывательных полетах В.А. Попова весной 1942 г.

18 июня 1942 г. вышел приказ И.В. Сталина № 0496 о применении истребителей для нанесения бомбового удара по противнику. А на месте посадки И-15 бис, найденного поисковиками, была обнаружена 50-килограммовая бомба. Возможно, если бы не было бомбы под крылом самолета, В.А. Попов стал бы Героем Советского Союза, как и его товарищ Александр Иванович Покрышкин. Ведь еще в феврале 1942 г. командир полка отправил представление на получение этого звания В.А. Поповым, но награда была пересмотрена, и только в мае Виктору вручили орден Ленина [5].

Через год, в мае 1943 г. Александру Ивановичу Покрышкину вручили первую Золотую Звезду Героя Советского Союза, а командир эскадрильи Виктор Попов 25 июля 1942 г. пропал без вести [6]. И только через 75 лет поисковики раскрыли тайну гибели отважного пилота.

В 2017 г. состоялось торжественное захоронение останков пилота, а в 2018 г. в станице Николаевской на месте захоронения поисковики установили памятную плиту.

После определения марки самолета и имени пилота начались поиски родственников. Благодаря телевизионным репортажам канала «Дон-24» в 2018 г. удалось найти младшую дочь Виктора Алексеевича, проживающую в Симферополе.

Оказалось, что у семьи капитана В.А. Попова сложилась нелегкая судьба. Его жена, Валентина Константиновна – уроженка Саратовской области, меняла место жительства, проживала в с. Скоморохи Житомирской области, в г. Сочи, в г. Ворошиловске (Ставрополь). В эти годы потеряла старшую дочь. После эвакуации проживала с младшей дочерью Ларисой в с. Китаевское Новоселецкого района Ставропольского края. В апреле 1943 г. Валентина Константиновна умерла от болезни в возрасте 21 года. Очевидно, по этой причине поисковики долгое время не могли найти родственников героя.

После смерти мамы Лариса воспитывалась в семье Сидельниковых, Ксении Кирилловны и Семена Егоровича, воевавшего на фронтах войны, участника освобождения Крыма. После войны они переехали в станицу Александровскую Ставропольского края. После окончания школы Лариса училась в Ессентуках, Кисловодске. Работала

в Азербайджанской ССР, где вышла замуж. В 1965 г. она переехала на постоянное место жительства в Севастополь. Всю жизнь в семье Поповых (Гуриных), хранились фотографии и вырезки из фронтовых газет.

26 апреля 2019 г. в Севастополе генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев вручил дочери погибшего капитана В.А. Попова Ларисе Викторовне Гуриной сертификат памяти «Возвращенные имена», орден «Доблести» Российского союза ветеранов с девизом «Долг, честь, слава» и медаль «75 лет освобождения Севастополя и Республики Крым». В этом же году 8 мая благодаря тележурналистам Ростова-на-Дону поисковикам удалось встретиться с семьей летчика В.А. Попова и передать артефакты, найденные на месте гибели героя.

Вот так, через 75 лет, имя героя донского неба было возвращено в историю Великой Отечественной войны.

### Источники и литература

1. Архивная справка Федерального государственного казенного учреждения МО РФ № 11/226/7 от 27.11.2017 г. // Личный архив автора.
2. *Зефиров М.В.* Асы люфтваффе. Кто есть кто. Скорость. М., 2010.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 4ВА. Оп. 4798. Д. 41.
4. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 511.
5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 530.
6. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1706.

**К.В. Сак**

**«Я ХОЧУ БОРОТЬСЯ ЗА РОССИЮ, ПРОТИВ НЕМЦЕВ, –  
ВОТ ЕДИНСТВЕННЫЙ МОТИВ МОЕГО ПЕРЕХОДА  
НА СТОРОНУ КРАСНОЙ АРМИИ»:  
КНЯЗЬ Н.М. ГАГАРИН НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Общим местом в историографии участия русских эмигрантов во Второй мировой войне стало их разделение на «оборонцев» и «пораженцев». Однако за рамками этой схемы оставалось немало «сомневающихся». Они не произносили громких публичных речей, не делали



заявлений, мало известны пока их дневники и воспоминания [3]. Накануне нападения Германии на Советский Союз многие эмигранты выражали желание воевать вместе с частями вермахта за свержение власти большевиков. Кто-то надеялся вернуть потерянную в революции и Гражданской войне семейную собственность. Были и те, кого родители вывезли из России еще детьми, – они хотели своими глазами увидеть далекую Родину. Побывав на Восточном фронте в качестве переводчиков или шоферов, эти люди нередко пересматривали свое отношение к «Совдепии».

Наиболее известен на сегодняшний день прошедший именно такой путь студент-медик и практикант санитарной роты Александр Шморель, один из основателей студенческой группы Сопротивления «Белая роза» в сердце нацистской Германии [10]. В 1943 г. за антиправительственную деятельность он был казнен в Мюнхене. В 2007 г. причислен к лику святых Русской православной церковью.

Однако А. Шморель был не единственным, кто видел «войну на уничтожение» и после этого избрал для себя путь антифашистской борьбы. Николай Михайлович Гагарин, офицер вермахта и командир взвода 3-го эскадрона 600-го казачьего дивизиона, 9 июня 1943 г. перешел на сторону советских партизан. О дальнейшей жизни молодого человека пишет историк К.М. Александров: «Гагарина отправили самолетом в Москву, и его последующая судьба нам неизвестна. Можем лишь сказать, что переход князя Гагарина стал следствием его полного разочарования в восточной оккупационной политике, которая производила шоковое впечатление на многих эмигрантов. Правда, в подавляющем большинстве они возвращались в Европу» [1: 441]. Таким образом, биография Н.М. Гагарина – пока единственная известная история русского эмигранта, попавшего на Восточный фронт вместе с гитлеровскими войсками и перешедшего на сторону советских партизан. Она чрезвычайно важна как для понимания личной истории человека на войне, так и мировоззренческих установок далеко не однородной русской эмиграции в годы Второй мировой войны.

Документальное свидетельство о переходе Н.М. Гагарина на сторону партизан впервые увидело свет благодаря публикации архива Д.А. Волкогонова. Это сопроводительная записка к протоколу допроса Н.М. Гагарина от 14 сентября 1943 г., направленная И.В. Сталину,

В.М. Молотову и Л.П. Берии, и первая страница одного протокола допроса [2]. Полный текст документа до недавнего времени был недоступен. Сейчас он рассекречен и хранится в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ).

Протоколы допросов сталинской эпохи – это особый источник, о познавательной ценности которого ведутся дискуссии. Мнения специалистов расходятся: от отказа в репрезентативности таким документам до полного к ним доверия. Что касается протокола допроса Гагарина, стоит отметить, что неизвестно, сколько времени спецслужбы его проверяли, под пытками или нет князь давал показания и сколько всего было произведено допросов. Однако тот факт, что он, судя по всему, был готов к сотрудничеству с советской властью и уголовного дела на него заведено не было, дает возможность рассматривать представленные в протоколе сведения как относительно достоверные.

Со слов Н.М. Гагарина известно, что он родился 20 июля 1913 г. в Петергофе. Семья Гагариных входила в круг старой русской аристократии. Отец князь Михаил Сергеевич Гагарин был полковником и служил в элитном гвардейском Кавалергардском полку. Матерью была Мария Александровна, урожденная графиня Мусина-Пушкина, городская фрейлина при царском дворе. У Н.М. Гагарина было два младших брата – Алексей и Дмитрий. Семье принадлежали обширные имения в Рязанской и Тульской губерниях. Как рассказывала М.А. Гагарина сыну, отец принял участие в неудачном Корниловском мятеже в 1917 г., после чего уехал на Дон и участвовал в создании Добровольческой армии. В 1918 г. был арестован большевиками в Краснодаре, бежал из заключения, но был ранен и вскоре скончался [7: 4–5]. Семья Гагариных эмигрировала в 1919 г. из Крыма и на какое-то время обосновалась в Турции. Многочисленные родственники Гагариных в эмиграции проживали в США, Франции, Германии, Бельгии, Югославии, Австрии и т.д.

Обучение Н.М. Гагарин проходил в английском колледже для русских эмигрантов, открытом на деньги британских благотворителей в Буюкдере. В 1924 г. семья переехала в Ниццу, где в 1929 г. молодой человек окончил бухгалтерские курсы. После этого для продолжения образования он перебрался к родственникам Кочубеям в Брюссель, а мать с двумя младшими детьми – в США. В Бельгии Николай

пробыл недолго. Для получения достойного русского аристократа образования родственники отправили его в Югославию, где находился Второй Русский императора Александра III кадетский корпус (Донской кадетский корпус). В 1934–1937 гг. князь проходил обучение в Югославской военной академии, которую закончил в чине лейтенанта. Затем он командовал взводом 1-го Альпийского стрелкового полка, чуть позже – минометной ротой. После нападения Германии на Югославию участвовал в боях, но, попав в окружение, в мае 1941 г. сдался в плен. Направлен в лагерь для военнопленных офицеров Варбург VI-B [7: 9–10].

На следующий день после нападения гитлеровской Германии на СССР молодой русский эмигрант подал заявление с просьбой зачислить его в состав вермахта и направить на Восточный фронт. Свое решение на допросе НКГБ он объяснил так: «Я был воспитан в реакционно-монархическом духе, но, рано оторвавшись от семьи и будучи предоставлен самому себе, стал сомневаться – верно ли то, что мне о Советской власти со злобой твердили родные и знакомые, словом, хотел самостоятельно разобраться во всем, что делалось на родине. Должен добавить, что с детства, во Франции, Бельгии и Югославии меня не оставляло чувство изгнанника, и я мечтал вернуться в Россию» [7: 18]. О своем намерении отправиться на Восточный фронт Гагарин написал родственникам, реакция которых была неоднозначной. Так, родные братья Алексей и Дмитрий, служившие в американской армии, к концу 1941 г. прервали общение по переписке, не разделяя намерений старшего брата. Дядя Н.А. Мусин-Пушкин, к тому моменту около полугода отслуживший переводчиком на Восточном фронте, советовал своему племяннику «хорошенько подумать, прежде чем принять решение о поездке в составе действующей германской армии». Другой его дядя, Николай Кочубей, был видным сотрудником националистической организации украинских эмигрантов «Украинская громада». В начале войны он намеревался ехать на Восточный фронт переводчиком, но затем по неизвестной причине от этой мысли отказался. Двоюродный брат Сергей Раевский переводчиком отправился на войну с СССР и погиб в боях под Старой Руссой. В то же время его родной брат и кузен Николая Гагарина Михаил Раевский в рядах французской армии воевал против немцев и попал в плен [7: 4].

В лагере для военнопленных в течение года Гагарин изучал немецкий язык, читал «Майн Кампф» и демонстрировал приверженность национал-социализму. За усердие он был перемещен в лагерь в Кольдице, где находились и другие русские эмигранты [7: 15–17]. Но вопрос об отправлении на фронт повис в воздухе, так как 30 июня 1941 г. германское правительство распорядилось русских эмигрантов не допускать к участию в военных действиях на Востоке.

Положение изменилось осенью 1941 г. В лагерь приехали комиссии из русских, украинских и белорусских организаций и стали вербовать военнопленных. Гагарин, как родственник Кочубея, записался в украинцы. В декабре 1941 г. он был переведен в лагерь «Вуец» под Берлином, затем в «Цитенхорст» [7: 18]. В этих лагерях, представлявших собой закрытые учебные заведения Восточного министерства, военнопленных обучали тому, как распространять антисоветскую пропаганду на оккупированной территории СССР. В марте 1942 г. «украинец» оказался в сборно-распределительном лагере «Лихтенфельде-Зюд» и затем вместе с другими прошедшими обучение белоэмигрантами две недели в Берлине ожидал отправки на Восточный фронт [7: 18–19].

В столице Германии русских эмигрантов курировал В.В. Бискупский. В 1936 г. он был одним из организаторов Управления делами русской эмиграции (УДРЭ), которое занималось не только материальной помощью русским беженцам, но и поиском бывших подданных Российском империи, которые могли участвовать в борьбе с СССР [8]. По словам Гагарина, вместе с ним желание отправиться в качестве переводчиков на войну выразили еще около 50 соотечественников. Вероятно, это была одна из немногочисленных организованных акций в Германии по отправке русских переводчиков на фронт. Уже 27 июня 1942 г. германское руководство запретило мобилизовывать эмигрантов. Общая численность русских эмигрантов, воевавших в рядах вермахта и союзнических армий, по разным оценкам, составляла от 12 до 20 тыс. чел. [4: 59].

В конце мая 1942 г. Гагарин и другие белоэмигранты оказались в оккупированном Смоленске, где поступили в распоряжение генерала Максимилиана фон Шенкендорфа, командовавшего военной областью «Митте» тылового района группы армий «Центр». Еще в октябре 1941 г. Шенкендорф содействовал созданию казачьего эскадрона

во главе с коллаборационистом, бывшим майором Красной армии И.Н. Кононовым. В октябре 1942 г. это боевое подразделение было переформировано в 600-й отдельный казачий дивизион, который дислоцировался в Могилеве. Осенью дивизион включили в состав немецкой 286-й охранной дивизии («Рихерт»). Именно в этот дивизион попал бывший князь [7: 25].

По заведенному в полку порядку русские и советские офицеры командовали взводами и эскадронами, согласуя свои действия с немецким штабом. Этот штаб, в свою очередь, подчинялся высшему германскому командованию, готовившему антипартизанские операции. Н.М. Гагарин получил в распоряжение отдельный казачий взвод. Были среди командиров и другие белоэмигранты. Например, на допросе князь называл А.Н. Пуговичникова, участника Гражданской войны, инструктора офицерской кавалерийской школы Югославской Королевской армии. Он был помощником командира полка И.Н. Кононова, ставшего впоследствии генерал-майором Комитета освобождения народов России. Мечтой Пуговичникова было вернуть себе свое имение [7: 29].

На допросе Гагарин рассказывал, что принимал непосредственное участие в крупномасштабных операциях «Адлер», «Карлсбад», «Зимний лес», в которой было задействовано несколько немецких дивизий с бронемашинами и танками. За взятие в плен П.П. Кондратенко, начальника разведки партизанского отряда «За Родину», Н.М. Гагарин получил награду – «бронзовый крест с мечами» [7: 33].

Гагарин находился на хорошем счету у руководства дивизии даже несмотря на то, что командующий эскадронам за его сдержанное отношение к партизанам называл своего подчиненного не внушающей доверия личностью. На допросе Гагарин рассказывал, что командовал почетным караулом, когда в казачий полк приезжал А.А. Власов. Бывший советский генерал без погон произвел на князя неприятное впечатление. Он повторял «антисоветскую клевету» и во время застолья высказался о русских эмигрантах: «Между прочим, Власов спросил – есть ли среди офицеров полка белоэмигранты? Получив утвердительный ответ, он пробурчал: “Мы всяких принимаем, только вот некоторые добиваются имений, но все равно их не получают”» [7: 27].

Почему же бывший князь Гагарин, вывезенный ребенком из России, формировавшийся в среде аристократической антисоветской эмиграции, находившийся больше года на службе немецкого штаба, решил перейти на сторону советских партизан? На этот вопрос следователя Гагарин ответил: «Я хочу бороться за Россию, против немцев, – вот единственный мотив моего перехода на сторону Красной армии» [7: 22].

Большое влияние на князя также оказали два человека – военнопленная медицинская сестра Тамара Козак и ординарец Вячеслав Балакин. Во время пребывания князя в лазарете г. Орши Т. Козак рассказывала ему о советской действительности. Ее рассказ резко контрастировал с тем, что читал русский эмигрант в немецкой белоэмигрантской прессе. Свою лепту внес и лежавший на лечении немецкий офицер, который говорил, что после войны по дешевке купит себе имение в России. Такое желание выражали многие сослуживцы Гагарина. Даже обер-лейтенант СС Ритберг однажды сказал, предрекая князю большую карьеру: «Вам, да и тем из эмигрантов, кого мы еще сюда не пускаем, если они захотят с нами честно работать, имения будут возвращены. Я и сам, признаюсь, рассчитываю остаться здесь в роли помещика» [7: 40]. Гагарину же были подобные мысли глубоко чужды.

Решающую роль в истории перехода Гагарина на сторону советских партизан сыграл ординарец В.А. Балакин. Как показал Гагарин на допросе, он родился в 1924 г. и был родом из г. Горки Могилевской области. Ушел на войну добровольцем, попал в плен под Смоленском в 1942 г. Из личного листка по учету партизанских кадров известно, что Балакин в Красную армию не призывался, был военнопленным, действительно состоял в 600-м казачьем полку Русской освободительной армии (РОА), в партизанский отряд прибыл из Бобруйска. С 6 июня 1943 г. по 5 июля 1944 г. состоял рядовым в отряде им. Сталина, действовал в Осиповичском районе Могилевской области [5]. Бывшего князя и советского военнопленного сблизило то, что они оба были против оккупационного режима. В конце 1942 г. они в очередной раз обсуждали «новый порядок», зверства над русскими и выкачку богатств с захваченных территорий. Со слов Гагарина, его ординарец воспользовался этим разговором и предложил перейти к партизанам: «Я согласился, но заявил, что мне, как офицеру, следовало бы перейти вместе со своими солдатами» [7: 43].

Сначала Гагарин попытался уговорить настроенного против немцев командира эскадрона советского военнопленного Г. Катянова. Но тот, будучи женатым на русской переводчице при комендатуре и опасаясь за ее жизнь, от перехода отказался и даже установил за Гагариным слежку [7: 45]. Первыми на сторону партизан перешли девять казаков взвода Гагарина 1 июня 1943 г. [7: 44]. На допросе он назвал несколько фамилий, и, действительно, их личные листки по учету партизанских кадров подтверждают слова князя с той поправкой, что переход они совершили на день раньше, возможно, в ночь. Например, М.Г. Бетин в партизанский отряд прибыл из РОА добровольно 30 мая 1943 г. С 30 мая 1943 г. по 5 ноября 1943 г. состоял рядовым в отряде им. Сталина, а затем командовал отделением.

Гагарин готовил переход на сторону партизан через казака Глухова. У того была знакомая девушка Валя, имевшая связь с партизанским отрядом. Она дала адрес явки в д. Мотовилы и пароль. Для отвода глаз 9 июня Гагарин приказал провести обыски в домах д. Голынка, а сам с пятью казаками и оружием направился по назначенному адресу. В д. Осередок они встретили партизан и перешли на их сторону. Вечером к партизанам перешли также ординарец князя Балакин и казак Лунин.

Первое сообщение о переходе Гагарина на сторону партизан поступило советскому руководству 18 июня от начальника центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко. Записка заканчивалась словами: «Полагая, что такой человек может представить интерес для НКВД или Разведупра, дал указание о доставке его в Москву». В Москве Гагарин был допрошен органами НКГБ. 14 сентября о результатах руководитель госбезопасности В.Н. Меркулов доложил Сталину. К записке прилагался протокол допроса Гагарина. Меркулов выразил мнение, что «считает целесообразным после дополнительной проверки использовать Гагарина для работы в тылу врага» [2].

Дальнейшие следы бывшего белоэмигранта теряются. Позднее сведения о нем появятся в воспоминаниях П.А. Судоплатова, в 1943 г. возглавившего 4-е управление НКГБ и отвечавшего за террор и диверсии в тылу противника [6]. По его словам, Гагарин стал тайным агентом и был переброшен в армию Власова. Затем отступил в Германию, где и проживал после войны до переезда во Францию. Там «в его

задачу входило создание базы для диверсионных действий в морских портах и на военных аэродромах, а также группы боевиков, которые в случае войны или усиления напряженности вдоль наших границ были бы в состоянии вывести из строя систему коммуникаций и связь штаб-квартиры НАТО, находившейся в Фонтенбло» [9: 283].

Документов, подтверждающих данные Судоплатова, по понятным причинам нет в распоряжении исследователей. Однако можно предположить, что Гагарин действительно находился в подчинении у автора воспоминаний. В ходе чисток в госбезопасности по «делу Берии» в августе 1953 г. Судоплатов был арестован. Из ответа ФСБ на запрос о Н.М. Гагарине следует, что 19 ноября 1954 г. он подвергся аресту КГБ и 18 мая 1955 г. осужден по статье 58-4 УК РСФСР за участие в «буржуазных организациях», осуществлявших враждебную деятельность против СССР. Николай Михайлович Гагарин был приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях на 6 лет. По закону от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитации не подлежит.

### Источники и литература

1. *Александров К.* Русские солдаты вермахта. Герои или предатели: сборник статей и материалов. М., 2005.
2. Доклад Сталину о допросе лейтенанта немецкой службы Гагарина Н.М., перешедшего на сторону партизан. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/26483-28-doklad-stalinu-o-doprose-leytenanta-nemeckoy-služby-g> (дата обращения: 19.03.2023).
3. Испанская грусть: Голубая дивизия и поход в Россию, 1941–1942 гг.: воспоминания В.И. Ковалевского / под ред. О.И. Бэйды, Ш.М. Нуньеса Сейшаса. М.; СПб., 2021.
4. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000.
5. Партизаны Беларуси. URL: <https://partizany.by/partisana/197468/> (дата обращения: 19.03.2023)
6. *Пивоваров Н.Ю., Попов А.Д.* Словом и делом: религиозный вопрос в сообщениях органов государственной безопасности в ЦК ВКП(б)/ КПСС (1950-е – первая половина 1960-х гг.) // Электронный научно-



- образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840021693-1-1/> (дата обращения: 21.03.2023).
7. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 284.
  8. Семенов К.К. Берлинский узел РОВСа (1920–1945) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2012. № 3. С. 17–47.
  9. Судоплатов П.А. Разведка и Кремль: воспоминания опасного свидетеля. М., 2019.
  10. Храмов И.В. Александр Шморель. М., 2018.

**И.В. Меликов**

### **«ВОЙНА, КАКОЙ ОНА БЫЛА»: БОЕВОЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА МИХИНА**

Вот уже 82 года минуло с момента начала самой трагичной в истории нашей страны войны против нацистской Германии. Сменилось несколько поколений жителей Советского Союза, самого Союза нет на карте мира, а интерес к историческим событиям того времени не угасает не только у профессиональных историков, вводящих в научный оборот неизвестные ранее документы, сохранившиеся и найденные ими в архивах, но и у широкой публики, наших современников. Ведь не было в стране семьи, которой не коснулась бы трагедия гибели близких в разные периоды войны, которая длилась почти четыре года и унесла десятки миллионов человеческих жизней.

Важным направлением исследования Великой Отечественной войны являются отражение ее событий и участников в различных формах исторической памяти и мемориальной культуре. Материализованная память о прошлом находит отражение не только в документах архивов, мемориальных памятниках, экспонатах музеев, но и в основанных на документальных источниках литературных произведениях.

Цитата в названии данной статьи принадлежит писателю Петру Алексеевичу Михину (1921–2020) – ветерану Великой Отечественной войны [6]. Именно о нем, герое-огневике, командире батареи / дивизиона гаубичных орудий, авторе правдивых книг о войне, «какой она была», активном участнике освобождения Дона, Донбасса и Украины пойдет речь в настоящей публикации.

Петр Алексеевич Михин жил в Курске и не дожил всего три месяца до своего 100-летнего юбилея. Это был человек с удивительной биографией, жизненной позицией и героическим прошлым. С ранней юности выходец из бедной крестьянской семьи, жившей в селе Боганы Борисоглебского района Воронежской области, стремился учиться и быть учителем. Ему это удавалось на протяжении всей жизни: и в педагогическом училище в Борисоглебске, которое он окончил перед войной, впоследствии вернулся в него уже преподавателем, и в Ленинградском педагогическом институте, и в Курском – Уссурийском суворовском военном училище, и в Курском институте усовершенствования учителей. П.А. Михину было присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР». В 2017 г. в Курске корреспондент Светлана Герасимова с коллегами создала о нем документальный фильм «Как я стал учителем».

Но, конечно, главным испытанием учительского таланта стала для молодого студента начавшаяся в 1941 г. война. Офицеру-артиллеристу, бывшему студенту-математику пришлось не только самому учиться воевать, но и учить артиллерийской науке подчиненных ему бойцов, которые часто были намного старше его по возрасту. Он командовал взводом, батареей, дивизионом мощных 152-мм гаубиц. Во время боевых действий, находясь в одной траншее с пехотинцами, направлял и корректировал огонь своих орудий, расположенных в нескольких километрах от передовой. П.А. Михин был трижды ранен и много раз контужен, участвовал в боях под Ржевом и Сталинградом, на Курской дуге, на Украине и в Молдавии, в Румынии и Болгарии, в Югославии и Венгрии, в Австрии и Чехословакии, с японцами в Монголии и Китае. В частности, его 52-я дивизия, действуя на Юго-Западном фронте, освобождала города и населенные пункты Юга Советского Союза: Старобельск, Артёмовск, Мариуполь, Лисичанск, станцию Соль и др.

За свои ратные подвиги П.А. Михин был награжден 6 боевыми орденами, удостоен званий Почетного гражданина Ржевского района Тверской области, города Соледара Донецкой области Украины и, конечно, ставшего ему родным с 1951 г. города Курска. Имя П.А. Михина занесено в энциклопедию «Лучшие люди России». Ветеран был участником Парада Победы в Москве в 2005 г. Учительский труд П.А. Михина отмечен званием «Заслуженный учитель РСФСР» и орденом «Знак Почета».

Прожив долгую и насыщенную послевоенную жизнь, завершив учебу в Ленинградском педагогическом институте и проработав более 40 лет учителем, офицер-артиллерист не мог не совершить еще один связанный с войной подвиг. Все, что он пережил, перестрадал, передумал о войне, он решил рассказать будущим поколениям, еще не раз пропуская через свое сердце события, непосредственным участником которых он был. Так родилась серия его книг о войне, «какой она была», изданных в Москве, Курске и даже в Лондоне: «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить» [4], «Война, какой она была» [6], «Так воевали мы и жили» [7], «Guns Against the Reich» [10], «Внукам о войне» [5] и больше сотни публикаций в периодической печати. Напутствие на написание первой книги П.А. Михину дали ветераны той самой 52-й дивизии, с которой он прошел всю войну, прочитав его рассказы о боях дивизии и не только отметив правдивую скрупулезность написанного, но и поверив в литературный талант своего однополчанина. Две из книг («Артиллеристы...» и «Война...») размещены в открытом доступе в интернете, что при малочисленном тираже в 1000 экземпляров упрощает читателям знакомство с произведениями П.А. Михина.

Автору данной статьи посчастливилось быть учеником Петра Алексеевича в 1950-е гг. в Курском суворовском военном училище и дружить с ним на протяжении более 70 лет, вплоть до его кончины 7 декабря 2021 г. Об опыте распространения книг Петра Алексеевича в Москве было рассказано в двух статьях автора, помещенных писателем в свои книги [2; 3].

В Курске книги П.А. Михина можно найти в городских и школьных библиотеках, да и в личных домашних библиотеках курян. Ученики, суворовцы, студенты с любовью хранят память о своем Учителе, перечитывая его произведения о войне. Похоронен П.А. Михин на Аллее Славы Курска, где стараниями учеников-суворовцев (ныне – генералов и полковников) на щите гаубицы М-30 установлена именная табличка с данными о герое. А одна из школ города носит имя Петра Михина.

На вопрос о достоверности военных событий, описанных в произведениях А.П. Михина можно ответить положительно. Во-первых, сохранилось письмо бывшего начальника политотдела 52-й дивизии, председателя ее Совета ветеранов полковника Д.С. Балашова,

который после прочтения части произведений П.А. Михина напутствовал автора на публикацию в широкой прессе его рассказов и книг. Во-вторых, в послевоенные годы ветераны 52-й дивизии, и в их числе П.А. Михин, во главе со своим комдивом генералом Л.М. Миляевым неоднократно совершали поездки по местам былых боев, и могли высказать автору-однополчанину свое критическое мнение. А в-третьих, подтверждением правдивости описываемых событий были дети и внуки девяти детей, спасенных им в феврале 1943 г. под городом Барвенков. Командир взвода разведки, в то время 20-летний лейтенант, получил приказ вынести из окружения и доставить в штаб армии пакет. Пробегая одну деревню, он попал под бомбежку, которая разрушила дома жителей. В одном из них под развалинами оказались дети, которых ему удалось спасти от гибели. И вот спустя 20 лет, в 1962 г., проезжая на поезде город Барвенково, ветеран вспомнил этот случай его военной биографии. Случилась трогательная встреча с некоторыми из спасенных им детей и с их детьми. Еще дважды, в 1982 и 1993 гг., вместе с однополчанами ветеран побывал в этих местах, и каждый раз его встречали разрастающиеся семьи спасенных им детей, их дети и внуки.

П.А. Михин за свой ратный подвиг был награжден многими боевыми орденами и медалями (табл. 1).

Первым своим орденом – Красной Звезды – старший лейтенант П.А. Михин был награжден командующим артиллерией 57-й армии за бои по освобождению хутора Рогань Харьковской области 12 августа 1943 г. Согласно наградному листу он «сумел организовать непрерывную связь дивизиона с поддерживаемым стрелковым полком. Отлично организовал разведку противника, его огневые точки и расположение пехоты. <...> приблизившись вплотную к противнику, корректировал огонь по обнаруженным им целям, в результате чего батарея уничтожила два танка, одну минометную батарею, 75 м/м орудие и несколько пулеметных точек с их расчетами» [8].

Ожесточенные бои происходили при освобождении Молдавской ССР в августе 1944 г. Снова обратимся к наградному документу: «... в районе д. Каратуй Котовского района 24–26.08.1944 в боях по отражению сильных контратак противника, готовившихся прорвать

кольцо окружения... огнем артдивизиона уничтожено 2 отд. орудия, 48 автомашин и более 200 гитлеровцев. Взято в плен 320 немецких солдат и офицеров» [8]. Именно этот трагический для дивизиона бой (в живых осталось только два человека, в том числе и раненый командир) П.А. Михин впоследствии опишет в своих книгах, назвав своих бойцов героями-огневи́ками. И именно за этот бой приказом войскам 57-й армии он будет удостоен ордена Александра Невского. А было ему всего 23 года...

**Таблица 1.** История награждения П.А. Михина боевыми орденами

<b>Звание, должность</b>	<b>Представление</b>	<b>Получение</b>	<b>Дата получения</b>
Старший лейтенант, начальник разведки дивизиона	орден Красного Знамени	орден Красной Звезды	01.09.1943 Приказ № 018-н
Старший лейтенант, командир батареи	орден Отечественной войны 2-й степени	орден Отечественной войны 1-й степени	16.04.1944 Приказ № 010-н
Капитан, командир дивизиона	орден Красного Знамени	орден Александра Невского	07.10.1944 Приказ № 0166/н
Капитан, командир дивизиона	орден Красного Знамени, орден Богдана Хмельницкого 3-й степени	орден Красного Знамени	31.07.1945 Приказ № 0318/н
Капитан, командир дивизиона	орден Отечественной войны 2-й степени	орден Отечественной войны 2-й степени	12.09.1945 Приказ № 058/н

Потом в апреле 1945 г. был орден Красного Знамени за прорыв обороны противника в Австрии и орден Отечественной войны 2-й степени за беспрецедентный 1500-километровый переход передового артдивизиона по безводной и пустынной местности Монголии и преодоление

Большого Хинганского хребта в сентябре 1945 г. Здесь и закончилась война для капитана Михина.

Многое пришлось испытать в боях молодому офицеру-артиллеристу, но вот что, по его словам, было самым страшным на войне: «... это не выход из окружения и не ночной поиск “языка”, даже не кинжальный огонь и не рукопашная схватка. Самое страшное на войне – это когда тебя долго не убивает, когда в двадцать лет на исходе все твои физические и моральные силы, когда под кадыком нестерпимо печет и мутит, когда ты готов волком взвыть, в беспамятстве рухнуть на дно окопа или в диком безумии броситься на рожон. Ты настолько устал воевать, что больше нет никаких твоих сил...» [6: 223]. Об этом П.А. Михин трогательно рассказал в интервью корреспонденту Александру Сладкову в Военной программе в год своего 90-летия в 2011 г. [9]. 2 марта 2020 г. Петр Алексеевич отметил 99-летие. Поздравлял его весь город Курск, с приветствием и подарками приехали из Москвы и бывшие суворовцы.

Творчество Петра Алексеевича не обойдено вниманием администрации Курской области и города Курска, Курской областной Думы, писательской и журналистской общественностью. Он был членом Союза писателей и Союза журналистов, лауреатом многих литературных премий, одна из которых – «Антоновское яблоко» – была присуждена П.А. Михину в 2012 г. как человеку года города Курска за книгу «Война, какой она была». Автор четыре раза (в 2007–2008, 2010, 2012, 2013 гг.) был удостоен звания лауреата ежегодного творческого журналистского конкурса имени Константина Воробьева. В январе 2014 г. П.А. Михину была присуждена Премия Союза журналистов имени В.В. Овечкина.

Доктор исторических наук А.А. Киличенков в рецензии на книгу П.А. Михина «Артиллеристы, Сталин дал приказ». Мы умирали, чтобы победить» отметил особую ценность откровенного описания фронтовой повседневности обычного армейского офицера: «... перед читателем разворачивается настоящая картина фронтовой повседневности» [1: 126]. В заключение исследователь утверждал: «После прочтения воспоминаний Петра Алексеевича Михина остаются горечь и гордость – те чувства, которые и должна вызывать память о страшной войне, непомерных жертвах и неизмеримо великой По-

беде. Это те чувства, которые не позволят ни нам, ни нашим детям забыть величие Победы, и те страдания отцов и дедов, простых солдат, не думавших о великом, но вершивших его» [1: 131]. Этими словами сказано всё о герое данной статьи.

Большой и достойной сложилась жизнь офицера и учителя Петра Алексеевича Михина, жизнь Героя Великой Победы, передавшего следующим поколениям память и правду о войне, какой она была.

### Источники и литература

1. *Киличенков А.А.* Как воевали и как победили: Неюбилейные историографические заметки. (Рец. на кн. Михин П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ». Мы умирали, чтобы победить. М.: Эксмо, 2006. 574 с.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 124–131.
2. *Меликов И.В.* Народная любовь и трудная судьба книги // Михин П.А. Так воевали мы и жили. Курск, 2014. С. 499–510.
3. *Меликов И.В.* От сердца к сердцу // Михин П.А. Внукам о войне. Курск, 2015. С. 357–378.
4. *Михин П.А.* «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». Мы умирали, чтобы победить. М., 2006.
5. *Михин П.А.* Внукам о войне. Курск, 2015.
6. *Михин П.А.* Война, какой она была. Рассказы. Курск, 2012.
7. *Михин П.А.* Так воевали мы и жили. Курск, 2014.
8. Михин Петр Алексеевич // Память народа. 1941–1945. URL: <https://goo.su/Paiw90> (дата обращения: 26.03.2023).
9. *Сладков А.* Военная программа. 30.04.2011. URL: <https://smotrim.ru/video/93498> (дата обращения: 26.03.2023).
10. *Mikhin P.* Guns Against the Reich. Barnsley, 201

# **Раздел 3**

## **Нацистская оккупация и сопротивление захватчикам в годы Великой Отечественной войны**

**Е.Ф. Кринко**

### **СОПРОТИВЛЕНИЕ ОККУПАНТАМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ<sup>1</sup>**

Сопротивление оккупантам на захваченной советской территории всегда относилось к широко разрабатываемым направлениям исследований в истории Великой Отечественной войны. Данной теме посвящены тысячи обобщающих и специальных работ, сотни диссертаций и документальных публикаций. Появление новых оценок и подходов, введение в научный оборот новых источников обуславливают необходимость подведения итогов развития сложившейся историографии и выявления стоящих перед ней основных проблем.

Первые публикации о действиях советских партизан и подпольщиков вышли еще во время войны. Наряду с работами, пропагандировавшими наиболее эффективный опыт партизанской борьбы, описывавшими подвиги отдельных партизан, были и публикации прикладного характера, содержавшие наставления партизанам по вопросам организации конкретных действий. Но освещение данных вопросов в военные годы ограничивали требования цензуры. По конспиративным соображениям имена многих участников партизанского движения и подпольной борьбы не раскрывались, публикации материалов

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН № ГР 122020100347-2.



согласовывались с секретарями крайкомов, обкомов ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик по пропаганде.

В послевоенные годы история партизанского движения и подпольной борьбы стала предметом специальных исследований, в том числе диссертационных работ, в основном посвященных деятельности партийных и комсомольских организаций отдельных регионов СССР, находившихся в оккупации. Среди первых историков было немало бывших партизан (В.М. Глухов, Т.А. Логунова, Н.И. Макаров, А.Ф. Юденков и др.) и других ветеранов войны. Авторы подчеркивали всенародный характер партизанского движения, его истоки видели в войнах русского и испанского народов с наполеоновскими войсками, в качестве теоретического обоснования приводились положения работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Однако возможности исследователей в этот период были сужены уже вследствие ограниченного круга источников.

Определенные изменения в разработке темы произошли в период «оттепели» и последующие годы благодаря введению в научный оборот значительного комплекса документов, в первую очередь партийных, а также воспоминаний участников сопротивления. В 1960–1980-х гг. вышли фундаментальные труды по истории СССР и КПСС, Великой Отечественной и Второй мировой войн, уделявшие немало внимания рассматриваемой теме, обобщающие и специальные труды, сборники статей и другие работы по истории сопротивления захватчикам на оккупированной территории СССР, Белорусской, Украинской, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР [2; 4; 5; 10–12; 25; 28; 29; 31 и др.], РСФСР и ее отдельных регионов [3; 7; 13; 15; 18; 20; 24; 30 и др.].

В советской историографии главная роль в сопротивлении отводилась коммунистической партии, считавшейся его организатором и руководителем. Советские историки раскрывали различные формы и способы деятельности партии на оккупированной территории: политическую работу среди населения, разоблачение немецкой пропаганды, создание партизанских отрядов и подпольных организаций, в которых коммунисты занимали ведущие позиции, даже если не преобладали в количественном отношении. В то же время деятельность партизан и подпольщиков нередко отождествлялась со стихийным протестом народа против оккупантов. Мотивы участия советских граждан в борьбе против оккупантов связывались, прежде всего, с характером

советского строя, стремлением отстоять социалистические завоевания, не допустить реставрации дореволюционных порядков.

Серьезное внимание в историографии уделялось формам и методам сопротивления. Большинство исследователей выделяло три основные формы народной борьбы в тылу врага: партизанское движение как наиболее активную и действенную форму сопротивления в виде массовой вооруженной борьбы против захватчиков; подпольную деятельность конспиративных организаций в населенных пунктах; саботаж невооруженным населением политических, экономических и военных мероприятий оккупационных властей [18, 25 и др.]. При этом историки отмечали, что все формы сопротивления были тесно взаимосвязаны, переплетались и дополняли друг друга, а боевые операции подпольщиков часто не отличались от действий партизан. Тем не менее между ними сохранялись значительные организационные и содержательные различия. Были и другие подходы, связанные, например, со стремлением включить все формы народной борьбы в партизанскую войну, которая определялась как «совокупность борьбы вооруженных партизанских формирований, многоплановой деятельности территориального подполья и активного сопротивления захватчикам невооруженного населения» [21: 238]. К партизанам относили и те подразделения Красной армии, которые, оказавшись в окружении, «вели такие же действия, как и партизанские формирования» [2: 98]. Однако большинство советских историков подвергло критике расширительное толкование партизан и пришло к выводу, что обобщающим может служить термин «всенародная борьба» [4 и др.], подчеркивавший, во-первых, сам масштаб сопротивления (свыше 1 млн партизан и более 220 тыс. подпольщиков, поддержку которым оказывали миллионы советских граждан), во-вторых, его политическое значение как движения, в котором участвовали представители всех классов и социальных слоев, различных национальностей и возрастов, преследовавшие общие цели в борьбе с врагом.

Главное внимание уделялось партизанскому движению, поскольку оно было лучше всего представлено в доступных исследователям источниках. Советские историки выделили и охарактеризовали этапы в его развитии, формы борьбы и тактику партизанских формирований, взаимосвязь партизан с командованием Красной армии, помощь

населения партизанским отрядам. В изучении подпольных организаций значительные трудности создавала неизбежная для них конспирация, вследствие которой сохранились немногие документы. Еще меньше источников рассказывало о стихийном народном протесте. Порой единственными свидетельствами в данных вопросах выступали воспоминания очевидцев и самих участников событий, как правило, отличавшиеся субъективностью оценок.

Исследователи выделяли особенности развития сопротивления в различных регионах СССР и РСФСР, оккупированных нацистами и их союзниками, связанные с природными условиями и другими факторами. Например, в степных районах юга РСФСР отсутствие надежных природных укрытий не позволяло создавать крупные партизанские формирования, подобные тем, которые действовали в Белоруссии. Негативно сказывались на формировании партизанского движения и подполья близость линии фронта, способствовавшая высокой концентрации войск противника, наличие его специальных карательных и контрразведывательных органов. Обращалось внимание и на недостатки в самой организации партизанских формирований, в боевой и специальной подготовке значительной части партизан, указывалось на слабую бдительность отдельных командиров, что вело к проникновению в отряды предателей. Трудности в развитии подпольных организаций в значительной степени объяснялись ошибками в формировании их личного состава из руководящих кадров районов и городов, хорошо известных жителям, или, напротив, из коммунистов других районов, которые не знали местных условий и не могли пользоваться доверием населения.

В то же время в рассматриваемый период порой преувеличивались заслуги отдельных руководителей, которые продолжали занимать высокие посты в партийном и советском руководстве. Недостаточно были изучены сильные и слабые стороны в организации и управлении партизанским движением. Не была раскрыта и роль органов НКВД – НКГБ в развитии партизанского движения в регионе. Это объясняется не только тем, что многие документы оставались засекречены в эти годы, но и господством идеологических догм. По этой же причине крайне редко отмечалось отсутствие поддержки партизан со стороны населения в отдельных регионах страны.

В зарубежной историографии изучение партизанского движения в годы Второй мировой войны первоначально во многом носило прикладной характер. В условиях идеологического противостояния начавшейся холодной войны «использование партизан для достижения собственных целей и организация борьбы с партизанами противника» представлялись насущной политической необходимостью в США и Великобритании [8: 8]. Поэтому изучение действий советских партизан и опыта антипартизанской борьбы Германии превратилось в одну из ведущих исследовательских задач вскоре по окончании Второй мировой войны. В начале 1950-х гг. руководство ВВС США организовало специальную программу исследований партизанского движения в СССР в годы войны, опираясь на трофейные документы. Одним из ее результатов стал фундаментальный труд под редакцией Дж. Армстронга о советских партизанах [1]. При этом американские и английские авторы, как правило, подчеркивали жестокость партизан, которые не считались с тем, как наносимый немцам ущерб мог «отразиться на их соотечественниках» [8: 76]. Особый взгляд сложился в западногерманской историографии, представители которой, нередко участвовавшие в войне в составе вермахта и других структур, не только обвиняли партизан в жестокости, но и доказывали «незаконность», а также неэффективность их действий [14 и др.].

Возможность научных дискуссий между представителями различных научных школ, способствовавших выявлению общих черт и особенностей развития сопротивления в разных странах, создало проведение специальных международных конференций по истории сопротивления: в Льеже (Бельгия) в 1957 г., в Милане (Италия) в 1961 г. и в Карловых Варах (Чехословакия) в 1963 г. Одним из их инициаторов стал итальянский политик Ф. Парри, активно участвовавший в движении сопротивления в годы войны. В конференциях в Милане и в Карловых Варах приняли участие и советские историки. Однако взаимодействие ученых в эти и последующие годы в вопросах изучения сопротивления на оккупированных территориях СССР затрудняли расхождения не только в общих подходах и конкретных оценках, но и в источниках: советские историки опирались преимущественно на материалы из отечественных архивов, а зарубежные – на немецкие документы.

После некоторого перерыва в начале 1990-х гг. изучение сопротивления вновь заняло важное место в отечественной историографии, что сопровождается публикацией новых документов, обращением исследователей к малоизученным аспектам, пересмотром ряда прежних положений и выводов. Переосмысление итогов сопротивления на оккупированной территории СССР было связано с критикой действий советского руководства и лично И.В. Сталина, в том числе со стороны его непосредственных участников и организаторов (И.Г. Старинов и др.), за неудачи в подготовке партизанской борьбы, уничтожение партизанских кадров в ходе репрессий 1930-х гг., некомпетентность в принятии последующих решений. Критике подвергается и деятельность отдельных местных руководителей (Д.В. Емлютин, А.Н. Сабуров, М.А. Суслов и др.) и участников рассматриваемых событий.

В новых обобщающих и специальных трудах по истории Великой Отечественной войны и народного сопротивления на оккупированной советской территории раскрываются, наряду с успехами, трудности и просчеты в становлении и организации партизанского движения, место в его рядах военнослужащих Красной армии, совершенствование форм и способов борьбы в тылу [17; 22; 23 и др.]. Детально охарактеризована сложная система управления партизанским движением, деятельность различных органов по созданию партизанских отрядов, тенденции к централизации и ведомственные разногласия в данных вопросах [9].

Новым для отечественной историографии является вывод о различных мотивах участников сопротивления, разном характере, формах и содержании их деятельности, сложностях взаимоотношений с населением, в том числе в связи с национальным вопросом [19, 27 и др.]. Историки обращают внимание на создание в западных районах СССР отрядов по национальному признаку (белорусских, польских, литовских, еврейских и др.). Находит отражение в историографии и ранее фактически замалчиваемая роль органов и сотрудников государственной безопасности в формировании и развитии сопротивления в оккупированных советских областях, а также методы, которые использовали германские контрразведывательные органы в борьбе с партизанами в партизанском движении [26].

Среди новых сюжетов, к которым обратились современные исследователи, – повседневная жизнь и быт партизан, особенности их психологического состояния, хотя данные вопросы требуют более глубокого изучения. Свой вклад в изучение темы внесли краеведы, собравшие полевой материал и установившие ряд неизвестных фактов о деятельности отдельных отрядов, групп и участников народного сопротивления.

Наряду с этим, в современной историографии появились и более резкие оценки сопротивления и его участников, близкие положениям, высказанным ранее западными историками. Часть авторов акцентирует внимание на применении тактики «выжженной земли», умышленном провоцировании репрессий оккупантов против жителей, фактах разложения дисциплины в партизанских отрядах, грабежах, истреблении населения отдельными отрядами [6 и др.].

В западной историографии нередко сохраняется скептическое отношение в оценках эффективности действий и негативизм по отношению к методам партизанских отрядов, сопровождаемый оправданием контрпартизанских мер оккупантов. Серьезные расхождения в оценках сопротивления на оккупированной территории существуют в историографии постсоветских государств. Резкая критика в адрес советских партизан с идеализацией их противников и коллаборационистов присуща историографии прибалтийских государств. В украинской историографии фокус внимания сместился на действия националистических отрядов, не подчинявшихся советскому руководству и даже противостоявших ему, в первую очередь ОУН – УПА. При этом широко используются документы не только немецких учреждений, но и коллаборационистских и националистических формирований. Напротив, для белорусской историографии в целом характерно следование прежним советским традициям, в рамках которых на основе новых источников, в частности, разрабатываются вопросы взаимодействия белорусских и российских отрядов [16].

Таким образом, современная историографическая ситуация отличается разнообразием мнений и подходов в изучении сопротивления на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны. Многие российские историки, сохранив высокую оценку деятельности партизан и подпольщиков, перестали рассматривать ВКП(б) в качестве главного организатора борьбы

в тылу врага, что было присуще советской историографии. Но теперь нередко главное внимание уделяется органам государственной безопасности. Отмечая, что в ряде регионов, особенно в первый период войны, численность коллаборационистов превышала количество непосредственных участников партизанского движения и членов подпольных организаций, исследователи порой отказываются и от понятия «всенародной борьбы». Это позволяет вновь обратиться к сопротивлению в качестве наиболее общего понятия, объединяющего различные формы борьбы с оккупационным режимом, наполнив его новым содержанием. Однако современные «войны памяти» негативно сказываются на изучении рассматриваемой темы.

### Источники и литература

1. *Армстронг Д.* Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944. М., 2007.
2. *Война в тылу врага.* М., 1974.
3. *Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины 1941–1943 гг.* М., 1985.
4. *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т.* Минск, 1983–1985.
5. *Герои подполья.* Вып. 1–2. М., 1970.
6. *Гогун А.* Сталинские командос. Украинские партизанские формирования 1941–1944. М., 2012.
7. *Гриднев В.М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944 гг. М., 1976.
8. *Диксон Ч.О., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. М., 1957.
9. *Дюков А.Р.* Кто командовал советскими партизанами. Организованный хаос. М., 2012.
10. *Елин Д.Д.* Партизаны Молдавии. Кишинев, 1974.
11. *Залесский А.И.* В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941–1944). М., 1962.
12. *Земсков В.Н.* Ведущая сила всенародной борьбы: борьба советского рабочего класса на временно оккупированной территории СССР (1941–1945). М., 1986.

13. *Иванов Г.П.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны: по материалам партийных организаций Северного Кавказа. Краснодар, 1969.
14. Итоги Второй мировой войны: выводы побежденных. М., 2002.
15. *Касаткин М.А.* В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР, 1941–1943 гг. М., 1980.
16. *Криворот А.А.* Взаимодействие партизанских формирований Беларуси и России в тылу немецкой группы армий «Центр» (1941–1944 гг.). М., 2017.
17. *Кулик С.В.* Антифашистское движение Сопротивления в России 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства) СПб., 2006.
18. *Макаров Н.Н.* Непокоренная земля Российская. М., 1976.
19. *Мальгин А.В.* Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос» 1941–1944 гг. Симферополь, 2017.
20. *Мартынов М.М.* Фронт в тылу: Очерки истории борьбы советского патриотического подполья с немецко-фашистскими оккупантами на Орловщине в 1941–1943 гг. Тула, 1975.
21. *Павлов Я.С.* В.И. Ленин и партизанское движение. Минск, 1975.
22. Партизанское движение (по опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2001.
23. *Пережогин В.А.* Солдаты партизанского фронта. М., 2001.
24. *Петров Ю.П.* Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л., 1973.
25. *Пономаренко П.К.* Непокоренные: (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). М., 1986.
26. *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003.
27. *Романько О.В.* Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М., 2014.
28. Советские партизаны. М., 1961.
29. *Старожилов Н.В.* Партизанские соединения Украины в Великой Отечественной войне. Киев, 1983.
30. *Шевердалкин П.Р.* Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959.
31. *Юденков А.Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М., 1971.



И.З. Хатуев

### ПОПЫТКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Нападая на Советский Союз, гитлеровское командование пыталось использовать религиозный фактор, чтобы внести раздор в стране и облегчить себе задачу ее завоевания. Религиозная политика Третьего рейха в период войны претерпела некоторые изменения, особенно это касается кавказского направления. Германский «министр по оккупированным областям Востока» подчеркивал, что необходимо учитывать особенности мусульманской религии и степень ее влияния на население Северного Кавказа [3: 240].

Нацистский идеолог А. Розенберг предложил даже специальную программу под названием «О преобразовании Кавказа». Представленный им документ был лично одобрен Гитлером. Нацисты рассчитывали использовать исламский фактор, причем делали это с прицелом на международный масштаб. Называя Кавказ «конечным углом Европы», немцы стремились добиться расположения мусульманских народов СССР и таким образом использовать влияние «магометан за границей» [3: 191].

Нацистские идеологи планировали использовать в своих стратегических интересах противопоставление большевистской идеологии с ее идеями атеизма религиозным воззрениям местного населения, особенно мусульманской его части. Кроме того, немецко-фашистские оккупанты демонстративно восстанавливали на занятых территориях не только религиозные традиции местных народов, но и возвращали верующим их объекты культа, ранее изъятые у них коммунистической властью.

Так, захватив территорию Северного Кавказа летом 1942 г., германские оккупационные власти довели до местного населения призывы главнокомандующего оккупационными силами: «Открывайте мечети и церкви!» [10: 57]. Немецкие власти на занятых территориях Кавказа организовали выпуск прогерманских газет, в которых религиозная тематика была приоритетной. На страницах этих печатных изданий немцы пытались внушить местным жителям, что Гитлер является освободителем верующих людей, защищающим их от безбожников-коммунистов и радеющим за свободу религиозного воззрения.

Исламский фактор в политике немецких правящих кругов становился приоритетным направлением в идеологической борьбе против Советского Союза. Более того, нацисты вбросили в массы населения Северного Кавказа идеи священной войны (газавата) против безбожной власти. Используя религиозные предпочтения северокавказских народов, немцы развернули бурную деятельность по вовлечению кавказцев в движение газавата.

С этой целью в Берлине издавались большими тиражами печатные материалы, включая газету «Газават», на страницах которых Адольф Гитлер провозглашался чуть ли не «Великим имамом» мусульман Кавказа. Причем издавались эти СМИ и другие агитационные материалы на разных языках народов Кавказа. Например, девизом той же газеты «Газават» были слова: «Аллах – над нами, Гитлер с нами» [8].

Пропаганда немецко-фашистских властей принимала порой самые неожиданные формы. Так, командующий 1-й танковой армии вермахта генерал Э. фон Макензен сообщил осенью 1942 г., в разгар битвы за Кавказ, что он решил принять ислам. В самый напряженный период, когда шли ожесточенные бои на кавказском направлении, генерал вермахта демонстративно посещал местные мечети, показательно исполнял мусульманские обряды, выказывая свое «уважение» к местным национальным традициям [2]. Отечественные историки трактуют данный факт как разновидность пропаганды оккупантов и не верят в искренность религиозной приверженности Макензена. Более того, на оккупированных территориях, где проживало преимущественно мусульманское население, как и в других регионах захваченной территории Советского Союза, немецкие власти проводили репрессивную политику в отношении местных жителей [4: 255].

У нацистского командования были надежды на то, что мусульманское население, испытавшее на себе тяжесть репрессий 1930-х гг. со стороны сталинского режима, воспримет одобрительно политику оккупационных властей в этом направлении. Расчет был на память о проведении большевиками в мусульманских регионах Кавказа в довоенный период воинствующей атеистической политики, включая не в последнюю очередь ее антиисламскую направленность. Как известно, в 1930-е гг. по обвинению в антисоветской деятельности тысячи представителей мусульманского духовенства были

репрессированы в СССР. Многие из них прошли через сталинские лагеря, часть духовенства была расстреляна.

До начала масштабной антирелигиозной политики коммунистических властей в стране насчитывалось более 2,5 тыс. мусульманских общин. К началу Великой Отечественной войны их численность составляла менее 1 % от первоначального значения. По всей стране их осталось только 12. Кроме того, советскими властями в 1920–1930-е гг. было разрушено или изъято и передано в пользование различным хозяйственным объектам большое количество мечетей, как и христианских церквей и иудейских синагог. Исходя из этого, немецкие власти делали в своей пропагандистской работе акцент на том, что они пришли «освободить» население Кавказа от антирелигиозной политики большевизма.

В ноябре 1942 г. немцы при посредничестве некоторых религиозных деятелей из Северного Кавказа распространили среди местных жителей воззвание, в котором напоминали всем правоверным, что более двадцати лет большевики «душили истинную религию», пытаются «осквернить Аллаха, пророка Магомета и священный Кавказ» [1: 91].

Демонстрируя «уважение» к местным религиозным традициям, немцы в различных населенных пунктах Северного Кавказа возродили практику назначения на должности мулл местных религиозных деятелей. Муллам оккупационные власти назначали заработную плату, которая равнялась довольствию глав коллаборационистских администраций сёл.

В некоторых больших селах, где компактно проживало мусульманское население, немцы открывали даже по две-три мечети [12: 14]. Немецкие власти даже восстанавливали деятельность мюридских общин на местах, включая женские мусульманские организации [5: 61].

В Кисловодске немцы буквально через пару недель с начала оккупации открыли мусульманскую мечеть. В издаваемой оккупантами и коллаборантами газете говорилось, что этот религиозный объект был открыт «по просьбе местных мусульман». В Адыгее оккупационные власти также начали открывать мечети и другие мусульманские объекты [9].

Демонстрируя свое доброжелательное отношение к приверженцам ислама, нацисты старались использовать в принудительных работах как можно меньше местных мусульман [6: 232]. В знак особого отношения к последним гитлеровцы даже сделали пятницу выходным днем в местах их компактного проживания [7: 129].

Политика оккупантов по привлечению на свою сторону мусульман принимала самые разные формы. Любопытен, например, факт, когда немецкое командование рекомендовало своим людям на местах вывести свинофермы за пределы населенных пунктов, где компактно проживали мусульмане.

Надо отметить, что большевистские власти, проводившие активную атеистическую политику, не сумели, в конечном итоге, полностью изжить религиозные воззрения населения. В пропагандистских кругах Третьего рейха прекрасно были осведомлены о преследовании духовных лиц и религии вообще в Советском Союзе. Соответственно, немецкая пропаганда всегда старалась активно использовать данный фактор в борьбе за свое господство в стране. Для самих немцев стало в определенном смысле неожиданностью то, что среди жителей СССР было так много верующих несмотря на жесткую антирелигиозную политику большевиков в течение десятков лет. Об этом, в частности, сообщается в служебном циркуляре штаба СД оккупантов от 15 апреля 1943 г. [11: 507].

Советское руководство также, учитывая сложившуюся ситуацию, стало менять свое отношение к религиозным организациям. По личному поручению И.В. Сталина с 1943 г. власть стала проводить более терпимую политику в отношении церкви в целях объединения усилий в деле разгрома немецко-фашистских оккупантов. Это касалось и отношения властей к мусульманским народам. Так, в 1944 г. для мусульман СССР был разрешен хадж (паломничество) в Мекку. На сходах граждан в Чечено-Ингушетии местные духовные лица объявляли газават (священную войну) Гитлеру.

### Источники и литература

1. Алискеров И.Ш. Влияние религиозных и этнических факторов на военно-политическую обстановку на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Религиозные организации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 78–94.
2. Битва за Кавказ (25.07.1942–09.10.1943) // Международный объединенный биографический центр. URL: <http://biograph.ru/index.php/operations/1771-16-kavkaz> (дата обращения: 20.03.2023).
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 99.

4. История Кабардино-Балкарской АССР: в 2 т. / гл. ред. Т.Х. Кумыков. Т. 2. М., 1967.
5. Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–76.
6. Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / под общ. ред. Е.Л. Воронцова. Краснодар, 1997.
7. Лики войны: сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996.
8. Мальцев В.А. Исламский проект Третьего рейха // Независимая газета – религии. 11.11.2009. URL: [https://www.ng.ru/ng\\_religii/2009-11-11/4\\_hitler.html](https://www.ng.ru/ng_religii/2009-11-11/4_hitler.html) (дата обращения: 20.03.2023).
9. Пятигорское эхо. 1942. 30 августа. № 2.
10. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / под ред. Е.И. Долгова. Ставрополь, 2005.
11. Хрестоматия по отечественной истории (1917–1945 гг.). Учебное пособие для студентов ВУЗов. М., 1996.
12. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 26. Оп. 1. Д. 82.

**Н.А. Ломагин**

### **ОСОБЕННОСТИ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ в 1941–1942 гг.**

Оккупации территории Ленинградской области является особым явлением в истории всех оккупированных областей СССР. Ни в одном другом месте, кроме как под Ленинградом, на оккупированной территории Советского Союза в течение такого длительного срока (29 месяцев) не существовало военной администрации, не было такого продолжительного опыта пропагандистской обработки населения.

Специфика оккупационного режима определялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, в отличие от райхскомиссариатов, которые осуществляли оккупационную политику на большей части захваченной территории СССР, и в течение всего периода оккупации были раздираемы противоречиями относительно выбора политического курса, военные власти находились в стороне от идеологических

споров и придерживались прагматической позиции – «немецкой армии нужно только спокойствие» [1: 123]. Во-вторых, длительная стабильность фронта и отсутствие значительных боевых операций привели к тому, что, несмотря на ограниченные возможности, на оккупированной территории сформировалась вполне устойчивая система местных органов управления. В-третьих, серьезным обстоятельством, влиявшим на оккупационную политику, было недовольство советским режимом среди части жителей сельских районов, хотя, по свидетельству немецких спецслужб, оно было изначально существенно ниже, нежели в Прибалтике или на Украине. В-четвертых, важным фактором, влиявшим с конца 1941 г. на развитие и упрочение оккупационного режима, было партизанское движение, инспирируемое из центра с целью разжигания розни между местным населением и оккупантами. В-пятых, территория оккупационной зоны группы армий «Север» в этническом отношении была почти однородной. Населенные пункты с лицами немецкого происхождения, эстонским, латышским и финским населением являлись исключением и располагались вполне компактно. В целом национальная проблематика в оккупационной политике на этой территории в отличие от ситуации на юге СССР и даже в соседнем рейхскомиссариате «Остланд» имела небольшое значение. Наконец, важной особенностью немецкой оккупационной политики было то, что в юридическом смысле Германия не считала себя обязанной выполнять в отношении Советского Союза Гаагские конвенции. Так, 24 июля 1941 г. командующий тылом группы армий «Север» дал местным комендантам следующее указание: «Поскольку на оккупированной территории весь государственный суверенитет приостанавливается, только военные немецкие коменданты имеют право издавать приказы и постановления. Они являются единственной властью, которая может вести уголовные дела и налагать взыскания» [4: 445–446].

В оккупированных районах Ленинградской области действовала айнзатцгруппа А, во главе которой находился бригадефюрер СС В. Шталлекер. Отделения айнзатцгруппы находились в Пушкине, Красном Селе, Гатчине, Чудово, Жестяной Горке и Сиверской. Работа службы безопасности заключалась в основном в выявлении советской агентуры, советской пропаганды, диверсионных и партизанских групп.

Органы СД направляли раз в две недели отчеты своему вышестоящему начальству. Например, форма отчетов в отделении СД в Сиверской и Волосово была следующей:

1. Общее положение. Военное положение в районе;
2. Деятельность тайлькоманды:
  - 2.1. Сотрудничество с вермахтом;
  - 2.2. Доверенные лица – сеть, деятельность, структура;
  - 2.3. Русские вспомогательные силы (применение собственно русской полиции);
  - 2.4. Репрессии в отношении: а) евреев, б) агентов, в) партизан, г) местных сил противника; д) криминальных элементов;
  - 2.5. Наблюдение за отдельными сферами жизни;
  - 2.6. Фильтрация населения;
  - 2.7. Эвакуация (фольксдойче, эстонцы, финны, латыши и русские рабочие) [6: 101].

Эти сводки давали практически полную картину происходящих изменений в настроениях населения и имели большое значение для высших органов немецкой контрразведки, так как позволяли судить о советской пропаганде, проводимой в данный момент среди населения, и о вооруженных антисоветских силах. А это, в свою очередь, позволяло принимать оккупантам контрмеры.

6 сентября 1941 г. командующий тылом группы армий «Север» генерал фон Рок в Пскове провел совещание руководителей и чиновников военной администрации. В его докладе об основах военной администрации на Востоке говорилось: «Так как СССР не присоединился к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, нет необходимости применять эту конвенцию, особенно ее третью часть, касающуюся управления оккупированными территориями. Вследствие этого, местное право, в отличие от войны с другими государствами, не применяется... Вся исполнительная власть находится в руках немецкого вермахта, а именно у командующего оперативной зоны войск» [5: 10].

Политика эксплуатации захваченной советской территории была запланирована еще до начала войны. Она, в частности, предусматривала вывоз 10 млн т зерна в течение первого года войны и еще 7 млн т в течение следующего года. Интересы населения оккупированной

территории вообще не принимались во внимание, что означало неизбежность голода [8: 88]. Сущность немецкого управления на захваченной территории была еще раз подтверждена в октябре 1942 г. в директиве 18-й немецкой армии: «Местная администрация не является самоцелью, а служит лишь средством для полного использования в интересах вермахта всех ресурсов захваченной территории» [7: 125].

В Демянском районе Ленинградской области, который был занят немцами в сентябре 1941 г., оккупации подверглись 20 сельсоветов (из 24) со 180 населенными пунктами и г. Демянском, в которых проживало 31 тыс. человек. С первых же дней оккупации была создана городская управа. Все улицы в городе были переименованы. Немцы провели реквизицию хлеба в близлежащих колхозах. Для удовлетворения нужд немецкой армии был открыт кустарный кожевенный завод, а также часовая мастерская и парикмахерская. УНКВД по Ленинградской области отмечало, что горуправа «начала свою деятельность с разграбления имущества граждан, эвакуировавшихся в тыл СССР» [2: 89–91].

Острый недостаток продовольствия у немецкой армии частично покрывался за счет изъятия сельхозпродуктов у населения. Например, зимой 1941–1942 гг., когда Демянская группировка немцев была отрезана от своих тылов, личный состав окруженных немецких частей оказался в тяжелом положении. Для обеспечения посевной компании и сбора урожая один из военных комендантов Демянского района издал приказ, в котором говорилось:

«1. Приказываю всему населению, что все полевые работы, касающиеся урожая и нового посева, должны быть совместно произведены общим сбором;

2. Бывшие колхозники и единоличники работают совместно на основаниях общего двора;

3. Никто не должен производить самовольно дележ земли, зерна из урожая и скота. Кто самовольно делит землю и берет в свою собственность, вопреки приказу, тот будет наказан самыми суровыми мерами военного закона. Виновный также теряет всякое право на земельность, скот и проч., и все у него будет отобрано;

4. Зерно нового урожая приказываю я собирать и охранять в нескольких амбарах. Местный уполномоченный... отвечает за точное исполнение настоящего приказа;



5. Излишки зерна из урожая будут скуплены германскими воинскими частями. Уплата за зерно будет производиться по гораздо завышенным ценам, чем до сих пор установленных;

6. При хорошем ведении сельского хозяйства, а также за сборку урожая ярового, будет производиться предоставление крестьянству вдвойне больше земли и скота на основах собственников;

7. Лица, участвующие в саботаже, будут расстреляны. Комендант – обер-лейтенант немецкой армии» [2: 88].

В ряде захваченных районов Ленинградской области органы административной власти не создавались. Например, в октябре 1941 г. вермахт оккупировал Чудовский и Киришский районы Ленинградской области, а 10 ноября немцы захватили город Тихвин, восемь сельсоветов Тихвинского района полностью и четыре сельсовета частично. Установив там жесткий режим для местного населения и проведя проверки населения и обыски в домах, немцы всю власть сосредоточили в руках военной комендатуры. По сообщению Управления НКВД по Ленинградской области: «население относилось к немцам враждебно, но из-за боязни репрессий открыто не выступало. Какой-либо политической линии в отношении населения немецкие военные власти не придерживались» [1: 6].

На территории Шлиссельбурга, где к моменту оккупации находились около 7 тыс. человек, функции управления также находились в руках военной комендатуры, в которой работали «жители города, сочувствующие немцам и имеющие компрометирующее прошлое». Под видом регистрации была проведена фильтрация населения, в результате которой в лагерь военнопленных в Чудово были направлены около 800 человек. Более 3 тыс. человек были мобилизованы для работ и также вывезены из Шлиссельбурга. В городе был установлен комендантский час – хождение по городу разрешалось лишь до 16 часов [2: 60].

Способы организации «общественных» работ на захваченной территории также способствовали росту недовольства. Оккупанты требовали, чтобы жители районов вблизи линии фронта очищали дороги от снега, снабжали гарнизоны топливом и восстанавливали мосты. Для реализации этих задач бургомистры сперва прибегли к помощи отрядов эстонской полиции, состоявших из бывших солдат эстонской армии и моряков. Особенностью этих отрядов была,

по словам сотрудника абвера Д. Карова, «дикая злоба» ко всем русским и желание отомстить им за всё, что пришлось пережить эстонскому населению за время советизации Эстонии. В связи с этим между эстонцами и местным населением сразу же начались столкновения. Что же касается местной русской полиции, то она начала создаваться в конце 1941 г. Общая масса полицейских была настроена антисоветски и таковой оставалась до конца войны [3: 11].

Реальное положение на оккупированной территории Ленинградской области способствовало росту недовольства среди местного населения. Управление НКВД по Ленинградской области в 1943 г. сообщало, что в Демянском районе было много случаев заболеваний сыпным тифом. В ряде сельсоветов из-за отсутствия медицинской помощи умерло за время оккупации до 20 % населения [2: 75]. Расстрелы местных жителей, оказывавших помощь Красной армии, а также женщин, которые просто отказывались сожительствовать с немцами, были в районе обычным явлением [2: 76–77, 81–83]. Кроме того, в «воспитательных» целях устраивались показательные казни. Например, 20 января 1942 г. недалеко от деревни Новые Лодомиры был взорван мост. В связи с этим по приказу немецкого командования солдаты собрали все мужское население в возрасте от 15 лет и тут же всех расстреляли. Деревню сожгли дотла, а оставшихся эвакуировали [2: 79]. «Детей немцы пороли возле здания школы, – говорится в донесении Управления НКВД по Ленинградской области. – Перед этим обычно к месту экзекуции сгонялись все дети школьного возраста во главе с учителями. Детей выстраивали в одну шеренгу и никого не отпускали до окончания пыток» [2: 85]. Уровень смертности в оккупированных районах Ленинградской области в 1942 г. почти в 3,5 раза превосходил уровень рождаемости; в начале 1943 г. 10 из 13 новорожденных умирали вскоре после появления на свет.

Несмотря на все попытки обеспечить тотальный контроль на захваченной территории, террористические акты в отношении активных коллаборантов (бургомистров, полицейских из числа местного населения и т.п.) «показывали, что советская власть в оккупированных немцами районах имеет своих сторонников, что немцы, несмотря на свои победы, не смогли сломить их, и они только ждут своего часа, наблюдая за действиями населения» [3: 20]. Кроме того, до населения

доходила информация о действиях Красной армии в освобожденных от немцев районах.

Большая часть населения, оставшегося в Шлиссельбурге и не состоявшего на службе у немецкого командования, подвергалась издевательствам со стороны офицеров и солдат и голодала. Бургомистр Шлиссельбурга 9 июля 1942 г. доносил коменданту города: «...с 8 сентября 1941 г. до 8 июля 1942 г. население города ничего не может купить из продуктов питания. Это обстоятельство вынуждает рабочих комендатуры, а особенно неработающее население собирать для питания лебеду, лопух и другие травы. Люди от такого питания совершенно ослабли и не выходят на работу» [2: 61]. Всего за время нахождения оккупантов в городе умерли от голода и болезней 2500 чел. К моменту занятия города Красной армией в нем осталось всего 320 чел. Управление НКВД, со ссылкой на свидетельства жителей города, отмечало, что несмотря на истощение от голода горожан немцы заставляли их выходить на работу. Евреев, в том числе женщин и детей, немцы расстреливали. Оккупационные власти пытались восстановить сельское хозяйство, раздав каждому по 6 кг картофеля для посадки. Однако, несмотря на угрозы расстрела, население саботировало это мероприятие [2: 61].

В прифронтовой полосе настроения населения существенно различались в зависимости от ряда факторов: близости фронта, наличия работы и, главное, уровня продовольственного снабжения. Оккупационные власти обеспечивали неработающее население и иждивенцев по остаточному принципу. Единственный выход из создавшегося положения состоял в том, чтобы стремиться найти работу, а это означало большой риск в случае возвращения Красной армии.

В отчете службы безопасности (СД) Сиверской за период с 1 по 14 апреля 1942 г. указывалось, что настроение населения было неплохим, так как продовольственное положение оставалось лучше, нежели в других районах. Что касается Вырицы, то там настроение населения было подавленным. Людям запрещалось покидать город даже с целью поисков хлеба. При этом из 5 тыс. жителей Вырицы лишь 1200 чел. имели работу. Ситуацию усугубляло и большое количество беженцев, которые не получали никакого довольствия. Ожидание неминуемого голода доминировало и чрезвычайно беспокоило людей.

Аналогичное положение сложилось и в Лисино, хотя после повышения норм для работавших до 500 г хлеба настроение несколько улучшилось. В Куровицах изменения к лучшему связывали не с оккупантами, а возвращением Красной армии [6: 65–66]. В первой половине мая 1942 г. ситуация не претерпела существенных изменений. В сводках немецкой службы безопасности отмечалось, что «если настроение в общем и нельзя назвать пронемецким, то все же можно констатировать, что оно заметно улучшилось в районах, где до сих пор были проблемы с продовольствием. Благоприятное воздействие на население оказало распределение семян и выделение лошадей для обработки земли» [6: 82]. Вместе с тем, 1 мая 1942 г. в отдельных случаях отмечались попытки придать этому дню характер коммунистического праздника. Например, в Лисино могилы погибших красноармейцев были украшены красными лентами. Однако в крупных населенных пунктах, включая Вырицу и Сиверскую, где проживало много горожан, каких-либо прокоммунистических проявлений СД не зафиксировала.

По информации отделения СД в Сиверской, отношение гражданского населения к немецким учреждениям весной 1942 г. стало улучшаться. «Если что-то неясно и возникает какой-либо вопрос (обработка земли, питание), то население с полным доверием обращается к немецким службам. Многие хотят дружить с немецкими солдатами, – указывалось в донесении. – Многие интересуются ценами на продовольствие, одежду и др. в Германии. Куда реже задают вопросы относительно послевоенного устройства» [6: 56].

В начале июня 1942 г. в ряде районов немцы ввели карточки на хлеб. По данным отделений СД, нормы выдачи хлеба в «благополучной» Сиверской для работающих составляли 300 г хлеба или 225 г муки, а для неработающих – 150 г хлеба или 110 г муки. Неработающие, как уже отмечалось, получали продукты по остаточному принципу [6: 115, 132]. Очевидно, что в большинстве населенных пунктов прифронтной полосы был страшный голод.

Письма уехавших в Германию также оказывали негативное воздействие на жителей оккупированных районов. В сводке службы безопасности за период с 29 июня по 11 июля 1942 г. отмечалось, что «если раньше они оказывали очень благоприятное впечатление, то теперь наступил перелом. Некоторые пишут об очень тяжелой работе

в Германии, а также плохом и недостаточном питании. В маленьких деревнях настроение очень плохое... Там говорят, что колхозная система была лучше, так как при ней не было такого голода» [6: 154].

В августе 1942 г. настроения существенно не изменились. Однако, по мнению обершарфюрера Меллера, ситуацию в районе благополучной назвать было нельзя. Доминировала враждебность и, отчасти, безучастность со стороны населения. Причинами ухудшения настроений были поборы, которые проводил вермахт, а также кражи. Крайне тяжелым оставалось и положение с продовольствием [6: 194–195].

В городах отношение к немцам с самого начала было более враждебное. Во-первых, они ничего не давали городскому населению, и жизненный уровень горожан значительно снизился по сравнению с жизнью при советской власти. Во-вторых, большое количество горожан, особенно интеллигенции, лишилось всякого заработка и стало голодать. Городские жители очень скоро узнали об обращении немцев с военнопленными. Оккупантов в городах было довольно много, и они держали себя более развязно, чем фронтовики. Наконец, большое возмущение в городах вызывали публичные казни и массовые расстрелы еврейского населения: «Местные жители отказывались покупать или даже просто брать вещи убитых евреев, не ходили, несмотря на приказы, смотреть на казни, и нередко громко выражали свое возмущение этими мерами. В контрразведку поступали многочисленные донесения о таком возмущении населения и даже абвер вынужден был рекомендовать отказаться от публичного расстрела евреев, ссылаясь на такую реакцию населения. С лета 1942 г. эти публичные казни прекратились, но дело было уже сделано...» [3: 23–24].

### Источники и литература

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – Архив УФСБ РФ СПб и ЛО). Ф. 21/12. Оп. 2. П.н. 15. Д. 3.
2. Архив УФСБ РФ СПб и ЛО. Ф. 21/12. Оп. 2. П.н. 15. Д. 8.
3. Каров Д. Немецкая контрразведка в оккупированных областях СССР в войну 1941–1945 гг. // Columbia University. VAR. Box 20.
4. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Книга 1 / 2-е изд. СПб., 2004.
5. Хасс Г. Неопубликованное выступление «О немецкой политике в областях перед Ленинградом 1941–1944 гг.» на Международной

- конференции «Проблемы истории блокады и битвы за Ленинград – правда истории» (Санкт-Петербург, 18–19 января 1994 г.) // Личный архив Н.А. Ломагина.
6. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9788. Оп. 1. Д. 5.
  7. *Mulligan T.* The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943. New York, 1988.
  8. *Schulte Theo J.* The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. Oxford, 1989.

**В.А. Венков**

**ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ  
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ К КАЗАКАМ ВЕРМАХТА  
(по архивным документам и воспоминаниям оцевидцев)**

Во время Великой Отечественной войны в рядах вермахта были созданы казачьи части. В них служили и потомственные казаки, и попавшие в плен военнослужащие РККА, выдававшие себя за казаков, чтобы спастись от голодной смерти.

Цель данного исследования – охарактеризовать отношение населения Ростовской области, оказавшегося под гитлеровской оккупацией, к казакам, служившим в вермахте. Разумеется, сразу стоит отметить, что из-за специфики исторического заселения нашего региона для его жителей характерны различия в интерпретации и идентификации «казаков». Для городских жителей казаки – это зачастую просто собирательный образ военнослужащих конных подразделений из белоэмигрантов или советских граждан, перешедших на службу к немцам, в отличавшемся от общей массы немецких и союзнических (конкретно для Ростовской области – итальянских, румынских и словацких) войск обмундировании или с элементами традиционной национальной одежды и вооружения (лампасы на штанах, шашки, кинжалы, папахи бурки и др.). Для сельского населения Ростовской области, жителей станиц и хуторов, характерна более «чуткая» идентификация казаков среди всех конных подразделений коллаборантов. Поэтому когда в свидетельствах сельского населения бывших казачьих регионов Ростовской области речь идет о «казаках», то с большой долей вероятности речь идет именно о казаках потомственных.

Воспоминания людей, переживших оккупацию, и архивные документы показывают, что для городских жителей появление таких казаков было неожиданно, а их внешний вид и поведение выглядели картинно. Очевидцы рассказывали о том, что казаки встречали немцев хлебом-солью, а казачьи разъезды помогали наводить «новый порядок» в Ростове-на-Дону: «Стою я на углу Буденновского и Горького и вижу едут конные немцы. Вдруг из подъезда ближайшего дома выходят человек шесть картинных казаков. Вот с такими длинными бородами, наверное, с навесными, усами, с околышами. И подносят немцам хлеб-соль. Откуда бы им тут взяться? Может, это все и разыграно было, мне так показалось.

А вот на углу Театрального и Большой Садовой я видел настоящий казачий патруль. Все красавцы, с чубами точно на иллюстрациях Королькова к «Тихому Дону». Просто классика. Они едут, и стоит старушонка: «Соколики! Орлы!» Это были красновцы» [6: 98, 123].

До войны в Ростове-на-Дону мало кто рассказывал о своем казачьем происхождении (в воспоминаниях одного из жителей города встречается лишь упоминание о казаке-украинце, бывшем махновце, который «жил тихо, а при немцах стал шуметь, вредить, как только мог» и при отступлении немцев ушел вместе с ними [6: 160]), и когда немцы объявили регистрацию казаков, многие удивлялись, что их соседи оказались казаками. Относились к таким людям с предубеждением, как относятся к каждому, кто скрывает свое истинное лицо: «Было много предательства. Был приказ немецкого командования, чтобы казаки прошли регистрацию. Им было разрешено носить оружие, шашки, свою форму. Они становились на довольствие, начали получать пайки. <...> Те, кто недолюбливал Советскую власть, больше всего и причиняли зла. Ведь немцы не знали, кто коммунист, кто активист, кто какую должность занимал. А предавала активистов наша сволочь. Я никогда не мог даже подумать: напротив нашей квартиры жил некий Панов, сам он инженер, строитель. И только немцы вошли, он тут же побежал регистрироваться, что он казак» [6: 179].

В условиях товарного голода, присущего военному времени, горожане вспоминали, что казаки и другие коллаборационисты ходили в новой форме. Житель Таганрога упоминал именно об этом: «4/II. (1943 г.) В Таганроге большой наплыв беженцев, едущих через

лед из кубанских и терских станиц на бричках, на санях, большинство – казачество. 4-го февраля вывешено воззвание атамана войска донского, кубанского и терского к казакам, что все казаки эвакуировавшиеся должны явиться на сборный пункт в г. Таганрог для регистрации.

5/II. <...> Всюду встречаются добровольцы – казаки, калмыки, киргизы, – несут полученное новое обмундирование.

6/II. Появились конные казаки. Немецкие добровольцы в казачьей форме с погонами хорунжих, есаулов, с золотыми погонами. Погоны все новенькие, на шапках немецкий герб, двуглавый орел, все как из-под земли выползли» [5: 865]. Фраза «как из-под земли выползли» показывает негативное отношение автора дневника к таким казакам.

Далее он открыто называет их «изменниками родины»: «23 и 24/II. <...> Бежавшие из Бесергеновки люди рассказывают, что у них стоят казаки (изменники родины и поступившие в немецкие войска), селения все жгут подряд, люди убегают только в чем стоят» [5: 870].

Другой таганрожец также характеризует их как «предателей своего народа»: «В один из дней хлынул поток всадников на черных, как смоль, стройных скакунах. На них были черные бурки, черные длинношерстные папахи, повязанные длинными, до самого крупы скакуна, зелеными и белыми лентами. Всадники были с кинжалами и карабинами, а у некоторых висели немецкие автоматы. На ногах они носили хромовые сапоги со шпорами. <...>

Двигались они быстро, часто обгоняя друг друга. Люди говорили, что это чеченцы, терские, кубанские и донские казаки – предатели своего народа и воюющие на стороне немцев» [2: 141]. Однако каких-то серьезных столкновений, конфликтов между горожанами и казаками вермахта не упоминается.

Иной была картина в сельской местности. В казачьих станицах случались события, напоминавшие продолжение Гражданской войны. Уцелевшие белые мстили красным. Так случилось в городе Каменске-Шахтинском – бывшей окружной станице Донецкого округа Каменской. Согласно акту комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба на территории Ростовской области № 121, Петр Суров, «бывший комендант городской управы, правая рука атамана», в сопровождении Андрея Плотникова, казака из казачьей сотни, арестовал



и при конвоировании застрелил Евстафия Тимофеевича Ковалева, красного партизана с 1918 г., орденноносца, бывшего командира полка Донецко-Морозовской дивизии. До этого в квартире Ковалева два раза проводились обыски с целью присвоения его ценностей, документов и некоего ордена, врученного советским правительством. После расправы над Ковалевым Суров приходил за его женой, но та ушла к соседям [9: 16].

В акте комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков № 179 также прослеживается мотив преследования новой казачьей властью – хуторским атаманом – «красного партизана с 1918 года, персонального пенсионера Республиканского значения» с целью завладеть его документами и орденами [9: 53].

73-летний Литвинов Трофим Федорович, «отец трех сыновей – красных партизан с 1918 года» был похищен в Каменске при прохождении паспортизации казаков и партизан. Его тело было найдено только после освобождения города с ранами от ударов шашкой [9: 53].

Однако были и случаи банального сведения счетов. Так, участника Гражданской войны в должности помощника окружного военного комиссара, а в последующем – оперуполномоченного органов НКВД арестовали в отместку за то, что он сам в пору работы в НКВД арестовывал «растратчика» Иванова, который во время немецкой оккупации стал атаманом [9: 57].

Иногда коллаборанты мстили местным активистам за события периода коллективизации и раскулачивания. В актах комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков № 916 и 917 казаки напрямую называются кулаками. В этих документах говорится о преследованиях председателя объединенного сельсовета Егорлыкского района Якова Николаевича Зимовца и члена партии Ирины Евдокимовны. Их арестовали по подозрению в связях с партизанскими отрядами, держали в Егорлыкской районной тюрьме, пытки над ними проводили немецкий комендант, а также начальник и инспектор полиции из местных. 17 декабря 1942 г. их выпустили из тюрьмы, по версии Зимовца, «лишь только потому, что немцы в это время организовывали из кулаков добровольческие отряды, а этим самым гестапо хотело показать свою “справедливость”» [10: 18]; по версии Пилюгиной, «так как немцы в это время организовывали

добровольческие отряды из казаков и пытались показать свою “справедливость”» [10: 9]. Примечательно, что Пилюгина называет подстрекателями к своему аресту именно бывших кулаков, вернувшихся в Егорлыкский район во время немецкой оккупации и утверждавших, что она принимала активное участие в раскулачивании, «детей кулацких выбрасывала на двор» [10: 9].

В некоторых воспоминаниях отмечается, что казаки в сельской местности, оккупированной немцами, верили в победу вермахта и атамана Краснова, а к беженцам относились пренебрежительно и даже враждебно. Ожидать от казаков помощи не приходилось, надежда нуждающихся была обращена к неказачьему населению Ростовской области.

Елизавета Егорова, жительница Сталинграда, во время боев за город вынужденная эвакуироваться вместе с детьми в Белую Калитву, вспоминала: «Вокруг Калитвы были казачьи посты, они возвращали назад: ни вперед, ни назад ходу не было. Говорили, что некоторых пропускали за барахло и золото, а кой у кого, видно, оно было. Было можно устроиться со ст. Морозовская, там бабы приносили к составу несчастным сухари, хлеб, вареную картофель и рыбу. Вот к ним примасивались здоровые молодые парни и девушки. Эта рабочая сила и нужна была для семей, которые жили без мужей; кто шел прямо на сожительство, чтоб остаться живым, только не попасть в Германию. Их брали за родных в Калитве, другое дело здесь ни один казак или казачка не брали к себе в зятя или мужья. Здесь гордое казачество, и они надеялись, что их покровитель дедушка Краснов будет властелином» [4: 136].

Упоминается, что в казачьих станицах возродилось сословное высокомерие, даже среди женщин, и это вызывало у беженцев резкую неприязнь к казачьему населению.

Елизавета Егорова также вспоминала, как меняла у казаков нитки на продукты: «Я пошла, взяла катушку белых ниток (у меня где-то затерялись катушек 5) и пошла в ближайший казачий дом. Детей оставила в поле, чтоб не упустить их из виду метрах в 500 в поле. Стояли две суки, они осмеяли меня и сказали, чтоб я шла работать. Я показала им своих ребят – девки расхохотались и стали выгонять со двора. Но один немец пошел в горницу и принес две конфеты и три пряника» [4: 138].

«На третий день подали площадки, их было 8. Народу набралось битком, дальше ждать нельзя – у меня дети умрут. Я села с детьми с краю. Пришли пьяные разнузданные казаки, принесли мешок наших саек хлеба и стали издеваться над людьми: поймают хлеб и бросают по выбору, какая понравится – лови и ешь. На нашу площадку бросил одну сайку хлеба, она попала старику» [4: 139].

И здесь же мы встречаем воспоминания о том, что среди казачек попадались добрые женщины, которые спасали и укрывали беженок с их детьми: «Тут женщину послал мне Господь Бог. Она стояла с мукой, я ей предложила ботинки, ей они понравились, но, говорит, наверное, малы. Пойдем ко мне, померяем. Я боялась отлучаться надолго от ребят, но что было делать: или сиди помирай, или рискни идти с женщиной по ту сторону Донца. По мосту ходили казаки друг другу навстречу и стали спрашивать, кого она ведет. Она с ними поздоровалась и сказала, что нашла родню и обратно меня выведет. Жила она недалеко. Ботинки оказались малы. Она надавала мне разной муки: и темной насыпала, а сверху – белой – и четыре сайки, большие сайки, на 4 кг» [4: 139].

«Меня с детьми поместила одна казачка в летнюю кухню. Там была печь-плита. У них на шахте уголь курной и тлеет сутками, и тепло чуть-чуть. Я с шахты натаскала такого угля: и хозяйке, и себе. Тогда шахта не работала, и мы рылись во дворе, выбирая от породы уголек. Хозяйка была старая, и я понравилась ей. Она за это подкармливала моих ребят: то кашу из тыквы принесет, то сала кусочек с хлебом принесет им» [4: 142].

Беженцы вспоминали, что немцы пытались установить на оккупированной территории относительный порядок, а прислуживающие им казаки за их спиной совершали хищения, обманывали и обирали население: «Сидел немец и переводчица, бывшая учительница по немецкому. Он спросил, сколько в семье человек? – Я сказала – 4 человека. Что он говорил переводчице, я не понимала, только переводчица сказала сидевшему пьяному в стельку казаку, сколько мне дать. Вместо 15 кг муки он пишет корявой рукой 5 кг, масло четверть – он пишет 0,25 л, картофеля 40 кг – он пишет 5 кг, пшеница 10 кг – он пишет 2 кг – и бросает мне талон, говорит, чтоб я не жаловалась немцу, иначе он убьет меня. <...> Кругом беззаконие и хаос, а немец ничего не понимал по-русски. Я, было, повернулась к немцу, и он готов был меня выслушать,

но переводчица моргнула мне, дескать, ничего не поделаешь. Я вышла, за мной шли следующие, были и казачки, но комендант им не давал ничего, а переводчица их спрашивала так же, как и нас, пьяная рожав самовольно подзывал каждую из казачек и выписывал, да он сам и давал курей, утей, гусаков и мясо. Мы не могли протестовать: казаки – родичи дедушки генерала Краснова, который тогда находился где-то поблизости, – и они гордились этим. А нам нельзя было открыть рот» [4: 142]. Таким образом, в глазах беженцев казаки были хуже немцев.

На оккупированной территории оставалось советское подполье, изображавшее преданное немцам казачье население. Об этом писал в своих воспоминаниях коллаборант П. Донсков [1: 501, 509], отчасти этот тезис подтверждается в кандидатской диссертации Л.В. Табунщиковой [7: 25] и архивными документами. Следующий пример повествует, вероятно, о случае именно этого рода: подпольная ячейка должна была внедриться в административную структуру немецких оккупантов и в целях конспирации поддерживать образ ненавистников советской власти, однако другие граждане не знали о скрытых ролях своих соседей-станичников, и потому их впечатления были однозначно негативными.

В одном из заявлений в комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба на территории Ростовской области рассказывается про семью Щегловых, которая проживала в станице Жуковке (Жуковской) Дубовского района и пособничала немецким оккупантам. Глава семейства Щеглов Яков Иванович во время оккупации работал кладовщиком, выдавал испорченные продукты или не выдавал их вовсе и на возмущения граждан отвечал: «Вам ничего не будет. Ваши овощи, хлеб и всё остальное находится за Волгой, поезжайте и получайте от своих мужей, т.к. они защищают советскую власть, а не нашу настоящую, которая есть сейчас, самая настоящая наша власть». Также он пытался избить гражданку Татаринову с возгласом: «...довольно тебе, хватить, похозяйничали, тебе это не советская власть, а наша, что хотим, то и сделаем» [8: 106].

Сын Якова Ивановича, Иван Яковлевич, в довоенное время осужденный по 58-й статье (в документе примечание «за бандитизм и другое») и вернувшийся в станицу из 8-летней ссылки (в двух других

заявлениях говорится про осуждение на 10 лет [8: 104, 105]) в 1937 г., в период немецкой оккупации был полицейским и сожительствовал с Зинаидой Павловной Даниловой, которая заявляла местным жителям: «Вы знаете, кто я такая – я дочь офицера, вот, вот, скоро он придет, его фуражка виднеется, придет рассчитается, а Ваши мужья больше никогда не вернуться, мы будем теперь хозяева и т.д.» [8: 107]. В документе не говорится напрямую о казачестве, но можно сделать предположение, что речь идет о границах Области войска Донского и предках – казачьих офицерах. Примечательно, что отец и сын Щегловы при отступлении были расстреляны немцами вместе с «партизанами-комсомольцами, активом станицы» [8: 103], а З.П. Данилова сразу после освобождения станицы Красной армией была назначена председателем сельсовета.

Таким образом, во время Великой Отечественной войны отношение населения оккупированной Ростовской области к казакам вермахта было разным, но преимущественно негативным. Горожане с ними близко не соприкасались, но относились настороженно, не лучше, чем к немцам. В сельской местности часть казачьего населения, особенно те, чьи родственники служили немцам, казаков-коллаборантов поддерживало, а те, чьи родственники служили в Красной армии, относились и к коллаборантам, и к их семьям враждебно. Для беженцев казаки вермахта были страшнее немцев, что отчасти подтверждает «Шкалу злодейства» по отношению к советским жителям, которую составил в своих мемуарах итальянский генерал Мессе. В ней «русские белогвардейцы» стоят на первом месте [3: 100]. Оставленное советское подполье, естественно, в целях конспирации, подыгрывало настроениям коллаборантов.

### Источники и литература

1. *Донсков П.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне // Трагедия казачества: сборник. М., 1994. С. 465–606.
2. *Жуков Г.П.* Осколки моей памяти. Воспоминания. Таганрог в оккупации 1941–1943 гг. Таганрог, 2019.
3. *Мессе Д.* Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.). М., 2009.

4. «Нам запретили белый свет...»: альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян, Н. Поболь. М., 2006.
5. Полян П. «Если только буду жив...»: 12 дневников военных лет. СПб., 2021.
6. Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов-на-Дону, 2020.
7. Табуницикова Л. В. Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1.
9. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 3.
10. ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 5.

**М.П. Мерзляков**

**ОККУПАЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА В КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ  
ПРЕССЕ НА НИЖНЕМ ДОНУ В 1942–1943 гг.  
(по материалам газеты «Новочеркасский вестник»)**

В советской историографии периоду оккупации различных регионов СССР уделялось недостаточно внимания [4: 139]. В последнее время все больше исследователей обращается к проблеме агитационно-пропагандистской деятельности немецко-фашистских захватчиков, в том числе в диссертационных работах, выполненных на материалах юга РСФСР. Так, в 2001 г. была защищена диссертация А.В. Мальшева о средствах массовой информации в годы Великой Отечественной войны на материалах Дона, Кубани, Ставрополя – региона, специфика которого была обусловлена тем, как констатирует сам исследователь, что «план молниеносной войны провалился, и она приняла затяжной характер. Руководство Германии понимало, для того чтобы закрепиться на Северном Кавказе и получить доступ к природным ресурсам, необходимо искать компромисс с местным населением» на юге России [5: 5]. В диссертации Е.Н. Нечай рассмотрена коллаборационистская печать, издававшаяся на оккупированной территории Ростовской области в 1941–1943 гг. В своей работе она отметила, что «деятельность газеты “Новое слово”, выходившей в Таганроге,

была строго регламентирована новой администрацией, что не могло не сказаться на содержании газет» [7: 17]. В диссертационном исследовании Н.В. Дорониной убедительно доказано, что пропагандистская деятельность оккупационных властей была направлена на городское и сельское население Кубани и Ставрополья с целью его привлечения на свою сторону [3: 15].

В то же время многие аспекты проблемы представляются недостаточно изученными. В данной публикации автор ставит перед собой цель рассмотреть пропагандистскую деятельность немецко-фашистских захватчиков в период оккупации Нижнего Дона в 1942–1943 гг. на примере газеты «Новочеркасский вестник». Анализ данного источника позволит выделить методы привлечения советского населения на сторону врага, а также понять, была ли эффективна эта пропаганда. Следует отметить, что оккупационная газета «Новочеркасский вестник» хотя и привлекалась отдельными исследователями как важный источник оккупационного периода, однако не стала предметом самостоятельного изучения.

Агитация немецко-фашистских захватчиков в отношении местного населения шла с помощью таких инструментов воздействия, как листовки, радио, периодическая печать, издаваемая на временно оккупированной территории [1: 17]. Известно, что в Ростовской области распространялось 13 газет и журналов [7: 13]. Например, в Ростове-на-Дону выходила газета «Голос Ростова», в Таганроге – «Новое слово», в Миллерово – «Возрождение», в Новочеркаске – «Новочеркасский вестник», в станице Обливской выходили «Обливские известия», в станице Белокалитвинской – «Белокалитвинская газета». Из Праги привозили газеты «Доброволец», «Казачий вестник» и «На казачьем посту». Распространялись газеты с соседних оккупированных территорий: из Донецка – «Донецкий вестник» и «Новый час», из Мариуполя – «Эхо Приазовья», из Симферополя – «Голос Крыма». Возможно, это обусловлено тем, что территория Ростовской области попадала под сферу влияния рейхскомиссариата «Украина», стремившегося к расширению своих полномочий.

Газета «Новочеркасский вестник» выходила в городе Новочеркаске во время оккупации (с августа 1942 г. по февраль 1943 г.). В отличие от большинства коллаборационистских изданий «Новочеркасский

вестник» имел конкретную локализацию. Газета распространялась в Новочеркасске, станицах Грушевской, Кривянской, Бессергеновской, Багаевской с юртовыми хуторами и освещала события, происходившие на этой территории. Ответственным редактором был профессор А.Л. Штатский.

Можно выделить три основных компонента, на которые опиралась агитационная коллаборационистская политика, пришедшая в казачьи станицы и города Ростовской области. Это обиды, нанесенные советской властью (рассказывание и раскулачивание), вытеснение в советское время религии из общественной жизни и историческое прошлое донского казачества. В оккупационной периодической печати планомерно педалировалась идея возрождения традиций и обрядов казачьего сословия, устоявшихся практик в сфере обучения, бытовых особенностей, характерных для этого региона.

Значительное внимание оккупанты уделяли борьбе с советской идеологией. На захваченной территории Ростовской области с первых дней новая власть стала уничтожать советскую символику, газеты, литературу политического характера. В приказе № 47 от 10 октября 1942 г. по Семикаракорскому району всем хуторским атаманам и квартальным предписывалось изъять у населения сочинения Ленина и Сталина, журналы «Пропагандист», «Спутник агитатора» и брошюры: «Все это сдать в станичное правление (комната № 3). Не сдавшие указанной литературы будут наказаны по законам военного времени» [9: 19]. Подписал приказ станичный атаман Кочконогов. Уже спустя всего четыре дня помощник атамана Елисеева в приказе № 627 запрашивал, что было сделано по приказу № 47. Помимо указанной литературы, он требовал изъять и «Краткий курс истории ВКП(б)» [9: 23].

Вместе с тем, следует отметить, что оккупация региона имела и ярко выраженную специфику. Создание казачьих добровольческих подразделений привело к поднятию «казачьего вопроса» на качественно иной уровень в политике оккупантов. Казаков стали называть отдельным народом, правда, понимая, что их процент среди населения уже не велик. Это нашло отражение в статье «В добрый час», где под эгидой возрождения обычаев донских казаков описывали прием иногородних в казачье сословие [2].



Именно в казачьих станицах немецко-фашистское командование рассчитывало найти массовую поддержку. Расчет был на актуализацию обид казаков в отношении советской власти. Появление казачьих добровольческих формирований вермахта не могло не тревожить советское руководство. Еще свежи были в памяти жителей станиц антирелигиозные практики, уничтожение памятников, снос храмов, смена форм хозяйствования от единоличного к коллективному в ходе коллективизации.

Не последнее место в «Новочеркасском вестнике» занимает освещение темы возрождения церковной жизни. Например, в статье «Станица Грушевская – сегодня» приводятся сведения о том, как «восстанавливаются Иоанно-Богословская и Варваринская церкви. В первой уже происходит богослужение» [8]. В ряде статей рассказывалось, что в селах и станицах Дона открывались церкви, начались богослужения в станицах Бессергеновской, Багаевской, хуторах Грушине (Верхнекундрюческой станицы) и Яновском.

Немецкая агитация развернула работу против политики советской власти в отношении казачества. Началось будирование прошлых исторических травм. Пытаясь сделать казаков своей опорой, немецко-фашистские власти декларировали «идеи освобождения от колхозного советского рабства», при этом сохранив колхозы и совхозы, которые стали работать на нужды немецкой армии. Стремясь создать информационный вакуум, оккупанты объявили об изъятии радиоприемников, сданных населением еще в начале войны. Действуя в том же ключе, оккупационная администрация с помощью полиции изъяла и телефоны: «до 5 сентября 1942 года все, находящиеся в их квартирах и конторах телефонные аппараты, не включенные до настоящего времени в русскую телефонную сеть», предлагалось сдать, а за невыполнение приказа населению угрожали строгими наказаниями [6].

Отсутствие новостей вызывало чувство обеспокоенности и страх у жителей оккупированной территории. Информирование населения происходило с помощью радиоточек, работа которых была строго регламентирована по определенным часам. Узнать о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем можно было в основном из оккупационной газеты. Но статьи носили пропагандистский характер, в них прославлялось руководство рейха, романтизировалась былая жизнь

Войска Донского до революционных событий 1917 г., а отдельный блок информации был посвящен обстановке на фронте (преимущественно описывалась ситуация за рубежом).

Чтобы очертить советскую власть и рассказать о прелестях жизни досоветского времени, использовались нарративы эмигрантов. 9 октября вышла статья «Возвращение казаков из изгнания», в которой автор обратился к воспоминанию эмигрантов о прежних хозяйствах: «В каждой казачьей станице были 2–3 хлебные ссыпки, 2–3 склада с керосином и нефтью, 5–6 мануфактурных магазинов, лесные биржи, несколько бакалейных магазинов, рыбные лавки. А остались по два колхозных магазина с перламутровыми пуговицами и ячменным кофе [10]. Важно отметить, что автор ориентировал читателя на сравнение того, «что было», и того, «что мы имеем, благодаря советской власти». Здесь можно выделить еще один важный факт, характеризующий хозяйственную деятельность Нижнего Дона. Некоторые станицы хлеб никогда не сеяли, основным промыслом в них было виноградарство и рыболовство, поэтому приведенная информация о хлебных ссыпках не соответствует действительности.

Таким образом, обращение к коллаборационистской прессе открывает перспективы для более объективного и всестороннего изучения повседневной жизни станиц и хуторов Нижнего Дона в период немецко-фашистской оккупации, что, несомненно, будет способствовать дальнейшему расширению и накоплению исторических знаний по всей проблематике Великой Отечественной войны. Проблемы казачьего коллаборационизма на страницах оккупационных газет играли существенную роль, что было связано с «раскручиванием» этого движения. Оккупационная газета «Новочеркасский вестник», с одной стороны, позволяет восстановить общие методы пропагандистской деятельности немецкой администрации на территории Нижнего Дона. С другой стороны, данный источник обладает самостоятельностью и может использоваться для репрезентации оккупационного периода в рамках исследуемой локальности. Важно отметить, что коллаборационистская периодическая печать особого энтузиазма у местного населения не вызвала. Жители Дона шли на сотрудничество с оккупантами по разным мотивам, но большая часть населения все-таки ждала освобождения родных станиц и хуторов от захватчиков.

### Источники и литература

1. Агеева В.А., Мерзляков М.П. Повседневная жизнь населения юга России в годы Великой Отечественной войны: перспективы изучения через призму эго-источников // Актуальные проблемы историко-краеведческих исследований. Краснослободск, 2015. С. 16–24.
2. В добрый час // Новочеркасский вестник. 1942. 14 октября. № 54. С. 2.
3. Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь., 2005.
4. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940е гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону, 2009.
5. Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны: на материалах Дона, Кубани, Ставрополя: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2001.
6. Местный комендант. Приказ // Новочеркасский вестник. 1942. 26 августа. № 12. С. 1.
7. Нечай Е.Н. Коллаборационистская печать на Дону в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.): особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016.
8. Петров Н. Станица Грушевская – сегодня // Новочеркасский вестник. 1942. 19 августа. № 6. С. 2.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 446.
10. Я.Р. Возвращение казаков из изгнания // Новочеркасский вестник. 1942. 9 октября. № 50. С. 3.

**И.В. Карташев**

### **К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ВЫСШИХ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ НА ОККУПИРОВАННОЙ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ ТЕРРИТОРИИ РСФСР**

С переходом войны против Советского Союза в затяжную фазу оккупационная политика гитлеровской Германии начала претерпевать определенные изменения. Необходимость обеспечения безопасного нахождения военнослужащих вермахта на оккупированной территории РСФСР, налаживания экономической жизни в захваченных

районах, успешного идеологического воздействия на местное население вынуждали германские власти упорядочивать вопросы, связанные с деятельностью учреждений социальной сферы, в том числе медицины и образования. В частности, оккупанты позволили продолжить работу, в подавляющем большинстве случаев – на возмездной основе, части лечебных заведений общей практики, а также части учреждений начального образования.

Первоначально германское руководство не допускало возможности функционирования на оккупированных восточных территориях, в особенности на территории России, учреждений высшего образования. Однако нехватка кадров в возобновивших свою работу больницах и поликлиниках, которая со временем рисковала только усилиться, требовала отступления от этих установок. В этой связи представляет интерес рассмотрение проблемы подготовки медицинского персонала высокой квалификации на захваченных врагом территориях РСФСР.

В оккупированных районах республики и в зоне крупных боевых действий подготовка врачебных кадров ранее осуществлялась в восьми медицинских вузах – Воронежском, Ворошиловском (Ставропольском), Крымском, Кубанском, Курском, Ростовском, Смоленском, Сталинградском. Смоленский медицинский институт к началу войны был одним из крупнейших на территории РСФСР и обладал мощной материально-технической базой. Свой 21-й выпуск институт провел уже в условиях начавшейся войны, буквально под вражескими бомбардировками Смоленска. В июле 1941 г., накануне захвата города врагом, наиболее ценное оборудование и библиотека вуза были эвакуированы в Саратов. Многие сотрудники и студенты пополнили ряды Красной армии, трудились в вузах, эвакогоспиталях, лечебных учреждениях для населения в тыловых районах страны. В самом Смоленске через год после начала оккупации на платной основе действовала только одна больница для населения, а среди учреждений образования не работали даже начальные школы, некоторые из которых только готовились к открытию [15: 128]. Несмотря на длившийся более двух лет период оккупации, попыток организовать подготовку медицинских кадров оккупанты не предпринимали. К моменту освобождения Смоленска 25 сентября 1943 г. учебная и общежитская база медицинского

вуза, за исключением главного корпуса, была практически полностью уничтожена [14: 8–9].

Схожая ситуация сложилась в период оккупации в Курске. В городе на платной основе продолжали работу всего две больницы и одна поликлиника. Остальные учреждения здравоохранения, в том числе отвечавшие за подготовку медицинских кадров, были закрыты. До начала оккупации, в октябре 1941 г., более 300 сотрудников и студентов Курского медицинского института успели покинуть город по железной дороге [13: 98]. В числе выехавших была и группа прибывших ранее в Курск студентов Смоленского и Минского медицинских институтов. В помещении института во время оккупации размещался госпиталь для немецких солдат. К моменту освобождения Курска его учебные корпуса, хозяйственные постройки, студенческое общежитие для студентов были превращены оккупантами в руины [12: 73].

Воронежский медицинский институт в декабре 1941 г. был эвакуирован в Красноярск. Однако в связи с улучшением обстановки на фронте вуз вскоре вернулся в Воронеж. Успев провести в начале июля 1942 г. досрочный выпуск студентов, институт в условиях постоянных бомбардировок города прекратил работу. В этот раз организованной эвакуации провести не удалось. Имущество, оборудование и библиотека вуза остались в осажденном городе. Некоторые сотрудники покинули Воронеж в последних эшелонах с ранеными, большинство преподавателей и студентов уходили из города пешком. С 1 октября 1942 г. институт смог продолжить свою работу в Ульяновске. Ни о какой организации работы вуза оккупантами в Воронеже, через который проходила линия фронта, не могло быть и речи. В результате длительных боев Воронеж был разрушен на 95 %, став одним из самых пострадавших от оккупации городов. Из 23 зданий вуза сохранилось лишь три. Библиотека, архивы, ценное оборудование кафедр, уникальный анатомический музей были уничтожены [3: 244].

Сталинградский медицинский институт с приближением фронта в августе 1942 г. должен был эвакуироваться из города, объединившись впоследствии в один вуз с Астраханским и Ленинградским педиатрическим медицинскими институтами. Однако в результате массированных бомбардировок Сталинграда здания института были

разрушены, его имущество сгорело. Преподаватели и студенты, переправившиеся на левый берег Волги, были эвакуированы в тыл [2: 217]. Мероприятия по организации подготовки медицинских кадров в захваченных районах Сталинградской области оккупантами не проводились, а соответствующие учреждения профессионального образования не действовали.

Дважды эвакуировался медицинский вуз из Ростова-на-Дону. В ноябре 1941 г. с приближением фронта сотрудники и студенты вуза направились в Томск. Улучшение военной обстановки позднее позволило многим из них вернуться и продолжить работу и учебу в стенах института. В июле 1942 г. началась вторая эвакуация вуза, проходившая в экстремальных условиях. В сложившейся ситуации преподаватели и студенты Ростовского медицинского института оказались в разных городах страны. Значительная часть коллектива вуза добралась до Куйбышева, где осенью 1942 г. они влились в состав местного медицинского института, передислоцированного позже в Самарканд. Попыток открытия медицинского вуза в Ростове-на-Дону германскими властями не предпринималось. В результате оккупации полному разрушению подвергся теоретический корпус института, было уничтожено имущество многих кафедр. Практически полностью были разрушены клиники вуза, уникальные музеи анатомии и судебной медицины, огромный ущерб нанесен научной библиотеке [4].

Крымский медицинский институт с началом войны эвакуировался трижды. 19 сентября 1941 г. вуз выехал из Симферополя в Армавир. На Кубань прибыло большинство преподавателей, более 500 студентов, а также оборудование, учебные пособия и значительная часть научной библиотеки. Некоторые сотрудники института не эвакуировались, продолжив работу в эвакогоспиталях и других лечебных учреждениях Крыма. Находившийся в Армавире институт в дальнейшем дважды эвакуировался в Казахстан: первый раз – в Джамбул, откуда вернулся в связи с улучшением обстановки на фронте, второй раз – в Кызыл-Орду, где находился до 1944 г. [11].

В оккупированном Симферополе группа представителей местной интеллигенции в начале 1942 г. сформировала правление и инициировала открытие Крымского университета, который должен был содержать пять факультетов, в числе которых был и медицинский.

О скором начале работы вуза писали оккупационные газеты, в смету городской управы были заложены средства на его содержание. Согласие на работу в университете дали 15 профессоров, 11 доцентов и «достаточное количество младших научных работников», ранее работавших в различных образовательных учреждениях. При этом только в Симферополе находилось не менее 50 студентов медицинского института, перешедших на пятый курс и не завершивших свое образование. Их обучение планировалось начать в самый кратчайший срок, организовав практические занятия на базе местных клиник и больниц. Правлением университета была образована приемная комиссия для набора учащихся на 5 курс медицинского факультета.

Однако попытка открытия университета, в штате которого числилось около 60 сотрудников, вскоре была пресечена германскими властями. 21 марта 1942 г. представитель германского командования объявил членам правления вуза о незаконности их действий и запрете работы на полуострове всех образовательных учреждений, за исключением некоторого количества начальных школ. Принятие такого решения объяснялось как близостью фронта к территории Крыма, фактически находившегося в зоне военного управления, так и поступавшими на полуостров распоряжениями рейхсминистра А. Розенберга и рейхскомиссара Украины Э. Коха, запрещавшими работу большинства учреждений образования.

Вопросы, связанные с открытием Крымского университета, вновь начали активно обсуждаться в марте 1943 г. На совместном заседании профессорско-преподавательского состава и местных властей выступил городской голова Симферополя профессор Л.С. Севастьянов. Ссылаясь на договоренность с германскими властями, он сообщил о скором открытии вуза в составе трех факультетов – медицинского, инженерного и агрономического. На деканов факультетов возлагались обязанности по составлению учебных программ и планов преподавания, подбору сотрудников, подготовке помещений для теоретических и практических занятий, сбору литературы и учебных пособий, набору студентов. Однако к дате открытия университета, намеченного на 1 апреля 1943 г., необходимая документация подготовлена не была [10].

Одной из причин того, что высшее учебное заведение в Крыму в период оккупации так и не было открыто, являлась проявившаяся

со временем нехватка специалистов для работы в университете. Многие находившиеся в городе сотрудники медицинского института работали в лечебных учреждениях для населения. Ряд известных специалистов, в том числе профессора Н.И. Балабан, А.А. Потапов, погибли от рук нацистов. Пострадал от действий оккупантов и сам медицинский вуз: за время оккупации основной учебный корпус и другие его здания были разрушены.

Нехватку специалистов высокой категории в учреждениях медицины на территории оккупированных районов России частично было призвано уменьшить открытие медицинского института в белорусском городе Могилеве. Согласно планам германских властей, количество подготавливаемых вузом специалистов должно было отвечать не только потребностям генерального округа «Беларусь» и восточной части бывшей БССР, но и части бывшей территории РСФСР, находившейся в зоне военного управления группы армий «Центр» [1: 17–18]. Однако его открытие, инициированное летом 1942 г. начальником медико-санитарного отдела городской управы Н.Л. Степановым, одновременно являвшимся заместителем бургомистра, не смогло повлиять на обеспеченность медицинскими кадрами западных районов России. В действительности вуз начал свою работу лишь в мае 1943 г., проработал в Могилеве всего несколько месяцев, а уже в октябре в связи с приближением фронта был эвакуирован на запад [8: 40].

Попытки открытия медицинских вузов, в отличие от других оккупированных районов России, в ряде случаев были предприняты оккупантами на Северном Кавказе. Германские власти декларировали проведение здесь более мягкой социальной политики, что объяснялось стремлением добиться лояльности местного населения, в том числе горских народов, кубанского и терского казачества.

Вскоре после захвата Ворошиловска в августе 1942 г. оккупационные газеты сообщили о скором возобновлении работы местного медицинского института. Но на деле учебный процесс в вузе, несмотря на работу на его базе медико-аналитической лаборатории, назначение руководства и деятельность инвентаризационной комиссии, восстановлен не был. Одной из причин стало безжалостное уничтожение нацистами сотрудников института, среди которых было немало евреев. После проведения карательных акций из числа



высококвалифицированных специалистов в городе находилось лишь семь заведующих кафедрами, три доцента и старших преподавателя, в то время как до оккупации в вузе полноценно функционировали 33 кафедры. Кроме того, часть имущества и оборудования вуза была вывезена из города накануне оккупации, расхищена, отправлена в Германию самими оккупантами. Назначенный директором вуза профессор А.Н. Полонский на завершающем этапе оккупации был арестован и расстрелян. Причиной стал фиктивный брак, заключенный им с целью спасти свою коллегу-еврейку. В сложившихся условиях мединститут в Ставрополе до окончания оккупации возобновить свою работу не смог [7].

Иная ситуация сложилась в Кисловодске. С октября 1942 г. здесь функционировал вуз, образованный на базе эвакуированных ранее в регион 1-го Ленинградского и других медицинских институтов блокадного города. Свою роль в том, что оккупанты позволили открыть вуз, сыграло то, что осуществлявший с ними переговоры и ставший директором института профессор В.А. Шаак являлся этническим немцем. Существовать вуз должен был за счет платы, взимаемой со студентов за обучение. Несмотря на последовавшее в ноябре 1942 г. предупреждение властей о скором закрытии учебного заведения, медицинский институт в Кисловодске продолжал свою работу до окончания оккупации, а большинство его сотрудников и студентов смогли избежать отправки в Германию. В то же время от рук нацистов погибли многие студенты и преподаватели вуза, преимущественно еврейской национальности. Некоторые сотрудники и учащиеся, в том числе профессор В.А. Шаак с семьей, по разным причинам, в том числе по принуждению, покинули регион вместе с отступающими германскими войсками [9: 11–12].

В Пятигорске, несмотря на сделанные еще в сентябре 1942 г. заявления властей, занятия в химико-фармацевтическом институте смогли возобновиться лишь в декабре. Причинами этого были нехватка сотрудников и студентов, а также необходимость решения вопросов, связанных с финансированием вуза. До оккупации он функционировал на базе Днепропетровского фармацевтического института, прибывшего в город в порядке эвакуации с частью сотрудников, студентов и материальной базой. Основной причиной того, что оккупационные

власти позволили возобновить его работу, являлось то, что в лабораториях вуза планировалось наладить производство лекарственных препаратов и спичек. К окончанию оккупации в институте, в котором была сформирована материальная база и собран достаточно сильный преподавательский состав, обучалось более 400 студентов. Эти факторы заложили основу для организации впоследствии советскими властями Пятигорского фармацевтического института для подготовки фармацевтов и инженеров-химиков [5: 78].

Кубанский медицинский институт эвакуировался из Краснодара дважды. Эвакуация института в Ереван в ноябре 1941 г. завершилась возвращением вуза в Краснодар в апреле и досрочным выпуском студентов 5-го курса в мае 1942 г. В связи со стремительным приближением фронта после выпуска группы студентов 4 курса, проведенной в конце июля 1942 г., с 1 августа началась вторая эвакуация института. В период оккупации, несмотря на использование новыми властями материальной базы вуза, учебный процесс не возобновлялся [6: 158].

Таким образом, можно констатировать, что на большей части оккупированной германскими войсками территории РСФСР работа высших медицинских образовательных учреждений налажена не была, а подготовка врачей не осуществлялась. Исключением стал Северный Кавказ, где германские власти, исходя из практической и идеологической заинтересованности, предприняли попытки возобновления работы отдельных высших учебных заведений медицинской и фармацевтической направленности. Непродолжительный период оккупации, а также непоследовательная политика оккупантов не позволили в полной мере наладить их деятельность и оказать влияние на обеспеченность лечебных учреждений для населения квалифицированными кадрами.

### Источники и литература

1. *Абраменко М.Е.* Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 13–19.
2. *Ерегина Н.Т.* Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль, 2010.

3. Есауленко И.Э., Попов В.И. Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко – от истоков до сегодняшнего дня // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 4. С. 240–248.
4. История РостГМУ. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет». URL: <http://rostgmu.ru/об-университете/ростгму-85-лет/юр-адрес-и-схема-проезда> (дата обращения: 08.04.2022).
5. Карташев А.В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 73–80.
6. Карташев А.В., Сневак Р.С., Склярова Е.К., Камалова О.Н. Становление высшего медицинского образования на Северном Кавказе (1915–1945). Ставрополь, 2018.
7. Карташев И.В. К вопросу о работе Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2018. № 2. С. 63–74.
8. Карташев И.В. Медицинские образовательные учреждения в условиях немецко-фашистской оккупации территории СССР // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. С. 39–56.
9. Карташев И.В., Карташев А.В. К вопросу о судьбах преподавателей и студентов 1-го Ленинградского медицинского института в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова. 2021. Т. 28. № 1. С. 9–16.
10. Кохан А.А. Научные кадры Крыма в период оккупации (1941–1944) // Электронное научное издание Альманах «Пространство и Время». 2017. Т. 14. Вып. 1. URL: [http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprov\\_r\\_e-ast14-1.2017.32.php](http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprov_r_e-ast14-1.2017.32.php) (дата обращения: 10.05.2021).
11. Крымский медицинский и медики-подпольщики // Медицинский вестник. 2008. № 14. URL: <http://www.ma.cfuv.ru/site/page/show/docid/5967> (дата обращения: 10.05.2021).
12. Лазарев А.М., Друговская А.Ю. Курский мединститут в годы войны // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 67–75.
13. Лазаренко В.А. Курский государственный медицинский университет: прошлое и настоящее // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 97–103.

14. *Отвагин И.В., Козырев О.А.* Смоленская государственная медицинская академия – прошлое и настоящее // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2015. Т. 14. № 1. С. 7–13.
15. *Сорокин А.* На направлении главного удара // Родина. 2013. № 9. С. 126–131.

**Е.Е. Красноженова**

### **НАЦИЗМ ПРОТИВ ДЕТСТВА: 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской области)<sup>1</sup>**

Северо-Запад РСФСР в военный период находился в длительной нацистской оккупации. Жертвами оккупационной политики становились не только взрослые, но и дети. Это обусловило интерес к проблеме военного детства со стороны исследователей. В исторических трудах не только проанализирована нацистская оккупационная политика и представлены факты преступлений против детей и подростков, но и показаны повседневные стратегии выживания детей в условиях оккупации – от участия в партизанских отрядах до сотрудничества с оккупантами [1; 5–9].

Политика оккупационных властей определялась жестокостью, репрессивные меры коснулись всех без исключения, независимо от пола и возраста. Согласно высказываниям А. Гитлера и других высших лиц Германии, любое упорядочение социальной сферы жизни населения представлялось ненужным. Жителям приходилось думать о выживании, питании, детях. Мероприятия оккупационных властей в социальной сфере в отношении населения, в том числе и детей, сводились к регулированию проблем питания, предотвращению распространения инфекционных заболеваний в тылу немецкой армии, учету рабочей силы с целью наиболее полного использования ресурсов захваченных территорий. По мере затягивания войны появлялись и другие проблемы, связанные непосредственно с детским населением: борьба с бродяжничеством, беспризорностью, ростом детской преступности.

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; исследование выполнено за счет гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

Особенно острой в регионе стала проблема обеспечения его жителей продовольствием. На оккупированной территории процветал грабёж населения, была введена система различных налогов и поборов, обязательной сдачи сельскохозяйственной продукции, эти люди обрекались на полуголодное существование и даже голодную смерть. Оккупанты отбирали у населения хлеб, включая семенной фонд, затем подобное повторилось с картофелем, который после изъятия хлеба стал основным продуктом питания мирных жителей. Невыполнение заданий, а тем более малейшие попытки протеста сурово пресекались: людей избивали, публично подвергали телесным наказаниям, а нередко расстреливали.

В справке о продовольственном положении в оккупированных районах Ленинградской области приводятся сведения о том, что в Тосненском, Чудовском и Киришском районах картофель и овощи с колхозных полей были полностью забраны оккупантами. Овцы и куры во всех деревнях, где были немцы, изъяты полностью. В городе Любань захватчики вывезли коров, поросят, птиц, коз. В поселках Саблино и Поповка крупный рогатый скот, овцы и птица полностью изъяты у населения [10: 17–19].

О голоде на оккупированных территориях Ленинградской области свидетельствовали в своих донесениях партизаны. Так, связной Катков (имя и отчество в документе отсутствуют. – Е. К.) писал: «Население сидит без хлеба. Оставшиеся жители питаются картофелем и овощами, которые копают на колхозных полях. Копка на полях, принадлежащих финнам, немцами запрещена. Двое детей рабочего промкомбината, у которого я останавливался пить чай, уже распухли от голода» [10: 91].

Положение с продовольственным обеспечением населения оставалось катастрофическим на протяжении всего периода оккупации. Нормы питания по карточкам постепенно снижались. Продовольственный вопрос для населения стоял очень остро, поскольку зачастую, кроме хлеба (и то хлеба низкого количества), люди больше ничего не получали. Недостаточные нормы питания вынуждали жителей искать нелегальные пути заработка. Взрослые, а часто и дети, торговали на черном рынке одеждой, другими вещами. Местные власти констатировали, что базары были полны торгующей, спекулирующей

молодежь. Полуголодное городское население не могло обойтись без естественного обмена с жителями деревни.

Одной из форм геноцида населения оккупированных районов явилось уничтожение голодом и создание заведомо невыносимых условий существования. Поиск продовольствия стал привычной повседневной практикой детей, проживающих на оккупированной территории. Так, жительница Киришского района Ленинградской области Г.А. Шитикова (Беляева), 1931 г.р., писала: «Есть стало совсем нечего, и мама пошла пилить дрова для немецкой кухни, за что получила котелок супа. Мы ходили в поле за городом, искали неубранную капусту. Научились у немцев просить хлеба» [4: 420].

Нехватка продуктов питания была обусловлена общей ситуацией на оккупированной территории. Первоначальной задачей властей становилось обеспечение германской армии, а уже потом остального населения. Поскольку дети не имели никаких прав как нетрудоспособные, то они зависели от положения, занимаемого родителями. Более защищенными были дети тех, кто сотрудничал с гитлеровцами. Так, во время оккупации города Великие Луки Псковского района Ленинградской области население переживало тотальный голод, рабочие, занятые на тяжелых работах, получали 300 г хлеба в сутки, а иждивенцы и неработающие (престарелые, дети) – только 150–200 г. Никаких других продуктов питания населению не выдавалось. В Мгинском доме инвалидов в 1942 г. проживало до 40 человек стариков и детей. На всех выдавалось в день 2 кг конины и 0,5 кг муки. Заведующая домом ежедневно сообщала бургомистру о смерти детей от недоедания [12: 15]. В конце 1942 г. выдача населению хлеба была полностью прекращена [3: 32–43].

Хотя родители и были обязаны воспитывать и материально обеспечивать своих несовершеннолетних детей, ситуация, сложившаяся в Ленинградской области в 1941–1944 гг., осложнялась тем, что возможности взрослых были значительно ограничены. Даже труд и зарплата не гарантировали обеспечения минимальных потребностей работающего и его семьи. Поэтому в годы оккупации уменьшился контроль за детьми со стороны семьи и выявилась неспособность властей охватить детей школой и внешкольной деятельностью. Несмотря на введение репрессивных мер, дети продолжали скитаться по улицам

без присмотра. Из-за того, что родителям нужно было обеспечивать семью питанием, работать, функция контроля была сведена к минимуму.

Анализ документов показывает, что дети относились к категории безработных (иждивенцев) или выделялись в отдельную группу, определяемую возрастным фактором. Подростков (парней – 14 лет, девушек – 16 лет) относили уже к категории работников, хотя официально трудовая повинность наступала с 18 лет. Потребность в рабочей силе заставляла оккупационные власти, руководствуясь потребностями конкретной местности, вводить свой возрастной ценз для выполнения трудовой повинности, хотя его снижение приводило к увеличению расходов на питание. Такая взаимозависимость была выгодной для гитлеровцев, поскольку установленные нормы продуктов не соответствовали настоящей оплате труда. Питанием по карточкам обеспечивались только дети работающих или безработных родителей, которые были зарегистрированы на бирже труда. Оплата труда неквалифицированного работника (а подростки относились именно к этой категории) оценивалась в размере 50–70 % от зарплаты квалифицированного.

Подростков 14–15 лет отправляли к линии фронта на оборонные работы, заставляя работать под градом бомб и снарядов [2: 4–7]. Подростки не только были задействованы на дополнительных работах, ими часто заменяли взрослую рабочую силу.

Для организации обязательных работ на территории Ленинградской области создавались специальные гражданские лагеря. Так, на территории Лодейнопольского района подобный лагерь был организован в бывшем Свирском монастыре. Все лица, содержащиеся в лагере, в том числе и дети старше 10-летнего возраста, были обязаны работать на тяжелых физических работах в лесу и на дорожном строительстве, причем нормы выработки для детей были установлены те же, что и для взрослых. Детский труд не оплачивался. За малейшие нарушения дети наказывались наравне со взрослыми. Так, в 1941 г. в лагере были расстреляны два заключенных мальчика за то, что они, будучи голодными, съели собаку переводчицы. Комендантом лагеря Лахи Коско было расстреляно три человека, из них два мальчика по 14 лет, фамилии которых остались неизвестными [11: 15, 24–31].

Таким образом, многочисленные документы свидетельствуют о том, что весь период оккупации и до последних немецкие власти проводили целенаправленную политику уничтожения мирных жителей. Нацистская оккупация оставила тяжелый след в детской памяти. Значительное место в детских воспоминаниях занимают сюжеты голода, потери близких, массовые казни и карательные экспедиции, сожжение деревень, принудительные работы на оккупантов и угон в Германию.

### Источники и литература

1. *Асташкин Д.Ю.* Ленинградские дети на оккупированной Новгородской земле: мемуары Капы Захаровой // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 389–392.
2. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1793. Оп. 1. Д. 34.
3. Государственный архив Псковской области. Ф. Р-1691. Оп. 8. Д. 10В.
4. *Иванова И.А.* За блокадным кольцом (воспоминания). СПб., 2010.
5. *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004.
6. *Колотушкин В.Г.* Проблемы организации партизанского края на Северо-Западе РСФСР в 1941–1942 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 26–32.
7. *Красноженова Е.Е.* Оккупанты и дети: 1941–1944 гг. (на материалах северо-Запада России) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 428–433.
8. *Кринко Е.Ф.* Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
9. *Хазов В.К.* Дети и оккупация: потенциал личного дневника как исторического источника (на примере дневника Люси Хордикайнен) // Каспийский регион: политика, экономика, культура, Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 48–53.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-116 Л. Оп. 2. Д. 7.
11. ЦГАИПД. Ф. Р-396. Оп. 7. Д. 327.
12. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-3355. Оп. 1. Д. 1.



**Д.А. Вычеров****О ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ  
В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ<sup>1</sup>**

Великая Отечественная война является значимым событием в истории нашей страны. Ценой невероятных усилий граждане Советского Союза под руководством Коммунистической партии смогли победить, отстояв тем самым свою независимость. Но в начале войны страна оказалась на краю гибели. В результате наступления немецко-фашистским войскам удалось захватить огромную территорию, где находились многие крупные предприятия, а также проживало большое количество советских граждан. Согласно планам руководства Третьего рейха, многие из них должны были быть убиты. Добиться этого планировалось с помощью карательных акций, тяжелой физической работы, ограничения возможностей получить пропитание и квалифицированную медицинскую помощь, приобрести необходимые лекарства. Фактически на оккупированной территории была полностью ликвидирована система здравоохранения, выстроенная СССР за 1920–1930-е гг. Со временем из-за срыва плана молниеносной войны руководству Третьего рейха пришлось изменить свою политику: на захваченных территориях возобновили работу отдельные медицинские учреждения, коих было открыто очень мало.

Темы медицинского обслуживания населения, проживавшего на оккупированных территориях Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, не раз касались в своих работах отечественные историки [1–3; 8]. Ситуацию на Северо-Западе России в своих статьях затрагивали Б.Н. Ковалёв [4], Н.А. Ломагин [7], Е.Е. Красножёнова [5; 6] и другие. В своих трудах они определили основные принципы политики нацистов, проводимой на оккупированной территории Северо-Запада России в области здравоохранения, а также положение дел, связанное с распространенностью заболеваний и общим уровнем

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; исследование выполнено за счет гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

здоровья жителей этих территорий. В целом эти и другие отечественные исследователи сделали немалый вклад в изучение данной темы. Но все же и в настоящее время есть неизвестные сюжеты, связанные с медицинским обслуживанием населения на оккупированных территориях. В данной статье автор осветит некоторые моменты, связанные со здоровьем советских детей и подростков в условиях оккупации.

По мере наступления Красной армии на освобожденных территориях начинали функционировать советские органы власти и управления, которые фиксировали показатели заболеваемости. Однако еще до этого собирались отдельные сведения о болезнях в оккупированных населенных пунктах. И в целом картина складывалась трагическая. Можно смело констатировать, что уровень заболеваемости был высоким. Безусловно, к этому привело множество причин, среди которых можно отметить отсутствие у людей возможности приобрести лекарства и препараты и получить качественную медицинскую помощь. На здоровье людей отрицательно сказывались неудовлетворительные материально-бытовые условия. Повсеместно царила антисанитария. Так, в результате работы, проведенной эпидотрядами Ленинградского областного отдела здравоохранения, было выяснено, что «во многих городах и рабочих поселках (Ленинградской области. – Д. В.) территория вокруг зданий резко загрязнена фекалиями, мусором, отбросами и хламом. <...> Выведена из строя и не работает канализация в подавляющем большинстве городов и рабочих поселков» [9: 41]. Пагубно на состоянии людей сказывались голод, нехватка или отсутствие теплой одежды и обуви, дров. Особенно уязвимым оказывался организм ребенка, поэтому неудивительно, что среди заболевших было много детей и подростков. Не всем из них удалось выздороветь.

Согласно имеющимся данным, наиболее распространенными были брюшной и сыпной тиф. В документах медучреждений, работавших в период оккупации, содержатся сведения о количестве людей, страдавших от этих болезней. Приведем лишь некоторые данные. Например, в д. Крыжики таковых насчитывалось 12 чел., в Лопатихе – 7 чел. [9: 36], в деревнях Лединки, Чащицы, Юково и Большом Степашино сотрудниками санитарной службы одного из воинских подразделений Красной армии было выявлено 13 больных [9: 33]. Согласно документам Леноблздравотдела, в ряде районов Ленинградской области в годы

оккупации вспыхивали эпидемии. Так, в Чудовском районе было выявлено 516 больных сыпным тифом (взрослых и детей), а в Порховском – около 500 чел. Не лучше обстояли дела и в Осьминском, Карамышевском, Лужском, Волосовском, Новосельском, Лядском и других районах [9: 42].

Во многих детских приютах была зафиксирована массовая вшивость. Так, у всех воспитанников детских приютов Гатчины и Дружной Горки в ходе осмотра были найдены вши. В Вырице Слуцкого района из 215 осмотренных детей школьного возраста у 38 были вши. Фиксировалась массовая вшивость и среди тех, кто жил со своей семьей: в Лужском районе из 800 осмотренных болели все, в том числе и несовершеннолетние [9: 41 об.].

Нередко происходили вспышки кори и чесотки, как, например, в ряде населенных пунктов Дновского района [9: 33]. Встречаются в архивных документах и данные о случаях венерических заболеваний. Среди заболевших были не только взрослые. Одна из врачей, которая вела при немцах амбулаторный прием гражданского населения при городской больнице, указывала, что «ей были отмечены случаи изнасилования и заражения гонореей девочек в возрасте 4–5 лет» [9: 13].

Сложившаяся обстановка требовала принятия серьезных мер. В освобожденные районы Ленобласти было направлено 90 врачей и 125 чел. среднего медицинского персонала. Открывались новые медицинские учреждения: в 25 районах области было развернуто 37 больниц на 890 коек, прием жителей осуществляли в 51 врачебной амбулатории и 82 медицинских пунктах. Для ликвидации эпидемических вспышек в районы были направлены 13 эpidотрядов со всем необходимым оборудованием и лекарствами [9: 42 об.]. Однако для нормализации ситуации и снижения уровня заболеваемости необходимо было привлечь больше материальных и людских ресурсов. Это стало возможным только после окончания войны и возврата к мирной жизни.

Таким образом, на оккупированных территориях Северо-Запада России уровень оказания населению медицинской помощи был неудовлетворителен. Советские дети и подростки регулярно болели. Распространенными заболеваниями были сыпной и брюшной тиф, корь, чесотка, фиксировались случаи заражения венерическими

заболеваниями. Такой высокий уровень заболеваемости являлся следствием тяжелых материально-бытовых условий (голода, холода, антисанитарии), отсутствия возможности приобрести необходимые лекарства и получить квалифицированную медицинскую помощь. Причины этого кроются в политике нацистов по отношению к советским гражданам на оккупированных территориях.

### Источники и литература

1. *Абраменко М.Е.* Медицинская помощь населению на оккупированной территории Генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 13–19.
2. *Карташев И.В.* Медицинские образовательные учреждения в условиях немецко-фашистской оккупации территории СССР // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 1. С. 39–49.
3. *Карташев И.В.* Особенности организации медицинского обслуживания населения на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 22–32.
4. *Ковалёв Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.
5. *Красноженова Е.Е.* «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации Северо-Запада России (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Серия: Отечественная история. 2021. № 4 (69). С. 51–57.
6. *Красноженова Е.Е.* Оккупанты и население Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Серия: Отечественная история. 2021. № 1 (66). С. 16–23.
7. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб., 2002.
8. *Молодова И.Ю.* Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 195–198.
9. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-3215. Оп. 5. Д. 13.

К.В. Воронин

**НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРНЫХ ГРАЖДАН  
НА ТЕРРИТОРИИ САЛЬСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ<sup>1</sup>**

*Посвящается моей прабабушке  
Широковой (Куричевой) Варваре Андреевне,  
пережившей ужасы оккупации в пос. Гигант  
Сальского района Ростовской области*

Мирное население Ростовской области, как и других оккупированных краев и областей СССР, в годы Великой Отечественной войны подверглось жестокому преследованию нацистов и их союзников в нарушение всех норм международного права. Многочисленные архивные документы и воспоминания современников тех событий пестрят фактами массовых убийств, изнасилований, грабежей, избиений и прочих военных и уголовных преступлений в отношении населения области. В последние годы отечественные исследователи, опираясь на документы российских и зарубежных архивов, опубликовали ряд интересных обобщающих и специальных трудов по истории оккупации Юга России [6–9; 12 и др.]. Однако судьба отдельных населенных пунктов и сельских районов в период оккупации всё еще недостаточно изучена. Отсутствуют специальные исследования и об истории Сальского района Ростовской области.

До начала Великой Отечественной войны Сальский район являлся важным аграрно-промышленным центром Ростовской области. Согласно переписи 1939 г., численность населения Сальска составляла 11,4 тыс. человек, Сальского района – 75 721 человек [4]. С началом войны Сальская железнодорожная ветка превратилась в одну из основных грузопассажирских магистралей, по которым осуществлялись снабжение действующей армии, эвакуация материальных ценностей и населения в Закавказье. Также в Сальске и населенных пунктах Сальского района к началу оккупации задержалось большое количество эвакуированных и беженцев еврейской и цыганской национальностей из Молдавии и южных областей Украины.

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Датой начала оккупации Сальского района считается 23 июля 1942 г., а 31 июля 1942 г., после ожесточенных оборонительных боев, советские войска оставили г. Сальск [5: 572]. С первых дней оккупанты начали убивать, избивать и грабить население. Так, 1 августа неустановленным военнослужащим из немецкой части, проходившей по с. Воронцово-Николаевскому Сальского района, был застрелен местный житель С.В. Донцов, вышедший во двор своего дома к сараю [1: 379]. Так же, без объяснения причин, 11 августа во дворе детского дома с. Сандата немцами был расстрелян С.Е. Халаимов [1: 396].

Главным оккупационным органом власти Сальска стала немецкая военная комендатура, управлявшая всеми аспектами жизни города и прилегающих территорий Сальского района. Для выявления и пресечения действий подпольщиков и для террора населения, наряду с немецкой полевой жандармерией, в Сальске было развернуто подразделение IV Управления имперской безопасности (гестапо). Кроме того, в августе 1942 г. в Сальск прибыла айнзацкоманда-12 (далее – ЕК-12), в состав которой, помимо немецких военнослужащих, входили коллаборационисты – изменники, перешедшие на сторону врага. Командирами ЕК-12 в то время являлись штурмбаннфюрер СС доктор Эрих Мюллер (01.03.1942–24.10.1942) и оберштурмбаннфюрер СС Гюнтер Херрман (24.10.1942–01.03.1943). Айнзацкоманда-12 входила в состав более крупного карательного формирования – айнзацгруппы D, уже «прославившейся» чудовищными преступлениями на оккупированных территориях Украины и Крыма.

Особому преследованию оккупантов подверглись представители расово неполноценных, с точки зрения нацистских идеологов, национальностей: евреи и цыгане. Их находили и безжалостно уничтожали во всех местах. Так, в начале августа 1942 г. в колхозе «Ленинец» Кручёно-Балковского сельсовета Сальского района двумя немецкими офицерами в своем доме был задержан, а чуть позже расстрелян И.С. Горный. По показаниям свидетелей, офицеры прибыли в колхоз специально для уничтожения еврея, получив донос от неустановленного лица. 14 августа они нашли и расстреляли двоих красноармейцев, укрывшихся в колхозе «Ленинец». Теми же офицерами была арестована и увезена в Сальск еврейская семья Вайсман в составе пяти человек, включая трех несовершеннолетних детей [1: 383].

Нацисты преступали все общепризнанные правила и договоренности о неприкосновенности раненых и больных военнослужащих и мирных граждан. В начале августа 1942 г. представители ЕК-12 прибыли в больницу пос. Гигант Сальского района, где отобрали трех человек: тяжелораненого красноармейца, девочку трех лет и пожилую женщину-еврейку. На следующий день их посадили в армейский грузовик, не оборудованный для перевозки больных, после чего этих людей больше никто не видел [1: 390–391].

В небольших населенных пунктах проживавшие в них либо эвакуированные жители еврейской и цыганской национальностей уничтожались поголовно на месте. 24 августа «немецкие бандиты в колхозах “Ордена Ленина” и “Путь Ильича” согнали в колхозный клуб 12 человек женщин, стариков и детей, начали над ними издеваться». В тот же день после издевательств и избиений эти люди были расстреляны и сброшены в заранее подготовленную яму в лесополосе колхоза [1: 387]. В августе 1942 г. при захвате немцами с. Екатериновка были расстреляны четыре еврейские семьи в составе 10 человек [13: 84], а через некоторое время еще 12 оставшихся евреев [1: 380].

Поводом для убийства мог послужить смешанный брак с супругом еврейской национальности и совместные дети. В декабре 1942 г. в с. Воронцово-Николаевском Сальского района сотрудницам гестапо была расстреляна А.В. Бойко с двумя малолетними детьми (5 и 7 лет) за то, «что она якобы имела связь с евреями» [1: 378].

Для массовых казней патриотов и мирных граждан нацистские палачи отвели район кирпичного завода № 1 и мясокомбината на окраине г. Сальска. Вокруг заводов военнопленные заранее вырыли длинные рвы, в которые каратели сбрасывали казненных советских граждан. Для казней также использовались старые рвы, из которых до войны добывали глину для производства кирпичей. Эта местность стала последним пристанищем более чем для 3,5 тыс. патриотов и людей, случайно попавших под нацистские репрессии. Осенью 1942 г. – в начале зимы 1943 г. в этих рвах было казнено большое количество цыган, ранее эвакуированных из Молдавии и Украины. Задержанный советскими органами государственной безопасности в 1970-х гг. бывший каратель ЕК-12 Иван Гвоздецкий показал, что цыган привозили двумя партиями: в сентябре 1942 г. было расстреляно 50 человек, в декабре

1942 г. – еще 60 человек [9: 48]. «Однажды... была приведена большая группа цыган, в большинстве женщины, дети. Целые сутки сидели они под открытым небом, пока палачи готовили им могилы, затем все были расстреляны» [2: 65].

Внутренняя территория и строения Сальского кирпичного завода № 1 были превращены в концентрационный лагерь, куда нацисты отправляли задержанных коммунистов и комсомольцев, заложников и беженцев из других регионов. Отдельно от гражданских лиц в печах для обжига кирпичного завода нацисты содержали около 700 советских военнопленных. Практически все военнопленные и мирные граждане, содержащиеся в сальском концлагере, были расстреляны в окружающих рвах либо умерли от издевательств, голода, холода и болезней.

Необходимо подчеркнуть, что к осуществлению террора среди мирного населения нацисты активно привлекали как местных, так и иногородних коллаборационистов, которые служили в местной полиции, работали на административных должностях, прислуживали осведомителями и провокаторами. В состав ЕК-12 входила так называемая Кавказская рота, состоявшая не только из местных предателей, но и из представителей Северного Кавказа, Прибалтики и Западной Украины [10: 48]. Упоминания о предателях, непосредственно участвовавших в злодеяниях под руководством оккупантов либо способствовавших казни советских граждан, часто встречаются в актах и показаниях свидетелей. В приведенном выше факте «изъятия» из больницы пос. Гигант трех советских граждан активное участие принимал так называемый «врач-хирург» по фамилии Тищенко [1: 390–391], а 21 января 17-летнего конюха В.М. Приходько во второй бригаде колхоза «Восход» с. Ивановка Сальского района расстреляли немецкие офицеры и офицеры-калмыки [1: 397]. Коллаборационисты, как правило, активно привлекались немцами к облавам на мирное население, оцеплению мест карательных акций и конвоированию людей к месту казни или в концлагерь.

Именно благодаря доносу предателя немецким карательным органам удалось в кратчайшие сроки после захвата Сальского района арестовать и казнить первого секретаря Сальского райкома ВКП(б) П.И. Топилина и нескольких сотрудников НКВД, специально оставленных в районе после отступления Красной армии для организации



партизанской и подпольной борьбы с врагом. В ноябре 1942 г. абсолютное большинство руководителей и рядовых участников сальского подполья было расстреляно.

Помимо тотального уничтожения «расово неполноценных» граждан, жестким репрессиям со стороны оккупантов подверглись те, кто входил в советско-партийный актив, состоял в ВКП(б) либо в комсомоле и, по мнению захватчиков, представлял опасность для «нового порядка». Так, в сентябре 1942 г. в с. Новый Маныч Сальского района немцами при активном содействии полицейев Наумова, Петруся, Пономарёва и Черныша были арестованы и этапированы в гестапо девять сельских активистов (председатель колхоза, школьный учитель, инвалид войны и прочие), которых в живых больше никто не видел. Помимо активистов, в с. Новый Маныч была арестована и увезена в Сальск семья Герман из пяти человек, эвакуированная из Одессы [1: 382].

Все коммунисты и комсомольцы в период оккупации были обязаны зарегистрироваться по месту жительства и ежедневно являться на учет в местную полицию. Они регулярно привлекались к наиболее тяжелым работам по разгрузке боеприпасов, ремонту дорог, расчистке улиц, уборке трупов и т.д. За неявку на регистрацию, работу или любое проявление неповиновения человек мог быть избит, посажен в тюрьму, убит на месте либо отправлен в концлагерь и там расстрелян. Так, 13 октября в с. Ивановка сотрудниками гестапо были арестованы и помещены в сальскую тюрьму несколько активистов, в том числе Григорий Прокофьевич Тищуков, который впоследствии подробно описал перенесенные ужасы. После пяти дней, которые заключенный провел в подвальной одиночной камере без пищи и воды, его перевели в общую камеру, где содержались арестованные вместе с ним односельчане. Из этой камеры Г.П. Тищукова трижды выводили на допросы, в ходе которых «избивали кулаками и плетью до полусмерти... дали 30 ударов плетью... били прессом по голове, требовали признаться – партизан или коммунист» [1: 385]. Каким-то чудом Тищукова немцы выпустили из тюрьмы под надзор, а его односельчан вывезли на грузовой автомашине, и их дальнейшая судьба осталась неизвестной.

Наиболее трудоспособную часть населения Сальского района, в большинстве молодежь, оккупационные власти угнали в Германию на принудительные работы. Осенью 1942 г. из Сальского района было

вывезено в Германию 1800 молодых женщин, девушек и подростков [13: 13]. Рабский труд этих людей использовался в немецкой экономике на вредных и тяжелых производствах либо в сельскохозяйственном секторе и частном бизнесе. В результате тяжелых условий труда и быта, побоев, издевательств и недоедания часть угнанных сальчан погибла, остальные до своего освобождения значительно подорвали здоровье, вплоть до утраты трудоспособности [13: 13].

Помимо политики массовых убийств и грабежа, абсолютное большинство немецких должностных лиц и военнослужащих Германии и союзных воинских контингентов, а также коллаборационистов систематически совершали уголовные преступления в отношении жителей Сальского района в частном порядке, для личного обогащения или удовлетворения низменных потребностей.

Известен и ряд преступлений против половой неприкосновенности, совершенных в отношении женщин на территории Сальского района. В колхозе имени Я.М. Свердлова немецкие солдаты изнасиловали пять женщин, а в Сальске 10 солдат изнасиловали гражданку З. [13: 13]. В случаях сопротивления жертвы изнасилования или ее родственников, действия которых повлекли телесные повреждения или гибель насильника, оккупанты расстреливали женщину и ее близких либо случайным образом арестованных заложников из жителей населенного пункта, где было оказано сопротивление. Так, 21 января 1943 г., накануне бегства оккупантов из Ново-Сальска, в квартиру мирного жителя Секирко зашел немецкий военнослужащий из подразделения СС, который стал домогаться 20-летней дочери Секирко. Не вытерпев приставаний к своей дочери, отец схватил топор и зарубил им немца. В это время в квартиру попытался зайти немецкий офицер, который сразу убежал, увидев убитого сослуживца и Секирко с топором. После случившегося семья Секирко скрылась из дома, задержать их немцам не удалось. В качестве возмездия за убийство сослуживца-насильника оккупанты взяли в заложники и расстреляли шесть пожилых жителей [13: 81].

Наиболее массовым преступлением немецких оккупантов, их союзников и пособников в отношении населения стало присвоение материальных ценностей и личного имущества граждан. Так, в с. Шаблиевка немецкий военнослужащий зашел в дом колхозницы и забрал

теплое одеяло, которым были укрыты спавшие дети [1: 384]. Оккупанты забирали всё, что попадало под руку: деньги и материальные ценности, одежду, обувь и женское белье, предметы быта, хозяйственный инвентарь: «Врывавшись в квартиры граждан, они [немцы] забирали все то, что им могло понравиться, а кто возражал против такого разбоя, того они подвергали избиению» [13: 100]. Приходя в населенный пункт, в первую очередь оккупанты изымали у населения скот и птицу, невзирая на количество иждивенцев в семье, что ставило большинство жителей на грань голодной смерти.

Часто грабежи имущества сопровождались совершением других, порой более тяжких преступлений. Из союзников Германии особо мрачную славу насильников и грабителей на Дону имели румыны. Из показаний Е.И. Оверченко, жителя совхоза имени Ильича Сальского района от 29 марта 1943 г.: «Я была дома одна. К нам [в дом] забежали румыны и стали что-то искать в моем сундуке. Взяли перчатки и мое платье. Я стала отбирать, они стали меня избивать кулаками и, когда я упала, стали избивать ногами и разными предметами» [3: 244].

Несмотря на максимальное продвижение вермахта вглубь советской территории на южном фланге советско-германского фронта осенью 1942 г., складывавшаяся стратегическая обстановка подсказывала оккупантам, что надолго удержать Сальский район у них не получится. Всё трудоспособное население района было обязано работать на благо рейха. Открыто нарушая свои же обещания о передаче земли в собственность крестьянам, оккупанты сохранили колхозную систему под управлением бургомистров и старост. Для колхозников была установлена норма дневной выработки, невыполнение которой каралось телесными наказаниями и денежными штрафами. Так, за невыполнение нарядов и плохую работу в колхозе немцы и полиция избили и оштрафовали на крупную сумму шесть колхозников Кручёно-Балковского сельсовета [1: 384].

Свои последние злодеяния оккупанты совершили в конце января 1943 г., перед самым освобождением советскими войсками Сальской земли. 21 января, при отступлении захватчиков из 2-го отделения конзавода имени С.М. Буденного Сальского района, немецкие военнослужащие при помощи полицейских Горипова и Логачева подожгли пятиквартирный дом, в котором находились пять семей с детьми.

Спасавшихся из горящего дома женщин, стариков и детей каратели и их пособники безжалостно расстреляли из стрелкового оружия на пороге и вокруг дома. В результате этой варварской акции погибли практически все проживавшие там люди [1: 388–389]. Подобные преступления были задокументированы после освобождения с. Новый Маныч [1: 382] и других населенных пунктов района.

В Сальском районе, как и во всех освобожденных от оккупации районах Ростовской области, сразу же после изгнания захватчиков проводилось выявление и активирование фактов злодеяний в отношении мирных жителей и военнопленных. Уполномоченные Ростовской областной чрезвычайной комиссии по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области, совместно с оперативными работниками НКВД подробно задокументировали выявленные зверства. Было проведено частичное разрытие одного из расстрельных рвов возле кирпичного завода № 1 и частичная эксгумация останков жертв, которые перезахоронили в братской могиле неподалеку. Затем территория вокруг бывших мест массовых казней была заброшена, на ней запрещалось ведение любой хозяйственной деятельности. После развала СССР о местах расположения расстрельных рвов постепенно забыли. В начале XXI в. в тех же рвах опять начали добывать глину и стройматериалы, и всё чаще рабочие стали находить фрагменты костей и личные вещи жертв нацистских злодеяний. В 2020 г. рабочие при выборке глины наткнулись на стихийное массовое захоронение, после осмотра которого специалисты подтвердили обнаружение одного из нацистских расстрельных рвов с уничтоженным мирным населением.

Летом – осенью 2021 г. в г. Сальск отправилась экспедиция Ростовского поискового объединения «Миус-Фронт», которая провела раскопки на месте обнаруженного расстрельного рва. Первые же находки останков женщин и детей, в том числе малолетних и грудных, со следами пулевых отверстий и раздробленными черепами не оставили сомнений в том, что во рву находятся мирные жители – жертвы нацистских карателей и их пособников. За две поисковые вахты были подняты и торжественно перезахоронены останки 169 человек, из которых 80 – останки детей всех возрастов [10: 60].

Логичным последствием выявления свидетельств нацистских злодеяний в Сальском районе Ростовской области стало возбуждение 10 февраля 2022 г. Следственным комитетом РФ уголовного дела по статье 357 УК РФ «Геноцид» по факту «массовых убийств в Сальске, Новошахтинске, Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Чертковском, Целинском, Цимлянском районах» [11]. Во многом это стало возможным благодаря поддержке руководителей всероссийского проекта «Без срока давности», а также изменившейся государственной политике. Рассмотрев предоставленные доказательства, показания экспертов – архивистов и историков, архивные документы, воспоминания свидетелей и очевидцев тех страшных событий, 15 марта Ростовский областной суд признал геноцидом «установленные и вновь выявленные преступления, совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на территории Ростовской области нацистскими оккупационными властями и их пособниками в отношении не менее 180 811 советских граждан, являвшихся представителями мирного населения, и в отношении не менее 200 тысяч военнопленных» [11].

Несмотря на разгром подполья и жесточайший террор, жители Сальского района не покорились оккупантам. Архивные документы свидетельствуют, что многие мирные жители погибли либо пострадали из-за сопротивления преступным деяниям оккупантов. Террор против мирных граждан на территории Сальского района стал составной частью общей политики тотального истребления населения, проводимой руководством Третьего рейха на оккупированных территориях для последующего онемечивания этих земель колонистами из Германии и Западной Европы.

### Источники и литература

1. Архивный отдел Администрации Сальского района. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 17.
2. Архивный отдел Администрации Сальского района. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 21.
3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область: сборник документов / под ред. М.А. Пономаревой. М., 2020.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по районам и городам // Demoscope Weekly. URL:// <http://>

- [www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus\\_pop\\_39\\_2.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_2.php) (дата обращения: 26.04.2023).
5. И помнит мир спасенный...: сборник документов архивов Ростовской области / отв. сост. Л.В. Левендорская. Белгород, 2020.
  6. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004.
  7. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.
  8. Кулик С.В. Антифашистское движение сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006.
  9. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2003.
  10. Оленев А.М. Донской Хатынью для всей России стал глиняный карьер в Сальске // Без срока давности. Геноцид. Массовые расстрелы мирных жителей Ростовской области в период оккупации 1941–1943 гг.: специальный выпуск альманаха «Атаманъ» / под ред. А.М. Оленева. Ростов-на-Дону, 2022. С. 44–63.
  11. Судебное заседание по делу о признании геноцида советского народа со стороны немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: [https://www.donland.ru/video/?filter\\_name=геноцида&filter\\_detail=&filter\\_rubricator=](https://www.donland.ru/video/?filter_name=геноцида&filter_detail=&filter_rubricator=) (дата обращения 26.03.2023).
  12. Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж, 2003.
  13. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р1886. Оп. 1. Д. 8.

**Вер. Ю. Мартыненко**

### **УНИЧТОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ в г. ШАХТЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

По окончании Второй мировой войны тема Холокоста несколько десятилетий оставалась закрытой для официальной историографии.

Это произошло в первую очередь потому, что об уничтожении советского народа говорили как о едином целом, без выделения по национальному признаку. Различные аспекты Холокоста рассматривались в рамках изучения нацистской Германии, Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, в контексте уничтожения «мирных граждан», но комплексного исследования не проводилось. И только в последнее время тема Холокоста, в том числе на Юге России, нашла отражение в научных работах. Но по отдельным городам южного региона информации пока еще недостаточно.

В данной статье рассматривается тема уничтожения еврейского населения на территории г. Шахты Ростовской области в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками. В энциклопедии «Холокост на территории СССР» указано, что в г. Шахты было уничтожено 100 еврейских семей, что составляло, возможно, от 400 до 500 человек [4: 1087–1088]. В акте Шахтинской городской комиссии по расследованию зверств и злодеяний немецко-фашистских захватчиков, учиненных ими за период оккупации г. Шахты, от 23 октября 1943 г. указано, что за семь месяцев оккупации в городе истреблено всё еврейское население без исключения [5: 85–89].

Проведенное исследование опиралось на воспоминания очевидцев, документы и статьи из шахтинской газеты «Красный шахтер» за 1943 г., выявленные в Центре хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД), а также сведения, собранные на протяжении нескольких лет группой краеведов «Исток» при краеведческом музее средней образовательной школы № 27 г. Шахты.

При изучении находящихся на хранении в ЦХАД списков коммунистов, комсомольцев и активистов, «изъятых» гестапо в период немецкой оккупации по Артемовскому, Ворошиловскому и Октябрьскому районам г. Шахты, учетных карточек «неизвестно, где находящихся» членов ВКП(б) и списков расстрелянных по районам в количестве 10 на 1512 чел., было установлено, что лица, включенные в них, преимущественно 1881–1920 гг. рождения [5: 89–164]. Наиболее ранний год рождения – 1866, поздний – 1924. У большинства указан партийный стаж: 1924–1939 гг. Национальность – преимущественно русские, редко – украинцы, татары, белорусы. И только в двух списках – списке коммунистов, комсомольцев и активистов, «изъятых» гестапо

в период немецкой оккупации [5: 90–90 об.], и списке расстрелянных по Ворошиловскому району [5: 155–156] – в графе «национальность» у пяти человек указано – еврей. Интересен тот факт, что по звучанию фамилии к евреям можно отнести не только этих пятерых человек. Конечно, это не все имеющиеся списки расстрелянных по городу, в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), возможно, находятся более полные сведения.

В материалах группы краеведов «Исток» при краеведческом музее средней образовательной школы № 27 г. Шахты, опубликованных в мартирологе коллективной монографии «Забвению не подлежит... город Шахты Ростовской области в период Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации 1941–1943 гг.» в 2020 г., насчитывается 645 погибших [1: 23]. В свое время большая часть этих списков была передана школьникам шахтинским краеведом А.Т. Григоренко и учителем С.Ф. Шатровым, чья жена была сброшена в ствол шахты им. Красина. А.Т. Григоренко собирал материал по Артемовскому району, С.Ф. Шатров – по району Новостройки и поселку шахты им. Красина. По остальным районам города подобной работы не проводилось. Пополнить и уточнить списки помогли школьникам сведения из ЦДНИРО и показания очевидцев событий. Из 645 чел. – 126 – евреи, из них 101 мужчина. Многие упоминаются в списке как члены семьи, без указания пола (например, дети). Возраст взрослых преимущественно 25–50 лет, детей – от 2 до 15 лет. Упоминается расстрелянная женщина 80 лет. Многие фамилии из этого списка перекликаются со сведениями из ЦХАД, но там они не отмечены как евреи.

Буквально с первых дней оккупации нацисты ускоренными темпами проводили политику «окончательного решения еврейского вопроса», т.е. полного уничтожения евреев путем расстрелов и сброса тел убитых в ствол шахты им. Красина. На момент оккупации в г. Шахты находилось большое число эвакуированных граждан из западных регионов Советского Союза. Спасшись от истребления там, многие из них, в том числе и евреи, встретили свою смерть в Шахтах.

В городе известны случаи снисхождения (если это можно так назвать) оккупантов к выходцам из смешанных семей, у которых один из родителей был евреем, а другой – русским, украинцем или представителем другой национальности, когда мужчины из таких семей были



расстреляны, а женщины и дети – нет. И тем не менее официально все евреи и полуевреи, начиная с малолетнего возраста, подлежали регистрации и уничтожению. Порой оккупанты хватали и расстреливали граждан, подозреваемых в еврейском происхождении, в том числе по заявлениям предателей.

Как отмечалось выше, считается, что за семь месяцев немецкой оккупации в городе было истреблено всё еврейское население без исключения, а всё имущество евреев свезено в гестапо и военную комендатуру [5: 87]. Однако некоторые семьи уцелели: Монастырские, Грандилевские, Аксизовские, Зусик, Богатские и другие. Они не только остались живы (не были выданы соседями и знакомыми), но и оказывали помощь подпольщикам и спасенным военнопленным. Так, имя врача И.И. Грандилевского было известно всему городу. В военные годы он спасал зрение советским военнослужащим. Анна Сергеевна Вязовкина в 1942 г. укрывала у себя бежавшего из плена командира Красной армии В.Т. Назарова. Она попросила врача И.И. Грандилевского оказать помощь бойцу, и тот охотно согласился. Так В.Т. Назарову была сохранена жизнь.

Многие подпольщики работали с настоящими документами с немецкой биржи труда, которые им выдавала служившая там по заданию подполья комсомолка Клара Манухова [3: 72].

На Братском кладбище Ростова-на-Дону, среди стройных тополей, на одной из могил, на белой мраморной доске высечено: «Леня Зусик. 3.11.1927. Один из лучших юношей г. Шахты. Погиб на боевом посту» [2]. Леня был одним из членов подпольного пионерского отряда г. Шахты под руководством Бори Булатова. Когда ранним морозным утром 12 февраля 1943 г. бойцы Красной армии встретили упорное сопротивление немцев в центре города, на помощь им пришли юные подпольщики (Леня Зусик в их числе). Они провели бойцов к месту сосредоточения фашистов. Зусик в качестве воспитанника Красной армии, отмеряя первые в своей жизни солдатские версты, ушел дальше, на запад, и погиб, освобождая Украину.

Многие из уцелевших евреев, выдававших себя во время оккупации за представителей других национальностей, рассказывали потом о том страшном периоде. Но были и те, кто, несмотря на еврейское происхождение, работал на немцев, как, например, 19-летняя

И.С. Берковская, выпускница средней школы № 10. Немцы некоторое время использовали таких людей как бесплатную рабочую силу [1: 23].

Таким образом, имеющийся комплекс архивных, краеведческих и опубликованных источников по теме позволил дополнить сведения об уничтожении евреев в г. Шахты Ростовской области. К сожалению, общее количество евреев, убитых в Шахтах в период нацистской оккупации, всё еще нуждается в уточнении. В использованных в статье источниках не упоминается цифра 400–500 чел., указанная в энциклопедии «Холокост на территории СССР». Работа по установлению количества убитых во время оккупации евреев вписывается в проведение исследований по истории Великой Отечественной войны на юге страны и может расширить сведения, которые получены архивами и научным сообществом в рамках федерального проекта «Без срока давности».

При работе с архивными документами ЦХАД выявился интересный факт: в 1939 г. в городе проживало 135 тыс. чел. На 29 мая 1945 г. – 114 863 чел. [5: 87]. Разница составляет 20 137 чел. Уничтожено в период оккупации – 13 854 чел. (по официальным данным) [5: 85–89]. Остается открытым вопрос установления судеб оставшихся 6283 человек.

### Источники и литература

1. Забвению не подлежит... город Шахты Ростовской области в период Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации 1941–1943 гг.: коллективная монография / ред. В.А. Бондарев, Р.Г. Тикиджян. Ростов-на-Дону; Шахты, 2020.
2. Научно-вспомогательный фонд Шахтинского краеведческого музея № 12 «Фотодокументы».
3. Федосеев А.Н. Летопись Шахтинского комсомола. Каменоломни Ростовской области, 2018.
4. Холокост на территории СССР: Энциклопедия / гл. ред. И.А. Альтман. М., 2009.
5. Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 69.

О.А. Шпрингер

## ШЕСТЬ ШТАЛАГОВ ДОНБАССА

Лагеря советских военнопленных, организованные немецко-фашистскими захватчиками в Донбассе, являлись важными элементами в системе эксплуатации подневольного труда. Пересыльные (транзитные) лагеря – дулаги (нем. Durchgangslager) – переправляли рабочую силу в рейх, но часть пленных оставляли на оккупированных территориях. В богатом промышленными ресурсами Донбассе оккупанты развернули шесть шталагов (нем. Kriegsgefangenen-Mannschafts-Stammlager, сокращенно Stammlager, или Stalag – основной лагерь военнопленных для рядовых и сержантов), главной задачей которых стало обеспечение предприятий дешевой «рабсилой». Пленных заставляли трудиться на износ – восстанавливать шахты, добывать и сортировать уголь, выполнять погрузочно-разгрузочные и другие виды работ.

Согласно документам 550-го армейского тылового района вермахта, датированным 5 июля 1942 г., в угольную промышленность Донбасса необходимо было привлечь 60 000 военнопленных [2: 6; 11: 45]. Их аккумулировали в нескольких дулагах (для дальнейшей передачи в шталаги): дулаг 181 в г. Сталино (местимость 15 000 человек), дулаг 180 в Горловке (5000 человек), дулаг 172 в Константиновке (10 000 человек), планировался также дулаг 135 в Макеевке Сталинской области. Развертывание пяти донбасских шталагов началось в июле 1942 г. На сентябрь 1942 г. они полноценно функционировали в крупных центрах угледобычи: шталаг 312 (дислокация администрации – поселок Ханженково (сейчас район г. Макеевка Донецкой Народной Республики), шталаг 378 (г. Горловка), шталаг 385 (г. Чистяково, сейчас Торез), шталаг 386 (г. Шахты), шталаг 387 (г. Сталино, сейчас Донецк) [2: 6]. Еще один (шестой) – шталаг 397 – появился в конце октября 1942 г. Его администрация прибыла в Сталино, далее лагерь развернулся в поселке Красная Звезда (район г. Чистяково), а также работал в Ясиноватой и Ханженково [17: 1].

К сожалению, информация об этих шести шталагах весьма скудная и носит разрозненный характер, документов сохранилось (доступно) немного, историю бытования приходится восстанавливать по крупным, сопоставляя разнородные источники.

Негативные для вермахта перемены в ситуации на фронте привели к передислокации лагерей военнопленных. В январе 1943 г. администрация шталага 386 переместилась из г. Шахты в поселок Красная Звезда (район г. Чистяково) [15: 15; 10: 837]. В феврале 1943 г. шталаги 378, 385, 387 и 397 эвакуировались на запад: по документам тылового района группы армий «Юг», на 21 марта 1943 г. они находились вне Донбасса [17: 1; 10: 824, 842]. При этом, вероятно, часть пленных тоже переправили на запад, а часть оставили в ведении дулагов и двух оставшихся шталагов – 312 и 386 – до конца лета 1943 г. Таким образом, с конца октября 1942 г. по февраль 1943 г. в Донбассе работали шесть шталагов, а весной и летом 1943 г. остались только два из них (см. документы 593-го армейского тылового района [15: 15]).

Проанализируем некоторые сведения о шести шталагах Донбасса.

**Шталаг 312 и шталаг 385: взаимодействие.** Шталаг 312 с июня 1941 г. по июнь 1942 г. функционировал в рейхе, в г. Торн как шталаг 312 (XX C) [10: 664]. Там в нем прошли регистрацию более 15 000 (но, видимо, менее 16 000) советских военнопленных – это число определяется по сохранившимся в архивах (и доступным на сайте ОБД «Мемориал») персональным картам (перскартам) [5: 2]. В мае – июне 1942 г. шталаг 312 прекратил работу в рейхе и в июле 1942 г. прибыл в Донбасс. Администрация базировалась в поселке Ханженково (сейчас – район г. Макеевка Донецкой Народной Республики), военнопленные работали на окрестных шахтах [1; 10: 664–665; 4], в том числе в интересах немецкой компании Berg- und Hüttenwerksgesellschaft Ost (ВНО) [5: 7; 3: 17–18; 11: 45].

Одна из функций шталага – регистрация каждого пленного с присвоением ему регномера, который записывали в перскарту (ее хранили в шталаге, а в случае смерти отсылали в службу учета вермахта WAST) и фиксировали на жетоне (он всегда должен был быть при военнопленном). Видимо, в Донбассе шталаг 312 продолжал присваивать линейку регномеров (которую прервал в Торне на 15\*\*\*) с 16 000 и выше, а также выдавал соответствующие жетоны. Это предположение подтверждается находками таких жетонов и анализом перскарт военнопленных другого шталага – 385. В 1963 г. Советский районный военкомат г. Макеевка Донецкой области сообщил, что при раскопках, произведенных на территории бывшего

лагеря военнопленных (район шахты № 21, станция Ханженково), найдены захоронения и множество бирок (жетонов военнопленных) с обозначением лагеря 312 и регномерами 19786, 25702, 25745, 25780 и др. [4]. Современные поисковики тоже находили металлические жетоны с указанием шталага 312: между Торезом и Снежным обнаружен жетон с регномером пленного 17764; между Торезом и Снежным в районе поселка Северный – несколько подобных жетонов; в районе шахты Калиново-Восточная (поселок Калиновое, Макеевка Донецкой Народной Республики) – жетон с регномером 27937 [5: 7].

Как правило, шталаги, регистрируя военнопленных и присваивая им регномера, оформляли перскарты. По донбасскому шталагу 312 мы таких не видим (хотя, возможно, они существовали). Но сохранились перскарты (Personalkarte I) пленных шталага 385 (Чистяково) – только документы умерших, которые лагерь отсылал в службу учета вермахта WAST. Теперь они находятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации и доступны на сайте ОБД «Мемориал». К сожалению, далеко не все из них проиндексированы по шталагу 385 в электронной базе данных. Поисковик В.В. Алексеев выявил сотни перскарт шталага 385 (работа продолжается) [14]. Сравнительный анализ этих документов показывает, что первые два транспорта прибывают 28 и 30 июля 1942 г. в рабочую команду «Чистяково» (по-немецки Arb. Kdo. /Arbeitskommando/ Tschistjakowo). Регномера этих пленных – 16\*\*\* и выше. Такая же закономерность прослеживается по нескольким этапам в августе 1942 г. [14: 20]. Можно предположить, что эти военнопленные были зарегистрированы в шталаге 312 и направлены в его рабочие команды – в г. Чистяково (расстояние около 50 км от Ханженково). Подобный «десант» подтверждают и записи в перскартах об этапах (в августе 1942 г.) в рабочую команду гауптмана Анде: известно, что он был одним из заместителей коменданта шталага 312 [10: 664–665; 14: 24].

**Шталаг 385** отчитывался перед WAST об умерших только с сентября 1942 г., тогда же начал собственную регистрацию в Чистяково (причем не только военнопленных, но и гражданских) – с регномера 1 до 10000 (диапазон 1–9\*\*\*), а также принимал на баланс ранее прибывших. Поисковик В.В. Алексеев обнаружил случаи замены регномеров:

с линейки до 10\*\*\* – на 15\*\*\* и с линейки 2\*\*\*\* – на 6\*\*\*\* [14: 21, 24], причины которых требуют дальнейшего исследования.

В феврале 1943 г. шталаг 385 как административная единица прекратил деятельность в Донбассе и убыл через Запорожье в Никопольский район Днепропетровской области, где принял управление «марганцевыми командами», до этого подчиненными криворожскому шталагу 338 [6; 10: 836]. Вероятно, пленных из Чистяково частично перевезли на запад [14: 23], а частично переподчинили шталагу 386 (который к февралю 1943 г. как раз прибыл в один из районов г. Чистяково – поселок Красная Звезда) [15:15] или шталагу 312. Администрации шталагов 312 и 386 эвакуировались из Донбасса в Запорожье в конце августа – начале сентября 1943 г. [15:15; 2: 3; 10: 837, 664–665].

**Шталаг 386.** В июле 1942 г. администрация шталага 386 приехала в г. Сталино [10: 837]. В третьей декаде июля 1942 г. началась оккупация г. Шахты Ростовской области, в августе 1942 г. здесь расположился дулаг 151, с 15 августа – дулаг 162 [10: 196, 207]. В начале сентября 1942 г. в г. Шахты приступил к работе шталаг 386. Из его документов в архивах сохранились некоторые «зеленые (транзитные)» карты пленных, а также советский послевоенный конспект-перевод лазаретного журнала (подробнее см.: [7–9; 15]).

С приближением линии фронта, в январе 1943 г. шталаг 386 прекратил работу в г. Шахты и переместился в поселок Красная Звезда (район г. Чистяково, сейчас г. Торез Донецкой Народной Республики). Эвакуировался дальше на запад в конце августа – начале сентября 1943 г. [15: 15; 2: 3; 10: 837].

**Шталаг 387.** Персональные данные военнопленных шталага 387 (г. Сталино, ныне Донецк) сохранились в незначительном количестве и требуют детального сравнительного анализа, в том числе по известным регномерам и рабочим командам [16]. В конце зимы или в начале весны 1943 г. шталаг 387 уехал из Донбасса. Согласно документам тылового района группы армий «Юг», 21 марта 1943 г. он дислоцировался в г. Днепропетровск [17: 1].

**Шталаг 378.** О шталаге 378 известно очень мало, хотя он, несомненно, был крупным, с главным лагерем в Горловке и разветвленной сетью подлагерей (Nebenlager) – в Новоэкономическом, Гришине, Гродовке, Дзержинске (сейчас Торецк), Никитовке [10: 824]. Из документов 550-го

армейского тылового района следует, что администрация шталага 378 прибыла в г. Сталино 16 июля 1942 г. и уже на следующий день приступила к организации лагеря в Горловке. Военнопленных предполагалось использовать в горнодобывающей промышленности [13: 1]. В феврале 1943 г. администрация шталага 378 убыла на запад [10: 824].

**Шталаг 397.** 10 октября 1942 г., согласно документам тылового района группы армий «Юг», два шталага проехали Харьков и следовали далее: шталаг 368 – в Мариуполь, шталаг 397 – в Макеевку [12: 2]. 29 октября 1942 г. администрация шталага 397 приняла от дугага 182 военнопленных в Ясиноватой, а также приступила к обустройству нового лагеря в поселке Красная Звезда (район г. Чистяково) [17: 1].

В перскартах шталага 385 (Чистяково) зафиксировано прибытие 28 ноября 1942 г. нескольких пленных “Von Stalag 397 Chanchenkowo. Jugendlichel” – то есть «Из шталага 397 Ханженково...» (например, см. на сайте ОБД «Мемориал» перскарту военнопленного В. Уточникова с регномером 7129). “Jugendlichel” переводится с немецкого языка как «подростки, молодежь». Идет ли речь о некоем «подростковом / молодежном лагере» (по этим перскартам, годы рождения пленными – 1920, 1922, 1923, 1925)? Более вероятно, что словом “Jugendlichel” обозначено (уточнено) конкретное место дислокации в Ханженково – возможно, к примеру, здание Дворца пионеров или территория (бывшего) пионерского лагеря [14: 19, 20].

Местоположение шталага 397 (с филиалами) нуждается в дальнейшем уточнении. Пока можно предположить, что его деятельность в Донбассе носила вспомогательный характер. Вполне вероятно, что изначально планировалось дальнейшее развертывание шталага 397 на Северном Кавказе, ведь прибывший с запада в то же самое время (третья декада октября 1942 г.) шталаг 368 осел в Мариуполе (с подлагерем в Таганроге) и характеризовался прежде всего как «лагерь нефтяников» – согласно документам тылового района группы армий «Юг» от 7 декабря 1942 г. [12: 3].

По документам 4-й танковой армии вермахта, в феврале 1943 г. шталаг 397 дислоцировался в Сталино (район Stalino-West) и принял пленными из Ростова-на-Дону и Таганрога [2: 8] – возможно, для дальнейшей эвакуации на запад. 21 марта 1943 г. администрация шталага 397 уже располагалась в селе Великая Виска Кировоградской области [17: 1].

Планы рейха по освоению и присвоению природных богатств СССР потерпели крах. Активисты поискового форума «Авиация СГВ» (<https://www.sgvavia.ru/forum/>) продолжают исследовать систему лагерей военнопленных периода Второй мировой войны, в том числе по Донбассу.

### Источники и литература

1. Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941–1944). Київ, 2000. С. 236.
2. Донбасс в оккупации, командование тылового района. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/209-11182-1> (дата обращения: 26.03.2023).
3. *Дятчин М.В.* Эксплуатация Германией марганцеворудной промышленности оккупированных регионов СССР в 1941–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2003.
4. Информация из документов, уточняющих потери // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=72142660&p=8> (дата обращения: 26.03. 2023).
5. Тайна шталага 312 на территории Донбасса. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-10835-1> (дата обращения: 26.03.2023).
6. *Шпрингер О.А.* Судьбы советских военнопленных из «марганцевых команд» // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы III Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2022. С. 250–254.
7. *Шпрингер О.А.* Шталаг 386: дислокация, источники информации // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф., приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (г. Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2021. С. 104–112.
8. Шталаг 386 – судьбы военнопленных. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/218-10495-1> (дата обращения: 26.03.2023).
9. Шталаг 386: умершие в лазарете. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/218-10656-1> (дата обращения: 26.03.2023).
10. Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. IV. Camps and Other Detention Facilities under the German Armed Forces. Indiana, Bloomington, 2022. URL: <https://play.google.com/books/>



- reader?id=qsRLEAAQBAJ&pg=GBS.PP1&hl=ru&printsec=frontcover (дата обращения: 26.03.2023).
11. *Penter T.* Kohle für Hitler. Der Donbass unter deutscher Besatzung. // *Einsicht 06.* Bulletin des Fritz Bauer Instituts. Frankfurt am Main, 2011. S. 40–47. URL: [https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/18000/1/Einsicht-06\\_Penter.pdf](https://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/18000/1/Einsicht-06_Penter.pdf) (дата обращения: 26.03.2023).
  12. Stalag 368. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-11248-1> (дата обращения: 26.03.2023).
  13. Stalag 378. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-11252-1> (дата обращения: 26.03.2023).
  14. Stalag 385. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-1197-1> (дата обращения: 26.03.2023).
  15. Stalag 386. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/218-6431-1> (дата обращения: 26.03.2023).
  16. Stalag 387. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-2993-1> (дата обращения: 26.03.2023).
  17. Stalag 397. URL: <https://www.sgvavia.ru/forum/79-10757-1> (дата обращения: 26.03.2023).

**Т.С. Садыков, Г.Т. Мусабалина**

**УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН КАЗАХСТАНА  
В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ БЕЛАРУСИ  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944 гг.)**

Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне не только формирует представления о героических событиях истории, о подвигах и патриотизме женщин, но и дает ценностные ориентиры, способствующие формированию и укреплению гражданского самопознания. Воспоминания о Великой Отечественной войне будут долго храниться в сердце каждого человека Казахстана, чьи родственники героически боролись с фашистскими захватчиками, отстаивая земли, города и села. Победа была выиграна ценой жизни миллионов людей, а ныне мы чтим наших ветеранов, в том числе бабушек и прабабушек, которые ковали эту победу.

Данная статья не претендует на всестороннее освещение проблемы. Нами впервые сделана попытка изучить участие женщин Казахстана

в партизанском движении в Беларуси на основе опубликованных архивных источников, материалов современной периодической печати Республики Казахстан и интернет-ресурсов.

XX век ознаменовался страшной войной, где женщине пришлось стать солдатом. Женщины, как и мужчины, храбро сражались, не щадя своих жизней. За период войны они освоили разные профессии: санитарки, средний медицинский персонал, которые спасали и перевязывали раненых на поле боя, служили в госпиталях, снайперы и зенитчицы, разведчицы. Женщине пришлось стрелять. Она убивала врага, обрушившегося с невиданной жестокостью на ее землю, на ее дом, на ее детей [16: 360].

«Не женская это доля – убивать», – скажет одна из женщин, вмести в эти слова весь ужас и всю жестокую необходимость случившегося. Тогда женщина была готова на многое. Маршал Советского Союза А.И. Еременко писал: «Едва ли найдется хоть одна военная специальность, с которой не справились бы наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья, отцы» [17].

Нелегко было женщинам-партизанкам. Но любовь к Отчизне и ненависть к врагам Родины помогли преодолеть все трудности и невзгоды. Наравне с мужчинами-партизанами женщины участвовали в выполнении боевых заданий, бдительно несли они и караульную службу. На их плечах лежали санитарная служба, связь и обслуживание бытовых нужд партизан. Большое число женщин и девушек-партизанок прошло специальную подготовку. За время войны только в центральных школах партизанского движения военную подготовку прошли 1262 женщины

В рядах партизан служили женщины всех возрастов, всех профессий и национальностей нашей необъятной страны. На защиту Отчизны поднялись русские, украинки, белоруски, казашки и киргизки, туркменки и узбечки, татарки и калмычки – все, кому дороги были мир, свобода и счастье. Воспитанные в духе безграничной преданности Родине, они становились в ряды партизан сознательно, по доброй воле и отдавали все свои силы, а когда было нужно, то и жизнь священному делу борьбы за освобождение Родины.

В современной казахстанской историографии затрагиваются проблемы социально-экономического, культурного развития общества

или в целом государства, но малоизученной остается история женщин в военные периоды. Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан профинансированы научно-исследовательские проекты по истории Второй мировой - Великой Отечественной войны: «Фронт / тыл: гендерные аспекты Второй мировой / Великой Отечественной войны в истории Казахстана» (рук. Р.С. Жаркынбаева); «Великая Отечественная война и женщины Казахстана на фронтах и в тылу: женские истории и повседневность» (рук. З.Г. Сактаганова); «Национальные войсковые формирования Казахстана на фронтах войны (1941–1945)» (рук. К.С. Алдажуманов); «Казахи во Второй Мировой войне: новые документы из зарубежных архивов» (рук. Г.М. Мендикулова). Указанные проекты казахстанских ученых отразили гендерно-антропологическую тематику, в центре каждого исследования находятся мужские и женские судьбы. Первые три исследовательских проекта под руководством Р.С. Жаркынбаевой, З.Г. Сактагановой, К.С. Алдажуманова опираются на научные парадигмы «Новой исторической науки» [9: 49].

Исследователь З.К. Сактаганова отмечает, что один из недостаточно разработанных сюжетов в истории Великой Отечественной войны – количественные данные об участии в ней советских женщин. Проблема «женщина и война» в современной казахстанской историографии начинает активно разрабатываться лишь в последние два десятилетия: к юбилейным датам публикуются сборники документов, статей и очерков о героях Советского Союза А. Молдагуловой и М. Маметовой, воспоминания женщин-ветеранов и т.д. Но в целом женская тема как специальный объект исследования казахстанских историков активно начала разрабатываться в последние три – четыре года [20: 77].

В годы Великой Отечественной войны на фронтах воевали от 600 тыс. до 1 млн женщин. Некоторые авторы утверждают, что с учетом всех мобилизованных и вольнонаемных, общее количество женщин в Красной армии и Военно-морском флоте за все годы войны могло составлять до 2 млн человек [20: 78].

По учетным данным Центрального штаба партизанского движения на 1 января 1944 г., из 287 453 советских патриотов, участвовавших в партизанской борьбе, женщин было 26 707, а в отдельных отрядах они составляли четвертую часть партизан [5: 596].

Особенно много женщин (около 7 тыс., что составляло 16 % от общего числа партизан республики) сражалось в партизанских отрядах Белоруссии. Только в рядах партизан Вилейской области вели борьбу с оккупантами свыше 800 женщин и девушек. Свыше 2,5 тыс. женщин вели борьбу против оккупантов в рядах смоленских партизан [12: 342]. При активном участии женщин – партизан и подпольщиц – на земле Белоруссии было истреблено около 500 тыс. немецко-фашистских захватчиков [6: 22].

Пример самоотверженной борьбы с немецкими оккупантами показали женщины-партизанки – уроженки Казахстана.

*Агадилова Жамал* – уроженка города Павлодара Казахстана. В июне 1941 г. она стала свидетельницей событий первых дней войны, будучи беременной. Ей было необходимо покинуть Белосток, где она проживала, и добираться до расположения Красной армии. Жамал многое пришлось пережить: едва ли не каждый день менять место жительства, бежать от немцев, скрываться то в одной деревне, то в другой. Видя зверства фашистов, она не смогла находиться вдали от партизанских отрядов, поэтому ей пришлось всё же вместе с дочерью идти к партизанам [10]. Вот что рассказывала Жамал о своей жизни в военные годы: «Нам с Майсей негде стало жить. Тогда люди из отряда увели нас в лагерь. К этому времени Маечка уже подросла, и мы могли передвигаться вместе с отрядом. Я твердо решила, что буду переносить все лишения вместе с отрядом. А партизанам жилось несладко: на земле не давали покоя лазутчики, шпионы, предатели, над головой гудели вражеские самолеты» [11].

*Баян Байгожина* (1923–1945) – уроженка села Аркат Абайского района Семипалатинской области. Когда началась Великая Отечественная война, ей исполнилось всего 18 лет. В 1945 г. военный корреспондент П. Кузнецов опубликовал в газете «Правда» статью «Девушка из Чингиз-тау» о героической жизни Б. Байгожиной. Автор статьи писал: «Лицо Баян с растрепанными длинными волосами и в солдатской шапке было почерневшим, как будто она только что прибыла из солнечной степи Казахстана» [13]. В книге П.Н. Кузнецова «От Алма-Ата до Берлина» снова встречаем имя Баян [14]. Б. Байгожина героически погибла 27 апреля 1945 г., в борьбе за город Гинденбург, под Берлином, когда до Великой Победы оставалось всего 12 дней.

Ее именем названа одна из улиц поселка Караул Абайского района Семипалатинской области.

*Нурганым Бекеновна Байсеитова* – уроженка Жаныбекского района Казахстана – воевала в 15-м отряде партизанской бригады № 8. В первые дни войны она добровольцем попросилась на фронт. В апреле 1942 г. Нурганым была зачислена на радиокурсы в Уральскую школу радисток, а затем и в Московскую спецшколу № 3 для подготовки радистов-десантников. А в июле 1943 г. Нурганым Байсеитова успешно завершила подготовку в спецшколе. Нурганым показала себя способной радисткой. Ей помогало то, что раньше она успешно училась по классу скрипки и имела отличные слух и память [3]. В дальнейшем по радиосвязи Нурганым выходила под псевдонимом «скрипачка Нина» [19]. Связистка была направлена в штаб партизанского движения Белоруссии в поселке Сходня. Там ее принял начальник штаба Петр Захарович Калинин, второй секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В июле 1943 г. Н. Байсеитова была отправлена в 15-й отряд партизанской бригады № 8 под командованием С.Г. Жунина, дислоцировавшийся в Круглянском районе Могилевской области. С действующей армией отряд воссоединился в 1944 г. в Брестской области. В составе бригады Жунина Нурганым дошла до Варшавы.

Нурганым несколько раз встречалась лицом к лицу с врагом во время боев, ходила в разведку, участвовала в общественно-политической пропаганде против фашистских оккупантов среди жителей населенных пунктов, захваченных врагом [15]. За мужество и храбрость, образцовое выполнение ответственного задания Родины в рядах белорусских партизан в борьбе против фашистских захватчиков Нурганым Байсеитова была награждена орденом Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» II степени и другими наградами, среди которых есть знак «Партизан Белоруссии, 1941–1944 гг.», врученный по Указу Верховного Совета Белорусской ССР в ноябре 1991 г. [1].

После демобилизации в 1944 г. Нурганым поступила в Алма-Атинское театрално-художественное училище, которое закончила в 1948 г. В воспоминаниях Нурганым писала: «Моя радость дети. Я с мужем нажила 3 сына, 5 дочерей, 15 внуков. Все они очень хорошенькие один лучше другого. Самая старшая внучка Индира играет на скрипке,

продолжает мои мечты. Внуков очень люблю и желаю им покой и счастье» (орфография и пунктуация источника сохранены) [4].

В 1995 г., накануне 50-летия Великой Победы, Нурганым Байсеитова была приглашена Нурсултаном Назарбаевым в Астану, где ей оказали заслуженные почести. Бывшая партизанка, ветеран Великой Отечественной войны Н.Б. Байсеитова скончалась в 1998 г. В 2015 г. ее родных пригласили в акимат г. Уральска и торжественно вручили от имени Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко памятную медаль «70 лет Великой Победе» [21].

*Турганбике (Тургаши) Джумабаева* – уроженка станции Джалагаш (ныне село Жалагаш) Кызылординской области. Воевала в партизанской бригаде «Большевик» им. Н. Щорса, радист. В 1941 г., когда началась война и немецкая оккупация, Тургаши, как и многие, не успела эвакуироваться. Она осталась в тылу врага и укрывалась в Логойском лесу, откуда впоследствии попала в партизанский отряд под названием «Большевик». Отряд в короткие сроки превратился в партизанскую бригаду им. Николая Щорса. До того, как вступить в ряды партизанского отряда, Джумабаева вела подпольную работу: собирала оружие для партизан, снабжала их хлебом, работая в пекарне. Тургаши была зачислена в партизанский отряд только в декабре 1943 г., до этого она освоила немецкий, а затем, благодаря Н. Байсеитовой, изучила навыки радиста [2].

По свидетельству племянника Тургаши – Шайкы Жусипулы, партизанский отряд вместе с Тургаши в 1943 г. попал в руки карательного отряда немцев. Там немецкие офицеры сломали ей правую руку и заперли в карцере, после того как увидели, что она прячет остатки еды для других заключенных. Через несколько месяцев Тургаши и некоторым заключенным удалось сбежать. В декабре того же года она была зачислена бойцом в хозвзвод партизанского отряда «Большевик», действовавшего в составе бригады «Большевик» в Логойском районе Минской области [22].

За активную партизанскую деятельность в тылу врага Джумабаева Тургаши награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. В наградном листе партизанке Т. Джумабаевой дана следующая характеристика: «Т. Джумабаева участвовала в семи боях, проявила стойкость и мужество, как дочь казахского народа. На счету имеет двух убитых немцев» [8].

Из-за острой нехватки военных кадров на фронте руководство страны начинает активно привлекать женщин. В 1942 г. Государственным комитетом обороны (далее – ГКО) СССР были организованы три этапа мобилизации женщин для несения службы в войсках связи: 25 марта, 15 апреля и 18 апреля. Согласно постановлению ГКО СССР от 25 марта 1942 г., на фронт были направлены 100 000 девушек-комсомолок в части противовоздушной обороны для замены ими красноармейцев-телефонистов, радистов, разведчиков-наблюдателей за воздухом зенитной артиллерии и других мужских военных должностей. В документе были определены четкие критерии для женщин: возраст 19–25 лет, 40 % из них с полным средним образованием, 60 % с образованием не ниже 5–7 классов [18].

Все предписания ГКО подлежали немедленному исполнению на местах. В частности, в фондах Государственного архива Восточно-Казахстанской области нами было обнаружено постановление исполкома Восточно-Казахстанского облсовета депутатов трудящихся и бюро Восточно-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана «О мобилизации женщин в фронтовые, армейские и запасные части связи и тыловые узлы связи Красной Армии» от 22 апреля 1942 г. Согласно данному документу общая разрядка составила 50 женщин, в том числе по районам: Таврический – 2, Верх-Убинский – 2, Бухтарминский – 2, Предгорненский – 3, Усть-Каменогорский – 10, Самарский – 2, Зыряновский – 3, Кировский – 4, Шемонаихинский – 3, Лениногорский – 15 [7: 5].

О буднях фронтовой повседневности можно узнать по воспоминаниям и рассказам самих фронтовичек. К сожалению, многих уже нет в живых. Но благодаря работе местных краеведов, историков и журналистов, записавших своевременно их рассказы, мы сейчас узнаем правду о войне. Сегодня новые возможности представляют сайты Министерства обороны Российской Федерации «Память народа» и «Подвиг народа», на которых представлены цифровые копии документов воинских частей, поименные наградные листы и т.д. Они позволяют восполнить «белые пятна» по отдельным фронтовичкам, узнать об их подвигах и заслугах, за которые они были удостоены боевыми орденами и медалями.

**Источники и литература**

1. *Азангалиев А.А.* Они приближали Победу. Радист партизанского отряда Нурганым Байсеитова. URL: <https://school-science.ru/8/18/42500#w0-tab2> (дата обращения: 29.04.2022).
2. *Әбілов А.* Партизан Тұрғанбике Жұмабайқызы туралы мөлтек сыр // Ақмешіт апталығы. 2011. № 9.
3. *Байсеитова Нурганым Бекеновна* // Бессмертный полк. URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/bayseitova-nurganym-bekenovna> (дата обращения: 31.03.2022).
4. *Боранбаева Б.С.* Партизан отрядының байланысшысы қазақ қызы – Нұрғаным Байсеитова // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2016. № 3 (07). URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/issue/view/24/6> (дата обращения: 21.02.2023).
5. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1965.
6. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Т. I. Минск, 1967.
7. Государственный архив Восточно-Казахстанской области. Ф.1-п. Оп. 1. Д. 1490. Л. 5.
8. *Едыгенов Н.* Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1972.
9. *Жанбосинова А.С.* Великая Отечественная война: междисциплинарные подходы казахстанской исторической науки // Великая Отечественная война и Казахстан: проблемы исторической памяти: мат-лы Республиканской науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. З.Г. Сактагановой. Караганда, 2020. С. 47–57.
10. История казахстанской партизанской семьи – Жилбека Агадилова, его супруги Жамал и дочери Майи. URL: [https://www.inform.kz/ru/istoriya-kazahstanskoj-partizanskoj-sem-i-zhilbeka-agadilova-ego-suprugizhamal-i-docheri-mayi-foto\\_a2777106](https://www.inform.kz/ru/istoriya-kazahstanskoj-partizanskoj-sem-i-zhilbeka-agadilova-ego-suprugizhamal-i-docheri-mayi-foto_a2777106) (дата обращения: 05.04.2022).
11. *Касенов Касым.* Партизанская семья / пер. М. Тиморшина. URL: <https://military.wikireading.ru/hmL5SesMXY> (дата обращения 05.04.2022).
12. *Климов И., Граков Н.* Партизаны Вилейщины. Минск, 1970.
13. Кузнецов П. Девушка из Чингиз-тау // Правда. 1945. № 57 (9828). 8 марта. С. 3.
14. *Кузнецов П.Н.* От Алма-Ата до Берлина: записки военного корреспондента. Алма-Ата, 1945.



15. *Матреков К.* Ее называли «Скрипачкой» – история партизанки Нурганым Байсеитовой // 365info.kz. 2018. 19 мая. URL: <https://365info.kz/2018/05/ee-nazyvali-skripachkoj-istoriya-partizanki-nurganym-bajseitovoj> (дата обращения: 29.04.2022).
16. *Никольская Т.В.* Женщины – солдаты Великой Отечественной Войны. По воспоминаниям участников и очевидцев // Исторический путь России: из прошлого в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года /под ред. С.И. Бугашева, А.С. Мина. Т. 1. СПб., 2021. С. 360–364.
17. *Орлова С.Л.* Участие белорусских женщин-учителей в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной Войны и партизанском движении // Женский подвиг в истории Беларуси. 1917–2017 годы: электронный сборник мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., 26 октября 2017 г., Витебск. URL: <http://vlib.by/index.php/ru/zhenskij-podvig> (дата обращения: 29.04.2022).
18. Постановление Государственного комитета обороны СССР № ГОКО-488сс от 25.03.1942 г. «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО». URL: [http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194203/gko\\_1488.html](http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194203/gko_1488.html) (дата обращения: 08.11.2018).
19. *Рябинина А.* Памяти партизанки: [об отважной партизанке Нурганым Байсеитовой] // Приуралье. 2008. 13 марта. С. 5.
20. *Сактаганова З.Р.* К обсуждению вопроса об участии женщин Казахстана на фронтах Великой Отечественной Войны // Великая Отечественная война и Казахстан: проблемы исторической памяти: мат-лы Республиканской науч.-практ. конф. с международным участием / под общ. ред. З.Г. Сактагановой. Караганда, 2020. С.77–82.
21. *Чуриков Е.* Никто не забыт... // Информбиржа. 2020. 6 февраля. № 6 (1335). URL: <http://ibirzha.kz/nikto-ne-zabyt/> (дата обращения: 29.04.2022).
22. Шөмекей М.А. Жалағаштық жауынгерлер. Кызылорда, 2021.

**П.А. Мухаметов**

## **БАШКИРЫ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Борьба народов Советского Союза на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стала невиданным

явлением в истории освободительных войн. Народная война в тылу врага, объединившая десятки народов СССР, зачастую превышающих количество жителей оккупированных территорий европейских государств, превратилась в важный военно-политический фактор нашей победы, явилась могучим побудительным примером для народов стран Европы и Азии, мужественно сражающихся с фашизмом.

Истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. посвящено значительное количество научной литературы как в советской, так и в современной отечественной историографии. Вместе с тем участие отдельных народов в советском партизанском движении освещено незаслуженно поверхностно, фрагментарно или зачастую малоинформативно.

Отдельного внимания требует анализ источниковой базы исследования поставленной проблемы. Благодаря спецпроекту издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Республики Беларусь для широкой общественности стали доступны документы партизанских отрядов, сражавшихся с фашизмом на территории Белоруссии, России, Украины, Польши и других стран. Оцифрованы наградные документы, личные листки по учету партизанских кадров, характеристики на партизан, составлявшиеся командирами партизанских соединений при передаче личного состава соединениям Красной армии (1944–1945 гг.). В то же время документы соединений и отрядов Украинского штаба партизанского движения, хранящиеся в Главном архивном управлении при Кабинете министров Украины (Главархив Украины), в настоящее время недоступны для отечественных исследователей.

Региональная историография вклада Башкирской АССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. не уделяет достаточного внимания национальным аспектам партизанского движения. Единичными являются издания, посвященные участникам партизанского движения – уроженцам Башкирской АССР. Среди них следует отдельно отметить работу белорусского историка Инны Герасимовой [1], с 1999 г. председателя Республиканского фонда «Холокост» (Беларусь), в 2002 г. выступившей инициатором создания Музея истории и культуры евреев Беларуси и его директора (до 2012 г.). Она подняла из забвения имя политрука Н.Я. Киселева.

Николай Яковлевич Киселев (1913–1974 гг.) – партизан отряда «Мститель» («Дяди Васи») в Белоруссии, спасший жизнь 218 евреям из Долгиновского гетто, уроженец Благовещенского района Башкирии. Малоизвестные события конца 1942 – начала 1943 г. легли в основу фильма режиссера Сергея Урсуляка «Праведник», вышедшего на отечественный киноэкран в феврале 2023 г.

Уроженец деревни Новошареево Архангельского района Башкирской АССР, подполковник Назиров Баки Гатауллович (или как его называли русские товарищи – Борис Григорьевич) стал одним из руководителей антифашистской борьбы в лагере смерти «Бухенвальд», подняв там восстание в апреле 1945 г. [7: 2].

Наряду с освещением национальных аспектов советского партизанского движения в немногочисленных научных публикациях [2; 3; 4], неизученными на сегодняшний день остаются вопросы количества уроженцев Башкирии, принявших участие в партизанском движении. Неизвестными остаются наименования партизанских отрядов и бригад, действовавших в тылу врага, в которых сражались представители башкирского народа; должного освещения не нашли отдельные примеры их мужества и героизма. Вместе с тем исторические источники свидетельствуют как минимум о 800 уроженцах Башкирии, принявших участие в советском партизанском движении, и это только на территории Белоруссии. Башкиры, как и в далеком 1812 г., с оружием в руках встали на защиту родного Отечества. Неслучайно, писатель и поэт Илья Эренбург однажды сказал: «Россия – одна, и за нее рядом с русскими сражаются бесстрашные башкиры» [8: 29].

Анализ личных листов по учету партизанских кадров позволяет выявить наиболее типичные обстоятельства перехода красноармейцев к партизанам. В первую очередь это были попытки выхода из окружения или побег из фашистского плена. Так, в ожесточенные ноябрьские дни обороны на южных подступах г. Тулы, за несколько дней до сдачи противнику г. Ефремова, в фашистский плен попал старший сержант Нугуман Лукманович Лукманов, уроженец Дюртюлинского района Башкирии. Через полтора года, осуществив дерзкий побег из концлагеря № 328 (г. Орша), Нугуман Лукманович вступает в партизанский отряд им. Кутузова партизанской бригады «За Советскую Белоруссию»,

действующий в Смоливицком районе Минской области с августа 1943 г. в количестве свыше 170 бойцов (командир отряда В.К. Громов, комиссар В.И. Левшин) [5: 492]. Заполняя в июле 1944 г. боевую характеристику, начальник штаба бригады капитан А.М. Прокофьев отметил, что «во время пребывания в отряде [Н.Л. Лукманов] показал себя дисциплинированным бойцом. При его участии было взорвано 3 эшелона и 2 автомашины врага» [6]. Отдельно следует отметить заслуги Нугумана Лукмановича по выполнению важного правительственного задания в дни Белорусской наступательной операции «Богратион» по подрыву железной дороги Москва – Минск. Проявленные при этом мужество и героизм способствовали успешному проведению военной операции.

Таким образом, башкиры внесли достойный вклад в организацию и развитие советского партизанского движения на оккупированной территории. Свыше 100 уроженцев Башкирии были награждены медалью «Партизану Отечественной войны» двух степеней за особые заслуги в деле организации партизанского движения, за отвагу, героизм и выдающиеся успехи в партизанской борьбе за Советскую Родину в тылу немецко-фашистских захватчиков.

### Источники и литература

1. *Герасимова И.П.* Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев. М., 2016.
2. *Лавишук Д.Г.* Участие башкир в партизанском движении на территории Гомельской области Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований. сб. мат-лов II Всерос. с междунар. участием онлайн-студенческой науч.-практ. конф. (г. Уфа, 30 ноября 2022 года). Уфа, 2022. С. 99–102.
3. *Лыцыгевич А.А.* Башкиры в партизанском движении на территории Минской области Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: сб. мат-лов I Всерос. с междунар. участием онлайн-студенческой науч.-практ. конф. (Уфа, 30 ноября 2021 года). Уфа, 2021. С. 81–84.
4. *Мухаметов П.А.* Уроженцы Башкирской АССР – партизаны Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Великая Отечественная

- война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: матер. II Всеросс. науч. конф., приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (г. Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.) / В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. С. 224–231.
5. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения о организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983.
  6. Партизаны Беларуси: Лукманов Нугуман Лукманович. URL: <https://partizany.by/partisans/126521/> (дата обращения: 26.03.2023).
  7. Хейфец В. Герой Бухенвальда // За передовой опыт. 1957. № 42. С. 2.
  8. Эренбург И.Г. Башкиры // Документы и материалы по истории башкирского народа (1941–1985). Уфа, 2012. С. 28–29.

**М.В. Дуля**

### **ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД «ГРОЗА» СЕМИКАРАКОРСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

О значимости, как и вообще о факте существования партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на территории Семикаракорского района Ростовской области, многие десятилетия велись бурные дискуссии. Настоящая статья посвящена деятельности партизанского отряда «Гроза», существовавшего в Семикаракорском районе Ростовской области в годы Великой Отечественной войны.

Прежде всего следует отметить, что в начале февраля 1942 г. Семикаракорский райком партии делегировал пять коммунистов – Андрея Донецкого, Николая Кузнецова, Михаила Самохина, Ивана Тарелкина и Василия Захарова в сводный Приазовский партизанский отряд, созданный по решению Ростовского обкома партии с целью наносить сильные удары в тылу врага, рвавшегося к Ростову-на-Дону [2]. Семикаракорцы в боях с немецкими захватчиками проявили отвагу и мужество. Из наградного листа Ивана Акимовича Тарелкина: «Тарелкин в ночь на 23.03.42 г. принимал активное участие в операции по уничтожению гарнизона противника и его огневых точек. При выходе на побережье к противнику, отделение, в котором был Тарелкин, обошло

населенный пункт Александрова Коса с северо-восточной окраины, но встретилось с превосходящей силой противника. Товарищ Тарелкин, с группой бойцов в три человека, выдвинувшись вперед и, увлекая за собой отделение, вступил с фашистами в бой. В результате короткой схватки, огнем и гранатами уничтожено до 6 немецких солдат. Остальные враги, не выдержав натиска, отступили. Из группы Тарелкина пал смертью храбрых партизан Самохин» [7].

Однако, как видно из доклада от 21 июня 1943 г. на имя секретаря Ростовского обкома ВКП(б), никто из перечисленных партизан не принял активного участия в борьбе с врагом на территории Семикаракорского района. Назначенный командир отряда еще до занятия немцами района, при бомбежке станицы Семикаракорской, был ранен и вывезен вглубь страны [1]. Часть бойцов также эвакуировалась. Оставшиеся на территории района участия в партизанском движении не приняли, в том числе и Тарелкин, за участие в действиях партизанского отряда под Таганрогом награжденный медалью «За отвагу» [6: 7].

Партизанский отряд «Гроза» был организован в начале ноября 1942 г. старшим лейтенантом Петром Григорьевичем Филатовым, командиром эскадрона 273-го кавалерийского полка 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, попавшего в окружение при защите переправы в районе станицы Раздорской в июле 1942 г. Комиссаром стал Григорий Иванович Стрельцов, житель станицы Семикаракорской, бывший политрук 600-го линейного батальона связи 200-й стрелковой дивизии, находившийся дома в отпуске после ранения. Вдвоем они начали искать людей, желающих участвовать в борьбе с немецкими оккупантами [5: 183–185].

Сергей Петрович Федотов, будучи политруком штабной батареи 628-го артиллерийского полка 161-й стрелковой дивизии, получил тяжелое ранение 30 июля 1941 г. под Минском и был комиссован домой, работал военруком в Семикаракорской средней школе. 16 июля 1942 г., незадолго до оккупации района, ему было дано задание Семикаракорским райвоенкоматом отвести роту призывников на станцию Прохладную и явиться в г. Армавир на пересыльный пункт, где он и сопровождал маршевые роты. В первых числах октября 1942 г. он попал в окружение на Северном Кавказе, пробыл в концлагере пять

дней, а потом сбежал и стал пробираться в станицу Семикаракорскую. Прибыв в станицу 25 октября 1942 г., Федотов связался с Филатовым и Стрельцовым и вступил в создаваемый партизанский отряд «Гроза». В этом отряде Федотов исполнял обязанности заместителя комиссара [4: 14]. Начальником штаба отряда был назначен старший лейтенант Григорий Павлович Серяков.

Кроме командиров Красной армии, оказавшихся в окружении, в партизанский отряд вошли совсем молодые ребята 16–18 лет – жители Семикаракорского района. Война свела вместе людей разных профессий и возрастов. Среди бойцов «Грозы» были рабочие, колхозники, служащие, учителя, учащиеся и даже парикмахер. В декабре 1942 г. в его состав входили 27 человек [6: 20].

Вначале партизаны под видом рабочих ремонтной мастерской располагались в доме родителей одного из участников отряда – Евгения Васильевича Аксёнова. Его семья проживала по адресу: станица Семикаракорская, ул. Ленина, д. 23. Евгений был активным и преданным участником сопротивления. Филатов и Стрельцов, увидев такое рвение молодого парня, доверили ему должность начальника разведки отряда. Партизаны собирали информацию о противнике, но, когда немцы стали готовить жителей станицы для отправки в Германию, отряд срочно покинул дом и ушел в лес, чтобы не подвергать опасности семью Аксёнова. В станице начались аресты и расстрелы местных жителей, в первую очередь евреев и коммунистов. Не щадили ни стариков, ни детей [3].

Первоначальная деятельность отряда «Гроза» заключалась в печатании и распространении листовок, а также в распространении листовок, сброшенных советскими летчиками с самолетов. Одновременно партизаны уничтожали лозунги, плакаты и листовки оккупантов. Отряд распространял среди населения сводки Советского информбюро, получаемые по радио с помощью радиоприемника.

Из воспоминаний Владимира Николаевича Щербакова, жителя станицы Семикаракорской: «Те, кто постарше, ушли в партизанский отряд “Гроза”. Это Василий и Петр Свирякины, Николай и Алексей Антиповы, Василий Маркин. Им помогали Саша Маркин, Миша Наметышев. А шустрый подросток Женька Фролов со своей матерью Евдокией Андреевной (она работала бакенщицей) переправляли

через Дон партизанам продукты питания и какие-то записки, которые периодически приносил Василий Прохорович Литвинов, бывший председатель рыбколхоза “Красный Октябрь”».

Постоянную связь партизанского штаба, который находился в станице Семикаракорской, с отрядом за Доном осуществлял храбрый подросток Василий Свирякин, которому в ту пору шел семнадцатый год. В конце декабря 1942 г. по доносу провокатора он был схвачен полицейскими и немцами возле бывшего Раздорского моста через Паршевку. Долго пытали Василия, затем застрелили и бросили в прорубь [4]. Акт № 469 от 5 апреля 1943 г. гласит: «...при отступлении немцев Раздорской полицией был взят из ст. Семикаракорской мальчик – Свирякин Василий, проживающий по ул. Октябрьской, д. 167, зверски замучен, а потом расстрелян под ст. Раздорской, а труп был брошен под лед» [5: 168].

Полиции и оккупанты запугивали местных жителей наказаниями и расстрелами: «Во время оккупации нашей территории был расстрелян немецкими властями в Семикаракорской станице бывший секретарь колхоза “Красный Дон” Студеникин Алексей Николаевич совместно со своей женой Сабельниковой Натальей Петровной, которым было предъявлено обвинение, якобы они принимали и кормили красных партизан» [5: 124]. 14-летний Александр Еремин из станицы Новозолотовской был выпорот за то, что организовал с друзьями подводу с продуктами для партизан [5: 172].

Свои боевые действия партизанский отряд «Гроза» развернул в конце декабря 1942 г., когда немецко-румынские войска стали отходить через Семикаракорский район. Местом действий стала станица Семикаракорская и ее окрестности. До подхода советских войск во время боевых операций отрядом было уничтожено 5 немецких офицеров, 36 немецких солдат, 7 румынских офицеров и 42 румынских солдата. Кроме того, были убиты изменники Родины: 3 старших урядника, 14 полицейских, 1 атаман и 47 добровольцев-казаков [1]. Из наградного листа к медали «За отвагу» политрука Григория Ивановича Стрельцова: «С группой партизан в количестве 8 человек во второй половине ноября 1942 г. совершил налет на х. Бронницкий Раздорского района. Убили 7 немцев, подбили одну автомашину и захватили: 2 автомата, пулемет, винтовки, амуницию» [1].



Наиболее активно в работе отряда проявили себя комсомольцы Валентин Башлаев и Евгений Аксенов под руководством комиссара Г.И. Стрельцова, которые громили здание полиции в то время, когда было собрано совещание полиции по подготовке к эвакуации. Они участвовали в разоружении полиции и часовых, охранявших материальные ценности, освободили 6 человек, направленных полицией на расстрел, и 18 человек, сопровождавшихся полицией в неизвестном направлении.

Василий Петрович Рябущенко прибыл в отряд 23 декабря 1942 г. после освобождения из полиции, где он просидел четыре месяца. За 20 дней пребывания в отряде в операциях им было уничтожено 2 полицейских, 1 урядник, 6 румынских солдат, 3 немецких офицера и 2 немецких солдата.

В период отхода немецких войск партизанский отряд взял под свою охрану имевшиеся в станице склады зерна, сырья и промышленные предприятия. В результате были сохранены склад с более чем 1000 т зерна, склад шерсти и кож, склад готовых овощей, вальцовая мельница на полном ходу, маслобойня и крупорушка. При подходе советских войск все продукты питания (зерно, овощи, мясо) передались для снабжения Красной армии. В первый день была налажена работа мельницы, маслобойни, крупорушки и пекарни.

2 января 1943 г. полиция вела шесть советских патриотов на расстрел. Группа партизан обстрела конвой, последний разбежался, и пленные были спасены от расстрела [1].

В ночь с 2 на 3 января районный атаман собрал в своем правлении полицию, а также станичных и хуторских атаманов для дачи им указаний по вопросам выгона скота из района и уничтожения хлеба. Партизаны ночью обстреляли станичное управление атамана. Находившиеся там люди разбежались и начали эвакуироваться из района.

К моменту подхода советских войск партизанский отряд «Гроза» состоял из 22 человек, из них 7 бывших командиров и бойцов РККА и 15 жителей района. В группе было 8 молодых людей 1924–1925 г. рождения, 5 комсомольцев, 6 коммунистов. Отряд имел на вооружении 3 ручных пулемета, 15 автоматов, в том числе 5 немецких, винтовки, патроны и гранаты в достаточном количестве [5: 96–97, 183–185].

Из воспоминаний жительницы хутора Большемечетного Клавдии Ивановны Тюрморезовой: «Сразу после нового года нас, десять человек комсомольцев, выгнали за станицу Семикаракорскую, в лесистую местность и заставили рыть окопы. Мы саботировали работу, и нас перед расстрелом посадили в подвал. А ночью с автоматом в руках в подвал ворвался Петр Жариков. Я его знала еще по комсомольской работе. Он был секретарем комсомольской организации. Петр сказал, что мы свободны, и убежал. А через день в станицу пришли советские танки» [1].

Из воспоминаний Ивана Акимовича Маркина: «3 января 1943 г. в станице Семикаракорской партизанская группа атаковала засевших в комендатуре немцев и полицаев, с боем они отступили к хатам на пятом переулке, в направлении Старого Дона. В перестрелке был тяжело ранен Виктор Романченко, ранение в руку получил Федотов Сергей Петрович. После перестрелки Петр Григорьевич Филатов приказал мне сдать оружие и вернуться в х. Кузнецовку. 4 января, как только рассвело, мы увидели боевую технику советской армии, туда и направились бойцы отряда».

Станица Семикаракорская была освобождена при непосредственной поддержке партизан и удерживалась до подхода передовых частей 3-го гвардейского танкового корпуса. Во время освобождения от фашистов Семикаракорской партизанский отряд «Гроза» разделился на три группы. Первая вела бой в районе кирпичного завода. Вторая с боем пробивалась на север в сторону станицы Раздорской. Третья группа, которой командовал сам Филатов, выбила врага, засевшего в комендатуре, потом в районе девятого переулка переправилась через Старый Дон в небольшой лес. Отряду «Гроза» удалось отбить у врага склады с зерном и несколько единиц сельхозтехники. Все это немцы не успели отправить в Германию [3]. За время боевых действий отряда двое партизан были ранены и один пропал без вести.

Из наградного листа Григория Ивановича Стрельцова: «5 января 1943 г. в ст. Семикаракорской товарищ Стрельцов вступил в бой с 13 полицейскими и заставил их отступить. Лично уничтожил 7 немцев, 9 румын, 11 полицейских. Под руководством Стрельцова партизаны отстояли в станице мельницу с 25 тоннами хлеба, подоженную врагами при отступлении» [1].

К 14 часам 5 января передовой разведывательный отряд 3-й гвардейской тяжелой танковой бригады гвардии генерал-майора И.А. Вовченко вступил в станицу Семикаракорская и в районе станицы Новозолотовская захватила небольшой плацдарм на южном берегу реки Дон.

Встречу советских танкистов с партизанами описал гвардии старший лейтенант 2-го танкового батальона Николай Георгиевич Архипов в своем письме от 24 ноября 1985 г. красным следопытам школы № 1 г. Семикаракорска: «Здравствуйте товарищи красные следопыты!!! Подтверждаю о том, что такая встреча состоялась. Начальник отдела разведки корпуса приказал нам выйти на берег р. Сал, занят мост и ждать подхода главных сил. Вот перед р. Сал вышли 6 человек, увидев наш танк. Они стали бросать шапки вверх, стрелять из оружия тоже вверх и побежали к нам на встречу. Вот тут я приказал остановиться всей своей разведке. Мы увидели на их шапках-ушанках красные ленты и советские звездочки. Произошла встреча, мы их накормили, напоили, дали им курева и ушли в разведку дальше. Фамилии запомнить очень трудно и все упомнить трудно. Война, война... Сколько еще было встреч, я думаю Вам это будет ясно. А вот имена помню: Петя, Женя, Саша, Леня. Леня был очень веселый. Одно буду Вас просить, если кто из них остался живой, и Вы с ними ведете переписку – узнайте у них кто с ними вел разговор? Какой у него из разведчиков был рост? Во что были одеты разведчики-танкисты? Какую назвал фамилию и имя разведчик, который вел с ними разговор? Я всю войну прошел под псевдонимом. Что они Вам напишут? Мою фамилию не называйте. Когда они Вам ответят на эти вопросы – напишите мне. Я тогда скажу: они это или нет. Если это будут они, я тогда опишу все подробно, как произошла встреча и где видел двоих дальше на западе» [1].

После прихода советских войск бойцы отряда приняли участие в боевых действиях совместно с Красной армией: 10 человек отряда участвовали в разведке 5 и 6 января 1943 г. на гарнизоны станиц Раздорской и Мелиховской, где была истреблена часть полицейских.

В ночь с 6 на 7 января 1943 г. группа в составе 9 человек с участием 27 бойцов 3-й гвардейской тяжелой танковой бригады (под руководством гвардии капитана Ивана Никифоровича Игнатьева – заместителя командира мотострелкового батальона) провела разведку

в Мелиховской и овладела станицей, изгнав при этом до полка вражеских солдат (добровольцев-казаков). Только на утро второго дня, после прибытия к противнику подкрепления, разведка отошла под прикрытием трех своих танков [5: 96–97]. Одновременно с пехотой и танками враг бросил на станицу до 18 самолетов. При этом противник бомбардировал свои наземные войска, уничтожив много живой силы и техники [6: 7 об.].

Соединившись с частями Красной армии в начале января 1943 г., партизанский отряд «Гроза» приступил к выполнению заданий отдельных частей 2-й гвардейской армии Южного фронта. Впоследствии этот отряд перешел в подчинение штаба партизанского движения Южного фронта и был переброшен в район с. Матвеев Курган Ростовской области.

В мае 1943 г. отряд прибыл в Ростов-на-Дону для подготовки к рейду в помощь украинским партизанам. Свидетельством высадки десанта в глубоком тылу врага стало донесение специальной группы партизанского движения 4-го Украинского фронта. В нем приводится список диверсионной группы партизанского отряда «Гроза» Семикаракорского района из 19 человек, пропавшей без вести после заброски в Запорожье в июне 1943 г. Позднее стало известно, что вся группа партизан была расстреляна в зоне высадки десанта [1].

### Источники и литература

1. Градобоев В. Партизанский отряд «Гроза». URL: <https://градобоев.рф/istoriya/istoriya-vov/item/86-partizanskij-otryad-groza> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Коммунист. 1958. № 24 (2596). 23 февраля.
3. Методическая разработка открытого урока по учебной дисциплине: «История Донского края». URL: <https://pandia.ru/text/82/393/83894.php> (дата обращения: 15.03.2023).
4. Семикаракорские вести. 2007. 27 декабря. № 154.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 24.
6. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 91.
7. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 533.

С.М. Сивков

## ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В 1942–1943 гг.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории Краснодарского края развернулось массовое партизанское движение. В последние годы многие исследователи обращались к проблемам Великой Отечественной войны и партизанского движения на Северном Кавказе. Весомый вклад в разработку темы внесли сотрудники ЮНЦ РАН, в том числе Е.Ф. Кринко [5]. В 2012 г. архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю совместно с Центром документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) издал обобщающий труд под названием «Партизаны Кубани» [7], где наиболее полно раскрыты многие аспекты партизанского движения в регионе. Значимыми для изучения данной проблематики являются статьи краснодарских исследователей И.Ю. Захаровой и С.В. Лазовской [6], И.Г. Иванцова [1–4], М.С. Сивкова [8], В.Г. Сидорова [9] и др.

Битва за Кавказ продолжалась почти 15 месяцев, она включала семь оборонительных и наступательных операций, во многих из которых приняли участие и партизаны Кубани. Партизанское движение в Краснодарском крае имело свою специфику, определявшуюся прежде всего рельефом местности. Вести партизанскую деятельность в степной полосе края не представлялось возможным. Многие отряды, даже имея так называемые схроны, не могли скрываться от вражеских самолетов и наземных устройств наблюдения, в результате чего вынуждены были прекратить свое существование. Оставшаяся часть отрядов в основном укрывалась в предгорной и горной полосах, чаще всего в районах дислокации частей Красной армии. Деятельность их сводилась к совершению небольших рейдов.

В конце июля 1942 г. немецкие войска подошли к границам Краснодарского края. 28 июля бои уже шли на территории двух сельсоветов Кушевского района. 4 августа краевой комитет ВКП(б) принял решение о создании Южного штаба партизанского движения при Военном совете Северо-Кавказского фронта [7: 3]. К сожалению, это решение запоздало. После поражения немцев и их сателлитов

под Ростовом-на-Дону в конце 1941 г. руководители крайкома считали, что на территорию края враг не прорвется. Однако Гитлер принял решение вести наступление на Грозный, Майкоп и Баку. Началась «битва за нефть». Сталинградское направление рассматривалось как второстепенное.

В сентябре 1942 г. совместно с фронтовым штабом был создан и краевой штаб, в состав которого вошли первый секретарь краевого комитета ВКП(б) П.И. Селезнев, председатель краевого исполнительного комитета П.Ф. Тюляев, начальник Управления НКВД К.Г. Тимошенко. На начальном этапе, в августе 1942 г., в документах упоминалось 130 партизанских отрядов общей численностью 5049 партизан [7: 3]. К началу ноября количество отрядов сократилось до 86. Но лишь часть отрядов дислоцировалась в тылу врага. Для некоторых из них эти дни оказались последними, так как были разгромлены их продовольственные базы.

В результате организаторской деятельности крайкома партии было создано семь так называемых партизанских кустов, которые выступали в качестве организаторов и координаторов боевой деятельности партизан. Это Краснодарский, Анапский, Мостовской, Новороссийский, Армавирский, Майкопский и Нефтегорский кусты (см. табл. 1). Планировалось создание и восьмого (Сочинского) куста, однако он так и остался резервным

**Таблица 1.** Партизанские отряды, входившие в партизанские кусты

№ п/п	Наименование партизанского куста	Количество отрядов (ориентировочное)
1	Краснодарский партизанский куст	24
2	Анапский партизанский куст	9
3	Мостовской и Армавирский партизанские кусты	12
4	Майкопский партизанский куст	14
5	Нефтегорский партизанский куст	6
6	Новороссийский партизанский куст	15
7	Славянский партизанский куст	5
<b>Всего</b>		<b>85</b>

На момент начала боевых действий и вплоть до завершения партизанской борьбы самым многочисленным по количеству отрядов и по числу действовавших в них партизан был Краснодарский куст (см. табл. 2).

**Таблица 2.** Партизанские отряды, входившие в состав Краснодарского куста [11: 10]

№ п/п	Наименование партизанского отряда	Численность отряда на 20.03.1943
1	Новотитаровский отряд «Отважный»	Нет данных
2	Краснодарский отряд имени братьев Игнатовых	57
3	Краснодарский отряд «Кировец»	38
4	Краснодарский отряд «Грозный»	56
5	Краснодарский отряд «Красногвардеец»	47
6	Выселковский отряд «Дзержинец»	34
7	Горячеключевской и Кореновский отряд «Горный»	47
8	Саратовский отряд Горячеключевского района	32
9	Гражданский отряд «Кочубеевец»	64
10	Ленинградский отряд «Северный»	57
11	Марьянский отряд «Кубанец»	65
12	Новоминский отряд «Защита Родины»	59
13	Новотитаровский отряд «Отважный»	41
14	Павловский отряд «Степной»	94
15	Пашковский отряд	39
16	Пластуновский отряд	51
17	Ильский отряд «Иль» (Северский район)	69
18	Северский отряд «Мститель»	77
19	Смоленский отряд «Овод» (Северский район)	нет данных
20	Сталинский (сельский) отряд «Северный»	57
21	Тахтамукайский отряд «За Родину»	34
22	Теучежский отряд «Ворошиловец»	40
23	Усть-Лабинский отряд имени Кочубея	71
24	Штейнгартовский отряд «Коммунар»	33

Из приведенных данных видно, что один из партизанских отрядов, судя по документам ЦДНИКК, не оставил отчетов. Один из отрядов представлял Ленинградский район, находящийся на значительном удалении от административного центра Краснодарского края. Партизанские отряды Тахтамукайского и Теучежского районов, территориально входивших в состав Адыгейской автономной области, влились в состав Краснодарского партизанского куста, так как из столицы края ими было более удобно управлять.

Деятельность отрядов этого куста отличалась наибольшей эффективностью и результативностью. Эти показатели зависели в том числе и от кадрового состава командования и рядовых бойцов этих отрядов, их уровня образования и должностей, которые партизаны занимали в мирное время, до начала создания партизанских отрядов летом 1942 г.

В состав Анапского партизанского куста входило девять отрядов: Анапские отряды № 1, 2 и 3, Варениковский отряд «Ворон», Камышеватский отряд «Клим», Лиманский отряд, Темрюкский отряд «Мститель», Приморско-Ахтарский отряд и Щербиновский отряд [7: 126].

В ходе боевых столкновений Темрюкский отряд «Мститель» оказался в тяжелом положении. Он был разбит фашистами, и дальнейшая его работа не представлялась возможной, поэтому в сентябре 1942 г. он распался.

В период с 26 ноября по 10 декабря 1942 г. партизанским отрядам Анапского куста, в том числе Камышеватскому отряду «Клим», Щербиновскому отряду, Варениковскому отряду «Ворон», а также Анапским отрядам № 1–3 удалось прорваться сквозь линию фронта. В конце декабря в Анапском кусте действовали сводный Лиманский отряд (27 человек), Варениковский (47 человек), а также сводный Щербиновско-Камышеватский отряд (34 человека). Возглавлял деятельность этих отрядов командир Анапского партизанского куста А.А. Егоров.

Следует отметить, что общий состав партизан Анапского куста значительно уменьшился, вследствие перехода линии фронта большинством кустовых партизанских отрядов, хотя их деятельность продолжалась дольше всего.

В состав Мостовского и Армавирского кустов входили следующие партизанские отряды: Армавирский, Кропоткинский, Курганинский



«Кубанец», Лабинский, Мостовские «Смерть фашизму» и «За Родину», Отраденский, Советский, Спокойненский, Удобненский, Упорненский и Успенский [7: 127]. Поскольку краевой комитет ВКП(б) дал отрицательную оценку деятельности Армавирской группы за ноябрь – декабрь 1942 г., было принято решение о создании Армавирского куста вместо Мостовского. К этому моменту практически полностью погибли партизаны Отраденского, Спокойненского, Удобненского и Упорненского отрядов. Мостовские отряды «Смерть фашизму» и «За Родину» объединились. Таким образом, вследствие серьезных потерь среди партизан, произошла реорганизация партизанских отрядов, а также изменился статус данного партизанского куста. Эти преобразования в значительной мере способствовали подъему эффективности деятельности партизан данного куста.

В состав Майкопского партизанского куста входило 14 отрядов: Ладожский, Майкопский № 1 «Народные мстители», Майкопский № 2 «Борода», Белореченский «За Родину», Гиагинский, Ильинский, Кошехабльский, Красногвардейский, Новопокровский «Красная Кубань», Тульские № 1 «За Родину», № 2 «За Сталина», № 3, Шовгеновский «Советская Адыгея» и Ярославский «Молот» [7: 127].

В октябре 1942 г. Белореченский отряд «За Родину» завершил существование. В Ильинский партизанский отряд входили партизаны из Белоглинского, Новопокровского, Новокубанского и Ильинского районов. В октябре 1942 г. произошло разукрупнение отряда. Вместо него были сформированы Ильинский и Новопокровский отряды, которые продолжили создавать угрозы передвижению техники, продовольствия, амуниции и личного состава частей вермахта и его сателлитов.

В состав Нефтегорского партизанского куста входили шесть отрядов: Нефтегорские № 1 имени Н.А. Щорса, № 2 имени С.М. Кирова и № 3 имени Железняка, Апшеронский имени Н.Ф. Гастелло, Армянский имени С.Г. Шаумяна, а также Рязанский [7: 127]. Но в октябре 1942 г. Рязанский партизанский отряд распался, часть партизан прибыла в штаб Майкопского куста.

В состав Новороссийского партизанского куста входило 15 отрядов: Крымский «За Родину», Абинский «Тихий», Ахтырский «Буря» (Абинский район), Холмский «Орел», Брюховецкий «Шустрый»,

Верхнебаканский «Мститель», Ейский «Гроза», Калниболотский «Зоркий», Мингрельский «Вихрь» (Абинский район), Новороссийские «Гроза», «За Родину», «Новый», «Норд-Ост» и «Ястребок», а также Тимашевский «Решительный» [7: 128].

14 октября 1942 г. произошло разукрупнение Новороссийского партизанского куста, был создан самостоятельный Славянский партизанский куст, в который входило пять отрядов: Красноармейский «Бойкий», Ивановский «Боевой», Кагановичский (сельский) «Кубань», Славянский «Смелый» и Черноерковский «Шторм» [7: 128].

Партизанский отряд Кагановичского (сельского) района «Кубань» просуществовал недолго, с августа по 3 октября 1942 г., и без ведома краевого штаба фактически был расформирован. После решительного вмешательства краевого комитета партии отряд восстановили.

Большинство партизанских отрядов прекратили существование в конце зимы – начале весны 1943 г. Дольше действовали партизаны Анапского куста. Краснодарский штаб партизанского движения продолжил оказывать помощь крымским партизанам и был расформирован лишь в августе 1944 г. [7: 5].

Активное участие в партизанском движении на Кубани принимали сотрудники органов госбезопасности. Всего, по данным очерков «Партизаны Кубани», в отрядах находилось 130 сотрудников, из них девять были заместителями командиров партизанских кустов, четыре – командирами партизанских отрядов, 57 – заместителями командиров отрядов (в основном по разведке и связи) [7: 5]. Например, заместителем командира Лабинского отряда по разведке стал Майстиренко Георгий Петрович, 1909 г.р., русский, член ВКП(б), образование низшее, начальник отдела пожарной охраны НКВД Крымской АССР [12: 1]. Командиром Майкопского отряда «Борода» стал И.М. Жеребкин, 1890 г.р., член ВКП(б), русский, образование низшее, начальник отдела мобилизации УНКВД Адыгейской автономной области, а его заместителем – Ф.Ф. Безруков, 1898 г.р., член ВКП(б), русский, образование начальное, начальник экономического отдела УНКВД Адыгейской автономной области [13: 3]. Командиром Саратовского партизанского отряда Горячключевского района был И.А. Дрыгин, 1905 г.р., русский, член ВКП(б), образование низшее, сотрудник районного отдела НКВД, а его заместителем по разведке –

И.Т. Горбунов, 1913 г.р., член ВКП(б), образование низшее, сотрудник того же отдела НКВД [10: 1].

Партизаны Кубани внесли существенный вклад в окончание битвы за Кавказ, а дата 9 октября 1943 г. была внесена в список Дней воинской славы России как День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ.

### Источники и литература

1. *Иванцов И.Г.* Боевой путь Новотитаровского и Пластуновского партизанских отрядов Краснодарского партизанского куста. Август 1942 – февраль 1943 гг. // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Туапсе, 1–3 октября 2020 г.): мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар, 2020. С. 250–254.
2. *Иванцов И.Г.* Новые документы о деятельности Краснодарского куста партизанских отрядов. 1942–1943 гг. // Русский архив. 2018. Т. 6 (2). С. 165–174.
3. *Иванцов И.Г.* Партизанское движение на Кубани в период немецко-фашистской оккупации // Вехи истории: 75 лет Сталинградской битвы и освобождению Юга России от немецко-фашистских захватчиков: сбор. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (8 февраля 2018 года) / под ред. С.С. Зенгина. Краснодар, 2018. С. 73–77.
4. *Иванцов И.Г., Сивков С.М.* Партизанский отряд «Грозный» на Кубани (1942–1943 гг.) // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 224–228.
5. *Кринко Е.Ф.* Партизанское движение на Кубани и Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Научная мысль Кавказа. 2005. № 1. С. 27–35.
6. *Лазовская С.В., Захарова И.Ю.* Партизанское движение на Кубани 1942–1943 гг. // Научный вестник Южного института менеджмента. 2017. № 1. С. 103–107.
7. Партизаны Кубани: по материалам архивов УФСБ России по Краснодарскому краю и Центра документации новейшей истории Краснодарского края / сост. Л.И. Швик, А.М. Беляев, К.И. Горожанин. Краснодар, 2012.

8. Сивков М.С. Освободительная операция на Кубани. Год 1943 // Битва за Кавказ (1942–1943): Время. События. Люди: сб. мат-лов науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня начала освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны / под ред. С.С. Зенгина, К.Б. Пуликовского, Р.З. Близняка и др. Краснодар, 2017. С. 173–176.
9. Сидоров В.Г., П.И. Селезнёв – жизнь, отданная борьбе и созиданию (к 75-летию освобождения г. Краснодара в годы Великой Отечественной войны) // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. Вып. 22. Краснодар, 2018. С. 41–45.
10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 4373. Оп. 1. Д. 139.
11. ЦДНИКК. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 153.
12. ЦДНИКК. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 183.
13. ЦДНИКК. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 193.

**И.О. Тюменцев**

### **НЕФТЕГОРСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ (КУСТ) ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ КУБАНИ: ЛИЧНЫЙ СОСТАВ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ<sup>1</sup>**

Нефтегорское соединение (куст) партизанских отрядов Кубани было сформировано осенью 1941 г., когда немецкие войска подходили к Ростову-на-Дону. Соединение первоначально состояло из пяти партизанских отрядов: Апшеронского имени Н.Ф. Гастелло (далее – АПО), Армянского имени С.Г. Шаумяна (далее – АрПО), двух Нефтегорских имени Н.А. Щорса (далее – 1 НПО) и С.М. Кирова (далее – 2 НПО) и Рязанского (далее – РПО) [2: 15–18].

Летом 1942 г., после вторичного взятия Ростова-на-Дону фашистами и их прорыва на Кубань, соединение было переформировано. Его возглавили: командир Василий Иванович Хомяков – секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) по нефтяной промышленности; начальник штаба Фёдор Степанович Готьван – первый секретарь Нефтегорского райкома ВКП(б); комиссар, заместитель командира по разведке Фёдор Иванович Рябинин – начальник Управления НКВД

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А20-120122990111-9.

по Нефтегорскому району Краснодарского края. В ходе отступления советских войск из Апшеронского и Нефтегорского районов Краснодарского края промыслы «Майнефти» были полностью ликвидированы, поэтому главная задача соединения заключалась в том, чтобы не допустить восстановления и эксплуатации Майкопских нефтяных промыслов [2: 15–18].

В августе 1942 г., после прорыва противником обороны наших войск по р. Белой, захвата Майкопа и Белореченска, отряды соединения ушли в леса и горы. Рязанский отряд из-за неподготовленности кадрового состава, халатности и «увлечения митинговщиной» его партийного руководства был фактически разгромлен. Его личный состав до сих пор не рассекречен. Судя по рассказу очевидца, отряд сформировали в последний момент из партийного, хозяйственного и комсомольского актива на общем собрании, по окончании которого людей повели в лес без каких-либо предварительных сборов и подготовки. Из выживших и добравшихся до штаба соединения была сформирована небольшая диверсионная группа, которая в декабре 1942 г. также была разгромлена [4: 545–546].

1 и 2 НПО заняли свои заранее подготовленные базы на нейтральной полосе между советскими и немецкими войсками на северном склоне хребта Уруз-Тепе у горы Гунай (Боз-Депе). АПО из-за бегства командира (начальника Апшеронского УНКВД) возглавил комиссар – первый секретарь Апшеронского райкома ВКП(б) Сергей Сергеевич Жуков. Отряд, преследуемый фашистами, был переформирован при отступлении. Его базу закладывали на ходу и не в том месте, где ранее предполагалось. Видимо, по этой причине данная база оказалась единственной, которую не разгромили немцы и полицаи [5].

3-й Нефтегорский партизанский отряд (далее – 3 НПО) был сформирован из истребительного батальона пос. Хадыженского. Фактически он заменил разгромленный отряд Рязанского района. Заранее подготовленной базы не имел и сразу же попал в тяжелейшее положение. Армянский район не был оккупирован немцами до конца сентября – начала октября 1942 г., поэтому местный партизанский отряд до этого времени в боевых действиях не участвовал [2: 135–138].

Основной массив источников по истории боевых действий Нефтегорского соединения до сих пор засекречен. До недавнего времени

о ней судили по ура-патриотическим публикациям в газетах. В результате среди населения бытует устойчивое мнение, что партизаны ушли в горы с женами, спиртным и продовольственными запасами, отсиживались в лесу, ничего не делали, что, конечно же, не соответствует действительности.

В результате многолетней работы автору удалось собрать по музеям, клубам, школам, личным архивам довольно репрезентативный массив источников мемуарного происхождения. Имеются в виду воспоминания и документы: начальника штаба Нефтегорского соединения Ф.С. Готьвана, комиссара и начальника разведки Г.М. Гунько, сотрудников штаба В.С. Корсуна и Т.П. Волошко; командира АПО С.С. Жукова и О.А. Ляшевой; командира 1 НПО А.В. Верещагина, М.Д. Рыжих, Н.В. Клименко и Г.И. Рудь; комиссара 2 НПО П.С. Павлика, бойцов Р.П. Петренко и В.А. Коваленко; 3 НПО – бойцов Н.Л. Якубы, А.С. Ржевского и А.М. Огнева [1; 2; 5–7]. О судьбе АрПО приходится судить по документальным и газетным публикациям.

В архиве удалось получить отчеты о деятельности лишь АПО [8: 1–4]. Отчет 2 НПО в основном восстанавливается по материалам личного архива П.С. Павлика, готовившего этот документ [1: 12–54]. Известны списки только двух отрядов: АПО (официальный) и 2 НПО (черновой). Все остальные пришлось восстанавливать буквально по крупицам, но данные об общем числе бойцов 1 НПО, 3 НПО и АрПО в основном соответствуют составленным нами спискам, что подтверждается донесениями в Южный штаб партизанского движения [2: 289–305; 4: 61–63]. Поскольку штаб партизанского соединения находился в 1 НПО, мы включили его руководителей в состав этого отряда, а рядовых работников (радиотов) – в состав 3 НПО, из которого их забрали.

Всего пока удалось установить 535 имен партизан и подпольщиков из пяти партизанских отрядов соединения и его штаба, что составляет более 90 % личного состава соединения (исключая личный состав РПО). Выявленные списки открывают возможность охарактеризовать в общих чертах личный состав отрядов по половозрастному и профессиональному принципам, выявить героев, доживших до Победы и сложивших головы за Родину, а также дезертиров и предателей (последних – не называя имен).

В основу таблицы, отражающей половозрастные характеристики (табл. 1), мы положили данные о людях основных призывных возрастов 1941–1942 гг. (1900–1924 г.р.) и ветеранов Гражданской войны (1886–1899 г.р.), выделив из них людей преклонного возраста (до 1886 г.р.) и комсомольцев-допризывников (с 1925 г.р.). К сожалению, в собранных персональных данных часто отсутствует указание на год рождения или возраст, для этой категории выделены самостоятельные рубрики. Тем не менее сопоставление реконструированных списков 1–3 НПО и АрПО со списком АПО, в котором возраст не указан только у пяти мужчин (всего 81 боец), позволяет сделать наблюдение, что большинство бойцов всех отрядов составляли люди призывного возраста, имевшие бронь от призыва, аннулированную оккупацией места работы и службы. В каждом отряде была небольшая группа бойцов, которые имели опыт Гражданской войны и, судя по названиям отрядов и прямым указаниям источников, оказывали сильное идеологическое влияние на бойцов соединения и их моральный дух. Допризывников было мало. В основном это дети партизан. Женщины составляли лишь десятую часть отряда. В большинстве своем это были молодые женщины и девушки, здоровые, способные перенести тяготы и лишения войны в горах, где трудно было выжить даже физически сильным людям. Молоденьких девочек в партизанские отряды не брали.

Более 90 % партизан всех отрядов были членами ВКП(б) или комсомольцами. Беспартийных было немного, в основном это бывшие окруженцы и дети.

Анализ сведений о профессиях партизан до поступления в отряды (табл. 2) сталкивается с теми же трудностями, что и оценка половозрастного состава. Исчерпывающие данные имеются только по АПО. Гражданские специальности большинства бойцов 1–3 НПО и АрПО не известны. Однако имеющиеся данные позволяют установить, что первоначальными основами АПО, 1 НПО, АрПО и РПО были партийный, советский и хозяйственный актив Апшеронского, Нефтегорского, Армянского и Рязанского районов. Причем в АПО и АрПО бывшие начальники служили рядовыми бойцами, так как простых работников в этих отрядах было немного. Особенности 1 и 2 НПО являлось то, что наряду с обычной районной элитой в их состав входило руководство трестов «Апшероннефти» и «Хадыженнефти».

Таблица 1. Половозрастной состав партизанских отрядов\*

Половозрастной состав	АПО	1 НПО	2 НПО	3 НПО	АрПО	Всего
Мужчины до 1886 г.	2	1	–	1	–	4
Мужчины до 1900 г.	15	5	6	6	–	32
Женщины до 1900 г.	2	–	1	–	–	3
Мужчины 1900–1924 г.	42	39	62	33	1	177
Женщины 1900–1924 г.	11	6	8	10	1	36
Мужчины с 1925 г.	4	4	11	6	1	26
Женщины с 1925 г.	–	–	–	–	–	–
Мужчины (возраст неизвестен)	5	99	61	33	23	123
Женщины (возраст неизвестен)	–	10	8	3	–	109
<b>Итого мужчин/женщин</b>	<b>68/13</b>	<b>148/16</b>	<b>140/17</b>	<b>79/13</b>	<b>25/1</b>	<b>362/148</b>
<b>Всего</b>	<b>84</b>	<b>164</b>	<b>156</b>	<b>94</b>	<b>26</b>	<b>535</b>

\* В графах «Всего» приведено абсолютное количество бойцов. Эти показатели не всегда дают сумму указанных выше данных и приведены с целью продемонстрировать что численность выявлена на 80–90 %.

Таблица 2. Профессиональный состав партизанских отрядов

Профсостав	АПО	1 НПО	2 НПО	3 НПО	АрПО	Всего
Партсовхозактив	32	17	11	4	10	74
Рядовые работники	12	25	6	29	3	75
Военные	7	6	1	1	–	15
Чекисты	4	4	2	2	1	13
Милиционеры	9	1	–	1	2	13
Пожарные	2	8	39	–	–	49
Медработники	5	7	5	3	1	21
Комсомольцы	7	6	8	21	1	43
Профессия неизвестна	2	99	75	33	8	207
<b>Итого</b>	<b>80</b>	<b>173</b>	<b>147</b>	<b>94</b>	<b>26</b>	<b>535</b>
<b>Численность в октябре</b>	<b>86</b>	<b>150</b>	<b>120</b>	<b>92</b>	<b>30</b>	<b>478</b>

\* В графах «Всего», «Численность в октябре» приведено абсолютное количество бойцов. Эти показатели не всегда дают сумму указанных выше данных и приведены с целью продемонстрировать, что численность выявлена на 80–90 %.



Другой особенностью 1–3 НПО было то, что в их состав вошли рабочие-нефтяники и сотруники служб обеспечения промыслов «Апшероннефти» и «Хадыженнефти» призывного и зрелого возраста, физически сильные и выносливые, как оказалось, хорошо владевшие оружием, но не имевшие боевого опыта. Помимо этого во 2 НПО треть личного состава составили работники военизированной пожарной охраны треста «Хадыженнефти». Судя по всему, в 1 НПО влилась военизированная пожарная охрана треста «Апшероннефти», хотя источники содержат указание только на восемь пожарных.

В 3 НПО упоминается только один милиционер – командир отряда – начальник милиции Ф.В. Филиппов. Однако, по свидетельству моей бабушки М.И. Панковой, работницы паспортного стола и бойца 3 НПО, вместе с Фёдором Васильевичем в истребительный батальон ушли все работники хадыженской милиции, вневедомственной охраны и добровольные помощники милиции, среди которых было много комсомольцев.

В 1–3 НПО была отлажена медицинская служба, которую возглавил фельдшер нефтегорской больницы Иван Трофимович Козич. В каждом отряде было два-три профессиональных медика. Все молодые женщины и девушки были обучены оказанию первой медицинской помощи. Ни одна боевая группа не выходила на задание без сопровождения медсестры. АПО действовал практически автономно. Фельдшера здесь не было, поэтому отряд понес чувствительные небоевые потери. В АрПО к началу боевых действий была направлена опытная медицинская сестра Вера Нарбекова, которая попала в плен при разгроме отряда и была чудом спасена солдатами регулярных частей РККА [1].

В составе АПО, 1–3 НПО в первый месяц боев оказались окруженцы – солдаты и командиры регулярных частей РККА, которым надоело отступать, и они решили примкнуть к партизанам. Эти люди сыграли исключительно важную роль в обучении партизан военному делу и резко повысили уровень боевой подготовки соединения. В сентябре 1942 г. все они были отозваны в тыл. Лишь в АПО, тесно взаимодействовавшем с 40-й отдельной механизированной бригадой, постоянно находились солдаты и командиры регулярной армии, что повысило эффективность действий этого отряда.

Вместе с партийным, советским и хозяйственным активом в партизаны ушли работники управлений НКВД по Апшеронскому, Армянскому и Нефтегорскому районам. Начальник Нефтегорского управления – комиссар и начальник разведки соединения Фёдор Иванович Рябинин – героически погиб. Его обязанности взял на себя его заместитель Гавриил Михайлович Гунько. Сотрудники госбезопасности 1, 2 НПО честно выполнили свой долг [7]. Иначе повел себя начальник Апшеронского управления НКВД, который был назначен командиром АПО. Узнав о приближении немцев к Апшеронску, он бежал со своими приятелями в Сочи, прихватив единственный предназначавшийся отряду пулемет. АПО возглавил первый секретарь Апшеронского райкома С.С. Жуков. В дальнейшем отряд был укомплектован работниками НКВД, которые честно выполнили свой долг и помогли партизанам решить поставленные перед ними задачи, тогда как среди сотрудников НКВД 3 НПО и АрПО оказались предатели [5].

В источниках почти нет указаний на то, что в партизанских отрядах воевали ветераны-пенсионеры С.А. Ильяшенко, М.С. Селезнев, П.С. Галушко (АПО), Ф.И. Прошунин, И.П. Четвериков, П.Н. Шушков, И.С. Готьван (НПО), но на это указывает почтенный возраст некоторых бойцов. С наступлением осени стало ясно, что они могут стать обузой отрядам в горах, поэтому стариков, женщин, больных и детей отправили в тыл. Остались только крепкие старики, имевшие за плечами опыт Гражданской войны, и заядлые охотники. Они хорошо ориентировались в лесу и служили в качестве проводников и солдат тыловой базы. Комсомольцев было относительно немного. Их использовали в основном для проведения разведок. Не имевшая специальной подготовки молодежь в населенных пунктах, где их хорошо знали, в том числе полицейские, имела мало шансов на успех, поэтому их потери оказались весьма ощутимыми.

В боевых действиях АПО и 1–3 НПО четко прослеживаются три этапа. На первом этапе (август – конец сентября 1942 г.), располагаясь в нейтральной зоне, они: 1) выводили из окружения солдат разбитых советских частей; 2) выявляли шпионов и дезертиров и направляли их сотрудникам контрразведки; 3) вели разведку и налаживали связи с подпольем; 4) уничтожали небольшие группы и подразделения противника; 5) совершили ряд удачных нападений: АПО при поддержке

армейской разведки разгромил гарнизон и на короткое время захватил хутор Конобоз. 1 НПО уничтожил немецкого генерала [2: 82, 209, 237, 279, 287, 338].

26–27 сентября 1942 г. основные базы и лагеря 1–3 НПО были внезапно атакованы крупными силами вермахта. Как оказалось, отменников немцы прекрасно знали их расположение. Атака пришлось на время, когда значительные отряды партизан находились на заданиях. Выручили партизаны-ветераны Гражданской войны Я.П. Омиллаев, И.П. Тузов и др. Деда-охотники остались прикрывать отход товарищей, прекрасно понимая, что в силу возраста не имеют шансов спастись от наступавших врагов. В последнем бою снайперским огнем они нанесли гитлеровцам значительный урон и позволили отрядам отступить без серьезных потерь. Только АПО смог сохранить свою базу и продолжил боевую деятельность в прямом взаимодействии с РККА [2: 111–145; 3: 408].

1–3 НПО отдельными группами ушли на переформирование на южную сторону Кавказского хребта, в аул Псеашхо. В отряде остались мужчины средних лет и юноши. На втором этапе из них сформировали диверсионно-разведывательные группы (далее – ДРГ), которые в октябре 1942 г. ограничились лишь разведкой, а после наступления холодной зимы в ноябре – декабре 1942 г. ушли выполнять задачи в тылу у немцев. В отличие от других отрядов 2 НПО зимой 1942–1943 гг. прошел через разрыв фронта в районе пос. Алтубинал и Котловина и основал новую базу на склонах горы Гунай (Боз-Депе). Отсюда он начал рассылать ДРГ по немецким тылам [1: 37–41; 2: 131–147], а затем провел успешную операцию по освобождению 200 советских военнопленных, строивших дорогу из Нефтегорска на Котловину. ДРГ сразу же столкнулись с полицейскими формированиями, подготовленными фашистами за два с половиной месяца оккупации. Большинство ДРГ было разгромлено, но они успели провести успешные диверсии на немецкой буровой скважине в Нефтегорске, не раз взрывали мосты и пути, парализуя движение по железным дорогам: Армавир – Туапсе, Белореченская – Нефтяная и Апшеронск – Мезмай. После войны тела павших героев торжественно похоронили в Апшеронске, Хадыженске, Нефтегорске, Нефтяной и др. [2: 145–171; 3: 50–54].

С помощью предателей гитлеровцам удалось нанести серьезный урон подполью. Полицаями были зверски замучены попавшие в их руки юноши и девушки. Однако подпольщикам удалось уничтожить нефтеперегонный агрегат, который немцы пытались запустить для переработки нефти, пробивающейся на поверхность из уничтоженных скважин. Подпольной группе инженера Н.Ф. Бурлака и пленным инженерам Алексеенцеву и Лихолаю удалось не только саботировать капитальный ремонт скважин, но и спасти 300 военнопленных, используемых немцами на этих работах [2: 172–200, 243–267].

После Сталинградской битвы назревала катастрофа с окружением и разгромом армий вермахта на Северном Кавказе. В двадцатых числах января 1943 г. Э. Манштейн отдал приказ об отступлении к Ростову-на-Дону и на Таманский полуостров. Организованного отхода с Туапсинского направления на Армавир не получилось. В лютую непогоду партизаны провели советские части в тыл немцам и отсекали арьергард противника на отлогах Гунайского хребта. Врагу был нанесен тяжелый урон. 27 января 1943 г. оба районных центра (пос. Хадыженский и Апшеронский) были освобождены. На третьем этапе партизанские отряды были переформированы в истребительные батальоны [4: 51–54].

Предварительный анализ состояния соединения по итогам боевых действий показывает, что оно понесло безвозвратные потери в 151 человек. Из отряда по различным причинам выбыл 21 человек, но в действительности покинувших отряд было больше (табл. 3). По прямому указанию источника, осенью в тыл только за один раз было отправлено 44 чел. – пожилых бойцов, женщин и детей [2: 130, 299]. А были еще отправки раненых, больных, нефтяников, отозванных на поиски нефти в Среднюю Азию. Не обошлось и без предательства. Руководству соединения совместно с прикрепленными сотрудниками НКВД удалось выявить в своих рядах 29 предателей, не считая разоблаченных шпионов-окруженцев. После освобождения 344 партизанам предстояло продолжить войну или приступить к восстановлению промыслов «Майнефти». Благо, что немцы бросили при отступлении все привезенные ими трубы и нефтяное оборудование. Вскоре тресты «Апшероннефти» и «Хадыженнефти» дали стране первую нефть, которую фашисты так и не получили.

**Таблица 3.** Судьбы членов партизанских отрядов к началу 1943 г.\*

	АПО	1 НПО	2 НПО	3 НПО	АрПО	Всего
Пережившие оккупацию	40	89	132	46	12	344
Погибшие и без вести пропавшие	31	59	11	41	9	151
Выбывшие (44)	7	2	8	4	–	21
Дезертиры и предатели	5	13	5	3	5	29
<b>Всего</b>	<b>83</b>	<b>163</b>	<b>156</b>	<b>94</b>	<b>26</b>	<b>535</b>

\* В графе «Всего» приведено абсолютное количество бойцов. Эти показатели не всегда дают сумму указанных выше данных и приведены с целью продемонстрировать, что численность выявлена на 80–90 %.

Рассекречивание и ввод в научный оборот в полном объеме де-лопроизводственной документации Южного штаба партизанского движения и партизанских соединений (кустов) Кубани несомненно позволит проверить и уточнить сделанные нами наблюдения. Однако уже сейчас открывается возможность просопографического анализа данных о личном составе партизанских отрядов, что позволит по достоинству и верно оценить их победы и неудачи, человеческий подвиг, самопожертвование и подлость и низость предательства. Понять, как была достигнута конечная цель – Победа, без политических спекуляций, лакировки и прикрас.

### Источники и литература

1. Воспоминания ветеранов 2-го Нефтегорского партизанского отряда о боевых действиях против фашистских оккупантов в 1942–1943 годах. Материалы по истории города Хадыженска / сост. и отв. ред. И.О. Тюменцев. Волгоград, 2021.
2. *Готьван Ф.С.* Шумит Гунай: историко-литературная повесть о бойцах Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани в 1942–1943 годах. Волгоград, 2012.
3. Книга Памяти Краснодарского края. Т. 9. Краснодар, 1994.
4. Кубань в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Хроника событий: в 2 кн. Кн. 1 / сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. 3-е изд. Краснодар, 2011.
5. *Тюменцев И.О.* Документы и воспоминания командира Апшеронского партизанского отряда Нефтегорского соединения партизанских

- отрядов Сергея Сергеевича Жукова // Русский архив. 2016. Т. 13 (3). С. 232–265.
6. Тюменцев И.О. История Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани в повести Ф.С. Готьвана и воспоминаниях партизан // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Волгоград, 25–26 сентября 2015 года: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. С.Г. Сидоров. Волгоград, 2015. С. 434–441.
  7. Тюменцев И.О. Оперативные записи и личные документы заместителя командира по разведке Нефтегорского соединения партизанских отрядов Кубани Г.М. Гунько // Русский архив. 2022. Т. 10 (2). С. 120–136.
  8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 4373. Оп. 1. Д. 125.

**Л.А. Терушкин**

### **СПАСЕНИЕ ЕВРЕЕВ ЖИТЕЛЯМИ ЮГА РОССИИ в 1942–1943 гг. КАК ФОРМА СОПРОТИВЛЕНИЯ ОККУПАЦИОННОМУ РЕЖИМУ**

В 2023 г. исполняется 80 лет крупнейшим сражениям Великой Отечественной войны. В 1943 г. победы в Сталинградском сражении, Битве за Кавказ привели к освобождению южных областей РСФСР.

По мере продвижения Красной армии становились всё более широко известны преступления оккупантов, в частности масштабы Холокоста – уничтожения еврейского населения (места и даты этих преступлений, их организаторы и исполнители из числа германских и румынских военнослужащих, местных коллаборационистов). Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК) в марте – апреле 1943 г. начала работу по расследованию преступлений. Однако значительная часть документов личного происхождения – устные и письменные свидетельства очевидцев, случайно уцелевших жертв, их родных и близких – оставались вне фиксации и изучения.

Поиск свидетельств об уничтожении евреев целенаправленно проводился в рамках подготовки «Черной книги» И.Г. Эренбургом

и В.С. Гроссманом. Но «Черная книга» целиком была издана только в наше время [7]. Она включает свидетельства, подвергавшиеся литературной обработке. Это показывает сравнение документов из «Черной книги» и первоисточников (исходных документов – писем, очерков). Например, в очерке «Ростов-на-Дону» приведено свидетельство врача Людмилы Иосифовны Назаревской (настоящая фамилия – Назаревич) [7: 287–288]. Но она была не просто очевидцем, что удалось выяснить при активном участии регионального представителя НПЦ «Холокост» В.В. Хилькевич (Армавир).

В августе 2022 г. Центр «Холокост» обратился в отдел «Праведники народов мира» Мемориального комплекса «Яд Вашем» (Иерусалим) с пакетом документов и просьбой рассмотреть вопрос о присвоении звания «Праведник народов мира» (посмертно) Л.И. Назаревич. В период оккупации в 1942–1943 гг. она укрывала в своем доме еврейскую семью в составе: Овчинниковой (Веселой) Светланы Наумовны (проживает в Ростове-на-Дону), ее матери Веселой Надежды Львовны (Неси Лазаревны), сестры Галины (Беллы) Наумовны [5: 1]. Этот факт упомянут в Энциклопедии «Холокост на территории СССР» [6: 869]. Глава семьи Наум Яковлевич Веселый был тогда в рядах Красной армии.

Из переписки солдат и офицеров Красной армии со своими близкими, друзьями, соседями часто можно выяснить подробности о судьбах выживших и погибших, об условиях жизни в оккупации, о тех, кто участвовал в уничтожении евреев, да и не только евреев. И о тех, кто спасал, рискуя жизнью, тоже. Эти авторы писем и дневников были очевидцами и жертвами преступлений нацизма. Они выжили и первыми стремились поделиться пережитым. А есть еще предсмертные записки жертв, сохранившиеся и обнаруживаемые даже сегодня в государственных архивах и личных коллекциях.

В конце января 1943 г. был освобожден Орджоникидзевский край, вскоре переименованный в Ставропольский. Расследование ЧГК весной – летом 1943 г. установило число жертв оккупации края (с августа 1942 г.) в 31 645 человек (это только гражданское население). Из них не менее 27 000 евреев, уничтоженных в 85 населенных пунктах края [6: 694].

Кисловодск был захвачен германскими войсками 14 августа 1942 г. А 7 сентября под угрозой смертной казни евреям предписывалось

явиться 9 сентября на железнодорожную станцию, якобы для переселения на Украину. Прибывшие, в том числе доставленные из других мест Кавказских Минеральных Вод, были вывезены в район стекольного завода в г. Минеральные Воды, где было расстреляно 7500 человек. Часть евреев Кисловодска (322 человека) была расстреляна в районе горы Кольцо [6: 414].

В июне 2019 г. в г. Минеральные Воды на месте расстрела у стекольного завода в рамках программы «Вернуть достоинство» Российского еврейского конгресса (далее – РЕК) и НПЦ «Холокост» был открыт мемориал памяти жертвам Холокоста. Там указаны имена более 1000 жертв (из 7500), которые удалось восстановить. Но поиск имен не закончился. В сентябре 2021 г. там же прошли памятные и образовательные мероприятия. При этом на мемориале, по инициативе РЕК появились еще дополнительные таблички с именами 17 местных подпольщиков. Эти 17 не имели к евреям никакого отношения, но оккупанты казнили их за два дня до освобождения города Красной армией на том же месте, где расстреливали евреев.

После этой встречи в Центр «Холокост» обратилась Анна Львовна Скобликова из Санкт-Петербурга. Она сообщила, что ее родные по линии отца были отправлены на расстрел из Кисловодска и Пятигорска в Минеральные Воды в начале сентября 1942 г. Они успели оставить прощальные письма. А.Л. Скобликова хотела, чтобы эти документы хранились в архиве Центра. Отец А. Скобликовой Лев Григорьевич Левин, находясь на фронте, в 1942 г. утратил связь с родными. Погибли родные Льва – отец Григорий Борисович, мать Розалия Эммануиловна, сестра – Юдифь (Юлочка), бабушка – Анна Нейман, тетя – Анна Трубкина с семьей.

Из письма Г.Б. Левина: «Надежды на то, что останемся в живых, очень мало. Вернее, никакой. Как вам известно, нас все время убаюкивали, что все благополучно, и, когда уже угроза была на носу, все-таки никого не выпускали и только 5 августа утром нам выдали пропуски, но ехать было не на чем. Даже раненые в госпиталях пошли пешком на костылях. 6-го вечером мы тоже вышли. Отошли от Кисловодска километров 50 и так обессилели, что увидели, что добраться до Махачкалы не сможем... 5-го сентября был объявлен приказ утром, что к 5 часам дня все евреи должны явиться на вокзал имея при себе



не более 20 кг багажа, включая сюда продукты на несколько дней... Отправят нас в 6 час. Куда неизвестно, но, вероятно, туда же, куда отправили уже не одну тысячу евреев. Трудно очень сосредоточиться. А так много хотелось бы сказать, как хотелось бы всех видеть. Неужели Лёля останется круглым сиротой, если он останется в живых. Как нас мучает этот вопрос. Хотя взглянуть бы на одну минутку и, кажется, легче было бы умереть. Юлочке придется разделить судьбу вместе с нами» [1: 2]. Есть в письме и фраза Г.Б. Левина на идиш, которую мы перевели: «Будьте здоровы, мои дорогие, не хочется уходить из этого светлого мира, всем от меня привет» [1: 3].

Семья Левиных эвакуировалась осенью 1941 г. из Харькова. Они проживали в Кисловодске в доме местной армянской семьи Савадовых. Это предсмертное письмо и хранилось у Савадовых до 1946 г., когда их посетил Лев Левин, благополучно прошедший всю войну. Савадовы оставили у себя и спасли от гибели племянника Льва Левина Гарика (1930–2016) – единственного, кто уцелел из всей семьи и дождался Льва. В 1968 г. Гарик – Григорий Александрович Острин был принят в московский театр «Современник», где прослужил до конца жизни.

Подобные письма из личных и семейных архивов помогают не только восстановить детали трагедий, что весьма важно для мемориальных и образовательных программ, но в них мы находим имена тех, кто помогал евреям выжить – кандидатов на звание Праведника народов мира. Такие сведения дают нам основания обратиться в «Яд Вашем» с вопросом о присвоении этого звания, как в случае с семьей Савадовых.

Вот еще трагическая история, похожая на историю семьи Левиных. Только здесь нет спасенных... В 2022 г. в архив Центра «Холокост» написала Анна Тракинер из Германии. Ее дедушка Леон Аронович Тракинер в 1941–1946 гг. служил в Заполярье, закончил войну в звании капитана. Родственники Л. Тракинера жили в Пятигорске еще с конца 1930-х гг. Сохранилось письмо, отправленное в Пятигорск, на ул. Дзержинского, уже в 1943 г.: «Здравствуйте, дорогие папа и сестра! Спешу поздравить Вас с освобождением гор. Пятигорска от фашистской сволочи. Очень прошу немедленно напишите ответ по адресу 194 Полев. Почта, часть 530. Тракинер. Надеюсь, что это письмо, если нет отца

или сестры, кому-нибудь да попадет. Прошу ответить по вышеуказанному адресу. Желательно с местоуказанием моих родителей или их судьбы. С фронтовым приветом. Леон» [2: 1]. Письмо вернулось отправителю с краткой записью: «Семья репрессирована немцами, как евреи» [2: 2]. Семья Тракинер: отец Арон Моисеевич Тракинер (62 лет), сестра Роза (около 30 лет), ее сын Борис (3 года) и Макс Григорьевич Тракинер [2: 3]. На мемориале в Минеральных Водах пока есть только имя Макса Тракинера. Именами погибших из семей Левиных и Тракинер еще предстоит дополнить список жертв на мемориале. И поэтому так важен поиск свидетельств (писем и воспоминаний). Все подобные документы оставались на протяжении 80 лет печальными семейными реликвиями и единственным свидетельством гибели близких. Давно уже нет в живых авторов этих писем, но их свидетельства продолжают храниться у потомков адресатов наряду с сохранившимися фотографиями. Спасение евреев (или даже сочувствие им) самым беспощадным образом преследовалось германскими властями на всей оккупированной территории Советского Союза. Тот, кто был готов помогать, спасать, отдавал себе отчет, какому риску подвергал себя, свою семью, даже своих соседей. Последние, кстати, были разными людьми, многие были готовы сообщить оккупантам о скрывающихся евреях, бежавших военнопленных-красноармейцах или укрытых в чьих-то домах раненых. И о тех, кто укрывал и прятал, тоже доносили. У Семена Савадова, главы вышеупомянутой семьи, были две дочери, а три его сына сражались на фронте и остались живы. Савадовы не могли не понимать, что легенда о том, что светловолосый и голубоглазый мальчик в армянской семье – якобы внебрачный сын одной из дочерей Савадовых от русского, не особо убедительна. Ну для немцев, может, и сработает на какое-то время, а соседи догадаются. Они знают, что еще год назад этого мальчика не было в доме по улице Клары Цеткин (дом сохранился до сих пор, там живут внуки Савадовых).

Еще в декабре 2020 г. в Кисловодске была открыта Аллея Праведников народов мира в память о местных жителях, рискующих своей жизнью ради спасения евреев. 20 февраля 2023 г. звание Праведника было посмертно присвоено еще двоим – П. Дарпиняну и его жене Е. Еланцевой. Дело о признании подвига тянулось с 2015 г.

Из письма руководителя Кисловодской еврейской общины Т.В. Якубовской в НПЦ «Холокост» от 18 июня 2019 г.: «...обращаемся к Вам с просьбой помочь в продвижении решения о присвоении звания «Праведник народов мира» семье Дарпиньян Павла и Еланцевой Елены, которые в период оккупации Кисловодска прятали у себя в доме семью Сухих Галины Семеновны. <...> Она пожилая, больная женщина. Для нее очень важно увековечить память своих спасителей. Каждый дополнительный год ожидания для нее может стать последним» [3: 1]. К сожалению, Галина Сухих (1942–2021) не дожидая этого решения «Яд Вашем».

«Эти тяжелые воспоминания о спасении нашей семьи были рассказаны мне моей мамой. С 1934 г. моя мама жила в г. Кисловодске по ул. Коммуны, д. № 8. Ко времени оккупации города фашистами, у нее было трое детей: дочь 1935 г.р., сын 1937 г.р. и я – дочь, рожденная 1 января 1942 г. Жили мы в многоквартирном доме, где ближайшими соседями были: Боташева Тина Николаевна с сыном Эдуардом восьми лет и Ермакова Мария Дмитриевна с сыном Жоржем, призванным на фронт. Отношения между всеми были добрососедскими.

Одним из первых распоряжений фашистских властей, предписывалось всем лицам еврейской национальности явиться с документами в комендатуру города и зарегистрироваться. В это время у нас дома гостила родственница Фира, приехавшая со своим малолетним сыном Рувимом из г. Ленинграда для лечения на водах больных ног мальчика. Фира пошла на регистрацию. А мама, не поверив объявлению фашистов, не пошла. Через несколько дней появилось распоряжение немецких властей: “Всем евреям, прошедшим регистрацию, взять с собой документы, имеющиеся драгоценности и еду на трое суток, явиться на железнодорожный вокзал для отправки по месту следования”.

Моя мама вместе с Фирой испекли несколько пирожков, в картофельную начинку которых заложили имевшиеся у Фирмы украшения. С этим свертком Фира с сыном уехали. Всех отъезжающих погрузили в вагоны для перевозки скота и по пути следования поезда, на всех остановках, вагоны пополнялись такими же жертвами. Их довели до г. Минеральные Воды. Там всех выгрузили и возле стекольного завода расстреляли. Как рассказала маме Т.Н. Боташева, работавшая в это время переводчиком у бургомистра города, в день отправки

евреев на станции “Товарная” немецкий патруль обнаружил сверток с пирожками, начиненными золотыми украшениями. Патруль сдал эту находку властям. Мама поняла, что это Фира выбросила сверток, поняв, что они обречены на смерть. Через несколько дней, придя с работы, Тина Николаевна предупредила маму, о доносе, что по указанному адресу осталась еврейка с тремя детьми. Донос написала соседка. Поэтому маме необходимо срочно, сегодня же ночью, скрыться с детьми. В два часа этой же ночи, забрав детей, моя мама ушла из дома на улицу Огородная д. № 9 в бездетную семью Дарпиньян Павла Яковлевича и его жены – Еланцевой Елены Викторовны, которые и спрятали нас в подвале собственного дома.

Еще до революции родители моей мамы приютили у себя пятилетнюю девочку-сироту Лену, которая жила у них до 16 лет. Получив профессию парикмахера, она уехала. Связь с ней прервалась на долгие годы. В 1940 г., случайно, на рынке Кисловодска, мама встретилась с Леной. Оказалось, что Лена замужем за Дарпиньяном. Детей у них нет. Живут в собственном доме, это был большой каменный дом со стеклянной верандой и садом. Под всем домом находился хозяйственный подвал для хранения угля, дров и ненужных личных вещей. Вход в подвал был сверху на веранде через открывающийся люк. Спустив всех нас вниз, хозяин накрыл люк ковром и сверху поставил старый буфет.

В подвале не было освещения и окон. Имелось лишь маленькое отверстие – воздухопровод 40 на 40 см. Маме дали маленькую коптилку и туалетное ведро. Из старого хлама мама соорудила некое подобие лежанки, на которой мы все спали. Один раз в сутки, ночью, через это отверстие Павел Яковлевич приносил нам воду и еду из того, что ели сами, и забирал туалетное ведро.

Выходить из подвала нам было нельзя, так как рядом жили соседи, которые могли донести на нас. В моей младенческой памяти навсегда остался желтый огонек коптилки на черном фоне стен подвала и угля. Так мы просуществовали в подвале до освобождения города от фашистов в январе 1943 г. Конечно, из подвала все вышли больными... Вернувшись домой, мама узнала, что на следующий день после нашего исчезновения приходил немецкий офицер с переводчиком и опрашивали соседей, куда мы могли деться. Никто ничего не знал, и фашисты

ушли. Перед своим отступлением фашисты расстреляли еще более 200 жителей у Кольцо-горы, среди которых были и “недоносители”.

После освобождения города Боташеву Т.Н. вместе с сыном выслали на Дальний Восток. В 1972 г. приезжал ее сын и сообщил, что она умерла в ссылке в 1969 году. Елена Еланцева умерла в 1977 г. Дарпиньян Павел умер в 1982 г.

В моем сердце, в сердцах моих детей и внуков навсегда останется благодарная память людям, которые с большим риском для собственной жизни спасали нашу семью» [3: 1–3].

Как видим, тут были совсем не такие соседи, как у Савадовых в истории спасения Гарика Острина...

А вот здесь еще предстоит работать и собирать документы. Эту историю и документы предоставил А.Н. Кричевский из Москвы.

«Я, Ваниева Елизавета Магометовна, 1939 г.р., дочь Ваниевой Фриды Абрамовны (1915–1994), сообщаю об известных мне от моей матери обстоятельствах, при которых были спасены наши жизни Ваниевым Мазаном Асламорзаевичем (1875–1973) и Елоевой Хухой Дзанхотовной (1885–1973) – моими бабушкой и дедушкой по отцовской линии. В 1942 г., когда немцы подходили к Северному Кавказу, мы жили с родителями в ауле Эрсакон (ныне – Адыге-Хабльский район Карачаево-Черкесской Республики. – Л. Т.). Отец был болен туберкулезом. Дедушка увез меня и отца на хутор Лесгор (ныне – село в Ирафском районе Республики Северная Осетия – Алания. – Л. Т.), где фашистов еще не было, а мама вступила в Кувинско-Икон-Халковский партизанский отряд, который действовал в районе Марухского перевала, где принимала участие в боевых действиях в должности начальника санбата с 4.08.1942 г. по 28.08.1942 г. В отряде оказался предатель, который выдал немцам места, где были складированы продовольствие и вооружение для всего отряда. Как только отряд подходил к этим местам, его встречали вражеские пулеметные очереди. В отряде был начальник Кувинского РОВД Черемешин Ф.В., который выдал маме паспорт на имя Ваниевой Фаттимат Абдуловны (по национальности – осетинка), на случай если попадет в руки фашистам. Где-то возле Марухского перевала оставшихся в живых разделили на группы, одна из них через горы двинулась в сторону Пятигорска, чтобы затеряться среди населения и перейти в подполье. В один из дней мама пробралась к родителям мужа на хутор Лесгор. Там же находилась и я с отцом.

Мама находилась на нелегальном положении, скрывалась. Но хутор маленький и все обо всех знают. Однажды в доме появился полицай с солдатом. Они пришли за мамой. Дедушка Мазан поговорил с полицаем на осетинском языке. Он пригрозил полицая кровной мезтью, и что он сожжет его дом. Кроме того, паспорт был в порядке. Так мама избежала ареста, гибели. И я тоже. В октябре 1943 г. отец умер, а мы оставались на Кавказе до 1946 г. и затем переехали в Крым, поближе к родственникам мамы. До конца жизни мама поддерживала теплые отношения с родственниками отца. Они приезжали к нам в Крым, а мы каждые два года ездили на Кавказ к бабушке и дедушке» [4: 2–3].

Наше общество, педагоги, историки должны осознать значение того, что совершали Праведники народов мира – граждане России, Советского Союза. Много есть исследований о мотивах помощи евреям со стороны спасителей. Ведь это люди, которые были готовы рисковать ради других, часто совершенно незнакомых людей. Впрочем, спасая знакомых, рисковали не меньше. В нескольких примерах, приведенных выше, часто упоминаются те, кто сотрудничал с нацистами. Да, эта была весьма распространенная форма коллаборационизма – сегодня доносим на скрывающихся евреев, завтра – на семью партизан, на подпольщиков, послезавтра – на красноармейцев. Но спасение евреев – тоже способ сопротивления оккупантам. Спасая чужих людей и детей, рискуя своими детьми, эти люди, кстати разных национальностей, социального положения, менталитета, боролись с германскими оккупантами и их пособниками. Поиск документов о спасении, сопротивлении, увековечивании имен жертв и спасителей позволяет привлечь внимание к семейным архивам, к биографиям родных и близких.

### **Источники и литература**

1. Архив НПЦ «Холокост» (далее – АНЦЦХ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 157.
2. АНЦПХ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 168.
3. АНЦПХ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 75.
4. АНЦПХ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 92.
5. АНЦПХ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 122.
6. Холокост на территории СССР: энциклопедия / гл. ред. И.А. Альтман. М., 2009.
7. Черная книга / под ред. В.С. Гроссмана, И.Г. Эренбурга. М., 2015.

**В.Б. Бесолов****СУДЬБА ПОДПОЛЬЩИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ  
ОСЕТИНКИ СЕРАФИМЫ КУДЗИЕВНЫ МАДЗАЕВОЙ (1888–1942 гг.)**

Многонациональная Республика Северная Осетия – Алания свято чтит имена тех, кто освобождал ее территорию от гитлеровских оккупантов. Свидетельство тому – воздвигнутые памятники воинам-землякам, героически погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. На мемориальных досках, монументах защитникам Эльхотовских ворот, Алагирского, Куртатинского, Суарского и Дигорского ущелий, в многочисленных памятниках павшим в боях за освобождение городов и селений Северной Осетии от гитлеровских оккупантов запечатлен подвиг воинов многонациональной Красной армии, в том числе женщин тыла: партизанок, подпольщиц, разведчиц, диверсанток. Вкладу народов Северного Кавказа в победу в Великой Отечественной войне, в том числе женщин, посвящены работы А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая, Е.Ф. Кринко, Г.Н. Каменевой, Т.Т. Худалова [1; 4; 6; 7 и др.].

В Северной Осетии с 1945 г. устанавливали стелы и воздвигали памятники (монументы, обелиски, мемориальные комплексы и изваяния на братских могилах), посвященные Великой Отечественной войне. К настоящему времени в республике установлено более 280 мемориальных знаков. Наиболее известны мемориальный комплекс защитникам Эльхотовских ворот, скульптурный памятник Петру Барбашову, символический памятник семи братьям Газдановым, не вернувшимся с войны (изображенным в виде семи улетающих журавлей), обелиски, посвященные знаменитому полководцу, дважды Герою Советского Союза, Герою Монгольской войны, генералу-армии Иссе Александровичу Плиеву и многие другие.

Одна из самых драматических страниц в истории Алагира – это немецко-фашистская оккупация города и прилегающих сельских поселений, которая длилась 54 дня, с 1 ноября по 24 декабря 1942 г. В этот период в городе были расквартированы специальные подразделения СС, оперативные карательные отряды из служащих гестапо и полиции нацистской Германии. Их целью было выявление и ликвидация комсомольского и партийного актива, проведение розыскных

мероприятий и арестов, уничтожение советских партийных работников, сотрудников НКВД, армейских политработников и офицеров, борьба с проявлениями антинемецкой деятельности, захват учреждений, имеющих картотеки и архивы и т.д.

Гитлеровцы с помощью агентов гестапо выявляли и арестовывали граждан, настроенных против нацистского режима. Они допрашивали, пытали и казнили людей, выполнявших боевые задачи, ведущих разведывательную, диверсантскую, партизанскую и подпольную деятельность. На протяжении 54 дней Алагир стал центром карательных органов, действующих в самом городе и ближайших его окрестностях: поселке УЗК, а также в селениях Ход, Црау, Бирагзанг, Пригородное (ныне – Рамоново) и других. Центральная резиденция нацистов находилась в самом центре Алагира, где подвальные и полуподвальные помещения предназначались для военнопленных, большевиков и подозрительных лиц, задержанных немецкой полицией и карательными отрядами.

В годы Великой Отечественной войны женщины воевали наравне с мужчинами и активно действовали в тылу врага. Смелые и сильные духом осетинские подпольщицы, партизанки, разведчицы вели свою борьбу с захватчиками. Подвиги совершили Ч.М. Басиева, Р.К. Караева, С.К. Мадзаева, К.Н. Хацаева, Т.Ф. Цицилина и другие [2; 3]. Ценой собственных жизней, не сдаваясь под пытками, они ковали победу. Тихая война смелых девушек и сильных женщин, действовавших на протяжении почти двух месяцев в 1942 г., заканчивалась практически всегда одним исходом – мучительной смертью.

Немецко-фашистские оккупанты в конце 1942 г. по доносу агента-предателя прервали жизнь стойкой и смелой Серафимы (Шафетки) Кудзиевны Мадзаевой (1888–1942). Она трудилась в должности партийного организатора колхоза «Сельмаш». В дневнике воспоминаний фактического руководителя Алагирского партизанского отряда и очевидца того времени под № 8 имеется запись о гибели С.К. Мадзаевой. «Немецкие оккупанты застали ее в городе Алагир. О ней вскоре донесли, кем является и где работает член Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Ее арестовали, поместили в камере смертников, а затем арестовали сына Шафетки – Георгия, который работал в гестапо. После неоднократных допросов, мучительных пыток



и истязаний их обоих расстреляли во дворе Алагирского районного отдела НКВД»<sup>1</sup> [5].

Находчивая, целеустремленная и умная осетинская подпольщица С.К. Мадзаева к началу оккупации была уже зрелым человеком, женой и матерью, общественным деятелем. Вместе с Ч.М. Басиевой, К.Н. Хацаевой, Т.Ф. Цицилиной и другими местными девушками С.К. Мадзаева, как и ее сверстница Р.К. Караева, вела подпольную деятельность в Алагире во время оккупации в период с 1 ноября до убийства в декабре 1942 г.

Совсем иной выбор сделал взрослый сын С.К. Мадзаевой. В воспоминаниях фактического начальника Алагирского районного отдела НКВД есть такая запись: «28 октября 1942 года Мадзаев Георгий Баблеевич приехал из города Орджоникидзе и передал мне приказ, подписанный заместителем министра НКВД Дзобаевым, о том, что он, Георгий Мадзаев, зачислен работником Алагирского районного отдела милиции. Он попросил меня разрешить ему сходить домой, а завтра явиться на работу. Но он больше не появился, а потом, как оккупировали немцы город Алагир, он сразу устроился в гестапо» [5].

Далее, в том же дневнике воспоминаний начальника Алагирского районного отдела НКВД под № 14 читаем: «Мадзаев Георгий Баблеевич работал учителем Алагирской средней школы. 28 октября 1942 года зашел в кабинет начальника Алагирского районного отдела милиции и предъявил приказ, подписанный заместителем министра НКВД Дзобаевым Афанасом, о том, что Мадзаев Г.Б. назначается участковым уполномоченным Алагирского районного отдела милиции. Приказ о Г.Б. Мадзаеве получил начальник отдела кадров, и он попросил начальника, чтобы ему разрешили сходить домой. Начальник отдела кадров разрешил, но Г.Б. Мадзаев ушел и больше не показался в Алагирском районном отделе милиции.

1 ноября 1942 года немецко-фашистские агрессоры оккупировали город Алагир, и Мадзаев Георгий Баблеевич почему-то очутился среди сотрудников гестапо. В то время мать Г.Б. Мадзаева работала секретарем партийной организации колхоза “Сельмаш”. По-видимому, начальнику гестапо пояснили, кто такой Г.Б. Мадзаев и его мать

<sup>1</sup> Фрагменты из дневника приводятся с исправлением орфографических и пунктуационных ошибок и опечаток.

Шафетка Мадзаева. Обоих арестовали и расстреляли во дворе Алагирского районного отдела НКВД» [5].

Разведчицы, партизанки и подпольщицы ценой своей жизни внесли весомый вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками города Алагир и окрестных сельских поселений Северной Осетии. Никто из них при жизни не был удостоен весомой награды. Только благодаря проявлению активности родных братьев и родственников Ч.М. Басиева спустя несколько десятилетий была посмертно награждена Орденом Отечественной войны I степени.

О подвигах осетинских девушек и женщин перед малой родиной и великой страной мы обязаны помнить, их деяния нельзя забыть! За неполные два месяца оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Алагир и окрестных сельских поселений Алагирского района Северной Осетии местными девушками и женщинами было совершено много подвигов. Каждая из них готова была отдать свою жизнь за свою Родину. Низкий поклон и вечная память славным девушкам и женщинам – партизанкам и подпольщицам, имена которых золотыми буквами должны быть написаны в истории города Алагир, Алагирского района и Республики Северная Осетия – Алания!

Среди зданий и прочих сооружений, связанных с Великой Отечественной войной, мемориальных знаков и комплексов, братских могил, ныне существующих на территории города Алагир и Алагирского района Республики Северная Осетия – Алания, значительный интерес представляет Братская могила жителей города, зверски замученных в камере смертников и убитых немецко-фашистскими оккупантами в ноябре – декабре 1942 г. Она находится в 40 м севернее автотрассы между городом Алагир и селением Црау и пребывает в настоящее время в крайне примитивном состоянии благоустройства, с обелиском из бетона, воздвигнутым в середине XX в.

В Алагире установлен бюст Ч.М. Басиевой. Мы считаем необходимым установить бюсты выдающихся партизанок и подпольщиц Р.К. Караевой, С.К. Мадзаевой, К.Н. Хацаевой. По личной просьбе автора этих строк известный осетинский скульптор И.П. Демеев уже создал в глине образ К.Н. Хацаевой, высоко оцененный ее ныне здравствующими родственниками. Теперь И.П. Демеев трудится над созданием скульптурных образов Р.К. Караевой и С.К. Мадзаевой.

Над архитектурным проектом идейного замысла о композиционном и стилевом единстве всех четырех скульптур работает автор данной статьи. С бывшими своими учениками – выпускниками архитектурно-строительного факультета Северо-Кавказского горно-металлургического института – он также трудится над проектом планировки, благоустройства и архитектурно-художественного оформления указанной братской могилы.

### Источники и литература

1. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.
2. *Бесолов В.Б.* Легендарная и бесстрашная партизанка Великой Отечественной войны – осетинка Ксения Николаевна Хацаева (1912–1942) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы II Всерос. науч. конф., приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (г. Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. В 2 ч. Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2021. С. 247–256.
3. *Бесолов В.Б.* Судьба легендарной подпольщицы Великой Отечественной войны Разиат Камболовны Караевой // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы III Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2022. С. 77–83.
4. *Каменева Г.Н.* Нравственные уроки Великой Отечественной войны: женщины Северного Кавказа в партизанском движении региона // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2009. № 2. С. 1–9.
5. Рукопись воспоминаний фактического командира Алагирского партизанского отряда, начальника Алагирского районного отделения НКВД майора Михаила Дрисовича Сопоева (1905–1991) // Личный архив Тамары Михайловны Сопоевой (род. в 1947 г.).
6. *Худалов Т.Т.* В тылу врага / 2-е изд., доп. Орджоникидзе, 1980.
7. *Худалов Т.Т.* Северная Осетия в Великой Отечественной войне. Владикавказ, 1992.

**А.В. Аверьянов**

## **СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС О ПРИЗНАНИИ ГЕНОЦИДОМ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Рассмотрение дела и вынесение решения о признании геноцидом нацистских расправ в отношении мирного населения по итогам судебного процесса в Ростовском областном суде 15 марта 2022 г. стали важным этапом в выявлении преступлений, не имеющих срока давности. Первые судебные процессы по делам нацистских преступников и их пособников из числа коллаборационистов прошли в СССР с 1943 по 1947 г. В том числе в Краснодаре, Краснодоне, Харькове, Смоленске, Брянске, Ленинграде, Минске, Николаеве, Киеве и других городах.

В ходе работы Международного военного трибунала в Нюрнберге в 1945–1946 гг. в обвинительных актах в качестве описательного термина впервые широко использовалось понятие «геноцид». Международный признанный правовой статус оно получило в декабре 1948 г. после принятия Генеральной Ассамблеей ООН «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» [3]. Геноцид в юридической международной практике стал квалифицироваться как тягчайшее преступление против человечности.

Преследование нацистов и их пособников продолжалось после войны в разных странах, в том числе в Советском Союзе. В Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ставрополе в 1950–1970-е гг. прошли суды над карателями – участниками зондеркоманд, участвовавших в расправах над мирными гражданами, в том числе в Змиёвской балке [2: 46–47].

Возросший интерес к судьбе гражданского населения в годы Великой Отечественной войны в научном и общественном пространстве повлек за собой публикацию архивных документов и других материалов. Ключевую роль в этом процессе сыграл федеральный проект «Без срока давности», направленный на увековечение памяти гражданского населения, пострадавшего в годы войны от рук немецко-фашистских оккупантов и их пособников [1]. В ходе его реализации был накоплен огромный пласт информации о карательных акциях оккупантов

на территории РСФСР и о погибших от рук захватчиков советских гражданах. В проекте участвовали специалисты разных отраслей науки, общественники, в том числе поисковики. Проект «Без срока давности» стал крупнейшим за всю историю Советского Союза и Российской Федерации по количеству привлеченных специалистов и массиву накопленных документов, посвященных карательной политике со стороны нацистской Германии в отношении мирного советского населения в годы Великой Отечественной войны.

Материалы проекта стали документальной базой для судебных процессов в ряде городов РФ о признании геноцидом преступлений немецко-фашистских захватчиков. Судебный процесс в Ростовском областном суде, который состоялся 10 февраля – 15 марта 2022 г., стал третьим после судебных процессов в Новгородской и Псковской областях, где преступления нацистов в отношении мирных жителей и военнопленных на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны были признаны геноцидом против народов СССР. На заседаниях ростовского суда была дана правовая оценка карательной политике нацистской Германии на Дону, подтверждены масштабы и характер злодеяний оккупационных властей.

Для подготовки и проведения судебного процесса в Ростовском областном суде были объединены усилия широкого круга специалистов, в том числе архивистов, поисковиков, историков, юристов, журналистов, судмедэкспертов, следственных органов и прокуратуры. Ключевое значение для следствия имел процесс рассекречивания и введения в научный оборот документов из Государственного архива Российской Федерации, архива Управления ФСБ РФ по Ростовской области, Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО), Таганрогского филиала ГАРО, Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Среди наиболее востребованных фондов ГАРО следует выделить фонд Р-3613 (Комиссия при исполнительном комитете Ростовского областного Совета депутатов трудящихся по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам города Ростова-на-Дону и Ростовской области). В ЦДНИРО основной массив документов содержится в фонде Р-1886 (Ростовская областная чрезвычайная комиссия по учету ущерба и злодеяний, причиненных

немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области).

В фондах названных архивов отложились различные виды документов, свидетельствующие о массовых расправах немецко-фашистских оккупантов и их пособников над мирными гражданами Ростовской области в городах, поселках, селах, станицах, хуторах и других населенных пунктах, а также о материальном ущербе, нанесенном оккупантами экономике Донского региона. Большое значение в рамках установления фактов геноцида мирного населения имеют акты созданной указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК).

Как правило, акты составлялись по горячим следам – в местах, откуда враг ушел совсем недавно, что позволяло фиксировать масштаб, характер и подробности военных преступлений с участием юристов и судебно-медицинских экспертов. Актами ЧГК установлены подробности расправ над мирными жителями во многих населенных пунктах Ростовской области в период оккупации. Одним из наиболее известных является акт № 1231 Чрезвычайной государственной комиссии о расстрелянных и зарытых в могилах мирных граждан в районе 2-го Змеевского поселка (так в документе) на территории Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону 23 ноября 1943 г. [2: 203–205].

Среди других документов, которые были использованы в качестве доказательной базы нацистских преступлений на судебном процессе, следует выделить акт № 17 Шахтинской городской комиссии о массовых расстрелах, замученных и живьем брошенных в ствол шахты им. Красина г. Шахты [2: 110–111]; акт № 20 о злодеяниях за время немецкой оккупации г. Сальска с 31 июля 1942 г. по 21 января 1943 г. [2: 78–80]; акт № 22 ЧГК о массовом расстреле мирных граждан в районе кирпичного завода г. Азова [2: 88–90]; акт Таганрогской городской комиссии об установлении и расследовании преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в г. Таганроге (расстрелах, пытках мирных граждан города, об угоне населения в Германию)

[2: 173–177]; акт № 1809 ЧГК об обнаружении места массового захоронения расстрелянных и замученных советских граждан в Сталинском районе г. Ростова-на-Дону [2: 201–202]; акт ЧГК о массовых расстрелах мирных граждан в тюрьме Андреевского района г. Ростова-на-Дону [2: 222]; акт № 8 ЧГК о расстрелянных душевнобольных Новочеркасской психиатрической больницы [2: 351]; акт № 762 Миллеровской городской комиссии о массовых расстрелах мирных жителей г. Миллерово Ростовской области [2: 133–135]; акт № 144 ЧГК по расследованию преступлений немецких оккупантов, совершенных в отношении детей и молодежи в г. Каменске-Шахтинском [2: 305–307], и др.

Помимо актов ЧГК, большое значение в установлении фактов геноцида мирного населения Ростовской области в годы Великой Отечественной войны имеют делопроизводственные материалы (докладные записки, справки, рапорты, свидетельские показания), источники личного происхождения (воспоминания очевидцев), фотографии.

В качестве доказательств военных преступлений нацистов против мирного населения в ходе судебного процесса были привлечены свидетельские показания гражданских лиц, которые в годы войны пострадали от рук оккупантов или оказались очевидцами расправ карателей над жителями Ростовской области [5].

Наряду с историками и архивистами значительный вклад в установление фактов геноцида мирного населения в годы Великой Отечественной войны внесли донские поисковики – Ростовское региональное отделение Общероссийского общественного движения «Поисковое движение России» и поисковое объединение «Миус-Фронт». Ими были проведены масштабные работы в районе городов Шахты (Шилкинская балка), Новошахтинска (балка Бугултай), Сальска (глиняный карьер кирпичного завода), Миллерово и в других местах.

В сентябре 2020 г. в окрестностях г. Миллерово поисковики обнаружили расстрельную яму с останками мирных жителей. Человеческие останки располагались на площади более 40 кв. м. С участием Следственного комитета РФ, а также силами самих поисковиков началась работа по эксгумации останков. Была проведена нумерация останков, фиксация положения тел и наличие предметов на них, описание состояния скелетов, характера прижизненных повреждений и их описание,

первичные предположения половозрастного характера. В результате поисковых работ в овраге под Миллерово было обнаружено и поднято из расстрельной ямы множество останков мирных жителей, расстрелянных осенью 1942 г.

С целью идентификации эксгумированных костных останков в ГБУ РО «Бюро судебно-медицинской экспертизы» были проведены медико-криминалистические экспертизы. В их задачи входило установление общего числа погибших, их половой и возрастной принадлежности, давности захоронения, возможных причин смерти, а также наличия и механизма образования повреждений. В общей сложности было исследовано 33 386 костей, извлеченных из расстрельных ям под Миллерово. Установлено, что они принадлежат не менее чем 250 людям, из которых 219 были взрослыми, в возрасте от 20 до 80 лет, 31 – детьми и подростками от года до 20 лет. Здесь же были обнаружены гильзы и пули от оружия немецкого, чехословацкого, бельгийского образца, которые использовались немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны (кольт, браунинг, вальтер, парабеллум, МП-40 и др.) [4].

Останки мирных жителей и военнопленных в ходе поисковых работ были обнаружены также в глиняном карьере кирпичного завода в Сальске. Судмедэксперты установили принадлежность костей 60 человек, из которых 41 принадлежала взрослым лицам в возрасте от 20 до 70 лет, 19 – детям и подросткам от 2 до 18 лет. В 35 случаях на сохранившихся фрагментах костей черепов были обнаружены огнестрельные отверстия в затылочной и лобно-теменной области от выстрелов пулями диаметром около 6–7 мм и 8–9 мм. В двух случаях были обнаружены огнестрельные отверстия в сохранившихся костях грудной клетки от выстрелов пулями диаметром около 6–8 мм [4].

Анализ беспорядочного расположения костей с характерными повреждениями, а также данные архивных документов (акт № 762 от 3 апреля 1943 г. о массовых расстрелах мирных жителей г. Миллерово Ростовской области [2: 133–135]; акт № 20 от 26 января 1943 г. о массовых расстрелах мирного населения в карьерах кирпичного завода г. Сальска Ростовской области [2: 78–80]) не оставляли сомнений в насильственной смерти людей, чьи останки были обнаружены в районе Миллерово и Сальска.



Выявленные факты преступлений и их анализ в ходе судебного процесса подтверждают, что преступления нацистов на территории Советского Союза имели заранее спланированный и намеренный характер. Они имели целью уничтожение советской государственности, захват новых территорий для последующей колонизации и эксплуатации в соответствии с концепцией расширения жизненного пространства германской нации.

Ростовский судебный процесс носил открытый характер. На нем присутствовали представители федеральной и региональной прессы, его ход широко освещался в СМИ.

По итогам изучения судом всех представленных прокурором материалов 15 марта 2022 г. Ростовский областной суд принял решение признать установленные и вновь выявленные преступления, совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории Ростовской области нацистскими оккупационными властями и их пособниками, военными преступлениями и преступлениями против человечности, как они определены в Уставе Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждены резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи ООН [6]; геноцидом славян и других национальностей и этнических групп, представляющих собой население СССР, народов Советского Союза, как частью плана, заключавшегося в намерении нацистской Германии избавиться от всего местного населения Советского Союза путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившиеся территории немцами. Жертвами нацистского геноцида было признано не менее 180 811 советских граждан, являвшихся представителями мирного населения, а также не менее 200 тыс. военнопленных.

Определение характера и сроков давности преступлений в годы войны на территории Ростовской области в ходе судебного процесса в Ростовском областном суде базировалось на опыте работы Нюрнбергского международного военного трибунала и нормативных актах ООН, в том числе Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлением против человечности от 26 ноября 1968 г. Подпункты *b* и *c* пункта 2 статьи 6 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала определили действия,

являющиеся преступлениями, влекущими за собой индивидуальную ответственность, к которым причисляются:

*b)* военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

*c)* преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет. Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана [6].

Вслед за судебными процессами в Новгороде, Пскове и Ростове-на-Дону признание нацистских преступлений геноцидом состоялось в Орловском, Брянском областных, Краснодарском и Ставропольском краевых судах, Верховном суде Крыма. С правовой и исторической точек зрения, они полностью укладываются в традицию и логику международной практики судебного преследования нацистских преступников и их пособников, которая была заложена по итогам работы Международного военного трибунала в Нюрнберге.

### **Источники и литература**

1. Без срока давности. Официальный сайт. URL: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/> (дата обращения: 26.04.2023).
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы

Великой Отечественной войны. Ростовская область: сборник документов / под ред. М.А. Пономарёвой. М., 2020.

3. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/genocide.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml) (дата обращения: 26.04.2023).
4. Справка судебно-медицинской экспертизы ГБУ РО «Бюро судебно-медицинской экспертизы» по итогам обследования костных останков, извлеченных из расстрельных ям в г. Миллерово и возле г. Сальска.
5. Судебное заседание по делу о признании геноцида советского народа со стороны немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области. URL: [https://www.donland.ru/video/?filter\\_name=&filter\\_detail=%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4&filter\\_rubricator=](https://www.donland.ru/video/?filter_name=&filter_detail=%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4&filter_rubricator=) (дата обращения: 26.04.2023).
6. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.). URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/veterans-rights/documents?item=1693950> (дата обращения: 26.04.2023).

## **Раздел 4**

# **Власть, общество, экономика и культура в годы Великой Отечественной войны**

**А.В. Сперанский**

### **ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА: ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОСТИ**

Проводя специальную военную операцию на территории Украины, Россия стремится не только защитить братский украинский народ, но и сохранить собственную государственность. Практически идет борьба за спасение русского мира, объединенного культурно-цивилизационными, геополитическими и идейно-религиозными скрепами. Решение этой проблемы требует максимального общественного единения, базирующегося на патриотизме.

Столь необходимая в современных условиях общественно-политическая консолидация была успешно осуществлена в годы Великой Отечественной войны по всей стране, в том числе и на Урале. Следует отметить, что потенциальные возможности региона еще до войны рассматривались как руководителями стран гитлеровского блока, так и лидерами будущей антигитлеровской коалиции. А. Гитлер, недооценивая военно-промышленный комплекс Урала, считал, что главный индустриальный потенциал СССР сосредоточен на западе. Исходя из этого в плане «Барбаросса» Уралу отводилась роль некоего «осколка» советской силы, легко ликвидируемого бомбардировками люфтваффе [2: 221].

У. Черчилль также принижал промышленные возможности региона, видя в нем только часть бескрайнего пространства России, способную временно задержать немцев. Более дальновиден был Ф. Рузвельт, увидевший в Уральском регионе не только пространственный резерв, но и производственный комплекс, способный вооружать Красную армию [10: 265].

Советские вожди, рассматривавшие варианты военно-промышленного использования Урала в случае нападения агрессора, тем не менее не решили в предвоенный период главную задачу. Регион не был превращен в оружейный арсенал, что объясняется нехваткой времени, недостатком денежных средств и военной доктриной И.В. Сталина, не предполагавшей возможности глубокого вторжения неприятеля, а следовательно, потери западных промышленных районов [7: 108–117].

Эта ошибка поставила страну на грань катастрофы, преодоленной только благодаря эвакуации, переместившей в тыл более 2,5 тыс. предприятий [1: 802]. Благодаря этому на востоке был создан новый военно-промышленный комплекс, важнейшим звеном которого стал Урал. К концу 1942 г. здесь разместилось 830 предприятий, 2 млн 127 тыс. эвакуированных, составивших 9,7 % населения края [2: 241; 10: 268].

Эвакуация рабочей силы на Урал в значительной мере облегчила решение кадровой проблемы, так как 55 % прибывших сразу же включилось в производственную деятельность. Доля эвакуированных в промышленности региона к концу 1942 г. составила 31 %, а на некоторых объектах доходила до 70 %.

Обеспечение предприятий рабочей силой осуществлялось и при помощи создания трудовой армии, насчитывавшей к январю 1942 г. около 290 тыс. бойцов. В традиционно трудоемких процессах (добывающей промышленности, на лесоповале и т.п.) использовался труд заключенных и военнопленных. К 1945 г. их численность в регионе достигла 250 тыс. чел. [10: 269–271]. Однако доля спецконтингента составляла всего 6,4 % от общего числа тружеников тыла и не определяла экономического развития края [5: 112].

В годы войны Урал стал главным арсеналом Красной армии. На заводах и фабриках региона трудилась  $\frac{1}{5}$  всех высококвалифицированных рабочих страны, обеспечивших превышение довоенного уровня

выпуска оборонной промышленности в шесть раз. За период войны ВПК региона выпустил 40 % от всей военной продукции, выпускавшейся в стране. Промышленность Урала производила  $\frac{2}{3}$  всех советских танков, что превышало производство этого вида вооружений всей Германией. На уральских заводах делались все тяжелые и средние самоходные артиллерийские установки,  $\frac{3}{4}$  стрелкового оружия, не менее 50 % артиллерийских систем и боеприпасов. Общий выпуск индустриальной продукции на Урале за период войны увеличился в 3,6 раза [2: 256; 9: 107].

В военный период Уральский край был и настоящей кузницей боевых резервов. Здесь было создано свыше 500 воинских частей и соединений. Среди них два механизированных и один танковый корпус, 64 стрелковые, 10 кавалерийских, 4 артиллерийских дивизии, большое количество отдельных бригад, полков, батальонов, дивизионов, рот. Более 2 млн мобилизованных или добровольно пришедших в военкоматы уральцев отправились на фронт. 600 тыс. из них героически погибли в боях. Большинству уральских подразделений были присвоены почетные гвардейские звания, наименования избавленных ими от фашистского ига населенных пунктов.

Мужество и отвага отличали практически каждого воина с Урала. Но были и такие, чьи имена золотыми буквами вписаны в анналы Великой Отечественной войны. Среди них бесстрашные летчики И.Л. Золин и А.А. Бурденюк, направившие свой самолет на скопления вражеской техники, пехотинцы Я.Н. Падерин и Г.П. Кунавин, закрывшие своим телом амбразуры вражеских дотов. В Сталинградской битве самоотверженно дрались с неприятелем бойцы 2-го гвардейского механизированного корпуса. 16 героев-уральцев повторили подвиг панфиловцев, подбив 22 фашистских танка [8: 295, 319; 10: 285–288].

Бессмертен подвиг солдат и офицеров Уральского добровольческого танкового корпуса. Приняв боевое крещение в Курской битве, они победоносно прошли по фронтовым дорогам Украины и Польши, участвовали в штурме Берлина и освобождении Праги. 54 правительственные награды были прикреплены к знаменам корпуса и его подразделений, более 44 тыс. воинов корпуса были награждены орденами и медалями, 38 – удостоены высшей награды Родины, звания Героя Советского Союза [3: 98, 144, 148].

Первой границу Третьего рейха пересекла 3-я гвардейская Уральская стрелковая дивизия. Ее боец, удмурт Василий Зайцев, установивший знамя на границе, был награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза. Решающую роль сыграли уральские дивизии и в штурме последней цитадели немецкого фашизма. 150-я и 171-я гвардейские стрелковые дивизии, сформированные на уральской земле, успешно штурмовали Рейхстаг. Батальон 171-й дивизии, возглавляемый старшим лейтенантом К.Я. Самсоновым, первым подошел ко входу в здание. Батальон 150-й дивизии под командованием капитана С.А. Неустроева, первым ворвался в фашистское логово. Пять уральцев (К.Я. Самсонов, А.И. Негода, А.Т. Сотников, П.Н. Ширяев, М.Ф. Толмачев), принимавших участие во взятии последнего оплота врага, стали Героями Советского Союза сразу же после окончания боевых действий. Капитана С.А. Неустроева заслуженная награда нашла только через год – в мае 1946 г.

Всего за период Великой Отечественной войны высшую награду Родины получили более 1000 представителей Уральского региона. Дважды Героями Советского Союза стали легендарные авиаторы М.Г. Гареев, К.А. Евстигнеев, Е.М. Кунгурцев, М.П. Одинцов, Г.А. Речкалов, Г.Ф. Сивков и прославленные танкисты В.С. Архипов и С.В. Хохряков [9: 109; 8: 321].

Всенародную известность приобрели возвращенные уральской землей военачальники. Успешно командовал Брянским и Воронежским фронтами выходец из Зауралья генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. Отлично сражалась в Сталинградской битве легендарная 64-я армия, руководимая Героем Советского Союза, генерал-полковником М.С. Шумиловым, также уроженцем Зауралья. В этом же сражении прославился командир знаменитой 13-й гвардейской стрелковой дивизии, уроженец Оренбуржья, дважды Герой Советского Союза, генерал А.И. Родимцев. Вице-адмиралом Каспийской и Амурской военных флотилий был Ф.С. Седельников, родившийся в Удмуртии. Высокий пост начальника штаба ВВС занимал его земляк – маршал авиации Ф.Я. Фалалеев.

В годы суровых испытаний Уральский регион, давая фронту смертоносное для врага оружие, боеприпасы и неустрашимых воинов, стремился также одарить фронтовиков заботой и теплотой

тружеников тыла. Ярким примером прочной духовной связи между фронтом и тылом стала переписка уральцев с бойцами и командирами 3-й гвардейской стрелковой дивизии, сформированной в Свердловске. За годы войны на передовую было отослано свыше 20 млн писем, наполненных вниманием и сердечным участием.

Забота о фронтовиках выражалась и в серьезной материальной поддержке. Сбор теплых вещей и подарков шел на протяжении всех военных лет и дал ощутимые результаты. Уральцы собрали и отправили на фронт более 2,5 тыс. шапок, варежек, шарфов и т.п. На строительство авиационных эскадрилий, танковых колонн, артиллерийских батарей были собраны большие денежные суммы. В частности, только в Фонд обороны было направлено свыше 5 млрд руб. Сотни тонн донорской крови были сданы жителями Урала для нужд госпиталей [10: 285–288].

В период войны произошла уникальная социокультурная трансформация Уральского края. Сюда было эвакуировано 46 вузов, более 50 ссузов, 25 театров, большое число деятелей образования, литературы и искусства. Эвакуация на Урал «золотого фонда» культуры страны создала мощный импульс для творческой работы местной художественной и педагогической элиты. В результате заметно повысилась общая доля Урала в общероссийском духовном потенциале и влияние его культуры на тружеников тыла и фронтовиков. К концу войны в регионе насчитывалось 14,3 % высших учебных заведений, 16,1 % средних специальных заведений, 14,9 % общеобразовательных школ, 19,2 % детских домов, 15,8 % библиотек, 27,3 % киноустановок, 15,6 % театров.

Интенсивно работали уральские отделения писателей, пополнившиеся мастерами, прибывшими в эвакуацию. Из-под пера уральцев, а также эвакуированных литераторов, вышло большое количество военно-патриотических произведений, оперативно доводимых до читательской аудитории. Издательства Среднего Урала за годы войны выпустили более 15 млн экземпляров художественной, политико-массовой, детской и прочей литературы.

Одну из главных ролей в идейно-воспитательной работе играли театры. За годы войны на Урале было поставлено 3,7 тыс. пьес, проведено 65,6 тыс. спектаклей, которые посетили 28,5 млн зрителей.



Артистами театров было сформировано 89 фронтовых бригад, которые дали для солдат и офицеров Красной армии более 11 тыс. концертов [6: 159, 201, 206].

Особую значимость в общественном развитии Урала приобрело кино. Популярны были патриотические кинофестивали, оборонные рейды, фронтовые месячники, кинолектории, в рамках которых киносеансы посетили более 180 млн чел.

Насыщенной была и музыкальная жизнь Урала. В регионе возросло количество концертов, музыкальных вечеров и лекториев, увеличилось число людей, посетивших эти мероприятия. Только на Среднем Урале за годы войны их посетило более 6 млн чел. Повышенный интерес у специалистов и зрителей вызвала деятельность художников, неоднократно организовывавших патриотические вернисажи, такие как «За Родину» (Уфа, 1942 г.), «Ленинград в дни блокады» (Пермь, 1943 г.), «Урал – кузница оружия» (Свердловск, 1944 г.) и другие [10: 182, 183].

Таким образом, в военные годы на Урале сформировалось социальное единство, базировавшееся на героизме и отваге фронтовиков, а также на стойкости и самоотверженности тружеников тыла, что в конечном итоге стало прочным фундаментом нашей Великой Победы над фашизмом в далеком 1945 г.

Оценивая современную мировую обстановку, Президент РФ В.В. Путин отметил: «Мы стоим на историческом рубеже, впереди, наверное, самое опасное, непредсказуемое и вместе с тем важное десятилетие со времен окончания Второй мировой войны» [4]. То есть, как и в годы Великой Отечественной войны, встал вопрос о будущем Российского государства. Вот почему события 1941–1941 гг. перестают быть только нашим героическим прошлым. Сегодня необходимо максимально использовать исторический опыт, накопленный в схватке с фашистами.

Лозунг всенародной помощи фронту, объединивший советское общество в годы Великой Отечественной, сегодня приобретает особую актуальность для всех регионов России. Конечно, он вновь энергично используется и на Урале, где государственные органы и общественные организации занимаются выпуском и усовершенствованием военной амуниции, ведут сбор гуманитарной помощи для участников СВО, оказывают адресную социальную и психологическую помощь членам их семей. Ветераны боевых действий получают единовременные

денежные выплаты, различные льготы, помощь в центрах социальной адаптации.

Наряду с гуманитарной помощью и моральной поддержкой, идет активная работа по обеспечению участников СВО первоклассным оружием и боеприпасами. Отрадно и то, что нынешнее поколение уральцев, призванных или добровольно вступивших в ряды российской армии, оказались достойны славы победителей Третьего рейха. Среди подготовленных в крае резервистов – 15 % добровольно пришли в военкоматы.

Таким образом, как и единство фронта и тыла, достигнутое советским обществом в годы Великой Отечественной войны, складывающееся на современном этапе единение народа и армии в конечном итоге должно способствовать успешному решению поставленных сегодня перед государством задач и укреплению российской государственности.

### Источники и литература

1. Великая Отечественная война: 1941–1945. Энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985.
2. Военная история Урала: события и люди / отв. ред. А.В. Сперанский. Екатеринбург, 2008.
3. Никто не забыт, ничто не забыто: к 65-летию создания Уральского добровольческого танкового корпуса / отв. ред. А.Д. Кириллов. Екатеринбург, 2008.
4. Путин В.В. Выступление на заседании международного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695> (дата обращения: 20.03.2023).
5. Свердловская область: страницы истории. 1934–2014 / А.В. Сперанский и др. Екатеринбург, 2014.
6. Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1996.
7. Сперанский А.В. Военная доктрина Сталина и ее реализация на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 108–117.
8. Сперанский А.В. На войне как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. изд. 2-е, дополн., перераб. Екатеринбург, 2015.

9. *Сперанский А.В., Корнилов Г.Е.* Великая Отечественная война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 107–109.
10. Урал в панораме XX века / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2000.

**А.Ю. Попов**

### **О НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война значительно расширила сферу деятельности органов государственной безопасности СССР. Они действовали в нескольких основных направлениях. Первое направление – контрразведывательная работа в частях и соединениях действующей армии, на кораблях Военно-морского флота. Ограждение Советских вооруженных сил от подрывных действий врага способствовало успешному ведению оборонительных и наступательных операций советских войск. На этом направлении были сосредоточены основные силы и средства органов госбезопасности. Второе направление – контрразведывательная работа в тылу страны, главным образом на железнодорожном транспорте, военных, промышленных и других объектах враждебных устремлений разведки фашистской Германии.

Органы госбезопасности вели успешную борьбу со шпионской, диверсионно-террористической и иной подрывной деятельностью противника в тыловых районах Советского Союза, обеспечивали безопасность работы транспорта, оборонных предприятий, узлов и линий связи, других военных и народнохозяйственных объектов. Третье направление – разведывательно-диверсионная, контрразведывательная и специальная работа в тылу противника. Она проводилась на оккупированной советской территории, на территории фашистской Германии и оккупированных ею стран Восточной Европы. Действуя в тылу врага, органы госбезопасности СССР собирали разведывательную информацию о противнике, подрывали военно-экономический потенциал фашистской Германии. Работа чекистов за линией фронта способствовала успешной борьбе с подрывными акциями разведорганов противника, которая проводилась фронтовыми органами воен-

ной контрразведки, территориальными и транспортными органами госбезопасности.

Деятельность органов госбезопасности на всех трех направлениях была подчинена решению главной задачи – борьбе с подрывной деятельностью разведки фашистской Германии.

Масштабы и характер подрывной деятельности разведки гитлеровской Германии против советских вооруженных сил обусловили необходимость организации эффективной и целеустремленной оперативной работы в войсках действующей армии. Розыск агентов разведки фашистской Германии в зоне боевых действий и в прифронтовой полосе являлся одной из активных форм агентурно-оперативной деятельности органов военной контрразведки. Основаниями для розыска вражеских агентов являлись показания арестованных и разоблаченных агентов разведки противника; заявления и показания свидетелей; показания военнопленных, бывших официальных сотрудников разведки противника; сообщения зафронтовой агентуры и других наших агентов; материалы, изъятые в разведывательных органах противника. Указанием НКВД СССР от 30 июня 1942 г. «О розыске и аресте германских агентов-диверсантов» предписывалось «принять энергичные меры к розыску и аресту переброшенных на нашу сторону диверсантов» [3: 574–576].

В начале Великой Отечественной войны армейские чекисты столкнулись с рядом трудностей, вызванных недостаточной подготовленностью к войне и неблагоприятно сложившейся обстановкой на фронте, но к 1942 г. органы военной контрразведки в основном их преодолели. В 1943 г. разведка противника уже не могла добиться значительных успехов не только в тыловых районах страны, но и в зоне боевых действий, хотя именно в этом году половину своих агентов гитлеровцы забросили в зону боевых действий.

Увеличилось количество вражеских агентов, явившихся с повинной к командованию советских войск и в органы военной контрразведки. Красная армия захватила ряд руководящих работников абвера и гестапо, которые стали важным источником разведывательной информации о противнике [1: 203]. Все это позволило органам военной контрразведки разработать единую систему мер по выявлению, розыску и разоблачению агентов разведки противника в частях

и соединениях действующей армии и в тылах фронтов. Система мер по борьбе с разведывательными органами неприятеля была основана на комплексном применении оперативных сил и средств, четком взаимодействии между органами военной контрразведки и военного командования. Оперативно-розыскные группы вели розыск шпионов, диверсантов и террористов на коммуникациях, ведущих к линии фронта, и в населенных пунктах, представляющих интерес для разведки противника: на крупных железнодорожных станциях, в поездах, на продовольственных и питательных пунктах. Помимо собственных сил, группы использовали работников военных комендатур, обслуживающий персонал вокзалов, парикмахерских, общежитий. Опыт минувшей войны показал, что оперативно-розыскные группы органов военной контрразведки действовали весьма успешно. Они выявили и разоблачили значительное количество вражеских агентов на фронте и в прифронтовой полосе.

Важную роль в розыске агентов немецко-фашистской разведки на фронте и в прифронтовой полосе играли заградительные мероприятия, проводившиеся органами военной контрразведки в тесном взаимодействии с военным командованием. Целью этих мероприятий было исключить для агентуры разведки противника возможность безнаказанного перехода линии фронта, передвижения в прифронтовой полосе и в глубоком тылу, проживания в населенных пунктах и местах, удобных для укрытия [7: 25]. Систему заградительной службы составляли контрольно-пропускные пункты и заградительные отряды войск НКВД по охране тыла действующей армии. К 1943 г. в заградительную службу на фронте входили подразделения органов военного управления, военной контрразведки и войск НКВД.

На фронте и в прифронтовой полосе в непосредственной близости от возможных переправ и мест выброски агентов противника (стыки между воинскими частями, леса, болота и т.д.) организовывались засады и подвижные посты, выставлялись дозоры и секреты. Успех розыска агентов разведки противника во многом зависел от тактики розыскной работы и от наличия сведений о разыскиваемых, главным образом, признаков, индивидуализирующих их личность.

Важным направлением деятельности органов военной контрразведки на фронте в годы Великой Отечественной войны являлась

дезинформация противника. Она осуществлялась в интересах военного командования и органов государственной безопасности. Дезинформация противника по военным и разведывательным вопросам облегчала командованию Красной армии решение стратегических и оперативно-тактических задач, а органам государственной безопасности успешное ведение борьбы с подрывной деятельностью вражеской разведки.

Сложную и напряженную работу органы государственной безопасности вели в советском тылу. Их деятельность проводилась по следующим основным направлениям: выявление и розыск вражеских агентов и террористов, забрасываемых в тыловые районы СССР; борьба с парашютными десантами и диверсантами противника; ликвидация разведывательно-диверсионных групп противника; ограждение важных военных и промышленных объектов, железнодорожного транспорта, узлов и линий связи от подрывных действий шпионов, диверсантов и других враждебных элементов; обеспечение сохранности государственной и военной тайны.

Контрразведывательную работу в тылу страны вели оперативные подразделения центрального аппарата НКВД–НКГБ СССР, территориальные и транспортные органы государственной безопасности, органы военной контрразведки военных округов, которые с началом войны провели ряд организационных мероприятий, основная цель которых заключалась в том, чтобы приспособить их деятельность к условиям военного времени, выработать новые, более эффективные меры борьбы с подрывной работой разведки фашистской Германии. Однако в тот период органы государственной безопасности испытывали острую нужду в кадрах. Многие молодые сотрудники не имели достаточных профессиональных знаний и опыта работы. С большими трудностями встретился руководящий и оперативный состав прифронтовых республик и областей, особенно западных областей Украины и Белоруссии, прибалтийских советских республик, где германская разведка проводила наиболее активную подрывную деятельность [5: 120–125].

Основной формой оперативной деятельности органов государственной безопасности в советском тылу в годы войны являлся оперативный розыск агентов противника. Система розыска вражеских

агентов включала в себя комплексное использование сил и средств чекистских органов. При получении данных о выброске противником разведывательно-диверсионных групп и агентов органы государственной безопасности создавали оперативно-розыскные группы, которые вели их розыск в местах возможной выброски, на маршрутах движения и в районах оседания, выставляли специальные агентурные заслоны и секреты на оборонных объектах и на железнодорожных магистралях, организовывали непрерывное патрулирование в населенных пунктах, на шоссейных и железных дорогах и в других местах возможного появления разыскиваемых.

В директиве НКВД СССР № 239 от 13 сентября 1941 г. «Об улучшении взаимодействия в агентурно-оперативной работе особых отделов и территориальных органов НКВД СССР» отмечалось, что «некоторые руководящие работники особых отделов, не понимая общности задач органов НКВД в борьбе с контрреволюцией, держатся в стороне от территориальных органов, не увязывают с ними свою работу и не пользуются их помощью там, где она требуется по условиям работы» [4: 87]. В связи с этим особым отделам было предложено устанавливать деловой контакт с территориальными органами НКВД, увязывать с ними отдельные организационные вопросы, регулярно обмениваться информацией, оказывать взаимопомощь в проведении агентурно-оперативных мероприятий.

С первых дней Великой Отечественной войны органы государственной безопасности вели решительную борьбу с парашютными десантами и диверсантами, забрасываемыми фашистским командованием и его разведывательными органами в советский тыл для дезорганизации работы промышленности, транспорта и связи. Совет народных комиссаров СССР принял постановление от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» [4: 64–65]. При городских, районных и уездных отделах – отделениях НКВД создавались истребительные батальоны численностью от 100 до 200 человек, которые комплектовались из числа добровольцев – коммунистов, комсомольцев, советских активистов, способных владеть оружием.

В общей системе мер органов государственной безопасности в тылу страны важное место занимали радиоигры с вражескими

разведывательными центрами. С помощью радиоигр противнику передавалась ложная информация по политическим, военным и разведывательным вопросам, выявлялись его планы и замыслы по проведению шпионско-диверсионной, террористической и иной подрывной деятельности в тыловых районах СССР, захватывались или ликвидировались разведывательно-диверсионные группы и агенты, заброшенные на советскую территорию [11: 149–178].

Особого внимания заслуживает работа органов государственной безопасности на оккупированной советской территории. Можно выделить четыре основных направления их зафронтной деятельности: разведывательная, диверсионная, контрразведывательная и специальная деятельность.

Разведывательная деятельность органов госбезопасности на оккупированных территориях проводилась, как правило, с позиций партизанских формирований. Партизанская разведка значительно отличалась от армейской и имела ряд существенных особенностей в силу специфики условий деятельности партизанских отрядов и ставившихся перед ними задач в тот или иной период боевой деятельности. Одна из главных особенностей партизанской разведки – теснейшая связь между армейской и агентурной разведкой, вытекающая из основного условия партизанской борьбы, а именно плотного контакта партизан с населением, активно помогающим партизанским отрядам.

Разведывательная деятельность органов госбезопасности на оккупированной территории состояла из целенаправленного и своевременного сбора, обработки и передачи соответствующим органам информации военного, политического и экономического характера. Через разведаппарат партизанских формирований ставились задачи перед разведчиками, обрабатывалась, анализировалась и обобщалась полученная от них информация о противнике. Как правило, данные агентурной и войсковой разведки дополняли друг друга и позволяли перепроверять их. С помощью связных, средств радио и авиасвязи можно было быстро передавать полученные сведения и ставить новые задачи перед разведчиками.

Помимо разведывательной работы, особое внимание органы госбезопасности СССР уделяли диверсионной деятельности. Одним из первых документов, регулирующих это направление борьбы, явилась



директива НКГБ СССР № 168 от 1 июля 1941 г. [4: 136]. Она поставила конкретную задачу – приступить к разведывательно-диверсионной работе в тылу врага. В основе диверсионной деятельности органов госбезопасности на оккупированной территории лежала боевая работа небольших по своей численности групп подрывников из участников чекистских подразделений, находившихся в подчинении руководителей спецгрупп или их заместителей по диверсионной работе [6: 108].

Акции партизанских отрядов, созданных на базе оперативных групп органов государственной безопасности, внесли неоценимый вклад в проведение диверсионной войны в тылу врага. Одним из главных ее направлений стали диверсии на транспортных коммуникациях, важнейшими из которых были железные дороги. Следует отметить, что такой вид диверсий был одним из самых эффективных и дешевых видов нарушения работы тыла противника, особенно транспорта [8: 18].

Исключительно сильным было моральное воздействие крушений поездов на перевозимые войска, которые на себе испытывали диверсии и видели валяющиеся на обочинах разбитые вагоны. Успешные диверсии на транспорте и в промышленности, особенно если они не затрагивали интересов местного населения, способствовали вовлечению его в активную борьбу с оккупантами. Слова агитации и пропаганды дополнялись делами.

Ограждение партизанских формирований от вражеской агентуры являлось одним из важнейших факторов, содействовавших успеху боевой деятельности советских партизан и их живучести в годы Великой Отечественной войны.

В целях борьбы с возможным проникновением шпионов, провокаторов, террористов, выявления паникеров в партизанских отрядах органами государственной безопасности СССР при партизанских формированиях начиная с января 1942 г. стали создаваться оперативно-чекистские группы [9: 16]. Следует подчеркнуть, что оперативные группы готовились как при центральном аппарате НКВД, так и территориальными органами госбезопасности. Оперативно-чекистские группы, работавшие в партизанских отрядах, по сути, выполняли функции особых отделов в действующей армии.

Проводя работу по очистке партизанских отрядов от вражеской агентуры, чекисты выискивали двойников, засланных немцами

к партизанам, обставляли собственной агентурой вновь зачисленных в отряд бойцов, проверяли последних на специальных заданиях. Особую тревогу партизанской контрразведки вызывало обнаружение признаков, свидетельствовавших о возможной утечке информации, касавшейся планов и содержания боевой деятельности партизанского формирования. К ним, в частности, относились: хищение секретных документов; провалы агентуры партизан; частые срывы боевых операций народных мстителей; нанесение фашистской авиацией прицельных ударов по районам базирования партизан; проведение противником эффективных карательных мероприятий; ухудшение отношений между местным населением и партизанами; активизация разведывательной деятельности гитлеровцев в окружении партизанских баз.

Спецоперации советских партизанских формирований, в том числе и физическое устранение высших нацистских сановников и предателей Родины, являлись еще одним значительным направлением деятельности органов государственной безопасности СССР на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны. На основании приговоров, вынесенных партизанами, только при непосредственном участии Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР было осуществлено 87 актов возмездия [2: 278]. Следует отметить, что следствие гитлеровцев по данного рода делам очень часто приходило к выводу о причастности к таким акциям органов государственной безопасности СССР [10: 212]. Каждый совершенный акт возмездия, особенно над высшими представителями гитлеровской администрации, имел широкий общественный резонанс и большое нравственное и психологическое значение. Было ясно, что от возмездия не уйдет ни один военный преступник.

Подводя итоги, следует отметить, что участие органов государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне способствовало скорейшей победе Красной армии над гитлеровской Германией. В советском тылу, на линии фронта и на оккупированной советской территории велась беспощадная борьба с сильным и коварным противником, в которую советские чекисты внесли свой вклад, проявив мужество и героизм.

### Источники и литература

1. Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК-КГБ 60 лет. М., 1978.
2. *Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С.* Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991.
3. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2003.
4. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Кн. 2. М., 2000.
5. *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002.
6. *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003.
7. *Попов А.Ю., Цветков А.И.* Солдаты незримого фронта. Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. М., 2010.
8. Российский государственный военный архив. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 909.
10. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 105.
11. *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

**Н.Н. Мельников**

### **РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ СССР В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОГО ТАНКОСТРОЕНИЯ (1940–1942 гг.)**

В течение всего довоенного периода советское руководство прикладывало серьезные усилия для развития собственной танкостроительной программы. На рубеже 1920–1930-х гг. состоялась серия зарубежных командировок специалистов, ознаменовавшаяся закупкой нескольких образцов бронетанковой техники. Именно на основе этих приобретений в начале 1930-х гг. приступили к выпуску новых моделей серийных отечественных танков. Одной из важнейших составляющих танковой программы стали промышленные базы южных регионов Советского Союза.

Основным производственным центром танкостроения стал Харьков. Именно здесь в 1931 г. на Харьковском паровозостроительном заводе (далее – ХПЗ) начался выпуск быстроходных танков

серии БТ (БТ-5, БТ-7 и др.) [21: 195]. Главной особенностью этих машин было использование двойного двигателя – колесного и гусеничного. Использование такого сложного шасси позволяло предотвратить преждевременный износ гусениц. Однако БТ не был единственным танком для ХПЗ. В 1933 г. завод начал выпуск сверхтяжелых пятибашенных Т-35 [8: 18].

В 1938 г. на основе мощностей ХПЗ был создан самостоятельный дизель-моторный завод № 75 Наркомата среднего машиностроения (далее – НКСМ), который выпускал уникальные танковые дизельные двигатели В-2 [4: 321]. Уже в 1941 г. различными модификациями В-2 оснащались все советские танки, кроме сверхлегких.

Вторым центром к середине 1930-х гг. должен был стать Сталинградский тракторный завод (далее – СТЗ). Еще в январе 1930 г. командующий войсками Ленинградского военного округа М.Н. Тухачевский утверждал, что «производство танков более всего увязано с тракторостроением» [2: 407]. СТЗ с момента запуска тракторного производства рассматривался советским руководством как основной поставщик танков поддержки пехоты Т-26. В течение первых предвоенных пятилеток постоянно создавались перспективные планы массового выпуска бронетехники в Сталинграде [3: 657; 20: 225].

Еще весной 1928 г., когда была запущена программа советского серийного танкостроения без использования иностранного опыта, СТЗ планировался в качестве основной производственной базы для танков «Лилипут» (проект легкого советского танка, серийно не производился) и Т-18 (или МС-1, единственный проект, который удалось запустить в серийное производство на ленинградском заводе «Большевик», по 1931 г. выпущено менее тысячи экземпляров). Но реальный выпуск был отложен до 1930–1931 гг. – завершения строительства СТЗ. В назначенный период тракторный завод действительно приступил к созданию у себя танкостроительного производства, но уже другой машины – общевойскового танка Т-26. До конца десятилетия сталинградский завод так и не смог организовать серийный выпуск этой бронетехники. Всего было изготовлено более 200 экземпляров, которые имели низкую надежность [6: 61]. Тем не менее Сталинградский тракторный завод имел относительно развитый конструкторский потенциал. В течение 1930-х гг. СТЗ участвовал в создании

новых образцов военной техники и представил некоторое количество собственных разработок. Однако ни одно из начинаний тракторного завода не было реализовано [22: 54–58].

Изготовление танковой брони в южных регионах СССР в 1930-е гг. было сосредоточено на Мариупольском металлургическом заводе имени Ильича, который наряду с Ижорским заводом (под Ленинградом) составлял основу бронепрокатного производства страны. Мариупольский завод с дореволюционных времен производил катаную корабельную броню. Неудивительно, что вместе со стартом танкостроительной программы к разработке и производству танковой брони было подключено это предприятие.

Первые эксперименты закончились неудачно. На заводе была создана технология цементированной брони, но в сентябре 1932 г. пришлось от нее отказаться, поскольку добиться кондиционного состояния готовых изделий не удавалось. Немногим лучше оказались результаты серийного производства новой двухслойной марки, которая получила обозначение «МИ». В итоге Мариупольскому заводу с 1933 г. пришлось полностью перейти на выпуск ижорской стали «ИЗ» («Ижорский завод») [18: 11–12], которая стала основной для всех советских танков 1930-х гг. На этом этапе лидерство в разработке танковой брони осталось за ленинградским предприятием.

19 декабря 1939 г. по решению советского руководства были полностью изменены образцы выпускаемой бронетехники. Вместо прежних танков, разработанных в начале десятилетия, советская промышленность готовилась наладить производство совершенно новых моделей. Постановлением Комитета обороны при Совете народных комиссаров СССР на вооружение были приняты танковый дизельный двигатель В-2 (450 л.с.), тяжелый танк КВ, средний Т-34 и плавающий Т-40 [4: 428].

Несколько позже нарком среднего машиностроения И.А. Лихачёв выпустил приказ, конкретизирующий план текущих заказов по танкостроению. Новый средний танк Т-34 было решено начать выпускать сразу на двух заводах – ХПЗ и СТЗ. Харьковское предприятие должно было организовать изготовление 200 танков Т-34 в 1940 г., а в 1941 г. – подготовить завод к выпуску 1,6 тыс. машин в год. Сталинградскому заводу предписывалось прекратить организацию участка Т-26 (все

предшествующие годы СТЗ продолжал работать над этой программой) и в течение следующего года подготовить свои мощности (помимо основного тракторостроения) для выпуска 1 тыс. новых средних танков в 1941 г. [10: 221–226].

Однако в июне 1940 г. планы на производство Т-34 были резко изменены в сторону увеличения. ХПЗ получил задание изготовить до конца года 500 танков, а СТЗ – 100 [9: 23]. Однако сталинградский завод в 1940 г. так и не смог освоить производство Т-34. На 1 января 1941 г. была собрана пара десятков машин, но ни один танк не был принят военпредами [11: 72–76]. Следовательно, серийное производство танков в Сталинграде вновь оказалось под угрозой.

Старт новой танкостроительной программы резко увеличил потребности промышленности в катаной броне. Это произошло в силу двух основных факторов. Во-первых, увеличилось количество выпускаемых танков, а во-вторых, увеличился вес бронекорпуса новых машин. Толщина брони танков, принятых на вооружение в начале 1930-х гг., не превышала 30 мм, в основном это были листы толщиной 15–20 мм. Тогда как новые модели обладали гораздо более толстой броней. Т-34 имел в вертикальной проекции толщину корпуса в 45 мм, а тяжелый КВ – 75 мм.

На этом этапе заводу имени Ильича удалось запустить в массовое производство собственную марку танковой брони. Мариупольские металлурги разработали химический состав новой стали, которая начала производиться под обозначением 8С. Именно эта броня оставалась неизменной основой для бронирования корпуса Т-34 все годы войны.

Усиление брони новых танков и потенциальный рост их численности потребовал расширения производственной базы для изготовления танковых корпусов. К выпуску этой продукции начали подключаться предприятия южных регионов СССР. Еще в 1937 г. Совнарком постановил создать на основе трех южных заводов новые бронепроизводственные мощности. Таганрогский завод имени А.А. Андреева и сталинградский «Красный Октябрь» должны были начать подготовку броневых проката, а сталинградская «Красноармейская верфь» – броневых корпусов. Планировалось, что уже в 1938 г. будут созданы мощности, обеспечивающие ежегодный выпуск 12,5 тыс. танковых корпусов [3: 635–636].

Однако этот план остался не реализован. Из трех предприятий только таганрогский завод реально был занят в производстве танковой брони в 1940 г. Но к 1941 г. потребности танкостроения резко возросли. Началась реальная подготовка проката танковой брони толщиной в 45 мм на «Красном Октябре». «Запорожсталь» и Кировский завод должны были организовать выпуск 75-миллиметровых бронелистов для тяжелых танков [4: 700].

Сталинградский завод № 264 (так теперь называлась «Красноармейская верфь») получил задание освоить серийное производство корпусов Т-34 для СТЗ в августе 1940 г. До конца года он должен был изготовить опытную партию в 20 бронекорпусов и в следующем году перейти на уровень выпуска 2 тыс. комплектов в год. Но к марту 1941 г. подготовка корпусного участка еще была далека от завершения: «Технология производства корпусов и башен Т-34 не оснащена штампами, инструментом, приспособлениями и оборудованием» [4: 793].

Развитие советского танкостроения требовало не только расширения выпуска бронекорпусов. Резко возрастала потребность в танковых двигателях. Этот фактор оказался в значительной степени более существенным, поскольку вновь созданный танковый дизель В-2 оказался крайне ненадежным агрегатом, который обладал низким ресурсом. Срок гарантийной работы двигателя в 1940 г. был установлен на уровне 100 моточасов, а к лету следующего года его подняли до 200 моточасов. Проблема была, однако, в том, что серийные моторы зачастую не выдерживали этого пробега. Поэтому Комитет обороны при Совнаркоме был вынужден планировать выпуск танковых дизелей для харьковского завода № 75 в соотношении 2 : 3. То есть на каждые два танка необходимо было выпускать три дизеля (один запасной) [4: 700–701]. Следовательно, существовала острая потребность в расширении выпуска В-2.

В ноябре 1940 г. новый нарком средмаша В.А. Малышев (в октябре он сменил на этом посту И.А. Лихачёва) направил советскому руководству предложение создать на Сталинградском тракторном заводе еще одну базу по производству танковых дизельных моторов [4: 661]. Одного решения оказалось недостаточно. СТЗ, вынужденный развивать уже две новые производственные программы (танки Т-34 и двигатели В-2), оказался не в состоянии успешно наладить запуск

дизельного участка. К весне 1941 г. этот процесс был далек от завершения [4: 791].

Начало Великой Отечественной войны вызвало дальнейшие изменения в организации танкостроения на юге СССР. Стране требовалось получить больше танков в кратчайшие сроки. Теперь в распоряжении советского руководства находилось уже два крупнейших машиностроительных предприятия, выпускавших танки Т-34, – ХПЗ и СТЗ. Ожидается, что они получили новую производственную программу. План на август для ХПЗ составил 250 танков Т-34, СТЗ должен был достигнуть такого же уровня в сентябре 1941 г. [14: 7; 15: 154]. Эта программа резко превышала установки 1940 г., когда подразумевалось, что каждый завод будет способен выпускать до 2 тыс. Т-34. Параллельно начал готовить выпуск средних танков третий завод – горьковский «Красное Сормово» [12: 173–174].

Такое резкое увеличение производственной программы не могло ограничиться только административными решениями. Для развития моторной базы необходимо было изыскать дополнительные ресурсы. В начале июля СТЗ обязывался в срочном порядке закончить подготовку дизельного производства к сентябрю и до конца года изготовить 500 дизельных двигателей. Для обеспечения нового правительственного задания в начале июля 1941 г. на площадку СТЗ перемещался участок дизельных авиамоторов М-40 с Харьковского тракторного завода (ХТЗ) [12: 313–314]. Так мощности, созданные для выпуска авиадизелей, были использованы для запуска производства В-2 в Сталинграде.

20 июля Государственный комитет обороны СССР постановил запустить массовое производство легких танков Т-60 (создан на основе плавающего Т-40). Помимо московского завода 37 НКСМ, где производство сверхлегких танков существовало еще с начала 1930-х гг., к их выпуску были подключены ХТЗ и Горьковский автомобильный завод. Выпуск харьковских Т-60 обеспечивали броней таганрогский завод «Красный котельщик», ворошиловградский и новокраматорский заводы Наркомата тяжмаша [13: 158–162].

Однако в самый разгар мероприятий по увеличению потенциала южного танкостроения все западные заводы региона встали перед опасностью оккупации. К осени обстановка на фронте



оставалась крайне напряженной. Необходимо было срочно начинать эвакуацию. 7 октября вышел приказ наркома танковой промышленности В.А. Малышева о полной эвакуации всех украинских танковых заводов [17: 47–48]. А 16 октября руководители трех харьковских предприятий подписали акты о завершении работ по вывозу оборудования и работников. Из подлежащих эвакуации 12 140 работников завода № 183 в Нижний Тагил на площадку Уралвагонзавода уехало 5243 человека, с ХТЗ в Сталинград выехало 4754 человека (30,3 % от списочного состава), с завода № 75 на Челябинский тракторный завод – 4480 человек. Вместе с членами семей общее количество эвакуированных с трех харьковских предприятий составило 40 739 человек [1: 62 об.–65, 68–70 об.]. Основные мощности Харьковского тракторного завода были направлены на СТЗ, а производство Т-60 – на сталинградский завод № 264 [16: 24–26].

Эвакуация Мариупольского металлургического завода имени Ильича оказалась не столь успешной. Удалось перевезти только часть запланированного оборудования и работников завода. 8 октября 1941 г. Мариуполь захватил противник, которому досталась вся производственная оснастка и множество вагонов с оборудованием [5: 43; 19: 163].

Потеря западных территорий привела к тому, что с октября 1941 г. в структуре южного танкостроения сохранился только сталинградский производственный центр. Здесь, помимо производства средних машин, начал выпускать легкие танки Т-60 завод № 264. Он сохранил бронекорпусной участок Т-34, оставаясь основным производителем этой продукции для СТЗ (частично потребность в корпусах в 1942 г. для СТЗ покрывал Уралмашзавод). Таким образом, в Сталинграде функционировал замкнутый производственный комплекс, выпускавший средние танки Т-34: броня – «Красный Октябрь», бронекорпуса – завод № 264, моторы и сборочное производство – СТЗ.

После эвакуации ХПЗ и до начала работы нового танкостроительного производства в Нижнем Тагиле (с октября 1941 г. по март 1942 г.) Сталинградский тракторный завод оставался основным производителем танка Т-34 в стране [7: 484]. СТЗ постоянно наращивал выпуск средних машин и уже к весне смог выйти на ежемесячный выпуск 300 танков в месяц (табл. 1).

Следующее важное изменение в работе сталинградского центра произошло в июле 1942 г., когда наркомом танковой промышленности стал директор Кировского завода И.М. Зальцман. Он сделал ставку на максимальное увеличение выпуска Т-34. В рамках этой политики завод № 264 должен был срочно прекратить выпуск Т-60 и перейти на изготовление (помимо бронекорпусов Т-34) отдельных агрегатов Т-34 и В-2 для СТЗ [18: 210–211]. Во многом именно благодаря переориентации завода № 264 СТЗ смог совершить в июле рывок в своей работе и выпустить максимальное количество танков (см. табл. 1).

Однако противник продолжал неумолимо наступать на восток. Уже в августе сталинградский промышленный центр столкнулся с проблемами прифронтового города. Началась эвакуация производств и работников. В сентябре 1942 г. СТЗ выпустил свои последние 14 танков. Эвакуированные производственные мощности сталинградских заводов были расщеплены между восточными предприятиями Наркомата танкопрома, кроме дизельного производства – оно целиком уехало в Барнаул на площадку подобного строящегося завода. Так начал свою работу Барнаульский моторный завод № 77 Наркомата танковой промышленности.

**Таблица 1.** Динамика производства танков Т-34 на СТЗ (шт.)\*

Год	Янв.	Фев.	Мар.	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сен.	Окт.	Ноя.	Дек.
1941	2	28	45	63	70	86	93	155	165	124	200	219
1942	244	250	290	300	325	300	421	250	14	0	0	0

\* Составлено по: [7: 484].

Подведем итог. Южный промышленный район СССР с начала 1930-х гг. стал одним из двух важнейших производственных центров советского танкостроения. Здесь на основе восточнукраинских мощностей было развернуто производство одного из самых массовых танков первых пятилеток – колесно-гусеничного БТ. Все предвоенные годы советское руководство пыталось запустить выпуск легких танков поддержки пехоты на Сталинградском тракторном заводе. Но далее выпуска отдельных экземпляров продвинуться не удалось. Всё изменилось в течение 1940 г., когда на вооружение был принят новый

средний танк Т-34. Его выпуск начал организовываться параллельно на двух заводах – ХПЗ и СТЗ. Уже к весне 1941 г. они суммарно изготавливали сотни средних танков.

В первый период Великой Отечественной войны стратегическая инициатива находилась в руках противника. Для советского танкостроения это означало постепенное выбывание южных танковых заводов. В октябре 1941 г. прекратили свою работу восточнороссийские и таганрогские заводы. А к осени следующего перестали действовать и сталинградские предприятия. Частично потенциал этих производств удалось спасти благодаря эвакуации, а после освобождения этих территорий практически сразу же начался процесс восстановления южных мощностей. Однако значительная часть промышленного потенциала была безвозвратно утеряна.

### Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 441.
2. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: док. и материалы. Т. 3: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 1 (1927–1932) / отв. сост. Т.В. Сорокина. М., 2008.
3. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: док. и материалы. Т. 3: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 2 (1933–1937) / отв. сост. Т.В. Сорокина. М., 2011.
4. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: док. и материалы. Т. 4: Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 – июнь 1941) / отв. сост. Т.В. Сорокина. М., 2015.
5. История танкостроения на Уральском танковом заводе № 183. Рукопись. 1946. Т. 2. Кн. 1 // Материалы музея Уралвагонзавода.
6. Коломиец М.В. Т-26. Тяжелая судьба легкого танка. М., 2007.
7. Коломиец М.В. Т-34: первая полная энциклопедия. М., 2009.
8. Коломиец М.В., Свиринов М.Н. Тяжелый танк Т-35. Сухопутный дредноут Красной армии. М., 2007.
9. Неизвестный Т-34 / И. Желтов, М. Павлов, И. Павлов, А. Сергеев, А. Солянкин. М., 2001.

10. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8115. Оп. 8. Д. 21.
11. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 79.
12. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 82.
13. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 84.
14. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 85.
15. РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 86.
16. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 2.
17. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 3.
18. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 91.
19. РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 26.
20. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001.
21. Свириин М.Н. Броневои щит Сталина: история советского танка. 1937–1943. М., 2006.
22. Свириин М.Н. Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М., 2005.

**Т.У. Эльбуздукаева**

### **РОЛЬ ГРОЗНЕНСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В УКРЕПЛЕНИИ ТЫЛА И ЗАЩИТЕ г. ГРОЗНОГО (1941–1942 гг.)**

В общем плане обороны Кавказа во время Великой Отечественной войны одно из центральных мест занимала защита Грозного, имевшего важное военно-стратегическое значение. Грозненская нефть и нефтепродукты, продовольственные запасы и пути сообщения, проходившие через республику в Дагестан и Закавказье, нужны были немецко-фашистским захватчикам для достижения успехов в войне.

Грозненский городской комитет обороны (далее – ГГКО), созданный решением Государственного комитета обороны (далее – ГКО) СССР от 22 октября 1941 г., сосредоточил всю гражданскую и военную власть в городе Грозном и прилегающих районах; оказывал непосредственную помощь войскам действующей армии. ГГКО принимал участие в мобилизации резервистов и новобранцев в Красную армию, формировал народное ополчение и истребительные батальоны, обеспечивал материально-техническую и кадровую базу

для бесперебойной работы нефтеперерабатывающей отрасли промышленности, наладил производство и ремонт боевой техники и вооружения, организовал строительство оборонительных сооружений.

В октябре 1941 г. началось возведение оборонительных рубежей на территории Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО). Оборонительные сооружения длиной 600 км тянулись от станции Суворовской Краснодарского края до устья реки Терек. Их протяженность вместе с оборонительными линиями в районах Грозного, Орджоникидзе, Малгобека и Нальчика составляла 900 км [1: 33–34].

В задачи укрепления оборонительных рубежей на пути к Грозному входили усовершенствование ранее созданных оборонительных сооружений по Тереку, Терскому и Сунженскому хребтам, строительство новых укреплений в Алхан-Чуртской долине и на северо-западе Грозного, создание системы обороны в самом городе.

Согласно директиве Военного совета СКВО от 13 июня 1942 г., было принято постановление «О производстве восстановительных работ по оборонительному рубежу, маскировке огневых точек и противотанковых рвов, сооружении мостов через противотанковые рвы» [2: 246]. ГГКО руководил демонтажем предприятий. Были демонтированы «Грознефтекомбинат», электростанции «Орджэнерго» и другие предприятия республики. Было ликвидировано 2328 скважин, вывезено около 4200 вагонов с оборудованием [4: 116].

Принятие всех этих болезненных и чрезвычайных мер было крайне необходимо, так как в случае прорыва и захвата нефтяных районов Грозного и Малгобека фашисты получили бы важное стратегическое сырье для дальнейшего наступления не только на кавказском театре военных действий, но и на всем протяжении советско-германского фронта. Для бесперебойного снабжения армии горюче-смазочными материалами были оставлены несколько скважин, запас нефти, бензина, масел и светлых продуктов. Выпускали боеприпасы, вооружение, на заводе «Красный молот» ремонтировали боевую технику.

ГГКО организовал мобилизацию людских ресурсов, транспорта, техники – всего, что требовалось для выполнения поставленной цели. Достаточно жестко ставилась задача обеспечения «на полевых строительствах и в строительных районах соответствующей охраны революционного порядка» [9: 4].

27 августа 1942 г. на заседании ГГКО был заслушан доклад «О ходе строительства оборонительных сооружений в г. Грозном». Отмечалось, что Грозненский горком ВКП(б), Горсовет, промышленные райкомы ВКП(б) и районные советы не обеспечили мобилизацию городского населения на оборонительные работы. Карательные органы стояли в стороне от оборонительных работ и не привлекали саботажников к ответственности, систематически не выполняя план мобилизации населения и не организуя труд работавших на строительстве оборонительных рубежей. ГГКО обязал первых секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райсоветов депутатов трудящихся в суточный срок полностью отмобилизовать городское население на оборонительные работы, за исключением рабочих, связанных с выполнением спецзаказов [8: 107].

В конце августа 1942 г. в Грозный прибыл генеральный комиссар госбезопасности, член ГКО Л.П. Берия для личного руководства подготовительными работами обороны города. После обсуждения мер по защите Грозного было принято решение о мобилизации со 2 сентября 1942 г. на строительство оборонительных сооружений по городу не менее 20 тыс. чел. Работы планировалось проводить с использованием русла р. Нефтянки от 38-го участка «Старогрознефти» до впадения ее в р. Сунжу, а также саму реку для устройства огневых рубежей. Определение момента использования нефтепродуктов для создания огневых завес возлагалось на командующего особым оборонительным районом генерал-майора Н.П. Никольского [10: 38–39].

Все граждане, подлежавшие мобилизации на основе постановления ГГКО от 28 августа 1942 г. и не имевшие удостоверений с отметкой о работе на строительстве оборонительных сооружений, считались дезертирами и привлекались к ответственности по закону военного времени [10: 46].

Вокруг Грозного развернулось строительство фортификационных сооружений, которые на отдельных направлениях включали шесть оборонительных рубежей. Противотанковые рвы протяженностью 28 км были заполнены водой, поверх воды разлили нефть. На танкоопасных направлениях были сооружены пропитанные нефтью соломенные валы [5: 781]. Подступы к городу прикрывались дотами, дзотами, пулеметными и артиллерийскими огневыми точками, накрытыми

железобетонными колпаками, минными полями. Для исключения возможности продвижения танков противника в различных направлениях во внутренней части города строились баррикады с бойницами и ходами сообщения для маневра. Части особого Грозненского оборонительного района защищали Грозный, чтобы не допустить захвата города противником. Было приказано впереди противотанкового рва установить ямы и надолбы, скрепив их между собой колючей проволокой. Имеющиеся проходы в противотанковом рве необходимо было разрыть, установив временные мосты для проезда автотранспорта, заложив под них противотанковые фугасы. Противотанковый ров был заполнен нефтью, смешанной с сеном или соломой. Для поджога были назначены ответственные лица, с которыми была установлена надежная связь. «Ежи», связанные с надолбами, были размещены на проезжих улицах. Были оставлены небольшие проезды, которые были либо прикрыты группами истребителей танков, расположенными на крышах, балконах, в угловых зданиях, либо огнеметами из подвальных помещений городских домов [11: 34].

40-й танковый корпус вермахта должен был форсировать Терек на линии Червленая – Моздок – Прохладная – Майское, захватить города Орджоникидзе, Грозный и Баку. В приказе Гитлера командующему группы армии «А» ставилась следующая задача: «1-й танковой армии – уничтожение противника в излучине Терека... Всеми имеющимися силами, и прежде всего подвижными, продолжать наступление на Грозный...» [12: 310].

28 августа 1942 г. противник вышел на рубеж р. Терек на участке Ищерская – Моздок – Екатериноградская и вел разведку переправ через реку, одновременно подтягивая танки и мотопехоту к району Моздок – Майское. Следовало ожидать попытки форсирования Терека неприятелем. Была возможна высадка парашютных авиадесантных групп противника на подступах к Грозному и к горе «Сыр-Корт / Комсомольский/» (гора Сюр-Корт, расположенная к югу от Грозного). 19-я дивизия войск НКВД обороняла Сюр-Корт и восточные подступы к Грозному, чтобы не допустить захвата противником этой высоты [11: 6].

Утром 30 августа фашистский десант из 200 человек в сопровождении артиллерии и минометов высадился на южном берегу Терека

в районе Ищерской и укрепился в роще у Мундар-Юрта, удерживая небольшой плацдарм [7: 95–96].

Фашисты рвались к Малгобеку и Алханчуртской долине. Почти месяц, с 1 по 28 сентября, шли упорные бои в районе Малгобека, в ходе которых город несколько раз переходил из рук в руки. Военные действия в районе расположения предприятий треста «Малгобекнефть» начались с 23 августа. С 5 сентября фашисты начали артиллерийский обстрел нефтяных промыслов, а с 23 сентября – центра Малгобека. Исход многодневной операции решила появившаяся под Малгобеком моторизованная дивизия СС «Викинг», снятая с правого крыла группы армии Клейста. Дивизия была поддержана танками и авиацией. Малгобек пал 5 октября 1942 г. [1: 34].

Развить наступление на Грозный из района Малгобека фашисты не смогли и перешли к обороне. Тогда они попытались пробиться через Эльхотовские ворота по направлению к Орджоникидзе, затем в долину р. Сунжи и дальше к Грозному. Но и эта попытка противника провалилась.

1 сентября 1942 г. ГККО принял решение о создании грозненского городского полка народного ополчения. В состав полка планировалось «зачислить всех мужчин, способных драться с оружием в руках, всех коммунистов и комсомольцев. Женщин привлечь в сандружины и другие специальные формирования. Коммунистический батальон включить в состав полка народного ополчения. Общий сбор полка установить 1 октября 1942 г.» [8: 144].

В Грозном был сформирован отдельный инженерно-противохимический батальон местной противовоздушной обороны, 14 аварийно-восстановительных отрядов и бригад, 17 военизированных команд НКВД, установлены посты воздушного наблюдения, оповещения и связи. На предприятиях и в колхозах действовали военно-учебные пункты [1: 32].

Истребительные батальоны выполняли задачу по несению патрульной и дозорной службы, охране промышленных объектов, участию в оперативных заданиях. Батальоны боролись с вражескими парашютистами, диверсантами и провокаторами, минировали подступы к важным объектам и позициям, устанавливали зримые и незримые барьеры, несли охрану перевалов и пещер в горах, осматривали все



дворы и заброшенные развалины, удобные для приюта шпионов. Ими было захвачено немало вражеских лазутчиков и диверсантов.

В район Грозного в сентябре 1942 г. была заброшена диверсионно-шпионская группа полковника Геккерта, которую обезвредили подразделения дивизии НКВД генерал-майора П.А. Орлова совместно с Грозненским истребительный батальоном. С помощью местного населения был взят в плен Осман Губе [6: 33–34].

7 октября 1942 г. ГКО принял постановление № 2384сс «О переводе на казарменное положение бойцов истребительных батальонов на Кавказе». В связи с этим ГКО приказал начальнику штаба истребительных батальонов НКВД Чечено-Ингушской АССР майору Деревягину перевести на казарменное положение личный состав истребительных батальонов Молотовского, Октябрьского, Старо-промысловского, Орджоникидзевого, Гудермесского, Сунженского, Сталинского, Ачхой-Мартановского, Назрановского и Курчалоевского районов с общим количеством в 450 чел. [8: 161].

В октябре 1942 г. приказом Наркомата обороны СССР Грозненский коммунистический батальон был включен в состав Закавказского фронта, участвовал в боях на территории Чечено-Ингушской АССР, а после ее освобождения воевал в составе Северной группы войск Закавказского фронта [3: 15].

13 октября 1942 г. в связи с усиливавшейся бомбардировкой города и во избежание излишних человеческих жертв ГКО принял решение об эвакуации населения Грозного, за исключением рабочих и служащих, занятых на оборонном производстве [10: 68–71].

Приказом начальника Грозненского гарнизона за № 3 «О введении с 22 часов 22 октября 1941 г. в Грозном особого режима применительно к условиям военного времени» на коменданта города полковника В.Г. Сытникова возлагалась охрана порядка в городе и прилегающих районах. С 23 октября 1941 г. было введено патрулирование как на всех въездах в город, так и в самом Грозном. Для перемещения по городу устанавливались специальные пропуски в минимальном количестве [9: 1–2].

Немецкое командование, убедившись, что Грозный захватить не удастся, решило стереть его с лица земли. 10 октября 1942 г. началась бомбардировка Заводского района Грозного. Загорелись резервуары

с нефтепродуктами. Нефть переливалась через вал амбара и огненной рекой пошла на шоссе, а затем по трамвайным путям Индустриальной улицы. Поток был остановлен у двухэтажных домов поселка.

В конце 1942 г. фашисты были остановлены на всем фронте кавказского направления. Оборонительные действия Красной армии под Малгобеком, Владикавказом, Новороссийском и Туапсе сорвали план вермахта захватить нефтяные районы Кавказа и Закавказья, советское командование Закавказского фронта выиграло время, что изменило соотношение сил в пользу советских войск. Более 80 тысяч грозненцев были награждены медалями «За оборону Кавказа», некоторые защитники были удостоены высоких званий Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда.

### Источники и литература

1. *Абазатов М.А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973.
2. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 932.
3. АУП ЧР. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1198.
4. АУП ЧР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 302.
5. *Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х.* История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005.
6. *Биленко С.В.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969.
7. *Битва за Кавказ 1942–1943 / под ред. С.П. Платонова.* М., 1954.
8. *Грозненский городской комитет обороны: док. и материалы.* Грозный, 2015.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп. 88. Д. 489.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 513.
11. Российский государственный военный архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 38679.
12. *Чечено-Ингушетия в эпоху социализма.* Махачкала, 2022.

**И.А. Лысенко****УЧАСТИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ РЕЗЕРВОВ В ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ**

Вопросы роли потребительской кооперации в процессе формирования и использования государственных мобилизационных резервов в период Великой Отечественной войны до настоящего времени исследованы не в полной мере. Авторы, изучавшие историю потребкооперации, в том числе военного периода (Я.А. Кистанов, И.Я. Бланк, В.Ф. Ермаков, К.И. Вахитов и др.), как правило, останавливались на организации помощи фронту, расширении заготовительной деятельности, переработке сельскохозяйственной продукции. Рассекреченные архивные документы показывают, что и в формировании государственных резервов потребкооперация принимала активное участие. Вертикально интегрированная структура, охватывавшая всю страну, с разделением по уровням управленческой иерархии, имевшая условия для хранения и доставки продукции с налаженным хозяйственным механизмом, вполне могла быть использована для этой цели.

Цель данной статьи – осветить вопросы организации хранения резервов в кооперативной системе Сталинградской области в 1942 г., финансирования этой деятельности, отчетности и процедуры разбронирования запасов для обеспечения воинских формирований, участвующих в Сталинградской битве.

Датой формирования системы государственных резервов в СССР принято считать 17 октября 1931 г. (постановлением СНК СССР был образован Комитет резервов при Совете труда и обороны, который объединил в себе основные функции управления стратегическими запасами страны). 29 августа 1937 г. он был преобразован в Управление государственных резервов, а в соответствии с постановлением СНК СССР от 6 июня 1941 г. стал называться Управлением государственных материальных резервов при СНК СССР (далее – УГМР).

А.М. Смуров и В.П. Плешаков, исследуя историю формирования государственных резервов, вывели, что первая номенклатура материальных ценностей начала 1930-х гг. была невелика и включала

11 товаров отечественного и 68 зарубежного производства [3]. В дальнейшем она расширялась и в нее вошло санитарно-хозяйственное, вещевое, обозное имущество. Своевременному накоплению мобилизационных резервов придавалось большое значение. Так, мобилизационные запасы промышленности к 1939 г. были увеличены почти на 60 % [3]. К 1941 г. был сформирован и апробирован механизм пополнения государственных резервов на случай войны. В этой деятельности значимую роль играла система потребительской кооперации.

Уже в начале 1930-х гг. при уполномоченных НКВД в регионах было организовано 16 отделов и 19 инспекций резервов, которые с 1 ноября 1937 г. перешли в ведение Управления госрезервов. В ведении каждого территориального управления находилось от двух до десяти баз, а под контролем – тысячи пунктов ответственного хранения госрезервов.

В Сталинградской области в 1940-е гг. определенная часть государственных резервов находилась на базах районных союзов потребительских обществ (райпотребсоюзов, РПС), подчиненных непосредственно Сталинградскому областному союзу потребительских обществ (облпотребсоюзу, ОПС). При необходимости выдавалось разрешение разбронировать запасы для обеспечения воинских соединений. Эта деятельность регулировалась нормативными документами, подготовленными Центральным союзом потребительских обществ СССР и РСФСР (Центросоюзом) в соответствии с указаниями вышестоящих органов.

Председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский отмечал, что в период Великой Отечественной войны «мобилизация запасов товаров в различных отраслях народного хозяйства на различных стадиях производственного процесса осуществлялась кредитной системой советских банков, которые учитывали эти товары и выполняли роль инструмента в перераспределении запасов в пользу военного хозяйства. Таким образом, происходило использование на текущие военно-хозяйственные нужды запасов товаров, накопленных до войны в народном хозяйстве СССР» [1: 566].

Основопологающим документом о принципах формирования единой системы госрезервов стало Положение, в котором прописывались правила размещения, хранения, использования, пополнения

и обновления государственных запасов. Также СНК СССР утвердил инструкцию об освежении мобилизационных запасов.

Госплан СССР выделял специальные фонды на образование мобилизационных запасов. Организациям, осуществлявшим хранение, необходимо было в установленные сроки представлять отчетность по полученным доходам, связанным с хранением этих фондов, раздельно – по суммам, полученным от УГР и наркоматов, главков-поставщиков, а также по расходам, связанным с хранением [2: 112].

Незадолго до начала Сталинградской битвы, 18 июня 1942 г., заместителем председателя президиума Центросоюза А. Брагиным была утверждена и направлена в регионы инструкция по учету расходов, связанных с хранением товаров мобилизационных и государственных резервов. Так, в системе бухгалтерского учета такие расходы должны были отражаться на счете «Разные потери» по статье «Прочие потери». При записи этих расходов в карточки аналитического учета указывалось: «спецрасходы». Ответственность за хранение и сохранность документов, связанных с мобрезервом, возлагалась на специально выделенного ответственного работника. Документы, подтверждающие расходы, должны были поступать главному бухгалтеру и обрабатываться им лично.

Кроме системного бухгалтерского учета, расходы по хранению товаров мобрезерва и госрезерва учитывались уполномоченными лицами внесистемно, в разрезе статей по номенклатуре расходов. Данный учет осуществлялся главным бухгалтером, допущенным к секретной переписке, или лицом, ведущим спецработу. Отчетная номенклатура расходов по хранению мобилизационных резервов и госрезервов устанавливалась как обязательная.

Эта номенклатура принималась для учета: автогужевой транспорт (от станции железной дороги или пристани до складов хранения); зарплата; начисления на зарплату и дополнительные расходы по рабочей силе; аренда помещений; расходы по содержанию помещений и инвентаря; текущий ремонт; амортизация (собственных и арендованных основных средств); подработка, подсортировка, упаковка товаров; потери товаров при хранении; прочие расходы.

Содержание номенклатуры статей спецрасходов устанавливалось следующее. На статью «автогужевой транспорт» относились расходы

по выгрузке товаров из вагона, их перевозке от железнодорожных станций или водных пристаней до складов хранения, а также стоимость услуг собственного грузового транспорта, выделенного в хозяйственный расчет и учитываемого на эксплуатационных счетах (по утвержденным за перевозки ставкам). В статье «зарплата» велся учет заработной платы, выплаченной заведующим специальными складами, кладовщикам, сторожам и другим рабочим и работникам, трудившимся постоянно или связанным с деятельностью по хранению товаров мобрезерва, а также по учету и отчетности по этим фондам. К статье «аренда помещений» относили арендную плату за помещения складов, занятых только товарами мобилизационного и государственного резервов. «Расходы по содержанию помещений и инвентаря» учитывали расходы на отопление, освещение, водоснабжение, содержание помещений в чистоте, противопожарные мероприятия, меры по борьбе с грызунами, по набивке ледников, содержание инвентаря.

«Текущий ремонт» предусматривал учет стоимости материалов, израсходованных на ремонт специальных складов и их оборудования. Кроме того, включались такие расходы, как зарплата с начислениями рабочим, приглашаемым для текущего ремонта, сумма износа малоценного инвентаря, находящегося на складах, и стоимость мелкого инвентаря (до 3 руб. за каждый предмет или комплект), списываемого при его покупке на расходы. Статья «подработка, подсортировка и упаковка товаров» включала зарплату с начислениями для работников, специально приглашенных для этих операций, и стоимость материалов, употребляемых при подсортировке. «Потери товаров при хранении» предусматривали учет стоимости товарных потерь при хранении, не возмещаемых промышленностью, а в статье «прочие расходы» учитывались расходы по анализам и экспертизе продуктов и др.

Как отмечалось ранее, для обеспечения доставки и хранения товаров в системе потребкооперации предусматривалось соответствующее финансирование. При записи этих доходов в карточках аналитического учета указывалось: «спецдоходы по госрезервам» или «спецдоходы от наркоматов, главков-поставщиков».

Отчетность по расходам, связанным с хранением мобрезервов, представлялась по полной номенклатуре статей нарастающими итогами в соответствующие сроки: райпотребсоюзы – облпотребсоюзу

ежеквартально, по истечении 20 дней первого месяца, следующего за отчетным кварталом; облпотребсоюзы и республиканские потребсоюзы – Центросоюзу два раза в год: на 1 июля и 1 января – по истечении одного месяца, следующего за отчетным полугодием [2: 112–115].

По состоянию на 1 июля 1942 г., т.е. к моменту, когда Сталинградская область стала прифронтовой, в системе облпотребсоюза хранилось в мобилизационных и государственных резервах следующее количество продтоваров: круп – 648,4 т, муки – 240 т, курительной бумаги – 507 тыс. книжек, макарон – 30 т, чая – 4,6 т, махорки – 82 ящика, мясоконсервов – 539 банок, какао – 63 кг, соли – 91 т [2: 23].

Хранившиеся до 1 июля сахар (1 тыс. т) был по указанию УГМР отправлен в Лиски, макароны (200 т) были по распоряжению УГМР разбронированы для Сталинградского военного округа. В связи с военными действиями на территории Сталинградской области в начале августа 1942 г. ОПС совместно с инспекцией УГМР было дано указание райпотребсоюзам прифронтовых районов разбронировать 380 т крупы, 331,5 тыс. книжек курительной бумаги, махорки, консервы и какао во избежание их попадания в руки врага. Впоследствии о разбронировании было получено подтверждение УГМР.

В Котельниковском РПС «хранившаяся крупа, махорка, яйца, какао и чай ввиду серьезности обстановки... по решению председателя РПС были уничтожены при отходе наших войск» [2: 23], о чем говорилось в письме Сталинградского облпотребсоюза, адресованном военному отделу Центросоюза. В этом же документе отмечалось, что все остальные резервы, хранившиеся в системе Сталинградского ОПС (крупа – 268 т, мука – 240 т, сахар, чай и соль) были разбронированы по указаниям УГМР. Отдельно указывалось, что «по вине воинских частей, не вывезших своевременно разбронированные товары, было уничтожено вражеской авиацией: на Сталинградской универсальной базе ОПС – 30 т макарон, 20 тыс. книжек курительной бумаги, в Михайловском РПС крупа (неизвестное количество) и в Логовском – 30 т крупы» [2: 23]. Оформление актами уничтоженных резервов проводилось Сталинградским ОПС совместно с УГМР.

Разбронирование мобрезервов строго контролировалось и должно было осуществляться уполномоченными лицами. Так, в августе 1942 г. встречаются документы, относящиеся к разбронированию. Так, в пись-

ме продовольственного отдела НКО СССР председателю Урюпинского РПС говорилось: «Выдайте в счет наряда от 21 июля 1942 г. крупы перловой через представителя тов. Дымкина для 1-й стрелковой дивизии – пять тонн по чекотребованию» [2: 46]. Письмо было подписано представителем продотдела 11-й армии, интендантом 2-го ранга Вопренчуком. Требование на получение продовольствия и фуража из Урюпинского РПС № 32 от 24 июня 1942 г. гласило: «Чековая требовательная книжка № 443. Отпустить из Урюпинского райпотребсоюза для 153-й команды под расписку Афанасьева В.С.: макаронные изделия – 8,06 тыс.; ушки – 121 кг; лапша – 120 кг; вермишель – 325 кг». Подписано: помкомполка по снабжению Афанасьевым [2: 47].

Встречаются и такие документы, как акт от 19 июля 1942 г. о разбронировании мобрезерва и выдаче воинским частям (ст. Раковка), который был подготовлен комиссией в составе председателя правления Раковского РПС И.К. Саенко, главного бухгалтера И.К. Татаринова. От райкома союза в комиссию входил В.И. Белоусов. В акте говорилось: «Согласно полученной телеграммы от Спецотдела Сталинградского ОПС, имеющееся на базе Раковского РПС мобрезерв пшено в количестве 19 600 кг (девятнадцать тонн шестьсот кг.) разбронировать и выдать проходящим воинским частям по чековым требованиям» [2: 64]. В акте о выдаче мобрезерва от 1 августа 1942 г. (ст. Раковка) шла речь об имеющемся на базе Раковского РПС мобрезерва пшена, которое в связи с бомбардировкой ст. Раковка предписывалось отпустить «воинским частям не по чековым требованиям, у каковых нет, а за наличный расчет по цене 1 руб. 85 коп. за кг» [2: 63].

Всего в июле – августе 1942 г. в системе Сталинградского ОПС хранение мобрезервов распределялось следующим образом: Сталинградская универсальная база (макаронны, курительная бумага, чай); Котельниковский РПС (мясные консервы, какао, махорка, крупа, чай); Себряковская межрайбаза (курительная бумага); Камышинская межрайбаза (курительная бумага); Палласовский РПС (мука, соль); Иловлинский, Калачевский, Фроловский, Раковский, Себряковский, Логовской, Урюпинский, Ново-Николаевский, Еланский, Руднянский, Красноярский (Молотовский), Владимировский районные союзы потребительских обществ хранили крупу, а Нижне-Добринский РПС – муку [2: 33].



Практически все мобилизационные резервы в период Сталинградской битвы в системе потребительской кооперации были выбраны, о чем указывают следующие отметки ОПС: «Хранившиеся до 1 июля 1942 г. в РПС макароны были разбронированы и переданы в распоряжение Сталинградского военного округа (СталВО). Хранившийся на Универсальной базе сахар, 1 тыс. т, был отгружен по распоряжению УГМР на ст. Лиски, а 4 т разбронированы на месте Главсахару» [2: 33]. По итогам года отмечалось, что «в настоящее время мобрезервов в системе Сталинградского Облпотребсоюза не имеется» [2: 23], соответственно, был сформирован отчет, представленный президиуму Центросоюза в январе 1943 г. с объяснительной запиской, в которой расшифровывалась каждая статья расходов. Особое внимание уделялось исследованию потерь товаров при хранении, чтобы исключить незаконное списание продукции [2: 21].

Таким образом, можно сделать вывод, что в период Сталинградской битвы наличие в системе потребительской кооперации складов с хранившимися мобилизационными резервами позволило в определенной степени обеспечивать нужды армии. В годы Великой Отечественной войны огромные потери сырья, материалов, продуктов питания восполнялись в основном за счет государственных резервов. Н.А. Вознесенский отмечал, что, «если в первые два года Отечественной войны происходило уменьшение материальных запасов в народном хозяйстве, то во второй половине 1943 г. вместе с ростом военного хозяйства СССР начался процесс увеличения материальных запасов» [1: 566]. Этому способствовало наличие отлаженной системы формирования и распределения государственных мобилизационных резервов.

### Источники и литература

1. *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения. М., 1979.
2. Государственный архив Волгоградской области. Ф. 4179. Оп. 1. Д. 5.
3. *Плешаков В.П., Смулов А.М.* Государственный материальный резерв – гарант экономической безопасности России. URL: <http://mto.ric.mil.ru/Stati/item/365918> (дата обращения: 24.03.2023).

**Р.М. Султанбеков****ВКЛАД ТРУДЯЩИХСЯ ГОРОДОВ И РАЙОНОВ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР  
В ФОНД ОБОРОНЫ СТРАНЫ: СТРОИТЕЛЬСТВО ТАНКОВЫХ КОЛОНН,  
БРОНЕПОЕЗДОВ, ЭСКАДРИЛЬИ БОЕВЫХ САМОЛЕТОВ  
в 1941–1944 гг.**

Фонд обороны и фонд Красной армии являются яркими показателями проявления патриотизма и гражданственности населения в период Великой Отечественной войны. Именно в этот сложный для страны период тыл государства выступил в едином порыве, направленном на сбор средств в помощь фронту. На основе опубликованной литературы и архивных источников в статье представлен анализ динамики поступлений средств от населения Дагестанской АССР в фонды обороны и Красной армии в период Великой Отечественной войны, а также формы этих поступлений. В статье дан анализ примеров героических поступков тружеников тыла, направленных на пополнение фондов обороны и Красной армии.

Оказание финансовой и материальной помощи трудящимися фронту носило всеобъемлющий характер. С началом Великой Отечественной войны в стране было развернуто движение по созданию Фонда обороны. В Дагестанской АССР не было семьи, которая в той или иной форме не принимала непосредственного участия в поддержке Красной армии.

С момента создания Фонда обороны, по существу, началась помощь фронту, заключавшаяся не только в индивидуальных и коллективных взносах и отчислениях части заработной платы и трудодней, но и в сдаче продовольствия, обмундирования, вещей и т.д. Население в своем вносило в Фонд обороны как денежные сбережения, так и облигации государственных займов, активно передавались драгоценные предметы, золото, серебро, а также продукты сельского хозяйства. При всем многообразии форм самым главным в данном движении, конечно же, являлась всенародная помощь фронту денежными средствами во имя победы над общим врагом [1: 59].

Идея создания самого Фонда обороны принадлежит трудящимся, но это всенародное патриотическое движение никогда бы не стало массовым без огромной разъяснительной работы, которую проводили

различные общественные организации. Именно они доводили до населения идею о том, что средства, вносимые в Фонд обороны, – это снаряды и бомбы, танки и боевые корабли, пушки и самолеты, а самое главное – это победа.

Официальная дата возникновения фонда обороны – июль 1941 г. Инициаторы создания – рабочие завода «Красный пролетарий» [1: 60]. Именно они через печать обратились ко всей стране с призывом создать фонд, куда бы стекались все денежные средства, направляемые населением в помощь армии и фронту.

29 июля 1941 г. в газете «Правда» был опубликован обзор писем читателей, озаглавленный «Трудящиеся предлагают создать Фонд обороны». Через три дня, 1 августа 1941 г., на передовой странице «Правды» вышла статья «Фонд обороны – новое проявление советского патриотизма», в которой было сказано: «Фонд обороны – возник стихийно. Ему нужно придать соответствующие организационные формы – об этом должны позаботиться партийные, профсоюзные и комсомольские организации» [11].

Рабочие, колхозники и интеллигенция Дагестана поддержали патриотическое движение трудовых коллективов Москвы, Ленинграда, крупных городов и других регионов за создание Фонда обороны страны и с первых же дней приняли самое активное участие в процессе его формирования. Организационную работу возглавили местные партийные организации, призванные вести пропагандистскую и разъяснительную работу среди трудящихся Дагестана.

1 августа 1941 г. было принято постановление бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «О создании Фонда обороны ДАССР». Собрания коллективов Махачкалы по созданию Фонда обороны прошли в Дагестанском промсовете, Верховном суде, Дагпотребсоюзе, наркоматах здравоохранения, просвещения, внутренних дел, финансов, юстиции, Водканалтресте [18: 32–34]. Так, работники коллектива Дагестанской конторы «Главнефтесбыта» Махачкалы приняли решение отчислять, начиная с августа 1941 г. и до конца войны, однодневный заработок в Фонд обороны [18: 38]. Их инициативу поддержали трудящиеся других городов и районов республики. В докладной записке секретаря Дербентского горкома ВКП(б) Ермолаевой говорится: «Создание Фонда обороны страны нашло широкую поддержку у трудящихся

города Дербента. На предприятиях, учреждениях и в колхозах состоялись многоярусные митинги. Охваченные единым порывом оказать помощь своей Родине, завод «ДагОгни», «ИодОгни», Консервный комбинат, Винкомбинат, Хлебокомбинат, фабрика «ДагЮН», Даггаз, Вагонное и Паровозное депо, служба пути и служба движения, сотрудники Горисполкома и его отделов, НКВД, НКПС, Горкома ВКП(б), Рыбкома, Госбанка, Промкооперации решили вносить в Фонд обороны ежемесячно однодневный заработок до полного разгрома фашистских варваров. <...> Кроме этого, рабочие, служащие и домохозяйки города внесли в Госбанк ценности и наличными на 07.08.1941 г. 18 151 руб. 28 коп. Трудящиеся города без конца в сберкассу несут свои облигации. На 07.08.1941 г. в сберкассу поступили займы на 35 845 руб.» [15: 35]

В другой докладной записке Р. Нахшунова отмечается: «С радостью отозвались трудящиеся нашего города на предложение о создании Фонда обороны. На предприятиях, в учреждениях и колхозах города прошли многоярусные патриотические митинги. Прямо на митингах люди начали сдавать денежные средства и облигации. Коллектив завода «ДагОгни» внес наличными 21 000 руб., Совхоз им. К. Маркса – 6000 руб., Вагонное депо – 3116 руб. Домохозяйка Дерягина внесла в Фонд обороны 2100 руб., 950 руб. займа, 2 штуки золотых колец и разные серебряные вещи» [19: 2, 3].

Значительный вклад в Фонд обороны внесли жители районов Дагестанской АССР. Так, только за 1942–1943 гг. жителями Рутульского района в Фонд обороны было внесено более 4 млн руб. [12]. Трудящиеся Дахадаевского района только в Фонд обороны сдали более 1 750 102 руб., 285 голов крупного рогатого скота. Гаджи Курбанов из с. Уркарах из своих личных сбережений внес в Фонд обороны страны 205 тыс. руб., за что И.В. Сталин прислал ему правительственную телеграмму [3]. По Сергокалинскому району в Фонд обороны было направлено 203 594 руб. По Лакскому району в Фонд обороны в 1942 г. было собрано 473 577 руб. [15: 15]. В Тляратинском районе в Фонд обороны страны в 1942–1943 гг. было собрано 102 кг серебра, 105 350 руб. деньгами и 187 345 руб. облигациями [15: 250]. Колхозники Хунзахского района к 1 января 1942 г. перечислили в Фонд обороны 43 229 руб. деньгами, 208 000 руб. облигациями займов, сдали

1277 кг серебра, 776 кг меди [16: 97]. К 25 марта 1942 г. Фонд обороны по ДАССР составлял уже 20 780 000 рублей [8: 249].

С января 1943 г. трудящиеся Дагестана начали вносить денежные средства в фонд строительства танковых колонн и эскадрильи боевых самолетов. Трудящиеся города Махачкалы и пригородных колхозов на строительство танковой колонны и эскадрильи боевых самолетов внесли 3 845 000 руб. [5].

На строительство танковой колонны «Шамиль» и эскадрильи боевых самолетов «Лакский колхозник» колхозники и колхозницы Лакского района внесли 220 000 руб. В Кулинском районе на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи было собрано 1 270 000 рублей. В Сергокалинском районе было собрано: на строительство танковой колонны «Шамиль» – 4 393 014 руб., на постройку бронепоезда «Комсомолец Дагестана» – 3599 руб. 85 коп. Колхозники сел. Уллубий-аул Буйнакского района на строительство эскадрильи боевых самолетов им. У. Буйнакского внесли 81 000 руб., а жители г. Дербента – 121 000 руб. 13 колхозов Лакского района на строительство боевых самолетов им. Гаруна Саидова внесли 700 000 руб. и 237 000 руб. от других колхозов [15: 7].

Трудящиеся Рутульского района на постройку авиаэскадрильи им. Валентина Эмирова внесли 722 555 рублей, на создание танковой колонны «Шамиль» – 581 560 рублей, за что район получил приветственную телеграмму от Верховного Главнокомандующего [6: 256].

Комсомольцы Дахадаевского района внесли для строительства танковой колонны «Шамиль» 220 тыс. руб., авиаэскадрильи им. Богатырева – 470 тыс. руб., бронепоездов им. М. Гаджиева – 110 тыс. руб., «Юный пионер» и «Комсомолец Дагестана» – 440,7 тыс. руб. Только в колхозе им. XVI партсъезда в ответ на приветственное обращение И.В. Сталина прошел дополнительный сбор средств на боевую технику для Красной армии. На самом митинге было собрано 56 300 руб. [13: 250].

26 января 1943 г. секретарь Буйнакского райкома ВЛКСМ Курбаналиева рапортовала секретарю Дагестанского обкома ВКП(б) А. Алиеву и секретарю Дагестанского обкома ВЛКСМ Мусаеву о вкладах молодежи района в строительство боевой техники для Красной армии. В рапорте сообщалось, что «комсомольцы и молодежь района

внесли из своих личных сбережений на строительство бронепоездов им. Героя Советского Союза Магомеда Гаджиева и “Комсомолец Дагестана” – 525 281 руб., на строительство танковой колонны “Шамиль” – 890 000 руб., на строительство авиаэскадрильи “Юный пионер Дагестана” – 56 000 руб., на танковую колонну им. У. Буйнакского – 186 000 руб.». В числе внесших наибольшую сумму на строительство авиазвена «Юный пионер Дагестана» – комсомольская организация средней школы сел. Нижнее Казанище – 21 000 руб. [4].

Руководители Дагестана А. Алиев, А. Тахтаров, А. Даниялов в своей телеграмме И.В. Сталину отмечали, что «кроме собранных на строительство танковой колонны “Шамиль” 25 млн руб. колхозники и колхозницы, рабочие и работницы, советская интеллигенция, жены фронтовиков, домохозяйки, пионеры и школьники, трудящиеся всех народностей нашей республики – аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, русские, лакцы, табасаранцы, таты, рутулы, агулы, азербайджанцы – дополнительно собрали и внесли на строительство авиаэскадрилий боевых самолетов еще 26 млн 640 тыс. руб.» [7: 397].

Только к 1 февраля 1943 г. трудящиеся Дагестанской АССР на строительство танков, самолетов и бронепоездов внесли из своих личных сбережений 56 483 тыс. руб. Кроме того, дагестанцы внесли 14 661 тыс. руб. облигациями государственных займов, 50 г золота и 108,4 кг серебра [2: 330]. За весну 1944 г. населением Дагестана в госбанк на вооружение Красной армии было внесено 23 042 000 руб. Впереди шли труженики Гунибского, Лакского, Буйнакского, Сергокалинского, Докузпаринского, Карабудахкентского и ряда других районов [14: 26].

На средства, собранные жителями республики, было построено три и отремонтировано шесть тяжелых бронепоездов, авиаэскадрильи, боевые самолеты. В Фонд обороны было внесено 350 млн руб., осуществлена подписка на государственный военный заем на 370 млн руб. и на 60 млн руб. было размещено билетов денежно-вещевой лотереи [17: 175].

В целом по стране за годы войны в Фонд обороны страны поступило свыше 17 млрд руб. наличными, 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, на 1,7 млрд руб. драгоценностей, свыше 4,5 млрд руб. облигаций государственных займов, свыше 0,5 млрд руб. вкладов

в сберегательные кассы [10: 69]. Эти средства были израсходованы на оборонные цели. На них построено более 2,5 тысячи боевых самолетов, несколько тысяч танков, артиллерийских орудий, 8 подводных лодок, 16 военных катеров и другая боевая техника [9: 20]. Это был существенный вклад народов СССР в общую победу над фашистской Германией.

### Источники и литература

1. Григорьев А.Д., Харитонов С.Б. Фонд обороны и фонд Красной Армии как проявление патриотизма и гражданственности населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. 2017. № 1. С. 59–64.
2. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (Документы и материалы) / отв. ред. М.Д. Бутаев. Махачкала, 1995.
3. Дагестанская правда. 1943. 20 января. № 16.
4. Дагестанская правда. 1943. 26 января. № 20.
5. Дагестанская правда. 1943. 31 января. № 25.
6. Идрисова З.Б. Деятельность партийных и советских органов власти горных районов Дагестана по оказанию помощи семьям фронтовиков в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2020. С. 254–259.
7. История Дагестана: в 4 т. / гл. ред. Г.Д. Даниялов. Т. 3. М., 1968.
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. М., 2005.
9. Клокова Г.В. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Тыл. Оккупация. Соппротивление. М., 1993.
10. Порхунув Г.А. Помощь фронту: личный вклад населения СССР в разгром фашистских захватчиков // Омский научный вестник. 2010. № 2 (86). С. 68–69.
11. Правда. 1941. 29 июля. № 208.
12. Рутульцы во второй мировой войне // РИА «Дагестан. URL: [https://www.riadagestan.ru/news/rutulskiy\\_rayon/rutultsy\\_vo\\_vtoroy\\_mirovoy\\_voyne/](https://www.riadagestan.ru/news/rutulskiy_rayon/rutultsy_vo_vtoroy_mirovoy_voyne/) (дата обращения: 23.01.2023).

13. Султанбеков Р.М. Вклад населения Дахадаевского района в достижение победы над фашистской Германией // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2020. С. 245–253.
14. Султанбеков Р.М., Алиев Х.К. Вклад трудящихся Дагестана в Фонд обороны страны // Материалы Юбилейной научной сессии профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ДГПУ, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Махачкала, 2015. С. 25–27.
15. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. Махачкала, 2015.
16. Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. Махачкала, 2018.
17. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 26. Д. 376.
18. ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38.
19. ЦГА РД. Ф. 1475-п. Оп. 1. Д. 46.

**С.Г. Сидоров**

**ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ  
КРАСНОАРМЕЙСКОГО РАЙОНА СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ  
в 1941–1945 гг.**

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз вызвало проведение мобилизации на фронт мужского населения страны. За первые два года войны, в основном в 1941 г., на фронт из Красноармейского района ушло 3 тыс. человек [22: 12]. Материальное положение многих семей резко ухудшилось. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» наиболее нуждающимся стали оказывать государственную помощь. Размер ежемесячного пособия в сельской местности составлял от 50 до 100 руб.,



был в два раза меньше, чем в городе, и зависел от наличия трудоспособных лиц и числа нетрудоспособных членов в семье [18: 11].

Решение о выдаче пособия в районе, как и по всей стране, принимала комиссия в составе заместителя председателя райисполкома (председатель комиссии), районного военного комиссара и заведующего районным отделом социального обеспечения на основании списков, поступающих от местных советов депутатов трудящихся.

В целях информирования населения о выходе указа сельсоветы Красноармейского района провели собрания членов семей мобилизованных, на которых рассказали о порядке назначения и выплате пособий.

За первые два месяца войны райсобес исполкома Красноармейского района выдал государственные пособия семьям красноармейцев в размере 34 165 руб. [7], до ноября 1941 г. – 86 746 руб. [8].

Помощь семьям военнослужащих выражалась не только в назначении государственных пособий, но и в устройстве на работу трудоспособных членов семьи, оказании материальной и финансовой поддержки на местах. Так, в с. Большие Чапурники была устроена на работу Галина Тихонова, жена мобилизованного в армию [5]. Из кассы взаимопомощи колхоза имени Мичурина помощь продуктами питания (по 50–60 кг зерна) оказали семьям Аликанова, Кузьмина, материальную помощь семье Лыкова, единовременное денежное пособие получили Попова и Трошечко [6]. Колхоз имени XVII партсъезда выдал семьям красноармейцев Дробинкиной и Драгуновой 500 снопов камыша. Сельхозартель «Хрият» предоставила семьям Даудовой и Норбековой по два воза фуража, Шариповой – одну тонну угля, Мавлютиной отремонтировала квартиру [7].

В работу по оказанию материальной помощи остро нуждающимся семьям фронтовиков всё активнее включались колхозные кассы взаимопомощи. Лучше других осенью 1941 г. эту работу организовала касса взаимопомощи с. Цаца, из которой семья красноармейца Шинкаренко получила 40 руб. деньгами, 200 кг зерна и 60 кг овощей. Эвакуированной в село Н.Е. Серой выдали на семью 40 руб., 100 кг зерна и 20 кг овощей. Выдачу единовременных пособий производила также касса взаимопомощи при колхозе имени Мичурина, которая оказала помощь семьям И. Кудеярова, Т. Иванова, И. Лунева [8].

Особая забота проявлялась об эвакуированных детях. В сельхозартели имени Сталина колхозники к февралю 1942 г. собрали для них 6 джемперов, 3 пиджака, 4 платья для девочек, 8 пар носков и 15 других вещей [9]. Сбор средств и вещей для эвакуированных детей было решено организовать и на сессии сельсовета с. Большие Чапурники. За эту работу взялись женщины-активистки – Романенко, Пиляева, А. Моисеева, Н. Дубоносова, Е. Гадышева, Н. Бутенко, А. Карташова, К. Елизаветская, Т. Дробинкина, каждая из которых собрала среди жителей села по несколько сот рублей. Бригадир колхоза имени XVII партсъезда И.В. Волохов сдал 1000 руб., из которых 500 руб. внес лично, а остальные собрал у своих соседей. Многие домохозяйки передали для детей одежду, обувь, посуду [10].

Комсомольцы станции Чапурники собрали среди железнодорожников для эвакуированных детей различные вещи и 471 руб. деньгами. В сборе вещей и денег активное участие приняли заведующая школой В. Жалина, комсомольцы К. Штименко и Б. Уваров [11].

В первый год войны оказываемая на местах помощь семьям военнослужащих не носила массовый характер. Наибольшую значимость она приобрела после окончания Сталинградской битвы, в результате которой жителям Красноармейского района был нанесен ущерб, составивший 156 464 871 руб. [4: 21]. В Червленовском и Ивановском сельсоветах в ходе боевых действий, бомбардировок и артобстрелов оказались разрушены все дома, в других сельсоветах – от 20 до 70 % [28: 1–2 об.].

В этих условиях помощь семьям военнослужащих в районе приобретала всё большую значимость. Так, на первом после завершения боев заседании исполкома Большечাপурниковского сельсовета 19 декабря 1942 г. одним из двух рассматриваемых вопросов был разбор заявлений об оказании помощи. Исполком принял решение выдать по 60 кг ржи сиротам Колесниковым и инвалиду Отечественной войны Андрею Григорьевичу Дурнопхаеву, 20 кг ржи – жене красноармейца Екатерине Фёдоровне Луневой, 35 кг пшеницы – Николаю Гавриловичу Соколову. На постройку землянок потерявшим дома от бомбежек и артобстрелов Василию Фёдоровичу Харьковскому, Фёдору Захаровичу Кулимзину и Анне Петровне Волоховой выдали лесоматериал [3: 2].

На усиление внимания к семьям фронтовиков были направлены и действия областных и центральных органов власти. Уже в январе 1943 г. в соответствии с указаниями из Москвы облисполком направил в райсоветы телеграмму с требованием проверить семьи военнослужащих, особенно эвакуированных, обеспечены ли они огородными участками и семенами, и оказать им необходимую помощь [2: 15].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 января 1943 г. при совнаркомх автономных республик, исполкомах краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся образовывались отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. С этого времени вопросы назначения и выплаты пособий и пенсий передавались из ведения органов социального обеспечения во вновь созданные отделы [19: 48]. Ввиду важности проводимой работы, в соответствии с распоряжением Совета народных комиссаров СССР от 22 февраля 1943 г., заведующий отделом по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих одновременно назначался заместителем председателя районного (городского) исполкома Совета депутатов трудящихся и председателем комиссии по назначению пособий и пенсий семьям военнослужащих. В состав комиссии вводились также рай(гор)военком и заведующий рай(гор)финотделом [19: 49].

14 марта 1943 г. вопрос «О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» обсудили на заседании 14-й сессии Красноармейского райсовета. Сессия решила создать в исполкоме отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Сельсоветам было поручено в трехдневный срок выявить все семьи фронтовиков и их нуждаемость. Председатели сельсоветов и колхозов до 25 марта обязывались выделить земельные участки для коллективных и индивидуальных огородов, в том числе и эвакуированному населению [1: 4].

В тот же день начальником вновь образованного отдела и заместителем председателя исполкома Красноармейского райсовета был назначен Фёдор Семёнович Сороколетов, до этого исполнявший обязанности третьего секретаря Красноармейского РК ВКП(б) [27: 43–44 об.].

К маю отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих провел обследование 972 хозяйств и выявил среди них остро нуждающихся. В результате 350 семьям была оказана помощь хлебом, 712 – подводами, 26 – одеждой и обувью, 117 семьям предоставлена помощь в жилье, выдано 2 т рыбы, 85 инвалидов войны устроены на работу [20: 100].

3 мая вопрос об оказании помощи семьям военнослужащих рассмотрели на заседании райкома ВКП(б), на котором наряду с положительными результатами был отмечен и ряд недостатков: отсутствие учета количества семей военнослужащих в районе; не все семьи, имеющие право на получение пособий и пенсий, были оформлены; имелась задолженность по выплате пособий и пенсий. Райком потребовал устранить отмеченные упущения в работе [20: 100 об.].

Число учтенных семей военнослужащих в районе постоянно росло. В июле 1943 г. их было уже 1947 [21: 26 об.]. К этому времени с начала войны семьям военнослужащих района было выплачено 1458 тыс. руб. государственных пособий и пенсий. Колхозы и организации оказали им материальную помощь, выдав 6 т муки, 3 т рыбы, 100 кг масла. 700 семьям выделили подводы для подвозки корма и топлива, 370 семьям помогли в предоставлении и ремонте квартир [12].

Осенью 1943 г. работа по оказанию помощи семьям военнослужащих вышла на новый уровень. По решению Сталинградского обкома ВКП(б) и облисполкома в области в период с 13 сентября по 7 ноября прошел месячник, в ходе которого в Красноармейском районе были созданы районная комиссия в составе 9 человек и 45 комиссий на местах, в которые вошло 152 человека. В начале месячника провели 32 собрания с семьями военнослужащих, на которых присутствовало 1500 человек, затем обследовали нуждаемость таких семей. В районе из 2161 обследовали 2020 семей военнослужащих, из которых 1185 оказались нуждающимися.

Особое внимание в ходе месячника уделялось подготовке к зиме квартир, заготовке и завозу топлива и кормов, обеспечению детей, особенно школьников, одеждой и обувью. Вся эта работа осуществлялась в ходе массовых воскресников. В первую очередь помощь оказывалась остро нуждающимся [29: 40].

Итоги месячника были подведены на заседании Красноармейского райкома ВКП(б) 13 ноября. 1063 семьям оказали помощь хлебом (230 ц), 185 – овощами (100 ц), 320 семьям отремонтировали квартиры, 897 – подвезли топливо (1050 вozов). Учитывая острую потребность в обуви, в ходе месячника отремонтировали и выдали 310 пар новой обуви, для изготовления валенок и теплых вещей передали 3600 кг шерсти. В результате оказанной помощи в школы вернулось 80 детей, не посещавших занятия из-за отсутствия обуви. 457 хозяйств получили льготы по поставкам сельскохозяйственных продуктов. 78 семей стали получать денежное пособие, 12 особо нуждающимся семьям выдали 2850 руб. единовременной денежной помощи. Для 27 хозяйств военнослужащих был оформлен государственный кредит на сумму 27 тыс. руб. В ходе месячника было трудоустроено 25 членов семей военнослужащих, 40 детей устроены в детские учреждения и столовые. 72 семьям было возвращено 72 головы скота, принятого во время эвакуации Красноармейской базой «Заготскот». Силами семей военнослужащих был проведен воскресник, в ходе которого отремонтировали пять домов.

Отметив, что семьям военнослужащих оказана большая помощь, райком ВКП(б) посчитал необходимым продлить проводимую работу, дополнительно отремонтировать и построить дома для 30 семейств военнослужащих, а также продолжить подвоз топлива и фуража [29: 40–41].

Всего за 1943 г. семьям военнослужащих было выдано пособие в сумме 2 373 242 руб. и пенсии 123 460 руб. Кроме того, они получили единовременную помощь: 7 тыс. руб. деньгами, 650 ц хлеба, 859 ц овощей, 320 ц рыбы, им подвезли 1060 вozов топлива, отремонтировали 320 квартир, заготовили 2360 вozов кормов, выдали 36 ц шерсти и т.д. [13].

Особая забота проявлялась о детях. В марте 1944 г. на заседании райкома ВКП(б) рассмотрели вопрос «О сборе средств и оказании помощи детям фронтовиков». Секретарь райкома ВЛКСМ А.П. Попова сообщила, что на собранные комсомольцами района 9 тыс. руб. приобрели 100 платьев, 50 рубашек и 6 детских пальто. Партийные, советские и общественные организации передали детям много одежды, 50 пар новой и 326 пар отремонтированной обуви, 12 пар валенок. 30 детей района устроили в детские ясли, 140 – в детсады, 850 – в сезонные

детские учреждения, 18 – в детские дома, 35 – в школы фабрично-заводского обучения, 12 – учениками на предприятия [23: 58].

В 1944 г. в Красноармейском районе широкое развитие получила новая форма оказания помощи семьям военнослужащих. Колхозы, поддержав инициативу колхозников, рабочих и служащих Кругловского района Сталинградской области [14], стали проводить дополнительные посевы зерновых, огородных и бахчевых культур с целью создания фондов для оказания помощи семьям фронтовиков [15]. Всего в районе планировали засеять в фонд помощи семьям фронтовиков 150 га разных культур. Кроме того, под огороды семьям военнослужащих выделили 450 га земли, из которых на 15 мая 380 га уже засеяли. Лучше других эту работу организовали правления колхозов имени Сталина и «Ударный» [16].

В 1944 г. помощь семьям фронтовиков в районе увеличилась. До 21 мая им выдали в порядке единовременной помощи 30 т хлеба, 350 детских пайков. В фонд помощи детям-сиротам собрали 7 тыс. руб. Факты равнодушного отношения к семьям фронтовиков не оставались без внимания руководящих органов и обнародовались через районную газету [16].

В сентябре – октябре 1944 г. в районе в соответствии с решением руководства области проводился месячник помощи семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны.

Райком ВКП(б) и исполком районного совета поручили сельским советам, партийным организациям и правлениям колхозов в ходе месячника оказать семьям фронтовиков помощь в ремонте квартир, заготовке и подвозке топлива, фуража для их личного скота, обеспечить одеждой и обувью нуждающихся школьников, детей фронтовиков. При сельских советах рекомендовалось создавать денежные и продовольственные фонды помощи семьям фронтовиков и инвалидам войны.

В ходе месячника лучших результатов добились руководители с. Райгород, колхозов имени Буденного, «Трудолюбие», «Хрият». В то же время заведующий военным отделом Красноармейского райкома ВКП(б) М.П. Фомиченко через районную газету подверг критике работу председателей Дубовоовражского, Большечепурниковского и Светлоярского сельсоветов по организации месячника [17].

Итоги месячника райком ВКП(б) подвел 13 октября. Отметив, что в районе из 1800 обследовали лишь 1200 семей военнослужащих [24: 53], районный комитет признал результаты месячника неудовлетворительными и принял решение продолжить работу. В результате дополнительных усилий количество обследованных семей военнослужащих увеличилось до 1680, среди которых выявили 808 нуждающихся семей, в том числе 275 остро нуждающихся. Всего за 1944 г. в районе было трудоустроено 220 человек и столько же вовлечено в кружки повышения квалификации. 32 ребенка удалось вернуть в школу. На учете в районе находилось 67 детей-сирот, из которых 44 находились под патронажем, 4 под опекой и 6 усыновлено, 12 детей подлежали устройству в детские дома. 90 детей фронтовиков были прикреплены к двум детским столовым. За год детям выдали 260 пар кожаной и 20 пар валяной обуви, отремонтировали 650 пар кожаной и 256 пар валяной обуви. Для семей фронтовиков построили два новых и отремонтировали 148 домов, для 780 семей подвезли 3560 м<sup>3</sup> топлива. За год им была оказана помощь в приобретении 10 коров и телок и 25 овец и коз. Тем не менее к концу 1944 г. из 1800 семей фронтовиков только 1050 имели коров и другой скот.

В Фонд помощи семьям военнослужащих за год поступило 15 тыс. руб., 3,8 т зерновых и бобовых культур из сверхплановых посевов, от населения – 2 ц картофеля и 5 т других продуктов, от добровольных отчислений колхозов – 387 ц овощей, 5780 л молока и 20 т других продуктов. 1244 члена семей получили льготы по военному налогу (248 400 руб.), 753 семьи – по сельскохозяйственному налогу (239 607 руб.), 300 семей – по натуральным поставкам государству (по мясу – 137 ц, молоку – 5880 л, яйцам – 6430 шт., шерсти – 51 кг). В течение года выявили 36 семей, не получавших ранее положенных льгот [25: 66–68].

В 1945 г. оказание помощи продолжалось. К концу войны число семей военнослужащих в районе сократилось до 1735, из которых 317 были остро нуждающимися. 1019 членов семей за первые пять месяцев года получили от государства пособия и пенсии на сумму 335 354 руб. 12 семей получили кредит 91 тыс. руб. на строительство жилья. За первое полугодие им была оказана посильная материальная и финансовая помощь. Колхозы посеяли сверх плана в Фонд помощи

семьям военнослужащих 65 га зерновых и овощных культур, выделили 432 га земли под огороды. Для семей, не имевших скота, передали 67 коров и 42 овцы, 293 семьям оказали помощь в подвозке топлива и 209 семьям – фуража [26: 1]. Остронуждающиеся семьи обеспечивались хлебом, освобождались от военного налога, поставок сельскохозяйственной продукции государству. Особая забота, как и ранее, проявлялась о детях фронтовиков и детях-сиротах (табл. 1).

**Таблица 1.** Оказание помощи семьям военнослужащих в Красноармейском районе в первом полугодии 1945 г. [26: 1 – 1 об.]

Наименование видов помощи	Количество	Семей/чел.	
Выдано хлеба остронуждающимся	9800 кг	644	
Выдано земли под огороды и посеяно	432 га	1730	
Освобождены от военного налога	9000 руб.	45	
Освобождены от государственных поставок		10	
Отремонтировано квартир	15 шт.	15	
Выдано детской обуви:	– валенок	50 пар	50 чел.
	– кожаной	65 пар	65 чел.
Выдано детской одежды	50 вещей	50 чел.	
Возвращено в школу учащихся		30 чел.	
Выдано детских пайков	350 шт.	350 чел.	
Выдано вещевых подарков	480 вещей	350 чел.	
Организовано сезонных площадок в колхозах	21 шт.	650 чел.	
Отремонтировано обуви и одежды	250 пар	250 чел.	
Выдано вещевых подарков детям-сиротам	240 шт.	180 чел.	
Собрано денег в Фонд помощи семьям военнослужащих	5000 руб.		

Посильная помощь, оказываемая семьям фронтовиков государством, хозяйственными, советскими и общественными организациями, населением района за весь период Великой Отечественной войны, свидетельствовала о единстве фронта и тыла, поднимала дух бойцов на фронте, способствовала достижению победы в ожесточенной схватке с фашизмом.



**Источники и литература**

1. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-287. Оп. 1. Д. 43.
2. ГАВО. Ф. Р-5775. Оп. 1. Д. 21.
3. ГАВО. Ф. Р-5779. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 580.
5. Коммуна. 1941. 13 июля.
6. Коммуна. 1941. 20 августа.
7. Коммуна. 1941. 7 сентября.
8. Коммуна. 1941. 5 ноября.
9. Коммуна. 1942. 30 января.
10. Коммуна. 1942. 13 марта.
11. Коммуна. 1942. 25 марта.
12. Коммуна. 1943. 9 июля.
13. Коммуна. 1944. 23 февраля.
14. Коммуна. 1944. 9 апреля.
15. Коммуна. 1944. 1 мая.
16. Коммуна. 1944. 21 мая.
17. Коммуна. 1944. 12 октября.
18. Сборник указов Президиума Верховного Совета СССР, изданных в связи с войной против немецкого фашизма. [Б. м.], 1941.
19. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л., 1944.
20. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 10.
21. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 12.
22. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 28.
23. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 33.
24. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 35.
25. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 54.
26. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 77.
27. ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 5. Д. 6.
28. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 118.
29. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 273.

**Н.Д. Судавцов****ЭВАКУИРОВАННЫЕ НА СТАВРОПОЛЬЕ  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)**

В период Великой Отечественной войны в СССР шли сложные демографические процессы. Они были связаны, прежде всего, с перемещением огромных масс населения. В первую очередь это мобилизация 29,5 млн человек, а всего было привлечено в вооруженные силы в общей сложности 34,5 млн человек [3: 41].

Существенную роль также играла организованная и стихийная эвакуация из прифронтовых районов на восток страны. СНК СССР и ЦК ВКП(б) уже 24 июня 1941 г. создали Совет по эвакуации, которому было поручено заниматься вывозом вглубь страны не только материальных ценностей, предприятий, организаций, но и людей с территорий, которым угрожала оккупация. Одновременно с этим при наркоматах и ведомствах в регионах государства были созданы бюро и комитеты по эвакуации. Само размещение предприятий и людей в новых районах было возложено на местные советские и партийные органы [9: 16–17].

На Ставрополье первоначально никто даже думать не хотел об эвакуации с территории края. А вот в том, что сюда будут прибывать эвакуированные и нужно быть готовыми их принимать и разместить, никто не сомневался. Это в свое время продемонстрировала Первая мировая война. Уже 12 июля 1941 г. Орджоникидзевский (Ставропольский) крайисполком принял постановление «О порядке размещения эвакуированного населения в городах и районах края», которым были определены направления деятельности советов Ставрополья по приему эвакуированных [5: 48–48 об.].

В прифронтовых районах эвакуация часто проходила под бомбежками, обстрелами. Эшелоны, идущие на восток, подвергались массированным налетам немецкой авиации, хотя было очевидно, что они не военные, а гражданские, санитарные. Это было составной частью политики германского командования: разрушить транспортные артерии противника, не дать ему возможности обеспечить фронт всем необходимым и провести эвакуацию из прифронтовых районов, лишить возможности Советы использовать оборудование и кадры

в новых местах для производства вооружения. Поэтому не случайно за годы войны немецкой авиацией на железные дороги СССР было сброшено 44 % всех бомб, использованных на советско-германском фронте [2: 268].

Во время войны была проведена колоссальная работа по эвакуации. Только во второй половине 1941 г. на восток было вывезено 1523 крупных промышленных предприятия, для чего потребовалось 1,5 млн вагонов. За это же время в тыл – Поволжье, Урал, Сибирь, Среднюю Азию, Кавказ – было переправлено более 12 млн человек [4: 253].

В тыловых районах приемом и размещением эвакуированных занимались партийные советские органы. Задача эта была чрезвычайно трудной. В сжатые сроки необходимо было решить массу сложных вопросов: обеспечить людей жильем, питанием, работой, школами, детскими садами, создать элементарные бытовые условия, организовать работу по монтажу оборудования прибывающих предприятий.

Одним из регионов, который принимал эвакуированных, был Северный Кавказ, в том числе и Ставрополье, куда в июле 1941 г. стали прибывать эвакуированные из Молдавии, Украины, Белоруссии. Это были люди, которые спешно покинули родные места, часто ничего не взяв с собой, даже документов. Придавая исключительную значимость их приему, Ставропольский крайисполком и крайком ВКП(б) принимали меры по созданию им необходимых условий для проживания и работы в городах и районах.

В целях упорядочения приема и размещения эвакуированных, оказания им практической помощи решением крайисполкома от 13 августа 1941 г. в краевом центре был создан эвакуопункт. Городские, районные, сельские советы, руководители предприятий и хозяйств края оперативно решали вопросы оказания помощи эвакуированным в размещении, обеспечении их жильем, питанием, детскими садами, школами, в трудоустройстве на работу и т.д. Несчастье и горе советских людей, пострадавших от врага в годы Великой Отечественной войны, с болью и участием воспринимались жителями Ставрополья и Кубани, которые старались оказать прибывшим помощь и поддержку.

Осенью 1941 г. на Ставрополье сложилась очень трудная ситуация с приемом беженцев. При остановках в крае поездов, следовавших с севера в Закавказье, значительная часть беженцев покидала вагоны

и оставалась на Ставрополье, особенно в регионе Кавказские Минеральные Воды. В результате вскоре оказалось, что население этой территории края значительно увеличилось за счет прибывших в результате эвакуации. Огромные трудности также были связаны с плановой эвакуацией в край медицинских учебных заведений и созданием более 100 госпиталей, в которых на излечении находилось более 30 тысяч раненых и больных воинов [10: 41]. На них не были выделены продовольственные и материальные фонды, поэтому местным властям приходилось перераспределять и на эвакуированных то, что имелось на местах. Это стало причиной ухудшения условий жизни и быта населения края.

Ряд районов оказался перегруженным эвакуированным населением. Исходя из этого, крайисполком обратился в совет по эвакуации с просьбой не останавливать на Ставрополье поезда, идущие на юг, особенно в регионе Кавказские Минеральные Воды, который и так был переполнен ранеными и беженцами, а направлять их в республики Северного Кавказа, Закавказье и Среднюю Азию. Просьба была удовлетворена. Тем не менее эвакуированных в крае на 1 октября 1941 г. было 226 тыс. человек [11]. Местные власти использовали эвакуированных на различных работах в сельском хозяйстве, на предприятиях, строительстве оборонительных сооружений, военных объектов и т.д.

Зимой 1941–1942 гг. на Северный Кавказ после создания «ледовой дороги» на Ладожском озере стали прибывать люди, вывезенные из блокадного Ленинграда, пережившие страшный голод, холод, нужду. Крайисполком и крайком ВКП(б) уделяли особое внимание приему и размещению эвакуированных ленинградцев. 10 февраля 1942 г. они приняли специальное постановление «О размещении эвакуированного населения из Ленинграда». Предполагалось проводить размещение в порядке уплотнения на квартирах местных жителей и разъяснять населению необходимость предоставления мест для проживания эвакуированных. Наиболее слабых на полторы – две недели после прибытия должны были помещать в больницы. 40–50 % предусматривалось поселить в специально оборудованных стационарных помещениях клубов, вузов, техникумов, школ [6: 70–71].

Среди прибывших было много детей, изможденных, измученных блокадой. Местное население относилось к эвакуированным, особенно

к детям, с состраданием и жалостью. Ненавидя немецко-фашистских захватчиков, они проникались одновременно гордостью за блокадников, проявивших небывалое мужество и стойкость в условиях невероятных трудностей. Тысячи ленинградцев нашли радушный прием на Ставрополье, сотни детей, оставшихся без родителей, были взяты в семьи колхозников, рабочих, служащих, помещены в детские дома Ставрополья, Карачая и Черкесии. Детей разбирали в семьи, окружали теплом и заботой. Для них ничего не жалели. Им отдавали последнее.

В период оккупации как никогда проявлялось благородство народов СССР, когда спасение чужих жизней было сопряжено с риском для своей. В апреле 1942 г. эшелон, в котором находилось 1500 детей, эвакуированных из детских домов блокадного Ленинграда в Краснодарский край, шел больше месяца. У Армавира он подвергся жестокой бомбардировке. Детей стали отправлять на подводах в тыл. Четыре подводы, направленные в Грузию через Клухорский перевал, остановились на окраине черкесского аула Бесленей. Жители аула, узнав, что это дети блокадного Ленинграда, пришли, прихватив с собой еду. Но, увидев лежавших на подводах изнуренных, безучастных ко всему, с постаревшими лицами детей, пришедшие, не задумываясь, стали разбирать их по домам, избавляя от дальнейшей поездки через перевал. В тот же день их вписали в похозяйственную книгу сельского совета, дали им черкесские имена и фамилии приютивших семей. Катя Иванова стала Фатимой Охтовой, Виктор Воронин – Рамазаном Адзиновым и т.д. Так 32 ребенка были усыновлены, удочерены и стали черкесами.

Вступившие в аул фашисты выпытывали у населения: «Через аул проходил обоз с детьми. Куда вы их дели?» Но никто из детей не был отдан врагам, и они были спасены. После войны многих забрали родители, родственники, а сироты стали родными для приемных родителей. Н.М. Чистяков в своей поэме «Память сердца» писал:

Бесленей – это память о дружбе народов,  
Бесленей – это подвиг его матерей...  
Бесленей – это смелость гражданских позиций,  
Бесленей – это жизнь ленинградских детей... [1].

Эвакуированные активно включались в работу по месту пребывания, что было очень важно в условиях, когда повсеместно

не хватало рабочих рук. Они участвовали в уборке урожая, работали на предприятиях, стройках, возведении оборонительных сооружений, лечили больных и раненых воинов и т.д.

Летом 1942 г., когда враг предпринял наступление на юге и юго-западе страны, последовала вторая волна эвакуации из Воронежской, Орловской, Ростовской, Ворошиловградской областей. Для многих из них это была вторая эвакуация после 1941 г. Большинство эвакуированных практически ничего не имело. Да и места проживания в южной излучине Дона им приходилось покидать в спешке в связи с быстрым наступлением германских войск. Многие из тех, кто передвигался своим ходом, далеко уйти не могли и вскоре оказались в тылу немецких войск. Они оседали там, где их настигли оккупанты.

Эвакуация на Северный Кавказ наложилась на эвакуацию из региона в связи с вторжением немецких войск. Эвакуация предприятий, населения с Северного Кавказа была проведена лишь частично, поскольку на этот счет до последнего не было указания Государственного комитета обороны СССР. Эвакуировали оборудование нефтепромыслов Майкопа и Грозного, запасы нефти, зерно и т.д. Но многое по причине быстрого продвижения немецких войск вывезти не удалось. Так, захват немецкими войсками станции Кавказской отрезал выход с территории Орджоникидзевского края, поэтому груженные составы не смогли выйти на линию Ростов – Баку. Население, передвигавшееся пешком, на подводах, часто вынуждено было возвращаться в родные места в связи с тем, что путь оказывался закрыт врагом.

Оккупационные власти проявляли небывалую жестокость по отношению к эвакуированным, особенно еврейскому населению, устраивали его массовое уничтожение. Под предлогом того, что эвакуированных вывозят с Кавказских Минеральных Вод для проживания в других местах, их грузили в городах-курортах в железнодорожные эшелоны и везли в г. Минеральные Воды, где недалеко от стекольного завода в поселке Анджиевский выгружали и расстреливали из автоматов и пулеметов в противотанковых рвах. Всего таким образом было уничтожено около 8 тыс. человек, в основном эвакуированных. Именно на Ставрополье одними из первых были применены душегубки, в которых умерщвляли людей выхлопными газами работавших двигателей автомобилей. Местное население, рискуя жизнью, как могло,

старалось спасти эвакуированных, выдавая их за своих родственников, знакомых, прибывших из других мест [7: 340]

Настоящий подвиг совершили преподаватели и студенты Ленинградского, Одесского, Ростовского-на-Дону медицинских, Днепропетровского фармацевтического и других институтов, эвакуированных в район Кавказские Минеральные Воды. Здесь они активно включились в оказание помощи больным и раненым воинам, проходившим лечение более чем в 100 госпиталях, сочетая работу с учебной. Большую помощь оказывали выдающийся офтальмолог академик В.П. Филатов, главный хирург г. Кисловодска ростовский профессор Т.Е. Гнилорыбов, профессор А.С. Вишневецкий и многие другие. Медицинские работники и ученые внесли большой вклад в разработку новых методик лечения с использованием природных факторов, минеральных вод, грязей. Ученые Днепропетровского фармацевтического института и Пятигорского бальнеологического института, используя местное сырье, совместно создавали уникальные препараты, получившие высокую оценку врачей. Всё это позволило коллективам госпиталей добиться того, что в строй возвращалось до 80 % лечившихся в госпиталях, а в Кисловодске – 83 %, самый высокий показатель в СССР за годы войны [8: 231, 232].

Отдавая дань подвигу медицинских работников в лечении больных и раненых, г. Кисловодск, как внесший наибольший вклад в их лечение, был награжден орденом Отечественной войны I степени. В городе установлен памятник медицинским работникам, который увековечил их подвиг в годы Великой Отечественной войны.

Эвакуированные внесли большой вклад в экономическое развитие ряда районов страны, в том числе Ставрополя, и обеспечение обороноспособности государства. Значительное количество людей было спасено от физического уничтожения, которому подвергалось население оккупированных регионов.

По мере освобождения территории СССР от оккупантов большая часть эвакуированных уезжала в родные места, чтобы возродить там жизнь. Они знали, что им будет очень трудно на пепелищах. Но они ехали домой. Их провожали тепло, стараясь обеспечить отъезжающих всем необходимым в дороге. Покидая Ставропольский край и другие места, они благодарили принявших их за оказанную

помощь в тяжелую пору, за то, что делились с ними последним и стали для них родными.

### Источники и литература

1. Бесленей – мост Черкесии. URL: <https://infourok.ru/referat-besleney-most-cherkesii-istoriya-moego-aula-601333.html> (дата обращения: 25.02.2023).
2. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985.
3. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2014.
4. Великая Отечественная народная 1941–1945: Краткий исторический очерк / ред. П.А. Жилин. М., 1985.
5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 18.
6. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 29.
7. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999.
8. *Ованесов Б.Т., Судаццов Н.Д.* Здравоохранение Ставрополья (1918–2005 гг.). Ставрополь, 2007.
9. СССР в Великой Отечественной войне. Хроника / под ред. С.М. Кляцкина и А.М. Синицына. М., 1970.
10. Ставрополье: Правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях / науч. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь, 2005.
11. Эвакуация в Орджоникидзевский (с 12 января 1943 года – Ставропольский) край в 1941 году // ГАСК. URL: <http://www.stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/virtualnaya-istoriko-dokumentalnaya-vystavka-skvoz-gody-govorit-vojna-posvyaschennaya-80-letiyu-nachala-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg/evakuatsiya.html> (дата обращения: 25.02.2023).

**Н.И. Медвенский**

### **ИЗ ЭПИЗОДОВ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ: «ИСПАНСКИЕ ДЕТИ» НА ПЕРЕВАЛАХ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА**

В 2023 г. исполняется 80 лет победы Красной армии в битве за Кавказ 1942–1943 гг. Относительно малоизученным эпизодом последней является судьба одной из групп детей-республиканцев (исп. Ninos



de Rusia, дословно – «дети из России»), вывезенных из Испании в 1937–1938 гг. с целью спасения их от Гражданской войны 1936–1939 гг., впоследствии оказавшихся в Ленинграде в начальный период блокады города, а затем эвакуированных на Кавказ. Источником информации для написания данной статьи послужили, главным образом, неопубликованные дневниковые записи одной из испанских девушек, входивших в состав упомянутой группы, – Кармен де лос Льянос, любезно предоставленные ее родной племянницей Марией, воспоминания родного брата Марии Вирхилио де лос Льянос, а также полевой материал, собранный на территории Ставропольского края и в Республике Абхазия.

Как известно, в 1937 и 1938 гг. из Испании был осуществлен организованный массовый вывоз детей и подростков из республиканских семей для спасения их от возможной гибели или репрессий в ходе боевых действий [5: 65]. В общей сложности за два года в составе четырех партий было эвакуировано свыше 34 тыс. чел., из чего около 20 тыс. чел. вывезено во Францию, около 5 тыс. чел. – в Бельгию, до 4 тыс. чел. – в Великобританию и около 3 тыс. чел. – в СССР [7]. Большая часть детей происходила из регионов, отрезанных франкистами от остальной части Испании – Страны Басков, Кантабрии и Астурии. Возраст детей составлял от 5 до 12 лет, при этом их сопровождала небольшая группа взрослых воспитателей.

В число детей, покинувших Испанию в ходе последнего, четвертого потока эвакуации, вошли сыновья и дочь одного из руководителей социал-демократического восстания в Мадриде (1934 г.), деятеля профсоюзного движения, активного участника Гражданской войны 1936–1939 гг., военного комиссара Вирхилио Льяноса Мантеки и актрисы Франсиски Мас Рольдан – Карлос, Вирхилио и Кармен де лос Льянос, проживавшие до начала войны в Барселоне. 25 октября 1938 г. младшие де лос Льяносы покинули Испанию, прибыв во Францию 5 ноября после десятидневного путешествия. Спустя месяц, 5 декабря 1938 г., на теплоходе «Феликс Дзержинский», ранее вышедшем из французского порта Гавр, они прибыли в Ленинград и были определены в один из трех размещавшихся в городе детских домов-интернатов для испанских детей, расположенный в бывшем здании богадельни Германского благотворительного общества по адресу: ул. Тверская, д. 11 [1]. Здесь

жили и учились до 300 детей из Испании. Отметим, что большинство прибывших в СССР ребят-испанцев было размещено именно в подобных детских домах, деятельность которых курировал специально созданный Отдел детских домов специального назначения при Народном Комиссариате просвещения СССР. По данным исследователя Елены Винсенс, к концу 1938 г. в СССР насчитывалось 15 таких домов: «десять в РСФСР... а пять других – на Украине. В России детские дома, в основном, были сосредоточены под Москвой и Ленинградом» [2]. Занятия там, как правило, велись на двух языках, поскольку многие сотрудники детских домов свободно говорили по-испански. «Начальная школа в интернатах была, со средней же дела обстояли сложнее. – записала Т. Михалкова со слов бывших детдомовцев. – Ребята учились и одновременно получали рабочие специальности. В частности, испанские подростки, проживавшие в интернате на Тверской, учились в авиационном техникуме, который находился на Средней Рогатке» [6].

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. младшие воспитанники детского дома-интерната для испанских детей на ул. Тверской были эвакуированы вглубь СССР. В их число вошли Вирхилио и Карлос де лос Льяносы, направленные соответственно в Поволжье и на Урал. Подростки средних и старших возрастов в основном были вынуждены остаться в Ленинграде, который с сентября 1941 г. оказался в блокаде. Поскольку городской транспорт перестал функционировать, каждое утро учащиеся проделывали путь в 11 км пешком с ул. Тверской до ул. Ленского вета, 14. Часть юношей, сознательно завышая свой возраст на призывных мобилизационных пунктах, записалась добровольцами в Красную армию, впоследствии многие из них погибли (на здании бывшего «испанского детдома» на ул. Тверской в память об их подвиге установлена мраморная мемориальная доска). Девушки, в том числе Кармен де лос Льянос, на протяжении первой блокадной зимы 1941–1942 гг. работали в военных госпиталях, посвятив себя уходу за ранеными красноармейцами и краснофлотцами. Юные испанцы всецело разделили голод, страдания и смерть, выпавшие на долю жителей Ленинграда.

19 марта 1942 г. по «Дороге жизни», единственной транспортной магистрали через Ладожское озеро, на «Большую землю» были эвакуированы группы из 58 испанцев – воспитанников ленинградского

детского дома на ул. Тверской, а также 115 испанских подростков, ранее временно проживавших в данном детдоме, в общежитиях предприятий и учебных заведений. С ними отправились 28 взрослых испанцев, работавших в детдоме и на городских предприятиях с тремя детьми, а также 30 русскоязычных сотрудников персонала детдома во главе с директором Аркадием Подгаецким. Общая численность эвакуируемых составила 234 человека. Свыше трех недель, в условиях военного времени, под угрозой немецких артобстрелов и авианалетов, нередко при вынужденных задержках, группа добиралась железнодорожным эшеломом на Кубань. Условия транспортировки можно определить как сложные, так как выдаваемого ежедневного рациона было недостаточно для нормального функционирования ослабленных блокадой детско-юношеских организмов. Горячую пищу и кипяток выдавали нерегулярно. «По дороге на станциях люди кормили нас, чем могли. Благодаря этой щедрости незнакомых людей мне удалось избавиться от страшной цинги, – вспоминала Кармен де лос Льянос. – Путешествие осложнилось тем, что на одной из станций под колеса соседнего поезда по своей неосторожности попали две испанские девушки. Их прооперировали в Армавире, но они остались инвалидами» [4].

Дневниковые записи Кармен де лос Льянос сообщают, что в Армавир все 234 человека прибыли 12 апреля 1942 г. Оттуда на подводах группу доставили в село Мостовское Краснодарского края. 100 человек, в число которых вошли дети младших возрастов и сотрудники администрации детского дома, были размещены на территории средней школы № 1, остальные 134 человека (подростки и обслуживающий персонал детского дома) расположились в бывшем здании туберкулезного госпиталя. Испанские дети и их сопровождающие прожили в Мостовском на протяжении четырех месяцев, продолжили получение среднего образования в местной сельской школе, а в период летних каникул оказывали посильную помощь селянам в проведении сельскохозяйственных работ. В свою очередь, мостовчане также старались проявить заботу об испанцах и снабжать детей продуктами питания.

Ситуация изменилась с началом битвы за Кавказ. В августе 1942 г. 49-й горный корпус вермахта под командованием генерала Рудольфа Конрада начал продвижение к перевалам Главного Кавказского хребта с целью выйти к Черноморскому побережью Кавказа. Наступление

немецких войск явилось причиной очередной вынужденной эвакуации испанских детей и их сопровождающих с нового временного пристанища. Большую часть группы (до 200 чел.) успели эвакуировать в Красноводск, а оттуда – в Самарканд, однако в селе Мостовском всё еще оставалась группа численностью в 34 человек. 7 августа 1942 г. эта группа под руководством Аркадия Подгаецкого выступила из села и двинулась на юг долиной реки Большая Лаба, рассчитывая перейти Главный Кавказский хребет и далее горными тропами и дорогами достичь Сухуми. Условия перехода описываются Кармен де лос Льянос как тяжелые. На протяжении 15 суток, в условиях августовской жары, дети, подростки и немногочисленные сопровождающие шли по дорогам, забитым военной техникой, отступающими частями Красной армии и беженцами. «Шли так долго, потому что юноши несли, чередуясь, носилки с ранеными девушками, которых не собирались оставить одних (обе они впоследствии выжили). – вспоминала Кармен де лос Льянос. – Мы отступали! И это “мы” дорогого стоило для людей, проживших в Ленинграде и на дорогах России всего четыре года» [8].

22 августа 1942 г. в горном лесу, в районе урочища Мостовая поляна, расположенного в междуречье рек Псыш и Архыз, группа встретила с отходившими к перевалу Санчаро военнослужащими 25-го пограничного полка НКВД и 2-го сводного стрелкового полка. Данный факт по объяснимым причинам отсутствует в журнале боевых действий 25-го погранполка, но подтверждается, в частности, свидетельством полковника В.Н. Давидича, на момент событий являвшегося ответственным секретарем ВЛКСМ 2-го сводного стрелкового полка: «Было им от 13 до 17 лет, и судьба их не могла не волновать нас. Бойцы делились с ними всем, чем могли, всячески помогали, оберегали и поддерживали их <...> Ребят-испанцев повел один из председателей колхозов» [3: 266–267]. Вместе с тем Давидич не упоминает того факта, что группа была вынуждена разделиться на две части. 17 наиболее физически подготовленных подростков продолжили путь в сторону перевала, однако 17 человек, чье состояние можно было охарактеризовать как крайнее истощение, вынужденно остались в урочище. В их число вошли две травмированные девушки, директор детдома Аркадий Подгаецкий, еврей по национальности, и воспитатель Берта Кирнос – также еврейка, в совершенстве владевшая испанским языком.

В этот же день передовой отряд немецких горных егерей из боевой группы под командованием полковника Вальтера Штеттнера фон Грабенхофена, входящей в 4-ю горную дивизию «Enzian» («Горечавка»), достиг 17 оставшихся в урочище Поляна Мостовая детдомовцев и их сопровождающих. На грузовиках и под охраной они были возвращены в Мостовское, а затем перевезены в станицу Лабинскую Краснодарского края. Подгаецкому вскоре удалось сбежать, Кинос была выдана детьми за испанку. Остальные 17 человек поднялись на перевал Санчаро 23 августа, после чего горными тропами проследовали в Сухуми по маршруту: хутор Санчара – село Псху Сухумского района – перевал Доу – урочище Двуречье, прибыв в столицу Абхазии 27 августа 1942 г. Далее следы детей теряются – Государственный архив Абхазии, в котором хранились фонды периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., был полностью уничтожен в ходе грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., а проведение автору исследований в архивах Грузии в силу ряда причин, к сожалению, не представляется возможным. Однако известно как минимум об одном испанском подростке, оставшемся на постоянное место жительства в Абхазии и заключившем брак с местной девушкой. По причинам личного характера потомки предпочитают не озвучивать его персональные данные публично.

Ввиду того, что Франсиско Франко, несмотря на официальное невступление Мадрида во Вторую мировую войну на стороне Германии, поддерживал дружественные отношения с Адольфом Гитлером, в конце 1942 г. захваченная на Мостовой Поляне группа испанских детей была направлена в Испанию. Акция сопровождалась пропагандистской кампанией в нацистских и франкистских газетах о спасении детей от «красной чумы». «Через разрушенные деревни и города России, Украины, через Краков, Берлин, Мюнхен бывшие детдомовцы ехали на Родину. Только в Берлине ребят встретили испанские дипломаты, и мы впервые пошли в душ. До этого дети не соглашались на уговоры конвоиров, так как мы знали, что делали фашисты с евреями в концлагерях перед отправкой в газовые камеры – предлагали принять душ, – вспоминала Кармен де лос Льянос, в конце декабря 1942 г. прибывшая в Мадрид. – Все эти годы мы мечтали о совсем другом возвращении в любимую Испанию» [4].

В январе 1943 г. она по памяти и дневниковым записям восстановила хронологию своего пребывания в СССР, от отъезда из Испании до вынужденного возвращения обратно. В мае 1990 г. глава администрации Санкт-Петербурга Анатолий Собчак в Аула Магна (Aula Magna) Университета Валенсии торжественно вручил Кармен де лос Льянос и ее подруге по детдому Аурине Альен знаки «Жителю блокадного Ленинграда». Ежегодно женщин посещал сотрудник Генерального консульства Российской Федерации в Барселоне, чтобы поздравить их с Днем Победы. Женщина скончалась в Валенсии в 2020 г. в возрасте 96 лет. Ее родной брат Вирхилио, в 1941 г. эвакуированный из Ленинграда в Поволжье, впоследствии стал известным советским инженером-гидроэнергетиком, заслуженным строителем РСФСР, лауреатом Премии Совета Министров СССР, ордена Ленина и вернулся в Испанию лишь в сентябре 1992 г. Карлос де лос Льянос был эвакуирован на Урал, в дальнейшем стал кинематографистом, учеником и другом Романа Кармена, репатриировался в Испанию в 1956 г., но из-за преследований франкистских властей эмигрировал во Францию в 1960 г.

История испанских детей, эвакуированных сначала в Ленинград, а затем на Кавказ, многократно подвергавшихся опасностям и превратностям войны, является очередным свидетельством трагедии мирного населения и излома человеческих судеб, что присуще любым локальным и глобальным вооруженным противостояниям. Одновременно она демонстрирует различные примеры стратегий выживания человека в экстремальных условиях войны, а также проявления подлинной, а отнюдь не пропагандистской «дружбы народов», представители которой в ходе Второй мировой войны объединились единым фронтом в борьбе против фашизма.

### Источники и литература

1. *Вирхилио де лос Льянос Мас*. Ты помнишь, tovarisch...? Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании. М., 2008.
2. *Висенс Е.* Неизвестная правда об испанских детях в СССР. URL: <http://spalex.narod.ru/biblio/deti.html> (дата обращения: 26.03.2023).
3. *Гнеушев В.Г., Попутько А.Л.* Тайна Марухского ледника. М., 1966.

4. Дневник Кармен де Лос Льянос. Рукопись. 48 с. // Личный архив Марии де лос Льянос, племянницы Кармен де лос Льянос. Г. Валенсия (Испания).
5. Колесниченко А. Эвакуация детей из Испании в СССР // Дилетант. 2019. № 48. С. 64–65.
6. Михалкова Т. Тверская, 11. История дома // Муниципальный округ Смольнинский. 2020. № 6. С. 3.
7. Руис Нико. Скромный бюджет Испании и в кризис не забыл про «детей войны» // Russpain. Русская Испания. 25.07.2011. URL: <https://russpain.com/old-news/news-9732/> (дата обращения: 26.03.2023).
8. Фрагменты воспоминаний Кармен де лос Льянос. URL: <https://mariallanos.org/2022/02/06/9-мир-и-война-часть-1/> (дата обращения: 26.03.2023).

**Вик. Ю. Мартыненко**

### **ШАХТИНСКИЕ ДЕТИ В ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ (по материалам газеты «Красный шахтер»)**

Дети и война – казалось бы, несовместимые понятия. У детей должно быть счастливое, беззаботное детство. Но Великая Отечественная война изменила привычный уклад жизни и взрослых, и детей. Страдания, голод, постоянная близость смерти рано сделали ребятшек взрослыми, воспитав в них несгибаемую силу духа, смелость, способность к самопожертвованию, к подвигу во имя Родины, во имя Победы. Статистика и архивы молчат о том, сколько именно было детей среди жертв войны.

Не позволяет более детально проанализировать детскую военную повседневность и действие механизмов социокультурной и психологической адаптации детей к чрезвычайным условиям войны на отдельно взятой территории предельно малое количество источников, находящихся на государственном хранении, в частности, в Центре хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (далее – ЦХАД). Тем не менее их изучение (а это, прежде всего, газеты) позволило составить представление о том, что вынесли дети на своих слабых плечах в первый год войны.

Старшие школьники сутками трудились, спустившись в шахту, в забой вместо ушедших на фронт братьев и отцов, проявляя поистине

чудеса трудового героизма [5]. По инициативе старшекласников-комсомольцев на шахте им. Октябрьской революции была создана комсомольско-молодежная бригада преимущественно из девушек. Встреча 25-ю годовщину Красной армии, молодые шахтерки взяли на себя обязательство выполнить план на 150 %. Свое слово они оправдывали стахановскими делами, систематически выполняя задания [28]. В шахтерскую семью вливались и бывшие учащиеся школы фабрично-заводского обучения (14–18-летние ребята). Они тоже старались не отставать от своих товарищей. Так, Алексей Предбайло и Григорий Долгополов в южно-коренной лаве шахты им. Октябрьской революции в одну смену перевыполняли план двух смен [21]. Комсомольцы-старшекласники шахты им. Красина всегда выполняли намеченные плановые показатели. На шахте «Пролетарская диктатура» ударно работало более ста юношей и девушек. Комсомолки Елецкая и Петрова, ученицы средней школы № 10, заявили: «Наше место сейчас в шахте, и мы идем на этот участок работы!». Комсомольцы-старшекласники Горячева, Иванова, Курянкина, Овсянникова, Новиков, Гуцев и Конаев пришли работать на шахту им. Петровского. «Так должен поступить каждый комсомолец и комсомолка! <...> Больше угля фронту!» – стало лозунгом для всей молодежи города [5].

Молодая горнячка шахты «За индустриализацию» Фиона Куницкая решила овладеть профессией навалоотбойщика. Всего за девять дней своей работы она освоила профессию и выполнила норму на 176 %. Спустилась в шахту и ее подруга Абрамович, тоже успешно овладев профессией навалоотбойщика [27].

На участке литера «Б» шахты «Пролетарская диктатура» некоторое время ощущали недостаток в рабочей силе. Об этом узнал плитовой того же участка Знора, вчерашний школьник. Он предложил один работать за двоих плитовых [5].

Многие из детей г. Шахты уже в первые месяцы войны потеряли на фронте отцов и матерей. Наравне с взрослыми впрягаясь в тяжелый физический труд, они становились порой единственными кормильцами в семье, помогая братьям и сестрам.

Дети работали не только в шахте: они трудились на колхозных и совхозных полях вместе со студентами горного техникума и фельдшерско-акушерской школы. Директор средней школы № 2



рапортовал в газете «Красный шахтер» о том, что все учителя и ученики школы решили выйти на колхозные поля и помочь колхозникам собрать обильный урожай: «Своим трудом на полях колхозов и совхозов мы хотим помочь нашей Родине, нашим отцам и братьям, которые героически сражаются с кровавым фашизмом» [24].

На родительском собрании, состоявшемся 21 июня 1942 г. в средней школе № 14 по поводу окончания учебного года в 7 и 6 классах, учащиеся заявили о том, что «все они, как один, выедут на сельскохозяйственные работы, что не будут сидеть, сложа руки, в то время, когда их отцы и братья сражаются на фронте против немецких оккупантов» [8].

В своем письме в городскую газету ученик средней школы № 3 Владимир Беда рассказывает, как ребята уехали в Центральный совхоз на уборку урожая. «Бригада под руководством Гени Пащенко, в которую вошли еще три пионера, работала быстро, клала копны, стараясь не отставать от соседей – бригады Володи Пушкарского. Бригада Гени Пащенко первой закончила выполнение задания. Вечером ребята собрались на лужайке. Заиграл баян. Нина Бровченко затянула песню “Три танкиста”. Все подхватили. Так мы проводим дни на уборке урожая», – пишет Владимир [2].

Тимуровская команда при форпосте средней школы № 3 посетила редакцию газеты «Красный шахтер» и рассказала о своих славных пионерских делах. Первым взял слово Аля Григорович: «Одиннадцатого июля в первый раз открылся в нашей школе боевой форпост. Обычно в 9 часов утра проводится политинформация, затем – занятия по противовоздушной и химической обороне. С пяти до семи часов вечера еще с 23 июня мы собираем металлический лом. Сначала на розыски и сбор металлического лома ходило по 20–30 ребят, теперь участвуют все пионеры нашего форпоста. Собрано уже около 20 тонн различного металла. <...> Недавно мы... взяли у заведующего горсобесом адреса семей красноармейцев. Будем помогать этим семьям... смотреть за детьми, выполнять различные работы по хозяйству. <...> “Мы можем развлекать красноармейцев, – подсказывает ему Лиза Яковлева, – Он состоит в драматическом кружке и хорошо запомнил, что пионеры показывали свою художественную самодеятельность на сборных пунктах”. <...> Собирали подарки красноармейцам... Отряд им. Ленина недавно собрал и сдал на склад 100 кг меди. Ребята не считаются

ни с трудностями, ни со временем... Многие будут юнармейцами. <...> В группах октябрят закончились занятия по 14 темам ПВХО. <...> С поддевятого утра и до семи часов вечера они несут дежурство у входа, у телефона. <...> Охраняют опытные участки во дворе школы. В школе выходит стенная газета "Боевой форпост"» [25].

Учащиеся и учителя неполной средней школы № 24 принимали активное участие в сборе средств в фонд обороны Родины. Только за январь 1942 г. они собрали 3530 рублей облигациями и на 190 рублей распространили билетов денежно-вещевой лотереи. Для детей районов, пострадавших от немецких оккупантов, школьники собрали 79 различных вещей [16].

Узнав от своей учительницы о том, что в Артемовском районе города проводится сбор вещей для детей освобожденных районов, ученик 1-го класса начальной школы № 36 Витя Гормонов собрал подарок и написал письмо-вызов к своим товарищам по школе: «Дарю детям, пострадавшим от гитлеровских бандитов, верхнюю рубашку, шапочку, носовой платок, две тетради, две тарелки и один килограмм сала и зываю всех первоклассников последовать моему примеру». Это письмо было прочитано всем учащимся школы, которые горячо поддержали Витю [14].

Ежедневно бригады школьников Ворошиловского района под руководством секретарей школьных комитетов ВЛКСМ обходили улицы, осматривали дворы, а весь собранный металлический лом сдавали государству. На 20 июля 1941 г. ребята сдали государству более 40 т металлолома [1]. Не остались в стороне и учащиеся средней школы № 15. Когда им сказали, что 7 сентября состоится Всесоюзный комсомольско-молодежный воскресник, ребята ответили: «Это нужно Родине!» Старшеклассники выехали для работы на железной дороге, а пионеры собирали стеклянную посуду и металлический лом. Несколько девочек помогли семье красноармейца Чуприна собрать с огорода урожай [10].

В этот же день учащиеся средней школы № 3 собрали около 700 кг металлического лома и много стеклянной посуды [15]. Ученики младших классов старались не отставать от старших школьников: ученица 4-го класса названной школы Лида Сутулова тоже активно собирала металлический лом [13].

Уход многих учителей в армию, включение учащихся в трудовую деятельность, передача средних школ № 5 и № 10 под госпитали помешали начать 1 сентября 1941 г. учебный год в привычном его понимании. Тем не менее с января 1942 г. в школах города наладилась более-менее нормальная жизнь. Школьники всех возрастов после кратковременного перерыва вновь сели за парты и с повышенной серьезностью и требовательностью к себе продолжили учебу [9].

В беседе с журналистом газеты «Красный шахтер» заведующий горно отметил, что перед учащимися города, особенно старших классов, стоит две задачи большой государственной важности. Эти задачи должны быть решены помимо полного усвоения школьной программы. С января 1942 г. для всех средних школ (8–10 классы) вводилась военно-допризывная подготовка учащихся по 110-часовой ускоренной программе Всебуча с целью подготовки из учащихся старших классов стрелков, сандружинниц и помощников среднего медперсонала. Вторая задача – организовать среди учащихся 7–10 классов подготовку к предстоящим сельскохозяйственным работам в колхозах, совхозах и МТС. «Мы имеем все условия, чтобы дать сотни шоферов, трактористов, комбайнеров и водителей других сельскохозяйственных машин, ибо и от состояния сельского хозяйства во многом зависит быстрейший и окончательный разгром фашистских бандитов», – заверил заведующий горно [9].

В городской газете в сентябре 1941 г. было напечатано объявление о наборе учащихся в двухгодичную школу среднего сельскохозяйственного образования. Принимались все, имеющие образование не ниже 7 классов, то есть с 14 лет. Все, окончившие 7 классов в 1941 г., принимались без вступительных испытаний. При школе имелись столовая и общежитие. Остальные условия предоставлялись на общих основаниях, как в техникумах [18].

В сентябре 1941 г. на городском слете пионеров с трибуны выступил учащийся средней школы № 3 Слава Кургин с заявлением: «Не отнять фашистам наше счастливое детство». Мальчик рассказал о сборе металлолома, занятиях в оборонных кружках, о более серьезном отношении к учебе: «...шалости и плохая учеба – большое преступление сейчас перед нашей любимой Родиной» [11].

В начале июля 1941 г. в школах города прошли вечера по поводу окончания учебного года с вручением аттестатов и выступлением участников художественной самодеятельности. В средней школе № 5 была организована встреча выпускников с научными работниками и студентами Азово-Черноморского сельскохозяйственного института. 20 выпускников школы передали представителям института свои аттестаты и заявления о желании в нем учиться [26].

В городе продолжали работать ясли и детские сады. Их коллективы также старались внести посильный вклад в сбор посылок бойцам Красной армии [4].

Как бы взрослые ни были поглощены войной, забота о детях и их воспитании оставалась одной из главных. Даже Шахтинский городской драматический театр включил в зону своего обслуживания маленьких граждан города [6]. Работали читальни. В читальню Дома художественного воспитания детей ребята приходили знакомиться с рассказами о доблестных и смелых бойцах Красной армии [3].

Но не только взрослые, несмотря на свою занятость, старались поддержать детей: школьники сами создавали активы, принимая деятельное участие в массовой работе. Так, за время работы детского кинотеатра «Октябрь» был создан актив из юных зрителей, которые организовали детский уголок, выпускали стенную газету «Юный зритель». Действовали кружки киномехаников, хоровой и танцевальный, был организован уголок природы. Периодически с ребятами проводились беседы о кинофильмах и помощи фронту: сборе металлического лома, выращивании овощей для бойцов Красной армии [23].

При школе № 10 также был организован и вел работу пионерский форпост. В его помещении была устроена выставка картин юных художников школы, на столах лежали свежие номера газет «Ленинские внучата» и «Пионерская правда», много разных журналов. Особенной популярностью пользовались у школьников игры в шашки и шахматы. Планировалось проведение квалификационных турниров. Во дворе форпоста – волейбольная площадка. Ученики даже организовали высадку деревьев [22].

В новых условиях непосредственной военной угрозы городской комитет партии и комитет обороны г. Шахты в декабре 1941 г. приняли постановление о сооружении оборонительных укреплений

вокруг города. На строительство противотанковых рвов, дзотов, баррикад выходили женщины и учащиеся старших классов – все, кто мог держать в руках лопату, носить тяжести. Подлинное восхищение заслужили женщины и девушки города. Они составляли 95 % всей трудовой силы, занятой на строительстве оборонных укреплений.

Фронту требовалось много бойцов таких специальностей, которые легко могли быть изучены женщинами и девушками-старшеклассницами. Речь идет о радистах-операторах, телеграфистах-морзистах, водителях автомашин. «Надо поскорее организовать обучение девушек, изъявивших желание овладеть этими важными военными специальностями. Хорошо показали себя... девушки, участвующие в противовоздушной обороне.

В часы, свободные от работы и учебы, в выходные дни, девушки-школьницы должны побольше заниматься физкультурой: много ходить, плавать, бегать, овладевать препятствиями, закалять себя. <...> Пусть комсомольские организации школ... быстрее помогут им овладеть военными специальностями, чтобы в нужную минуту каждая девушка-боец смогла без промаха разить ненавистного врага», – постановил городской комитет ВЛКСМ [17].

В связи с гибелью родителей в городе стало появляться много беспризорных детей. Советское государство, несмотря на тяжелое военное время, все же выполняло свои обязательства перед детьми, оставшимися без родителей: открывались детские дома и приюты [7].

Многие семьи г. Шахты брали на воспитание детей-сирот или детей, чьи родители находились в рядах действующей армии. В рубрике «Рассказы о благородстве» городской газеты «Красный шахтер» написано о семье Савоциных, взявших на воспитание сирот двух и шести лет [20], а также приведено письмо-благодарность старшего военфельдшера Ларисы Лагуновой шахтинке Таисии Сергеевне Ермолаевой, у которой на воспитании находилась ее дочь [12].

С началом войны у детей изменились игры. Изменилась даже азбука. Теперь она приобрела другой, военно-патриотический окрас, благодаря художникам из студии «Окна ТАСС». Азбука печаталась на страницах городской газеты и активно использовалась в процессе обучения [19].

Конечно, проанализированные материалы газеты «Красный шахтер» сильно идеологизированы, статьи в них выхолощены. Враг очень

близко был от города, город обстреливался, в нем стояли воинские части, но на страницах газеты нет ни строчки об этом. Только две основные темы: сводки Совинформбюро и труд во имя Победы. Во всём остальном всё, как всегда: новости, объявления, театральные афиши, произведения литературы. О шахтинских детях, ушедших на фронт и совершавших подвиги, нет информации, так же как нет упоминаний о работе госпиталей и рытье окопов. Газеты выполняли свою главную задачу – вселяли надежду и уверенность в победе над фашистами, укрепляли веру и любовь к своей Родине. Но даже имеющаяся в них информация о жизни и быте шахтинских детей первого года войны позволяет почувствовать, что они пережили, и отдать дань вечного уважения и благодарности.

### Источники и литература

1. *Агафонов Н.* Металл – для фронта // Красный шахтер. 1941. 20 июля. С. 2.
2. *Беда В.* Пионеры на уборке урожая // Красный шахтер. 1941. 9 августа. С. 4.
3. В детской читальне Дома художественного воспитания детей // Красный шахтер. 1941. 16 июля. С. 2.
4. *Данилова В.* Наши подарки // Красный шахтер. 1941. 14 сентября. С. 2.
5. *Есауленко И.* Боевые задачи комсомольцев шахт // Красный шахтер. 1942. 22 марта. С. 1.
6. *Жебелева Е.* Первый детский утренник // Красный шахтер. 1942. 3 апреля. С. 3.
7. Забота о детях, оставшихся без родителей // Красный шахтер. 1942. 20 февраля. С. 1.
8. *Загорулько В.* Окончив учебу, едем в колхоз // Красный шахтер. 1941. 21 июня. С. 2.
9. Задачи школ в текущем году // Красный шахтер. 1942. 30 января. С. 4.
10. *Коломейцев Н.* Наш подарок Родине // Красный шахтер. 1941. 12 сентября. С. 2.
11. *Кургин С.* Не отнять фашистам наше счастливое детство // Красный шахтер. 1941. 12 сентября. С. 3.
12. *Лагунова Л.* Маленькая фронтовичка // Красный шахтер. 1942. 16 мая. С. 3.
13. *Листопадов В.* Пионеры и школьники г. Шахты собирают металлолом // Красный шахтер. 1941. 11 сентября. С. 2.
14. *Любичева М.* Вызов Вити Гормонова // Красный шахтер. 1942. 1 февраля. С. 3.

15. Макаренко А. Учащиеся собрали 700 килограммов металлического лома // Красный шахтер. 1941. 12 сентября. С. 2.
16. Маласиук М. Школа помогает фронту// Красный шахтер. 1942. 30 января. С. 3.
17. Мишакова О. О военном обучении девушек // Красный шахтер. 1942. 10 мая. С. 2.
18. Набор учащихся в школу // Красный шахтер. 1941. 11 сентября. С. 4.
19. Наша Азбука // Красный шахтер. 1941. 16 июля. С. 3.
20. Перепелкина З. В семье путевого обходчика // Красный шахтер. 1942. 1 февраля. С. 3.
21. Попов Е. Бывшие учащиеся школы ФЗО // Красный шахтер. 1942. 14 мая. С. 3.
22. Рихард Д. Форпост в школе // Красный шахтер. 1941. 2 июля. С. 2.
23. Рудинский А. Силами юных зрителей // Красный шахтер. 1942. 17 апреля. С. 2.
24. Сперанский М. Поможем колхозам в уборке урожая // Красный шахтер. 1941. 3 июля. С. 3.
25. Славные пионерские дела // Красный шахтер. 1941. 30 июля. С. 3.
26. Федоров Н. Встреча выпускников школы № 5 с научными работниками // Красный шахтер. 1941. 2 июля. С. 2.
27. Ченковский А. Молодая горнячка Куницкая // Красный шахтер. 1942. 6 июня. С. 2.
28. Шевченко Т. Девушки в шахте // Красный шахтер. 1942. 4 февраля. С. 2.

**А.А. Боголюбов**

## **СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ г. ПЯТИГОРСКА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков явилась суровым испытанием для всех советских граждан. Однако люди сознательно шли на жертвы и лишения ради достижения победы над врагом, вероломно напавшим на нашу Родину. Не стали в этом плане исключением и жители г. Пятигорска – известного курорта на Юге России, входящего в группу Кавказских Минеральных Вод [1; 2; 6–8]. В силу того что простые советские люди делали всё для Победы, проблеме выживания граждан в то время,

когда город управлялся советской администрацией, уделено в статье сравнительно немного места. Основное внимание сосредоточено на вопросах выживания горожан в условиях немецко-фашистской оккупации Пятигорска с 9 августа 1942 г. по 11 января 1943 г. и в периоды, непосредственно этому предшествовавшие и за этим следовавшие.

Что касается источников существования простых людей в г. Пятигорске, то первые упоминания о помощи им советскими органами автору статьи удалось обнаружить уже в материалах, относящихся к лету 1941 г. Это была помощь, которая оказывалась эвакуированным гражданам. О ней секретарь Орджоникидзевого крайкома (Орджоникидзевым тогда назывался Ставропольский край) ВКП(б) М.А. Суслов 2 августа 1941 г. докладывал председателю Совета по эвакуации СССР Н.М. Швернику [8: 30–32]. 5 февраля 1942 г. председателю Орджоникидзевого крайисполкома В.А. Шадрину поступила телеграмма от заместителя председателя Совета народных комиссаров РСФСР К.Д. Памфилова о подготовке городов и районов края к приему и расселению эвакуируемых ленинградцев. В ответной телеграмме Шадрин сообщил, что край может принять 7 тыс. кочных эвакуированных. Остальные 16 тыс. направляемых в край ленинградцев можно было принять только в порядке уплотнения жителей городов и районов края [8: 58–59]. Разумеется, Пятигорск – всесоюзная здравница – не мог остаться в стороне от этой большой работы, хотя точных данных о проживавших тогда в городе эвакуированных автору статьи обнаружить не удалось. А ведь жителям городов и районов края тогда самим приходилось в буквальном смысле слова несладко: уже 21 августа 1941 г. в Орджоникидзевоый крайком ВКП(б) поступила телеграмма от народного комиссара торговли СССР А.В. Любимова о введении в городах, рабочих поселках и поселках городского типа продажи населения хлеба, сахара и кондитерских изделий по карточкам [8: 259–260].

С началом немецко-фашистской оккупации г. Пятигорска 9 августа 1942 г. эвакуированных, находившихся в городе, ждала печальная участь: около 3 тыс. человек из них было выселено из города в конце сентября 1942 г. Многим из них оказали помощь, прежде всего продуктами питания, местные жители как Пятигорска, так и районов расселения [6: 84]. Еще более печальная участь ждала попавших в плен, находившихся на излечении в Пятигорске раненых красноармейцев.



Тех, кого не успели забрать к себе местные жители, оккупанты двумя партиями по 94 и 200 чел. в октябре 1942 г. отправили в концлагерь в Житомир. Об их дальнейшей судьбе ничего не известно [6: 91].

Местные жители, граждане Пятигорска, выживали в период оккупации в основном за счет кукурузы, из которой варили кашу-мамалыгу. Сахар и соль были практически недоступны [6: 76].

Особо стоял вопрос об отоплении жилищ граждан. Последним ничего другого не оставалось, как носить валежник и хворост из лесов, покрывавших склоны горы Машук. При этом те, кто располагал для этого техническими возможностями, участвовали в самовольной вырубке леса. Так продолжалось практически весь период Великой Отечественной войны. И это несмотря на все усилия лесников, которые, однако, понимали, что людям в зимние холода надо как-то выживать. В результате к концу Великой Отечественной войны обращенные к Пятигорску склоны горы Машук практически обезлесели [4].

Как совершенно справедливо отмечает С.И. Линец, во время немецко-фашистской оккупации в ряде случаев отдельные немецкие солдаты и офицеры оказывали помощь местным жителям [6: 76]. Например, однажды немецкий офицер приказал своим солдатам помочь отнести вязанки хвороста матери и бабушке автора статьи [3].

Жители города рассказывали и о более серьезной помощи пятигорчанам. Так, немецкие офицеры-журналисты предотвратили выселение полицейскими семьи, в которой тогда проживал житель Пятигорска В.А. Кузнецов. Эти же офицеры сообщили бабушке В.А. Кузнецова, что русские победят в этой войне [6: 77]. Аналогичные предчувствия были и у офицера, по приказу которого была оказана помощь семье автора статьи. Немец уже не рассчитывал выбраться живым с Кавказа и в качестве иллюстрации к сказанному нарисовал палочкой в придорожной пыли для себя крест [3].

Надо ли говорить, что информация о подобных высказываниях немецких солдат и офицеров, несмотря на все препоны, распространилась среди советских граждан г. Пятигорска, способствовала укреплению их морального духа и косвенно – их выживанию в условиях немецко-фашистской оккупации.

В очень тяжелом положении оказалась в то время семья жительницы Пятигорска С.В. Мирошниковой. Семья вообще не распола-

гала никакими денежными средствами, и С.В. Мирошникова ездила в соседние села и станицы и там выменивала одежду и другие вещи на продукты питания. Когда умер ее отец, то православный священник не разрешил ей хоронить его днем ввиду отсутствия у семьи денег. Похоронить отца С.В. Мирошниковой удалось лишь ночью с разрешения немецких солдат [6: 79].

Однако далеко не все жители Пятигорска могли похвастаться благожелательным отношением к себе оккупантов. Особенно тяжела была участь детдомовцев. Так, Д. Сейдометова попала в детприемник на окраине Пятигорска, возле церкви. Основой питания там была свекла. Пришедшие в детприемник немцы отобрали понравившихся им детей для использования их в качестве доноров крови. Затем Сейдометова попала в детдом глухих в Новопятигорске, где питание было лучше, благодаря деловой и умной женщине-директору.

Н.М. Сергеева находилась в Машукском детском доме. В самом начале оккупации директор дома был расстрелян на глазах у воспитанников. Немецкие солдаты забрали из детдома всех еврейских детей, а также практически всё имущество, включая продукты питания. Дети голодали и выжили лишь благодаря помощи местных жителей [6: 80–81].

15 февраля 1943 г., уже после окончания оккупации, в Чрезвычайную комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов при Пятигорском горисполкоме обратилась М.Н. Волкова с просьбой выяснить судьбу ее родной сестры Марии Николаевны Ноздрёвой, которая 24 сентября 1942 г. была арестована, как утверждала заявительница, гестапо. При этом гестаповцы забрали из квартиры все вещи. М.Н. Волковой ничего не оставалось, как забрать девятилетнего сына М.Н. Ноздрёвой, Анатолия, учащегося 2-го класса школы № 17, к себе. М.Н. Волкова просила комиссию помочь в назначении пособия на содержание племянника [2: 64–65].

Следует отметить, что, хотя оккупационные власти и установили в октябре 1942 г. более или менее приемлемые цены на продукты питания, для таких, как М.Н. Волкова, и эти цены были недоступны. 1 кг колбасы, произведенной ранее, при советской администрации, пятигорским мясокомбинатом, стоил от 5 до 10 руб., а вот буханка хлеба и килограмм мяса обходились жителям Пятигорска уже значительно дороже – 35–50 и 50–80 руб. соответственно [1: 188–189].

Еще один сюжет. Не позднее 11 апреля 1943 г. в прокуратуру Ставропольского края обратилась Мария Михайловна Турляя с просьбой снять обвинения в пособничестве немцам со своего родного брата, Василия Михайловича Турляя. По ее словам, брат приехал к ней накануне оккупации из госпиталя г. Солянска совершенно больной и во время оккупации был принудительно направлен биржей труда на работу при полиции конюхом. Проработать ему здоровье позволило лишь 12 дней, и он не принес за это время, по словам сестры, оккупационным властям ни вреда, ни пользы. Зато помогал ей расклеивать в городе советские листовки [2: 72–73].

Уже в самом начале оккупации немецкие власти распространили воззвание к еврейскому населению Пятигорска, Горячеводска, пос. Свободы, Новопятигорска и Красной Слободки, в котором еврейским семьям предписывалось, взяв необходимые вещи, собраться 5 сентября 1943 г. во дворе кавалерийских казарм, расположенных по улице Анджиевского, для переселения в менее заселенные районы. Исключение составили евреи, состоявшие в смешанных браках [5]. У автора статьи имеются свидетельства о том, что этой категории гражданского населения приказано было собраться в определенном месте 11 января 1943 г. [6: 149]. А ведь именно тогда в Пятигорск вошли части Красной армии [5] (эта дата отмечается ныне как день освобождения Пятигорска). По мнению автора статьи, спасение еврейского населения Пятигорска, состоявшего в смешанных браках, благодаря стремительному наступлению Красной армии является одним из ее незаслуженно забытых подвигов, которая спасла тогда если не тысячи, то сотни мирных граждан.

Однако евреев, имевших родителей от смешанных браков, оккупационные власти обязали 13 октября 1942 г. явиться для регистрации. Всего, по оценке С.И. Линца, явилось в этот и последующие дни около 120 чел. Спасти из них удалось единицам [6: 129].

В качестве примера борьбы за выживание можно было бы привести и дело М.В. Корнилова, члена ВКП(б), работавшего до оккупации Пятигорска начальником спецчасти и отдела кадров треста «Росжирмасло». По мнению членов бюро Пятигорского горкома ВКП(б), рассматривавших его персональное дело 29 мая 1943 г., он, находясь 9 августа 1942 г. на территории ст. Горячеводской, имел все

возможности эвакуироваться, но не сделал этого, а вернулся в Пятигорск, сжег свой партбилет и добровольно явился на регистрацию коммунистов в полицию. Зарегистрирован он был и на бирже труда, по направлению которой работал слесарем на Пятигорском механическом заводе. Никакой деятельности против оккупантов не вел. 26 октября 1942 г. был выслан вместе с семьей в Александровский район Ставропольского края, где и находился до момента освобождения края от немецко-фашистских оккупантов. Бюро Пятигорского горкома ВКП(б) постановило вынести М.В. Корнилову строгий выговор с занесением в учетную карточку и выдать ему новый партбилет [6: 173–174].

Рассмотрим теперь некоторые аспекты проблем выживания граждан Пятигорска и Ставропольского края в целом в период после освобождения города от немецко-фашистской оккупации.

В докладной записке, составленной в январе 1945 г. председателем Ставропольского крайисполкома А.А. Барановым и секретарем Ставропольского крайкома ВКП(б) А.Л. Орловым на имя заместителя председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова, отмечалось резкое ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки в крае за зиму 1944–1945 гг. Каждый месяц осенне-зимнего сезона отмечались уже не десятки, как в предыдущую зиму, а сотни случаев заболевания сыпным тифом. По мнению авторов записки, такая ситуация явилась следствием тяжелого материального положения «отдельных групп граждан», в период оккупации утративших всё свое имущество. До 10 % жителей края страдали завшивленностью, вызванной прежде всего недостатком мыла и дезинфицирующих средств. Не хватало постельного и нательного белья и в больницах. Авторы записки просили выделить Ставропольскому краю в виде единовременной помощи 100 т хозяйственного мыла; медучреждениям края – 90 тыс. кв. м хлопчатобумажных тканей; населению края – 100 тыс. кв. м хлопчатобумажной и шерстяной ткани, а также 10 тыс. пар обуви, в основном для детей.

На записке сохранилась резолюция А.И. Микояна от 6 ноября 1945 г. (то есть спустя 10 месяцев после составления документа) «Нарокомздраву СССР и Наркомторгу СССР для принятия мер» [8: 298–300].

Приведенный выше краткий обзор документов и материалов по г. Пятигорску и Ставропольскому краю в целом, относящихся

к периоду Великой Отечественной войны и в том числе ко времени немецко-фашистской оккупации города и края, позволил осветить несколько стратегий выживания пятигорчан в военное время. Среди них максимальное использование в быту доступных природных ресурсов: злаков (кукурузы), овощей (свеклы), леса; обращение за помощью к оккупантам; после освобождения – составление различных просьб и запросов в советские органы власти (по поиску родственников, изменению их статуса, улучшению санитарных условий и др.). Однако если советские органы стремились решить хотя бы насущные проблемы жителей, то оккупационная администрация сводила всё к выселению, и простым людям приходилось выживать самим. При этом оккупационная администрация сквозь пальцы смотрела на всевозможные реквизиции (мародерство) у семей подозрительных, с ее точки зрения, лиц.

Изучение материалов, относящихся к периоду Великой Отечественной войны, показывает, что даже такая достаточно узкая тема, как выживание простых граждан г. Пятигорска в условиях этой войны, представляет собой широкое поле для дальнейших исследований.

### Источники и литература

1. Воинская слава Пятигорска: очерки истории / под общ. ред. С.И. Линца. Пятигорск, 2015.
2. Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1941–1964 годах: сб. док. / отв. сост. В.В. Белоконь. Ставрополь, 2011.
3. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информатор З.А. Боголюбова, записана в 1977 г.
4. ПМА. Информатор Ю.П. Гаевой, записан в 1990 г.
5. ПМА. Информатор В.Д. Черномордик, записан в 1968 г.
6. *Линец С.И.* Город во мгле... (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации. Август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск, 2005.
7. Пятигорский краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд. № 2354.
8. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / сост. В.В. Белоконь и др. Ставрополь, 2005.

**Н.В. Чернышева****ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:  
основные направления, виды и масштабы**

В 1939–1940 гг. советская переселенческая политика была направлена на решение важных социально-экономических и политических задач. Преимущественно аграрные, с высокой плотностью населения и наличием малоземелья в отдельных районах – Мордовская АССР и Чувашская АССР входили в перечень основных регионов выхода переселенцев.

В 1941 г. по стране план переселения составлял 206 427 семей, в том числе 170 тыс. по межобластному переселению. Необходимо было направить 50 тыс. глав семей для проведения подготовительных работ. План переселения предусматривал переселение 11,8 тыс. семей, проживающих на территории Волго-Вятского региона. Не предусматривалось переселение из Марийской АССР. В итоге к концу мая 1941 г. было отправлено 1284 семьи, большинство – из Горьковской области [19: 179].

Встречный миграционный поток был вызван обратничеством, статистически оценить которое с точки зрения районов выхода и возврата переселенцев не представляется возможным. Анализ выявленных документов позволяет говорить, что на фоне массового переселения 1940 г. мигранты столкнулись с рядом трудностей, способствующих возвратной миграции. Главными из них были хозяйственная неустроенность, отсутствие минимальных социальных гарантий, природно-климатические различия, языковой барьер [19: 179; 23: 10].

В июне 1941 г. Переселенческое управление при СНК СССР приостановило дальнейший отбор переселенцев-колхозников [22: 11]. С этого времени работа переселенческих органов ограничилась лишь устройством мигрантов.

В 1941–1945 гг. происходит реорганизация переселенческих органов, которые структурно относились к органам, которые занимались эвакуированным населением [14: 263, 265].

К практике переселений вернулись в 1942 г. 6 января 1942 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 19 «О развитии

рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», а 24 октября 1942 г. – постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1732 «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях» [17; 18: 234–247].

Для увеличения лова рыбы предусматривалось использование труда спецпереселенцев и плановых переселенцев. Он применялся на предприятиях рыбной промышленности, а также в существующих и вновь организованных рыболовецких колхозах и рыболовецких бригадах. Предусматривалось переселение семей для работы в Байкальском рыбопромышленном тресте (Бурят-Монгольская АССР, Иркутская область), в Камчатском акционерном обществе (Камчатская область Хабаровского края), а также в Беломорском рыбопромышленном тресте и Чешко-Печерском рыбопромышленном тресте Архангельской области, в Кольском рыбопромышленном тресте Мурманской области [1: 102–104].

В 1942 г. из трех территориальных образований Волго-Вятского региона (Кировская область, Мордовская АССР, Чувашская АССР) планировалось переселить 2,5 тыс. семей, которые направлялись в Бурят-Монгольскую АССР, в Иркутскую и Камчатскую области [3: 12]. Основная волна переселения пришлась на весну – лето 1942 г. [2: 20–20 об.]. В итоге за 1942 г. на Дальний Восток и в Сибирь переселилось 8862 семьи, или 27 790 чел., в том числе из Кировской области – 1125 семей, или 3802 чел., Мордовской АССР – 841 семья, или 2634 чел., Чувашской АССР – 1079 семей, или 3386 чел. [2: 13]. Из Горьковской области переселили в рыболовецкие хозяйства Архангельской области 300 семей. Точных сведений об их составе не выявлено [4: 68].

В процессе отбора колхозников и единоличников должна была проводиться массово-разъяснительная работа [6: 1–3; 24: 115–116]. Однако в ходе проверки проведения переселенческой кампании были выявлены случаи отсутствия у переселенцев общих представлений о порядке переселения, льготах и пр. (Мордовская АССР и Чувашская АССР) [8: 27–27 об., 56, 58].

В 1943 г. переселенцев из Волго-Вятского региона направляли в промысловые районы Архангельской области, Бурят-Монгольской АССР, Хабаровского края. Выявленные сведения не позволяют представить точных данных о переселении. Например, план предусматривал отбор

1502 семей из Кировской области для переселения в промысловые районы Архангельской области, 1200 семей из Мордовской АССР – в промысловые районы Хабаровского края. Известно, что в Мурманскую область отправлены 271 семья из Кировской области, 138 семей из Марийской АССР [5: 2, 21–24, 31].

Контингент переселенцев пополнялся в том числе за счет эвакуированного населения, т.е. использовалась возвратная миграция. В условиях нехватки людских ресурсов отбор переселенцев осуществлялся трудно. Отделы по хозяйственному устройству преимущественно занимались эвакуированным населением.

План переселения на 1944 г. предусматривал переселение 19 360 семей. В течение 1944 г. были внесены изменения в план переселения колхозников, предусматривающий расширение географии мест вселения. Жителей Волго-Вятского региона переселяли фактически во все районы вселения (план – 6750 семей), за исключением Новосибирской области. В итоге была отправлена 5491 семья (выявленные сведения с учетом дополнительных решений о переселении) [9: 4–5; 21: 197, 205, 213, 215, 246]. Преимущественно жителей региона направляли в рыбные тресты (Беломорский рыбтрест и Чешско-Печерский рыбтрест) Архангельской и Мурманской областей (Кольский рыбтрест) [7: 2–3].

Переселения на территорию бывшей автономии немцев Поволжья начались сразу после решения о начале депортации [13: 355]. Весной 1944 г. вновь вернулись к практике переселений в районы бывшей автономии уже в составе Саратовской области. В 11 районов Саратовской области вселялось 4500 семей колхозников. Автономные республики Волго-Вятского региона являлись основными областями выхода и в совокупности должны были направить в 1944 г. 2900 семей, в 1945 г. – еще 2300 семей [9: 7].

В октябре – ноябре 1944 г. Горьковская, Пензенская, Рязанская, Ульяновская, Ярославская области, Чувашская, Татарская и Мордовская АССР отправили в Саратовскую область по 400–600 семей [12: 117]. Более точных данных за 1944 г. не выявлено. По сведениям С.А. Пискунова, в конце 1944 – начале 1945 г. в Саратовскую область переселилось 423 семьи из Горьковской области и 318 семей из Чувашской АССР [15: 306]. Также исследователи указывают на существенную



долю обратничества, но не приводят конкретных цифр по областям выхода [12: 117; 13: 357]. В 1945 г. переселение осуществлялось из Кировской области и Чувашской АССР (276 семей переехало в Саратовскую область).

В 1944 г. Грозненская область преимущественно наполнялась переселенцами из соседних областей и краев. К апрелю 1945 г. постановлением СНК СССР планировалось переселить 2000 семей, в том числе 300 семей из Кировской области [16]. В итоге из данной области было переселено 296 семей (1153 чел.) [10: 8].

Согласно постановлению Государственного комитета обороны от 15 января 1945 г. предусматривалось переселение в районы Карельского перешейка Ленинградской области 1000 семей из пяти областей, из которых большинство – жители Кировской области (550 семей) [20: 4–12]. Удалось отобрать 300 семей с общим контингентом в 1479 чел. [11: 5, 18]. В этом же году было отправлено еще 250 семей.

Итак, в 1941–1945 гг. была продолжена практика переселений. Она основывалась на тех же организационно-управленческих принципах, что и до начала Великой Отечественной войны, но имела ряд особенностей. За 1942–1945 гг. по стране было переселено 105,2 тыс. семей. Оценить масштабы переселений жителей Волго-Вятского региона сложно в силу наличия разрозненных сведений. Жителей всех территориальных образований Волго-Вятского региона отбирали в рамках переселения, направляя их практически во все обозначенные в плановом порядке районы вселения.

### Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 2. Д. 2.
2. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 18.
3. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 20.
4. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 26.
5. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 371.
6. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 373.
7. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 388.
8. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 411.
9. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 412.

10. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 430.
11. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 596.
12. Данилов В.Н. Изменения в составе населения Саратовского Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 114–120.
13. Конониренко В.А. Переселение на территорию бывшей «немецкой автономии» в годы Великой Отечественной войны: цели, задачи и реализация // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 3. С. 354–359.
14. Пискунов С.А. Влияние Великой Отечественной войны на реорганизацию системы Советских переселенческих органов // Ключевские чтения. Российская государственность и освободительные войны: в 2 т. Т. 2. Сб. науч. трудов. М., 2013. С. 261–267.
15. Пискунов С.А. Государственная политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на территории РСФСР (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2017.
16. Постановление СНК СССР «О переселении 2000 хозяйств колхозников в районы Грозненской области» от 8 января 1945 г. № 54 // «По решению Правительства СССР...». Депортация народов: документы и материалы / сост. Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Нальчик, 2003. С. 473–474.
17. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43386&dst=100001#ZX2qJAThv7uLmLKI> (дата обращения: 18.11.2022).
18. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1942 г. № 1732 «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях» // ГАРФ. Ф. Р-5446 сч. Оп. 106 сч. Д. 66.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф-17. Оп. 123. Д. 42.
20. РГАСПИ. Ф-644. Оп. 1. Д. 350.
21. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф-5675. Оп. 1. Д. 678.
22. РГАЭ. Ф-5675. Оп. 3. Д. 12.
23. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГАРМ). Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 42.
24. ЦГАРМ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 89.

А.Е. Епифанов

**ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
ФРОНТОВЫХ ПРИЕМНО-ПЕРЕСЫЛЬНЫХ ЛАГЕРЕЙ НКВД СССР  
ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВЕРМАХТА  
В ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ**

Разгром Красной армией гитлеровских войск под Сталинградом и взятие в плен беспрецедентного количества военнопленных за короткий промежуток времени привели к стихийно-массовому созданию фронтовых приемно-пересыльных лагерей, оказавшихся в ведении НКВД СССР. Названные лагеря образовывались в местах наибольшего скопления военнопленных (поселках, совхозах, селах и городах), несмотря на то что последние для этого подготовлены не были.

Для начального этапа приема и размещения военнопленных было характерно отсутствие кадров аппарата лагерей вообще, причем не только хозяйственных, но и административных, медицинских и др. Практически полностью на первых порах отсутствовали медикаменты и перевязочные материалы, продукты питания, жилые площади, топливо, вода, госпитальные базы. Железнодорожные пути сообщения, по которым можно было бы вывезти пленных в более приспособленные места, были разрушены, телеграфная и телефонная связь уничтожены. Автотранспорт и горючее в необходимом количестве отсутствовали. Созданное 31 января 1943 г. в Сталинграде Управление лагерей военнопленных № 108 от их непосредственного расположения было оторвано и реальной информацией о положении дел на местах не обладало [2: 45]. Прием военнопленных от частей Красной армии и их сдача в лагеря НКВД производились с грубыми нарушениями соответствующих приказов наркоматов обороны и внутренних дел СССР, без отбора. В свою очередь, это приводило к наличию в лагерях большого числа раненых, обмороженных, больных и резко истощенных пленных, а также их высокой смертности [8: 201].

По сообщению начальника Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (далее – УПВИ) П.К. Сопруненко, за время наступления Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов с 19 ноября 1942 г., а также частей Красной армии,

действовавших в районе среднего Дона с 16 декабря 1942 г., по состоянию на 5 января 1943 г. был принят 61 141 военнопленный. 37 343 чел. из них прибыли в лагерь НКВД, 18 442 находились на пути к нему и 5356 еще оставались в приемных пунктах. Помимо этого были учтены до 5 тыс. раненых и эвакуированных с фронтов неприятельских пленных, 693 убитых и раненых при бомбежке эшелона, а также 2317 умерших при эвакуации с фронтов. Среди военнопленных находились 1246 офицеров, до полковника включительно, 10 038 младших командиров и 26 059 рядовых [2: 216]. По национальному составу из числа военнопленных были учтены 32 932 румына, 3741 итальянец, 344 немца, 100 австрийцев, 43 венгра, 34 еврея, 30 поляков, 30 русинов, 23 серба, 11 чехов, 11 украинцев, 10 словаков, 7 русских, 7 греков, 4 цыгана, 4 молдавана, 3 татарина, 2 словенца, 2 болгарина, хорват, турок, француз, македонец и американец. Кроме того, среди военнопленных были выявлены 14 изменников родины [5: 60].

Уже на данном этапе оказавшиеся в плену вражеские военнопленные находились в крайне тяжелом положении, в результате чего они нередко теряли человеческий облик. 3 января 1943 г. от оперативного отделения лагеря № 62, располагавшегося на хуторе Больше-Набатовском Калачевского района Сталинградской области, поступило спецсообщение о двух случаях людоедства среди пленных. 28 ноября 1942 г. при похоронах умерших немцев Кинцера и Гаузера было обнаружено, что во время пребывания в мертвецкой у одного из трупов были вырезаны мягкие части. 31 декабря того же года в расположении названного лагеря были обнаружены останки неизвестного румына, части тела которого также были вырезаны [7: 44].

Сложившееся положение было бы неправомерно целиком относить к ошибкам и просчетам, допущенным советским командованием и органами НКВД при приеме и размещении военнопленных. Необходимо признать, что в подавляющем большинстве случаев истощение среди оказавшихся в котле военнотружущих вермахта наступило еще до пленения. Так, оказавшийся в плену 21 января 1943 г. оберфельдфебель Андерс на допросе показал, что их ежедневное питание перед этим состояло из 100–200 г хлеба, половины черпака супа, кусочка колбасы. Питания, по его словам, было недостаточно, все военнотружущие находились на голодном пайке [9: 4].

По сообщению Совинформбюро от 7 января 1943 г., за время с 19 ноября 1942 г. по 5 января 1943 г. на Юго-Западном, Донском и Сталинградском фронтах всего было взято в плен 144 150 человек [4]. Из них УПВИ НКВД СССР на 15 января 1943 г. были учтены как фактически принятые 78 547 чел, в том числе 69 568 с Юго-Западного и Донского, 8979 – со Сталинградского фронтов. Необходимо отметить, что в число фактически принятых были включены военнопленные, находящиеся в лагерях НКВД; на пути к ним, в приемных пунктах, на фронтах, эвакуированные раненые, умершие и убитые при бомбежке [6: 25].

По состоянию на 31 января 1943 г. в Бекетовку поступили до 35 тыс. военнопленных, преимущественно немцев. Временно их разместили в четырех пунктах: в поселке Сталинградской государственной районной теплоэлектростанции (СталГРЭС) – 14 тыс.; в бараках Лесобазы – 8,5 тыс.; в корпусах завода № 91 – до 8 тыс.; в бараках поселка завода Сакко и Ванцетти – 4 тыс. чел. [8: 210]. Все помещения оказались не приспособленными для размещения пленных. Ограждения, за исключением поселка завода № 91, отсутствовали. Пищевой блок оборудован не был. Питьевая вода вблизи поселков отсутствовала, подвоз ее не представлялся возможным. Охрану объектов осуществлял только один батальон 21-й бригады войск НКВД, чего было явно недостаточно.

Из-за отсутствия аппарата лагерей военнопленные от армии длительное время не принимались. Вместе с тем командование фронта настойчиво требовало их принять, не считаясь ни с какими условиями. Санитарное управление фронта прием больных и раненых военнопленных также задерживало. Командование Красной армии и руководство органов НКВД СССР находилось в растерянности, не зная, каким образом решить судьбу захваченных пленных в дальнейшем. До выделения помещений, прибытия на место аппарата лагерей и оборудования последних всем необходимым прием военнопленных от фронта был невозможен.

В случае оставления в Сталинграде всей массы военнопленных, требовалось организовать несколько лагерей из расчета не более 5 тыс. пленных в каждом. В целях их обеспечения размещением, питанием и санитарной обработкой штабу тыла Красной армии надлежало

отдать приказ командованию фронта о принятии мер к нормальному размещению военнопленных, созданию пищеблока и выделению необходимого количества продуктов, хозяйственно-кухонного инвентаря, походных пекарен, душевых установок, дезинфекционных камер, автомобильного и гужевого транспорта из расчета не менее 10 автомашин и 20 подвод на каждый лагерь. Помимо этого требовалось большое количество горючего и другого имущества. Поскольку на месте никаких компетентных в деле работы с военнопленными сотрудников не имелось, в срочном порядке требовалось назначение в район Сталинграда руководящих кадров лагерей и их персонала [8: 205].

Начальник Управления НКВД Сталинградской области А.И. Воронин и уполномоченный УПВИ НКВД СССР С.М. Шустин в этой связи 1 февраля 1943 г. обратились к заместителю наркома внутренних дел СССР И.А. Серову с ходатайством о передислокации в Сталинград 35-й конвойной дивизии с возложением на нее охраны лагерей. В пос. Бекетовка, где находилась основная масса военнопленных, был переведен находившийся в Средней Ахтубе 228-й конвойный полк [1: 2].

Управлению лагерей № 108, в чьем подчинении находились 13 таких учреждений с контингентом около 91 тыс. военнопленных, из которых 15–20 тыс. нуждались в госпитализации, наряду с вопросами размещения, питания и отправки здорового контингента, пришлось заниматься вопросами госпитализации пленных, что ни в коей мере к его компетенции не относилось. В целях быстрой госпитализации 3 марта 1943 г. состоялось совещание начальника Управления лагерей № 108 Смирнова с представителем Главного военного санитарного управления Л.Г. Ратгаузом. В ходе заседания были достигнуты договоренности об условиях передачи, распределении госпиталей по лагерям, а также установлении сроков госпитализации. Для их претворения в жизнь 4 марта 1943 г. в лагерь военнопленных Сталинградской области выехали представители Управления лагерей военнопленных № 108 и Главного военно-санитарного управления. Благодаря их наблюдениям и отчетности, сегодня мы можем получить представление о событиях в лагерях военнопленных, образованных при рассматриваемых обстоятельствах в районе Сталинграда.

Лагерь № 108/19 располагался в районном центре Дубовка в 65 км от управления и занимал здания бывшего монастыря. Пленные

размещались в различных условиях. Кому-то посчастливилось занять жилые кирпичные постройки. Прочие заняли сараи без пола и потолка. Офицерский состав проживал отдельно. Территория лагеря была огорожена колючей проволокой и содержалась в удовлетворительном состоянии. 3 марта 1943 г. лагерь принял от частей РККА 10 231 пленного, из числа которых 2,5 тыс. чел. были ранеными, обмороженными, больными и резко истощенными.

До 5 марта 1943 г. питание контингента сводилось к выдаче 400 г хлеба и 380 г пшенной крупы без рыбы, мяса и жиров. С 5 марта, после переговоров с представителями Управления продовольственного снабжения Наркомата обороны СССР, лагерь стал получать продукты по нормам, предусмотренным для военнопленных. Пищевлаком лагерь был обеспечен лишь на 30 % из-за отсутствия котлов. Запаса дров в нем не было. Транспорт был, но без горючего. Водоснабжение являлось вполне удовлетворительным. Медицинскими кадрами лагерь был обеспечен вполне сносно. В лагере работали начальник санитарного отдела, три вольнонаемных врача, два фельдшера и четыре медсестры. Кроме того, действовали 30 врачей, а также необходимое количество санитаров из числа военнопленных. Медикаменты в лагере отсутствовали. С 3 по 5 марта 1943 г. в лагере умерли 128 военнопленных: 3 марта – 29; 4 марта – 45; 5 марта – 54 чел. [8: 207].

Лагерь № 108/15 располагался в совхозе «Пролетарий» Иловлинского района. В 25 км от него находились железная дорога и армейская база снабжения. Военнопленные размещались по крестьянским домикам и в трех полуразрушенных сараях, совершенно без освещения и слабо утепленных. Зона лагеря как таковая отсутствовала, в связи с чем пленные могли контактировать с гражданским населением. На 6 марта 1943 г. в лагере находился 3051 чел., из числа которых 1328 были больными, 500 из них нуждались в госпитализации. С 15 февраля 1943 г. военнопленным выдавалось по 600 г хлеба и по 0,5 л горячего супа. С 25 февраля горячая пища стала выдаваться два раза в сутки. Нормы питания выдерживались полностью. В необходимом количестве имелись мясо, рыба, сахар и картофель. На территории лагеря находились два колодца и родник, в связи с чем воды для пленных было достаточно. Дров в лагере не было, поэтому ежедневно 100 чел. были вынуждены ходить за 5 км за хворостом.

Военнопленных в названном лагере обслуживали врач, три фельдшера, медсестра и фармацевт. Кроме того, имелось 10 врачей, 37 фельдшеров, а также достаточное количество санитаров из числа военнопленных. Медикаментов не было, однако средств для перевязки и дезинфекции хватало. В лагере наблюдалась чрезвычайно высокая смертность. С 1 по 6 марта 1943 г. умерли 313 пленных, в том числе 1 марта – 62; 2 марта – 51; 3 марта – 46; 4 марта – 37; 5 марта – 58; 6 марта – 59 чел. Причинами смертности, по мнению проверяющих, являлись поразившая основную массу военнопленных до прибытия в лагерь пеллагра диарейной формы, сепсис от обморожения, тяжелые условия размещения и холод ввиду недостатка топлива [8: 208].

Лагерь № 108/14 дислоцировался в совхозе «Красноярском» Иловлинского района, в 25 км от базы снабжения и железной дороги. Контингент в условиях большой скученности размещался в неотапливаемых сараях без пола и потолков. Жилые помещения имели лишь незначительную подстилку из камыша. Офицерский состав проживал в лучших условиях, в амбарах. Зоны лагеря как таковой не имелось.

На 5 февраля 1943 г. в лагере содержалось около 4,5 тыс. чел. За период с 5 февраля по 6 марта 1943 г. умерли 1762 из них, 564 нуждались в госпитализации. Питание и водоснабжение контингента было признано удовлетворительным. Однако запас продуктов, так же как и дров, отсутствовал. 100 % пленных были завшивлены. Баня и дезинфекционная камера в лагере отсутствовали. В лагере имелось два военврача из армейского госпиталя, а также три фельдшера и одна медсестра. Из числа военнопленных действовали 14 врачей и 18 санитаров [8: 209].

В пос. Паньшино Иловлинского района располагался лагерь № 108/17. Он находился в 47 км от базы снабжения и железной дороги. Здесь пленные проживали в землянках и палатках. За февраль 1943 г. в лагерь поступило 11 549 пленных. 11 228 из них были отправлены в тыловые районы. На 1 марта 1943 г. 1301 пленный умер. 7 марта 1943 г. в лагере оставались 976 военнопленных, 387 из которых нуждались в госпитализации. С 1 по 6 марта умерли еще 267 чел. Два раза в день контингент лагеря получал горячую пищу и по 600 г хлеба. Больные получали чай. Водоснабжение лагеря было вполне удовлетворительным. Запаса дров не было. На 100 % контингент был завшивлен.



В лагере работали начальник санитарного отделения, два врача, три фельдшера и медсестра. Из числа военнопленных действовали три врача и 13 санитаров. Медикаментов не было [8: 210].

В пос. Сакко и Ванцетти, в 8 км от Бекетовки, где находилось Управление лагерей № 108 и база снабжения, располагался лагерь № 108/10. Зона лагеря, хотя и была обнесена колючей проволокой, содержалась в исключительно грязном состоянии. Несмотря на наличие необходимых возможностей, питание контингента было организовано плохо. До 11 марта 1943 г. контингент получал горячую пищу нерегулярно. Больные получали всего по 300 г хлеба. Объяснялось это пассивным отношением к работе начальника лагеря и его хозяйственного аппарата.

Контингент лагеря располагался в четырех полуразрушенных деревянных бараках, нары в которых имелись лишь частично. Офицеры и больные размещались в двух двухэтажных каменных зданиях. До принятия контингента от армии пленные снабжались продуктами от случая к случаю, сухим пайком в виде хлеба и селедки. Вода в лагерь привозилась за 3 км на телеге силами военнопленных. Дров в лагере не было. На 10 марта 1943 г. в лагере оставались 2883 чел., в том числе 770 больных. С 1 по 10 марта умерли 512 пленных. При этом смертность доходила до 60 человек в сутки. Из числа вольнонаемного состава пленных обслуживали врач, три фельдшера и три медсестры. Из числа военнопленных – 83 врача и 32 санитаров. Медикаментов в лагере не имелось [8: 211].

В пос. СталГРЭС, в Бекетовке, дислоцировался лагерь военнопленных № 108/12. НКВД от Красной армии он был принят 26 февраля 1943 г. с контингентом в 18 220 чел. За период с 26 февраля по 11 марта 2036 пленных умерли. В этом лагере, одном из первых, среди военнопленных были зарегистрированы 16 случаев сыпного тифа. В связи с этим на бараки был наложен карантин. По состоянию на 12 марта 1943 г. в нем оставались 8,5 тыс. чел. 4350 из них были больными. В лагере работали врач, три фельдшера и санитар. Среди военнопленных было 40 врачей и 100 санитаров [8: 212].

26 февраля 1943 г. 10 373 военнопленных принял лагерь № 108/11, дислоцировавшийся в пос. Лесобазы, в Бекетовке. Вскоре 2572 больных и раненых пленных были переданы армейскому госпиталю. Вместе с ними туда отправились 26 пленных врачей и 70 санитаров.

На 10 марта 1943 г. в лагере осталось 260 чел. Здоровый контингент этапировали вглубь страны [8: 213].

Учитывая катастрофическое, по сути, положение военнопленных противника, руководство Управления лагерей № 108 провело совещание, по результатам которого на места был отдан ряд указаний, чтобы по возможности стабилизировать ситуацию [3: 147]. Прежде всего было предписано обеспечить всех военнопленных горячей пищей два раза в день, с полной выдачей хлеба и остальных продуктов, предусмотренных установленными Советом народных комиссаров СССР нормами. Предусматривалась организация оздоровительных групп военнопленных, которых необходимо было ежедневно обеспечивать не реже трех раз в день горячей пищей. В каждом из лагерей надлежало создать запас продовольствия не менее чем на 10 дней. Руководству лагерей было предписано изыскать возможность для обеспечения дровами. Во всех местах проживания пленных в срочном порядке надлежало установить печки-временки.

Весь контингент лагерей предписывалось пропустить через врачебно-трудовую комиссию, после чего направлять в тыловые производственные лагеря военнопленных исключительно совершенно здоровых пленных, которые могли выполнять тяжелую физическую работу. Начальники санитарных отделов названных лагерей обязаны были вести точный учет заболеваемости и смертности военнопленных, результаты которого ежедневно направлять в управление. Помимо этого, руководство лагерей обязано было ежедневно информировать управление о жизни лагеря в целом. За плохую организацию работы с пленными соответствующие начальники лагерей от нее отстранялись.

В срочном порядке предписывалось построить в лагерях необходимое количество дезинфекционных камер и примитивных бань, после чего приступить к регулярной санитарной обработке контингента. Территория лагерей подлежала незамедлительной очистке от мусора и нечистот, а также оборудованию отхожими местами. Всех нуждающихся в госпитализации больных следовало передать госпиталям Наркомата обороны, часть которых разворачивалась в палатках непосредственно в зоне лагерей. При этом госпиталям оказывалась необходимая помощь в оборудовании помещений для больных. При направлении военнопленных на работу в количестве свыше

50 чел. в обязательном порядке из состава контингента выделялось сопровождение медперсонала. Непосредственно из Управления лагерей № 108 на места были направлены медикаменты. Согласно предписанию, смертность среди военнопленных необходимо было незамедлительно сократить до минимума. Захоронение трупов погибших было взято под строгий контроль.

Итак, проведенный анализ архивных документов позволил восстановить фрагмент истории лагерей военнопленных в районе Сталинграда в 1943 г., а также охарактеризовать проблемы организации таких учреждений и методы их решения.

### Источники и литература

1. Архив Информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 263.
2. Епифанов А.Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде, 1942–1956 гг. Волгоград, 2007.
3. Епифанов А.Е., Красноженова Е.Е., Степанова М.М. История и правовое положение военнопленных вермахта в период Сталинградской битвы // Вопросы истории. 2019. № 12-3. С. 144–150.
4. Правда. 1943. 7 января.
5. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1-е. Оп. 1. Д. 6.
6. РГВА. Ф. 1/е. Оп. 1. Д. 9.
7. РГВА. Ф. 1/з. Оп. 4. Д. 3.
8. РГВА. Ф. 1/з. Оп. 4. Д. 22.
9. РГВА. Ф. 47/п. Оп. 21. Д. 8.

К.И. Ремишевский

### БЕЛОРУССКАЯ КИНОХРОНИКА ИЮЛЯ 1941 г. НА МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКРАНЕ

Общественные представления об информационно-пропагандистской роли советской фронтовой кинодокументалистики, которую ей довелось сыграть в годы Великой Отечественной войны на международной арене, по прошествии почти 80 лет после Великой Победы

остаются поверхностными и фрагментарными. У граждан России и Беларуси старшего возраста они обычно сводятся к констатации общеизвестного факта, что хрестоматийная кинолента режиссеров Л. Варламова и И. Копалина «Разгром немцев под Москвой» (ее англоязычная версия вышла в мировой прокат под названием «Moscow Strikes Back») удостоилась премии Американской киноакадемии «Оскар» в номинации «Лучший документальный фильм 1942 года» (церемония объявления решения состоялась 4 марта 1943 г. в Лос-Анжелесе).

Исследования отечественной кинодокументалистики военного периода, относительно недавно проведенные российскими историками кино В.И. Фоминым [1; 5; 14–16], А.С. Дерябиным [13], а также автором статьи [6; 7], способствовали детальному пониманию эволюции отечественного кинодокументализма и актуализировали ряд вопросов по истории неигрового кино военных лет, один из которых посвящен взаимному обмену и общественной репрезентации событийной кинохроники, снятой союзниками – документалистами стран антигитлеровской коалиции.

Обмен готовыми кинолентами и фронтовой кинохроникой между уполномоченными ведомствами СССР, Великобритании и США, осуществлявшийся в годы войны главным образом на безвозмездной основе, сыграл важную роль в повышении доверия сторон, в частности для активизации поставок продовольствия, сырья и вооружений для нужд Красной армии; в формировании положительного образа советского воина и труженика, противостоящего гитлеровской агрессии; для противодействия нацистской пропаганде. Заметим, что вопросы контрпропаганды и противодействия «информационным войнам» рассматривались в качестве наиважнейших, поскольку нацистская Германия демонстрировала активность в «медийном поле» с первых дней Второй мировой войны. Приведем лишь один пример: для создания положительного имиджа оккупационных администраций немцы активно использовали все видовые сегменты кинематографа, включая художественную анимацию. В оккупированном Пскове в марте – апреле 1943 г. местному населению широко демонстрировался стилизованный под лубок «a la Russ» мультипликационный фильм-памфлет «Дубинушка», фабула которого основывалась «на злоключениях русского крестьянина при советской власти, его освобождении

от колхозного рабства и начале новой творческой и созидательной жизни» после низвержения коммунистического режима [4].

В этой связи представляется важным проследить эволюцию форм сотрудничества между кинематографическими ведомствами стран антигитлеровской коалиции, дать предварительную оценку эффективности этой работы и осветить общесоюзную и международную прокатную судьбу уникального кинохроникального материала, снятого группой советских документалистов под руководством фронтового кинооператора В.С. Ешурина в восточных регионах Беларуси в июле 1941 г.

Важным внешнеполитическим событием, оказавшим влияние на формирование мобилизационно-пропагандистской модели советского неигрового кинопроизводства и проката (хронологические рамки доминирования этой модели условно можно установить с июля 1941 по июль – август 1943 г.), явился выход на советские экраны 15 июля 1941 г. экстренного выпуска «Союзкиножурнала», озаглавленного «К соглашению между правительством СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии» (реж. И. Кравчуновский) [8]. 21 марта 1942 г. на советские экраны вышел первый из трех номеров киножурнала «Великобритания в дни войны». Эти выпуски были смонтированы режиссером Л. Варламовым из английской кинохроники, переданной в СССР по дипломатическим каналам в качестве разовой акции. 21 августа 1942 г. к советскому зрителю вышел специальный хроникальный выпуск «К переговорам премьер-министра Великобритании г-на У. Черчилля с председателем СНК СССР товарищем И.В. Сталиным в Москве» (реж. М. Фиделева).

Датой кардинального расширения мероприятий по обмену неигровой кинопродукцией между Советским Союзом и США следует считать 24 февраля 1943 г., когда Народный комиссариат иностранных дел СССР разрешил Кинокомитету принять предложение американцев о бесплатном обмене хроникальными и научно-техническими фильмами. Было заключено соглашение, согласно которому в США была отправлена обширная коллекция выпусков «Союзкиножурнала» военного периода, 17 технических фильмов, 2 военно-инструктивные ленты и, вероятно, значительный массив кинолетописного материала, ранее почти не использованного советскими кинодокументалистами при монтаже фильмов и киножурналов. В свою очередь посольство

США в Москве передало Кинокомитету коллекцию официальных выпусков американской хроники (киножурнальную продукцию) и 77 научно-технических фильмов, рассказывающих главным образом о тех видах военной и гражданской техники, которые массово поставлялись в СССР [10: 32].

На заинтересованность американской стороны в получении значительных объемов разнообразного кинолетописного материала, снятого на советско-германском фронте, следует обратить особое внимание. Дело в том, что в начале 1943 г. в США при поддержке начальника штаба Джорджа Маршалла уже полным ходом шла подготовка к созданию одного из крупнейших за годы Второй мировой войны кинодокументальных проектов – цикла из семи монтажно-исторических кинокартин публицистической направленности, вышедших в прокат под общим названием «Почему мы сражаемся» (Why We Fight). Пятый фильм этого цикла – «Битва за Россию» (The Battle of Russia), режиссерами которого выступили Фрэнк Капра и Анатолий Литвак, языком визуальных образов и метафор, понятным не только американскому, канадскому, австралийскому, но и любому другому зрителю, рассказал о геополитических предпосылках германской экспансии на Восток, о немецкой тактике «глубоких танковых клиньев» и советской «глубоко эшелонированной обороне», тактике «выжженной земли», об ожесточенных уличных боях и всенародном партизанском сопротивлении. Монтажная ткань этой серии (отбор хроники выполнялся А. Литваком, уроженцем Киева, хорошо ориентирующимся в восточноевропейской и, в частности, советской специфике) полностью состояла из материала, переданного по соглашению от 24 февраля 1943 г. [10: 32]. В результате авторского отбора советской кинохроники на мировые экраны вышли не только продемонстрированные ранее в советском прокате фрагменты боевой кинолетописи, но и ряд неизвестных кадров и эпизодов, переведенных по разным причинам к тому времени в категорию «фильмотечного материала».

Представляется, что процесс обмена киноматериалами, по крайней мере до весны – лета 1944 г., не вызывал нареканий у всех участвующих сторон. Лаконичные сюжеты, смонтированные из союзнического киноматериала (эту «идеологически нагруженную» работу поручали ограниченному числу режиссеров Центральной студии кинохроники),

периодически включались в отдельные выпуски главного киножурнала страны – «Союзкиножурнала», причем, в «московских» версиях киножурнала внешнеполитической экранной информации было больше, чем в «региональных» вариантах, монтировавшихся и тиражировавшихся в Куйбышеве, Алма-Ате и Новосибирске.

О масштабах влияния кинохроникальной информации на умы и сердца советских людей в военные годы говорит следующий факт. В начале апреля 1942 г. в центральном кинотеатре Свердловска состоялся эксперимент – демонстрировалась не «региональная», а «московская» версия киножурнала. Результат впечатлил даже руководителей киноотрасли – количество зрителей, посмотревших свежий «московский» выпуск «Союзкиножурнала», составило 27 тыс. человек при плане в 15 тыс. зрителей [9: 9].

Сюжеты советской кинопериодики военных лет, отражающие международную проблематику, ныне хранятся в фондах Российского государственного архива кинофотодокументов (далее – РГАКФД). Многие из них представляют значительный научный интерес и, насколько известно, еще не выступали объектом отдельного изучения. Малоисследованной остается и обратная сторона двунаправленного процесса по обмену могучим оружием идеологического воздействия на зарубежного зрителя, коим выступала советская кинохроника, снятая на Восточном фронте. В настоящее время автор располагает лишь единичными документами, свидетельствующими о «несимметричной дистрибуции» в массовом кинопрокате Великобритании советского киноматериала, запечатлевшего ужасы гитлеровской оккупации, тотальные разрушения и геноцид местного населения. Так, 22 февраля 1944 г. уполномоченный «Союзинторгкино» в Великобритании П.Г. Бригаднов представил в Кинокомитет отчет о своей работе по продвижению советских кинолент на экраны Великобритании. В отчете отмечался «огромный интерес», который английская общественность стала проявлять к событиям на фронте после разгрома немцев под Сталинградом. По сведениям П.Г. Бригаднова, более 4 тыс. британских кинотеатров в 1943 г. показали около «30 000 футов совкинохроники (что соответствует почти шести часам экранного времени. – К. Р.)». Автор докладной записки акцентировал внимание советского руководства на том, что местная «цензура пыталась удалять

из боевой кинохроники и документальных кинофильмов кадры о творимых зверствах во временно оккупированных областях, мотивируя тем, что население Англии несколько сот лет не воюет на своей территории и показ зверств якобы внесет нервоз в среду кинозрителей. Это объяснение не выдерживает критики, так как убитые женщины и дети от немецких бомбардировок показывались широко на английских экранах. Поэтому у нас сложилось определенное мнение, что все препятствия показать зверства английскому зрителю имеют под собой более серьезные политические причины» [11: 3–31].

30 мая 1944 г. состоялась встреча председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР И.Г. Большакова с заведующим русским отделом британского Министерства информации П. Смоллетом, который высказал целый ряд претензий советской стороне, обвинив ее в блокировании инициатив по продвижению английских фильмов на советский экран. Руководитель Кинокомитета парировал обвинение тем фактом, что советские фильмы в Англии на широком экране тоже не показываются [12: 43–50].

Разумеется, было бы опрометчиво делать всеобъемлющие выводы на основании нескольких документов, пусть даже вполне согласующихся между собой в оценках тенденций проката советской кинодокументалистики британскими и американскими кинопрокатчиками. Тем не менее, такой анализ представляется весьма плодотворным, поскольку проливает свет на генезис информационных и гибридных войн эпохи аналоговых носителей, многократно усложнившихся и активизировавшихся в эпоху тотальной цифровизации событийного контента.

В процессе изучения постсъемочных судеб многих хроникальных репортажей и очерков военной поры приходится констатировать удручающий факт: нередко глубокий по замыслу и блестящий по художественному исполнению кадр или эпизод, снятый фронтовым оператором с риском для жизни, не находил своего достойного места в киножурнале или фильме. Причины этого были скорее ситуационными, нежели концептуальными. Использование даже самого добротного в профессиональном отношении «кинохроникального сырья» обуславливалось многочисленными внешними обстоятельствами (в их числе – предварительное тематическое планирование специальных



или юбилейных выпусков, приоритетное значение событий, разворачивающихся на иных направлениях и т.д.), препятствующими его немедленному выходу к зрителю. В таких случаях событийный материал отправлялся в хранилища, где терял актуальность и переходил в разряд ранее неиспользованного «фильмотечного материала». В этой связи значительный историко-культурный и киноведческий интерес вызывают обстоятельства проведения одной из наиболее ранних в истории советской фронтовой кинодокументалистики боевых хроникальных кинокомандировок, обеспечившей Центральную студию кинохроники крайне дефицитным и остро необходимым на тот момент материалом с Западного направления.

В вышедшей менее года назад монографии «“Врагу беспощадная лютая месть!”: кинолетопись и киножурнал “Савецкая Беларусь” огненных лет (июнь 1941 – ноябрь 1945 года)» уделено достаточное внимание изучению обстоятельств работы группы кинохроникеров, возглавляемой выдающимся советским документалистом В.С. Ешуриным [6: 48–64]. Поэтому здесь целесообразно остановиться лишь на тех творческих и организационных аспектах, которые в книге обозначены тезисно. Приступая к краткому изложению результатов работы группы В. Ешурина, отметим «физическую распыленность» этой цельной по съемочной стилистике и предкамерному материалу кинохроники, что препятствует ее комплексному изучению. Большая часть материала хранится в РГАКФД [3], меньшая – в Белорусском государственном архиве кинофотофонодокументов (далее – БГАКФД) [2].

Точную дату прибытия документалистов на фронт, ранее известную из материалов центральной советской прессы 1941 г., подтверждает документ из семейного архива Ешуриных – «Отзыв о работе киногруппы военинженера 1-го ранга (инженер-полковника) В.С. Ешурина на Западном фронте», составленный в конце сентября 1941 г.:

«Киногруппа в составе товарищей В. Ешурина, В. Комарова, А. Шафрана, А. Эльберта, Г. Боброва, В. Цеслюка, М. Берова и А. Николаевича-Курьяка проработала на Западном фронте с 27 июня по 19 сентября 1941 года. Все товарищи, не считаясь с трудностями, на различных участках боев честно выполняли задания Политуправления фронта. Одновременно киногруппа, возглавляемая т. Ешуриным, оказывала помощь в частях по организации фотосъемок.

Зам. нач. политуправления Запфронта бригадный комиссар И.А. Григоренко [Автограф]».

Из этого документа следуют два вывода. Во-первых, некоторые из хранящихся в РГАКФД и БГАКФД кинокадров (хроника выдвижения к Березине отдельных подразделений 1-й Московской Пролетарской моторизованной дивизий, которой командовал полковник Я.Г. Крейзер и, возможно, ряд других) были сняты 30 июня, а не в начале июля 1941 г., что вполне соотносится с картиной запечатленных в них событий. Во-вторых, наиболее ранние фронтовые кинокадры, заложившие фундамент военной кинолетописи, создавались при непосредственном творческом участии операторов-белорусов М. Берова и В. Цеслюка.

Кинорейд группы В.С. Ешурина по белорусской земле (маршрут включал районы Борисова, Орши и Лиозно, поскольку новые советские части и соединения, приходившие с востока, развертывались в так называемых «Смоленских воротах» между Оршей и Витебском, на рубежах рек Днепр и Западная Двина) продолжался менее 20 дней – в начале третьей декады июля 1941 г. почти вся территория республики оказалась под контролем врага.

Кинолетописный материал, переданный российскими киноархивистами в БГАКФД в 1962 г., предположительно датируется 2–4 июля 1941 г. Два десятка кинокадров общим метражом чуть более 70 м запечатлели мобилизационные и оборонные мероприятия северовосточнее Борисова, на левом берегу Березины. Эта кинохроника беспримерна как в отражении фактов, так и в дистилляции глубинных смыслов, в том числе решимости белорусов противостоять внешнему вторжению. Добытый В.С. Ешуриным и его коллегами кинохроникальный материал является одним из наиболее ранних, снятых на земле Беларуси в годы войны.

В течение героической кинокомандировки, завершившейся в районе Вязьмы, группой В. Ешурина было отснято и отправлено на студию около 3000 м материала (это соответствует 10 ч экранного времени). Уже говорилось о том, что подавляющая часть отснятых репортажей на широкий советский экран так и не попала. Исключение составили широко известные кадры, снятые в первые дни июля 1941 г. на восточном берегу Березины: в них оператор запечатлел мобилизацию белорусских селян, раздачу оружия, обучение народных мстителей

подрывному делу и диверсионной работе. Этот предельно актуальный по содержанию материал был включен в «Союзкиножурнал» № 68 от 16 июля 1941 г. Фактически, этот очерк В.С. Ешурина открыл в советской кинодокументалистике тему партизанской борьбы и сопротивления белорусского народа чужеземным захватчикам.

Интересен вопрос о студийной интерпретации киноматериала, включенного в вышеупомянутый выпуск «Союзкиножурнала» под титром-заголовком «В тыл фашистским бандитам». Дело в том, что достоверные сведения о зафиксированных на пленку событиях, указанные В. Ешуриным в пояснительной записке, редакторами Центральной студии кинохроники при составлении закадрового комментария были «творчески переосмыслены» в соответствии со спецификой «текущего момента». В итоге на свет появился дикторский текст, предлагающий зрителю настолько же невероятную, насколько и непроверяемую на тот момент версию, что кадры сняты в Западной Белоруссии, где «успешно перемещаются, нанося неожиданные и сокрушительные удары врагу, героические партизанские отряды». Здесь уместно заметить, что постсъёмочная монтажно-редакционная трактовка не входила в сферу компетенции кинохроникеров, в то время как мобилизационная парадигма начального периода войны диктовала вполне конкретные пропагандистские приемы... [8].

Символично, что кинохронике, снятой В. Ешуриным на белорусской земле летом 1941 г., равно как и некоторым другим его кадрам, в частности запечатлевшим освобождение Малоярославца в январские дни 1942 г., судьба уготовила неожиданную «вторую жизнь» еще до окончания войны. Это случилось во второй половине 1943 г., когда американские кинорежиссеры Фрэнк Капра и Анатолий Литвак завершили работу над пропагандистским монтажно-историческим фильмом «Битва за Россию» (The Battle of Russia), пятым в 7-серийном документальном цикле «Почему мы сражаемся» (Why We Fight). Кинокадры, снятые В. Ешуриным и членами его группы в Беларуси, вошли во вторую часть фильма «Битва за Россию», причем сопровождающий их дикторский текст повествует о грандиозном масштабе всенародного сопротивления немецкой агрессии народами советских республик. В монтажной ткани американского фильма можно обнаружить также несколько кинокадров В. Ешурина, снятых в ходе

освобождения Малоярославца. То обстоятельство, что англоязычный закадровый комментарий трактует их как хронику изгнания немцев из Волоколамска и Епифани, во-первых, ничуть не снижает силы их образного воздействия на заокеанского зрителя, а во-вторых, лишь с небольшой погрешностью в топографии и датировке «привязывает» историческую кинохронику к реальным событиям.

В этой связи нельзя обойти вопрос о том, что в течение двух последних десятилетий отдельные ешуринские кадры июля 1941 г., главным образом запечатлевшие инструктажи и раздачу оружия будущим народным мстителям, многократно использовались при монтаже разного рода телевизионного и интернет-контента. По наблюдениям автора статьи, во всех подобных случаях авторы аудиовизуальной продукции не считали должным указать в титрах авторов использованной ими фронтальной кинохроники. Более того, в дигитальных проектах, претендующих на «научно обоснованное, исторически достоверное» освещение событий, упомянутые кинокадры не единожды служили лишь «изобразительной подложкой» для вербального нарратива о ходе военных операций в Карелии, Подмосковье и даже на Кубани. Наиболее распространенными аргументами, сконструированными для оправдания такого произвольного, совершенно внеисторического использования исторически достоверного и правильно атрибутированного экранного материала, выступают соображения о высокой стоимости приобретения прав на коммерческое использование архивного киноматериала, о сжатых сроках и недостаточных сметах современного цифрового фильмопроизводства. Однако подлинные причины кроются в другом: с одной стороны, в радикальном снижении профессиональных компетенций и общего культурного уровня создателей аудиовизуального контента (в сравнении с авторами кинопроизведений эпохи киноплёнки), с другой – в недостаточных усилиях представителей научного сообщества в повышении статуса кинодокумента как ценнейшего источника информации для целого ряда гуманитарных наук.

### Источники и литература

1. Кино на войне: Документы и свидетельства / авт.-сост. В.И. Фомин. М., 2005.

2. Кинолетописный материал «В одном из первых партизанских отрядов Белоруссии» (оператор В. Ешурин, июль 1941 г., 94 м) // БГАКФФД. Арх. № 0728.
3. Кинолетописный материал «Партизаны Белоруссии» (оператор В. Ешурин, июль – июль 1941 г.) // РГАКФД. Арх. № 9075.2.
4. «На экране “Дубинушка”»: / по информации немецких оккупационных властей // «За Родину» (Псков). 1943. 7 апреля. С. 4.
5. «Плачьте, но снимайте!..» Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг. Монтажные листы фронтовых кинооператоров. Материалы к биографиям. / авт.-сост. В.И. Фомин. М., 2018.
6. *Ремишевский К.И.* «Врагу беспощадная лютая месть!»: кинолетопись и киножурнал «Савецкая Беларусь» огненных лет (июнь 1941 – ноябрь 1945 года). Минск, 2022.
7. *Ремишевский К.И.* История, ожившая в кадре: Белорусская кинолетопись: испытание временем. В 3 кн. Кн. 1. 1927–1953. Минск, 2014.
8. *Ремишевский К.И.* Кинолетопись Великой Победы и ее периодизация // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / навук. рэд. А.І. Лакотка. Мінск, 2021. Вып. 31. С. 194–202.*
9. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2451. Оп. 1. Д. 68.
10. РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 81.
11. РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 88.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 292.
13. Создатели фронтовой кинолетописи: биофильмографический справочник / ред. Т.В. Сергеева. М., 2016.
14. *Фомин В.И.* Победа – навсегда! Как советские кинооператоры снимали освобождение Европы. Документы и свидетельства. М., 2021.
15. *Фомин В.И.* «Политический эффект фильма “Русский вопрос” пропадает...» Из опыта советизации послевоенного кинопроката и кинопроизводства в Центральной и Восточной Европе // *Киноведческие записки. 2005. № 71. С. 194–247.*
16. Цена кадра. Советская фронтовая кинохроника 1941–1945 гг.: документы и свидетельства / авт.-сост. В.П. Михайлов, В.И. Фомин. М., 2010.

**М.И. Жбанникова****КОНЦЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНСАМБЛЕЙ ПЕСНИ И ПЛЯСКИ  
НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ  
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ  
НА СТРАНИЦАХ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ**

Уже в первые дни Великой Отечественной войны партийные и советские органы Ростовской области, наряду с проведением мобилизации населения на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и организацией перехода экономики области на военный лад, провели мероприятия по перестройке культурных и зрелищных организаций в части репертуара, мобильности обслуживания госпиталей и воинских частей.

Были образованы 33 бригады из работников искусств разных жанров и направлений, 25 бригад художественной самодеятельности, которые уже в период с 22 июня по 1 июля 1941 г. провели 313 концертов, в которых приняло участие 1612 человек [9: 9]. Концертные бригады были обязаны внести в свой репертуар патриотические, антифашистские произведения, убрать произведения, не актуальные в обстановке войны [24: 6–7]. Активное участие в концертной деятельности приняли ансамбли песни и пляски.

4 апреля 1936 г. президиум Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета вынес решение о создании Доно-Кубанского казачьего хора. После разделения Краснодарского края и донского региона созданный народный коллектив остался при Ростовской филармонии. В основу концертной программы ансамбля песни и пляски Донских казаков были положены народно-песенные традиции Донского края: могучая лирика казачьих песен, захватывающие пляски, обрамленные тонкой вязью музыкального сопровождения. Танцевальные номера программы создавались с учетом характерных особенностей хореографической культуры Дона [5].

С началом Великой Отечественной войны только с июля 1941 г. по июль 1942 г. ансамбль дал на фронте свыше 400 концертов. Гастролировал ансамбль и на территории Ростовской области, о чем регулярно рассказывали на своих страницах районные и областная газеты. Так, газета «Большевик», орган Семикаракорского райкома

ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся, 17 августа 1941 г. разместила сообщение Ю. Архангельского «Искусство на службу отечественной войны», в котором говорилось, что 17 и 18 августа 1941 г. в районном Доме культуры состоится выступление Государственного ансамбля песни и пляски Донских казаков под управлением П.И. Лысоконь [6]. В программе ансамбля также массовые и сольные казачьи танцы.

Елена Ивановна Гончарова, артистка балета ансамбля, вспоминала, что во время гастролей в городах Пятигорске и Кисловодске, артисты узнали, что «любимый Ростов захвачен фашистами. Нам было приказано отправиться в г. Чкалов, потом был Сталинград, где мы, разбившись на две группы по 25 человек, давали по 4–6 концертов для солдат армий Чуйкова и Галанина» [7]. Особенно, по словам Е.И. Гончаровой, запомнился артистам концерт для генералов и офицеров штаба Сталинградского фронта: «Как приятно было видеть, что нам аплодируют Рокоссовский и Чуйков» [7].

После освобождения Ростовской области от немецко-фашистских оккупантов ансамбль песни и пляски Донских казаков по решению Облесполкома показал концерты в ряде городов.

28 ноября 1943 г. областная газета «Молот» сообщила, что областной ансамбль песни и пляски Донских казаков подготовил новую концертную программу, в которую вошел донской фольклорно-песенный материал, собранный и обработанный А.М. Листопадковым. Новую программу ансамбль показал в Новочеркасске, Каменске, Миллерово, Шахтах и казачьих станицах, куда он выехал в первых числах декабря [13].

Три дня ансамбль гастролировал в городе Миллерово, имея в своем составе 60 артистов, а в программе – донской фольклорно-песенный материал, песни народов СССР, казачьи пляски [4]. По результатам гастролей в районной газете была размещена статья Л. Григорьева «Где же голос казака?», содержащая критические высказывания в адрес ансамбля. В ней написано: «Ансамбль песни и пляски Донских казаков не сумел выразить того своеобразного колорита, богатства красок, которые присущи нашим казакам.

На фронтах Великой Отечественной войны отважно и дерзко дерутся с врагом наши земляки, казаки прославленного генерала Селиванова. Боевая песня селивановцев прочно слилась с победной песней

московских салютов. Однако голос этой песни не проник на сцену, не нашел своего воплощения в программе ансамбля.

Это самый серьезный недостаток в работе ансамбля наряду с другими существенными недостатками» [8].

В сентябре 1943 г. был объявлен набор в государственный ансамбль песни и пляски Донских казаков певцов, танцоров и баянистов [14].

25 и 26 декабря 1943 г. ансамбль песни и пляски Донских казаков гастролировал в Азове. В сообщении «Ансамбль донских казаков прибывает в Ростов», напечатанном в газете «Красное Приазовье», органе Азовского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся, говорится: «Когда подлый враг напал на нашу родную страну, ансамбль был вывезен в глубокий тыл. Сейчас он вернулся в свою область и приступил к работе. Ансамбль обслужит в ближайшее время все города нашей области» [2].

27 августа 1944 г. ТАСС сообщило, что в концертном зале имени П.И. Чайковского, выступил ансамбль песни и пляски Донских казаков под управлением П.И. Лысоконя [3]. На протяжении 1944 г. газета «Молот» регулярно размещала объявления о концертах ансамбля Донских казаков в Ростове-на-Дону 7, 8 и 9 января, 22 марта, 2 июля, 16 и 17 сентября [18–23].

Ансамбль песни и пляски НКВД, созданный осенью 1939 г. по указанию Народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии, в годы Великой Отечественной войны дал 1711 выступлений. 18 сентября 1943 г. газета «Молот» опубликовала статью «Замечательный ансамбль», посвященную гастролям этого коллектива в Ростовской области.

В статье говорилось, что «ансамбль знает дорогу к сердцам своих слушателей. Он строит свою программу на подлинно народных песнях и плясках, показывающих широту русской души, непоколебимость духа нашего народа. Мы слушаем песни, с которыми росли, жили счастливой жизнью, любили, и еще сильнее оттачивается ненависть к врагу, посягающему на самое дорогое для всех нас – Родину» [11]. Автор рассказывает, что ансамбль приехал в Ростов из-под Новороссийска. До этого он побывал в Каунасе, Ленинграде, на Кубани, где град бомб, тяжелые залпы артиллерии не раз сопровождали выступления коллектива. Только в частях и подразделениях Северо-Кавказского



фронта ансамбль дал 150 концертов. Художественный руководитель ансамбля З. Дунаевский сказал, что после гастролей в Ростове ансамбль снова отправляется на фронт – выступать перед бойцами и командирами Южного фронта.

Концерт ансамбля был тепло встречен ростовчанами. Как отмечалось в статье, «трудно выделить в ансамбле лучших исполнителей. Зрители одинаково горячо аплодируют и обаятельным драматическим актерам Монастыревой, Любимову, Князеву, Дорофееву, и исполнителям стремительных грузинских плясок Лоладзе, Патарая и Кургелашвили, и солистам Шмелеву, Щадилову, Андрейченко, Сапегиной, которые мастерски запевают народные песни. Танцоры украшают ансамбль. Особенно запоминается темпераментный танец “Молдаванеска”, исполняемый Франтовой, Гатитатуллиным и Кожуховым. Зажигательно танцует Кондрагьев, выделяясь в массовых плясках своей виртуозностью» [11]. Говорится также о том, что весь смысл театрализованного концерта был близок зрителю.

Гастролировал в Ростовской области и организованный с первых дней войны красноармейский ансамбль железнодорожных войск НКВД под художественным руководством капитана А.Ю. Мозберг. К сентябрю 1943 г. ансамбль дал около 1000 концертов красноармейцам, отдыхающим после жарких боев, раненым бойцам в госпиталях, гражданскому населению в прифронтовых городах и районах.

О гастролях этого ансамбля в городе Миллерово в районной газете «Большевикский путь» 26 сентября 1943 г. была напечатана статья «Заслуженный успех» [10]. Автор статьи А. Желтухина отмечает: «Концерт открывается литературно-музыкальным монтажом “В решающий бой”. Насыщенный проникновенными фронтовыми песнями, разящими строками памфлетов Эренбурга, литературно-музыкальный монтаж приобретает особое звучание сейчас, когда наша любимая Красная Армия нещадно гонит ненавистного врага с советской земли, когда она на своих знаменах несет освобождение и жизнь миллионам советских людей.

“Будем жизнью защищать отчизну,  
Умирать с такою жадной к жизни,  
Чтобы никогда не умирать...”

Эти слова воспринимаются зрителем с такой же глубиной, как и мужественные слова песен о грозных мстителях – партизанах, о неугасимой любви к Родине, о жгучей ненависти к врагу.

Успех ансамбля кроется в простоте и обаятельности исполнения. Здесь каждая песня, каждое слово находит свой жест, свое выражение, свои краски. Зритель с одинаковой горячей теплотой встречает – и песню о городе-воине, славном Ленинграде, в исполнении Позднякова, и лирическую песню “Случайный вальс” в исполнении Масловского, и шахтерскую песню о родном Донбассе.

Программа ансамбля богата разнообразием: русская пляска сменяется лихим цыганским танцем, грустные старинные русские песни перекликаются с жизнеутверждающими напевами современной музыки.

Особую признательность зрители выразили артистам Московскому и Мещерякову, исполнителям антифашистских частушек. Они удачно изобразили фрицев сегодняшнего дня, потерявших веру в победу Германии и напевающих последнюю песенку: “Доннер веттер, морген, гут, / Скоро Гитлеру капут” [10].

Заканчивалась статья словами о том, что участники эстрадного ансамбля не профессиональные артисты. Каждый из них несет свою службу воина и только в свободное время занимается искусством.

Ансамбль красноармейской песни и пляски за три месяца дал свыше 200 концертов для героических защитников Сталинграда. После битвы за Сталинград ансамбль прибыл на гастроли в освобожденный Ростов и сразу же дал концерт 18 февраля 1943 г. на многолюдном митинге ростовчан [3].

17 марта 1943 г. газета «Молот» напечатала статью «Концерт фронтовых артистов», рассказывающую о гастролях фронтового ансамбля красноармейской песни и пляски 15 марта в помещении театра Музыкальной комедии [12]. В ней говорилось, что в торжественном молчании ростовчане в переполненном зале слушали величавую эпическую музыку Александрова «Кантаты о Сталине», песню о 62-й героической армии, сражавшейся за Сталинград. С успехом выступил вокальный ансамбль, исполнивший хор из кантат «Александр Невский» и «Минин и Пожарский». Большое место в программе заняла классическая музыка. Лирические номера были представлены песнями «Жди меня» и «Вася Василек».

В статье отмечались интересные факты из жизни артистов. В Сталинграде ансамбль создал песню «Вперед, в наступление» (музыка Миролюбова). В калмыцких степях была сложена песня о героических гвардейцах (музыка баяниста Мяскова, литературный текст Петацкова). На митинге в Ростове ансамбль исполнил свои частушки:

Сердце бьется, сердце радо, –  
Тихий Дон плясать готов.  
Мы привет их Сталинграда  
Принесли тебе, Ростов! [12].

27, 28 и 29 марта 1944 г. в Ростове в Окружном доме Красной армии Северо-Кавказского военного округа (СКВО) давал концерты Красноармейский ансамбль песни и пляски СКВО под управлением Д.С. Александровича. В программе ансамбля были песни советских композиторов, народные песни, художественное чтение, пляски [15–17].

С большим успехом в госпиталях, воинских частях, клубах и кинотеатрах области выступал ансамбль красноармейской художественной самодеятельности городского штаба МПВО. За короткое время коллектив дал более 125 концертов в Ростове, Таганроге и Батайске. Как отмечала газета «Молот» в своем номере от 30 июня 1944 г., «программа выступлений ансамбля самая разнообразная. Сюда входят скетчи, массовые красноармейские и краснофлотские танцы, инсценировки, отрывки из украинских пьес, хоровые выступления, художественное чтение» [1].

Следует отметить, что перечисленные ансамбли песни и пляски не составляют полный список коллективов, выступавших на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. В данной статье перечислены только те, чьи концерты нашли свое отражение на страницах районных и областной газет. Но даже этот небольшой материал свидетельствует об огромной работе, которую артисты, певцы и танцоры, музыканты и их художественные руководители проделали на фронтах Великой Отечественной войны, в том числе и в освобожденных от фашистских оккупантов городах и станицах Ростовской области.

### Источники и литература

1. 125 концертов // Молот. 1944. 30 июня. № 128. С. 3.
2. Ансамбль донских казаков прибывает в Ростов // Красное Приазовье. 1943. 24 декабря. № 186. С. 2.
3. Ансамбль красноармейской песни и пляски в Ростове // Молот. 1943. 14 марта. № 42. С. 2.
4. Ансамбль песни и пляски // Большеви́стский путь. 1943. 3 декабря. № 225. С. 1.
5. Ансамбль песни и пляски донских казаков. URL: <http://leninmemorial.ru/news/ansambl-pesni-i-tantsa-donskikh-kazakov-.html> (дата обращения: 31.03.2023).
6. Большевик. Орган Семикаракорского РК ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. 1941. 17 августа. № 65. С. 2.
7. В предвоенные годы и годы войны. URL: <https://rostovadk.ru/history/mnu1936-1969> (дата обращения: 31.03.2023).
8. Григорьев Л. Где же голос казака? // Большеви́стский путь. 1943. 14 декабря. № 233. С. 2.
9. Жбанникова М.И., Пятикова М.В. Великая Отечественная война на Дону (по документам местных архивов). Ростов-на-Дону, 2018.
10. Желтухина А. Заслуженный успех // Большеви́стский путь. 1943. 26 сентября. № 176. С. 2.
11. Михайлов И. Замечательный ансамбль // Молот. 1943. 18 сентября. № 196. С. 4.
12. Никулин М. Концерт фронтовых артистов // Молот. 1943. 17 марта. № 44. С. 2.
13. Новая программа ансамбля донских казаков // Молот. 1943. 28 ноября. № 245. С. 4.
14. Объявление // Молот. 1943. 18 сентября. № 196. С. 4.
15. Объявление // Молот. 1944. 25 марта. № 60. С.4.
16. Объявление // Молот. 1944. 26 марта. № 61. С.4.
17. Объявление // Молот. 1944. 28 марта. № 62. С. 4.
18. Объявление // Молот. 1944. 7 января. № 5. С. 4.
19. Объявление // Молот. 1944. 9 января. № 7. С.4.
20. Объявление // Молот. 1944. 21 марта. № 57. С. 4.
21. Объявление // Молот. 1944. 2 июля. № 130. С. 4.
22. Объявление // Молот. 1944. 16 сентября. № 184. С. 4.
23. Объявление // Молот. 1944. 17 сентября. № 185. С. 4.
24. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 308.

**А.С. Шакиева****ВКЛАД СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В годы Великой Отечественной войны советские ученые внесли значительный вклад в изучение истории Казахстана. Они проводили исследования, собирали архивные материалы, осуществляли археологические раскопки и антропологические исследования, чтобы расширить знания о древней и современной истории страны. Одним из важных направлений работы советских историков и археологов было изучение и описание исторического наследия Казахстана и его роли в формировании центральноазиатской цивилизации. Ученые рассматривали различные аспекты истории Казахстана, включая его древнюю культуру, миграции народов, формирование этносов, социально-экономическую структуру и культурное развитие. Советские ученые также исследовали вклад Казахской ССР в Победу над нацистской Германией в Великой Отечественной войне. Они изучали службу выходцев из Казахстана в Красной армии, вопросы социально-экономического развития республики в годы войны. Кроме того, советские ученые проводили этнографические исследования культуры, традиций и обычаев казахского народа.

Массовая эвакуация населения в государства Средней Азии, в том числе на территорию Казахстана, осуществленная в 1941–1942 гг., характеризуется краткими сроками проведения, интенсивностью и масштабом. Успех эвакуации стал одним из факторов Победы в Великой Отечественной войне. Немаловажную роль сыграли и эвакуированные ученые в разработке истории Казахстана. Это отмечается многими современными исследователями. Так, историк М.О. Абсеметов пишет: «Научная и общественная деятельность эвакуированных ученых в Казахстане стала одним из главных факторов роста научно-технического потенциала республики и формирования сети научных учреждений АН Казахской ССР. За годы войны в республике открылись новые академические институты и их филиалы, а число научных сотрудников увеличилось в несколько раз. Ученые внесли множество рационализаторских предложений, имеющих стратегическое, народнохозяйственное и оборонное значение. Их вклад в развитие научного потенциала

республики, научные достижения, которых они добивались в условиях военного времени, стали побудительным мотивом и предпосылками для открытия в июле 1946 г. Академии наук Казахской ССР» [2: 30].

Первой крупной работой эвакуированных ученых в годы Великой Отечественной войны стала «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» под редакцией академика А.М. Панкратовой. Среди авторов данного труда, помимо А.М. Панкратовой, были и другие известные ученые: член-корреспондент С.В. Бахрушин, доктор исторических наук А.Ф. Миллер, кандидаты исторических наук А.П. Кучкин, Д.А. Баевский, С.Д. Петропавловский, П.К. Алифиренко, Е.И. Веденева. Создание данного труда было задумано еще в 1942 г. алматинской группой эвакуированных ученых совместно с Казахским филиалом Академии наук СССР. Руководство Казахской ССР полагало, что такой труд в условиях Великой Отечественной войны поможет подъему патриотического духа казахского народа в героических традициях прошлого, что было особенно важно для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками [7: 221].

О создании этой работы академик Н.М. Дружинин писал в своих мемуарах: «...в октябре 1941 года большая группа сотрудников института была эвакуирована в Среднюю Азию. Через месяц мы встретились с А.М. Панкратовой в столице Казахской ССР городе Алматы. Город был переполнен эвакуированными, и <...> нас собирались отправить в город Жамбыл. А.М. Панкратова проявила здесь энтузиазм и решимость: в современных военных условиях, сказав, что нашими знаниями и трудом мы можем быть полезны казахскому филиалу АН КазССР» [3: 23]. А.М. Панкратова предложила совместными усилиями ученых и краеведов написать научное учебное пособие по истории Казахской ССР. Предложение А.М. Панкратовой было одобрено советскими властями, но осуществить это издание не удалось.

«История Казахской ССР» стала первым научным трудом, посвященным истории союзной республики в Советском Союзе. Она охватила период с древнейших времен до 1943 г. Академическое издание вышло под руководством Института истории АН СССР и было пронизано советской идеологией. Из воспоминаний академика Н.М. Дружинина: «...в июне 1943 года вышла в печать книга "История Казахской ССР". Это был первый шаг в создании истории

национальной республики. Книга номинирована на Государственную премию. По словам редактора А.М. Панкратовой, “получил общее одобрение на первом заседании комитета”» [5: 175]. Однако на следующем совещании один из профессоров выступил против издания книги, так как, по мнению ученого, в академическом издании имелись методологические ошибки освещения истории Казахской ССР. В конце концов это мнение стало преобладающим в комитете.

Историк О.В. Метель отмечает, что «дальнейшая судьба этого издания оказалась непростой. Не получив Сталинскую премию в годы войны, в послевоенный период “История Казахской ССР..” и вовсе была объявлена порочной и неудовлетворительной» [6: 142]. Позже ученому совету Академии наук было предложено подготовить новое издание.

По мнению М.О. Абсеметова: «Сам факт подготовки и издания этой работы характеризовал уверенность правительства и академических ученых в победе Советского Союза над Германией. Содержательная основа крупнейшего издания формировалась под влиянием исторического анализа предшествующих исторических событий, завершившихся Октябрьской революцией, которая ставилась как веха в становлении эпохи равенства и благоденствия проживающих в едином государстве многочисленных народов. Поэтому сам факт написания исторического издания свидетельствовал о признании формирования нового советского общества. В этом обществе формировалась идеология объединяющего патриотизма, основанного, прежде всего, на взаимоуважении и признании национальных прав и заслуг» [1: 18].

Необходимо обратить внимание на вопрос о связи выхода первого академического издания в 1943 г. и идеологических установок на освещение событий национальной истории. Так, 9 августа 1944 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором говорилось о серьезных ошибках, допущенных при написании истории татарского народа [7: 225]. Эти меры сказались на дальнейших исследованиях казахской истории.

В академическом издании «История Казахской ССР» были рассмотрены темы, связанные с историей Золотой Орды: монгольское завоевание Казахстана, Казахстан в составе Золотой Орды, экономические и социально-политические последствия монгольского завоевания, внутренняя и внешняя политика Ак Орды. В данном разделе отмечается,

что «создание империи Чингисхана в обществе способствовало развитию феодальных отношений» [4: 80]. Но подробных данных о Золотой Орде в этой главе не представлено, сведения были изложены лишь в общих чертах. Авторы утверждали, что территориальная целостность Золотой Орды была укреплена во время правления хана Батыея.

Таким образом, эвакуация в Казахстан ведущих ученых и центральных научных институтов во время Великой Отечественной войны способствовала научно-техническому и культурному развитию республики. Выдающиеся исследователи внесли вклад и в развитие исторической науки. Следует особо отметить заслуги эвакуированных исследователей, благодаря которым был создан первый фундаментальный труд по истории Казахстана.

### Источники и литература

1. *Абсеметов М.О.* Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 18–22.
2. *Абсеметов М.О.* Деятельность эвакуированных ученых в Казахской ССР в 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017.
3. *Дружинин Н.М.* Знаменосец советской исторической науки. М., 1982.
4. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата. 1943.
5. *Мажитов С.Ф.* Историк Ермухан Бекмаханов. Астана, 2005.
6. *Метель О.В.* Академическая наука в эвакуации: институт истории АН СССР в 1941–1943 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 139–146.
7. *Шакиева А.С.* Особенности освещения истории Улуса Джучи в «Историях Казахской ССР» в 1940–1950-х годах // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 1. С. 220–241.

**О.А. Гоманенко**

### ВОССТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СТАЛИНГРАДА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

В годы Великой Отечественной войны остро стояла проблема сохранения культурного наследия. В ходе Сталинградской битвы



были разрушены многие социально-экономические и культурные объекты. Сразу по окончании боевых действий начали проводиться первоочередные меры по их возрождению. По мере выполнения подготовительных работ по расчистке Сталинграда началось и восстановление города. Постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и Сталинградской области» от 4 апреля 1943 г. утверждался план восстановления школ, Сталинградского драматического театра и возрождения кинематографа [2: 99–102].

В условиях военного времени не всегда получалось сохранить в должной мере объекты культурного наследия. Примером этого может служить трагическая судьба коллекции Сталинградской картинной галереи. До начала войны она обладала богатейшей для нестоличного города коллекцией произведений искусства. Ее предшественницей можно считать картинную галерею, открытую в Царицыне в августе 1918 г. Сама Сталинградская картинная галерея была основана в 1935 г. К началу войны в ее залах экспонировалось свыше 200 произведений искусства. Среди них значились 11 живописных работ и 19 гравюр Я. Вермеера и П. Рубенса; 94 произведения русских художников XIX–XX вв.: И.К. Айвазовского, А.Н. Бенуа, В.М. Васнецова, С.А. Коровина и К.А. Коровина, И.Н. Крамского, И.И. Левитана, В.А. Серова, К.А. Сомова и др. Выставлялись работы советских художников, произведения декоративно-прикладного искусства и прочее. С 1938 по 1941 г. галерею посетило более 200 тыс. чел. В 1942 г. коллекция галереи была подготовлена к эвакуации. Считается, что она погибла при бомбардировке, но подробные обстоятельства неизвестны [1: 300].

В начале Второй мировой войны в Сталинграде действовало четыре театра: драматический театр имени М. Горького, театр юного зрителя (ТЮЗ), кукольный театр и театр музыкальной комедии. С началом боевых действий здание Сталинградского театра музыкальной комедии было изъято для военных нужд. Музкомедия переехала в здание сталинградского ТЮЗа. На этой сцене оба театра давали спектакли попеременно. В первой половине 1942 г. продолжали работать все четыре театра. В их репертуаре были такие пьесы, как «Чапаев» (драмтеатр), «Ночь в июле» (музкомедия), «Тимур и его команда» (ТЮЗ), «Сон Гитлера» (кукольный театр) и др. Работа театров продолжалась даже во время бомбардировок в августе 1942 г.

Сборы артисты перечисляли в Фонд обороны страны. В конце августа театры из горевшего города были эвакуированы: драматический театр имени М. Горького – в Сызрань; театр музыкальной комедии – в Омск; кукольный театр (в составе двух актрис) – в Камышин; театр юного зрителя – в Казань. Находясь в эвакуации, артисты стремились помочь родному городу. Так, в первый месяц работы в Омске коллектив музкомедии организовал специальные спектакли. Весь сбор от них в сумме свыше 100 тыс. руб. был переведен в Госбанк. Коллектив отправил телеграмму И.В. Сталину с просьбой построить на эти деньги самолет «Сталинградский артист» [1: 298].

За период Сталинградской битвы имущество театров было уничтожено. В июле 1943 г. труппа драмтеатра вернулась из Сызрани в Сталинград. 23 августа постановкой пьесы К.М. Симонова «Русские люди» на сцене клуба Сталинградской государственной районной теплоэлектростанции (СталГРЭС) областной драматический театр возобновил свою работу. Театр кукол оставался в Камышине, поскольку помещения для его работы в разрушенном городе не нашлось. По этой же причине сталинградский ТЮЗ так и не вернулся из Казани. Только 22 марта 1970 г. уже в Волгограде открылся новый театр юного зрителя. Театр музкомедии, находившийся сначала в Омске, затем в Астрахани и Камышине, вернулся к работе в Сталинграде в 1947 г., разместившись в клубе тракторного завода. За творческую деятельность в 1942–1943 гг. ряд театральных работников города получили награды. Например, медалью «За оборону Сталинграда» были награждены И. Лапиков, А. Мозгин, Е. Мязина, А. Поздняков и др. [1: 298–299]. Первым восстановленным театром Сталинграда стал драматический. Для его реконструкции в 1943 г. выделялось 1,5 млн руб. [2: 102].

Наиболее доступной для большинства населения формой искусства был кинематограф. В довоенный период непосредственно в Сталинграде действовало семь кинотеатров: «Комсомолец», «Красная звезда», «Спартак», «Ударник», «Призыв», «Культармеец» и летняя киноплощадка в Городском саду. Кроме того, в городе имелось 80 киноустановок, принадлежавших различным ведомствам и профсоюзным организациям [1: 300]. Всего в Сталинградской области по состоянию на 1 января 1938 г. насчитывалось: 44 кинотеатра, 164 клубные киноустановки, 157 кинопередвижек и 35 прочих киноустановок [3: 109].

По окончании Сталинградской битвы началось возрождение кино-сети областного центра. Так, постановлением ГКО на восстановление шести стационарных установок в Сталинграде выделялось 700 тыс. руб. [2: 102]. В сентябре 1943 г. в городе работали три кинотеатра: имени К. Ворошилова, имени 25 лет РККА и «Гвардеец». Помимо этого, действовали летние киноплощадки в Тракторозаводском, Баррикадном, Краснооктябрьском, Дзержинском и Ерманском районах [1: 301].

Стоит отметить, что в тяжелых военных условиях развитие культуры не останавливалось. В частности, в разрушенном Сталинграде активно работал кинематограф. В 1943 г. в областном центре проводились съемки первого документального фильма «Возрождение Сталинграда». Для работы киногруппу расположили в подвале разбитого универсама, где ранее находился штаб армии фельдмаршала Ф. Паулюса. Фильм показывал людей, которые вернулись в город сразу по окончании боев и принимали непосредственное участие в возрождении Сталинграда. Эта документальная картина удостоилась Сталинской премии. Кинофильм демонстрировали в 19 странах мира [4: 762].

Отметим, что Вторая мировая война нанесла огромный материальный ущерб учреждениям культуры Сталинградского региона. Урон оценивался почти в 1 млрд руб. Состояние культурно-просветительской работы неоднократно обсуждалось партийными и советскими органами власти области. К ноябрю 1943 г. на культурно-просветительские учреждения города и области было ассигновано 5,5 млн руб. [1: 387]. Таким образом, даже в тяжелое военное время сохранению и развитию культуры уделялось значительное внимание.

### Источники и литература

1. Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты: информационно-статистический справочник. Т. 1. Территория. Население. Власть. Социальная сфера / отв. ред. М.М. Загоруйко. Волгоград, 2016.
2. Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны. Т. 9 (2). 1943–1945: документы и материалы. Волгоград, 2011.
3. Сталинградская область в цифрах: краткий статистический справочник. Сталинград, 1939.
4. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград, 2003.

# **Раздел 5**

## **Великая Отечественная война в пространстве памяти и культуре Юга России**

**Д.А. Аникин**

### **МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ: основные тенденции и региональная специфика<sup>1</sup>**

Вопрос об акторах исторической политики является одним из ключевых для понимания специфики мемориального ландшафта в современном российском обществе, поскольку сохранение и продвижение определенной исторической повестки требует формирования устойчивых институционализированных практик, которые, в свою очередь, начинают влиять на появление новых сюжетов, актуализацию тех или иных образов прошлого. Разумеется, наиболее обширным набором ресурсов для реализации собственных исторических интересов обладает государство, хотя стоит отметить, что даже государственную деятельность в сфере исторической политики стоит рассматривать как баланс интересов различных внутренних акторов. В этом смысле различные государственные органы могут обладать как собственным пониманием символически значимой исторической повестки, так и особыми методами ее продвижения и закрепления в общественном сознании – принятие «мемориальных» законов,

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00535, <https://rscf.ru/project/22-28-00535/>.

изменение наименований топографических объектов, установка памятников и памятных табличек.

Наряду с государством, в исторической политике могут участвовать и другие акторы, обычно относящиеся к сфере гражданского общества, но стоит учитывать, что за последние годы состав этих акторов существенно изменился. Тем важнее, что определенную автономию в сохранении и формировании определенных образов прошлого сохраняют религиозные организации, из которых стоит выделить Русскую православную церковь (далее – РПЦ).

В деятельности каждого мнемонического актора можно условно выделить два основных направления – внутреннее и внешнее. Внутреннее направление связано с обоснованием существования самого актора, периодизацией его истории, сохранением представлений о ключевых моментах возникновения и развития. Внешнее направление предполагает усиление символической значимости актора за счет его включения в более широкий мемориальный контекст, вписывание его существования в историю страны или народа.

Но если на теоретическом уровне эти направления достаточно легко развести, то на практике они тесно переплетаются, поскольку зачастую те события, которые оказывают влияние на деятельность конкретного социального института, являются отражением или порождением более глобальных процессов, затрагивающих существование государства в целом. Например, для РПЦ одним из наиболее трагичных, но символически значимых моментов собственной истории является уничтожение церквей и массовые репрессии священников в 1930-е гг., но акцентировать внимание на данных событиях невозможно без учета социально-политического контекста, вне ракурса становления и динамики советской государственности. Поэтому любой религиозный институт обладает собственной мемориальной политикой в рамках определения и сохранения собственной исторической идентичности, но степень обращения к общенациональным образам прошлого, их задействования остается весьма различной. Особенностью РПЦ в качестве мемориального актора как раз является активное использование общенациональных образов прошлого и включение собственной истории в историю российской государственности, что, однако, еще не означает

полного совпадения оценок в трактовке тех или иных исторических событий.

Не менее важным аспектом в исследовании РПЦ как актора политики памяти является наличие разветвленной сети региональных организаций (митрополий и епархий), что позволяет поставить вопрос не только об общих тенденциях реализации мемориальной повестки, но и о региональной специфике, связанной с необходимостью соотношения общих установок с историко-политическими условиями конкретного региона.

Можно констатировать, что с рубежа 2000–2010-х гг. наиболее отчетливо наметилось сближение государственных интересов в сфере исторической проблематики и их религиозной репрезентации, но объяснение этому процессу может быть двояким. По мнению А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой и К.А. Пахалюка, государство, по сути, делегировало РПЦ ряд сложных вопросов отечественной истории, актуализация которых государственными институтами могла бы способствовать усилению критической повестки, в частности, вопроса о политических репрессиях [7: 125]. Но, с другой стороны, процесс согласования государственных и церковных интересов в сфере политики памяти имеет нелинейный характер и отличается проникновением религиозных коммемораций и в те темы, которые являются важными элементами государственной исторической идентичности, прежде всего в формирование и поддержание образа Великой Отечественной войны.

В процессе включения РПЦ в коммеморации Великой Отечественной войны можно выделить два основных этапа.

На первом этапе, который логически связывается с кризисом советской символической системы и утратой государственной гегемонии на поддержание образов прошлого, использование памяти о войне осуществлялось различными религиозными сообществами, зачастую слабо связанными с официальными партийными структурами. Именно на данном этапе создаются многочисленные мифологизированные сюжеты, связывающие известных по советскому историческому канону персонажей с религиозной тематикой.

Характерным примером подобной мифологизации становится создание жития святой Матроны Московской, впервые выпущенного в 1993 г. издательством женского Ново-Голутвина монастыря [3].

В данном издании применяется характерный для многих религиозных мифов прием, когда в отсутствие документальных подтверждений того или иного исторического события дается ссылка на уже умершего очевидца, после чего пересказывается определенный сюжет. В случае с Матроной Московской таким сюжетом становится рассказ о ее встрече с И.В. Сталиным зимой 1941 г., в ходе которого старицей было дано предсказание о победе под Москвой. Возникновение данного сюжета может быть объяснено с помощью вполне прагматичных причин, касающихся обустройства новой монастырской обители и, соответственно, поиска яркого исторического образа, непосредственного с монастырем связанного. Как справедливо указывает Ж. Кормина, «можно предположить, что занятые устройением монастырской жизни насельницы, в основном молодые и образованные, инициировали кампанию по подготовке канонизации старицы Матроны, планируя сделать ее “своей” святой, которая привлечет в их обитель паломников и инвестиции» [6: 5].

Показательно, что обеспечение узнаваемости данного образа достигается за счет обращения к устоявшемуся советскому канону о Великой Отечественной войне, куда этот образ логично включается, не подвергая сомнению сам канон, но добавляя в него именно те аспекты, которые оказываются важны с точки зрения выстраивания религиозного дискурса. Мифологичность и неканоничность подобного сюжета достаточно быстро оказались осмыслены структурами РПЦ, ответственными за канонизацию, поэтому из официального жития Матроны Московской этот эпизод исчез. Хотя стоит отметить, что новый всплеск интереса к предполагаемой встрече старицы с И.В. Сталиным произошел в 2008 г. и был инициирован публичным выставлением иконы «Блаженная Матрона благословляет Иосифа Сталина» в храме Святой Равноапостольной Княгини Ольги в Стрельне. Создание данной иконы и ее публичное прославление вызвали достаточно резкую реакцию со стороны представителей официальных религиозных структур, после чего икона была убрана из публичного доступа, а инициатор ее создания игумен Евстафий (Жаков) был вынужден отказаться от должности настоятеля храма.

Представляется вполне логичным, что саму актуализацию сюжета, к этому моменту уже отвергнутого комиссией по канонизации, стоит

рассматривать в более широком социально-политическом контексте. Дело в том, что на протяжении второй половины 2008 г. в публичном пространстве активно раскручивался проект «Имя России», одним из лидеров которого к осени оказался И.В. Сталин – в его поддержку выступали многие представители армейского сообщества (официальным представителем этого образа в рамках проекта стал генерал армии Валентин Варенников).

В интерпретации А. Проханова образ Сталина парадоксальным образом символизирует возможность компромисса как между советским и имперским прошлым, так и между государством и церковью: «Сталин спас государство, разорванное либералами Керенского. <...> Вернулись Дмитрий Донской и Александр Невский, Суворов и Ушаков. Восстала после кровавой секиры православная Церковь» [11]. Радикализм подобной позиции, сопровождавшийся резким всплеском голосов за Сталина в народном голосовании, стал основанием для поиска более нейтральной исторической фигуры, в результате чего победителем проекта стал Александр Невский. Но стоит обратить внимание на то, что скандал вокруг иконы разразился 26 ноября 2008 г., что по времени абсолютно совпадает с последним этапом зрительского голосования. Это позволяет предполагать неслучайность и своевременность актуализации данного сюжета в публичном пространстве.

Примером включения религиозного контекста в историю Великой Отечественной войны в 1990-е гг. становятся книги М.Г. Жуковой, посвященные ее отцу – маршалу Г.К. Жукову. В 1999 г. в издательстве Сретенского монастыря выходит книга «Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души» [4], в которой пристальное внимание уделяется религиозным сюжетам, связанным не только с личной жизнью военачальника, но и непосредственно увязывающим его деятельность в годы войны с вопросами веры. Внимание обращается на само имя маршала (отождествление с Георгием Победоносцем), а также приводится ряд апокрифических сюжетов.

На наш взгляд, продемонстрированные попытки включения в религиозный дискурс различных исторических персонажей, отождествляющихся в массовом сознании в большей степени или исключительно с Великой Отечественной войной, демонстрируют внутреннюю противоречивость РПЦ как актора политики



памяти. Точнее говоря, отражение православными сообществами различных полюсов общественного сознания – от крайне консервативных (использующих образ Сталина как символ государственнической идеологии и подчеркивающих в этой связи его ключевую роль в победе над нацистской Германией) до либеральных. Но сама по себе подобная противоречивость в 1990-е гг. отражает приоритет, которым обладали отдельные православные сообщества по отношению к централизованным церковным структурам в процедурах встраивания конкретных сюжетов советской истории (за исключением, пожалуй, антицерковных репрессий и феномена новомученичества [1]) в религиозный дискурс.

Второй этап начинается на рубеже 2000–2010-х гг. и представляет собой институализацию церковного дискурса о Великой Отечественной войне. Уже в 2010 г. важным проявлением внимания РПЦ не только к тематике войны в целом, но и конкретно к Дню Победы 9 мая стало распоряжение патриарха об установлении благодарственного молебна, который должен читаться во всех храмах за дарование Победы в Великой Отечественной войне [12]. Показательно, что текст молебна был написан самим патриархом, а литературным первоисточником стал текст, который был создан в начале XIX в. митрополитом Филаретом (Дроздовым) в ознаменование завершения Отечественной войны 1812 г. В самом процессе институализации можно увидеть два существенных аспекта символической конкуренции за наследие Великой Отечественной войны – с другими политическими акторами, претендующими на ведущую роль в достижении Победы, но также и с радикальными православными сообществами, продвигающими собственные версии прошлого. В этом смысле руководство РПЦ находится в позиции неустойчивого равновесия, суть которого заключается в стремлении продемонстрировать роль церкви в Великой Отечественной войне, но избежать конфликтов с другими конфессиями, а также сохранить собственное единство, что становится весьма проблематичным в условиях неоднозначного отношения многих православных сообществ к важнейшим моментам отечественной истории.

Ключевым элементом современной мемориализации Великой Отечественной войны становится «Бессмертный полк», за последние

годы претерпевший несколько трансформаций, включая вынужденный уход в онлайн во время пандемии, а затем возвращение к более привычному формату. Как справедливо отмечают А.И. Миллер и В.С. Бешкинская, «с появлением Бессмертного полка стала выполняться важная функция – погибшие герои обретали имя, память о котором год за годом мобилизовалась с приближением 9 мая» [8: 66]. Поскольку рассмотрение различных аспектов функционирования данной акции в современном политическом пространстве не входит в задачи данной статьи, можно обозначить лишь тот момент, что персонализация прошлого посредством образов предков нашла отклик у самых различных акторов политики памяти. Конкуренция за новый формат вписывания Великой Отечественной войны в современную социально-политическую повестку не только привела к возникновению альтернативных организаций, отвечающих за организацию и проведение шествия, но и стала основанием для РПЦ активно включиться в ту практику, которая позволяла вписать данную войну в более широкий контекст религиозных коммемораций.

Вместе с тем на начальном этапе развития данной общественной инициативы можно было заметить двойственное отношение к «Бессмертному полку», обусловленное как наличием внеконфессиональных (и даже языческих) элементов в самом культе обращения к погибшим, так и активным включением данной коммеморативной практики в инструментарий государственной власти. Только в 2017 г. патриарх Кирилл назвал «Бессмертный полк» эффективным способом консолидации общества, но был вынужден признать его межконфессиональную природу [10]. Отдельные попытки расширения символического состава «Бессмертного полка», что характерно, предпринимались представителями религиозных сообществ. В частности, Наталья Поклонская в 2016 г. в Симферополе приняла участие в шествии с иконой Николая II, аргументировав свое действие, не соответствующее ни одному из пунктов устава акции, просьбой одного из ветеранов [5].

После 2017 г., когда патриарх Кирилл окончательно легитимировал не просто возможность, но и необходимость для церковнослужителей принимать участие в шествии «Бессмертного полка», с одной стороны, происходит существенное увеличение количества

участников, представляющих РПЦ, а с другой – практики их участия приобретают более формализованный характер. Тем не менее наблюдение за региональными практиками участия представителей РПЦ (в первую очередь на уровне иерархов) в шествиях «Бессмертного полка» позволяет охарактеризовать определенную вариативность практик вписывания персональной и коллективной истории в память о Великой Отечественной войне. Прежде всего, такой вариативностью обладает выбор изображений на табличках. Чаще всего в региональных епархиях можно видеть приоритет семейной памяти над конфессиональной, то есть на табличках изображается предок, который являлся участником войны, но мог не иметь никакого отношения к церкви. Реже наблюдается ситуация, когда несут портрет священника–участника войны, который являлся духовным наставником или предшественником на кафедре [2].

В редких случаях возможно уникальное сочетание, при котором достигается консенсус между семейной и конфессиональной памятью, например, на шествии «Бессмертного полка» 9 мая 2022 г. митрополит Брянский и Севский Александр нес табличку с фотографией своего отца, который был участником войны, а впоследствии принял сан священника [9].

Подводя итоги, стоит отметить, что современный религиозный дискурс о войне, с одной стороны, демонстрирует тенденцию к воспроизводству государственно ориентированной позиции, а с другой – формирует новые практики, которые способствуют существенному переосмыслению тех или иных военных событий уже в контексте конфессиональной истории.

### Источники и литература

1. Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/batishchev-ryu-belyaev-ev-linchenko-aa-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-kak-aktor-sovremennoy> (дата обращения: 11.04.2023).
2. Глава Смоленской митрополии и духовенство Смоленской епархии приняли участие в торжественном шествии «Бессмертный полк» // Русская Православная Церковь. Смоленская митрополия. 2022. 9 мая.

- URL: <http://smoleparh.ru/novosti/2022/05/glava-smolenskoj-mitropolii-i-duhovenstvo-smolenskoj-eparhii-prinyali-uchastie-v-torzhestvennom-shestvii-bessmertnyiy-polk/> (дата обращения: 24.03.2023).
3. *Жданова З.В.* Сказание о житии блаженной старицы, матушки Матроны. М., 1993.
  4. *Жукова М.Г.* Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М., 1999.
  5. *Коновалов А.* Наталья Поклонская пронесла в «Бессмертном полку» икону Николая II // ТАСС. 2016. 9 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3267582> (дата обращения: 12.04.2022).
  6. *Кормина Ж.* Политические персонажи в современной агиографии: как Матрона Сталина благословляла // Антропологический форум. 2010. № 12 Online. URL: [https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12\\_online\\_kormina.pdf](https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_kormina.pdf) (дата обращения: 11.04.2023).
  7. *Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А.* Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое. 2022. № 2. С. 112–136.
  8. *Миллер А.И., Бешикинская В.С.* Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну. 75-летие Победы в российской политике памяти – предварительные итоги // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 60–88.
  9. Митрополит Александр и духовенство Брянской епархии приняли участие в шествии «Бессмертный полк» // Русская православная церковь. Московский патриархат. Брянская митрополия. Брянская епархия. 2022. 9 мая. URL: <http://bryansk-eparhia.ru/news/mitropolit-aleksandr-i-duhovenstvo-bryanskoj-eparhii-prinyali-uchastie-v-shestvii-bessmertnyu-polk/> (дата обращения: 20.03.2023).
  10. Патриарх Кирилл призвал сделать участие РПЦ в акции «Бессмертный полк» заметнее // ТАСС. 2017. 11 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4244209> (дата обращения: 12.04.2022).
  11. *Проханов А.* Душа – христианка, народ – сталинист // Завтра. 2008. 16 июля. № 29.
  12. Циркуляр Святейшего Патриарха Кирилла епархиальным Преосвященным, наместникам и настоятельницам ставропигиальных монастырей России о литургическом поминовении, приуроченном к празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне // Официальный сайт Московского Патриархата. 2010. 7 мая. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1154886.html> (дата обращения: 11.04.2023).

Н.П. Тимофеева

**ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ  
СООТЕЧЕСТВЕННИКАХ В ПОЛИТИКЕ СТРАН  
АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (1945–1949 гг.)**

Эта статья является первым обращением к теме памяти союзников по антигитлеровской коалиции о погибших в Германии согражданах. Представленные здесь интерпретации базируются преимущественно на документах фондов Советской военной администрации в Германии (далее – СВАГ) и фонда Управления Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ) и Архиве внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ).

После военного поражения нацистской Германии союзникам по антигитлеровской коалиции пришлось столкнуться с проблемой розыска и захоронения соотечественников, погибших в немецкой неволе. В западных странах было принято решение об отправке обнаруженных останков сограждан на родину. Потерявших в Германии жизнь советских военнопленных и «восточных рабочих», по сравнению с представителями западных стран, было, однако, несопоставимо больше.

Масштаб преступлений нацистов в отношении иностранцев – военнопленных и гражданских лиц – не был осмыслен на высшем уровне принятия решений в антигитлеровской коалиции. В первые послевоенные годы деятельность розыскных групп союзников регулировалась как текущая проблема. Это происходило на уровне Координационного комитета, то есть рабочего органа Контрольного совета стран-победительниц. Следует отметить, что, невзирая на отсутствие договоренностей на высшем уровне, розыскные группы стран антигитлеровской коалиции активно взаимодействовали.

В июне 1945 г. был создан Отдел по репатриации СВАГ. Главной задачей отдела была, безусловно, репатриация, носившая массовый характер, но в его задачи входил также розыск могил советских граждан, их перезахоронение и оформление захоронений, а кроме того, организация раскопок могил граждан союзных государств, погибших в плену на территории Восточной Германии [8: 261].

Розыск велся на основании опросов населения и по документам фирм, которые использовали труд иностранцев. Офицеры изучали также материалы полиции, магистратов, лагерей для военнопленных, трудовых и концентрационных лагерей. Это была сложная задача. Среди сотрудников отдела, а с июня 1946 г. – Управления по репатриации граждан СССР и иностранных граждан, далеко не все владели немецким языком настолько, чтобы легко справляться с исследованием указанных материалов. Часть документации была уничтожена нацистами. Но по ряду лагерей, например по лагерю для советских военнопленных в Фаллингбостеле (Нижняя Саксония), документы имелись [7]. Они были отправлены в Советский Союз и доступны ныне в Российском государственном военном архиве и в ГАРФ. Кроме языковой проблемы, эффективность работы советских военных снижалась и в связи с нехваткой необходимых штатных единиц. Даже в кульминационный момент в Отделе репатриации СВАГ насчитывался лишь 61 человек вместе с машинистками и шоферами [8: 10]. Отдел репатриации СВАГ работал преимущественно в советской оккупационной зоне.

Уже 31 июля 1945 г. в Потсдаме состоялись переговоры о допуске советских офицеров в английскую и американскую зоны оккупации. Следует отметить, что приоритет СССР в вопросе репатриации и масштаб советских жертв войны признавался союзниками безоговорочно. Летом 1945 г. советские военные миссии начали работать в западных зонах Германии. В основном они комплектовались Москвой и представляли органы военной разведки или политическую разведку, что накладывало на сотрудников миссий дополнительные функциональные обязательства [8: 11].

Лучше всего дело обстояло во французской оккупационной зоне. В американскую зону оккупации советские военные были допущены не сразу и в количестве, явно недостаточном для эффективной розыскной работы. Это имело свои печальные последствия. В Дахау и Флоссенбюрге – двух крупнейших концентрационных лагерях Баварии – после Победы не был поставлен вопрос о советских жертвах нацизма, прежде всего военнопленных. Выявление имен погибших на расстрельном полигоне Хербертсхаузен, действовавшем при концентрационном лагере Дахау, началось практически лишь после

2014 г., когда Хербертсхаузен был восстановлен и стал местом памяти о 4000 погибших советских военнопленных, уничтоженных преимущественно в 1941–1942 гг. [11]. Благодаря работе немецкого историка Рейнхарда Отто, из 4000 погибших удалось выявить 200 имен [10]. Кладбище советских военнопленных во Флоссенбюрге, на границе Баварии с Чехией, до сих пор потрясает анонимностью. Строительство мемориального комплекса началось там лишь в середине 1990-х гг.

Большинство советских групп или военных миссий действовало в английской зоне оккупации, там находилось около 150 офицеров [3: 8]. Ситуация в английской оккупационной зоне была чрезвычайно сложной. Именно там находились известные нацистские лагеря для советских военнопленных, а также множество трудовых лагерей. Нечеловеческие условия жизни и труда привели в этих лагерях к колоссальной смертности и массовым захоронениям узников. На кладбище в Берген-Бельзен были погребены около 20 000 человек, в Эрбке – около 12 500 человек, в Витцендорфе – примерно 14 500 пленных [9: 18–19].

С января 1946 г. в советской зоне оккупации работали три английских и три американских группы. В августе того же года им разрешили производить эксгумацию и эвакуацию останков своих граждан. Дополнительно было допущено по три группы. С 1 октября 1946 г. в советской зоне оккупации начали работать две французских розыскных группы, в апреле 1947 г. французы также получили право на раскопки и эвакуацию останков своих граждан, вдвое увеличилось и количество французских групп. Работа иностранцев велась через советских военных комендантов городов и в согласованных заранее населенных пунктах. Каждую иностранную группу при выезде на работу сопровождал советский офицер пограничных войск [1: 57].

Работы по увековечению памяти погибших в нацистской Германии советских граждан было чрезвычайно много. Она требовала денег и значительного числа рабочих рук. Но в финансовом отношении советские военные миссии в западных зонах полностью зависели от Управления Уполномоченного по делам репатриации. Средства из Москвы поступили лишь в феврале 1946 г. Вопрос рабочих рук решался по примеру подполковника Юхно: он задержал подлежащих репатриации 60 советских граждан и с их помощью привел в порядок 22 кладбища массового погребения на территории 30-го британского корпуса [6: 164].

На 1 мая 1946 г. удалось воздвигнуть лишь 75 памятников [6: 164]. На большинстве могил остались простые деревянные кресты. Они были поставлены ранее товарищами погибших или же бургомистрами. Советские военные продолжали находить неблагоустроенные массовые могилы-траншеи. Одну из них они обнаружили, например, недалеко от города Арнольдсвайлер (Северный Рейн-Вестфалия), в ней были погребены около 3500 советских военнопленных [6: 166].

Объем работы, с которым столкнулись сотрудники военных миссий, превышал их возможности, что исключало идентификацию имен погибших в нацистской Германии советских военнопленных и «восточных рабочих». В донесениях всё реже встречались списки погребенных, чаще – списки кладбищ с указанием количества похороненных. Таким образом, часть погибших оказалась в многотысячной группе пропавших в годы войны без вести солдат и офицеров Красной армии. Тем не менее уже составленные списки похороненных в Германии советских граждан, переданные в Центральное справочное бюро о перемещенных лицах при исполкоме Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, а также в отдел по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава вооруженных сил, были чрезвычайно важны для населения, измученного войной и отсутствием вестей о близких.

23 апреля 1947 г. (пункт 4, абзац «д» и «ф») на Московской сессии Совета министров иностранных дел были, наконец, выработаны согласованные решения по работе розыскных групп стран антигитлеровской коалиции в чужих зонах оккупации. Тогда же союзники провели анализ полученных ранее данных. Стало ясно, что учет захоронений в Восточной Германии сделан недобросовестно. Коменданты округов перепоручили свою работу немцам и полностью на них положились. В итоге англичане не только опровергли заявление советских военных об отсутствии на Востоке захоронений граждан Великобритании, но и представили собственный список из 713 наименований. После уточнений, сделанных американцами, число их захоронений возросло с заявленных советской стороной 498 могил до 786 [4: 46]. Советским военным пришлось пойти на уступки и разрешить работу розыскных групп союзников в местах, которые не значились в согласованных ранее списках.



В связи этим появился приказ Главногоначальствующего СВАГ № 0289 от 20 августа 1947 г., в соответствии с которым на начальников земельных управлений и военную комендатуру возлагалась обязанность выявить к середине сентября того же года все кладбища и отдельные могилы на территории советской оккупационной зоны. Их предстояло привести в порядок, озеленив, поставив ограды и общие обелиски с биографическими надписями обо всех захороненных, полный список которых поступал в отдел репатриации СВАГ [2: 46]. Список следовало разделить по категориям: погибшие в боях на территории Германии советские солдаты и офицеры, погибшие в нацистской Германии граждане СССР и граждане Объединенных наций (по национальностям). В результате этой работы только в Восточной Германии было зафиксировано 89 320 могил, в них были погребены 40 865 советских военных, 37 437 гражданских лиц, 11 018 иностранцев, среди них больше всех поляков [3: 47]. Эта информация не совпадала с данными союзников, но время не способствовало выяснению обстоятельств. Отчитавшись, советская военная администрация подвела, по сути, итог сотрудничества с западными союзниками в данном вопросе и в основном завершила процесс увековечения памяти погибших в Германии в годы нацизма соотечественников.

Следует отметить, что при всех сложностях первого послевоенного времени взаимодействие бывших союзников в вопросе розыска своих граждан, выживших или погибших в нацистской Германии, было реальным. До середины 1947 г. каждая сторона принимала другую на безвозмездной основе.

С эскалацией холодной войны изменилось положение советских военных в западных зонах оккупации. Генерал-майор Ф.П. Скрынник докладывал: «Если по приезде моей группы в английскую зону были все условия, за исключением денежных средств, для работы по благоустройству кладбищ... то теперь этих условий нет. <...> Британское командование запретило обращаться моим офицерам по каким-либо вопросам к бургомистрам. Более того, на неоднократные просьбы моих офицеров разрешить заниматься благоустройством кладбищ за свои средства британское командование отвечает отказом» [5: 164–166]. Усиление противоречий между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции исключило перспективу улучшения

условий работы советских военных миссий в западных оккупационных зонах.

Работа иностранных групп в советской оккупационной зоне продолжалась до июня 1947 г. После запрета деятельности американцев на Востоке они добились в августе 1947 г. сокращения группы советских офицеров в своей зоне до пяти человек, а в декабре удалили еще четырех офицеров [3: 9].

В связи с завершением массовой репатриации советских граждан был издан приказ Главначальствующего № 0169 от 5 июня 1947 г., в соответствии с которым Управление репатриации СВАГ преобразовывалось в Отдел репатриации. Все это не могло не способствовать формализации деятельности сотрудников, число которых сократилось до 25 штатных единиц [3: 15]. Количество безымянных могил советских граждан, погибших в нацистской Германии, неминуемо возросло. Более того, в августе 1947 г. было принято решение о розыске советских и иностранных граждан на территории советской оккупационной зоны через Немецкое бюро по розыску пропавших немцев [2: 40]. Оно было подконтрольно Отделу репатриации. И уже немцы завели картотеку на погибших в Германии советских граждан. К сожалению, очень скоро американцы запретили работавшему в западных зонах Немецкому бюро по розыску пропавших отвечать на запросы своих восточных коллег. В значительной степени это было связано с очевидной утратой добровольности в процессе репатриации советских граждан, остававшихся еще на Западе.

Действовавшие в английской зоне военные сообщали в Москву: «Работу в западных зонах нельзя считать законченной. Еще выявляются неучтенные места. Есть основания предполагать, что в трех западных зонах Германии захоронено советских граждан более 600 000 человек, так как только в одной британской зоне учтено более 545 мест захоронения, где погребено 381 045 советских граждан, на этих кладбищах установлено 111 памятников и обелисков» [2: 48]. Но изменить ничего уже было нельзя.

С 1949 г. уход за кладбищами и отдельными могилами советских работников принудительного труда на территории всей Германии стал делом исключительно немцев. В ряде случаев в ситуацию вмешивались советские дипломаты, защищая право погибших в неволе

соотечественников на память. В СССР деятельность военных по увековечению памяти погибших в нацистской Германии сограждан не была широко известна. Вопрос о количестве похороненных за пределами собственной страны и учете мест их памяти до сих пор не поднят и в России.

### Источники и литература

1. АВП РФ. Ф. 0457 «а». Оп. 4. Д. 21. П. 13.
2. АВП РФ. Ф. 0457 «г». Оп. 1. Д. 25. П. 8.
3. ГАРФ. Ф. Р-7317сч. Оп. 20. Д. 1.
4. ГАРФ. Ф. Р-7317сч. Оп. 21. Д. 1.
5. ГАРФ. Ф. Р-7317сч. Оп. 21. Д. 2.
6. ГАРФ. Ф. Р-7317сч. Оп. 21. Д. 4.
7. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 2. Д. 20.
8. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952. Сборник документов в 2 т. / отв. ред. и отв. сост. О.В. Лавинская, В.В. Захаров. Т. 1. М., 2019.
9. *Петри З., Келлер Р.* «Спите, дорогие товарищи...» Кладбище лагеря военнопленных Берген-Бельзен. История и культура исторической памяти. Göttingen, Wallsteinverlag, 2017.
10. Письмо Р. Отто от 07.06.2022 // Личный архив Н.П. Тимофеевой.
11. SS-Schießplatz Hebertshausen // KZ-Gedenkstätte Dachau. URL: <https://www.kz-gedenkstaette-dachau.de/historischer-ort/virtueller-rundgang-umgebung/ss-schiessplatz-hebertshausen/> (дата обращения: 31.03.2023).

**М.В. Бадугинова**

### МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. В ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИИ

Формирование исторической памяти народа, его национальной идентичности невозможно без материальных свидетельств. Мемориализация важных событий имеет многовековую историю. В память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. создано множество произведений искусства, и особое место среди них занимают памятники и мемориальные объекты, многие из которых появились уже в первые военные годы.

На сегодня в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – Единый реестр) в результате поиска по ключевым словам «Великая Отечественная война» выдается 5109 записей. В основном это два вида объектов – «ансамбль» и «памятник», которые, в свою очередь, включают в себя братские могилы, бюсты, здания, военные кладбища, мемориалы, курганы, мемориальные комплексы, монументы, обелиски, скульптурные композиции, памятные знаки и т.д. [8].

В настоящее время названный Единый реестр, а также Список объектов культурного наследия Республики Калмыкия (далее – Список ОКН) [7] являются официальными и наиболее полными источниками информации о памятниках Калмыкии, в том числе увековечивающими события Великой Отечественной войны. При этом в Единый реестр включены не все республиканские памятники – он насчитывает 241 запись об ОКН Калмыкии, в то время как в Списке ОКН отражены данные по 344 объектам. Чтобы избежать путаницы, мы будем обращаться к Списку ОКН как наиболее полному по количеству выявленных и поставленных на учет объектов. Согласно данному перечню, более 100 объектов в республике посвящены увековечению памяти о Великой Отечественной войне. Немаловажной проблемой является то, что многие памятники, обладающие большой исторической значимостью, до сих пор не включены в этот реестр. Например, в нем отсутствует мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте, сохраняющий память о трагических годах депортации калмыцкого народа, или памятник, установленный на месте героического подвига и гибели санинструктора Натальи Качуевской в пос. Хулхута Яшкульского района.

Первые памятники, посвященные Великой Отечественной войне, были установлены в 1943 г. на братских могилах советских воинов после освобождения автономной республики от немецкой оккупации. Это «Обелиск неизвестным солдатам, павшим в боях в 1942 г. в п. Зунда Толга» (Ики-Бурульский район) и «Обелиск погибшим воинам в годы Великой Отечественной войны» (пос. Карантин, Приютненский район). В Элисте в 1943 г. напротив так называемого «Красного дома» по ул. Номто Очирова (ранее ул. Комсомольская) на братской могиле партизан был установлен еще один обелиск, но документов об этом

памятнике не сохранилось, есть только фотография [9: 66]. Позже он был демонтирован для установки на этом месте в 1950 г. бюста С.М. Кирову. В эти годы подобные мемориальные объекты устанавливались во многих соседних республиках [2: 333].

В период депортации калмыцкого народа увековечение памяти военнослужащих, павших на полях войны, было прервано на несколько лет. Только в 1947 г. на территории упраздненной республики появились первые послевоенные мемориальные объекты, как установленные на братских и индивидуальных могилах советских воинов, так и посвященные погибшим воинам-односельчанам. В основном это были стелы и обелиски: памятник в пос. Первомайском Приютненского района, обелиск погибшему сержанту Т.А. Ковальскому в с. Октябрьском Яшалтинского района. В 1950 г. были установлены еще три таких объекта – в с. Кануково, пос. Кенкря и пос. Салын-Тугтун (Сарпинский район), кроме того в пос. Салын-Тугтун был установлен памятник «Солдат», а в Элисте на городском кладбище открыт обелиск танкистам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В 1955 г. и в 1959 г. в с. Приютном (Приютненский район) были установлены два обелиска воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

В период 1960–1969 гг. в Калмыцкой АССР было установлено 23 мемориальных объекта. В первые годы после восстановления автономии появились обелиски и мемориалы в пос. Улан-Хол (Лаганский район, 1960 г.), пос. Ханата и пос. Кетченеры (Кетченеровский район, 1961 г.). В последующие годы устанавливаются памятники Героям Советского Союза. В 1962 г. в г. Городовиковске открыт памятник Г.М. Лазареву, в 1963 г. в с. Чапаевском (Городовиковский район) – Б.М. Хечееву, в 1964 г. в с. Тундутово (Малодербетовский район) и в 1968 г. в пос. Бурул (Городовиковский район) – О.И. Городовикову, в 1967 г. в пос. Цаган-Нур (Октябрьский район) – Н.М. Санджирову. В 1965 г. в Малодербетовском районе были установлены два обелиска: Г.А. Шиянову и И.Б.-О. Алиеву в пос. Ики-Бухус и «Капитан Паринов и его боевые друзья» в пос. Унгн-Тёрячи.

Наибольшее количество мемориальных объектов было установлено в 1965 г. – 8, и в 1968 г. – 6. Это было связано с юбилейными датами – 20-летием Победы в Великой Отечественной войне и 25-летием освобождения Элисты от немецкой оккупации. К этим датам

было приурочено открытие наиболее известных монументальных памятников республики.

Мемориальный комплекс в честь героев Гражданской и Великой Отечественной войн был открыт в парке культуры и отдыха «Дружба» Элисты в 1965 г. Его авторами стали архитекторы И.Н. Андриенко, М.Б. Пюрвеев, Д.Б. Пюрвеев, скульптор Н.А. Санджиев. Мемориальный комплекс состоит из трех пилонов, скульптурной группы и Вечного огня. Вдоль правой стены находится некрополь, здесь были погребены жертвы бандитского налета на Элисту в апреле 1921 г., а также герои-партизаны, бойцы и офицеры, погибшие при обороне Элисты в августе 1942 г. и в боях за освобождение территории республики и ее столицы зимой 1943 г. [6: 49]. Вместе с мемориалом была открыта аллея, где разместилась галерея портретов уроженцев Калмыцкой АССР – Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда [11: 56].

В 1965 г. в разных районах республики появилось еще несколько памятных объектов. Это два мемориальных комплекса в с. Плодовитом и с. Тундутово Малодербетовского района, три обелиска погибшим воинам в с. Обильном и пос. Новом Сарпинского района. Третий обелиск посвящен воинам 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, погибшим в годы Великой Отечественной войны в пос. Цаган-Нур Октябрьского района. Здесь были похоронены бойцы, защищавшие Цаган-Нур от немецких войск в августе – октябре 1942 г.: Ш. Гидов, А. Техажев, С. Айрапетян. Имена погибших солдат сообщил командир части К.Н. Керевов. На официальном сайте районной администрации отмечается: «Память погибших свято чтут в Цаган-Нуре, потому что благодаря бойцам 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии ни один фашист не ступил на землю Цаган-Нура, также одна из улиц поселка названа в честь воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии» [1]. Согласно цитируемой статье, обелиск был установлен в 1969 г. по решению партийной организации совхоза «Приозерный» на месте захоронения бойцов. Между тем в двух официальных реестрах дата его установки указана как 1965 г., что, на наш взгляд, требует уточнения.

Мемориал «Они учились в нашей школе», открытый в районном центре – г. Лагань в 1967 г., хранит память о первом выпуске этой

школы, который пришелся на 1941 г. Отсюда на фронт провожали недавних школьников, многие из них так и не вернулись домой. В период 1967–1968 гг. в разных населенных пунктах Приютненского района были установлены мемориальные объекты – обелиск в с. Ульдючины и два мемориала павшим воинам и героям в с. Воробьевка и пос. Октябрьском.

В 1968 г. на въезде в Элисту, с северо-восточной стороны, был возведен ансамбль «Памяти воинов 28-й армии», его авторы – скульптор Н.А. Санджиев и архитектор М.Б. Пюрвеев. Мемориальный комплекс расположен на кургане, на вершине которого установлен танк Т-34. Рядом находится стела с рельефным изображением танкиста, летчика и пехотинца с названиями воинских частей, участвовавших в освобождении города зимой 1942–1943 гг. [10: 26]. В этом же году в с. Красномихайловском (Яшалтинский район) и в балке Гашун, недалеко от г. Элисты, установили памятники жертвам фашизма. В январе 1943 г. была казнена семья И.Т. Говенко, проживавшая в с. Красномихайловском, в архивных документах также указаны другие жители Яшалтинского улуса, расстрелянные немецкими оккупантами: это партийные и комсомольские активисты, рабочие, врачи, дети, представители власти, военные [5: 5–5 об.]. В народе мемориал называют памятником семье Говенко. Скульптор Н.А. Санджиев изобразил И.Т. Говенко с двумя дочерьми и маленьким внуком. Рядом на плитах выбиты имена воинов, погибших на полях сражений, и имена мирных жителей, ставших жертвами немецких оккупантов. В этом списке фамилия Говенко повторяется 18 раз.

Обелиск жертвам фашизма, партизанам и мирным жителям, расстрелянным в годы Великой Отечественной войны в балке Гашун, сохраняет память о массовом убийстве мирного населения Калмыцкой АССР в 1942 г. Всего в четырех вырытых ямах было захоронено 620 человек, представителей разных национальностей: евреи, калмыки, русские, украинцы, среди них были обнаружены останки 45 детей [4: 21–23]. На обелиске, авторство которого принадлежит М.Б. Пюрвееву, Д.Б. Пюрвееву, С.К. Ботиеву, Н.А. Санджиеву, написано: «Здесь, в балке Гашун, в 1942 г. было расстреляно фашистами более 800 человек мирного населения и партизан. Вечная память советским патриотам, жизни отдавшим за нашу Родину».

В 1970-е гг. в республике было открыто в два раза больше мемориальных объектов, посвященных Великой Отечественной войне, чем в предыдущее десятилетие. В этот период в регионе продолжают формироваться мемориальные традиции почитания подвига народов, вставших на защиту своей страны. Помимо установки памятников, памятных досок, проведения торжественных митингов и шествий, имена погибших увековечиваются в названиях улиц, учебных заведений. В сентябре 1970 г. постановлением Совета Министров РСФСР Калмыцкому медицинскому училищу присвоено имя партизанки Т. Хахлыновой [3: 152]. В разные годы в честь героев, участников Великой Отечественной войны, партизан И. Гермашева, Б. Адучиева, Э. Деликова, Т. Хахлыновой, В. Чкалова, П. Осипенко, А. Серова, В. Косиева, Ю. Клыкова, Г. Молоканова, М. Сельгикова, Р. Веткаловой были названы улицы в г. Элисте и районах республики.

Большая часть памятников, установленных в 1970-е гг., – этоobelisks, стелы, мемориалы жертвам фашизма, воинам-освободителям, а также погибшим односельчанам и воинам-землякам. Такие памятники были открыты в с. Уманцево (1970 г.), пос. Кировском (1971 г.), пос. Коробкине (1975 г.), пос. Аршань Зельмень (1976 г.) Сарпинского района; пос. Гашун-Бургуста (1974 г.), пос. Алцынхута (1975 г.), пос. Ергенинском (1975 г.), пос. Шатта (1975 г.), пос. Чкаловском (1975 г.) Кетченеровского района; с. Дружном (1971 г.), пос. Розенталь (1972 г.), с. Веселом (1974 г.), с. Виноградном (1974 г.), г. Городовиковске (1975 г.), с. Пушкинском (1975 г.), с. Чапаевском (1975 г.) Городовиковского района; с. Березовке (1972 г.), с. Яшалте (1975 г.), с. Красномихайловском (1975 г.), с. Веселом (1975 г.), с. Красный Партизан (1975 г.), с. Октябрьском (1975 г.), с. Ульяновском (1975 г.), с. Эсто-Алтай (1975 г.), с. Бага-Тугтун (1978 г.) Яшалтинского района; пос. Кевюды (1973 г.) Ики-Бурульского района; с. Вознесенке (1975 г.) Целинного района; пос. Хошеуты (1975 г.) Октябрьского района; пос. Адык (1975 г.), пос. Прикумском (1976 г.) Черноземельского района.

Несколько мемориалов посвящены женским скорбным образам, а также образу женщины-защитницы. Это памятники «Скорбящая мать» в с. Краснополье (1972 г.) Яшалтинского района, районном центре пос. Яшкуль (1973 г.), пос. Южном (1975 г.) Городовиковского района, памятник «Женщине-защитнице» в с. Тундутово (1973 г.)



Малодербетовского района и мемориал «Мать-Родина» в с. Садовом (1975 г.) Сарпинского района.

К сожалению, не все имена воинов-защитников удавалось восстановить, в память о них были установлены мемориалы «Неизвестному солдату» в пос. Манычском (1975 г.) Яшалтинского района, «Солдат» в пос. Ики-Бухус (1975 г.) Малодербетовского района. В честь 30-летия окончания Великой Отечественной войны были открыты мемориалы «Победа» в пос. Лазаревском (1975 г.) Городовиковского района и памятник «Монумент Славы» в с. Соленом (1975 г.) Яшалтинского района. Отдельно следует упомянуть открытие обелиска кавалеру трех орденов Славы И.Т. Черткову в с. Тундутово (1974 г.) Малодербетовского района и открытие двух памятников Герою Советского Союза О.И. Городовикову в г. Городовиковске (1970 г.) и в г. Элисте (1976 г.). Авторами знаменитой конной статуи с всадником стали скульпторы М.Е. Роберман и Л.Е. Роберман, Н.А. Санджиев, архитекторы В.Т. Нимгиров и С.П. Хаджибаронов [6: 37].

В 1980-е гг. памятников устанавливали заметно меньше. Наибольшее число мемориалов было открыто в 1985 г. – год 40-летия Победы и окончания Великой Отечественной войны. В этот период большая часть памятников была посвящена погибшим на фронтах войны землякам, воинам-освободителям, появились мемориальные комплексы «Никто не забыт, ничто не забыто», «Освободителям села от благодарных потомков», «Отстоявшим отчизну», мемориалы «Скорбящая мать». Было открыто несколько именных памятников – Герою Советского Союза Н.Т. Воробьеву в с. Воробьевке (1983 г.) Приютненского района, два памятника партизанке и санинструктору Т. Хахлыновой в пос. Аршан-Булг (1985 г.) и с. Троицком (1988 г.) Целинного района. В 1982 г. в Калмыцкой АССР был установлен последний крупный монументальный памятник, упомянутый в Списке ОКН, посвященный Великой Отечественной войне, это мемориальный комплекс воинам 28-й армии в пос. Хулхута Яшкульского района. Его авторами стали архитекторы Н.Х. Бораев, С.Е. Курнеев, В.Б. Гиляндиков, Э.Э. Лиджи-Горяев, М.Б. Пюрвеев. Хулхутинский комплекс состоит из обелиска и нескольких братских могил. В нишах обелиска высечены наименования воинских формирований, участвовавших в боях по разгрому немецко-фашистских захватчиков на астраханском направлении и в освобождении Калмыцкой АССР.

Благодаря подвигу этих воинов было остановлено продвижение немецких войск в сторону Астрахани в 1942 г.

Памятник в виде танка, расположенного на высоком кургане, был установлен в 1985 г. в Малодербетовском районе, где тоже шли ожесточенные бои. Это мемориальный комплекс, посвященный воинам 26-го танкового полка 126-й стрелковой дивизии 51-й армии – освободителям с. Плодовитого 20 ноября 1942 г.

Композиция «Журавли, взметнувшиеся в небо», открывшаяся в 1985 г. в пос. Овата Целинного района, выражает скорбь. Скульптурный образ был вдохновлен знаменитыми строками стихотворения Расула Гамзатова «Журавли». Зритель видит трех летящих журавлей, рядом установлены плиты с выбитыми поэтическими строфами и именами погибших в Великой Отечественной войне.

Последние по времени создания памятники, которые зафиксированы в Списке ОКН, были установлены в период 1990–1993 гг. Это мемориалы погибшим землякам и односельчанам в пос. Бага-Бурул (1990 г.) и пос. Ики-Бурул (1990 г.) Ики-Бурульского района, памятник «Скорбящая мать» в с. Цаган Аман (1991 г.) Юстинского района и три памятника Героям Советского Союза – Э.Т. Деликову в пос. Салын-Тугтун (1990 г.) Сарпинского района, Б.Б. Городовикову в пос. Сарул (1990 г.) Черноземельского района и Ф.Г. Попову в г. Городовиковске.

Далее представим информацию о памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, с разбивкой по годам установки. В 1943–1949 гг. было установлено 5 объектов (учтен памятник, установленный в г. Элиста напротив «Красного дома», позже демонтированный); в 1950–1959 гг. – 7; в 1960–1969 гг. – 23; в 1970–1979 гг. – 43; в 1980–1989 гг. – 29; в 1990–1993 гг. – 6, всего – 113 объектов.

По административным единицам республики представленные памятники распределены следующим образом: Элиста – 6 объектов (в том числе упомянутый выше памятник напротив «Красного дома»); Городовиковский район – 14; Ики-Бурульский – 4; Малодербетовский – 13; Лаганский – 3; Приютненский – 9; Целинный – 12; Яшалтинский – 14; Сарпинский – 13; Октябрьский – 5; Яшкульский – 2; Черноземельский – 7; Юстинский – 1; Кетченеровский район – 10 объектов.

Таким образом, значительное количество памятников было установлено в 30-летний период – с 1960-х гг. и до конца 1980-х гг.

В географии установки мемориальных объектов преобладают центральные, западные и северные районы республики. Это места, где шли наиболее ожесточенные бои и большое количество местных жителей погибло в результате немецкой оккупации.

Анализ Списка ОКН показал, что сегодня существуют проблемы с датировкой объектов; в республике установлены памятники, которые до сих пор не стоят на учете и, соответственно, не охраняются государством. Фотографии, представленные в Едином реестре, свидетельствуют, что некоторые памятники в плохом состоянии и требуют реставрации. Несколько позиций в Едином реестре дублируются, их необходимо исключить. Большим упущением является то, что у объектов культурного наследия отсутствует историческая справка или аннотация. Многие события, люди со временем забываются, а существующие интернет-проекты не всегда представляют информацию по всем административным единицам, их наполнением занимаются в основном школьники, студенты, волонтеры, которые часто не проверяют достоверность информации. Поэтому в настоящее время перед обществом стоит немаловажная задача по сохранению памяти о подвиге народов нашей страны, людях, событиях и символах Великой Отечественной войны.

### Источники и литература

1. История села. Администрация Октябрьского районного муниципального образования Республики Калмыкия. URL: <http://old.oktrmo.ru/content/186/> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринок. Ростов-на-Дону, 2022.
3. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. П-1. Оп. 17. Д. 63.
4. НАРК. Ф. Р-68с. Оп. 1. Д. 5.
5. НАРК. Ф. Р-68с. Оп. 1. Д. 16.
6. *Немичев И.С.* Элиста: Путеводитель. Элиста, 1989.
7. Постановление Правительства Республики Калмыкия от 28.04.2012 № 122 «Об утверждении списка объектов культурного наследия Республики Калмыкия». URL: <https://docs.cntd.ru/document/460200308?section=text> (дата обращения: 20.03.2023).

8. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 20.03.2023).
9. Элиста: Диалог времен. История и современность: фотоальбом. Элиста, 2005.
10. Элиста: Диалог времен. Памятники истории и культуры: фотоальбом. Элиста, 2004.
11. Элиста – 150 лет: в 2 кн. Кн. 1: Степное чудо – Элиста. Элиста, 2015.

**М.Г. Плиева**

**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ  
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ  
В МОНУМЕНТАХ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ**

*Победа сложилась из всего сделанного,  
вытерпленного, выстоянного ради нее.  
И...памятники павшим... – это не только  
память о погибших, это память о победивших.*

К.М. Симонов

*Лучше умереть народом Свободным,  
чем кровавым потом  
Рабами деспоту служить.*

К.Л. Хетагуров

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для многонационального и многоконфессионального народа Советского Союза. Сменяются эпохи и поколения, но монументы в честь героических событий той войны навсегда останутся символами священной памяти народной, символами связи поколений, символами могущества нашего Отечества, беспредельного мужества и стойкости его защитников.

Битва за Кавказ продолжалась 14 месяцев, с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г. В те тревожные дни Илья Эренбург писал: «Кавказ –

колыбель человечества, дивный край, страна гордости, земля чести. Таким он остался. “За наш Кавказ, за нашу свободу”, – говорят русские и украинцы, защищая берега омраченного Терека. А дети Кавказа сражаются за Сталинград и Мурманск. Их можно видеть под Ленинградом и у Старой Руссы. Кавказ пришел на выручку Северу, и теперь вся Россия горит одной страстью: отстоять нашу гордость – Кавказ. За Кавказ! За Родину! За свободу!» [10: 2].

С разгромом фашистских войск на подступах к Орджоникидзе (Владикавказу) «провалилась последняя попытка гитлеровцев прорваться к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам, а также в Закавказье» [2: 184].

Первые монументы, посвященные событиям Великой Отечественной войны, на территории Северной Осетии были воздвигнуты в период битвы за Кавказ. Осенью 1942 г. под Орджоникидзе шли кровопролитные бои. С.М. Едзиев – шестидесятилетний самодеятельный скульптор из горного осетинского села, потерявший на фронтах Отечественной войны двоих сыновей, – по легенде, во сне увидел образ Уастырджи (святого Георгия), который скульптор должен был изваять на большом валуне. Утром, долго бродя по ущелью, Едзиев нашел этот валун и удивился тому, что не замечал его раньше. На созданном горельефе Уастырджи на белом коне, в окружении ангелов копьем поражает змея. Композицию обрамляет женская коса – символ неразрывной связи земного и потустороннего миров. «Цвет является составной частью произведения. Сочетание оранжевого, белого, красного, синего сообщает рельефу торжественную приподнятость, праздничность, а вся сцена проникнута большой силой оптимистического звучания» [3: 406]. Монументальная композиция расположена у входа в Дигорское ущелье, возле с. Синдзикау.

Как в искусстве всей страны, в осетинском искусстве годы смертельной схватки с фашизмом были временем особого интереса к подвигам прошлого. Уроженец Северной Осетии, скульптор С.Д. Тавасиев, эвакуированный в Уфу, работал тогда над образом легендарного башкирского героя Салавата Юлаева. Эскиз памятника демонстрировался на выставке произведений художников Башкирии «За Родину» [4: 32–33]. Она открылась в мае 1942 г., в художественном музее Уфы, где экспонировалось около 150 произведений.

В 1944 г. в с. Коста был установлен памятник К.Л. Хетагурову скульптора А.У. Дзантиева. Сама личность Коста и его поэзия помогли бороться с врагом, давали силы выстоять и победить в тяжелой борьбе.

В 6 км от Орджоникидзе, на месте ожесточенных боев 1942 г. и массовых захоронений воинов, был воздвигнут обелиск. В 1983 г. – открыт мемориальный комплекс «Защитникам Суарского ущелья», объединивший братскую могилу, мемориальный дзот, березовую аллею и Мемориальный музей защитников Суарского ущелья, работавший с 1975 г. в с. Майрамадаг. Доминантой композиции стал памятник Герою Советского Союза Петру Барбашову (авторы – Б.А. Тотиев, Н.В. Ходов, Р.Р. Козырев). «Словно выросший из земли, устремился навстречу вражеской амбразуре. Сибиряк Петр Барбашов навсегда застыл в неудержимом порыве. Упругие складки развевающейся плащ-палатки рождают ощущение взмаха крыльев. Обобщенная пластика крупно моделированных объемов, экспрессия создают полный отваги и мужества образ советского воина-патриота» [6: 185].

В 2018 г. здесь же был торжественно открыт мемориальный комплекс «Барбашово поле». В тени березовой рощи на Аллее Героев Советского Союза расположены портреты 79 уроженцев Северной Осетии, далее следует галерея исторических плакатов и экспозиция военной техники 1941–1945 гг. Отреставрирован мемориальный дзот, экспонируются найденные на месте боев вещи. Ранее был открыт Мемориал бойца Красной армии, на скрижалях которого высечены установленные поисковыми отрядами имена бойцов, защитников г. Орджоникидзе. Мемориал впечатляет эмоциональным контрастом с могучей, благоухающей природой, однако при этом гармонично соседствует с ней, словно передавая утешение пришедшим поклониться памяти погибших. Инициатором создания мемориального комплекса был М.И. Скоков – министр внутренних дел Республики Северной Осетии – Алании.

Привлечение метафоры, аллегории усиливает образное звучание мемориальных произведений, их смысловую наполненность, не ограничивая мастерства пластического выражения. При этом авторы не следуют буквальному пониманию традиций, их творчество лишено стилизаторских тенденций. Они говорят на современном языке художника и развивают каждый свою линию в пластическом формообразовании.

Народные традиции нашли свое отражение в памятнике Н.А. Баллаевой «Вечной памяти павшим в период 1941–1945 годов» (1965), установленном в с. Иран Кировского района. На невысоком постаменте, склонив голову в скорбном молчании, с разорванной надочажной цепью в обреченно опущенных руках застыла молодая осетинка. Ее фигура словно вытягивается ритмически четкими вертикалями одежды и свисающей цепью. Надочажная цепь в осетинской культуре издревле является символом домашнего очага. Разорванная цепь и военная каска с красной звездой у ног женщины символизируют очаг, погасший после гибели хозяина дома. Эта женская фигура – олицетворение глубокой скорби Родины, вынесшей много горя и страданий и расплатившейся высокой ценой за Победу.

В соответствии с национальной традицией выполнена и монументальная композиция Д.А. Цораева «Воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны» (1971, по другим данным, 1975) в с. Фарн Правобережного района. В горном ущелье возле цырта (вертикального камня, устанавливавшегося на могиле со времен язычества) понуро стоит конь без седока. Отдельно справа расположена стела с именами погибших воинов, выходцев из Куртатинского ущелья. «Удивительно легко и впечатляюще переданы здесь особенности и характер, обычаи и уклад жизни осетинского народа» [1: 172]. Памятник, окруженный благоухающей зеленью гор и синевой небесного купола над ним, потрясает выразительным замыслом и немногословностью.

После войны по ходатайству руководства Ленинградской Краснознаменной ордена Ленина высшей офицерской бронетанковой школы Красной армии им. В.М. Молотова в Институт имени И.Е. Репина в Ленинграде был зачислен старший сержант С.П. Санаков, уроженец г. Владикавказа: «...общежитие, питание и др. виды быта будут за счет нашей Школы. По деловым и политическим качествам т. Санаков заслуживает быть принятым. Сам С.П. Санаков служил в армии с 1940 года, участник Великой Отечественной войны, имеет ранения, защищал Ленинград. Награжден медалями “За отвагу”, “За победу над Германией”» [5: 3].

В 1975 г. неподалеку от Владикавказа, в с. Дзуарикау, был открыт монумент уже известного скульптора С.П. Санаковой, посвященный

памяти семерых братьев Газдановых, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Главным гостем на всенародном торжестве был Расул Гамзатов. Именно его стихотворение «Журавли» вдохновило скульптора на создание композиции. Стихотворение, положенное на музыку Я. Френкеля, стало песней, исполненной Марком Бернесом, и наряду с монументом увековечило память о тех, кто, однажды «воспарив, летит по небу усталым клином белых журавлей», а на земле в вечном ожидании застыла одинокая мать. Грустный ритм вертикали стелы и фигуры матери повторяется в парящем клине журавлей, создавая двойное ощущение единого и уходящего. Драматизм образа окаменевшей от горя женщины, дрожащей рукой прикасающейся к именам сыновей, высеченным на цырте, создает трагический образ матери, вынесшей много горя и страданий, причиненных войной. Монумент вдохновил художника Б.Н. Калманова на создание глубоко скорбного полотна «Мать» (1973).

«Памятник погибшим медработникам» (1985) М.Н. Дзбоева (Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова, 1971) установлен на территории Северо-Осетинской государственной медицинской академии во Владикавказе. Вытянутая по горизонтали лента разделена на три части, заполненные эпизодами событий Великой Отечественной войны. Медсестра оказывает помощь бойцу на поле боя; молодая девушка-медработник уводит раненого солдата, тяжело опирающегося на ее хрупкие плечи. Кульминация композиции – гибель врача на боевом посту. Каждая часть представляет собой законченное целое, и вместе с тем они связаны общностью темы и единством художественного решения. Много места отведено атрибутам. Оружие в руках солдат, ящики с боеприпасами, медицинские маски на лицах врачей – всё это в соединении с фигурами людей насыщает пространство, однако не перегружает его. Все элементы расположены на поверхности или уходят в глубину, образуя второй план. Это единство ритмов ощущается и в построении отдельных групп, и в распределении атрибутов, и в контрастном чередовании вертикальных и горизонтальных форм. Как заключительный аккорд звучит надпись: «Клятве Родине и клятве Гиппократу навсегда остались верны, и величие белого халата пронесли сквозь черный ад войны».



Уроженцы Северной Осетии рассказывали в своих работах о войне как в самой республике, так и за ее пределами.

Ч.У. Дзанагов, уроженец североосетинского села Джимара, выпускник Одесского художественного училища 1940 г., участник Великой Отечественной войны, не раз в своих произведениях обращался к грозной доблести героев. Их памяти посвящены обелиски и мемориалы в городах и селах Северной Осетии. Эстафету приняли его сыновья – известные скульпторы.

«Памятник фронтовому хирургу» работы уроженца Северной Осетии А.Б. Калманова был установлен в Калуге в 2017 г. В бронзе и граните скульптор увековечил память о тех, кто самоотверженно выполнял свой воинский и профессиональный долг. После сложной операции военный хирург вышел из операционной эвакогоспиталя. Над ним – раскачивающаяся лампа, на столе – скупой набор хирургических инструментов. Всё просто и даже обыденно, но спасать людей в тяжелейших условиях войны – привилегия избранных, более того, это миссия. Прообразом героя стал легендарный Владимир Семёнович Левит – главный хирург Московского военного округа в годы Великой Отечественной войны.

На фронтах Великой Отечественной войны сражалось около 20 тыс. жителей Юго-Осетинской автономной области (далее – ЮОАО). Однако не менее важен экономический вклад республики в приближение Великой Победы. Уже в конце июня 1941 г. Южная Осетия стала одной из основных тыловых баз Красной армии. Здесь обрели приют, лечение, питание и работу советские граждане, эвакуированные из оккупированных районов. Железная дорога Сталинири – Гори и авто-трасса Сталинири – Джава – Бурон – Дзауджикау стали важнейшими артериями снабжения советских войск на Северном Кавказе, в том числе грузами союзников по коридору Иран – Закавказье. К 1943 г. в ЮОАО изготавливались деревянные детали для самолетов, а для стрелкового оружия и металлодетали, печи для фронтовых землянок, одежда, конская упряжь, седла [9]. Малоизвестный и очень характерный факт: «После известного футбольного матча в оккупированном Киеве между киевскими и немецкими футболистами (Матч смерти 16 августа 1942 г. – М.П.) спортсмены и ветераны спорта ЮОАО организовали сбор средств семьям расстрелянных киевских спортсменов и передали им 70 тыс. рублей» [7].

8 июля 1944 г. в газете «Правда» была опубликована приветственная телеграмма, в которой отмечалось: «Сыны осетинского народа в борьбе с гитлеровскими захватчиками показали образцы героизма и мужества. И сейчас, когда пробил час решающих битв, храбрые осетины показали миру, что они способны творить чудеса отваги во имя независимости» [7].

В Цхинвале, недалеко от Посольства РФ в Республике Южной Осетии, на берегу р. Лиахвы, расположена Аллея Славы. На северной стороне площади возвышается монумент, символизирующий факел (скульпторы – Г.П. Мамитов, Х.Л. Засеев, 1987–1988). На барельефах его граней изображены артиллерист, моряк, пехотинец; скорбящая женщина и разорванная решетка как символ обретенной свободы. На черной гранитной стеле высечена Золотая Звезда Героя и слова: «Никто не забыт, ничто не забыто». Завершает композицию бассейн слёз и Вечный огонь. По восточной и западной сторонам площади на гранитных постаментах установлены восемь бронзовых бюстов Героев Советского Союза – выходцев из Южной Осетии. Скульптор В.Н. Кокоев (Московский институт прикладного и декоративного искусства, 1949) – автор оформления южной стороны площади: бюста дважды Героя Советского Союза И.А. Плиева на фоне барельефа «Великая Отечественная война» и бюстов В.С. Чочиеву, С.К. Коблову, А.Е. Остаеву, И.Д. Цховребову. К сожалению, авторов трех бюстов установить не удалось, но поиск продолжается.

Историю создания бюста И.А. Плиева описывает в своей монографии Л.А. Чибиров: «В 1960-е годы наш прославленный генерал Исса Плиев командовал Северо-Кавказским военным округом. Так, в июле 1969 года в Ростов выехали художники Б.И. Санакоев, Г.С. Котаев, В.Н. Кокоев и историк И.Н. Цховребов. Встреча была исключительно теплой и продуктивной. Следствием этой встречи явилась скульптурная фигура И. Плиева, установленная на Аллее Славы» [8: 23]. Портрет генерала работы художника Г.С. Котаева хранится в Военно-историческом музее Южного военного округа в Ростове-на-Дону.

В 1972 г. монумент В.Н. Кокоева «Воинам, погибшим в Великой Отечественной войне» на безвозмездной основе был воздвигнут в южноосетинском селении Зар. Инициатором возведения мемориала был первый президент Республики Южной Осетии Л.А. Чибиров,

выходец из села. На невысоком постаменте статуя солдата, сжимающего в руках автомат и в скорбном молчании склонившего голову. Строгие, плавные очертания скульптуры подчеркивают эпическое звучание монумента. На постаменте цифры 1941–1945 и надпись на осетинском языке: «В великой войне пролилась и осетинская кровь». Завершают ансамбль треугольные стелы, символизирующие солдатские могилы, с именами погибших односельчан и силуэтом скорбящей матери. Рядом с теми, кто донес знамя Победы до Берлина, незримо шли те, кто пал ради этой победы за четыре года войны.

Продолжая традиции, заложенные предшественниками, осетинские скульпторы заметно пополнили портретную галерею исторических личностей военных лет. Имя и личность И.А. Плиева – дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской Республики, ставшего символом нации, – привлекали художников и скульпторов. Среди них первый прижизненный бюст легендарного генерала работы известного скульптора С.Д. Тавасиева во Владикавказе (1952).

В 2018 г. Фонд культуры им. Гр. Котаева Республики Южной Осетии преподнес в дар Военно-историческому музею Южного военного округа первый в Ростове-на-Дону бронзовый бюст И.А. Плиева, дважды Героя Советского Союза, работы В.В. Плиева. Работы скульптора известны от Осетии до острова Маврикий. Среди них бронзовый монумент «Павшим в годы Великой Отечественной войны» (1990) в Республике Узбекистан, барельеф для мемориала «Победа в Великой Отечественной войне» в Чеченской Республике (2010).

Большую работу по увековечению памяти героев ведет Благотворительный фонд имени А. Джанаева. По инициативе и при поддержке фонда был установлен бронзовый бюсты И.А. Плиева в Улан-Баторе (автор И.В. Хаев, 2017), в Музее Победы на Поклонной горе (автор А.М. Дзбоев, 2018); Героя Советского Союза Х.-У. Мамсурова в испанском городе Фуэнлабраде (автор З.Ч. Дзанагов, 2015). Из вертикальной плоскости словно выходит, как из тени, разведчик Мамсуров. Вероятно, таким пластическим решением скульптор рассказывает о двойной жизни разведчика, работавшего под псевдонимом полковник Ксанти. Пластика тем не менее дает зрителю богатую пищу для размышлений. Именно Ксанти послужил прототипом главного героя романа Э. Хэмингуэя «По ком звонит колокол».

Скульптор С.П. Санакоев и архитектор Р.Х. Аликов, победители конкурса на лучший проект надгробия И.А. Плиеву (1982), установленного во Владикавказе, обратились к древнейшей традиции возведения саркофагов. На невысокой подставке из черного гранита множество рук бережно поддерживают гранитный саркофаг с надписью: «Дважды Герой Советского Союза, герой Монгольской Республики» и изображением высоких воинских наград генерала, рядом аккуратно сложены бурка, папаха и сабля из бронзы. Саркофаг возвышается на фоне стелы из черного и красного гранита с рельефным изображением атакующей конницы И.А. Плиева – «мастера стремительных рейдов». Композицию завершают цветочные клумбы по обе стороны комплекса.

Именно в монументальной скульптуре нашел свое воплощение тот могучий национально-патриотический подъем, который с таким широким размахом проявился в Великой Отечественной войне.

Растет уже четвертое послевоенное поколение, и давно восстановлено разрушенное бомбами и снарядами, но незримые раны той войны не залечить никогда. Она навсегда останется для нас Отечественной, Священной, Освободительной войной, запечатленной потомками в литературе, музыке, живописи, скульптуре.

### **Источники и литература**

1. *Воронов Н.В.* Советская монументальная скульптура 1960–1980. М., 1984.
2. *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М., 1967.
3. *Дзантиев А.А.* Избранное. Владикавказ, 2011.
4. *Миннигулова Ф.М.* Искусство скульптуры Башкортостана второй половины XX века: история, тенденции, мастера. Уфа, 2014.
5. Научно-библиографический архив Академии художеств. Ф. 7. Оп. 7. Д. 172.
6. *Плиева М.Г.* Монументальная скульптура Республики Северной Осетии – Алании XX–XXI веков: истоки и тенденции // Искусство скульптуры в XX–XXI веках: мастера, тенденции, проблемы / под ред. М.А. Бусева. М., 2018. С. 182–191.
7. *Цховребов И.Н.* Южная Осетия в годы Великой Отечественной // Администрация президента Республики Южная Осетия. Официальный сайт. 2020. 16 мая. URL: <https://south-ossetia.info/yuzhnaya-osetiya-v-gody-velikoj-otechestvennoj/> (дата обращения: 03.05.2023).

8. Чибиров Л.А. Жизнь во благо народа. Цхинвал, 2017.
9. Чичкин А. Южная Осетия в 1941–1945 годах: и фронт, и тыл // Научное общество кавказоведов. 2015. 16 июня. URL: <http://www.kavkazoved.info/authors/aleksej-chichkin.html?p=3> (дата обращения: 03.05.2023).
10. Эренбург И. За Кавказ // Красный Север. 1942. № 260 (6432). 3 ноября.

**Ю.М. Лысенко**

**«О ГЕРОЯХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН»:  
СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ И ПРОБЛЕМЫ СТАТИСТИКИ  
(на примере Республики Дагестан)**

Проведение конференций, мемориальных мероприятий, издание статей, монографий, сборников документов, посвященных событиям Великой Отечественной войны, – это и дань памяти ветеранам, труженикам тыла, и попытка осмысления значения этой даты в историческом масштабе. Победа советского народа в крупнейшей в мировой истории войне обеспечила ему возможность жить и созидать, сохранила его суверенитет, дала нашим народам чувство исторической перспективы. Она преобразила политическую карту мира, подорвала чело­веконенавистническую идеологию фашизма, обеспечила на многие десятилетия вперед возможность мирного развития народам Европы.

К сожалению, по-прежнему имеют место попытки националистически настроенных и даже реваншистских элит некоторых стран приуменьшить значение Победы, навязать СССР вину за события Второй мировой войны. Они направлены на то, чтобы создать базу для предъявления нашей стране претензий политического, финансового и территориального характера. Даже внутри страны в 1990-х гг. появилось идеологическое течение, последователи которого склонны к пересмотру некоторых принципиальных сторон новейшей истории России. За последние десятилетия вышло в свет немало учебников спорного и сомнительного характера, искажающих роль нашей страны в современной мировой истории. Поэтому и сегодня остается актуальной задача историков, обществоведов сохранять верность принципу научной объективности, а если надо, и профессионально защищать собственную историю при любых изгибах политической конъюнктуры.

Ученые, обращаясь к событиям военной истории, выявляют новые факты, рассматривают известные явления с новой точки зрения, делая обобщения, имеющие как практическое, так и теоретическое значение. Большую роль играет и статистическая информация: цифры потерь на поле боя, от ран, в тылу, мирного населения, количество награжденных и т.д.

Справедливы слова «Неподтвержденные факты перестают быть фактами» одного из учителей истории нашей республики – М.Р. Ганиева из с. Баада Гунибского района Дагестана, озабоченного ошибками в данных о числе участников войны, их именах, месте рождения. Тема Великой Отечественной войны и всё, что с ней связано, не теряет актуальности и требует постоянного внимания ученых и широкой общественности. Изучение вопросов участия дагестанцев в боевых действиях и на трудовом фронте, выявление точного числа участников войны имеет большое значение для составления объективной картины событий.

В Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН периодически обращаются неравнодушные соотечественники, представители органов власти, ученые из других регионов с запросами о числе фронтовиков-дагестанцев, дагестанцев – Героев Советского Союза. В ряде статей и монографий, выступлениях политиков имеются разночтения в цифрах. Недостоверность и неточность многих сведений (как фактологических, так и количественных) вызывает обеспокоенность исследователей. Многое зависит и от методики подсчета, о которой не договорились исследователи и местные власти. Например, в одних случаях в расчет берется число этнических дагестанцев, в других призванных из Дагестана. Причем это может быть цифра по Дагестану на период войны и после присоединения его северной части (Кизлярский, Тарумовский, Крайновский, Караногайский (Ногайский) районы, г. Кизляр) в 1957 г. Подобный вопрос возникает и по поводу тех участников, которые приехали и проживали в республике в послевоенные годы. К ним добавляются ошибки в написании имен и фамилий дагестанцев (они были сложны и часто в воинских частях их видоизменяли: «Микаил» – «Михаил», «Рамазан» – «Роман» и др.), сёл и районов в документах (слияние сельских

советов, исчезновение одних сел и появление других, сельских районов и городов).

Ученые нашего Института вели и ведут работу по изучению событий Великой Отечественной войны. Результатом стало издание большого числа монографий, сборников документов и воспоминаний, статей, проведение и участие в научных конференциях и т.д. Однако есть еще много вопросов, нуждающихся в освещении.

В 1990-е гг. в Республике Дагестан была проведена грандиозная работа по увековечению памяти погибших дагестанцев, подготовлен многотомник «Назовем поименно: книга памяти» (Махачкала: Юпитер, 1996–2005. Т. I–XI), в котором были собраны имена погибших и пропавших без вести. Основой Книги Памяти послужили данные Дагестанского военного комиссариата, военных комиссаров городов и районов Дагестана, центральных архивов, администрации городов и районов республики. По этим данным, число погибших дагестанцев составляет около 80 000 человек.

Омар Муртазалиев, председатель редакционной коллегии республиканской Книги Памяти, отмечал, что «нелегко шла работа над выпуском Книги Памяти. Сведения, поступавшие из Центрального архива Министерства обороны, военкоматов, местных администраций, были неполные, разноречивые, содержали искажения в их именах, фамилиях, географических названиях... Всякие были проблемы, из-за которых работа над проектом затянулась на 10 лет» [7: 13]. Именно руководство Республики Дагестан поддерживало и обеспечивало работу редколлегии. Кроме того, финансовую поддержку оказывали директор «Кредо-банка» М. Меджидов и участники телемарафонов.

М.Д. Бутаев, ученый-историк, журналист, фронтовик, так писал о выходе многотомника: «В 2005 году завершено издание многотомной Книги памяти Республики Дагестан. В ней словно бы спрессованы десятки тысяч жизней дагестанцев, павших в боях за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны. Она увенчивает громадный и благородный труд памяти людской, проделанный энтузиастами. Этот невиданный доселе список погибших на более чем пятидесяти тысячах страниц – плод колоссальной многолетней поисковой организационной и научной работы ее создателей – составителей и редакционной комиссии» [1: 107].

Сами составители отмечали, что «в нее [книгу], к сожалению, вошли имена не всех погибших и пропавших без вести... Поиск не прекращается. По мере накопления нового материала будет продолжена работа по выпуску дополнительных томов Книги Памяти» [7: 36].

С момента начала издания Книги Памяти прошло более четверти века, и работа по актуализации сведений и переизданию необходима. Для подобной работы должна быть создана республиканская комиссия или рабочая группа, в которую войдут сотрудники архивов, музеев, вузов, научных институтов. Руководство республики должно оказать в данном вопросе поддержку и возобновить работу над Книгой Памяти, переиздать ее с исправлением неточностей.

Подобные вопросы возникают и по числу дагестанцев – Героев Советского Союза. Долгие послевоенные годы в большинстве работ приводилась одна цифра. В победный год в монографии Р.М. Магомедова и А.Ф. Назаревич «Дагестанская АССР: 25 лет борьбы и труда в составе Российской Федерации» отмечается: «36 дагестанцев носят высокое звание Героя Советского Союза» [6: 130]. Однако их число продолжило расти в первые послевоенные годы – Родина отмечала высоким званием своих героев.

В обобщающей коллективной монографии 1963 г., посвященной событиям Великой Отечественной войны, Г.Ш. Каймаразова, И.К. Керимова, Г.С. Койстинена, А.Г. Мелешко «Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» приводится информация о 40 Героях Советского Союза из Дагестана [3].

В четырехтомном академическом исследовании «История Дагестана» (М., 1967. Т. 3.) говорится о присвоении звания Героя Советского Союза 45 дагестанцам [4: 406]. В монографии Г.Ш. Каймаразова «Немеркнувший подвиг народа», изданной в 2000 г. [5: 4], названо 57 Героев Советского Союза. В кандидатской диссертации З.К. Раджабовой «Женщины Дагестана в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.», защищенной в 2001 г., приводится цифра 58 [9: 162]. В обобщающем двухтомном труде члена-корреспондента РАН Ахмеда Ибрагимовича Османова, изданном в 2007 г., также называется 58: «Из небольшого по численности Дагестана 58 человек были отмечены званием Героя Советского Союза» [8: 231].



В 2015 г. к очередному юбилею Победы в Великой Отечественной войне заместитель директора Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, доктор исторических наук О.М. Давудов подготовил своего рода справочник по дагестанцам – Героям Советского Союза, опубликованный в виде статьи в журнале «Вестник Института истории, археологии и этнографии». Предваряя биографические сведения о Героях, он пишет: «Дагестан в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны вместе с народами СССР активно участвовал в борьбе против фашистских агрессоров. На территории Страны гор были сформированы 44 и 58 армии, в состав которых вошли тысячи дагестанцев, 91 стрелковая дивизия, Махачкалинская стрелковая дивизия НКВД, 714-й зенитно-артиллерийский полк, состоявший из 980 дагестанских девушек, Буйнакское пехотное училище, отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон, Кизлярский кавалерийский эскадрон, экипаж бронепоезда «Комсомолец Дагестана». <...> Из Дагестана на фронтах Великой Отечественной войны сражались свыше 142 тыс. дагестанцев. В это число не вошло около 16 тыс. человек, призванных из Кизлярского, Тарумовского, Ногайского районов и города Кизляра. <...> 73 дагестанцам присвоено звание Героя Советского Союза, 7 человек стали полными кавалерами ордена Славы» [2: 5–6]. Таким образом, мы видим постепенный рост числа Героев Советского Союза и можем услышать от наших оппонентов, что мы отмечаем «победобесие», занимаемся гигантоманией, что герои «не настоящие» и т.д. Поэтому в данном случае так важна точность и объективность.

При подсчете количества дагестанцев – Героев Советского Союза мы постоянно сталкиваемся с важными методологическими вопросами, на которые не находим ответа. Главный из них, кого включать в список Героев:

– этнических дагестанцев (некоторые из них жили и были призваны в других регионах, например, один из самых известных Героев Советского Союза (дважды) – летчик Амет-Хан Султан – по отцу лакец и в Дагестане его считают «своим героем», но он родился и жил в Крыму и называл себя крымским татаринном);

– тех, кто родился в Дагестане (притом некоторые из них переехали из республики до войны и были призваны из других регионов, и их там считают «своими героями»);

– тех, кто приехал на постоянное место жительства в республику уже после войны, жил, скончался здесь, и наоборот, переехавших после войны из республики в другие регионы;

– тех, чьи родители проживали в республике, но сам Герой жил в другом регионе, а здесь бывал лишь в гостях (например, Ю.М. Ба-лабин);

– тех, кто находился в госпитале после ранения и после выздоровления был вторично призван местным военкоматом или находился в республике на строительных работах;

– Героев «северной зоны» республики, которая в период войны не находилась в ее составе и т.д.

У нас очень любят «большие» цифры, и число Героев потихоньку «растет» от юбилея к юбилею. Наверное, эта тенденция характерна для всей страны: в одном месте Герой мог родиться, призваться в другом, а скончаться в третьем. Конечно, в целом по стране будет одно число (однако, учитывая распад СССР и образование 15 независимых государств, тоже всё неоднозначно), а вот как решают этот вопрос регионы, интересно.

Избежать таких разночтений в докладах, научных статьях, монографиях можно, на наш взгляд, обязательными пояснениями к приводимым цифрам. Делать это нужно, чтобы простые граждане, читая статью в республиканской газете, посвященную Герою Советского Союза, не удивлялись, какое он имеет отношение к Дагестану.

Несмотря на все перечисленные проблемы, в заключение хочется привести слова Героя Советского Союза Магомед-Загида Абдулманапова, который в Крыму, в селе Ашага-Джамин, в составе группы разведчиков вступил в неравный бой с фашистами, был замучен и погиб, прославив свое имя в веках. Перед смертью он сказал: «Мы все дети одной матери – Родины». [4: 404]. Действительно, все они – участники той Великой войны – наши герои, дети нашей Родины.

Наша задача, задача профессиональных историков – противостоять фальсификации истории. Нужно помнить, что главным героем Второй мировой войны, творцом Великой Победы стал Советский

Союз и советский народ. Наш народ не склонил свою голову перед фашистами и ценой огромных потерь победил в жесточайшей схватке с вермахтом. Для народа многонациональной России, как это было и для советского народа, история Великой Отечественной войны является источником силы и уверенности в будущем, а День Победы – важнейшим праздником.

### Источники и литература

1. *Бутаев М.Д.* Сильные духом, славные делами. Рец. на кн.: Назовём поименно: книга памяти. Махачкала, 1996–2005. Т. I–XI; Солдаты отечества. Махачкала: Юпитер, 2005. 295 с. // История, археология и этнография Кавказа. 2007. Т. 3. № 2. С. 107–108.
2. *Давудов О.М.* Дагестанцы – Герои Советского Союза // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2015. № 2. С. 5–64.
3. *Каймаразов Г.Ш., Керимов И.К., Койстинен Г.С., Мелешико А.Г.* Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала, 1963.
4. История Дагестана / гл. ред. Г.Д. Даниялов. Т. 3. М., 1968.
5. *Каймаразов Г.Ш.* Немеркнувший подвиг народа. Махачкала, 2000.
6. *Магомедов Р.М., Назаревич А.Ф.* Дагестанская АССР: 25 лет борьбы и труда в составе Российской Федерации. Махачкала, 1945.
7. Назовем поименно: книга памяти Рос. Федерация. Респ. Дагестан / ред. О.М. Муртазалиев и др. Т. I. Махачкала, 1996.
8. *Османов А.И.* Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития: в 2 кн. Кн. 2. Махачкала, 2007.
9. *Раджабова З.К.* Женщины Дагестана в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2001.

**А.В. Карташев**

### **КРЫЛЬЯ, ПОТЕРЯННЫЕ В НЕБЕ СТАВРОПОЛЬЯ В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ: ВОПРОСЫ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ**

В 2023 г. исполняется 80 лет со дня победоносного завершения битвы за Кавказ. Несмотря на столь большой срок, в частных вопросах мемориализации военного прошлого на территории Ставропольского края осталось много до конца не изученных моментов. Так, например, только в 2019 г. ставропольским поисковикам удалось установить,

что один из воинов-освободителей краевого центра красноармеец К.Ф. Матвеев не погиб в январе 1943 г., как гласит документ о воинском захоронении на мемориале «Вечная слава» в г. Ставрополе, а выжил и дошел до Кенигсберга, был награжден орденом Славы III степени, медалью «За отвагу», вернулся на малую родину в село Краснокумское Ставропольского края и ушел из жизни только в 1958 г. [6: 2]. Имя Кондрата Федоровича Матвеева по-прежнему сохраняется на гранитных плитах мемориала. Автор статьи ничего не имеет против данного факта, учитывая давность событий, но любая подобная ошибка должна быть доведена до общественности. Это задача историков, краеведов и поисковиков.

Исходя из того, что воинских захоронений на территории Ставропольского края очень много, автор предлагает рассмотреть общие проблемы на примере мест гибели и погребения летного состава. Таким образом, в настоящей статье будут подняты спорные и нерешенные вопросы мемориализации советских летчиков, погибших на территории Ставропольского края в период битвы за Кавказ, будут показаны положительные примеры решения подобных проблем.

На склоне горы Холодной, у хутора Холодногорский, на юго-востоке от Ставрополя, высится обелиск с именами погибших на войне жителей здешних мест. Рядом с ним – могила старшего лейтенанта А.С. Колина.

В паспорте воинского захоронения записано: «Летчик, был сбит в 1942 г. в небе над хутором Холодногорский в районе горы Холодной. Скончался от полученных ранений, найден местными жителями уже погибшим» [7]. Документ составлен 1 августа 2014 г. и подписан представителем военного комиссариата Ставропольского края и главой администрации Дёминского сельского совета.

Очевидно, что сведения в паспорт захоронения попали со слов местных хуторян. Общественно-политическая газета Ставропольского края «Наша жизнь» от 30 сентября 2013 г. в подробностях приводила историю гибели летчика А.С. Колина и сообщала, что школьники под руководством учителя З.П. Хахалевой в 1968 г. нашли родственников Акима Соломоновича, которые жили в Баку, и завязали с ними переписку, а в 1969 г. могила была огорожена, на ее открытии состоялся митинг [8].

Однако, согласно другим документам, Аким Соломонович Колин был командиром артиллерийской батареи 907-го артиллерийского полка. Он погиб 20 января 1943 г. при освобождении города Ворошиловска (Ставрополя). Эта версия выглядит абсолютно правдоподобной, так как подтверждается несколькими источниками: учетно-послужной картой А.С. Колина, донесением о безвозвратных потерях 907-го полка, приказом об исключении из списков воинской части, журналом боевых действий 347-й стрелковой дивизии, в состав которой входил полк.

Автору статьи удалось пообщаться с Зинаидой Петровной Халеховой, которая в наши дни живет в поселке Дёмино и хорошо помнит события 1968 г. Она сообщила, что первое письмо пришло из Баку от жены погибшего офицера, искавшей могилу своего мужа. В то время она была тяжело больна и не смогла приехать на открытие памятника. Ни писем, ни каких-то других следов поисковой деятельности у Зинаиды Петровны, как и в хуторской школе, где она работала, не сохранилось. Принадлежность А.С. Колина к роду войск с его вдовой не обсуждалось.

21 января 2023 г. к 80-летию со дня освобождения г. Ставрополя в газете «Ставропольская правда» вышла статья «Герои, которых мы не знали», в которой были представлены доказательства очевидной ошибки. По мнению председателя совета регионального отделения общественного движения «Поисковое движение России» Г.А. Касмынина, давшего интервью журналисту, судьба артиллериста Колина была перепутана жителями хутора с историей гибели летчика лейтенанта Савельева Якова Борисовича, погибшего в авиационной катастрофе 23 ноября 1943 г. в окрестностях поселка Цимлянского, расположенного в 8 км от хутора Холодногорского. Его могила находится на кладбище поселка [5: 1–2].

Еще один подобный случай, похоже, произошел в селе Подгорном Андроповского муниципального округа. На ряде сайтов в интернете, в том числе на официальном сайте Ставропольского музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, описана могила летчика капитана И.С. Синяева: «В селе Подгорном бережно хранят могилу летчика капитана Ивана Сергеевича Синяева, погибшего в боях с фашистами при освобождении села 17 января 1943 г. Его батальон

первым ворвался в Подгорное и выбил немцев» [4]. Странно, что краеведы не обратили внимание на явное несоответствие: летчик и командир стрелкового батальона. Документы баз данных «Мемориал» и «Подвиг народа» свидетельствуют о том, что капитан Синяев проходил службу в 19-й стрелковой бригаде [9: 6]. Таким образом, и эта могила не является местом захоронения погибшего летчика. Налицо первая проблема: необходимо проверять информацию на предмет принадлежности личности погибшего к тому или иному роду войск, в частности, к авиации.

Наиболее ранним захоронением летчика на территории Ставропольского края в период битвы за Кавказ является могила заместителя командира эскадрильи гвардии младшего лейтенанта 7-го гвардейского штурмового авиационного полка Боброва Ивана Ивановича 1912 г. рождения. Он погиб 29 июля 1942 г. при посадке на аэродроме Ворошиловска и был похоронен в городе, вероятно, на одном из городских кладбищ [12: 102].

В ночь со 2 августа на пшеничном поле южнее Курсавки неудачно совершил вынужденную посадку истребитель И-15. Моросил дождь, мокрые стебли намотались на шасси и самолет перевернулся. Летчик пытался выбраться из кабины, он стал подкапывать землю. Но, когда ему на помощь прибежали колхозники, летчик был уже мертв. Его отвезли в морг районной больницы, а самолет 3 августа перетащили во двор школы, недалеко от райвоенкомата. По документам, найденным у летчика, установили его личность, это был старший лейтенант Шафран Юрий Григорьевич, 1911 г. рождения, заместитель командира эскадрильи 267-го истребительного авиационного полка 236-й истребительной авиационной дивизии. Летчик вылетел по тревоге с аэродрома Кропоткина и пропал без вести [1: 72]. О его захоронении в книге воспоминаний жителей Андроповского района ничего не сказано, среди мемориалов в Курсавке памятник летчику по фамилии Шафран не значится. Таким образом, существует вторая проблема: поиск могил погибших, места которых известны лишь приблизительно.

Наиболее известным летчиком, погибшим на Ставрополье в период битвы за Кавказ, является Герой Советского Союза гвардии лейтенант Петр Иванович Руденко. Он служил в том же 7-м гвардейском

штурмовом авиационном полку и погиб 10 декабря 1942 г. Был похоронен в станице Галюгаевской на центральной площади [10: 224; 13: 2 об. – 3]. В тот же день в том же полку погиб еще один летчик – старший сержант Петр Николаевич Лебедев 1919 г. рождения. В документе о безвозвратных потерях имена Лебедева и Руденко стоят рядом, оба погибли в районе хутора Авалова [11: 11], который со временем вошел в границы села Серноводского. Между ним и станицей Галюгаевской 20 км. Однако о могиле Лебедева, как и о подробностях его гибели, сведений нет. В данном случае известно примерное место падения самолета, но не известно место захоронения.

К сожалению, часто на местах гибели летчиков останков их обнаружить не удается. 12 декабря 1942 г. не вернулся с боевого задания заместитель командира эскадрильи 862-го истребительного авиационного полка лейтенант В.И. Матыцин. И только в июне 1963 г. в Курском районе Ставропольского края колхозник Тимофей Иванович Комаров, работавший в степи на заготовке кормов, увидел останки сгоревшего самолета. Он принялся осторожно разгребать песок и обнаружил орден Красного Знамени, на обратной стороне которого прочитал номер 39752. Как потом удалось узнать краеведам, принадлежал он Василию Ильичу Матыцину. Останки самого летчика найдены не были [3: 113–115].

Еще один подобный пример. 5 августа пара истребителей И-16 738-го истребительного авиационного полка вела воздушную разведку дорог Минеральные Воды, Курсавка, Невинномысская, Янкуль, Ворошиловск, летчики – младший лейтенант В.М. Свиридов и старший сержант А.И. Казаков. В полутора-двух километрах от Невинномысска пара была атакована двумя вражескими истребителями Ме-110. Самолет командира звена младшего лейтенанта Свиридова загорелся и врезался в землю, летчик Василий Михайлович Свиридов погиб [14: 5].

Объединенный поисковый отряд, состоявший из активистов Ипатовского округа, города Невинномысска, села Ивановского и других неравнодушных людей, провел в 2020 г. поиски останков Василия Свиридова в районе места его гибели на склоне Невинской горы. Но ничего найти не удалось. Однако, в отличие от Курского района, в Невинномысске в 2022 г. был установлен памятник в виде современного

самолета МиГ-29 в честь героически погибшего летчика [2]. Значит, очередная проблема мемориализации связана с увековечением памяти летчиков, останки которых не были найдены на местах их гибели.

До сих пор существуют безымянные могилы летчиков, имена которых требуется восстановить. Так, в поселке Комсомолец Кировского муниципального округа по улице Ленина, д. 9/1 находится могила летчика, погибшего в 1943 г. Его имя неизвестно. В качестве примера качественно проведенной поисковой работы можно привести историю с установлением имен погибших членов экипажа самолета, сбитого огнем немецкой зенитной артиллерии в небе села Преградного 3 августа 1942 г. До 2019 г. могила была безымянной. По свидетельству очевидцев, погибших было двое – один в гимнастерке, другой в комбинезоне. По сохранившимся в музее села элементам самолета было установлено, что это был штурмовик Ил-2. Анализ документов из электронных баз данных позволил установить, что в это время в этом месте осуществлялся перелет 214-го штурмового авиационного полка из Куйбышева в станицу Советскую Краснодарского края. По спискам безвозвратных потерь полка методом исключения удалось установить имена погибших. Ими были: командир авиационной эскадрильи капитан Игнатъев Александр Николаевич и старший техник эскадрильи младший воентехник Матухно Николай Мефодьевич, который был пассажиром в одноместном самолете (при перебазировании авиационных частей такое допускалось). 26 апреля 2019 г. на ранее безымянном памятнике торжественно была открыта мемориальная доска с именами погибших летчиков. Поисковую работу провели члены школьного кружка «Поиск» под руководством учителя Ларисы Мироненко в тесном сотрудничестве с бывшим старшим штурманом командного пункта 4-й воздушной армии подполковником запаса Александром Божинским.

Таким образом, в вопросе мемориализации летчиков Великой Отечественной войны можно выделить ряд проблемных моментов: недостоверность сведений о принадлежности погибшего воина к летному составу; отсутствие точных сведений о могилах летчиков при том, что места захоронений примерно известны; отсутствие могил и информации о захоронениях при известных местах гибели; наличие безымянных могил летчиков, чьи личности необходимо установить.



Для решения данных проблем требуется: 1) подтвердить по базам данным Министерства обороны РФ принадлежность погребенного воина к летному составу; 2) организовать поиск могил в случае, когда места захоронений примерно известны; 3) организовать установку мемориальных объектов на местах гибели летчиков, когда их останки не представляется возможным обнаружить; 4) организовать поиск информации о безымянных захоронениях и попытаться восстановить имена погибших летчиков.

### Источники и литература

1. Андроповцы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: без права на забвение. М., 2020.
2. В Невинномысске установили самолет в память о летчике Великой Отечественной войны // Информационное агентство «Казачье единство». URL: <https://kazak-edinstvo.ru/2022/09/22/v-nevinnomyskske-ustanovili-samolyot-v-pamyat-o-letchike-velikoj-otechestvennoj-vojny/?ysclid=lf74p6izmw638914147> (дата обращения: 13.03.2023).
3. *Госданкер В.В.* От прошлого нельзя отряхнуться (музейные поиски, находки, встречи). Ставрополь, 2005.
4. Историческая память Ставрополя. Андроповский район. URL: <http://memory.stavmuseum.ru/андроповский.html> (дата обращения 12.03.2023).
5. *Лезвина В.* Герои, которых мы не знали // Ставропольская правда. 2023. 21 января. № 6.
6. *Москаленко В.* История одного героя // Ставропольская правда. 2019. 8 мая. № 48.
7. Информация о захоронении. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=90393652&p=> (дата обращения: 12.03.2023).
8. Обелиск на высоком пригорке стоит ... // Наша жизнь. Общественно-политическая газета Ставропольского края. URL: <http://xn---7sbaklid5c1b.xn--p1ai/?p=3065> (дата обращения: 12.03.2023).
9. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 409.
10. ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 88.
11. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 972.
12. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1706.
13. ЦАМО РФ. Ф. 21940. Оп. 627178с. Д. 1.
14. ЦАМО РФ. Ф. 22951. Оп. 0440483с. Д. 0001.

**А.В. Броварь, И.Е. Татаринов**

**ОСОБЕННОСТИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ГЕРОЕВ  
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ – УРОЖЕНЦЕВ ДОНБАССА:  
Герой Советского Союза Ткаченко Иван Филиппович**

Страницы истории Великой Отечественной войны наполнены многочисленными примерами воинской доблести и героизма, мужества и отваги, самопожертвования и подвигов. Однако сегодня мы наблюдаем масштабную кампанию по пересмотру итогов Второй мировой войны, наполненную фальсификациями исторических событий, принижением вклада Советского Союза в общую победу над нацизмом. В ряде стран постсоветского пространства и Восточной Европы происходят процессы так называемой десоветизации, которая проявляется в массовом демонтаже мест исторической памяти о Великой Отечественной войне и совместном героическом участии народов этих стран в победе над нацизмом. Вызывает крайнюю тревожность углубление этих процессов, очевидно, имеющих скрытые смыслы и далеко идущие последствия. Это заставляет научную общественность и небезразличных к истории Отечества граждан задуматься о том, какие же цели преследуют силы, стоящие за кампанией по пересмотру итогов Второй мировой войны, и что необходимо предпринять для сохранения исторической правды о тех событиях.

Многонациональное советское государство столкнулось 22 июня 1941 г. с вероломным нападением фашистской Германии. Долгие 1418 дней длилась Великая Отечественная война, завершившаяся нашей победой. Свой бесценный вклад в победу над противником внесли и воины Донбасса, многие из которых были оценены высокими правительственными наградами, а некоторые из них были представлены к высшей награде – званию Героя Советского Союза. В данной статье будут рассмотрены боевой путь Героя Советского Союза Ивана Филипповича Ткаченко и сохранение исторической памяти о нем в монументальном искусстве и ряде других форм.

Иван Филиппович Ткаченко родился 15 марта 1916 г. в рабочей семье в г. Юзовка Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии (в настоящее время – г. Донецк Донецкой Народной Республики). По окончании фабрично-заводского училища в 1936 г. устроился

работать электрослесарем в электроцех Сталинского металлургического завода (ныне – Донецкий металлургический завод). В 1940 г. слесарь 6-го разряда И. Ткаченко был призван в РККА [3: 56]. В войну вступил рядовым 140-го артиллерийского полка на Южном фронте, где уже 1 сентября 1941 г. был тяжело ранен [7: 379]. По окончании в 1943 г. Подольского артиллерийского училища младший лейтенант Ткаченко воевал в разведке 3-го артдивизиона 22-го гвардейского артиллерийского Евпаторийского Краснознаменного полка 3-й гвардейской стрелковой Волновахской дивизии 2-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта [1: 587].

Интересно проследить боевой путь Ивана Ткаченко по наградным листам, хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) в г. Подольск. 27 февраля 1944 г. в его послужном списке появился первый орден – Отечественной войны II степени. В описании подвига говорится, что гвардии лейтенант И. Ткаченко, командир взвода управления батареи 22-го гвардейского артиллерийского Краснознаменного полка 3-й гвардейской Волновахской стрелковой дивизии, «в боях 16–20.12.43 г. при ликвидации предмостного плацдарма на левом берегу р. Днепр в р-не Херсона, находясь на переднем наблюдательном пункте, лично обнаружил и, корректируя огнем батареи – уничтожил два арторудия, два ДЗОТа и 4 пулеметных точки противника, чем обеспечил успешное наступление нашей пехоты. Достоин правительственной награды Ордена Отечественной войны 2 ст.». Наградной документ был подписан командиром 22-го гвардейского артполка подполковником А.В. Тихоновым [5: 282].

Через два месяца, 22 апреля 1944 г. Иван Ткаченко был представлен к званию Героя Советского Союза. Он особенно отличился в боях за город Армянск, где, «находясь впереди наступающей пехоты», умело корректировал огонь батареи, уничтожив «противотанковое орудие, три пулеметных точки и 15 гитлеровцев». После этого, с возгласами «За Родину вперед!» поднял и лично повел в атаку стрелковое подразделение, в итоге овладев «центральным кварталом города». Несколько дней спустя, освобождая г. Саки, он вместе «с разведчиками пробрался к орудью противника, ведущему огонь по нашей наступающей пехоте, и огнем автоматов расстрелял орудийные расчеты, завладел орудиями, чем обеспечил успех боя» [8: 152].

Наградной документ был подписан командиром 22-го гвардейского артполка гвардии подполковником А.В. Тихоновым, командиром 3-й гвардейской стрелковой Волновахской дивизии гвардии генерал-майором К.А. Цаликовым и командиром 13-го гвардейского стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенантом П.Г. Чанчибадзе [8: 152]. Однако вышестоящее командование решило данное представление к награждению пересмотреть и отметить подвиги гвардии лейтенанта И. Ткаченко орденом Красного Знамени. Командующий артиллерией 2-й гвардейской армии гвардии генерал артиллерии И.С. Стрельбицкий в наградном документе написал: «Достоин Правительственной награды ордена Красного Знамени» [8: 152об.].

В том же 1944 г., завершая освобождение Крыма и Севастополя, гвардии лейтенант И. Ткаченко был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе сказано, что «в боях на подступах к Севастополю 5–9.05.44 двигаясь непосредственно в боевых порядках пехоты, действуя решительно и смело, дважды пробирався к переднему краю противника, обнаружил и корректируя огнем батареи уничтожил противотанковую пушку, одно орудие и две пулеметных точки противника с прислужкой, чем обеспечил успешное продвижение нашей наступающей пехоты» [7: 379].

14 февраля 1945 г. гвардии старший лейтенант И. Ткаченко вновь был представлен к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза. В описании подвига говорится, что он «в бою 2 февраля 1945 года в районе города Бартанштейн, Восточной Пруссии, находясь на передовом наблюдательном пункте, во время крупных контратак противника, с двумя разведчиками и радистом – был окружен немцами. Находясь в окружении в течение 11 часов, установил связь с дивизией по радио и корректируя артиллерийским огнем уничтожал и рассеивал подходящие резервы немцев» [9: 311].

Однако вскоре враг обнаружил советского корректировщика, чьи умелые действия наносили врагу непоправимый урон. Они «8 раз бросались в атаку на пункт», но Ткаченко с боевыми товарищами вызывали огонь на себя и автоматным огнем смогли отбить все атаки врага. «Только огнем личного оружия Ткаченко уничтожил 16 и в рукопашной схватке – 3 гитлеровцев» [9: 311]. Более семи часов советские разведчики находились под непрекращающимся огнем

врага, «но умело маневрируя своим артиллерийским огнём Ткаченко подавил две арт. батареи и 2 мин. батареи противника. Кроме того за день боя уничтожил 8 пулемётных точек и более роты гитлеровцев, сорвал попытку немцев овладеть опорным пунктом Бугресс, с наступлением сумерек, корректируя арт. огнём – рассеял контратакующую немецкую пехоту и обеспечил успех атаки нашей пехоты и ее успешное продвижение» [9: 311].

Незадолго до этих событий, И. Ткаченко отличился 24 января 1945 г. в бою за г. Норденбург в Восточной Пруссии, где он «двигаясь непосредственно в боевых порядках пехоты... с криком – “За Родину, За Сталина! За мной!” – первым ворвался в траншеи противника и в рукопашной схватке уничтожил двух гитлеровцев. Сопrotивление немцев было сломлено, в результате чего наша пехота овладела городом Норденбург» [9: 311].

В документе также говорится, что Иван Ткаченко «за 12 дней наступательных боев в Восточной Пруссии, корректируя артиллерийским огнем уничтожил 3 орудия, 5 минометов, 9 пулеметных точек и более двух рот гитлеровцев, подавил три артиллерийских и две минометных батареи противника. Своей стремительностью и бесстрашием увлекал личный состав на выполнение поставленных боевых задач». Представление к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» подписали командир 22-го гвардейского Евпаторийского Краснознаменного артполка гвардии подполковник Л.Ф. Бойко и командующий артиллерией 3-й гвардейской Волновахской Краснознаменной дивизии гвардии подполковник Г.П. Аветисян. Командующий артиллерией 2-й гвардейской армии гвардии генерал-лейтенант артиллерии И.С. Стрельбицкий, командующий 2-й гвардейской армией гвардии генерал-лейтенант П.Г. Чанчибадзе и член Военного Совета армии гвардии генерал-майор Н.И. Ряпосов утвердили данное представление [9: 311 об.].

Жизнь героя оборвалась 17 апреля 1945 г., в районе г. Фишгаузен на Земландском полуострове, где он вновь шел впереди, ведя в атаку своих разведчиков. Он не успел получить орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». 21 мая 1945 г. гвардии старший лейтенант Иван Ткаченко был награжден своим последним орденом – Отечественной

войны I степени (посмертно). В наградном листе сказано, что «в наступательных боях по ликвидации Земландской группировки противника 12–17 апреля 1945 года обеспечил успешное выполнение поставленных боевых задач. Проявил исключительный героизм и высокое боевое мастерство. В бою 14.04.45 в районе станции Побеттен, под ураганным огнем противника, с явным риском для жизни выдвинулся вперед боевых порядков наступающей пехоты и, лично корректируя огнем батареи, разрушил 6 блиндажей противника с прислугой и пехотой, 2 75-мм орудия, 6 пулеметных точек и более роты гитлеровцев, парализовал всякое огневое сопротивление противника на переднем крае, чем обеспечил успех боя. В бою 16 апреля 1945 года наступал непосредственно в боевых порядках пехоты и, мастерски маневрируя артиллерийским огнем, короткими огневыми налетами уничтожил 2 орудия ПТО, разрушил 6 блиндажей с их гарнизонами, уничтожил 4 пулеметных точки и более 40 гитлеровцев, парализовал огневое сопротивление противника, чем обеспечил успех атаки нашей пехоты. В разгар боя, при нашей атаке – был убит» [6: 199]. «Достоин высшей правительственной награды – Орден Ленина (посмертно)... 23 апреля 1945 года. Награждаю правительственной наградой – орденом Отечественной войны I степени. Командующий артиллерией 2-й гвардейской армии гвардии генерал-лейтенант артиллерии Стрельбицкий. 17 мая 1945 г.» [6: 199 об.].

Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант И.Ф. Ткаченко был навечно зачислен в списки своего 22-го гвардейского Евпаторийского Краснознаменного артиллерийского полка. Из ближайших родственников у него к тому времени оставалась лишь родная сестра – Сидорова Мария Филипповна, проживавшая в г. Сталино, по ул. Ленина, д. 66, кв. 4 [4: 19]. Героя похоронили в г. Зеленоградск Калининградской области, в городском парке по ул. Московская в братской могиле под № 39–65.

Позднее, в память о подвигах гвардейца Ивана Ткаченко на территории мемориального комплекса в г. Зеленоградск на братской могиле советских воинов, погибших в январе – апреле 1945 г., был установлен памятник. Он выполнен в виде ростовой скульптуры советского воина, с воинской каской в руке, на постаменте, увенчанном мемориальной плитой с надписью: «Здесь захоронен Герой Советского Союза

ст. лейтенант Ткаченко Иван Филиппович». Спереди от постамента установлены мемориальные гранитные плиты с фамилиями павших воинов – его боевых товарищей. Кроме этого, в Зеленоградске именем героя названа улица, а на перекрестке улиц Ткаченко и Тургенева на фасаде здания находится мемориальная доска с указанием: «Улица названа в 1965 году именем Героя Советского Союза Ткаченко Ивана Филипповича, начальника разведки дивизиона 22-го гвардейского артиллерийского полка, героически погибшего на Земландском полуострове 17 апреля 1945 года» [10].

На Донбассе также имеется несколько мемориальных мест, посвященных памяти о героических подвигах Героя Советского Союза И.Ф. Ткаченко. Так, 17 июля 1980 г. в Донецке на площади Metallургов, сегодня именуемой в честь героя – площадью Ткаченко, был открыт памятник работы скульпторов Н.А. Баранова и Л.П. Казанской и архитектора Н.М. Поддубного. Как и в Зеленоградске, памятник выполнен в виде ростовой скульптуры советского воина в накинутой на плечи плащ-палатке, с биноклем в руках, стоящего на постаменте. На лицевой стороне постамента имеется надпись: «Герой Советского Союза Ткаченко Иван Филиппович» [3: 58]. Кроме этого, в Донецке именем Ивана Ткаченко названа улица, а на доме, где он жил, и на фасаде школы, в которой учился, установлены гранитные мемориальные доски, посвященные герою. Аналогичная мемориальная доска установлена также на территории Донецкого металлургического завода (далее – ДМЗ), а Донецкий профессиональный металлургический лицей носит имя донбасского героя.

Важно также отметить еще один аспект мемориализации героев Великой Отечественной войны. Речь идет о выпуске филателистической продукции. В частности, 15 марта 2016 г., в день столетнего юбилея Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Ивана Ткаченко, ГУП ДНР «Почта Донбасса» выпустила в г. Донецке художественную почтовую марку № 24 «Ткаченко И.Ф.», номинальной стоимостью 6 руб. Формат марки – 32 × 22 мм, тираж – 50 тыс. экземпляров. На почтовой марке, защищенной ультрафиолетом и микрошрифтом, размещено изображение Ивана Ткаченко, указаны годы его жизни – 1916–1945. В левой части марки изображен установленный в Донецке памятник герою, а правая часть украшена Звездой Героя Советского

Союза и государственным гербом Донецкой Народной Республики. Кроме этого, в продажу поступили выпущенный в связи с этим событием художественный маркированный «Конверт 100 лет со дня рождения И.Ф. Ткаченко» со специальным гашением с использованием памятного почтового штемпеля «100 лет Ткаченко», стоимостью 20 российских рублей [2].

В завершение сказанного следует отметить, что в современных условиях развернувшихся масштабных войн памяти крайне важно системно и комплексно поддерживать историческую память о Великой Отечественной войне. Необходимо противодействовать реабилитации различных коллаборационистских структур и нацистских преступников, а также масштабному демонтажу мест памяти, связанных с героическими событиями совместного прошлого, в том числе и Великой Отечественной войны. Считаю важным внедрение современных инновационных методов и форм популяризации памяти о славных событиях нашей истории, что в первую очередь должно найти отклик у подрастающего поколения и способствовать патриотическому воспитанию молодежи. В этой связи всемерная и комплексная государственная поддержка исторической памяти о Великой Отечественной войне должна стать одним из важнейших приоритетов политики Российской Федерации.

### **Источники и литература**

1. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь в двух томах. Т. 2. Любов – Ящук / пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. М., 1988.
2. Коллекционная марка № 24 «1916–1945. Ткаченко И.Ф.» // Почта Донбасса. URL: <https://shop.postdonbass.com/marka-24-1916-1945-tkachenko-if> (дата обращения: 26.03.2023).
3. *Синицына Т.И.* Ткаченко Иван Филиппович – Герой Советского Союза // Донецкий край: история, культура, люди: сборник материалов Межрегион. краевед. чтений (г. Донецк, 25 февраля 2021 года). Донецк, 2021. С. 55–59.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 11458. Д. 661.
5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4018.
6. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4825.
7. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1436.



8. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3245.
9. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 47.
10. Электронная книга памяти Калининградской области / Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Ткаченко Иван Филиппович  
URL: <https://www.prussia39.ru/memory/warrior.php?wid=34646> (дата обращения: 25.03.2023).

**Р.Н. Рахимов**

**МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ГЕРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА М.М. ШАЙМУРАТОВА:  
от региональной практики к общенациональному проекту**

Мемориализация – это действия, направленные на придание мемориального характера чему-либо (кому-либо). Как правило, она реализуется в материальных памятниках (скульптурные композиции, обелиски, монументы, бюсты). Мемориальная практика в военной истории обычно затрагивает два места памяти – место рождения героя и место совершения подвига (гибели), причем места первого типа чаще. В случае когда память о герое включается в историческую память общества, мемориализация расширяет свои территориальные границы (А.М. Матросов, З.А. Космодемьянская, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский).

Часто историческая память об отдельном герое функционирует параллельно с мемориализацией воинской части, в которой он служил. Мемориализация – составная часть коммеморативных практик (митинги, флешмобы, военно-исторические реконструкции, возложения цветов и венков, торжественные мероприятия, переименования, наименования). В настоящее время всё это является частью большой государственной программы по увековечению памяти защитников Отечества [13].

В данной публикации мы попытались проанализировать процесс мемориализации Героя Российской Федерации генерал-майора М.М. Шаймуратова. Начиная со времени Великой Отечественной войны усилия разных людей были направлены на то, чтобы М.М. Шаймуратову было присвоено звание Героя Советского Союза. В итоге через 72 года после первого обращения в правительство этому выдающемуся военачальнику было присвоено звание Героя Российской

Федерации. В дальнейшем – в результате изменения международной обстановки – рамки бытования мемориальной практики расширились и региональное поминовение героя Великой Отечественной войны стало встраиваться в общенациональную повестку. Особенностью мемориализации подвига М.М. Шаймуратова является то, что она взаимосвязана с мемориализацией действий 112-й Башкирской кавалерийской дивизии.

Обратимся к биографии героя. Минигали Мингазович Шаймуратов родился 15 августа 1899 г. в д. Биштяки Уфимского уезда Уфимской губернии (ныне с. Шаймуратово Кармаскалинского района Республики Башкортостан). В 1913 г. он начал трудовую деятельность матросом-грузчиком на пароходе. 18 июня 1919 г. добровольно вступил в Красную армию, участвовал в боевых действиях, был дважды ранен. С 1920 г. курсант 9-х Казанских советских кавалерийских курсов восточных народностей. В 1921 г. участвовал в подавлении восстания крестьян Тамбовской губернии. В 1920-е гг. – командир взвода, слушатель курсов среднего комсостава в кавалерии. С 1925 г. курсовой командир 1-й Советской объединенной военной школы РККА имени ВЦИК (Москва, Кремль). В 1934 г. окончил специальный факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе. С апреля – в распоряжении Разведывательного управления РККА, военный атташе в Турции, в 1936–1937 гг. и в 1938–1940 гг. выезжал в командировки в Китай, за деятельность там получил орден Красного Знамени.

В октябре – декабре 1941 г. – командир 1-го Особого кавалерийского полка, отличился в боях под Москвой, заслужив второй орден Красного Знамени. С декабря – командир 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. Со 2 июля 1942 г. на фронте. 10 ноября – генерал-майор. 14 февраля 1943 г. награжден орденом Красной Звезды. 23 февраля 1943 г. погиб в бою при выходе 7-го гвардейского кавалерийского корпуса из рейда в районе Дебальцево Ворошиловградской области Украинской ССР (ныне Луганская Народная Республика РФ).

Формирование 112-й Башкирской кавалерийской дивизии связано с Постановлением Государственного Комитета Оборона СССР «О формировании национальных войсковых соединений» от 13 ноября 1941 г. Оно предполагало создание кавалерийских дивизий и отдельных стрелковых бригад в союзных и автономных республиках СССР [7: 13].

В Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике (БАССР) формировались 112-я и 113-я кавалерийские дивизии. Комплектование личным составом, лошадьми, снаряжением и обмундированием осуществляла республика.

Шаймуратов принял командование 112-й кавалерийской дивизией в декабре 1941 г. С июля 1942 г. дивизия в боях в составе 8-го кавалерийского корпуса (21, 55, 112-я кавалерийские дивизии). Корпус сражался на Брянском фронте, в Сталинградском сражении в составе Юго-Западного фронта [2]. За героизм и мужество, проявленные в Сталинградской битве, 14 февраля 1943 г. корпус был преобразован в 7-й гвардейский.

В феврале 1943 г. в составе 3-й гвардейской армии корпус принял участие в Ворошиловградской операции и в рейде на Дебальцево. Поход проходил в сложных условиях. При выходе из него корпус понес огромные потери, в плен попал его командир – генерал М.Д. Борисов, погибли генералы С.И. Дутко и М.М. Шаймуратов.

Необходимо отметить разницу в мемориализации Дебальцевского рейда 1943 г. в разных регионах. В исторической памяти жителей ЛНР это героический рейд 8-го (7-го гвардейского) кавалерийского корпуса [8]. В Башкортостане же события февраля 1943 г. сохраняются в памяти как рейд 112-й Башкирской кавалерийской дивизии и гибель генерал-майора М.М. Шаймуратова [11].

В дальнейшем 112-я Башкирская кавалерийская дивизия в составе корпуса прошла через Украину, Белоруссию, Польшу до Берлина и завершила войну как 16-я гвардейская кавалерийская Черниговская ордена Ленина Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия.

Началом мемориализации Шаймуратова можно считать появление в 1942 г. песни «Шаймуратов-генерал» (стихи Кадыра Даяна, музыка Загира Исмагилова). Это произошло, вероятно, после получения известия о том, что ему присвоено звание генерал-майора. Республика поддерживала тесные связи со своей дивизией. Песня, созданная талантливыми авторами, сразу стала народной, в 1947 г. ее записали на грампластинку.

В 1948 г. правительственная комиссия БАССР выезжала в Ворошиловградскую область на поиски останков генерала и для установления обстоятельств его смерти. На предполагаемом месте гибели

и захоронения Шаймуратова, возле с. Штеровка (как впоследствии оказалось, это было тело генерала Дутко), начался процесс стихийной мемориализации. Из БАССР на это место отправлялись школьные экспедиции, делегации от республики. В настоящее время надпись на скале «1948 г.» сохранена, а само место ухожено (установлена лестница для спуска, площадка) [5].

В итоге 11 декабря 1948 г. И.В. Сталину было направлено обращение секретаря обкома ВКП(б) С.А. Вагапова, председателя Совета Министров Н.Р. Уразбаева, председателя Президиума Верховного Совета БАССР Г.В. Нигмаджанова о присвоении звания Героя Советского Союза М.М. Шаймуратову и разрешении на сооружение ему памятника в Уфе. Оно не получило поддержки Министерства обороны СССР.

В 1958 г. последовало новое обращение Башкирского обкома КПСС за подписью секретаря З.Н. Нуриева. Его поддержал член Президиума Верховного Совета СССР, маршал Советского Союза С.М. Будённый. Министерство обороны отклонило обращение под предлогом того, что Шаймуратов уже отмечен наградами.

В самой республике именем Шаймуратова были названы колхозы, улицы в городах Уфе, Стерлитамаке, Салавате, Ишимбае, Октябрьском. На Украине, в Луганской области, в его честь были названы улица и площадь в г. Петровском и улица в п.г.т. Чернухино. Кроме того, в Петровском установлены памятные знаки на братской могиле и в Сквере башкирских конников, а в Чернухино – памятник башкирским конникам. Сквер башкирских конников создали в 2009 г. в связи со 110-летием со дня рождения Шаймуратова. В Луганской области мемориализация Шаймуратова как одного из героев рейда 8-го кавалерийского корпуса началась в 1960-е гг., ее инициаторами были краеведы, ветераны и школьники.

Мемориальная практика, реализуемая сооружением памятников, была связана с памятными датами в биографии генерала и юбилеями Победы, поскольку на юбилейные торжества выделялись значительные средства. В БАССР увековечение памяти о Шаймуратове началось в связи с подготовкой к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 1964 г. родину генерала – с. Биштяки – переименовали в Шаймуратово. 31 мая в селе рядом со школой был открыт бюст Шаймуратова, выполненный уфимским скульптором Борисом Дмитриевичем

Фузеевым. За основу было взято изображение с фотографии 1941 г. Вероятно, для придания парадности скульптор одел генерала в мундир образца 1943 г. с погонами, введенными в армии после его смерти, и набором наград, которые он не носил при жизни. Ордена Красного Знамени оказались на колодках (более поздний вариант), на груди медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которыми он был награжден посмертно, и орден Красной Звезды, не врученный при жизни. С 1972 г. при средней школе села действует Музей Боевой Славы имени М.М. Шаймуратова. В 1999 г., в связи со столетием со дня рождения, имя генерала присвоили средней школе с. Шаймуратово.

В 2005 г., к 60-летию юбилею Победы, в Уфе, в Дёме (место формирования дивизии), был открыт Музей 112-й (16-й гвардейской) Башкирской кавалерийской дивизии. К 65-летию Победы в парке Победы Уфы была создана Аллея Славы, на которой 8 мая 2010 г. были торжественно открыты бронзовые бюсты М.М. Шаймуратова и Героя Советского Союза Т.Т. Кусимова (командира полка дивизии) [6]. Автор – уфимский скульптор Владимир Александрович Дворник. Шаймуратов изображен исторически достоверно – гимнастерка с петлицами генерал-майора, орденами Красного Знамени. Для динамичности образа на плечи наброшена плащ-палатка. Скульптору удалось раскрыть внутренний мир героя войны. Униформологическое соответствие бюста было связано с тем, что скульптора консультировал историк.

Появление бюста героя активизировало общественное мнение. Ветераны, общественные организации, граждане обращались к руководству республики и страны с просьбой присвоить генералу звание Героя Российской Федерации. В какой-то степени ответом на эту активность стал Указ Президента РФ от 21 ноября 2012 г. о присвоении 29-му отряду специального назначения Внутренних войск МВД РФ почетного наименования «имени генерал-майора М.М. Шаймуратова». Для воинской части В.А. Дворником был выполнен бюст, несколько отличающийся от установленного в парке Победы. Открыт он был 19 ноября 2013 г.

11 сентября 2015 г. главой Республики Башкортостан Р.З. Хамитовым и министром культуры России В.Р. Мединским в с. Шаймуратово

был открыт Мемориал воинской славы, основу которого составила конная скульптура М.М. Шаймуратова, выполненная московским скульптором Денисом Анатольевичем Стритовичем [4]. Мемориал был сооружен при участии Российского военно-исторического общества, а его открытие приурочено к 70-летию Победы. Мединский обратился к президенту России с просьбой поддержать обращение руководства и жителей Башкортостана о присвоении Шаймуратову звания Героя. Итогом стала передача в 2016 г. ордена Красной Звезды Национальному музею Республики Башкортостан. Этим орденом генерал был награжден в феврале 1943 г. за бои на Брянском фронте, но получить его не успел.

Украинский политический кризис в 2014 г. привел к тому, что на юго-востоке страны образовались Донецкая и Луганская народные республики, не подчинившиеся киевскому режиму. Противостояние приобрело черты гражданской войны. Боевые действия проходили в тех местах, где в феврале 1943 г. сражался 8-й кавалерийский корпус. Память о Шаймуратове стала частью формирующейся идентичности жителей ЛНР. На нее опирались добровольческие и казачьи формирования, участвовавшие в боях. Школе № 22 в г. Петровском в 2016 г. присвоено имя М.М. Шаймуратова. В сентябре 2018 г. ЛНР выпустила почтовую марку, посвященную герою. В школьных и краеведческих музеях ЛНР были созданы экспозиции о 112-й Башкирской кавалерийской дивизии и генерал-майоре М.М. Шаймуратове.

В Республике Башкортостан в 2019 г. был учрежден орден Генерала Шаймуратова [12]. Автор – художник из Санкт-Петербурга Владимир Николаевич Нуждин. Орден № 1 в 2020 г. получил ветеран Мугин Нагаев, воевавший в составе 112-й Башкирской кавалерийской дивизии.

После обращения главы Башкортостана Р.Ф. Хабирова указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 30 марта 2020 г. М.М. Шаймуратову было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). 9 мая на Советской площади Уфы звезда Героя была торжественно передана Хабировым на вечное хранение в Национальный музей Республики Башкортостан. Перед этим в музее установили бюст генерала (копия с небольшими изменениями бюста 29-го отряда). С этого времени Советская площадь вошла в список мест памяти, связанных с Шаймуратовым. На ней находится здание

бывшего Совнаркома, где командир дивизии в марте 1943 г. докладывал руководству БАССР о готовности к отправке на фронт.

С 2020 г. в школах Башкортостана организованы особые Шаймуратовские классы. 23 апреля в г. Туймазы у гимназии № 1 был открыт бюст генерала-героя [9]. С военно-исторической и художественной точки зрения бюст оказался слабым. Автором выступил местный художник, изобразивший генерала в гимнастерке с двумя орденами и петлицами старшего офицера, имеющими неясные знаки различия.

Летом 2022 г. в Республике Башкортостан были созданы два добровольческих батальона имени Героев Российской Федерации М.М. Шаймуратова и А.В. Достовалова. Глава Республики Башкортостан вручил батальонам на проводах знамя с изображениями героев. Все машины с гуманитарными конвоями, идущие на Донбасс из республики, несут изображение М.М. Шаймуратова и таким образом ассоциируются с Башкортостаном.

Продолжилась мемориализация Шаймуратова и в ЛНР. В школе № 22 имени генерал-майора М.М. Шаймуратова г. Петровского 12 мая 2021 г. открыли бюст героя [10]. Выполненный из эпоксидной смолы с тонированием под бронзу бюст изображает Шаймуратова в гимнастерке с петлицами полковника. Это общая ошибка скульпторов, опирающихся в работе на фотографию 1941 г. и не учитывающих, что с ноября 1942 г. Шаймуратов носил петлицы генерал-майора, и на самом памятнике указано, что изображен генерал-майор.

8 июня 2022 г. у д. Штеровка на предполагаемом месте гибели установили бюст Шаймуратова [5]. На открытии присутствовал глава Республики Башкортостан Р.Ф. Хабиров. С военно-исторической точки зрения бюст получился фантазийным. Генерал изображен в гимнастерке с петлицами полковника (слепое следование фото 1941 г.), звездой Героя Российской Федерации, но без орденов, которыми был награжден, с накинутой на плечи буркой. Появление бурки – обращение к образу кавалериста РККА. Как показывает анализ фотографий, Шаймуратов носил в качестве головного убора кубанку, но практически никогда не надевал бурку. Все изображения показывают генерала в шинели.

В 2019 г. в Башкортостане был объявлен конкурс на создание памятника М.М. Шаймуратову на Советской площади Уфы. На нем победил

проект скульптора Салавата Александровича Щербакова. Шаймуратов изображен верхом на коне с обнаженной шашкой в руке, ведущий воинов в атаку. Военно-историческая часть памятника выполнена в соответствии с реалиями того времени, в составе рабочей группы по изготовлению памятника находился историк-консультант. Монумент окружен колоннами, на постаменте размещены горельефы, рассказывающие о боевом пути 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, биографии М.М. Шаймуратова, военном прошлом башкирского народа («северные амурсы» – участники войны с Наполеоном), башкирской мифологии. На отдельной плите приведены имена всех 78 героев Советского Союза и 5 полных кавалеров ордена Славы, воевавших в дивизии.

10 октября 2022 г. глава Республики Башкортостан Р.Ф. Хабиров и помощник президента России В.Р. Мединский открыли Мемориал павшим в боях за Родину и генерал-майору М.М. Шаймуратову. В церемонии принимали участие врио главы ДНР Д.В. Пушилин, председатель Гомельского облисполкома Беларуси И.И. Крупко, руководители субъектов Российской Федерации [1]. С этого времени Советская площадь Уфы приобрела характер мемориального объекта, где возлагают цветы члены официальных делегаций, прибывающих в республику, проходят проводы и встречи мобилизованных на участие в специальной военной операции, различные коммеморативные мероприятия со школьниками.

22 февраля 2023 г. в Казани на территории Казанского высшего танкового командного Краснознаменного училища была открыта Аллея Героев из 11 бюстов выпускников – Героев Советского Союза и Российской Федерации. Одним из них был Шаймуратов, окончивший 9-е Казанские кавалерийские курсы, на базе которых было создано училище. Участие в церемонии принял глава (раис) Татарстана Р.Н. Минниханов [3]. В апреле 2023 г. в Республике Башкортостан учреждена медаль М.М. Шаймуратова (скульптор В.Н. Нуждин).

Региональная первоначально историческая память о Шаймуратове с 2014 г. расширяется включением в ее формирование Российского военно-исторического общества, ее передачей гражданами, отслужившими в 29-м отдельном отряде специального назначения имени генерал-майора М.М. Шаймуратова войск национальной гвардии Российской Федерации, награжденными орденом Генерала Шаймуратова



и медалью М.М. Шаймуратова. Украинский кризис привел к тому, что население ЛНР, опирающееся на культ героя, его связь с российской идентичностью, стало транслятором исторической памяти о нем. Достижение одной из главных целей – присвоение Шаймуратову звания Героя Российской Федерации в 2020 г. – не завершило, а развило культ героя, расширив его присутствие на втором месте памяти – в ЛНР. МонуMENT, выполненный на федеральном уровне, и появление нового места памяти – Советской площади Уфы – через развитие туризма расширяет границы исторической памяти о легендарном герое.

### Источники и литература

1. Андреева А. В Уфе открыли памятник генерал-майору Минигали Шаймуратову // РБК. 2022. 11 октября. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/11/10/2022/63454ce69a79471245be3e74> (дата обращения: 27.04.2023).
2. Ахмадиев Т.Х. Башкирская гвардейская кавалерийская: боевой путь Башкирской 112-й – 16-й гвардейской кавдивизии. 1941–1945 гг. Уфа, 1999.
3. Богодвид М. На территории Казанского танкового училища установили бюсты Героев России // Аргументы и факты. 2023. 22 февраля. URL: [https://aif.ru/society/na\\_territorii\\_kazanskogo\\_tankovogo\\_uchilishcha\\_ustanovili\\_byusty\\_geroev\\_rossii](https://aif.ru/society/na_territorii_kazanskogo_tankovogo_uchilishcha_ustanovili_byusty_geroev_rossii) (дата обращения: 27.04.2023).
4. В Кармаскалинском районе состоялось открытие памятника легендарному комдиву Минигали Шаймуратову // Глава Республики Башкортостан. 2015. 11 сентября. URL: [https://glavarb.ru/rus/press\\_serv/novosti/62389.html](https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/62389.html) (дата обращения: 27.04.2023).
5. В луганской Штеровке открыли бюст Герою России Минигали Шаймуратову // Глава Республики Башкортостан. 2022. 8 июня. URL: [https://glavarb.ru/rus/press\\_serv/novosti/154645.html](https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/154645.html) (дата обращения: 27.04.2023).
6. В Уфе в парке Победы состоялось торжественное возложение цветов и открытие бюстов двух генералов – героев Великой Отечественной // Башинформ. 2010. 8 мая. URL: <https://www.bashinform.ru/news/economy/2010-05-08/v-ufe-v-parke-pobedy-sostoyalos-torzhestvennoe-vozlozhenie-tsvetov-i-otkrytie-byustov-dvuh-generalov-geroev-velikoy-otechestvennoy-2098944> (дата обращения: 27.04.2023).
7. Великая Отечественная война. 1941–1945: документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии / под общ. ред. С.К. Шойгу. М., 2015.
8. Директор луганского музея прочел лекцию об освобождении Ворошиловграда на форуме «Знание» // Луганский информационный

- центр. URL: <https://lug-info.com/news/direktor-luganskogo-muzeya-prochel-lekciyu-ob-osvobozhdenii-voroshilovgrada-na-forume-znanie> (дата обращения: 28.04.2023).
9. *Насибуллина Д.* Бюст генерала М.М. Шаймуратова в г. Туймазы // БиблиоТуймазы. Краеведение. 2021. 18 мая. URL: [https://bibliotuiumazi.blogspot.com/2021/05/blog-post\\_18.html](https://bibliotuiumazi.blogspot.com/2021/05/blog-post_18.html) (дата обращения: 27.04.2023).
  10. *Романов Я.* В ЛНР открыли бюст Минигали Шаймуратова // BashNews. 2021. 16 мая. URL: <https://bash.news/news/151311-v-lnr-otkryli-byust-minigali-shaumuratova> (дата обращения: 27.04.2023).
  11. Патриотический рейд из Башкортостана в Луганскую Народную Республику // Официальный портал Республики Башкортостан. 2021. 30 ноября. URL: <https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/413459/> (дата обращения: 28.04.2023).
  12. Постановление Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан от 19 декабря 2019 г. № ГС-782 «Об утверждении статута ордена генерала Шаймуратова». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561663558> (дата обращения: 27.04.2023).
  13. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 августа 2019 г. № 1036 «Об утверждении федеральной целевой программы “Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы”». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102580534> (дата обращения: 28.04.2023).

**Л.В. Намруева**

### **ЭРДНИ ДЕЛИКОВ: КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В КАЛМЫКИИ К 100-ЛЕТИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

В 2022 г. к столетию Героя Советского Союза в Калмыкии проведено огромное число коммемораций, посвященных Эрдни Теледжиевичу Деликову, которым гордятся жители республики. Цель работы – проанализировать, как сохраняется память о герое, какие новые коммеморативные практики появились в юбилейный год.

Под коммеморациями понимают «поддержание коллективной солидарности, транслирование культурной памяти, конкретно-деятельностные формы воплощения этой памяти» [12: 81]. К традиционным формам коммемораций (митинг, торжественные акты, возложение цветов, проведение праздников и вечеров) добавились

новые: флешмобы, конкурсы видеороликов, онлайн-конференции и др. В честь векового юбилея Героя Советского Союза Э.Т. Деликова, 80-летия его подвига в республике было организовано множество коммеморативных практик, в которых было задействовано огромное число жителей региона. Это свидетельствует о значимости подвига бесстрашного воина в воспитании молодых патриотов, стремлении увековечить память о нем.

В июле 1942 г. 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее – ОККД) у реки Дон сдерживала натиск немецких бронемашин, автоматчиков и обеспечивала бесперебойную эвакуацию населения. Сержанту Э. Деликову, командиру расчета противотанкового ружья 273-го кавалерийского полка 110-й ОККД с 18 по 22 июля 1942 г. было приказано защищать переправу через Дон у хутора Пухляковского от наступления вражеской техники. В течение шести суток расчет оборонял вверенный ему участок. Газета 110-й ОККД «Красный кавалерист» напечатала стихи поэта-фронтовика Семена Липкина «Подвиг»: «Лети, мой стих, в его родной улус. // Скажи друзьям и землякам: клянусь, // Вы в армию послали исполина! // Нельзя железный дух его сломать. // Вовек, вовек благословенна мать, // Родившая на свет такого сына!» [4]. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему и рядовому составу Красной Армии» от 31 марта 1943 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм» Э. Деликов был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно [2].

Одним из первых значимость коммемораций подчеркивал классик социологии Э. Дюркгейм, высказанные им идеи и по настоящее время не потеряли своей актуальности. Ученый отмечал следующие черты коммеморативных практик: коллективный характер, эмоциональность, ретроориентированность [12: 82]. Эти характеристики рассмотрены на конкретных примерах коммемораций, посвященных Э. Деликову. Отважный бронейбойщик, ставший для многих образцом доблести, бесстрашия, стойкости, родился 22 сентября (в других источниках указана дата рождения 22 ноября) 1922 г. в одном из хотонов Малодербетовского улуса Астраханской губернии (ныне поселок Салын Тугтун Сарпинского района Республики Калмыкии). 24 сентября на родине

героя прошли масштабные конноспортивные состязания, приуроченные к 100-летию со дня его рождения. Почтили его светлую память участники скачек, соревнований по национальной стрельбе из лука, гиревому спорту и армрестлингу, прибывшие из разных концов Калмыкии, а также из Волгоградской, Ростовской областей, Ставропольского края и Дагестана. Главным событием соревнований стали скачки шести конных заездов по две на 1600 и 3200 м, также на 4800 м среди скакунов-полукровок, где разыгрывались мотоциклы, холодильные лари и телевизоры. Главной наградой бегового дня стал приз от главы Калмыкии – автомобиль марки «Нива» [1]. Значимые коммеморативные мероприятия показывают, что память о легендарном защитнике Отечества занимает достойное место в патриотическом воспитании, формировании определенных ценностей и моделей поведения.

В июле памятные мероприятия проходили как в Калмыкии, так и в Ростовской области. В июле прошел конный поход, посвященный памяти бойцов и командиров 110-й ОККД. В нем участвовали представители Российского военно-исторического общества, конноспортивного клуба «Аранзал», всадники из районов республики и Элисты. Их одежда, форма военной поры (гимнастерки, галифе, сапоги, пилотки) подчеркивали ретроориентированность данной коммеморации. Ее участники и свидетели были погружены в героически насыщенное действие, что позволило обеспечить связь времен, прочувствовать подвиг калмыцкого героя.

110-я ОККД героически сражалась с фашистами на территории Ростовской области. Конный поход начался из села Малые Дербеты, где формировалось воинское соединение. Маршрут общей протяженностью в 470 км протянулся через села Садовое, Кануково и Салын-Туттун Сарпинского района Калмыкии, а также через поселок Зимовники, станицу Кутейниковскую и слободу Большая Мартыновка Ростовской области. Участники похода посетили места боев 110-й ОККД в хуторе Ажинов и станице Багаевской, завершили поход в станице Раздорская, где принял свой последний бой Э. Деликов. Участники конного похода участвовали в открытии мемориальной плиты Герою Советского Союза в хуторе Пухляковском. На протяжении всего маршрута проводились культурные мероприятия с участием артистов, ученых, общественных деятелей, юнармейцев [1].

Во время коммемораций люди не только эмоционально реагируют на происходящее, но и проникаются уважением, гордостью к героизму своих бесстрашных предков. Как верно отмечает А. Мегилл, «коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» (цит. по: [5: 83]).

Такое направление коммеморативных практик, как «приобщение к историческим традициям», в образовательной сфере осуществляется на уроках социально-гуманитарных дисциплин (истории, литературы, основ религиозных культур и светской этики), во внеурочной деятельности (музейно-экскурсионные и туристско-краеведческие практикумы) и в воспитательной работе (организация мемориальных мероприятий) [5: 81]. В этой связи проанализируем юбилейные мероприятия в образовательных учреждениях. 22 ноября жители Калмыкии и станицы Раздорской Ростовской области участвовали в межрегиональном открытом онлайн-уроке «На очной ставке», посвященном 100-летию Героя Советского Союза Эрдни Деликова и 80-й годовщине его подвига на Дону. Республиканский центр детско-юношеского туризма и краеведения совместно с Уманцевской средней образовательной школой им. Хапура Надеева Сарпинского района и Раздорским этнографическим музеем-заповедником провели открытый онлайн-урок, к которому подключились 30 школ республики, студенты Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), воспитанники кадетских корпусов. Ученики Уманцевской школы поведали о детстве, юности Эрдни Деликова и о его маме, Деликовой Булгун Сяриевне. Стойкая женщина терпеливо, долгие годы ждала сына. «Однажды сосед упрекнул ее в том, что она получает за него пенсию, но ни разу не собрала людей на поминки. Булгун Сяриевна ответила: “Я не видела тело своего Эрдни, не закрывала ему глаза, не бросала горсть земли на его могилу. Значит, мой сын еще жив. И пока я живу, он для меня остается живым”» [9]. Школьники признались, что, готовя свои выступления, они прикоснулись сердцем к памяти о Герое Советского Союза Э.Т. Деликове и его славной маме, эти чувства останутся с ними навсегда.

Школьники из станицы Раздорской рассказали о героическом подвиге Э. Деликова на переправе через реку Дон летом 1942 г. и славных бойцах 110-й ОККД. Участников онлайн-урока переполняла гордость за первого Героя Советского Союза из числа воинов-калмыков. Раздорский этнографический музей-заповедник хранит память о двадцатилетнем мужественном защитнике Родины [9].

Память об отважном земляке бережно хранят и в его родном Сарпинском районе. 22 ноября, в день рождения Эрдни Тельджиевича, массовые мероприятия к его столетию прошли в трех населенных пунктах: «Кировское СМО организовало теннисный турнир, Кануковское – вечер памяти “Герой и патриот Эрдни Деликов”. В поселке Салын Тугтун состоялся митинг-реквием “Звезда по имени Эрдни” с возложением цветов к воинскому мемориалу» [10]. Как видим, историческая память о герое, которая выражается в коммеморативных практиках, играет роль объединяющего начала для различных социальных групп, региональных сообществ.

Существует два уровня приобщения к исторической памяти: информационный (знания об исторических событиях, о «героях» прошлого, о местах сражений и т.п.) и деятельностно-событийный (создание исследовательских проектов, творческая деятельность или участие в мемориальных действиях) [5: 83]. Важным условием такого приобщения становится эмоциональное переживание прошлого (коллективное, совместное со-переживание), обеспечивающее «живую связь» с настоящим [5: 83]. На наш взгляд, именно таким эмоциональным переживанием подвига Эрдни Деликова стало стихотворение известного журналиста Василия Шакуева, чьи поэтические произведения посвящены бесстрашным калмыцким воинам, героически защищавшим Родину в период Великой Отечественной войны. Автор данной статьи анализирует его поэтическое творчество в нескольких научных публикациях [6–8]. Упомянутое стихотворение написано в октябре 2022 г. и посвящено легендарному воину. В нем поэтическими средствами описан героический подвиг Э. Деликова:

Шли фашисты остервенело.  
Но держали бойцы свои  
Рубежи беспримерно смело!  
Отбивали одну за одной

Их психические атаки!  
Взрывы бомб и снарядов вой,  
Все геройски сносили-таки!  
Три немецких броневика  
Он поджег, наступавших с ротой.  
Три фашистских грузовика  
Уничтожил вместе с пехотой! [11].

Память о героизме молодого воина, репрезентированная в данном стихотворении, способствует тому, чтобы «через эмоциональное переживание... формировать ценностное отношение к истории своей страны, создавая фундамент для гражданской и/или культурной идентичности» [5: 84].

Подвиг Деликова – бойца  
«Комсомолка» в те дни описала.  
Про калмыцкого молодца  
Вся большая страна узнала.  
Средь калмыков он первым стал  
Всей великой страны героем.  
Не напрасно в бою он пал.  
Мимо праха его нынче строим  
В день Победы, печатая шаг,  
Караулы солдат проходят.  
И трепещет Победы флаг,  
А оркестр марши выводит.  
О нем память у нас навсегда  
Будет жить, все года перекроя.  
А на небе зажглась звезда.  
Названа она в честь героя [11].

С целью увековечения подвига воина, удостоенного высокой награды Родины «за боевое исполнение боевых заданий», в 1968 г. Калмыцкий обком комсомола в ознаменование 50-летия Ленинского комсомола принял постановление «Об учреждении премии комсомола Калмыкии им. Героя Советского Союза Эрдни Деликова за лучшие произведения в области литературы и искусства». На соискание премии выдвигались произведения художественной литературы (романы, повести, пьесы, сборники стихов, критических статей, рассказов,

очерков), произведения изобразительного искусства, программы хореографических ансамблей, коллективы отдельных исполнителей самодеятельного искусства, программы концертно-театрализованных сезонов последних двух-трех лет. С 1968 по 1990 гг. именная премия была присуждена 20 соискателям и 3 коллективам. Первыми лауреатами премии комсомола им. Эрдни Деликова в 1968 г. стали писатель Константин Эрендженов, актер Юрий Ильянов, художник Ким Ольдаев – известные творческие личности, внесшие огромный вклад в развитие культуры Калмыкии [3]. Считаем, что к столетнему юбилею следовало возродить учреждение премии Калмыкии им. Героя Советского Союза Эрдни Деликова. К сожалению, этого не случилось.

Мы разделяем мнение о том, что «коммеморативные практики, зародившись еще в глубокой древности, особую актуальность и значимость приобрели в пространстве современной культуры». Исследователи сходятся в понимании «мощного воспитательного и образовательного потенциала» коммемораций, который «реализуется через обряды публичного поминовения наиболее знаковых для общества событий и личностей» [12: 81]. Василий Шакуев в своем стихотворении пишет:

Чем все дальше уходят дни,  
Тем священной становится подвиг,  
Совершенный бойцом Эрдни,  
На Дону, переправы подле! [11].

Анализ юбилейных мероприятий показал, что традиционные и новые коммеморативные практики, посвященные 100-летию Героя Советского Союза Э.Т. Деликова, способствовали приобретению социального опыта в единстве переживания, познания и действия.

### **Источники и литература**

1. В Калмыкии на родине Героя Советского Союза состоялись конно-спортивные мероприятия. URL: <https://www.mk-kalm.ru/social/2022/09/25/v-kalmykii-sostoyalis-konnosportivnye-meropriyatiya-posvyashhennye-ramyati-erdni-delikova.html> (дата обращения: 19.03.2023).
2. В Калмыкии пройдут памятные мероприятия, посвященные 100-летию Героя Советского Союза Эрдни Деликова. URL: <http://kalmregion.ru/>



- novosti/v-kalmykii-proydu-t-pamyatnye-meropriyatiya-posvyashchennye-100-letiyu-geroya-sovetskogo-soyuza-erdni/ (дата обращения: 19.03.2023).
3. *Горяева Б.* Премия им. Э. Деликова была одной из самых высоких государственных наград Калмыцкой АССР // *Степные вести*. 2022. 12 ноября. URL: <https://tegrk.ru/archives/146823> (дата обращения: 19.03.2023).
  4. К 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза Деликова Эрдни Тельджиевича. URL: <https://www.kalmlib.ru/articles/2101-k-100-letiyu-so-dnja-rozhdenija-geroja-sovetskogo-soyuza-delikova-erdni-teldzhievicha.html> (дата обращения: 21.02.2023).
  5. *Мурзина И.Я.* Коммеморативные практики в образовании и конструирование культурной идентичности // *Вестник Гуманитарного университета*. 2019. № 3 (26). С. 81–86.
  6. *Намруева Л.В.* Воины 110-й Калмыцкой кавдивизии в стихотворениях Василия Шакуева // *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы II Всерос. науч. конф., приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сент. 2021 г.)* / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов / в 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону, 2021. С. 214–219.
  7. *Намруева Л.В.* Образ воина-калмыка в поэзии Василия Шакуева // *Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч. конф., посв. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч.* Волгоград, 2020. Т. 1. С. 290–296.
  8. *Намруева Л.В.* Широкоглавцы в воспоминаниях и поэме «Солдаты Широкоглага» Василия Шакуева // *Астраханские Петровские чтения: материалы V Междунар. научн. конф., посв. 75-летию Великой Победы* / отв. ред. и сост. Е.Г. Тимофеева, А.О. Тюрин. Астрахань, 2021. С. 272–274.
  9. *Сарангова Л.* Жителей Калмыкии и станицы Раздорской объединяет память об Эрдни Деликове // *Степные вести*. 2022. 23 ноября. URL: <https://tegrk.ru/archives/147773> (дата обращения: 21.02.2023).
  10. *Сарангова Л.* Жители Калмыкии отметят 100-летие Эрдни Деликова // *Степные вести*. 2022. 21 ноября. URL: <https://tegrk.ru/archives/146739> (дата обращения: 21.02.2023).
  11. *Шакуев В.Б.* Эрдни Деликов – наш герой! // Портал «Стихи.ру». URL: <https://stih.ru/2022/11/18/4203> (дата обращения: 19.03.2023).
  12. *Шуб М.Л.* Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // *Челябинский гуманитарий*. 2016. № 3 (36). С. 80–87.

**Г.Д. Гриценко**

## **ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СООБЩЕСТВА: ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ<sup>1</sup>**

Память о Великой Отечественной войне долгое время была памятью о примере всеобщей консолидации советского народа, об образце единения в борьбе с мировым злом в лице фашистской Германии [7]. Однако начиная с 1990-х гг. в рамках образовательной и культурной политики был взят курс на принижение вклада Советского Союза и его народов в Великую Победу над нацизмом в Европе и мире. Специальная военная операция стала отправной точкой для возрождения в сознании современного российского общества понимания героического подвига советского солдата, решающей роли СССР в разгроме гитлеровской коалиции. Безусловно, такой перелом в сознании общества возможен при активном участии школы, в том числе высшей школы, ее профессорско-преподавательского коллектива. В этом отношении интересно исследование с помощью дискурс-анализа научных публикаций по проблемам истории Великой Отечественной войны представителей субъектов Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа (далее – СКФО). В исследовании были использованы статьи, опубликованные в ведущих региональных журналах и размещенные в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) в 2015–2022 гг. Выбор данного периода времени обусловлен наличием в этом диапазоне юбилейной даты – 75-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Ключевым критерием изучения научного материала, содержащегося в журнальных статьях, стал основной лейтмотив, заложенный в публикациях: актуализация исторической травмы или актуализация общегражданской (общероссийской) консолидации. Было проанализировано 22 статьи, среди которых 19 публикаций имели консолидирующую направленность, 2 – травмирующие сюжеты и 1 – смешанное содержание, фиксирующее двойную оценку.

Однако наибольший интерес вызывает не сама констатация общих результатов, а то, как транслируется и на что обращается внимание в научном материале учеными конкретного субъекта Федерации, входящего в СКФО (см. табл.1).

<sup>1</sup> Статья выполнена в рамках ГЗ ЮНЦ РАН, № гос. регистрации проекта 122020100306-9.

**Таблица 1.** Распределение статей ученых СКФО по рубрике исторической памяти о Великой Отечественной войне

Субъекты	Количество статей, имеющих содержание			Всего статей
	травмирующее	консолидирующее	смешанное	
Чеченская Республика		7		7
Карачаево-Черкесская Республика		3		3
Ставропольский край		3		3
Кабардино-Балкарская Республика	2	2		4
Республика Ингушетия		2		2
Республика Северная Осетия – Алания		2		2
Республика Дагестан			1	1
<b>Всего</b>	<b>2</b>	<b>19</b>	<b>1</b>	<b>22</b>

Согласно результатам дискурс-анализа, наибольшее число статей о Великой Отечественной войне опубликовано учеными Чеченской Республики [6]. Во всех материалах тема Великой Отечественной войны описывается только через консолидирующий дискурс. Основным лейтмотивом всех публикаций является героизм, который проявляли как воины-чеченцы на полях сражений [15], так и мирное население в тылу [19]. Касались чеченские исследователи и подвига тех, кто одновременно жил и работал и в тылу, и на фронте, – грозненских и гудермесских железнодорожников, которые под бомбами немецкой авиации снабжали Красную армию сотнями тысяч тонн оборудования, нефти и других грузов, обеспечивая связь фронта и тыла [22]. Через биографии конкретных представителей чеченского народа было продемонстрировано, какой достойный вклад внесли жители Чечни в дело Победы в Великой Отечественной войне [16]. Рассказу о воинах-чеченцах, кавалерах ордена Александра Невского посвящена статья «Солдаты Победы: воины-чеченцы, кавалеры ордена Александра Невского на фронтах Великой Отечественной войны», в которой отмечалось, что «не за ордена и медали воевали и погибали представители чеченского народа на фронтах Великой Отечественной войны» [1]. Отмечается, кроме того, и роль средств массовой информации Чечни в воспитании населения в духе патриотизма и сплоченности народов страны [23].

Далее в «рейтинговом списке» разместились два субъекта, исследователи которых опубликовали по три статьи, трактующие те или иные аспекты Великой Отечественной войны с консолидирующих позиций. Это Ставропольский край и Карачаево-Черкесия.

В публикациях ставропольских историков представлены события Великой Отечественной войны через исследование медицинской тематики, а именно рассмотрение госпитальной деятельности на Кавказских Минеральных Водах [5; 12] и системы функционирования медицинских образовательных учреждений в условиях немецко-фашистской оккупации советской территории [13].

Отличительной чертой исторических исследований в Карачаево-Черкесской Республике является артикуляция идеи патриотизма как основы участия народов Черкесской и Карачаевской автономных областей в деле защиты Отечества [4]. Делается акцент на значительном вкладе народов Карачая и Черкесии в общую Великую Победу советского народа, в том числе на героическом сопротивлении натиску фашистов на кавказском направлении [14]; на патриотическом подъеме интеллигенции Северного Кавказа, реализующей идеологическо-пропагандистское противостояние врагу [3].

Консолидирующий тренд исторической памяти о Великой Отечественной войне свойственен и для историков Ингушетии. В исследуемом научно-публицистическом пространстве республики выявлены две статьи, где на примере конкретных судеб ингушского народа показана его совместная с представителями других национальностей героическая борьба на фронте [10] и самоотверженная работа в тылу [9].

Консолидирующие тренды в освещении сюжетов о Великой Отечественной войне присущи также ученым Северной Осетии – Алании, но реализуются они специфически. Так, используя документы из архивов европейских стран, автор одной из статей проследил путь дивизии СС «Викинг» по советской земле, сопровождающийся «кровавым следом массовых расправ с гражданским населением», в частности жителями осетинского селения Толдзгун. Добавляя «важные детали в общую картину событий Великой Отечественной войны» и вновь подтверждая «преступный характер войны, развязанной нацистской Германией против советского народа», исследователь как бы обосновывает необходимость борьбы с нацизмом и неонацизмом в современном мире [17]. В другой публикации на основе анализа нормативных

и исторических источников раскрываются проблемы «мемориальной войны» и обосновывается необходимость модернизации системы патриотической воспитательной работы, основанной на поиске исторической правды, на разоблачении лжи и искажения результатов Великой Отечественной и Второй мировой войн [21].

Особняком с точки зрения соотношения консолидационных и травмирующих процессов в научно-историческом поле стоят ученые Кабардино-Балкарии. За исследуемый период выявлено по две статьи, формирующие противоположные дискурсы. Консолидирующими идеями пронизан главный лейтмотив обеих статей: Великая Отечественная стала «личной войной каждого горца. Традиционная кавказская ментальность с трудом смогла пережить» [8] «новый немецкий порядок» на Северном Кавказе, порождающий «убийства и насилие над местным населением, вне зависимости от его этнической или религиозной принадлежности» [18].

Травмирующий дискурс в историко-исследовательском поле связан преимущественно с проблемами коллаборационизма и межэтнических отношений в советской армии в период войны. Случаи коллаборационизма авторами одной из статей объясняются политикой немцев, которые «преподносили себя как освободители горских народов от большевистского режима и обещали вернуть дореволюционные порядки», что встречало поддержку со стороны части местного населения. Кроме того, «дезертирство и уклонение от мобилизации, – как утверждается, – в немалой степени явились своего рода реакцией жителей республики на репрессивную политику советской власти» [11]. Межэтнические конфликты в действующей армии были обусловлены, по мнению исследователей, во-первых, политико-идеологическим фактором – незавершенным характером «советской модернизации в национальных автономиях», во-вторых, психолого-лингвистическим аспектом – «слабым знанием русского языка» [2].

В выборку по проблеме Великой Отечественной войны попала и одна публикация ученых из Дагестана. Это единственная статья, содержание которой имеет двойной подтекст. С одной стороны, в ней обращается внимание на те возможности, которые были предоставлены верующим на Северном Кавказе, что в конечном счете сыграло консолидирующую роль в борьбе народов СССР с фашистской Германией. С другой стороны, изменения правового положения

религиозных объединений нередко местными властями трактовались как покушения на коммунистические принципы и, следовательно, не реализовывались, что усиливало этноконфессиональную напряженность в регионе [20].

Обобщая проведенный дискурс-анализ публикационного материала, посвященного исследованию истории Великой Отечественной войны, необходимо отметить разнообразие сюжетов, источником для которых стали архивы официальных и личных документов, что обеспечило всесторонность, конкретность и эмоциональную окрашенность освещения темы. Безусловно, такой подход имеет мощный социализирующий эффект, оказывающий влияние на общественное сознание российского социума как в целом, так и в региональном масштабе. Тематика Великой Отечественной войны в настоящее время становится чрезвычайно актуальной, особенно в контексте преемственности идей патриотизма, служения своему Отечеству, борьбы с угрозами независимости и суверенитета России как страны-цивилизации. Сегодня перед историками-профессионалами стоит сложная задача – способствовать возрождению интереса к героическому прошлому нашей многонациональной страны и прежде всего к военной истории, истории Великой Отечественной войны, имеющей положительный воспитательный потенциал.

### **Источники и литература**

1. *Алиханова М.Х.* Солдаты Победы: воины-чеченцы, кавалеры ордена Александра Невского на фронтах Великой Отечественной войны // *Известия Чеченского государственного университета.* 2020. № 1 (17). С. 130–133.
2. *Апажева Е.Х., Татаров А.А.* Национальные регионы на линии фронта: политическое положение в Кабардино-Балкарии в августе – октябре 1942 г. // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.* 2020. № 1. С. 19–25.
3. *Баучиев Х.Б.* Вклад интеллигенции Северного Кавказа в идейно-политическую работу в начальный период Великой Отечественной войны // *Общество: философия, история, культура.* 2017. № 7. С. 107–111.
4. *Баучиев Х.Б.* Помощь населения Черкесской и Карачаевской автономных областей фронту и тылу в годы Великой Отечественной войны // *Общество: философия, история, культура.* 2018. № 6 (50). С. 57–60.

5. Глухов А.Н., Тер-Акопов Г.Н., Ефименко Н.В. Пятигорский научно-исследовательский институт курортологии в период Великой Отечественной войны (К 75-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне) // Курортная медицина. 2020. № 1. С. 4–17.
6. Грищенко Г.Д. Память о Великой Отечественной войне в научной среде северокавказского сообщества (на примере Чеченской Республики) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: мат-лы III Всерос. науч.конф. (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2022. С. 533–539.
7. Грищенко Г.Д. Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полиэтничного общества // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 156–172.
8. Лугова М.Х. Гражданское население Кабардино-Балкарии и движение сопротивления в условиях германской оккупации (1942–1943 гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 72–76.
9. Дзарахова З.М.-Т. Женщины Ингушетии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2015. № 1 (23). С. 8–11.
10. Долгиева М.Б., Горчханова Л.З. Японц Арскиевич Абадиев – сильный духом сын ингушского народа // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2021. № 1. С. 23–25.
11. Жанситов О.А. Кабардино-Балкария в условиях немецкой оккупации: проблемы мобилизации социума в ракурсе травматического опыта большевистских преобразований // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 2 (37). С. 30–35.
12. Карташев А.В., Карташев И.В. Госпитали ВЦСПС на Кавказских Минеральных Водах в первый год Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 47–54.
13. Карташев И.В. Медицинские образовательные учреждения в условиях немецко-фашистской оккупации территории СССР // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 1. С. 39–49.
14. Койчужев А.Д. Роль народов Карачаевской автономной области в обороне Кавказа (1942–1943 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 4 (229). С. 49–53.
15. Магомаев В.Х. Воины из Чечено-Ингушетии на защите Сталинграда // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 3 (19). С. 92–95.

16. Матагова Х.А., Гелаева З.А. Со студенческой скамьи на фронт: А.Ч. Хасбулатов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1 (48). С. 25–30.
17. Сохиев И.В. Финский батальон СС на территории Северной Осетии осенью 1942 г. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2022. № 3. С. 41–47.
18. Татаров А.А. Мусульманские праздники в политике Третьего рейха среди горцев Северного Кавказа в 1942–1944 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110. С. 601–602.
19. Тимаралиева А.В. Вклад тружеников тыла в победу в Великой Отечественной войне // Вестник Чеченского государственного университета. 2015. № 2 (18). С. 73–75.
20. Халидова О.Б. Религия, духовенство и государство в годы Великой Отечественной войны в Северо-Кавказском регионе // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2016. № 3. С. 58–65.
21. Чеджемов С.Р., Плиева З.Т., Дзуцева З.Б. Мемориальная война в современном мире: история и теория // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2022. № 1. С. 69–75.
22. Эльбуздукаева Т.У. Железнодорожный транспорт Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Чеченского государственного университета. 2020. № 2 (18). С. 118–123.
23. Юсупова М.Л. Средства массовой информации ЧИАССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 1 (48). С. 36–40.

**Е.М. Горюшина, А.Д. Осмаев**

### **ДЕПОРТАЦИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ 1944 г.: ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ<sup>1</sup>**

Институционализация коллективной памяти в современной Чеченской Республике сопряжена с актуальной политической повесткой борьбы России с терроризмом в начале XXI в. на Северном Кавказе. В этот период политика памяти характеризовалась эклектичностью, где прошлое, связанное с репрессиями и травмами, выводилось

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ №23-28-01643 «Институционализация коллективной памяти в постконфликтный период в Чечне: динамика и закономерности» в 2023 г.



за скобки официального нарратива. Исключением не стала трагическая для чеченцев и ингушей дата – 23 февраля 1944 г.

В Чеченской Республике ежегодно в этот день проходили различные мероприятия: религиозные обряды, тематические вечера, собрания, круглые столы, посвященные депортации. Наряду с этим в постконфликтный период в Чеченской Республике (до 2010 г.) отсутствовал документ, официально закрепляющий конкретную дату в истории чеченцев как трагическую.

Указ, объявляющий 23 февраля Днем памяти и скорби, был подписан Р. Кадыровым – на тот момент президентом, а с сентября 2010 г. – главой Чеченской Республики. В цифровом репозитории правовых актов главы Чеченской Республики отсутствуют документы, датированные ранее 9 января 2017 г. [4]. Однако событие получило резонанс в СМИ, поскольку документ был зачитан во время состоявшихся в республике траурных мероприятий. Из открытых источников известно, что согласно указу День памяти и скорби был установлен «в память о жертвах трагических событий, связанных с насильственным переселением чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан 23 февраля 1944 г., отдавая дань уважения отцам и матерям, выдержавшим все тяготы и лишения в условиях спецпереселения» [3]. Кадыров добавил, что эту участь чеченцы «разделили со многими народами, подвергшимися сталинским репрессиям» [3]. Уполномоченный по правам человека при президенте Чеченской Республики провел круглый стол по обсуждению закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

В течение всего 23 февраля 2010 г. во всех районах республики прошли религиозные обряды мовлид и зикр. Малоимущим семьям была оказана помощь в виде продуктов питания. Вечером на сцене государственного театрално-концертного зала состоялся премьерный показ спектакля «День выселения». Он был поставлен режиссером, художественным руководителем Государственного молодежного театра «Серло» Х. Ахмадовой. В постановке были задействованы не только труппа молодежного театра «Серло», но и артисты драматических театров им. Х. Нурадилова и М. Лермонтова, известные чеченские певцы, вокальный ансамбль «Илли».

Для сравнения следует уточнить, что в соседней Ингушетии 23 февраля 2010 г. также прошли траурные мероприятия, посвященные

66-й годовщине депортации ингушского и чеченского народов. У мемориального комплекса «Жертвам политических репрессий» в Назрани состоялся траурный митинг. В музеях открылись экспозиции, посвященные трагической дате, в республиканских школах состоялся конкурс детских рисунков «Мы помним...», прошли уроки памяти и встречи с очевидцами и свидетелями депортации. В Национальной библиотеке Республики Ингушетия им. Дж.Х. Яндиева открылась книжная экспозиция «Как это было...». В министерстве по связям с общественностью и межнациональным отношениям состоялся круглый стол с участием старейшин, общественности, молодежи, представителей органов власти республики. Наряду с этим республиканские власти отказались от празднования Дня защитника Отечества (установлен в 1918 г.) [1].

Сравнение демонстрирует, что канва коммеморативных мероприятий 23 февраля 2010 г. в двух республиках указывает на общую память о депортации 1944 г., акторами которой являются не только общество, но и официальные власти.

Однако после 2010 г. происходит трансформация политики памяти на республиканском уровне, выразившаяся в «подмене» дня коммеморации жертв насильственного выселения. С 2011 г. в Чеченской Республике 10 мая стал именоваться Днем памяти и скорби населяющих ее народов. Такое решение было принято 10 апреля Р. Кадыровым в результате встречи с членами специально созданного им организационного комитета, в чьи обязанности входил выбор символического дня в республиканском календаре. Таким образом, День национальной памяти и скорби о депортации указом главы Чеченской Республики от 11 апреля 2011 г. был перенесен на 10 мая – дату похорон А.А. Кадырова, погибшего в результате теракта 9 мая 2004 г. [2]

Перенос обусловлен еще и тем, что коммеморативные мероприятия, связанные с трагедией депортации, не должны были нарушать общероссийскую структуру мемориального пространства, поскольку 23 февраля – День защитника Отечества, а 9 мая – День Победы. На государственном уровне было чрезвычайно важно закрепить в коллективной памяти в Чеченской Республике постконфликтного периода символический и даже сакральный смысл 9 мая, связанный с победой всех народов СССР над врагом.

Это было необходимо для конструирования мемориального пространства, где Дню Победы надлежало быть институционализированным и закреплённым в массовом сознании и тем самым вшитым в политическую власть. На республиканском уровне цель была достигнута с помощью: 1) функционирующих и устойчивых политических институтов власти (особенно после снятия режима контртеррористической операции в Чеченской Республике 16 апреля 2009 г.); 2) формирования политики памяти, выраженной в конструировании символов победы коммеморативных практик, призванных концептуально закрепить не столько память о самой войне, сколько превосходство победителя. Для этого в 2011 г. в Чеченской Республике коммеморативное пространство было трансформировано посредством переноса Дня национальной памяти и скорби о депортации с 23 февраля на 10 мая.

Тем не менее на неофициальном уровне в коллективной памяти населения республики 23 февраля всё так же остается днем коммеморации жертв насильственного выселения 1944 г. Он по-прежнему отмечается ежегодно в большинстве чеченских семей на неофициальном уровне. В мечетях республики также проходят поминальные обряды – молитвы и благотворительные акции в память о жертвах депортации. Ритуализация памяти выражена в том, что и 23 февраля, и 10 мая совершается мовлид.

Тем не менее нельзя утверждать, что коммеморативные мероприятия, связанные с депортацией, полностью вымещены из официальной политики памяти в Чеченской Республике. Об этом свидетельствует и то, что Р. Кадыров неоднократно высказывался 23 февраля об этой трагической странице в истории, а в 2020 г. и 2023 г. в этот день проходили митинги с участием руководства республики.

### Источники и литература

1. В Ингушетии 23 февраля отмечали трагическую дату – 66-ю годовщину депортации ингушского и чеченского народов // Официальный сайт Правительства Республики Ингушетия. 24.02.2010. URL: <http://pravitelstvori.ru/news/detail.php?ID=822&ysclid=lgeuwnbe4h810831212> (дата обращения: 27.03.2023).
2. Глава Чеченской Республики. Указ от 11 апреля 2011 года №67 «Об установлении Дня памяти и скорби народов Чеченской Республики» //

- Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/t/450329806?ysclid=lgexmqq52g636630473> (дата обращения: 27.03.2023).
3. Иванов М. Рамзан Кадыров объявил 23 февраля Днем скорби // Коммерсантъ. 2010. 2 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1327299?ysclid=lgdpw2qmsa773048895> (дата обращения: 27.03.2023).
  4. Указы главы. Официальный сайт Главы и Правительства Чеченской Республики. URL: <https://chechnya.gov.ru/documents/ukazy-glavy-chechenskoj-respubliki/> (дата обращения: 27.03.2023).

**В.Н. Петров**

### **ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: МЕТОДИКА, АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Великая Отечественная война – грандиозное по масштабам и трагическое по своему содержанию мировое событие. Она прошла через жизнь и судьбы миллионов людей. Историческая память о Великой Отечественной войне создавалась и претерпевала изменения в зависимости от того, как передавалась от поколения войны последующим поколениям; что стремились сохранить в ней и на чем акцентировали общественное внимание господствующая идеология, историческая наука, художественная литература и искусство. Эта память противоречива по своему содержанию в силу нелинейности, многообразия самой реальности и истории.

С целью изучения исторической памяти современной студенческой молодежи в предметной ориентации на события и факты Великой Отечественной войны кафедрой новейшей отечественной истории и социологии Кубанского государственного университета в апреле 2000 г. был проведен опрос 190 студентов Кубанского госуниверситета и Кубанского государственного технологического университета. В нем содержались вопросы о фактах, событиях, личностях периода Великой Отечественной войны и об оценочном отношении к ним. Предлагалось рассказать об эпизодах семейной истории периода войны. В апреле 2005 г. был проведен повторный опрос 188 студентов по апробированной методике в тех же вузах с расширением

контингента респондентов в связи с включением в их состав студентов Кубанского аграрного университета. При представлении для анализа данные результатов опроса, полученные в 2005 г., заключаются в скобки. Отдельные высказывания респондентов приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Историческая память как совокупность фактологической информации. Номинальные шкалы. По свидетельству 77,5 % (84,6 %) опрошенных, они знают, что в их семье были участники войны, но только 25,5 % (4,3 %) хорошо осведомлены о военном прошлом своих дедов и бабушек, прадедов и прабабушек. 17,7 % (8,0 %) считают, что они знают об этом неплохо, и еще 16,7 % (34,6 %) признаются, что имеют смутное представление: «Знаю очень мало. Прадедущка ушел на фронт, был ранен, а затем ему ампутировали ногу». Показательно, что в опросе 2005 г. 27,1 % опрошенных студентов вообще ничего не смогли сказать о военном прошлом своих дедушек/бабушек, прадедушек/прабабушек.

Что же поддерживает память, стала ли она органичной частью семейной истории? Безусловно, определяющую роль в создании, воспроизводстве и сохранении памяти играют живые участники – поколение войны. Наиболее распространенными и сохраняемыми предметами, напоминающими о войне, стали их награды. Наличие наград в семье отметили 37,5 % опрошенных; 25,5 % сообщили о наличии фотографий, а вот письма этой поры почти не сохранились. О том, что они есть, сказали только 5,2 % респондентов в опросе 2000 г. и совсем немногие в 2005 г.

Научная и популярная историческая литература, публикации документов и мемуары, документальное и художественное кино, художественная литература и публицистика, театр и все виды музыкального искусства, обращенные к военной тематике, также создают и поддерживают историческую память. Степень влияния всего комплекса воздействий на сознание молодежи, на ее историческую память в исследовании отмечена следующим образом: 63,5 % (37,8 %) опрошенных убеждены в устойчивости памяти о войне; 10,4 % считают, что память утрачена или совсем утрачена, а 19,3 % полагают, что она жива в памяти только старшего поколения. 20,3 % (16,0 %) согласны с утверждением: «Память о Великой Отечественной войне умрет вместе с ее участниками». Многие из опрошенных выразили

тревогу по поводу сохранения памяти: «Ветеранов становится меньше, в учебных заведениях эта тема особо не затрагивается или преподносят информацию неинтересно, сплошные факты».

Образ поколения войны в сознании современной молодежи рисуется и противоречивым, но в нем преобладают позитивные черты. 46,7 % (66,5 %) опрошенных студентов видят в нем героев, победителей, людей самоотверженных, сильных и мужественных. Молодежь считает их смелыми, любящими жизнь и Родину, сохранившими патриотизм и стойкие убеждения: «Это великие люди, которые боролись за нашу свободу»; «Герои страны, отдавшие свои жизни за победу».

Необходимым компонентом исторической памяти являются исторические знания, знание содержания и логики, значения и последствий происходивших событий, а также участников этих событий, их роли в данных событиях и в историческом процессе в целом. Важнейший опорный пункт исторической памяти – представление о причинах Великой Отечественной войны. Если таковыми считаются общепризнанные в исторической науке агрессия фашистской Германии против Советского Союза, которая стала очередным звеном в стремлении немцев к установлению мирового господства, то верное и в целом верное представление обнаруживается у 29,7 % (29,3 %) опрошенных. Еще 28,7 % и 37,8 % студентов демонстрируют приблизительные и очень расплывчатые представления. 40,2 % (33,0 %) либо предпочитают отмалчиваться, либо очень далеки от истины. При этом 41,2 % (35,7 %) полностью или отчасти согласны с утверждением, что «СССР не в меньшей мере, чем Германия стремился к мировому господству, и поэтому их столкновение было неизбежным».

В рассматриваемых аспектах лучше всего обстоит дело со знанием того, когда началась и закончилась Великая Отечественная война. Подавляющее большинство участников опроса с большей или меньшей степенью конкретности правильно указали эти даты. 14 % (1,6 %) дали неверный ответ или затруднились ответить вообще. Верными, но опять же с той или иной степенью конкретности, являются ответы на вопросы о союзниках и противниках СССР в годы Великой Отечественной войны. Более 80 % опрошенных ограничиваются указанием на одну – три страны, в то время как полные знания демонстрируются ограниченным числом респондентов. Большая полнота обнаруживается

в ответах на вопрос о противниках (45,2 % респондентов в опросе 2005 г. правильно назвали три и более страны). В их числе, помимо Германии, фигурируют Италия, Япония, Румыния. Что касается противостоящих им союзников по антигитлеровской коалиции, то ответы редко выходят за пределы упоминаний США и Англии. Только 6,8 % (1,6 %) смогли назвать более трех союзников СССР.

Примерно такая же картина обнаруживается со знанием того, какие крупные военные сражения произошли в ходе войны. Лишь 6,8 % (1,6 %) смогли назвать более пяти крупнейших сражений. Чаще всего вспоминают о таких сражениях, как Сталинградская битва, Курская битва, блокада Ленинграда, Битва за Москву и битва за Берлин, реже о битве за Кавказ и еще реже о сражениях на Малой Земле под Новороссийском.

О крупнейших военачальниках Великой Отечественной войны знают 87,5 % (92,0 %) опрошенных. Среди наиболее часто упоминаемых Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, К.Е. Ворошилов, С.М. Будённый, Б.М. Шапошников, И.С. Конев и другие прославленные командиры, имена которых постоянно на слуху. Но круг знаменитых и известных полководцев военной поры чрезвычайно узок. Только 11,2 % в опросе 2005 г. смогли вспомнить более трех военачальников.

Явно теряется полнота и конкретность исторических знаний, когда речь заходит о характере и масштабах потерь СССР, понесенных в жесточайшей из войн. Только 11,5 % (16,0 %) указали число людских потерь в соответствии с общепринятыми в последние годы 27 млн погибших и умерших. В представлениях 11,7 % респондентов (опрос 2005 г.) потери немного выше или ниже, 11,7 % значительно завышают или занижают потери. Но самое тревожное в том, что 53,2 % уклонились от ответа на самый больной вопрос. Еще более поверхностные знания обнаруживаются в ответах о других потерях от войны. Лишь 6,8 % респондентов смогли назвать экономические потери, 13,5 % (52,7 %) ограничились совершенно абстрактными – «большие» и «огромные» потери, а 57,8 % (8,0 %) вообще ничего о потерях не вспомнили.

Оценочная составляющая исторической памяти. Измерение по шкале Лайкерта. Еще одним важным компонентом исторической памяти является оценочно-ценностное отношение к прошлому. Именно это отношение определяет смысл истории, оправдывает или осуждает деятельность предшествующих поколений, создает ореол героики

вокруг образа отдельных личностей или превращает их в исторических изгоев. Ценностное восприятие прошлого само по себе носит конкретно-исторический характер, подвержено колебаниям и изменениям, но тем не менее всегда имеет определенный более или менее устойчивый стержень, то есть те пределы, за которыми историческая память просто разрушается, так как теряет смысл для живущих.

Если рассматривать с этой позиции оценки респондентов, складывающиеся по отношению к Великой Отчественной войне в целом, к ее отдельным фактам и событиям, к роли личности И.В. Сталина в этой войне, то можно обнаружить, что молодежь в очень высокой степени солидаризуется с мнениями: «Нам всегда нужно помнить о Великой Отчественной войне и гордиться нашей победой», «Великая Отчественная война – это героическое, славное прошлое нашего народа», «Великая Отчественная война – это доказательство силы и неистребимости нашего народа».

Тезис позитивного отношения к истории Великой Отчественной войны подкрепляется признанием того, что в «разгроме фашизма главную роль сыграли героизм и беззаветная преданность Родине советского народа». С этим утверждением полностью или скорее согласны 91,1 % (93,7 %) опрошенных. Кроме того, 65,6 % (62,2 %) студентов твердо убеждены, что именно «СССР вынес на своих плечах основную тяжесть в борьбе против агрессоров во Второй мировой войне». На значительность помощи союзников, особенно США, с большей или меньшей степенью признания обращают внимание 19,8 % (29,8 %) респондентов.

Рассуждая о причинах и условиях победы в Великой Отчественной войне, студенческая молодежь склонна в значительной степени соглашаться с суждением, в котором достижение военно-технического превосходства СССР в ходе войны признается решающим фактором разгрома Германии. С такой позицией полностью и скорее согласны 66,6 % (36,7 %) опрошенных. Показательно в связи с этим, что в опросе 2005 г., оценивая то, в чем СССР оказался сильнее своих врагов, 80,9 % респондентов склонны отдавать предпочтение высокому боевому духу Красной армии и стойкости советских людей. Что же касается определения того, в чем СССР проигрывал нападавшим, то 68,1 % говорят о неготовности к войне, недостатке вооружений: «В начале



войны – обмундирования не хватало, вместо сапог обмотки, 1 винтовка на 5 человек».

Среди факторов и причин победы в Великой Отечественной войне с тенденцией к росту отдается предпочтение роли личности Сталина. С утверждением, что «железная воля и твердый порядок, наведенный в стране Сталиным, стали важнейшим условием победы в Великой Отечественной войне», полностью согласны 9,4 % (13,8 %) и скорее согласны 21,9 % (29,8 %) опрошенных студентов.

Критичность сознания проявляется в исторической памяти о Великой Отечественной войне в соотношении своих позиций с суждением: «Трудно назвать великой победой то, за что отдано так много жизней, что принесло так много страданий и разрушений». 42,2 % (51,6 %) респондентов полностью или частично признают его правомерность. 63,5 % (70,8 %) также полностью или частично соглашаются с позицией «Великая Отечественная война – это трагедия, которой могло бы и не быть», а для 64,1 % (62,7 %) «Великая Отечественная война – это неоправданные потери и жертвы, которых могло бы быть меньше».

Подводя общие итоги анализу данных социологического опроса, обращенного к изучению исторической памяти студенческой молодежи о Великой Отечественной войне, мы можем констатировать, что такая сохраняется. Молодежь помнит о войне, а значит, связь поколений не утрачена и есть уверенность, что память о войне сохранится и в будущем. Она имеет свое значение для ныне живущих и продолжает оставаться опорой для ценностного самоопределения в текущей жизни.

Вместе с тем само содержание памяти можно определить как фрагментарное, неконкретное, поверхностное. Многие и существенные ее основания несут на себе неизбежный отпечаток идеологических искажений, подвергаются переосмыслениям и изменениям.

Пять лет – непродолжительный период, на протяжении которого могут быть не столь очевидными перемены в историческом сознании и исторической памяти. И всё же сравнительный анализ материалов двух опросов, проведенных практически на одном и том же объекте, позволяет выявить определенные тенденции.

Разрушается фактическая составляющая памяти о Великой Отечественной войне, всё больше доминируют абстрактно-эмоциональное восприятие и отношение. И самое разрушительное действие

на состояние памяти оказывает то, что она уходит из семьи, перестает быть весомой, значительной частью семейной истории, утрачивая свое постоянное присутствие в семейных разговорах, превращается в эпизод прошлой жизни.

Растет критичность по отношению к неизбежности войны и цене потерь, заплаченных за победу, к личности Сталина как высшего руководителя СССР.

Время и беспамятство, духовная лень и опустошение обладают огромной разрушительной силой по отношению к прошлому и его истории. И прежде всего эти потери обращаются против жизнеспособности общества в его настоящем и будущем состояниях.

Помнить о трагедии войны, о ее героическом, победном значении – значит сохранить и поддерживать эту идеологию, сохранить связь времен и поколений, свято чтить ценность того, что сделали солдаты Великой Отечественной для ныне живущих и тех, кто еще придет в жизнь. Это значит верить в неистребимость и величие своей Родины, помыслами и делами способствовать ее возвышению.

**З.Р. Хамзатова, А.М. Янадамов, И.А. Сардалов**

### **ПОИСКОВАЯ РАБОТА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК ФОРМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ**

Деятельность «Поискового движения России» в последние десятилетия приобрела значение особого направления воспитательно-патриотической работы. Исследователи данного всероссийского объединения, ежегодно привлекающего в свои ряды новых последователей, характеризуют его как «одно из самых организованных социальных значимых движений патриотической направленности» [6: 24].

Истоки «Поискового движения России» уходят в 1950–1970-е гг., когда поиском погибших и пропавших без вести занимались по собственной инициативе юноши и девушки, в основном студенты. С 2013 г. общественное объединение получило официальный статус и государственную поддержку. С этого времени в стране заговорили о гражданской, патриотической направленности деятельности поисковых отрядов, которые добывают бесценные сведения. Актуальным

является и то, что по результатам поисковых экспедиций подвиг народа освещается вопреки различного рода фальсификациям истории войны.

Сегодня региональные отделения движения существуют в 85 регионах страны (с учетом вновь присоединенных территорий Донбасской и Луганской народных республик, Запорожской и Харьковской областей) [4]. В деятельности региональных отделений участвуют не только курирующее их Министерство обороны РФ, но и органы местного самоуправления, структуры Российского военного центра, Российского военно-исторического общества, другие ведомства и организации (Росмолодежь, Министерство просвещения РФ, Министерство социальной политики РФ). Ежегодно более 45 тыс. поисковиков всех возрастов в составе более 1500 поисковых отрядов [5] через различные формы деятельности «возвращают из безвестности имена приближавших час Победы» [7: 140].

Весной 2019 г. «Поисковое движение России» инициировало проект «Без срока давности». Его целью стали выявление мест массовых захоронений, расследование казней мирного населения, совершенных военными преступниками. Верификация актов геноцида периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени приобретает особый смысл в связи с обострением международной обстановки, в условиях противостояния России и «коллективного Запада» [1: 36].

Проведенные в период с 2019 по 2022 г. масштабные полевые экспедиции на местах расстрелов гражданского населения в различных регионах нашей страны позволили установить факты вопиющих преступлений против личности, направленных на истребление народов СССР [5].

Северокавказские республики в годы Великой Отечественной войны являлись ареной ожесточенных боев с фашистскими захватчиками, стремившимися как можно быстрее овладеть нефтяными ресурсами. Нальчик, Грозный, Малгобек, Орджоникидзе, Керчь, Новороссийск испытали всю тяжесть сражений с фашистскими войсками группы «А». Гитлер, помимо прочего, рассчитывал на «лояльность» кавказских народов, однако расчет не оправдался: весь многонациональный Северный Кавказ поднялся на битву с врагами. Советские войска сражались самоотверженно, в результате чего планы врага были нарушены [2: 23]. На местах боев остались многочисленные массовые захоронения [3].

В Чеченской Республике деятельность поисковиков в последние годы ведется на научной основе. Исследовательская работа студенческих поисковых отрядов, действующих на базе трех вузов (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Чеченский государственный педагогический университет, Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова), специализированного военно-исторического центра, позволяет вовлекать молодежь в патриотическую, воспитательную работу на основе проектной деятельности [7: 142].

Согласно отчету регионального отделения «Поискового движения России» в Чеченской Республике, изучение более 320 архивных документов (фронтовых и политических донесений, сводок и отчетных карт боевых действий), как в России, так и за ее пределами, сделало возможным выявление новых, ранее неизвестных мест сражений на территории Чечни и Ингушетии. В 2019–2021 гг. при содействии Министерства обороны, Министерства иностранных дел РФ подобная тщательно организованная архивно-исследовательская работа была проведена в федеральных архивах Германии, ведомственных и музейных архивах Польши, Латвии и Эстонии.

На базе Общественной палаты Чеченской Республики работает Общественная приемная всероссийского проекта «Судьба солдата». Важной ее функцией является прием обращений граждан, связанных с поиском и установлением судеб родственников, погибших и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны. Письма и обращения поступают не только от жителей Чеченской Республики, регионов Северного Кавказа, но и из других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. За четыре года работы общественной приемной в нее поступило более 1200 письменных и устных обращений, более 700 из которых получили результативные ответы.

В течение десяти лет своей деятельности чеченские поисковики организовали и провели более 70 полевых экспедиций, обнаружили и захоронили останки более 530 военнослужащих Красной армии. Большую благодарность поисковикам-добровольцам и всем, кто оказывал помощь и содействие в организации и проведении данных мероприятий, выражали в разное время не только родственники погибших героев, но и официальные лица Чеченской Республики.

Поисковики Чечни неоднократно становились победителями конкурса Фонда президентских грантов, благодаря чему получали финансовую поддержку и возможность приобретать новое современное оборудование, снаряжение и экипировку для проведения качественных поисковых работ (металлодетекторы и пинпоинтеры, GPS-навигаторы, палатки и спальные мешки различных модификаций, специальные лопаты, щупы и др.).

Результатом масштабной работы в ходе поисковой деятельности явились творческие отчеты – более 20 фотовыставок на различных площадках: Аллеи Славы имени Ахмат-Хаджи Кадырова, Национального музея Чеченской Республики, Национальной библиотеки Чеченской Республики, Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, Чеченского государственного педагогического университета и Грозненского нефтяного технического университета им. акад. М.Д. Миллионщикова. В экспозициях представлены фотографии из полевых экспедиций, копии архивных документов, фотографии участников Великой Отечественной войны, чьи судьбы были установлены в ходе проведения архивно-поисковой работы.

В течение 2021–2022 гг. в Чеченской Республике проведено 16 масштабных мероприятий – межрегиональных Вахт памяти, ряд общероссийских научно-практических конференций, одна из которых собрала участников нескольких стран (Латвии, Белоруссии, Украины, Молдавии и др.). По итогам раскопок 2022 г., проходивших на территории Чечни, Ингушетии, Крыма и других регионов, организованы межрегиональные семинары, в которых приняли участие поисковики Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, спикеры и эксперты из Москвы, Вологды и Южно-Сахалинска. Согласно плану воспитательной работы по итогам поисковой деятельности проводятся уроки мужества, мастер-классы, лекции и беседы со студентами и школьниками.

Осенью 2022 г. при проведении поисково-разведывательных работ на северном склоне Терского хребта, недалеко от города Малгобек, одним из поисковых отрядов были обнаружены останки красноармейца. Хорошо сохранившаяся надпись на армейской столовой ложке указала на ее погибшего владельца – Руслана Доева. Проверка по базе данных Минобороны РФ помогла установить, что человек с такими данными числится в списках безвозвратных потерь как «призванный в ряды

Красной Армии Кировским РВК Северо-Осетинской АССР». Связавшись с администрацией села Эльхотово, поисковики смогли найти родственников героя. Через небольшой промежуток времени останки красноармейца Руслана Доева были в торжественной обстановке, с отданием всех воинских и религиозных почестей, преданы земле на военно-мемориальном кладбище в его родном селении Эльхотово. На церемонии присутствовали руководство Кировского муниципального района, представители поисковых объединений и все жители села.

Можно констатировать важное значение поисковой деятельности в масштабах страны и регионов как качественного показателя «консолидации общества», «связующего звена между поколениями по вопросам сохранения исторической памяти» [6: 27]. Смысл подобной общественной деятельности движения состоит в ее добровольческом, благотворительном и в то же время военно-патриотическом, культурно-историческом характере. Именно самосознание личности, ее ощущение принадлежности к определенной общности, этносу с огромной историей, культурная идентификация себя с прошлым многонациональной страны-победителя делает возможным признание заслуг ушедших предков, самоотверженно сражавшихся и погибавших за свободу Родины.

Важнейшее значение поисковой деятельности состоит в том, что она утверждает: «срока давности» памяти военных лет, скорби о погибших защитниках Отечества действительно не существует. Популярность поискового движения в России, его присутствие во всех регионах страны свидетельствует о сопряженных с ним процессах «открытого» регионализма, приобретенной за годы работы в экспедициях точке зрения и позиции – любви к своей Родине и своему народу, осознании ценности своего долга, чести гражданина и их сохранении на пути к открытости мира, поддержанию общедемократических ценностей. Деятельность поисковых отрядов в Чеченской Республике способствует сохранению духовно-нравственных ценностей молодежи.

### **Источники и литература**

1. Бенда В.Н. Критика фальсификаций и искаженных трактовок истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в отечественной историографии // *Modern Science*. 2019. № 8-1. С. 36–55.

2. *Ибрагимов М.М., Хатуев И.З.* Подвиг во имя Родины: Вклад чеченского народа в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Грозный, 2015.
3. Поисковое движение в Чеченской Республике. URL: [https://vk.com/public179326245?w=wall-179326245\\_403](https://vk.com/public179326245?w=wall-179326245_403) (дата обращения: 03.04.2023 г.).
4. Поисковое движение России. URL: <https://рф-поиск.рф/news/13920/> (дата обращения: 02.04.2023).
5. Проект «Без срока давности» получил национальную премию «Победа» // РИА Новости. 10.12.2020. URL: <https://ria.ru/20201210/premiya-1588611380.html> (дата обращения: 02.04.2023).
6. *Родин Е.В.* Поисковое движение как вид социальных движений и как система добровольных общественных организаций // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 24–28.
7. *Хамзатова З.Р., Ибрагимов М.М.* «Поисковое движение России» в Чеченской Республике и его роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне // Современная научная мысль. 2021. № 3. С. 139–143.

**А.Ю. Кудряков**

### **ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ «ДЕНЬ ПАМЯТИ» КАК ПРИМЕР ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Премьера документального фильма «День памяти» режиссера Юрия Мальцева по сценарию Андрея Кудрякова состоялась 14 февраля 2023 г. в Ростове-на-Дону в киноцентре «Горизонт». Картина повествует о геноциде мирного населения Ростовской области в 1942–1943 гг. [1]. Для съемочной группы этот проект стал логичным продолжением предыдущей работы. Фильм «Сальск. Карьер смерти», вышедший годом ранее, с успехом демонстрировался на федеральных и региональных телеканалах и стал финалистом конкурса неигрового кино aRTel.doc [4]. По многочисленным просьбам зрителей, любителей истории, общественности режиссер Юрий Мальцев принял решение продолжить работу над темой геноцида, которую ему так точно удалось раскрыть в своем предыдущем проекте об уничтожении мирных жителей в Сальске.

Идея рассказать правду об уничтожении мирных жителей Дона в годы Великой Отечественной войны пришла сценаристу Андрею

Кудрякову в дни судебного процесса, завершившегося в марте 2022 г., о признании преступлений, совершенных нацистами во время оккупации Ростовской области, геноцидом мирного населения. В суде было рассмотрено лишь несколько эпизодов в Сальске, Миллерово, Новошахтинске, Шахтах [3]. На самом же деле фактов геноцида было намного больше. Буквально каждый населенный пункт на Дону имеет свою историю, связанную с убийствами советских граждан нацистами в годы Великой Отечественной войны. Это хорошо продемонстрировала интерактивная карта мест геноцида, составленная поисковиками Ростовской региональной поисковой общественной организации «Миус-Фронт» в 2022 г. [2]. Данные этой карты учитывались при определении локации для съемок фильма. Вместе с тем такой выбор был обусловлен несколькими факторами: 1) наличие очевидцев, жертв нацистских преступлений в населенном пункте; 2) наличие мест памяти; 3) присутствие хранителей памяти – общественников, краеведов; 4) готовность сотрудничать со съемочной группой.

Первые съемки состоялись в Пролетарске и шли параллельно с поисковой экспедицией «Без срока давности», проводившейся в каменном карьере на окраине города. Пока проходили поисковые работы на месте массовых казней местных жителей, съемочная группа записывала воспоминания очевидцев событий и сведения от хранителей памяти. Так было снято шесть интервью и выявлен ряд фактов, ранее неизвестных исследователям геноцида. В частности, очевидец нацистской оккупации Алла Лесникова рассказала о том, как немецкий персонал отравил ее младшего брата ядом.

Следующей точкой, куда отправилась съемочная группа, была станция Раздорская, где в декабре 1942 г. происходили массовые зачистки, карательные акции, убийства мирных жителей из числа коренного казачьего населения Дона. За несколько дней более 100 человек в станции были уничтожены. Режиссеру и сценаристу удалось пообщаться как с очевидцем этих событий Анатолием Калитвинцевым и хранителем памяти – краеведом Александрой Поповой, так и с общественниками, которые ухаживали за захоронениями погибших.

Особой точкой в съемках фильма стал хутор Погорелов Белокалитвинского района, где 2 августа 1942 г. были расстреляны и повешены шесть местных жителей. На месте их казни установили памятник,



недалеко строится церковь, где будут увековечены их имена. А в день гибели земляков хуторяне каждый год устраивают памятные мероприятия.

Еще один сюжет фильма посвящен уничтожению мирных жителей города Морозовска и хутора Грузинов, расположенного неподалеку. Рассказывает о событиях в этих местах поисковик, краевед Павел Василенко. Его рассказ дополняют потомки тех, кто стал в годы войны жертвами геноцида со стороны нацистов. Для съемочной группы такие примеры – очевидный показатель сохранения памяти народа в семейной и устной традиции.

Отдельно в фильме показана поисковая экспедиция «Без срока давности» в ростовском парке Авиаторов. Она проводилась силами поискового объединения «Миус-Фронт» по многочисленным просьбам ростовчан и администрации города. Эта экспедиция объединила профессиональных историков, среди которых специалист по истории Великой Отечественной войны Владимир Иванович Афанасенко, городских общественников и органы власти.

Таким образом, в результате киносъемок был собран богатейший материал, который и вошел в фильм «День памяти». В картине показаны как факты геноцида, до недавнего времени малоизвестные историкам, так и те люди, которые являются хранителями народной памяти. И этот феномен сохранения памяти, без сомнения, должен быть предметом больших и серьезных исследований.

### Источники и литература

1. День памяти – новый документальный фильм о геноциде дончан. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/2022-08-26/den-pamyati-novyy-dokumentalnyy-film-o-genotside-donchan-1357488> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Карта преступлений нацистов в Ростовской области. URL: <https://rvio61.ru/map/> (дата обращения: 20.03.2023).
3. Суд признал геноцидом преступления, совершенные нацистами и их пособниками во время оккупации Ростовской области // Официальный портал правительства Ростовской области. 15.03.2022. URL: <https://www.donland.ru/news/17490/> (дата обращения: 20.03.2023).
4. Фильм «Сальск. Карьер смерти». URL: <https://rutube.ru/video/9ea22f09e94ab646f4f8810590e037a0/> (дата обращения: 20.03.2023).

**А.С. Тищенко****ТЕМА ВОЙНЫ В РОМАНЕ А.В. КАЛИНИНА «ЦЫГАН»<sup>1</sup>**

В творчестве донского писателя А.В. Калинина тема войны является сквозной. Будучи военным корреспондентом от газеты «Комсомольская правда» на фронтах южного направления с 1941 по 1945 г., Калинин знал о войне не понаслышке. Калинин создал множество произведений, посвященных событиям Великой Отечественной войны и послевоенного времени, среди которых романы «Суровое поле», «Товарищи» и «На юге», повести «Возврата нет» и «Эхо войны», циклы очерков «Две тетради», стихотворения.

Мы обратимся, пожалуй, к самому известному произведению писателя – роману «Цыган», в котором война как будто не играет роли: начало действия произведения приходится на вторую половину 1950-х гг. и фрагментов, посвященных собственно войне, в романе немного – картины военной жизни, фронтового быта, эпизоды подвигов солдат периодически всплывают в связи с воспоминаниями героев, встречами фронтовых товарищей. Однако небольшая значимость темы войны в «Цыгане» кажущаяся: являясь связующим звеном между героями и разными сюжетными линиями, тема войны становится одной из ключевых в этом произведении и выполняет структурообразующие функции.

Главный герой романа – цыган Будулай – прошел войну, отслужив в разведке. Впервые читатель видит этого героя в кабинете председателя колхоза Тимофея Ильича Ермакова. Председатель колхоза, пытающийся утвердиться в глазах цыгана за счет своих фронтовых наград, приходит в большое удивление, увидев заслуженные награды Будулая: «И он спокойно отвернул обеими руками борта своего темно-синего пиджака, ослепив всех в комнате, в том числе и Клавдию, блеском целого, что называется, иконостаса орденов и медалей. Перед ними стыдливо потускнели медали председателя, потому что у цыгана было их неизмеримо больше и из них выступали два ордена: Красного Знамени и Славы» [3: 25].

Честно неся службу на фронте, герой жил одной лишь мыслью и надеждой скорее воссоединиться со своей семьей – женой Галей

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

и новорожденным ребенком: «И потом, на войне, совершая по ее дорогам и бездорожью весь долгий переход с казаками Донского кавалерийского корпуса от Терека до Австрийских Альп, покачиваясь в жестком седле, ерзая по-пластунски животом по снегу, по траве и по кремнистой почве трансильванских предгорий, бодрствуя в разведке, засыпая у огня, у коновязей и отдирая от пробитой осколком груди бинты в госпитале, всё время жил Будулай в ожидании того часа, когда наконец возьмет он за смуглую ручонку первенца» [3: 41–42]. Этот фрагмент, данный как ретроспективное обращение к жизненному пути Будулая, представляет собой одну из зарисовок, кратко излагающих военную службу героя.

Ключевым событием в романе, связанным с войной, является рождение ребенка Клавдией Пухляковой в степи и гибель цыганской семьи, которую раздавил танк: «Нас с Нюркой мама в кукурузе родила. Она там с женщинами от немцев спасалась. Она увидела, как немецкий танк цыганскую кибитку раздавил, и тут же нас родила» [3: 38], – рассказывает Будулаю Ваня. В романе не дается комментарий по поводу гибели именно цыган под колесами танка, однако имплицитно автор поднимает вопрос отношения немецко-фашистских захватчиков к представителям этой этнической группы: «Пришедшие к власти нацисты сочли цыган расово чуждым элементом. <...> Вопрос об уничтожении цыган не стоял, национал-социалистическое руководство страны выбирало только методы – между стерилизацией и физическим истреблением» [5: 482].

Тема войны возникает в эпизодах встреч фронтовых товарищей. Особенно ярко представлена сцена встречи Будулая и полковника Привалова – бывшего комиссара гвардейского Донского кавалерийского корпуса. Когда Привалов предается воспоминаниям о военных годах, о походах и подвигах героев кавкорпуса, его глаза то выражают «выжженную скорбь», то «воссияющую радость» [3: 176]. Честный, принципиальный, резкий, этот герой является воплощением такого типа людей, которые своих не забывают: по прошествии нескольких лет Привалов знает о судьбе каждого гвардейца, кто жив, а кого уже нет. В связи с образом Привалова Калинин утверждает мысль о необходимости сохранения памяти о героях-донцах на века: «Взволнованно звучит голос Привалова, когда речь заходит о тех, кто погиб в годы

войны с фашистами, о тех, перед кем мы в неоплатном долгу» [4: 4]. Привалов хлопочет об установлении памятника героям-казакам, возмущенно рассказывает Будулаю о безуспешных попытках «выбить» средства на установку мемориала: «...память о донцах, героях Ага-Батыра, Корсуня и Будапешта, зарастает травой из-за того самого деятеля, который заявил мне, что перед лицом неотложных народнохозяйственных нужд мемориал какому-нибудь казачьему корпусу может подождать» [3: 181].

В образе Привалова А.В. Калинин воплощает черты военного командира-отца, который заботится о своих подчиненных солдатах: «Он и на фронте всё, бывало, беспокоился и ратовал перед вышестоящим командованием, чтобы как-нибудь не обошли орденом или воинским званием того, кто его заслужил, никогда при этом не напоминая о самом себе и неизменно отступая в тень» [3: 175]. И после войны Привалов бережно хранит память о военных днях и сослуживцах, перечитывает военные письма: «Листки писем просыпались сквозь пальцы Привалова на клеенку стола совсем как речной песок. Вот так же и тогда он в корпусе всех поименно знал» [3: 175].

Такой же нравственно красивый, благородный и мужественный, как Привалов, еще один фронтовой приятель Будулая – Ожогин. Поселившись после войны в лесу, этот герой продолжает вести войну, но уже другую – с браконьерами: «Как на передовой живу... Но то была война с врагами, а тут попробуй пойми», «Никогда не думал, что после войны на земле такая пакость может быть» [3: 224].

Однако судьба фронтовиков сложилась по-разному. Так, Шелухин «потерялся» на жизненном пути после войны: «Как бы ты на моем месте поступил?», «Что мне, по-твоему, надо делать?» [3: 217–218] – задает герой вопросы Будулаю. С горечью Будулай осознает, что его приятель становится пьяницей. Несложившаяся личная жизнь, непонимание своего предназначения, натянутые отношения с женой, для которой главное в жизни – прибыль, выгода, приводят этого героя к оскудению души, которая становится, по замечанию В. Котовскова, «искалеченной бессмысленным накопительством, жадной денег, чувством собственности» [4: 3]. Оценив неверную жизненную траекторию этого человека, Будулай, когда они прощаются, дает ответ на вопрос Шелухина, что же ему делать: «Бежать».

Итоговой в галерее фронтовых друзей является встреча на конезаводе во главе с генералом Стрепетовым: «Вряд ли может быть еще что-нибудь радостнее, но и печальнее, чем встречи старых фронтовых друзей, когда взоры еще живущих раз за разом недосчитываются за празднично накрытым столом тех, кто еще год назад вот так же делил с ними и дорогое воспоминание, и веселую шутку» [3: 294]. Праздничный вечер стирает границы между генералами и рядовыми, все становятся равными за столом: присутствующие объединены воспоминаниями о войне и боевых товарищах, как когда-то на фронте они были объединены одной лишь целью – победить. Со скорбью говорят гости конезавода об ушедших товарищах: «Нет Алексея Гордевича», «И Малеева уже нет», «И Григоровича» [3: 294].

Тема войны проходит через весь текст романа. Вспомним эпизод свадьбы Насти и Михаила Солдатова, когда Николай Петрович начал петь «не подходящую к случаю, не свадебную» песню «Враги сожгли родную хату». Николай Петрович не просто поет, он рассказывает эту песню своим «почерствшим», «надтреснутым» голосом. Слушая исполнителя, Будулай узнает в лирическом герое себя: «Про него, про его жизнь Николай Петрович не то поет, не то рассказывает» [3: 144]. Очевидны параллели в судьбе лирического героя произведения М. Исаковского, легшего в основу песни, и судьбе Будулая: «Пошел солдат в глубоком горе / На перекресток двух дорог, / Нашел солдат в широком поле / Травой заросший бугорок» [2]. Эти пронзительные строки посвящены трагедии не отдельного человека, а всех людей, пострадавших от войны: «Безответные вопросы героя, обращенные к погибшей жене... позволяют установить связь индивидуального с общим, связь единичной трагической судьбы с судьбами всего народа» [1: 164]. Воцарившаяся тишина, трепетное отношение гостей к этой песне, слезы на глазах у героев подчеркивают, насколько эхо войны еще отчетливо слышится в сознании людей.

Кроме этого, невозможно не отметить, что тема войны в романе «Цыган» получает особое выражение по мере развития действия произведения. Во-первых, в финальных частях романа описываются события второй половины 1980-х гг. – итоги Афганской войны. Герои с горечью осознают, что война снова ворвалась в мирную жизнь

и принесла боль, страдания, утраты. Во-вторых, в произведении показана и другая война – в мирное время: это война с браконьерами (Ожогин борется с ними в лесу, Будулай, а потом Клавдия охраняют остров), война с конокрадами, ожесточенная схватка с которыми изображается в финале романа, война с непорядочными людьми (вспомним, к примеру, эпизоды со спекулянткой Тамилой).

Наконец, войну можно рассмотреть метафорически. Это и война героев с самими собой: Будулай сознательно покидает хутор, узнав, что Ваня – его сын, и, не желая нарушить покой семьи Пухляковых, Клавдия долго не может решить, как ей поступить с Будулаем, Настя пытается построить свою жизнь, выйдя замуж за Михаила, хотя по-прежнему любит Будулая. Это и война с этнокультурными стереотипами по отношению к цыганам: Будулай утверждает равенство всех людей. Начиная с его убеждений о том, что цыганские и казачьи дети одинаковы, эта мысль появляется и в эпизоде с Тамилой, когда он говорит: «Ни цыганской, ни русской жизни отдельно не может быть» [3: 270].

Таким образом, тема войны, не являющаяся основной в романе «Цыган», всё же имеет большое значение. Именно война связывает судьбы разных героев, объединяет людей. Тема войны скользит по всему произведению, как будто напоминая и героям, и читателю о необходимости хранить память о страшных событиях и уважать подвиги героев. Война проявляется и во внутреннем мире персонажей, заставляя их переосмыслить свою жизнь. Можно заключить, что тема войны объединяет всё произведение в сюжетном, композиционном, образном аспектах.

### Источники и литература

1. *Гончарова Т.В.* «Вино с печалью пополам...» (лингвостилистический анализ стихотворения М. Исаковского «Враги сожгли родную хату...») // Хотят ли русские войны: материалы XVI Международного форума (г. Липецк, 18–20 ноября 2020 г.). Липецк, 2021. С. 163–166.
2. *Исаковский М.В.* Враги сожгли родную хату. URL: <https://www.culture.ru/poems/36456/vragi-sozhgli-rodnyuyu-khatu> (дата обращения: 18.04.2023).
3. *Калинин А.В.* Цыган // Калинин А.В. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2016.

- 
4. Котовсков В.Я. Анатолий Калинин и его «Цыган» // Калинин А.В. Цыган. Ростов-на-Дону, 1976. С. 2–4.
  5. Цыгане / отв. ред. Н.Г. Дементр, А.В. Черных. М., 2018.

## Сведения об авторах

- Аверьянов Антон Викторович** – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Аникин Даниил Александрович** – канд. филос. наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов)
- Аристов Станислав Васильевич** – д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва)
- Афанасенко Владимир Иванович** (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Афанесян Кристина Кареновна** – канд. ист. наук (Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, г. Пятигорск Ставропольского края)
- Бадугинова Маргарита Владимировна** – канд. ист. наук (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)
- Безугольный Алексей Юрьевич** – д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)
- Бережанская Ирина Юрьевна** – канд. филол. наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва)
- Бесолов Владимир Бутусович** (Международная академия архитектуры (отделение в Москве, Евразия), г. Владикавказ)
- Боголюбов Александр Александрович** – д-р гуманитар. наук в области новейшей истории (независимый исследователь, г. Пятигорск Ставропольского края)
- Броварь Александр Витальевич** – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет, г. Донецк)
- Венков Владимир Андреевич** (независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону)
- Воробьева Валентина Николаевна** (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)
- Воронин Константин Владимирович** (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Вычеров Дмитрий Александрович** (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)



- Горюшина Евгения Михайловна**, канд. полит. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Гоманенко Олеся Александровна**, канд. ист. наук (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)
- Градобоев Вячеслав Александрович** (Поисковый отряд «Донской» им. А. Калинина, г. Константиновск Ростовской области)
- Гриценко Галина Дмитриевна** – д-р филос. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Дронов Валерий Александрович** (независимый исследователь, с. Дубовское Ростовской области)
- Дуля Максим Владимирович** (Поисковый отряд «Донской» им. А. Калинина, г. Семикаракорск Ростовской области)
- Епифанов Александр Егорович**, д-р юрид. наук (Академия управления Министерства внутренних дел РФ, г. Москва)
- Жбанникова Марина Исмаевна** (Филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону)
- Жеребцов Игорь Любомирович** – д-р ист. наук (Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», г. Сыктывкар)
- Иванов Вячеслав Александрович** – канд. ист. наук (Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь)
- Карташев Андрей Владимирович** – д-р ист. наук (Ставропольский государственный медицинский университет, г. Ставрополь)
- Карташев Игорь Владимирович** – канд. ист. наук (Ставропольский государственный медицинский университет, г. Ставрополь)
- Киндяков Сергей Александрович** (Краснодарская региональная общественная поисково-исследовательская организация «Высота», станица Куринская Краснодарского края; Екатеринодарская духовная семинария Екатеринодарской и Кубанской епархии Русской православной церкви, г. Краснодар)
- Киселев Илья Викторович**, канд. ист. наук (Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А.К. Серова, г. Краснодар)
- Коровин Владимир Викторович** – д-р ист. наук (Юго-Западный государственный университет, г. Курск)
- Красноженова Елена Евгеньевна** – д-р. ист. наук (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург)

- Кринко Евгений Федорович** – д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Кудзиева София Олеговна** (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)
- Кудряков Андрей Юрьевич** (Региональное отделение общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России» в Ростовской области, г. Ростов-на-Дону)
- Линец Александр Сергеевич** – канд. ист. наук (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск Ставропольского края)
- Линец Сергей Иванович** – д-р ист. наук (Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск Ставропольского края)
- Ломагин Никита Андреевич** – д-р ист. наук (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Институт истории обороны и блокады Ленинграда Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, г. Санкт-Петербург)
- Лысенко Ирина Альбертовна** – канд. ист. наук (Центр документации новейшей истории Волгоградской области, г. Волгоград)
- Лысенко Юлия Михайловна** – канд. ист. наук (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала)
- Макарова Елена Александровна** – канд. ист. наук (независимый исследователь, г. Ставрополь)
- Мартыненко Вероника Юрьевна** (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону)
- Мартыненко Виктория Юрьевна** – канд. ист. наук (Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области)
- Маслова Татьяна Федоровна** – д-р социол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь)
- Матишов Геннадий Григорьевич** – академик РАН (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Медведев Максим Валерьевич** – канд. ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Медвенский Николай Игоревич** (Государственный музей Боевой Славы им. В.Г. Ардзинба, г. Сухум, Республика Абхазия)
- Меликов Игорь Владимирович** (независимый исследователь, г. Москва)
- Мельников Никита Николаевич** – канд. ист. наук (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург)

- Мерзляков Михаил Петрович** (Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская Ростовской области)
- Милютин Александр Анатольевич** (независимый исследователь, г. Москва)
- Мусабалина Гульнара Толевгазиновна** – д-р ист. наук (Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан)
- Мусагалиева Арайлым Сабитовна** – д-р ист. наук (Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан)
- Мухаметов Павел Алексеевич** – канд. ист. наук (Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, г. Уфа)
- Намуева Людмила Васильевна** – канд. социол. наук (независимый исследователь, г. Элиста)
- Осмаев Аббаз Догиевич** – д-р ист. наук (Комплексный научно-исследовательский институт РАН, г. Грозный)
- Очиров Уташ Борисович** – д-р ист. наук (Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста)
- Петров Владимир Николаевич** – д-р социол. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
- Печалова Лариса Викторовна** – канд. ист. наук (Ставропольский строительный техникум, г. Ставрополь)
- Плиева Маргарита Георгиевна** – канд. искусствоведения (Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация искусствоведов» по Республике Северная Осетия – Алания, Фонд культуры имени Григория Котаева, г. Владикавказ)
- Попов Алексей Юрьевич** – д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)
- Приходько Сергей Александрович** (Новозыбковский краеведческий музей, г. Новозыбков Брянской области)
- Рахимов Рамиль Насибулович** – канд. ист. наук (Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)
- Ремишевский Константин Игоревич** – канд. искусствоведения (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь)
- Садыков Тлеген Садыкович** – д-р ист. наук (Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан)

- Сак Ксения Васильевна** – канд. ист. наук (Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, г. Москва)
- Санин Дмитрий Николаевич** (Егорлыкский историко-краеведческий музей, ст. Егорлыкская Ростовской области)
- Сардалов Иса Алхазурович** (Региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» в Чеченской Республике, г. Грозный)
- Серазетдинов Борис Уразбекович** – канд. ист. наук (Институт российской истории РАН, г. Москва)
- Сивков Сергей Михайлович** – канд. ист. наук (Кубанский институт социологии и права (филиал) Академии труда и социальных отношений, г. Краснодар)
- Сидоров Сергей Григорьевич** – д-р ист. наук (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград)
- Синицын Федор Леонидович** – д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)
- Сперанский Андрей Владимирович** – д-р ист. наук (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург)
- Судаевцов Николай Дмитриевич** – д-р ист. наук (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)
- Султанбеков Рабадан Магомедович** – канд. ист. наук (Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала)
- Татаринов Игорь Евгеньевич** – канд. ист. наук (Луганский национальный университет им. В. Даля, г. Луганск)
- Татаров Азамат Амурович** – канд. ист. наук (Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик)
- Терушкин Леонид Абрамович** (Научно-просветительный центр «Холокост», г. Москва)
- Тимофеева Наталья Петровна** – канд. ист. наук (Воронежский институт высоких технологий, г. Воронеж)
- Тищенко Алексей Сергеевич** (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)
- Тюменцев Игорь Олегович** – д-р ист. наук (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону)

- Хамзатова Зарема Рахмановна** (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный)
- Хатуев Ислам Заутдинович** – канд. ист. наук (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный)
- Хилькевич Виктория Владимировна** (Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир Краснодарского края)
- Христофоров Василий Степанович** – член-корреспондент РАН (Институт российской истории РАН, г. Москва)
- Хубулова Светлана Алексеевна** – д-р ист. наук (Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки)
- Чернышева Наталья Викторовна** – канд. ист. наук (Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва)
- Шакиев Мадияр Нуржанович** (Astana IT University, г. Астана, Казахстан)
- Шакиева Айсауле Сериккызы** (Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан)
- Шпрингер Ольга Александровна** (независимый исследователь, г. Новокузнецк Кемеровской области)
- Щербакова Валентина Ростиславовна** (Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь “Красный”», г. Симферополь)
- Шишканов Никита Васильевич** (Исторический парк «Россия – моя история», г. Ростов-на-Дону)
- Эльбуздукаева Тамара Умаровна** – д-р ист. наук (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный)
- Юрина Тамара Ивановна** – канд. ист. наук (Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск)
- Янадамов Аслан Магомедович** (Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный)

# Содержание

<b>Предисловие (академик РАН Г.Г. Матишов)</b> .....	5
<b>Раздел 1. Актуальные проблемы историографии, новые подходы и источники в изучении Великой Отечественной войны</b> .....	8
<i>Христофоров В.С.</i> Советская разведка в период Сталинградской битвы (июль 1942 г. – февраль 1943 г.): новые документы и материалы .....	8
<i>Безугольный А.Ю.</i> Изучение и публикация документальных материалов по истории Великой Отечественной войны комиссии адемика И.И. Минца из Научного архива Института российской истории РАН. ....	16
<i>Аристов С.В.</i> «Архивы Арользена» и их возможности в изучении истории нацистских концлагерей .....	21
<i>Хубулова С.А., Кудзиева С.О.</i> К вопросу об информационных возможностях использования Книги Памяти РСО – Алания .....	29
<i>Воробьева В.Н.</i> Оценка мобилизационного ресурса Калмыцкой АССР по данным Всесоюзной переписи 1939 г. ....	37
<i>Милютин А.А.</i> Анализ отчета о допросе пленного полковника П.С. Козлова, командира 17-й стрелковой дивизии .....	45
<i>Коровин В.В.</i> Отражение опыта санитарного обслуживания участников Курской битвы в материалах Архива военно-медицинских документов .....	52
<i>Бушуев А.С.</i> Уроженцы южных регионов РСФСР в составе боевых потерь Красной армии при освобождении Польши в 1944–1945 гг.: опыт просопографии .....	61
<i>Иванов В.А., Щербакова В.Р.</i> Дневник Петра Денисовича Дядюшкина – повествование о движении Сопrotивления на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 гг. ....	69
<i>Хилькевич В.В.</i> Материалы периодической печати как исторический источник о судьбе жертв Холокоста в период оккупации Ростова-на-Дону .....	78
<i>Афанесян К.К.</i> Газета «Армавирская коммуна» как источник изучения советской социальной политики (весна 1944 г.) .....	84
<i>Мусагалиева А.С.</i> Некоторые проблемы казахстанской историографии Великой Отечественной войны .....	92
<i>Татаров А.А.</i> Эвакуационные мероприятия на Северном Кавказе в оборонительный период битвы за Кавказ: историографический аспект .....	97
<i>Печалова Л.В.</i> Промысловая кооперация Северного Кавказа и Дона в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): историография проблемы ..	102
<i>Юрина Т.И.</i> Взгляд «с той стороны»: немецкие авторы о некоторых аспектах Новороссийского противостояния 1942–1943 гг. ....	108

<i>Жеребцов И.Л.</i> Десант немецких диверсантов в Коми АССР 1943 г. в художественной, научной литературе и документах . . . . .	116
<i>Маслова Т.Ф.</i> Война как повседневность социализации детства (не) «молчаливого поколения» (к вопросу об актуальности биографического метода) . . . . .	125
<b>Раздел 2. Боевые действия на юге СССР в 1941–1943 гг.</b> . . . . .	132
<i>Шишкианов Н.В.</i> Ростовский стрелковый полк народного ополчения в боях за Ростов-на-Дону в 1941 г. (по материалам Центра документации Новейшей истории Ростовской области) . . . . .	132
<i>Серзетдинов Б.У.</i> Участие 6-й дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции (2–13 октября 1941 г.): повседневность в условиях окружения . . . . .	139
<i>Шакиев М.Н., Садыков Т.С.</i> Участие казахского воина Кемеля Токаева в Сталинградском сражении . . . . .	149
<i>Макарова Е.А.</i> Полтавская разведшкола абвера: качество и источники комплектования агентурных кадров . . . . .	157
<i>Бережанская И.Ю.</i> Советская военная контрразведка в дни битвы за Сталинград (июль 1942 г. – февраль 1943 г.) . . . . .	165
<i>Афанасенко В.И.</i> 39-й гвардейский корпусной артиллерийский полк в обороне Ростова-на-Дону 22–23 июля 1942 г. . . . .	173
<i>Линец А.С., Линец С.И.</i> Планирование и реализация военных операций Красной армии против вермахта в ходе битвы за Кавказ в 1942–1943 гг. . . . .	183
<i>Киндяков С.А.</i> Организация и проведение операции по эвакуации химических авиабомб летом – осенью 1942 г. на Туапсинском направлении . . . . .	189
<i>Киселев И.В.</i> Людские потери в битве за Кавказ 1942–1943 гг.: опыт статистического исследования . . . . .	193
<i>Очиров У.Б.</i> Полковник Василий Хомутников – герой битвы за Кавказ. . . . .	199
<i>Дронов В.А.</i> Клещи для Гота и Константину . . . . .	208
<i>Санин Д.Н.</i> 13-й гвардейский стрелковый полк в боях за Маныч в январе 1943 г. . . . .	216
<i>Медведев М.В.</i> Сражение 126-й стрелковой дивизии на Миус-фронте в феврале 1943 г. . . . .	220
<i>Синицын Ф.Л.</i> 1-я югославская бригада в СССР: формирование, комплектование, боевой путь (1943–1945) . . . . .	225
<i>Приходько С.А.</i> Степан Яковлевич Рожков: путь от крестьянина до заместителя командующего фронтом (к 100-летию со дня рождения героя) . . . . .	232
<i>Градобоев В.А.</i> Герой донского неба Виктор Попов . . . . .	236
<i>Сак К.В.</i> «Я хочу бороться за Россию, против немцев, – вот единственный мотив моего перехода на сторону Красной армии»: князь Н.М. Гагарин на Восточном фронте . . . . .	240
<i>Меликов И.В.</i> «Война, какой она была»: боевой и литературный путь писателя-фронтовика Петра Алексеевича Михина . . . . .	249

<b>Раздел 3. Нацистская оккупация и сопротивление захватчикам в годы Великой Отечественной войны</b> . . . . .	256
<i>Кринко Е.Ф.</i> Сопротивление оккупантам в годы Великой Отечественной войны: основные направления и проблемы изучения . . . . .	256
<i>Хатуев И.З.</i> Попытки использования нацистской Германией исламского фактора во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. . . . .	265
<i>Ломагин Н.А.</i> Особенности оккупационной политики Германии на территории Ленинградской области в 1941–1942 гг. . . . .	269
<i>Венков В.А.</i> Отношение населения на оккупированной территории Ростовской области к казакам вермахта (по архивным документам и воспоминаниям очевидцев) . . . . .	280
<i>Мерзляков М.П.</i> Оккупационная пропаганда в коллаборационистской прессе на Нижнем Дону в 1942–1943 гг. (по материалам газеты «Новочеркасский вестник») . . . . .	286
<i>Карташев И.В.</i> К вопросу о подготовке высших медицинских кадров на оккупированной нацистской Германией территории РСФСР . . . . .	291
<i>Красноженова Е.Е.</i> Нацизм против детства: 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской области) . . . . .	301
<i>Вычеров Д.А.</i> О заболеваемости советских детей и подростков в период оккупации Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны . . .	305
<i>Воронин К.В.</i> Нацистские преступления против мирных граждан на территории Сальского района Ростовской области . . . . .	309
<i>Мартыненко Вер. Ю.</i> Уничтожение еврейского населения в период оккупации в г. Шахты Ростовской области . . . . .	318
<i>Шпрингер О.А.</i> Шесть шталагов Донбасса . . . . .	323
<i>Садыхов Т.С., Мусабалина Г.Т.</i> Участие женщин Казахстана в партизанском движении Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) . . .	329
<i>Мухаметов П.А.</i> Башкиры в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны . . . . .	337
<i>Дуля М.В.</i> Партизанский отряд «Гроза» Семикаракорского района Ростовской области . . . . .	341
<i>Сивков С.М.</i> Партизанское движение в Краснодарском крае в 1942–1943 гг. . . . .	349
<i>Тюменцев И.О.</i> Нефтегорское соединение (куст) партизанских отрядов Кубани: личный состав и его трансформация . . . . .	356
<i>Терушкин Л.А.</i> Спасение евреев жителями Юга России в 1942–1943 гг. как форма сопротивления оккупационному режиму . . . . .	366
<i>Бесолов В.Б.</i> Судьба подпольщицы Великой Отечественной войны осетинки Серафимы Кудзиевны Мадзаевой (1888–1942 гг.) . . . . .	375
<i>Аверьянов А.В.</i> Судебный процесс о признании геноцидом нацистских преступлений на территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны . . . . .	380



<b>Раздел 4. Власть, общество, экономика и культура в годы Великой Отечественной войны.</b> . . . . .	388
<i>Сперанский А.В.</i> Единство фронта и тыла: опыт Великой Отечественной войны и реалии современности . . . . .	388
<i>Попов А.Ю.</i> О направлениях деятельности органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны . . . . .	395
<i>Мельников Н.Н.</i> Роль промышленного потенциала южных регионов СССР в развитии советского танкостроения (1940–1942 гг.) . . . . .	403
<i>Эльбиздукаева Т.У.</i> Роль Грозненского городского комитета обороны в укреплении тыла и защите г. Грозного (1941–1942 гг.) . . . . .	412
<i>Лысенко И.А.</i> Участие потребительской кооперации в формировании и использовании государственных мобилизационных резервов в период Сталинградской битвы . . . . .	419
<i>Султанбеков Р.М.</i> Вклад трудящихся городов и районов Дагестанской АССР в Фонд обороны страны: строительство танковых колонн, бронепоездов, эскадрильи боевых самолетов в 1941–1944 гг. . . . .	426
<i>Сидоров С.Г.</i> Помощь семьям военнослужащих Красноармейского района Сталинградской области в 1941–1945 гг. . . . .	432
<i>Судацков Н.Д.</i> Эвакуированные на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) . . . . .	442
<i>Медвенский Н.И.</i> Из эпизодов битвы за Кавказ: «испанские дети» на перевалах Главного Кавказского хребта. . . . .	448
<i>Мартыненко Вик. Ю.</i> Шахтинские дети в первый год войны (по материалам газеты «Красный шахтер») . . . . .	455
<i>Боголюбов А.А.</i> Стратегии выживания гражданского населения г. Пятигорска в условиях военного времени. . . . .	463
<i>Чернышева Н.В.</i> Переселение жителей Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны: основные направления, виды и масштабы . . . . .	470
<i>Епифанов А.Е.</i> Из истории организации и деятельности фронтовых приемно-пересыльных лагерей НКВД СССР для военнопленных вермахта в период Сталинградской битвы . . . . .	475
<i>Ремиевский К.И.</i> Белорусская кинохроника июля 1941 г. на международном экране . . . . .	483
<i>Жбанникова М.И.</i> Концертная деятельность ансамблей песни и пляски на территории Ростовской области в период Великой Отечественной войны на страницах местной печати. . . . .	494
<i>Шакиева А.С.</i> Вклад советских ученых в изучение истории Казахстана в годы Великой Отечественной войны . . . . .	501
<i>Гоманенко О.А.</i> Восстановление культурной жизни Сталинграда в условиях военного времени. . . . .	504

<b>Раздел 5. Великая Отечественная война в пространстве памяти и культуре Юга России.</b> . . . . .	508
<i>Аникин Д.А.</i> Мемориализация Великой Отечественной войны в религиозном дискурсе: основные тенденции и региональная специфика . . .	508
<i>Тимофеева Н.П.</i> Память о погибших в нацистской Германии соотечественниках в политике стран антигитлеровской коалиции (1945–1949 гг.) . . . . .	517
<i>Бадугинова М.В.</i> Мемориализация Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в объектах культурного наследия Республики Калмыкии . . . . .	523
<i>Плиева М.Г.</i> Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне в монументах Северной и Южной Осетии . . . . .	532
<i>Лысенко Ю.М.</i> «О героях былых времен»: сохранение памяти и проблемы статистики (на примере Республики Дагестан) . . . . .	541
<i>Карташев А.В.</i> Крылья, потерянные в небе Ставрополя в битве за Кавказ: вопросы мемориализации. . . . .	547
<i>Броварь А.В., Татаринов И.Е.</i> Особенности мемориализации героев Великой Отечественной войны – уроженцев Донбасса: Герой Советского Союза Ткаченко Иван Филиппович . . . . .	554
<i>Рахимов Р.Н.</i> Мемориализация Героя Российской Федерации генерал-майора М. Шаймуратова: от региональной практики к общенациональному проекту. . . . .	561
<i>Намуева Л.В.</i> Эрдни Деликов: коммеморативные практики в Калмыкии к 100-летию Героя Советского Союза. . . . .	571
<i>Гриценко Г.Д.</i> Великая Отечественная война в пространстве научного дискурса северокавказского сообщества: память поколений . . . . .	578
<i>Горюшина Е.М., Осмаев А.Б.</i> Депортация чеченцев и ингушей 1944 г.: изменения в политике памяти в Чеченской Республике. . . . .	585
<i>Петров В.Н.</i> Историческая память студенческой молодежи о Великой Отечественной войне: методика, анализ и результаты социологического исследования . . . . .	588
<i>Хамзатова З.Р., Янадамов А.М., Сардалов И.А.</i> Поисковая работа в Чеченской Республике как форма патриотического воспитания молодежи . . . . .	594
<i>Кудряков А.Ю.</i> Документальный фильм «День Памяти» как пример историко-культурного исследования. . . . .	599
<i>Тищенко А.С.</i> Тема войны в романе А.В. Калинина «Цыган» . . . . .	602
<b>Сведения об авторах.</b> . . . . .	608

# Table of contents

<b>Foreword (Academician RAS Matishov, G.G.)</b> .....	5
<b>Chapter 1. Relevant problems of historiography, new approaches to and sources for the study of the Great Patriotic War</b> .....	8
<i>Khristoforov, V.S.</i> Soviet intelligence service during the Battle of Stalingrad (July 1942 – February 1943): new documents and materials. ....	8
<i>Bezugol'nyi, A. Yu.</i> Study and publication of documentary materials on the history of the Great Patriotic War by the Commission named after Academician I.I. Mints from the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences .....	16
<i>Aristov, S.V.</i> Arolsen Archives and their possibilities for the study of the history of Nazi concentration camps .....	21
<i>Khubulova, S.A., Kudzieva, S.O.</i> On the issue of information possibilities of using the Book of Memory of North Ossetia – Alania. ....	29
<i>Vorob'yova, V.N.</i> Assessment of the mobilization resource of the Kalmyk ASSR according to the All-Union Census of 1939. ....	37
<i>Milyutin, A.A.</i> Analysis of the report on the interrogation of the captured Colonel P.S. Kozlov, Commander of the 17 <sup>th</sup> Infantry Division .....	45
<i>Korovin, V.V.</i> Reflection of experience and practices of the sanitary service to the participants of the Battle of Kursk in the materials of the Archive of Military Medical Documents. ....	52
<i>Bushuev, A.S.</i> Natives of the southern regions of the RSFSR as part of the combat losses of the Red Army during the liberation of Poland in 1944–1945: the experience and practices of prosopography .....	61
<i>Ivanov, V.A., Shcherbakova, V.A.</i> Diary of Pyotr Denisovich Dyadyushkin as a story about the resistance movement on the territory of the occupied Crimea in 1941–1944 .....	69
<i>Khilkevich, V.V.</i> Materials of the periodical press as a historical source on the fate of the victims of the Holocaust during the occupation of Rostov-on-Don .....	78
<i>Afanasyan, K.K.</i> Armavirskaya Kommuna (Commune of Armavir) Newspaper as a source for the study of the Soviet social policy (spring 1944) .....	84
<i>Musagalieva, A.S.</i> Some problems of Kazakhstan historiography of the Great Patriotic War. ....	92
<i>Tatarov, A.A.</i> Evacuation measures in the Northern Caucasus during the defensive period of the Battle for the Caucasus: a historiographical aspect .....	97
<i>Pechalova, L.V.</i> Producers' cooperatives (artels) of the Northern Caucasus and the Don Region during the Great Patriotic War (1941–1945): the historiography of the problem. ....	102

<i>Yurina, T.I.</i> View 'from the other side': German authors about some aspects of Novorossiysk confrontation in 1942–1943 . . . . .	108
<i>Zherebtsov, I.L.</i> Landing of German diversionists and saboteurs in the Komi ASSR in 1943 in literature, scientific publications, and documents . . . . .	116
<i>Maslova, T.F.</i> War as everyday life of childhood socialization of the (non-) 'silent generation' (to the relevance of the biographical method) . . . . .	125
<b>Chapter 2. Hostilities in the South of the USSR in 1941–1943.</b> . . . .	132
<i>Shishkanov, N.V.</i> Rostov Rifle Regiment of the People's Militia in the battles for Rostov-on-Don in 1941 (based on materials of the Centre for Documentation of Contemporary History of Rostov Region) . . . . .	132
<i>Serazetdinov, B.U.</i> Participation of the 6 <sup>th</sup> Division of militia in the Vyazma Defensive Operation (2–13 October 1941): everyday life in a situation of encirclement . . . . .	139
<i>Shakiev, M.N., Sadykov, T.S.</i> Participation of the Kazakh soldier, Kemel Tokayev in the Battle of Stalingrad . . . . .	149
<i>Makarova, E.A.</i> Abwehr Reconnaissance and Sabotage School in Poltava: quality and sources of recruitment of agency personnel . . . . .	157
<i>Berezhanskaya, I.Yu.</i> Soviet military counterintelligence service in the days of the Battle of Stalingrad (July 1942 – February 1943) . . . . .	165
<i>Afanasenko, V.I.</i> 39 <sup>th</sup> Guards Corps Artillery Regiment in the defence of Rostov-on-Don on 22–23 July 1942 . . . . .	173
<i>Linets, A.S., Linets, S.I.</i> Planning and implementation of military operations of the Red Army against the Wehrmacht during the Battle for the Caucasus in 1942–1943 . . . . .	183
<i>Kindyakov, S.A.</i> Organization and conduct of chemical air bombs evacuation operation in the summer – autumn of 1942 in the area of Tuapse . . . . .	189
<i>Kiselev, I.V.</i> Human losses in the Battle for the Caucasus of 1942–1943: experience of statistical research . . . . .	193
<i>Ochirov, U.B.</i> Colonel Vasily Khomutnikov – the hero of the Battle for the Caucasus . . . . .	199
<i>Dronov, V.A.</i> Pincer movements for Hoth and Constantinescu-Claps . . . . .	208
<i>Sanin, D.N.</i> 13 <sup>th</sup> Guards Rifle Regiment in the battles for Manych in January 1943 . . . . .	216
<i>Medvedev, M.V.</i> The battle of the 126 <sup>th</sup> Infantry Division on the Mius Front in February 194 . . . . .	220
<i>Sinitsyn, F.L.</i> 1 <sup>st</sup> Yugoslavian Brigade in the USSR: formation, manning, combat path (1943–1945) . . . . .	225
<i>Prikhod'ko, S.A.</i> Stepan Yakovlevich Rozhkov: the path from a peasant to the post of Deputy Front Commander (on the 100 <sup>th</sup> anniversary of the birth of the hero) . . . . .	232
<i>Gradoboev, V.A.</i> Victor Popov, Hero of the Don skies . . . . .	236
<i>Sak, K.V.</i> 'I want to fight for Russia, against the Germans – this is the only motive for my defection to the Red Army': Prince N.M. Gagarin on the Eastern Front . . . . .	240
<i>Melikov, I.V.</i> 'War as it was': combat and literary path of the front-line writer Pyotr Alekseevich Mikhin. . . . .	249

<b>Chapter 3. Nazi occupation and resistance to the invaders during the Great Patriotic War</b> .....	256
<i>Krinko, E.F.</i> Resistance to the invaders during the Great Patriotic War: main directions and problems of study .....	256
<i>Khatuev, I.Z.</i> Attempts of using the 'Islamic factor' by Nazi Germany during the Great Patriotic War of 1941–1945. ....	265
<i>Lomagin, N.A.</i> Specific features of German occupation policy on the territory of Leningrad Region in 1941–1942 .....	269
<i>Venkov, V.A.</i> Attitude of population of the occupied territory of Rostov Region to the Wehrmacht Cossacks (according to the archival documents and memories of eyewitnesses) .....	280
<i>Merzlyakov, M.P.</i> Occupation propaganda in the collaborationist press in the Lower Don Region in 1942–1943 (based on materials of the Novochoerkassk Vestnik (Novochoerkassk Bulletin) Newspaper) .....	286
<i>Kartashev, I.V.</i> On the training of higher medical personnel on the RSFSR territory occupied by Nazi Germany .....	291
<i>Krasnozhenova, E.E.</i> Nazism against childhood: 1941–1944 (based on the materials of Leningrad Region) .....	301
<i>Vycherov, D.A.</i> On the morbidity of the Soviet children and adolescents during the occupation of the North-West of Russia during the Great Patriotic War .....	305
<i>Voronin, K.V.</i> Nazi crimes against the civilians on the territory of Salsk District of Rostov Region .....	309
<i>Martynenko, Ver. Yu.</i> Annihilation of the Jewish population during the occupation in the town of Shakhty, Rostov Region .....	318
<i>Springer, O.A.</i> Six Stalags of the Donbass .....	323
<i>Sadykov, T.S., Musabalina, G.T.</i> Participation of the women of Kazakhstan in the partisan movement of Belarus during the Great Patriotic War (1941–1944) ..	329
<i>Mukhametov, P.A.</i> Bashkirs in the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War .....	337
<i>Dulya, M.V.</i> Partisan detachment 'Groza (Thunderstorm)' of Semikarakorsk District of Rostov Region .....	341
<i>Sivkov, S.M.</i> Partisan movement in the Krasnodar Territory in 1942–1943 .....	349
<i>Tyumentsev, I.O.</i> Neftegorsk unit (cluster) of partisan detachments of the Kuban: personnel and its transformation .....	356
<i>Terushkin, L.A.</i> Rescue of the Jews by the residents of the South of Russia in 1942–1943 as a form of resistance to the occupation regime .....	366
<i>Besolov, V.B.</i> Destiny of the Great Patriotic War underground movement member, Ossetian girl Serafima Kudzievna Madzaeva (1888–1942) .....	375
<i>Aver'yanov, A.V.</i> Trial on the recognition of the Nazi crimes on the territory of Rostov Region during the Great Patriotic War as the genocide .....	380

<b>Chapter 4. Power, society, economy, and culture during the Great Patriotic War</b> . . . . .	388
<i>Speransky, A.V.</i> Unity of the front and rear: the experience and practices of the Great Patriotic War and the realities of our time . . . . .	388
<i>Popov, A.Yu.</i> On the directions of activity of the state security bodies of the USSR during the Great Patriotic War . . . . .	395
<i>Melnikov, N.N.</i> Role of the industrial potential of the southern regions of the USSR in the development of the Soviet tank engineering (1940–1942) . . . . .	403
<i>Elbuzdukaeva, T.U.</i> Role of the Grozny City Defence Committee in strengthening the rear and protecting the city of Grozny (1941–1942) . . . . .	412
<i>Lysenko, I.A.</i> Participation of producers' cooperatives (artels) in forming and using the state mobilization reserves during the Battle of Stalingrad . . . . .	419
<i>Sultanbekov, R.M.</i> Contribution of the working people of cities and regions of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic to the National Defence Fund: the construction of tank columns, armoured trains, a squadron of combat aircrafts in 1941–1944 . . . . .	426
<i>Sidorov, S.G.</i> Assistance to the families of military servicemen of Krasnoarmeisk District of Stalingrad Region in 1941–1945 . . . . .	432
<i>Sudavtsov, N.D.</i> Evacuated to the Stavropol Territory during the Great Patriotic War (1941–1945) . . . . .	442
<i>Medvensky, N.A.</i> From episodes of the Battle for the Caucasus: 'Spanish children' on the passes of the Main Caucasian Range . . . . .	448
<i>Martynenko, Vik.Yu.</i> Children from the town of Shakhty in the first year of the war (based on the materials of the Krasnyi Shakhtyor (Red Miner) Newspaper) . . . . .	455
<i>Bogolyubov, A.A.</i> Survival strategies of the civil population of Pyatigorsk under the wartime conditions . . . . .	463
<i>Chernysheva, N.V.</i> Resettlement of residents of the Volga-Vyatka Region during the Great Patriotic War: main directions, types, and scales . . . . .	470
<i>Epifanov, A.E.</i> From the history of the organization and activities of the front-line reception and transit camps of the People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR for the Wehrmacht prisoners of war during the Battle of Stalingrad . . . . .	475
<i>Remishevsky, K.I.</i> Belarusian newsreel of July 1941 on the international screen . . . . .	483
<i>Zhbannikova, M.I.</i> Concert activity of song and dance ensembles on the territory of Rostov Region during the Great Patriotic War in the local press . . . . .	494
<i>Shakieva, A.S.</i> Contribution of the Soviet scientists to the study of history of Kazakhstan during the Great Patriotic War . . . . .	501
<i>Gomanenko, O.A.</i> Restoration of the cultural life of Stalingrad under the wartime conditions . . . . .	504

<b>Chapter 5. Great Patriotic War in the space of memory and culture of the South of Russia</b> .....	508
<i>Anikin, D.A.</i> Memorialization of the Great Patriotic War in religious discourse: main trends and specific regional features .....	508
<i>Timofeeva, N.P.</i> Memory of compatriots perished in Nazi Germany in the policy of the countries of the anti-Hitler coalition (1945–1949) .....	517
<i>Baduginova, M.V.</i> Memorialization of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the cultural heritage objects of the Republic of Kalmykia .....	523
<i>Plieva, M.G.</i> Preservation of the historical memory of the Great Patriotic War in the monuments of North and South Ossetia .....	532
<i>Lysenko, Yu.M.</i> ‘About the heroes of the bygone times’: the preservation of memory and problems of statistics (the case of the Republic of Dagestan) .....	541
<i>Kartashev, A.V.</i> Wings lost in the skies over Stavropol Region during the Battle for the Caucasus: issues of memorialization .....	547
<i>Brovar’, A.V., Tatarinov, I.E.</i> Specific features of memorialization of the heroes of the Great Patriotic War – natives of the Donbass: Ivan Filippovich Tkachenko, Hero of the Soviet Union .....	554
<i>Rakhimov, R.N.</i> Memorialization of the memory of the Hero of the Russian Federation, Major-General M. Shaimuratov: from a regional practice to a federal project .....	561
<i>Namrueva, L.V.</i> Erdni Delikov: commemorative practices in Kalmykia to the 100 <sup>th</sup> anniversary of the Hero of the Soviet Union .....	571
<i>Gritsenko, G.D.</i> Great Patriotic War in the space of scientific discourse of the Northern Caucasus community: the memory of generations .....	578
<i>Goryushina, E.M., Osmaev, A.B.</i> Deportation of the Chechens and the Ingush in 1944: changes in the policy of memory in the Chechen Republic .....	585
<i>Petrov, V.N.</i> Historical memory of the student youth about the Great Patriotic War: methods, analysis, and results of sociological research .....	588
<i>Khamzatova, Z.R., Yanadamov, A.M., Sardalov, I.A.</i> Search work in the Chechen Republic as a form of patriotic education of the youth .....	594
<i>Kudryakov, A.Yu.</i> Documentary film, The Day of Memory, as an example of historical and cultural research .....	599
<i>Tishchenko, A.S.</i> Theme of war in A.V. Kalinin’s novel, The Gypsy .....	602
<b>Information about the authors</b> .....	608

*Научное издание*

**Великая Отечественная война  
в истории и памяти народов Юга России:  
события, участники, символы**

Материалы IV Всероссийской научной конференции  
с международным участием,  
посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса  
(г. Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г.)

*Корректурa* А.С. Бабаева  
*Оригинал-макет* Л.В. Безбородова  
*Редактурa текста на английском языке* Р.Г. Михалюка  
*Обложка* А.В. Коржов

Подписано в печать 21.06.2023  
Формат 60 × 84 1/16. Гарнитура Minion Pro  
Бумага офсетная. Печать офсетная  
Усл. печ. л. 36,27. Тираж 300 экз.  
Заказ № 269

Издательство ЮНЦ РАН  
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41  
Тел.: (863) 250-98-21

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»  
344064, г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55  
Тел.: 8 (958) 544-59-27, 8 (863) 219-84-25  
E-mail: oooaltair\_office@mail.ru  
www.altair-rostov.ru